

О. М. Медушевская

**СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В 4 ТОМАХ**

**Том 4
Научно-педагогическая школа**

Под общей редакцией А. Н. Медушевского

**Москва
Берлин
2017**

УДК 1(09)
ББК 87.3
М 42

Медушевская О. М.

М42 Собрание сочинений в 4 т. Т. 4. Научно-педагогическая школа / О. М. Медушевская ; под общ. ред. А. Н. Медушевского. – М. ; Берлин: Директ-Медиа, 2017. – 665 с.

ISBN 978-5-4475-9242-4

Предметом четвертого тома собрания сочинений О. М. Медушевской является ее научно-педагогическая школа. Здесь представлены работы, отражающие вклад теории когнитивной истории в переориентацию гуманитарного образования и, в частности, основ исторического и источниковедческого научно-педагогического направления. Публикуется ряд научных и научно-методических работ, раскрывающих основы методологии истории, место источниковедения в системе гуманитарного образования, его взаимоотношения с юриспруденцией, архивоведением, документоведением и всем циклом вспомогательных исторических дисциплин. В том вошли работы О. М. Медушевской о становлении новой концепции университетского преподавания, формировании и развитии российской школы источниковедения, в частности – о ее учителях и выдающихся ученых XX столетия. Особый блок публикуемых материалов – программы учебных курсов по методологии истории, источниковедению (советской, российской и зарубежной истории), исторической антропологии и историко-антропологических исследований («вещь в культуре»). Завершает том ряд воспоминаний известных ученых об О. М. Медушевской и аналитических статей о ее идеях. Впервые публикуется сводный список научных трудов О. М. Медушевской, диссертаций, защищенных под ее руководством, а также трудов о ней и ее деятельности.

УДК 1(09)
ББК 87.3

ISBN 978-5-4475-9242-4

© Медушевский А. Н., текст, 2017
© Издательство «Директ-Медиа», оформление, 2017

ТЕОРИЯ О. М. МЕДУШЕВСКОЙ И СМЕНА ПАРАДИГМ В СОВРЕМЕННОМ ГУМАНИТАРНОМ ПОЗНАНИИ, ОБРАЗОВАНИИ И ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ¹

Когнитивно-информационная теория, становление которой началось во второй половине XX в., сыграла ключевую роль в современном познании, позволив преодолеть односторонность традиционных неокантианских и позитивистских схем. Она обозначает обе стороны ситуации познания – его объект (вещи), и познающий субъект, раскрывая логику выведения их системных информационных связей через анализ когнитивной устремленности индивида к смыслу. Решающий элемент этой трансформации есть идея «интеллектуального продукта» – исторического источника как материального явления и доказательства целенаправленной человеческой деятельности в истории. В данной статье суммируем общий вклад теории О. М. Медушевской в формирование научной картины мира, ее место в современной историографии, основные этапы развития, вклад в теорию исторического познания, и разработку его методов, значение в гуманитарном образовании и реформировании программы научно-педагогической деятельности.

¹ В основу публикации положены издания: 1) *Медушевский А. Н.* Теория когнитивной истории и формирование научной картины мира // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып.44. – М.: ИВИ РАН, 2013. С. 16–25; 2) *Медушевский А. Н.* Ольга Михайловна Медушевская: вехи научной биографии // Отечественные архивы, 2013. № 1. С. 11–20; 3) *Медушевский А. Н.* Теория О. М. Медушевской и смена парадигм в современном гуманитарном познании // Вспомогательные исторические дисциплины и источниковедение: современные исследования и перспективы развития: Материалы XXVII Международной научной конференции. Москва 9–11 апреля 2015. – М.: РГГУ, 2015. С.64–69.

1. Когнитивная теория истории и формирование научной картины мира

Теория когнитивной истории и система ее понятий представлена в трудах выдающегося российского ученого – профессора Ольги Михайловны Медушевской (6 октября 1922 – 9 декабря 2007), автора классических трудов по теории и методологии истории, создателя школы теоретического источниковедения, первого заслуженного профессора Российского государственного гуманитарного университета (до 1991 г – Московский государственный историко-архивный институт). Основы теории представлены в трех сводных изданиях трудов ученого: «Теория и методология когнитивной истории» (М., 2008)²; «Теория исторического познания» (СПб., 2010)³; «Пространство и время в науках о человеке» (М., 2013)⁴. Речь идет о появлении наукоучения, способного стать полноценным ориентиром для всех гуманитарных дисциплин⁵, а главное – обеспечить доказательные критерии проверки достоверности получаемого знания, превратив историю в строгую и точную науку⁶.

Современные обращения к данному кругу идей подчеркивают их важность для методологической переориентации философии истории и историографии⁷. Это направление выдвигает

² Медушевская О. М. Теория и методология когнитивной истории. – М.: РГГУ, 2008.

³ Медушевская О. М. Теория исторического познания: избранные произведения. – СПб.: Университетская книга, 2010 (Серия – «Российские пропилеи»).

⁴ Медушевская О. М. Пространство и время в науках о человеке: Избранные труды. – М.–СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2013 (Серия – Humanitas).

⁵ См.: Круглый стол по книге О. М. Медушевской «Теория и методология когнитивной истории» // Российская история. 2010. № 1.

⁶ Когнитивная история. Концепция – Методы – Исследовательские практики. Чтения памяти профессора Ольги Михайловны Медушевской. – М.: РГГУ, 2011.

⁷ См.: Круглый стол: «Знание о прошлом в современной культуре» // Вопросы философии. 2011. № 8.

на первый план когнитивные науки и теорию информации для разработки эвристического подхода в гуманитарных науках, обеспечивающего возможность сконструировать «мост» между гуманитарными и естественными науками с их методами верификации научных знаний⁸.

Концепция когнитивной истории видит решение проблемы гуманитарного познания в изучении целенаправленного человеческого поведения, которое, развиваясь в эмпирической реальности, неизбежно сопровождается фиксацией результатов исследования, созданием интеллектуальных продуктов. Эти последние и становятся отправной точкой доказательного исторического познания и конструирования образа прошлого, возможного на основе методов классического источниковедения. На этой основе строится новая концепция гуманитарного образования и педагогической деятельности.

2. Теория когнитивной истории как новая парадигма современной российской историографии

Теория когнитивной истории О. М. Медушевской стала поворотной точкой в постсоветских дебатах по философии и методологии истории, ознаменовав переход к новой научной парадигме. Подведем итоги изучения теории когнитивной истории за последние 10 лет (2007–2017 гг.).

Историография осмыслила общий вывод О. М. Медушевской о смене парадигм в современной исторической науке – переходе от нарративистских (традиционных описательных и наивно-герменевтических) подходов к теории когнитивной

⁸ Подробнее основные положения теории представлены в наших публикациях: *Медушевский А. Н.* Когнитивно-информационная теория как новая философская парадигма гуманитарного познания // Вопросы философии. 2009. № 10; *Ои же:* Когнитивно-информационная теория в современном гуманитарном познании // Российская история. 2009. № 4; *Ои же:* Когнитивно-информационная теория в философии, истории и антропологии // Человек: образ и сущность. Когнитология и гуманитарное знание. – М., 2010; *Ои же:* Когнитивная теория права и юридическое конструирование реальности // Сравнительное конституционное обозрение. 2011. № 5 (84).

истории⁹. В обобщающих трудах констатировалось: теория О. М. Медушевской представляет собой новое «фундаментальное научно-педагогическое направление в теории познания прошлого» (С. О. Шмидт), «философское осмысление гуманитарных наук», определяющее перспективы «развития гуманитаристики как целостного явления» (Н. И. Басовская), подчеркивалось восстановление «системности исторического знания» как основы преемственности традиций научного сообщества и сохранения им «профессиональной идентичности в современном социокультурном пространстве» (В. В. Высокова), был показан «провидческий» характер идей О. М. Медушевской о месте культуры и исторического познания в эпоху глобализации (Т. И. Горяева), представленный в ее теории междисциплинарный синтез, охватывающий философию истории, науковедение, источниковедение¹⁰.

Получил поддержку принципиальный вывод О. М. Медушевской о единстве методов научного познания (без разрыва естественно-научной и гуманитарной составляющих), позволяющий говорить об истории как строгой и точной науке¹¹. Данный вывод был оценен специалистами как «новая апология истории»¹² – радикальный пересмотр традиционных представлений, длительное время господствовавших в западной и советской науке, создание науковедения¹³. Теория и методология когнитивной истории была определена как новая научная пара-

⁹ *Медушевская О. М.* История в общей системе познания: смена парадигм // Единство гуманитарного знания: новый синтез. – М.: РГГУ, 2007. С. 12–19.

¹⁰ Когнитивная история. Концепция, методы, исследовательские практики. Чтения памяти профессора Ольги Михайловны Медушевской. – М., 2011. С. 37, 83, 56, 146.

¹¹ См.: Круглый стол по книге О. М. Медушевской «Теория и методология когнитивной истории» // Российская история. 2010. № 1. С. 131–166.

¹² *Миринов Б. Н.* Новая апология истории (размышления над книгой О. М. Медушевской) // Общественные науки и современность. 2011. № 1. С. 139–148.

¹³ См. рецензии на книги О. М. Медушевской: *Шелухаев В. В.* // Вопросы истории. 2010. № 12. С. 163–164; *Сабенникова И. В.* // Российская история. 2009. № 2 и 2011. № 1. С. 205–207 и др.

дигма в гуманитарном познании, определяющая его современное развитие. Проведена реконструкция основных понятий когнитивно-информационной теории в их формировании, логической взаимосвязи и влиянии на становление аналитической истории¹⁴.

С этих позиций становится возможным достижение единства методов научного познания; критериев его доказательности и выявления единицы познания – реализованного продукта целенаправленной человеческой деятельности (исторического источника); реконструкция структуры информационного ресурса (структурно-функциональный подход и видовой принцип классификации в источниковедении). Предметом серьезной историографической дискуссии стал вопрос о соотношении традиции и новизны в формировании данной теории. В трудах О. М. Медушевской, – констатирует Н. Н. Алеврас, – представлена общая теория источника, основные этапы ее развития и образ источниковедения в современной науке¹⁵. Одни исследователи (В. А. Муравьев, М. Ф. Румянцева, В. В. Высокова, И. А. Бе-ленький) делают акцент на общую преемственность взглядов О. М. Медушевской по отношению к классической дореволюционной школе (А. С. Лаппо-Данилевского и его ученика А. И. Андреева)¹⁶. Реконструкция этой преемственности – тема

¹⁴ *Медушевский А. Н.* Когнитивно-информационная теория в современном гуманитарном познании // Российская история. 2009. № 4. С. 3–22; *Он же.* Когнитивно-информационная теория как новая философская парадигма гуманитарного познания // Вопросы философии. 2009. № 10. С. 70–92; *Он же.* Ольга Михайловна Медушевская: интеллектуальный портрет // *Медушевская О. М.* Пространство и время в науках о человеке. – М., 2013. С. 7–48; *Он же.* Ольга Михайловна Медушевская: вехи научной биографии // Отечественные архивы. 2013. С. 11–20.

¹⁵ *Алеврас Н. Н.* Теория источника и образ источниковедения в концепции когнитивной истории О. М. Медушевской // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 44. – М.: ИВИ РАН, 2013. С. 79–88.

¹⁶ *Казakov Р. Б., Румянцева М. Ф.* Научное наследие Ольги Михайловны Медушевской // Когнитивная история. Концепция – методы – исследовательские практики. – М., 2011. С. 9–36.

ряда специальных работ¹⁷. Для этой группы исследователей центральным оказывается вопрос об интерпретации феноменологической парадигмы в целом и месте в ней учения О. М. Медушевской об источнике, источниковедении и его задачах¹⁸.

Другие исследователи (С. О. Шмидт, Б. С. Илизаров, В. В. Шелохаев, В. М. Магидов) делают акцент на качественно отличном философском характере данной парадигмы, связанном прежде всего с новыми сравнительно-антропологическими, структурными и информационными подходами¹⁹. Это позволило говорить об О. М. Медушевской именно как о «создателе фундаментального научно-педагогического направления», «исследователе по призванию и педагоге-просветителе», стоящем в ряду «самых выдающихся историков последних десятилетий», в целом – ключевой фигуре в развитии отечественной методологии истории (С. О. Шмидт)²⁰.

Третья группа исследователей подчеркивает, что данная концепция представляет синтез дореволюционной, советской и постсоветской науки. «Именно это, – по словам А. А. Чернобаева, – позволило в новых условиях развития России в начале

¹⁷ *Высокова В. В.* Отечественное источниковедение: О. М. Медушевская // Россия и мир: панорама исторического развития. – Екатеринбург, 2008. С. 410–420; *Она же.* «Чтобы свеча не угасла»: о преемственности в исторической науке // Когнитивная история. Концепция – методы – исследовательские практики. – М.: РГГУ, 2011. С. 128–151.

¹⁸ *Румянцева М. Ф.* Феноменологическая концепция источниковедения в интерпретации Ольги Михайловны Медушевской // Вестник РГГУ. 2009. № 4 (Ч. 1); 2010, № 7 (Ч. 2).

¹⁹ Презентация в ИНИОН РАН книги О. М. Медушевской «Теория исторического познания: избранные произведения» // Вестник архивиста. 2010. № 4.; Также: Пресс-реализ дебатов 30 января 2013 г. в Английском клубе – Дискуссионной площадке Государственного Музея Современной Истории России (по книге О. М. Медушевской – «Пространство и время в науках о человеке»). <http://www.sovr.ru/press/2014/01/26/medushevskaya/>

²⁰ *Шмидт С. О.* Ольга Михайловна Медушевская как профессор Историко-Архивного Института // Когнитивная история: концепция – методы – исследовательские практики: Чтения памяти профессора Ольги Михайловны Медушевской: (ст. и материалы). – М.: РГГУ, 2011. С. 37–46.

XXI в. представить обществу глубокие труды О. М. Медушевской по методологии истории, расчищающие дорогу поступательного развития науки, а сама она предстает как символическая фигура, объединяющая три ключевых периода российской историографии XX века»²¹. В этом контексте, однако, принципиален вопрос о вкладе О. М. Медушевской в методологическую ситуацию историографии новейшего периода. Представляется обоснованным тезис о «фундаментальном значении концепции когнитивной истории как новой парадигмы методологии истории, ее поворотной роли в решении актуальных проблем, стоящих перед современным российским научным сообществом гуманитариев», ее принципиальном вкладе в пересмотр методологических основ историографии постсоветского периода и создание новой профессиональной идентичности научного сообщества²².

В настоящее время тезис об инновационном характере теории когнитивной истории получил широкое распространение. Она предстает, как минимум, в качестве альтернативы существующим в историографии нарративным подходам, которую нельзя сбрасывать со счетов, если мы хотим понять состояние постсоветской историографии и преодолеть ее затянувшуюся методологическую инерцию²³. Даже те, кто подвергает «проект» когнитивной истории критике, вынуждены признать, что он оказал определяющее влияние на преодоление ряда устойчивых

²¹ Чернобаев А. А. Преемственность и новаторство российской историографической традиции XX – начала XXI в. Размышления о книге: Медушевская О. М. Пространство и время в науках о человеке: Избранные труды (М. – СПб., 2013) // Клио. Журнал для ученых. 2014. № 5(89). С. 147.

²² Сабенникова И. В. Теория когнитивной истории О. М. Медушевской: точное гуманитарное знание и профессиональный выбор научного сообщества // Вестник РУДН. Серия История России. 2015. № 2. С. 17–27.

²³ Об этих историографических колебаниях см.: Научное сообщество историков России: 20 лет перемен. – М.: АИРО-XXI, 2011; Исторические исследования в России. Пятнадцать лет спустя. – М.: АИРО-XXI, 2011. См. также: Медушевский А. Н. Научное сообщество и его критики: старые обиды, новые разочарования и незавершенный поиск идентичности // Российская история. 2014. № 4. С. 203–208.

установок в историографии новейшего времени, ставя задачу пересмотра и селекции стандартов существующей «экологии идей»²⁴. Но гораздо чаще теория О. М. Медушевской определяется как методологический поворот в современной историографии²⁵. Причем, поворот, охватывающий ряд центральных областей современного гуманитарного познания – от философии истории и программы компаративных исследований до исторической антропологии и конкретных исторических дисциплин. Выдвинута более уверенная позиция, согласно которой данная концепция определяется как «когнитивная революция» в гуманитарном и историческом познании²⁶, представляет собой фундаментальный пересмотр существующих методологических подходов с позиций когнитивизма²⁷. Подчеркивается, что труд О. М. Медушевской имеет фундаментальный характер – решает вопросы о предмете и объекте исторического познания, соотношении истории дописьменных и письменных обществ, смене парадигм в исторической науке с позиций когнитивно-информационного подхода, причем делает это «гораздо основательнее, чем у ее предшественников». Поэтому данный труд – «обречен стать настольной книгой не только для историков, но и для всех гуманитариев»²⁸. Представлен вывод о пересечении

²⁴ *Почов И. Н.* Проект «когнитивной истории»: археология и экология идей (Размышления над очередной публикацией работ О. Медушевской) // Общественные науки и современность. 2015. № 2. С. 84–95.

²⁵ См.: *Лаптева М. П.* Интеллектуальный контекст методологических «поворотов» гуманитарного знания рубежа XX–XXI веков // История и историк в пространстве национальной и мировой культуры XVIII–XXI веков. Сб. ст. – Челябинск, 2011. С. 12–20.

²⁶ *Лукьянов Д. В.* «Когнитивная революция» в современном историческом познании // Будущее нашего прошлого: мат. науч. конф. Москва, 15–16 июня 2011 г. Отв. ред. А. П. Логунов. – М.: РГГУ, 2011. С. 179–193.

²⁷ *Лукьянов Д. В.* Когнитивизм и историческое познание // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. – М.: ИВИ РАН, 2013. Вып. 44. С. 34–43.

²⁸ *Медведев А. П.* О новой книге О. М. Медушевской «Теория и методология когнитивной истории» (М., РГГУ, 2008) // Вестник ВГУ. Серия: История, Политология, Социология. 2012. № 12. С. 168–172.

концептуальных областей когнитивной и интеллектуальной истории²⁹, возможности обоснования с этих позиций новой интеллектуальной истории³⁰, или, в более точной формулировке, аналитической истории³¹. С позиций теории и методологии когнитивной истории разрабатываются современные представления о глобальной и локальной истории, ведется переосмысление предмета и задач таких дисциплин как антропология, историческая география, всего круга вспомогательных исторических дисциплин.

В контексте этой дискуссии особенно важен вклад итогового труда О. М. Медушевской – «Теория и методология когнитивной истории» (2008 г.) и обращения к нему современной историографии. Научному сообществу была представлена цельная философская концепция исторического познания – новое наукоучение, система четких взаимосвязанных понятий, обоснованы методы эмпирической верификации научных выводов. Можно констатировать, что появление этого труда стало переломным историографическим событием – определенным вызовом устоявшимся представлениям о философии истории и методологии исторического познания, сопровождавшимся расколом научного сообщества на сторонников и противников нового учения, а также тех, кто принимали его с известными оговорками. Это произведение, обладавшее качествами «обжигающей новизны», «информационного магнетизма» и понимания «смысла» происходящего в мировой науке (используя терминологию самой когнитивной теории), поставило в тупик

²⁹ Историческое познание и историографическая ситуация на рубеже XX–XXI вв. – М., 2012. С. 167–177.

³⁰ См. ряд позиций в научной дискуссии: Концепция когнитивной истории: интеллектуальные источники, место в структуре современного гуманитарного знания, перспективы развития. «Круглый стол» в РГГУ 13 окт. 2012 г., посвященный 90-летию со дня рождения О. М. Медушевской // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. – М.: ИВИ РАН, 2013. Вып. 44.

³¹ Медушевский А. Н. Аналитическая история // Отечественная история. 2008. № 5. С. 3–18.

тех представителей общественных наук, которые продолжали вращаться в системе представлений традиционного нарративизма, позитивизма, либо, напротив, ставших адептами субъективистских постмодернистских представлений о непознаваемости истории и восприятия ее как своеобразной формы искусства. Что же говорить о той значительной части сообщества, которые не ушли от примитивных схем экономического материализма и механического воспроизводства теории «отражения» в историческом познании? Значительная их часть восприняла появление нового учения едва ли не как личный вызов, вполне обоснованно считая его угрозой своим институциональным позициям и престижу в академической среде. С позиций социологии науки это позволяет объяснить их острую реакцию на появление когнитивной теории истории и начавшиеся дискуссии по этой проблеме³². Фактически это и есть, по Т. Куну, характерный признак появления новой научной парадигмы – перегруппировка научного сообщества по отношению к новой идее. Обращает на себя внимание ряд внешних индикаторов: во-первых, чрезвычайно активное обсуждение этого труда на десятках научных конференций и круглых столов (в разных академических институтах и университетах страны); во-вторых, присутствие в этих спорах крайних позиций (отражающих размежевание путей в научном сообществе); в-третьих, интенсивность рецензирования данного труда и связанных с ним последующих публикаций избранных произведений О. М. Медушевской в научной периодике последнего десятилетия³³.

³² Медушевский А. Н. Мои бои за историю. Как я был главным редактором журнала «Российская история» // Вестник Европы. 2012. № 4. С. 203–208.

³³ Назовем основные выявленные нами рецензии: Сабенникова И. В. // Российская история. 2009. № 2. С. 177–179; Мишиков Н. А. // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. – М.: ИВИ РАН, 2009. Вып. 28. С. 358–366; Румянцева М. Ф. // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2009. № 4. С. 294–299; Шелохаев В. В. // Вопросы истории. 2010, № 12. С. 163–164; Высокова В. В. // *Imagines Mundi*: альманах исследований всеобщей истории XVI–XX вв. № 7. Сер. Интеллектуальная история. Вып. 4. – Екатеринбург, 2010. С. 399–404; Миронов Б. Н. //

В современной литературе раскрыто взаимодействие трех направлений творчества ученого – сравнительный подход, структурализм и антропологический метод. Показано ключевое значение данного подхода в реконструкции парадигмы когнитивной истории по таким параметрам как пространство, время и смысл существования индивида³⁴. На эту сторону дела обращали внимание А. Б. Давидсон, Б. С. Илизаров, А. А. Чернобаев, отмечавшие перспективность предложенной концепции при изучении проблем историографии и источниковедения разных периодов, регионов и стран – от России до Африки и Латинской Америки, включая архаичные культуры прошлого и современности. Центральное место приобрел анализ разработанного О. М. Медушевской антропологического подхода к реконструкции социальной и когнитивной адаптации и человеческой деятельности, фиксируемой в ее интеллектуальных продуктах³⁵. В условиях идеократического советского общества с его культурными девиациями (и знаменитым феноменом «двоемыслия»), данная установка позволяла сохранить уникальные направления в различных областях гуманитарного и естественно-научного знания, способствуя, по словам Н. Плискевич, выживанию «элитного человеческого

Общественные науки и современность. 2011. № 1. С. 139–148; *Сабенникова И. В.* // Российская история. 2011. № 1. С. 205–207; *Лукьянов Д. В.* // Новая и новейшая история. 2011. № 3. С. 240–243; *Медведев А. П.* // Вестник ВГУ. Серия: История, Политология, Социология. 2012. № 12. С. 168–172; *Чернобаев А. А.* // Клио. Журнал для ученых. 2014. № 5 (89); *Плискевич Н.* // «Знамя». 2014. № 9; *Мануильский М. А.* // Человек. 2014, № 5. С. 176; *Мануильский М. А.* // Вестник РАН. 2014. № 12. С. 1140–1141; *Ионов П. Н.* // Общественные науки и современность. 2015. № 2. С. 84–95.

³⁴ Диалог культур: пространство, время и смысл существования в науках о человеке (Презентация книг О. М. Медушевской) // Гуманитарное знание и вызовы времени. – М.–СПб.: Центр гуманитарных инициатив – Университетская книга, 2014. С. 273–281.

³⁵ Подробнее см.: *Сабенникова И. В.* Теория когнитивной истории О. М. Медушевской и антропологический метод в современном гуманитарном познании // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. – М.: ИВИ РАН, 2013. Вып. 44. С. 44–52.

капитала»³⁶. Это позволило говорить о принципиально новом объяснении феномена человека в исследованиях культуры.

Показана очень широкая область междисциплинарного применения теории, охватывающая такие науки как философия, информационные науки, психология, антропология, социология, история, педагогика³⁷. В области собственно исторических исследований продемонстрирован вклад теории в разработку теоретических проблем науковедения, исторической географии, историографии и источниковедения³⁸, общей и локальной истории³⁹. Историография фиксирует те области, где с позиций когнитивной теории удалось добиться точных и верифицируемых выводов. «Приверженность строгим эпистемологическим регулятивам», заложенным в методологии когнитивной истории, – считает М. А. Мануильский, – «безусловно находится в тренде растущего интереса к нашему советскому прошлому, в том числе к нашей интеллектуальной истории»⁴⁰. Не случайно, поэтому, ряд современных исследователей специально обратился к формированию взглядов О. М. Медушевой в этой области⁴¹, оценке ее основополага-

³⁶ *Глискович Н.* «В историческом процессе всего интереснее человек...». О. М. Медушевская. Пространство и время в науках о человеке // «Знамя». 2014. № 9.

³⁷ См. проведенную нами реконструкцию: Когнитивно-информационная теория О. М. Медушевой в социологии истории и антропологии // Социологические исследования. 2010. № 11.

³⁸ *Мишинков Н. А.* «История историка» в концепции когнитивной истории О. М. Медушевой // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 44. – М.: ИВИ РАН, 2013. С. 104–111.

³⁹ *Маловичко С. П., Орлов П. Б.* XI Астаховские чтения // Российская история. 2011. № 3. С. 202–203; *Временич Я. В.* Локальность в системе понятий исторической науки // Российская история. 2011. № 6. С. 166–172 и др.

⁴⁰ *Мануильский М. А.* Рец. на книгу: *Медушевская О. М.* Пространство и время в науках о человеке // Человек. 2014. № 5. С. 176.

⁴¹ *Анатьев В. Г.* О письмах О. М. Медушевой А. И. Андрееву (по материалам ПФА РАН) // Историография источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин: материалы XVII международной конференции. – М., 28–30 января 2010. – М.: РГГУ, 2010. С. 90–101.

ющего вклада в архивоведение и документоведение⁴², истории ее работы в архивах⁴³, специально выявлено ее вклада в историческую географию⁴⁴, картографию⁴⁵, вообще вкладу в развитие различных вспомогательных исторических дисциплин⁴⁶. Отмечается, что все выводы когнитивной теории справедливы как для традиционных видов источников, так и для новых, возникших в эпоху электронных коммуникаций⁴⁷.

В современной историографии показано исключительное место О. М. Медушевской в определении основных направлений современной стратегии гуманитарного познания⁴⁸ – конструировании новых областей знания, подходов в педагогическом процессе и преподавании методологии истории и источниковедения⁴⁹, раскрыто интернациональное значение ее научной школы и вклад в создание РГГУ⁵⁰, формирование новых этических стандартов для гуманитарного сообщества ученых. Подчеркнута

⁴² Хорхордина Т. И. О. М. Медушевская и гуманитарное архивоведение // Когнитивная история. – М., 2011. С. 47–53.

⁴³ Давыдов Б. Б. О работе О. М. Медушевской в читальном зале ЦГВИА СССР // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании. Материалы XXV Международной научной конференции. – М., 31 января – 2 февраля 2013 г. – М.: РГГУ, 2013. Ч. II. С. 286–288.

⁴⁴ Подробнее: Проблемы исторической географии и демографии России. – М.: ИРИ РАН, 2013. Вып. 2.

⁴⁵ Булатов А. Странная история старинных карт России в советские годы // Антиквариат, предметы искусства и коллекционирования. 2012. № 6(97) июнь. С. 42.

⁴⁶ Вспомогательные исторические дисциплины – источниковедение – методология истории в системе гуманитарного знания. Под ред. В. А. Муравьева. Сборник памяти О. М. Медушевской. – М., 2008.

⁴⁷ Сабенникова И. В. Публикация исторических документов в электронном виде: проблемы и решения // Когнитивная история. – М., 2011. С. 68–82.

⁴⁸ Знание о прошлом в современной культуре: Круглый стол // Вопросы философии. 2011. № 8. – С. 3–45. Строгая и точная наука. Беседа с главным редактором журнала «Российская история» // История. 2011. № 16 (ноябрь). С. 32–35.

⁴⁹ Шмидт С. О. Ольга Михайловна Медушевская как профессор Историко-архивного института // Когнитивная история. – М., 2011.

⁵⁰ Казаков Р. Б., Румянцева М. Ф. О. М. Медушевская и формирование российской школы теоретического источниковедения // Российская история. 2009. № 1. С. 141–150.

важность этих идей в работе Историко-архивного института⁵¹, Кафедры источниковедения и созданной на ее основе Высшей школы источниковедения⁵², решении вопросов преемственности научной школы⁵³. Предметом специального внимания стала научная биография ученого в контексте истории науки в целом⁵⁴.

Фундаментальный вклад философии истории О. М. Медушевской и общая гуманистическая направленность ее учения делают его прочным основанием современной российской гуманитарной науки.

3. Этапы развития научных взглядов О. М. Медушевской: от теории источниковедения к когнитивной истории

Научное творчество О. М. Медушевской и ее вклад в науку можно условно подразделить на три этапа⁵⁵. Первый (1950–1960-е гг.) связан с разработкой проблем исторической географии и картографических источников. В 1952 г. она защитила кандидатскую диссертацию на тему: «Русские географические открытия на Тихом океане и в Северной Америке (50-е –

⁵¹ *Плавская Е. В.* Чтения памяти профессора кафедры источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин Ольги Михайловны Медушевской в Историко-Архивном институте // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2009. № 4. С. 311–314.

⁵² *Пчелов Е. В.* Ольга Михайловна Медушевская // Генеалогический вестник. – СПб., 2007, № 31. С. 98–100.

⁵³ *Шустова Ю. Э.* «Учитель-ученик: преемственность научных школ и педагогических традиций»: Круглый стол в Историко-архивном институте РГГУ, посвященный 90-летию со дня рождения проф. О. М. Медушевской // Отечественные архивы. 2012. № 6. С. 121–123.

⁵⁴ Мастера русской историографии: Ольга Михайловна Медушевская // Исторический архив. 2010. № 3. С. 112–127.

⁵⁵ Биография О. М. Медушевской представлена в следующих справочных изданиях: Россия-2000. Современная политическая история, 1985–1999. Т. 2. Лица России. Справочно-энциклопедическое издание. – М., 2000. С. 594; Кто есть кто в РГГУ. – М., 1993 (2000 и др. изд.). С. 161; *Чернобаев А. А.* Историки России. Кто есть Кто в изучении российской истории. Биобиблиографический словарь. – Саратов, 2008. С. 226; Мастера русской историографии: Ольга Михайловна Медушевская // Исторический архив. 2010. № 3. С. 112–127; Историки России. Иконография. – М., 2015. Кн. 3. С. 264–279 и др.

нач. 80-х гг. XVIII в.)»⁵⁶, в 1957 г. опубликовала работу «Картографические источники в XVII–XVIII вв.»⁵⁷, а в 1964 г. – «Атлас географических открытий в Сибири и в Северо-Западной Америке XVII–XVIII вв.»⁵⁸. Эти работы стали классикой российской исторической географии и не утратили научного значения до настоящего времени для историографии и источниковедения⁵⁹. Уже в этот период стала возможной постановка вопроса о переосмыслении методологических основ исторической науки, в частности в рамках цивилизационного подхода⁶⁰.

Второй этап (1970–1980-е гг.) можно определить как «критический»: он связан с разработкой теоретических проблем источниковедения и методологии истории в условиях растущей догматизации исторической науки. В 1975 г. О. М. Медушевская защитила докторскую диссертацию «Теоретические проблемы источниковедения», в которой была выдвинута *новая научная концепция источниковедения как теоретической и методологической основы гуманитарного знания*, позволяющей сделать это знание точным и доказательным⁶¹.

В ходе дискуссии научным сообществом были поддержаны и приняты ключевые положения диссертации О. М. Медушевской, сохраняющие актуальность с позиций современной науки, – *определение теории источниковедения и видового подхода к структуре корпуса исторических источников*. В диссертации теория

⁵⁶ Медушевская О. М. Русские географические открытия на Тихом океане и в Северной Америке (50-е-нач. 80-х гг. XVIII в.). Автореф. канд. дисс. – М., 1952.

⁵⁷ Медушевская О. М. Картографические источники XVII–XVIII вв. – М.: МГИАИ, 1957.

⁵⁸ Атлас географических открытий в Сибири и в Северо-Западной Америке XVII–XVIII вв. – М., 1964.

⁵⁹ Подробнее о вкладе О. М. Медушевской в развитие исторической географии см. вводную статью к третьему тому данного собрания сочинений – «Историческая география и антропология».

⁶⁰ Медушевская О. М. Понятие «цивилизация» и современная историография // Вопросы истории. 1966. № 8.

⁶¹ Об обстоятельствах защиты О. М. Медушевской докторской диссертации и трудностях, связанных с идеологическим контролем данной проблематики в рассматриваемый период развития исторической науки см. вводную статью к первому тому настоящего собрания сочинений.

источниковедения определялась как «такая форма научного мышления, которая позволяет получить зафиксированную в источниках информацию о социальных процессах на уровне “объективной истины”». *«Видом, – пишет О. М. Медушевская, – мы называем такую группу памятников, которая имеет устойчивую общность признаков, возникающих и закрепляющихся в силу общности функций этих памятников в жизни общества»*⁶². Как отмечала сама О. М. Медушевская в заключительном слове по диссертации: «понятие “теоретическое источниковедение” не противопоставляется конкретному в том смысле, что в последнем нет теории. Имеется в виду лишь то, что в первом случае предметом исследования являются вопросы теории (классификация, интерпретация), а не конкретные источники».

В это время выходят ставшие классическими труды О. М. Медушевской: «Теоретические проблемы источниковедения» (1977)⁶³; «Современное зарубежное источниковедение» (1983)⁶⁴; «История источниковедения XIX–XX вв.» (1988)⁶⁵; «Источниковедение: теория, история и метод» (1996)⁶⁶ и др. Определяющим стал ее вклад в разработку концепции и структуры нового коллективного учебника: «Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории» (1998), название и общие установки которого фактически воспроизводят положения ее предшествующей авторской монографии⁶⁷. О. М. Медушевская создала курс источниковедения русской истории, сочетавший глубину теоретического анализа с огромной информационной насыщенностью. Этот курс воспитывал критическое мышление и противостоял всем внешним идеологи-

⁶² Медушевская О. М. Теоретические проблемы источниковедения. Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. – М., 1975 (рукописный текст). С. 383.

⁶³ Медушевская О. М. Теоретические проблемы источниковедения. – М., 1977

⁶⁴ Медушевская О. М. Современное зарубежное источниковедение. – М., 1983.

⁶⁵ Медушевская О. М. История источниковедения XIX–XX вв. – М., 1988.

⁶⁶ Медушевская О. М. Источниковедение: теория, история и метод. – М., 1996.

⁶⁷ Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории / Данилевский И. Н., Кабанов В. В., Медушевская О. М., Румянцев М. Ф. – М.: РГГУ, 1998 (То же: 2000, 2004).

ческим схемам, которые стремилось навязать обществу государство. Поскольку подлинная научная дискуссия по философии и методологии истории в советской исторической науке середины и большей части второй половины XX в. была практически невозможна, внимание лучших научных сил концентрировалось на источниковедении – области знаний, стремившейся формулировать новые научные выводы путем непосредственного обращения к документу или детальной критической интерпретации его текста⁶⁸. На этой основе стало возможным формирование международной научной школы О. М. Медушевской, которая, по сути, стала школой всего Историко-архивного института.

Третий этап творчества О. М. Медушевской (с начала 1990-х гг. до 2007 г.) представляет собой новый научный подход, завершившийся созданием когнитивно-информационной теории и основанной на ней теории и методологии когнитивной истории⁶⁹. В рамках этой теории проанализированы такие проблемы как информационный обмен; соотношение динамической и статической информации; психические параметры коммуникативного процесса и его инструментов; отчуждение информационного ресурса; когнитивные механизмы постижения смысла; фиксация информации и формирование картины мира; понимание и объяснение; значение когнитивной теории для научного сообщества и гуманитарного образования. Эти направления исследований представлены на основании широкого междисциплинарного синтеза и опираются на достижения философии, психологии, социологии, антропологии, структурной лингвистики, истории, исторической географии, источниковедения, документоведения, архивоведения и всего круга вспомогательных исторических дисциплин⁷⁰.

⁶⁸ Медушевская О. М. Источниковедение в России XX в. Научная мысль и социальная реальность // Советская историография. Под общ. ред. Ю. Н. Афанасьева. – М., 1996. С. 42–77.

⁶⁹ Медушевская О. М. Теория и методология когнитивной истории. – М., 2008.

⁷⁰ Медушевская О. М. Когнитивно-информационная теория в социологии истории и антропологии // Социологические исследования. 2010. № 11. С. 63–73.

4. Понимание и объяснение: переход к новой познавательной деятельности

Напомним ряд понятий когнитивной теории, связанных с обоснованием представления об истории как точной науки, ориентированной на понимание смысла исторических процессов.

Модель (или схематически выраженная ситуация) *информационного обмена* в человеческом обществе опирается на понимание человека как живой системы, имеющей врожденную предрасположенность к образованию информационной картины мира, существующей в сознании, – вовне; к преобразованию информации, хранящейся в памяти, – в интеллектуальный продукт в виде вещи, изделия. Схема такого информационного обмена может быть представлена следующим образом: 1) реальный мир и его воздействие на индивида; 2) накопление в сознании и памяти данных об окружающем мире; 3) осмысление этой информации в виде постижения взаимоотношений эмпирического фрагмента окружающего мира с системными связями, действующими в мировом универсуме (понимание смысла); 4) формирование в сознании идеи о том, как надо действовать индивиду в данных условиях; 5) преобразование этого понимания в идею деятельности, целенаправленной деятельности; 6) преобразование по ходу деятельности идей в продукт (трансформация динамической подвижной информационной картины индивида в статическую); 7) восприятие эмпирической данности продукта социумом и преобразование информационного ресурса продукта в динамическую информацию индивидов, составляющих социум, что в свою очередь возвращает их к деятельности.

История, – подчеркивает О. М. Медушевская, – «может быть наукой» в том случае, если имеет реальный, доступный для повторных интерпретаций и, следовательно, стабильно существующий объект; опирается на данные такого объекта, который охватывал бы человечество в целом (исторический процесс); этот объект должен отвечать главному условию, выражать системообразующее свойство феномена человека. В итоге выдвигается принципиально *новое определение исторической*

науки. Это – «фундаментальная наука о всех видах и формах человеческой деятельности, которые реализовались в ходе эволюционно и глобально целостного исторического процесса. История – эмпирическая наука, ибо она имеет реальный, доступный в принципе человеческому восприятию целостный макрообъект. Этот объект – совокупность продуктов целенаправленной человеческой деятельности, возникших на протяжении исторического процесса, целостного во времени и пространстве»⁷¹. Данный подход, закладывая в определение науки вполне верифицируемые понятия, открывает перспективы научной компаративистики⁷², возможности превращения истории в строгую и точную науку. Не случайно он был удачно оценен современным исследователем как «новая апология истории»⁷³.

Целью исторической науки, исходя из этого, следует считать выявление новой информации о феномене человека и человечества, жизненно необходимой ему для определения перспектив своего места во вселенной, своей судьбы и путей выживания. Бесчисленные эксперименты индивидуальных судеб – это единственный реальный материал для осмысления феномена человека в мире живого, в мире планеты и вселенной. У нас нет пока возможности сопоставить судьбы человечества с другими судьбами разумных существ. Следовательно, история – наш единственный шанс провести идентификацию и самоидентификацию себя в мире.

Накопление информации в вещественных формах составляет содержание *прогресса* в истории. Информационные связи внутри социума замкнуты. Это – его общая картина мира. Раскрытие логики рационального познания позволяет завершить его *переходом к познавательной деятельности на основе нового понимания*

⁷¹ Медушевская О. М. Теория и методология когнитивной истории. С. 351.

⁷² Медушевская О. М. Источниковедение и сравнительный метод в гуманитарном знании: проблемы методологии // Источниковедение и компаративный метод в гуманитарном знании. – М., 1996.

⁷³ Миронов Б. Н. Новая апология истории (размышления над книгой О. М. Медушевской) // Общественные науки и современность. 2011. № 1. С. 139–148.

реальности. Представлено *три основных ситуации*: 1) ситуация непосредственного – живого информационного обмена (все живые системы, в том числе и человек); 2) фиксирование уже добытого ресурса в вещественный – целенаправленно (намеренно) созданный продукт (при этом происходит высвобождение памяти); 3) ситуация обращения к этому реализованному продукту как источнику информации.

На этой основе становится возможным выстраивание методов и критериев *доказательности и проверки* знания; научное *конструирование* – построение модели (схематически выраженной ситуации информационного обмена) для создания логически непротиворечивой концепции социального (исторического) процесса и *прогнозирование* – аналитическая процедура, в ходе которой выявляются фазы процессов, прошедших в прошлом, и просчитывается наступление последующих фаз аналогично протекающих процессов. Этот подход вполне реален в науках о природе и применим по отношению к живым системам (науки о живом). Но он (вопреки известному неокантианскому противопоставлению номотетических и идиографических наук) осуществим и в сфере гуманитарного знания.

Познаваемость социального (исторического) процесса определяется тем, что созданные интеллектуальные продукты выступают как неотъемлемая составляющая любой целенаправленной деятельности. Это дает истории стабильный, вещественный, доступный непосредственному изучению реальный объект открывает перспективы анализа когнитивных параметров *конструирования социальной реальности – пространства, времени и смысла существования*⁷⁴

5. Качество информации как категория когнитивной теории

Одним из важных выводов когнитивно-информационной теории О. М. Медушевской стало обоснование доказательности

⁷⁴ Медушевская О. М. Когнитивно-информационная теория в социологии истории и антропологии // Социологические исследования. 2010. № 11. С. 63–73.

как условия гуманитарного познания⁷⁵. В рамках этой теории особое место занимает категория качества информации. Понятие *качества информации* связано прежде всего с интерпретацией целенаправленной человеческой деятельности⁷⁶. Информационные технологии, как неоднократно отмечала О. М. Медушевская, изменили восприятие мира, став между исследователем и историческим источником: это привело, с одной стороны, к быстрому неконтролируемому увеличению объема информационного ресурса, но с другой – резко снизило качество информации (которая не подвергается необходимой критической проверке и в возрастающей степени становится объектом манипулирования). В этих условиях встает проблема *различения подлинной и мнимой информации* (которая отнюдь не тождественна традиционной дилемме различения истинной и ложной информации)⁷⁷.

Информационная сфера деятельности человечества меняется в истории в результате воздействия общих *социальных факторов*: с уменьшением возможности передвижения по территории (когда, с завершением эпохи географических открытий, стали очевидны границы Земли); с изменением демографической ситуации (избыток индивидов, необходимых для привычных видов деятельности, приводит к тому, что часть социума оказывается вне привычной ситуации информационного деятельного

⁷⁵ Медушевская О. М. Теория и методология когнитивной истории. – М., 2008; *Она же*: Теория исторического познания: избранные произведения. – Спб., 2010.

⁷⁶ Подробнее см.: «Круглый стол» по книге О. М. Медушевской «Теория и методология когнитивной истории» // Российская история. 2010. № 1. С. 131–166.

⁷⁷ Подробнее основные положения теории представлены в публикациях: Медушевская О. М.: Когнитивно-информационная теория в социологии истории и антропологии // Социологические исследования. 2010. №11. С. 63–73; См. также: Медушевский А. Н. Когнитивно-информационная теория в современном гуманитарном познании // Российская история. 2009. № 4; *Она же*: Когнитивно-информационная теория как новая философская парадигма гуманитарного познания // Вопросы философии. 2009. № 10. В этих работах отражены материалы архива О. М. Медушевской, в частности – рукописей, отражающих разработку категории «качества информации».

обмена); с резким изменением рода деятельности (напр., при переходе из села в город, от земледелия к обслуживанию); масштаба этой деятельности – от сфер, целиком охватываемых индивидом (выращивание хлеба, ремесло) к сферам, дифференцирующим индивидуальный вклад (фабрика); наконец, с изменением самих информационных коммуникаций и технологий. Возникает ситуация отсутствия ресурсов для привычных структурообразующих видов деятельности – информационного дефицита, разрушающего личностные качества.

Выходы из этой ситуации, найденные в истории, различны: во-первых, возможно механическое инициирование информационной активности (или псевдоактивности) извне – в качестве объединяющей идеи, общего объекта творчества (реального, как защита стены, или идеального, как строительство идеала общества, а вернее того и другого вместе), – что дает чувство творческого энтузиазма, причастности и возможность существования индивида в ситуации информационно-творческой энергетики. Это – опыт формирования коллективного образа творческого поведения, акцентирование причастности к творчеству – построению продукта. Пирамида, стена, отгораживающая территорию от моря, или от врагов, – часто повторяющиеся в истории информационно-продуктивные ситуационные модели. Причастность к построению грандиозного продукта (вполне реальная стена) или идеального (Царства Божия на земле) – это способ искусственного, механического, создания информационной энергетики через достижение великой цели.

Другой вариант – акцентирование и поддержание ситуации творческого состояния как оптимального стереотипа поведения – трудовой этики (как эталона поведения), что выражается в ценностном восприятии трудовых процессов как самоценных и единственно правильных для индивида и социума. Энергетика информационной ситуации трудовой этики, следовательно, – важный самостоятельный фактор развития общества. В определенном состоянии общества творческие (информационно-деятельностно ориентированные) индивиды выступают как ин-

теллектуальная элита. Напротив, критическое состояние общества – осознание непричастности к творческому созданию продукта как ощущение внесоциумного состояния личности. Это – ситуация «горя от ума» как дефицита точки приложения для творчества. Она выражается в нежелании участия в контрпродуктивной псевдо-деятельности, имитации («служить бы рад»). С позиций когнитивной теории интеллектуальная элита – творчески продуктивна или это не элита. Контрпродукт выступает как поиск качественно иного (подлинного) информационного ресурса («в деревне заперся и книги стал читать»). Требования создания условий творческой активности – правовых и пространственных сфер информации – возникают, поэтому, на переломных стадиях развития социума (напр., в виде лозунга «laissez-faire, laissez-passer»).

Появление *подлинной информации*, следовательно, связано с целенаправленной человеческой деятельностью и является ее функцией. Напротив, появление *мнимой информации*, ведущей к созданию имитационного информационного ресурса, предполагает внедеятельностное состояние индивида – потребление информационного продукта в готовом виде, манипулирование сознанием, следствием которого становится отчуждение и *информационная агрессивность*.

Данная ситуация актуализирует новую интерпретацию методов критического анализа информации и теоретического историковедения применительно к современной эпохе. Возникновение *псевдопонятий*, вызванное феноменом методологической некорректности и связанное со слабостью критического мышления, – ведет к нечеткости размежевания данных об объекте наблюдения с привнесением исследователем фрагментов внеисторического знания. Подобный феномен не может не привлекать внимания исторического сообщества⁷⁸. Обращает

⁷⁸ Он действительно привлек это внимание. См.: Презентация книги О. М. Медушевской «Теория исторического познания» в ИНИОН РАН // Вестник архивиста. 2010. № 3. См. также рецензии на книгу О. М. Медушевской: Шелохаев В. В. // Вопросы истории. 2010. № 12; Сабенникова И. В. // Российская история. 2009. № 2. 2011. № 1.

на себя внимание категоричность осуждения подобного «синдрома» историками физики, особенно в сравнении с той методологической нечеткостью, которая существует в сообществе исторического знания. Именно разработка теории и методов работы с информацией будет в дальнейшем определять качество и достоверность информационного ресурса научных исследований, селекцию отбираемых источников и направления их классификации, а следовательно, и степень адекватности научных представлений⁷⁹.

6. Методология истории как теоретическое источниковедение

Когнитивно-информационная теория выдвигает свою концепцию наукоучения – им является *методология истории как теоретическое источниковедение*. Исторический источник – традиционно сложившийся термин, – рассматривающий интеллектуальный продукт с позиций изучения содержащегося в нем информационного ресурса. Определив понятие исторического источника с теоретических позиций, классики методологии источниковедения (А. С. Лапто-Данилевский) акцентировали внимание на его эмпирической данности (реализованный продукт), на его когнитивной универсальности (продукт человеческой психики) и его принципиальной познаваемости как продукта, созданного осознанно и целенаправленно, и потому доступного для изучения⁸⁰.

Теория произведения хорошо демонстрирует столкновение различных парадигм. Науки о человеке располагают своим объектом (человек), имеют свой предмет (произведения человека, его целенаправленно созданные интеллектуальные продукты, как источники информации о нем и его времени), который также определяется как «реализованный продукт целенаправленной человеческой деятельности» – для продвижения на пути

⁷⁹ Источниковедение: Теория, история, метод, источники российской истории. – М., 2002; Подробнее: Казаков Р. Б., Румянцева М. Ф. О. М. Медушевская и формирование российской школы теоретического источниковедения // Российская история. 2009. № 1.

⁸⁰ Лапто-Данилевский А. С. Методология истории. – М., 2010.

к новому, системному, выводному знанию⁸¹. Данный подход позволяет преодолеть раздельное изучение биологического, психологического, социального аспектов природы человека. В его интеллектуальном продукте обретают свое материальное выражение все эти аспекты и более того – их реальное творческое единство. В произведении жизненный мир индивида реализуется в своем выходе во внешний мир, где он становится частью информационного ресурса человечества.

В данной теории произведения ключевое значение имеет момент сознательного целеполагания. В стремлении к поставленной цели, человек придает своему творению структурные свойства, он выбирает соответствующий материал, отрабатывает внешнюю форму, отбирает информационный ресурс, отвечающий цели, и отбрасывает то, что «не есть» ее достижение. В свою очередь, наблюдая, изучая эту структуру, познающий субъект (историк в широком смысле) интерпретирует дошедший до нас информационный сигнал (в том смысле, в каком говорит Н. Винер: «Форма – это сигнал»). Это особенно важно при обращении исследователя к другим цивилизациям, культурный код которых необходимо расшифровать для их адекватной интерпретации⁸². Когнитивный подход есть, следовательно, сравнительный, аналитический, источниковедческий.

На этой основе когнитивная теория выдвигает *новое определение источниковедения*: это «эмпирическая гуманитарная наука, объектом которой являются интеллектуальные продукты, созданные в ходе целенаправленной человеческой деятельности, а предметом – конкретная содержательная значимость их информационного ресурса как источников для изучения человека, общества и мира в целом. Предметом источниковедения выступает изучение свойств эмпирического макрообъекта как источника информации, разработка его свойств и методов оценки значимости информационного ресурса»⁸³.

⁸¹ Источниковедение и историография в мире гуманитарного знания. – М., 2002. С. 20–36.

⁸² Запад-Россия-Восток в исторической науке XXI века. – Саратов, 2010.

⁸³ Медушевская О. М. Теория и методология когнитивной истории. С. 352.

7. Наука и гуманитарное образование

Отношения науки и образования – самостоятельная проблема когнитивной теории. Это – два разных института, традиционно связанные информационными отношениями, личностным знанием, сменой поколений учителей и учеников. Но наука выступает как целостная картина мира, как метод добывания нового знания, т. е. решает преимущественно когнитивно-эпистемологические проблемы. Образование, напротив, традиционно ориентировано на решение задач передачи знания, добытого в науке, на объяснение результатов, полученных наукой. Сближение этих двух форм деятельности становится императивом современной концепции гуманитарного образования.

На этом пути чрезвычайно важна реконструкция точного смысла ключевых понятий, таких как знание и наука, объяснение и понимание. Прежде всего, отношения *знания и науки* характеризуются противоположной направленностью векторов, вытекающей из психологии человеческого познания. В знании развитие идет от частного к общему (индукция), появляются житейские спонтанные понятия. В науке – развитие идет от общих научных понятий к частным случаям. Для становления науки – индикатором является обсуждение научных понятий, их объема. Знание и наука, – обогащают друг друга, дают синтез, но их не следует рассматривать как тождественные понятия.

Далее, при конструировании образовательной модели с позиций когнитивной теории важно различать *объяснение и понимание*. *Объяснение* – трансляция исследователем постигнутого им смысла другому. Это – познавательная ситуация двух неравнозначных индивидов, один из которых уже сделал открытие, изобретение, постижение смысла, и он транслирует суть этого смысла другому, для этого он выстраивает цепь понятий, излагает свою логику, или изображает модель – схему принципа действия, способствуя в итоге пониманию. *Понимание* – есть выявление смысла и методов, которыми он постигается. В педагогике объяснение и понимание лежат в основе разных моделей.

В обществе представлено *две образовательных модели* – *транслирующая и когнитивная*, между которыми существует принципи-

альное различие. Первая (транслирующая) объясняет, означает, убеждает эмоционально. При этом не создается информационной энергетика и потому нужны особые приемы занимательности, привлечение эмоций и т.п., иначе «скучно». Вторая (когнитивная) – учит понимать: сообщает исходные данные и излагает способы выведения смысла, открытия из эмпирики данных. Здесь информационная энергетика возникает сама – на уровне самостоятельного выведения смысла. Сформировать образ науки в университетском образовании – значит представить, как данная наука добывает новое знание⁸⁴. Образовательная концепция, конструируемая для данной цели обучения, уже не есть традиционная транслирующая модель (по определению не способная различить известное и новое знание): востребована именно «модель когнитивно-информационная, потому что она ориентирована на познание, а в познавательном процессе самое ценное – это обучение методу»⁸⁵.

На этой основе когнитивная теория определяет критерии разделения знания и опыта, науки и искусства; подлинной информации от мнимой, познавательной модели образования от транслирующей, реализует превращение гуманитарного познания (прежде всего истории) в строгую и точную науку. Ее создание принципиально важно для определения стратегии научных исследований и этического (профессионального) выбора интеллигенции⁸⁶. Мы исходим из научной перспективности этой теории при решении сложных вопросов методологии гуманитарного познания, но равным образом – компаративных подходов, моделирования, прогнозирования – построения значимых логически непротиворечивых концепций, основанных на доказательной верификации гуманитарных знаний.

Когнитивная концепция дает дополнительные *аргументы в пользу сохранения фундаментального гуманитарного университетского*

⁸⁴ Образ науки в университетском образовании. – М.: РГГУ, 2005.

⁸⁵ Медушевская О. М. Теория и методология когнитивной истории. С. 313.

⁸⁶ Мастера русской историографии: О. М. Медушевская // Исторический архив. 2010. № 3. С. 112–137.

образования, основное преимущество которого (по сравнению с различными вариантами прагматического или прикладного образования) усматривается прежде всего в передаче молодым поколениям навыков самостоятельной оценки и критического анализа информации⁸⁷. Она составляет основу такой образовательной модели, которая должна стать доминирующей в современном обществе, поскольку указывает путь самостоятельного поиска подлинной информации.

8. Научно-образовательные программы нового поколения: методология истории, источниковедение, вспомогательные исторические дисциплины

С этих позиций стало возможно обоснование О. М. Медушевской системы научно-образовательных программ нового поколения и выстраивание их иерархии. В их основе – новый синтез науки, образования и педагогических задач профессионального сообщества, заложенный когнитивно-информационной концепцией истории⁸⁸. Первостепенное значение имеют программы по теории и методологии истории, представляющие методы когнитивной истории как строгой и точной науки⁸⁹. Они позволяют дать четкое обоснование научного познания и отличить его от различных суррогатных форм когнитивной адаптации. Второй уровень данной иерархии представлен программами по теоретическому источниковедению как наукоучению когнитивной истории, а также – конкретному источниковедению как его практическому выражению

⁸⁷ Эта идея положена в основу концепции современного гуманитарного образования: *Медушевская О. М.* Идея РГГУ // *Медушевская О. М.* Теория исторического познания: избранные произведения. – СПб., 2010. С. 351–352.

⁸⁸ *Медушевская О. М.* Когнитивно-информационная модель в науках о человеке // *Образ науки в университетском образовании.* Материалы XVII научной конференции. – Москва, 27–29 января 2005 г. М.: РГГУ. 2005. С. 8–19.

⁸⁹ *Медушевская О. М.* Методология истории: программа курса // *Я иду на занятия...: лекции по методологии и теории истории: учеб-метод. Модуль.* – М.: РГГУ, 2002. С. 15–28.

в исследовательской практике⁹⁰. Очевидно, что граница между теоретическим и конкретным источниковедением не может быть абсолютной, поскольку формулирование научных парадигм опирается на опыт и результаты эмпирических источниковедческих исследований, а эти последние имеют значение лишь в контексте верификации научных гипотез. Третий уровень иерархии представлен программами по вспомогательным историческим дисциплинам, отражающим значимые параметры конструирования социальной реальности⁹¹. Синтез этих уровней познания, социального конструирования и преподавательской деятельности представлен в программе компаративных⁹² и историко-антропологических исследований⁹³, обосновании источниковедческого компонента в преподавании права, социологии и политических наук.

Социум и отдельный индивид конструируют картину мира, используя для этого систему категорий и кодирования информации. Уникальные свойства человеческой природы, отличающие человека от других живых существ, проявляются, в частности, в его способности приносить в процесс познания

⁹⁰ Медушевская О. М. Источниковедческое научно-педагогическое направление: гуманитарное знание как строго научное // Научно-педагогическая школа источниковедения Историко-архивного института: сб. – М.: РГГУ, 2001. С. 8–32. См. также: Источниковедение: учебно-методический модуль. Программы курсов и семинарских занятий. Под ред. О. М. Медушевской. – М.: РГГУ, 2004; Источниковедение: проблемные лекции. Учебно-методический модуль. Отв. ред. О. М. Медушевская. – М.: РГГУ, 2005.

⁹¹ Медушевская О. М. Вспомогательные исторические дисциплины: особая система методов гуманитарного познания // Вспомогательные исторические дисциплины: высшая школа, исследовательская деятельность, общественные организации: тез. докл. и сообщ. науч. конф. Москва, 27–29 янв. 1994 г. – М.: РГГУ, 1994. С. 101–102.

⁹² Медушевская О. М. Источниковедческая компаративистика и образовательная модель гуманитарного знания // Новый исторический вестник. 2004. № 1(10). С. 5–18.

⁹³ Медушевская О. М. Источниковедческая основа исторической антропологии как науки и университетской дисциплины // История в XXI веке: Историко-антропологический подход в преподавании и изучении истории человечества. – М., 2001.

окружающего мира категорию меры, – меры пространства, меры времени, а также его способность фиксировать свою деятельность в знаковых системах документирования⁹⁴. Соответственно речь идет о конструировании меры пространства (историческая география, изучающая представления людей разных эпох о пространстве и мироздании в целом)⁹⁵; времени (хронология, рассматривающая системы летосчисления и их смену в истории под влиянием общих представлений о времени и пространстве); происхождении, содержании и эволюции единиц измерения физических параметров объектов – длины, поверхности и объема, веса, применявшихся человечеством (историческая метрология)⁹⁶, исторической идентичности (генеалогия, позволяющая индивидам ассоциировать себя с определенным социальным или культурным слоем общества)⁹⁷; материальные символы политической, социальной и культурной идентичности (эмблематика, сфрагистика, геральдика); используемые в истории системы кодирования и передачи информации (палеография)⁹⁸ и другие аналогичные дисциплины⁹⁹. Специальной областью исследований в этой перспективе ста-

⁹⁴ Медушевская О. М. Пространство и время в науках о человеке. – М.–СПб., 2013.

⁹⁵ Медушевская О. М. Историческая география: наука и университетская дисциплина // Теория, методы и инновации в исторической географии: материалы III междунар. конф. С.-Петербург, 23–25 апр. 2007 г. – СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2007. С. 34–38.

⁹⁶ О. М. Медушевская выступала одним из составителей программ таких дисциплин как общий вводный курс вспомогательных исторических дисциплин; историческая хронология; историческая метрология, палеография. См.: Я иду на занятия...: Вспомогательные исторические дисциплины. Учебно-методический модуль. – М.: РГГУ, 2004.

⁹⁷ Медушевская О. М. О проблемах генеалогии // Советские архивы. 1989. № 6. С. 25–34; *Она же*. Генеалогия в системе современного знания // Вестник архивиста. 1993. № 4(16)–5(17). С. 29–34.

⁹⁸ Медушевская О. М. Феномен письма и палеографический метод в науках о человеке // Вспомогательные исторические дисциплины: специальные функции и гуманитарные перспективы: тез. докл. и сообщений XIII науч. конф. Москва, 1–2 февр. 2001 г. – М., 2001. С. 44–46.

⁹⁹ См.: Вспомогательные исторические дисциплины – источниковедение – методология истории в системе гуманитарного знания. Учебно-методический модуль. – М., 2008.

новится соотношение исторической науки, источниковедения и архивоведения¹⁰⁰.

Замыкает этот ряд обращение к таким дисциплинам, которые ставят своей задачей определение социальных функций объектов материальной культуры (историческая антропология)¹⁰¹, документов (документоведение)¹⁰², произведений (текстология)¹⁰³ или особенностей их восприятия в культуре и практического использования (музеология)¹⁰⁴. Новая информационная картина, поэтому, ориентирована на деятельность, создание интеллектуального продукта, когда идет проверка полученного результата.

Необходимо отметить вклад школы Историко-архивного института и Кафедры источниковедения в разработку этих вопросов методологии истории, восходящих к А. С. Лаппо-Данилевскому и продолженных в трудах С. Н. Валка, Л. В. Черепнина, А. И. Андреева, В. К. Яцунского, А. А. Зимина и других ученых¹⁰⁵. Развивая эти традиции, О. М. Медушевская

¹⁰⁰ Медушевская О. М. Историк и архивист: сферы познания ими прошлого // Историки и архивисты: сотрудничество в сохранении и познании прошлого в интересах настоящего и будущего: доклады междунар. конференции 27–28 нояб. 1997 г. – М., 1998. С. 29–48.

¹⁰¹ Медушевская О. М. Историческая антропология и антропологически ориентированная источниковедческая концепция: интеграция исследовательской и образовательной программ // Российско-французский центр исторической антропологии им. Марка Блока. Программы курсов. – М., 2002. С. 15–20.

¹⁰² Медушевская О. М. Архивный документ, исторический источник в реальности настоящего // Отечественные архивы. 1995. № 2. С. 9–13.

¹⁰³ Медушевская О. М. Текст в гуманитарном знании // Текст в гуманитарном знании: материалы межвуз. науч. конф. Москва, 22–24 апр. 1997 г. Отв. ред. О. М. Медушевская. – М., 1997. С. 3–6; *Она же*: Текстология и источниковедение // Curriculum: аннот. каталог курсов учеб. дисциплин, читаемых в РГГУ. – М., РГГУ, 1999. С. 74

¹⁰⁴ Медушевская О. М. Вещь в культуре: источниковедческий метод историко-антропологического исследования // Российско-французский центр исторической антропологии им. Марка Блока. Программы курсов. – М., 2002. С. 25–49.

¹⁰⁵ Медушевская О. М. Источниковедение: теория, история и метод. – М.: РГГУ, 1996; Источниковедение: Теория, история, метод, источники российской истории. – М., 2004.

сыграла выдающуюся роль в реформировании российского гуманитарного образования в 1990-начале 2000-х гг. В центре ее внимания находилась концепция и практика преподавания источниковедения – его методологии, теории и практик применения на конкретном и междисциплинарном уровне, эмпирическом материале российской и мировой истории. Она являлась автором основных концептуальных документов и проектов преобразований РГГУ, Историко-архивного института, Кафедры источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин, стояла у истоков становления ряда новых научно-образовательных институтов, факультетов и научно-педагогических программ. Наибольший общественный резонанс получили ее программные доклады 1992–2000 гг. о концепции гуманитарного образования РГГУ, развитии ИАИ и преобразовании кафедры источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин, организации Международного научно-исследовательского центра при Историко-филологическом факультете, программе деятельности Российско-французского центра исторической антропологии им. Марка Блока, создании факультета музеологии и Высшей школы реставрации¹⁰⁶. В целом, именно ею была наиболее четко сформулирована «Идея РГГУ» на высшем этапе его развития¹⁰⁷. Серьезное внимание обращалось ею на подготовку лекционных курсов и экспертизу качества учебно-методических материалов для разных ступеней гуманитарного образования – от аспирантуры до послевузовского образования.

Как всякий крупный ученый, в течение десятилетий вовлеченный в преподавательскую деятельность, О. М. Медушевская сформировала собственную научно-педагогическую школу, способствуя через своих учеников гуманитарному просвеще-

¹⁰⁶ Эта деятельность отражена в многочисленных докладах и выступлениях О. М. Медушевской на Ученом совете РГГУ, ученым секретарем которого она являлась в эти годы. Подробнее см.: Список трудов О. М. Медушевской и трудов о ее научной и педагогической деятельности, публикуемый в данном томе собрания сочинений.

¹⁰⁷ *Медушевская О. М. Идея РГГУ // Медушевская О. М. Теория исторического познания: избранные произведения.* – Спб., 2010. С. 351–352.

нию и обновлению высшего образования в России. На рубеже XX и XXI вв. российская школа теоретического источниковедения, представленная идеями О. М. Медушевской и трудами ее учеников, сформулировала новую научную парадигму когнитивной истории, представляющую синтез теории информации, психологии и традиционных методов источниковедения. В концентрированном выражении ее суть заключалась в понимании истории как «нового, доказательного, градуированного по степени точности знания о человеке», обосновании методов получения этого нового знания и подготовке исследователей и преподавателей, способных отстаивать эту «особую образовательную модель историко-источниковедческого профессионализма»¹⁰⁸.

Новая научная парадигма когнитивной истории, разработанная О. М. Медушевской, отвечает основным вызовам современности – информатизации, глобализации, необходимости познания «другого» в быстро меняющемся мире с ускорением взаимодействия различных культурных, национальных и когнитивных установок общества, что позволяет рассматривать ее как полноценную основу аналитической истории. Данная парадигма ведет к радикальному изменению наших представлений о задачах исторической науки и ее методах, выдвигая жесткие требования к доказательности исследовательских выводов, качеству образования и профессиональной этики научного сообщества.

¹⁰⁸ Медушевская О. М. Теория исторического познания: избранные произведения. – СПб., 2010. С. 353.

КОГНИТИВНО-ИНФОРМАЦИОННАЯ МОДЕЛЬ ОБРАЗОВАНИЯ В НАУКАХ О ЧЕЛОВЕКЕ¹⁰⁹

Образ науки в университетском образовании – такая общая тема ставит в центр внимания не просто науку как социальный институт современного информационного общества, и не просто образование как другой социальный институт, функционирующий в культурном пространстве современного мира, и даже не проблему взаимодействия этих двух социальных институтов. Со времени возникновения классических университетов такое взаимодействие существовало, и, естественно, есть оно и сейчас. Однако, традиционные формы личностного общения представителей науки и образовательных институций оказываются все же недостаточными в ситуации, когда модернизация образования, в том числе (или даже – особенно) образования гуманитарного, повсеместно рассматривается как необходимая. Интернациональные образовательные дискуссии посвящены анализу альтернатив – преимуществ и недостатков образования прикладного и фундаментального, различиям содержания многоуровневых образовательных стратегий, содержанию образования в аспирантуре, второго высшего образования и т. п. Однако для содержательной аналитики и тем более компаративистики необходимо иметь концепцию оптимальной образовательной модели, необходимо интерпретировать прежде всего ее системообразующие параметры, которые сохраняют свое значение как фундаментальные – только тогда возможно судить о различиях, связанных с конкретными специфическими рамками и условиями образовательных практик. Эта ключевая проблема – концепция образовательной модели – и должна стать предметом нашего внимания.

В условиях информационного общества и развития конфликтного потенциала глобализации все социальные институ-

¹⁰⁹ Публикуется по изданию: *Медушевская О. М.* Когнитивно-информационная модель в науках о человеке // Образ науки в университетском образовании. Материалы XVII научной конференции. Москва, 27–29 января 2005 г. – М.: РГГУ. 2005. С. 8–19.

ты претерпевают изменения, но два из них сами направляют динамику изменений и, в то же время, испытывают наиболее острую потребность в осмыслении своих теоретических оснований и технологических стратегий. Это – наука и образование. Под социальным институтом в его социологическом понимании имеется в виду сфера человеческой деятельности, объединяемая системой норм, установок и правил, регулирующих эту деятельность и формирующих социальную иерархию ролей и статусов. Науку как социальный институт, обладающий относительным единством и автономией по отношению к обществу, определяет ее функция, ее деятельность, направленная на получение и предоставление обществу нового, достоверного и систематизированного знания. Именно эта социальная функция выступает как определяющая по отношению к образованию и особенно важна для формирования образовательной модели и образа науки в преподавании.

Проблемные поля науки для краткости обозначим здесь лишь по тем направлениям, которые уже сформировались в виде отдельных областей или дисциплин. Это – социология науки, философия науки и история науки (которая для нас особенно интересна, поскольку дает возможность для диалога гуманитариев с представителями наук о природе и наук о жизни – через категории истории науки, выступающей как часть исторического процесса в целом). Перспективен также диалог с такой особой областью и дисциплиной, как философия техники и история техники, поскольку она, в отличие от наук о природе и жизни, имеет дело, как и гуманитарные науки, с продуктами интеллектуальной деятельности людей (историческими источниками). Социология науки изучает ее как социальный институт, с его ключевым понятием научного сообщества, объединенного, разумеется не формально, системой коммуникаций, общностью интересов, системой этических норм, представлений и правил поведения. Вопросы статуса ученого и его изменения в истории, символический обмен открытия на признание, карьерный рост также входят в число проблемных полей социологии науки. Другая область – философия науки,

рассматривающая в качестве своего предмета науку как целостную картину мира и исследующая когнитивные, эпистемологические проблемы и методы достижения нового знания. Заметен рост такой дисциплины, как история науки, в которой все больше черпают свой материал и социология науки, и философия науки, прослеживая динамику своих современных проблем от их первоначальных истоков.

Соотношение смены научных парадигм и состояния научного сообщества дискутируется со времени появления известного труда Т. Куна, где автор достаточно жестко связал взаимодействие когнитивного и социально-психологического аспектов в динамике развития научных идей. Разумеется, идея внетеоретической составляющей развития научного знания, проблемы преемственности в университетской науке не сводится к понятию научной революции, столь популярной в 60-е гг. Но существенна сама установка на историю науки в создании целостного ее образа в университетском образовании, в исследовании роли личностного знания в познавательной деятельности¹¹⁰.

Еще более проблемным является путь развития другого социального института – образования. Социология образования изучает этот социальный институт в его взаимодействии с обществом. В центре внимания, особенно после массовых движений за демократизацию высшей школы, оказываются проблемы социальной мобильности в связи с возможностями получения образования, выравнивания уровня и качества образования в различных регионах мира, соотношение элитарного и массового образовательного процесса. Конфликтный потенциал подобных проблемных полей и различных образовательных стратегий вполне очевиден. Имеется опыт исследования проблем философии образования. Однако, по мнению специалистов, невозможно в настоящее время дать однозначное определение самой этой области. Различные исследовательские программы предлагают свою сеть концептуальных и методоло-

¹¹⁰ Кун Т. Структура научных революций. М., 1975; Полани М. Личностное знание. На путях к посткритической философии. М., 1985.

гических средств, не редуцируемых друг к другу¹¹¹. Без единства системообразующих принципов не представляется возможным выбор оптимального, отвечающего вызовам современного общества типа образовательной модели и в науках о человеке. В чем состоит проблема? В традиционном гуманитарном образовании, ведущем свое начало от первых европейских университетов как корпораций учащих и учащихся, историческое знание передавалось экстенсивным, единственным для того состояния исторической науки путем – в формах исторического повествования. Сам метод историзма до сих пор ассоциируется прежде всего с развертыванием состояния объекта во времени. Такой способ передачи исторического знания был адекватен своим целям – самоидентификации традиционно сложившейся общности, усвоению ее ценностных установок и стереотипов поведения, формированию образцов-эталонов в виде условных образов исторических лиц и типов поведения. В данной – традиционной-образовательной модели отсутствовала установка на различение знания уже известного и знания нового, только что полученного. Такой способ «рассказывания» учащимся стран мира их собственной истории прочно сложился и практиковался, оказав мощное влияние на представления собственно научного сообщества. Вызовы новейшего времени и его конфликтный потенциал привели к многократному изменению оценочных суждений историков, но мало поколебали образовательную модель и способ передачи исторического знания новым поколениям. Тем более устойчив этот способ восприятия исторического знания в массовом сознании. Это подтверждает и история исторической науки новейшего времени. Известно, какое значение придает философская аналитика проблемам отношения научного языка и реальности в процессе познавательной деятельности. Когда этот подход был обращен на сочинения собственно историков, то стало очевидно, что на взгляд философа сочинения историков суть всего лишь повествование об объекте, который отсутствует. «У нормальной науки

¹¹¹ Огуцов А. П., Платонов В. В. Образы образования: Западная философия образования. XX век. СПб., 2004.

и истории мало общего: нормальная наука имеет дело с предикатами, а историография – с высказываниями»¹¹². Не входя здесь в спор относительно возможностей исторической науки, отметим лишь, что такое впечатление вполне могло сложиться в ситуации, когда само научное сообщество в большинстве своем придерживается традиционной образовательной модели, под воздействием которой и складываются его представления: исторический нарратив – единственная возможная и мыслимая форма передачи исторического знания в университетском (не говоря уже о школьном, тем более) образовании. Между тем, философ вполне прав: в рамках нарративистского подхода не представляется существенным различие исторического исследования и исторического романа. Нарратив – историческое повествование, вполне соответствующее той модели, в которой эти историки и получали свое профессиональное образование. Эту модель по ее системообразующему признаку мы и называем нарративистской, а по способу передачи готового знания – транслирующей. Эта нарративистско-транслирующая модель образования благополучно выдержала все идеологические революционные превращения. Меняется лишь знак, оценочное суждение и критерии выбора исторических сюжетов и героев повествования. Это хорошо прослеживается в истории науки, когда, например, в начале 30-х гг. в СССР было восстановлено преподавание истории, начали создаваться учебники. Замечания лидеров власти содержали идеологические критерии, которые предстояло реализовать, сам же способ представления исторического знания остался традиционным. Традиционный способ трансляции исторического знания посредством формирования исторического нарратива особенно ярко проявил ограниченность своих познавательных возможностей в условиях новой социальной реальности последних десятилетий XX в. Значительная часть педагогов средней школы и даже университетских преподавателей показала полную неготовность аналитически рассматривать альтернативные варианты исторических

¹¹² Анкерсмит Ф. Нарративная логика: Семантический анализ языка историков. М., 2003. С. 351.

явлений, она не была готова к самостоятельному выбору варианта учебного пособия и явно предпочитала возвращение к привычной ситуации единственного, но зато официально апробированного истолкования. Можно считать, что университетское сообщество с бóльшей отчетливостью и остротой воспринимает ситуацию в исторической науке как нестабильную и требующую радикальных перемен, нежели сообщество академическое, менее связанное с реальностью образовательных практик. Именно здесь противоречивость традиционных подходов и вызовов информационного общества проявляет себя на уровне образовательных практик. Нарративный подход не противоречил концепции линейной европоцентристской истории, с ее установленным традицией выбором событийных сюжетных линий и привычных хронологических рамок, в пределах которых эти сюжетные линии прослеживались. «Сражения за историю», а затем и за «новую историческую науку» изменили приоритеты научного сообщества. Но на уровне образовательной модели существуют свои, технологические трудности: в рамках традиционной образовательной модели перейти от представления локальной европоцентристской истории к глобальной и охватывающей иные цивилизационные варианты возможно лишь одним, также вполне традиционным образом: добавлением в учебный план тех или других нарративных сюжетов, увеличить количественно набор стран, эпох, регионов мира, чья история может быть представлена наряду (или вместо) привычной линейной последовательности хода исторического процесса. Но естественные рамки университетского учебного плана жестко ограничивают возможности подобной, формальной по существу, модернизации. Возникает осознание необходимости иного, качественного, а следовательно, прежде всего концептуального подхода.

Такое осознание своеобразного тупика традиционной образовательной модели возникает и при обсуждении собственно образовательных проблем. Образование как социальный институт настолько изменилось, что социология его систем стала одной из наиболее острых и повсеместно дискутируемых проблем.

Произошла демократизация образования; число обучающихся в университетах возрастает, доступность образования для всех слоев общества (а не только для элитарных его групп) массовое сознание воспринимает как необходимое условие социальной мобильности. Реальность педагогического процесса обнаруживает огромные различия культурного уровня, повседневного жизненного опыта обучающихся в зависимости от конкретно-исторических условий, социального статуса, географии региона. Поиск новых подходов к решению этих сложных проблем составляет главное содержание весьма оживленных дискуссий по таким вопросам, как альтернатива фундаментального или прикладного образования, целостный профессионализм или прагматичный тренинг, магистратура и бакалавриат, непрерывное образование, второе высшее (в его соотношении с первым), аспирантура, ее цель и смысл. Выход на концептуальный уровень в данной ситуации является необходимым. Следует представить концепцию оптимальной образовательной модели, обозначить ее системообразующие параметры. Только тогда, имея этот общий образец, «идеальную модель», можно использовать ее как эталон, как средство объяснения в любой конкретной реальной ситуации. Образовательные практики различных уровней варьируются в зависимости от содержания специальных задач обучения, но структурные параметры сохраняют свою устойчивость. Структура, т. е. совокупность отношений между элементами, образующими целое, сохраняется, обеспечивая идентичность фундаментальных свойств и связей. Именно эту структурную устойчивость проявляет та образовательная модель, которая и соответствует нашему представлению о фундаментальности образования.

Отметим также, что именно при наличии подобной фундаментальной образовательной модели научное сообщество является устойчивым, оно способно обеспечить преемственность развивающегося знания. Смена парадигм не влечет за собой полный разрыв с предшествующими научными парадигмами: они могут интерпретироваться, например, как частный случай более общей познавательной парадигмы, идущей на смену уже освоенному знанию.

Итак, оптимальная образовательная модель структурно узнаваема, она сохраняет свою идентичность. Как возникает эта структурность? Структура любого интеллектуального продукта формируется целью его создания. Следовательно, необходимо рассмотреть эту оптимальную модель в сравнении с традиционной, выявив различие их целей. Традиционную образовательную модель мы интерпретировали как транслирующую знание, передающую готовое знание новым поколениям. Новая модель, которую мы рассматриваем, имеет другую цель. Она состоит в том, чтобы сформировать (и представить в обучении) целостную картину мира такой, как она сложилась в данной науке (в нашем случае – науке о человеке); далее, цель состоит в том, чтобы показать, как именно данная наука функционирует в своем качестве науки – т. е. как она добывает новое знание. И, наконец, цель состоит в том, чтобы научить создавать интеллектуальный продукт профессионально, т. е. средствами, выработанными данной наукой, ее методом. Целью обучения становится создание обучающимся своего профессионально выполненного интеллектуального продукта. В наиболее завершенной форме он предстает в виде дипломной работы: самостоятельно добытое новое знание в ней представлено доказательным, системным (т. е. оно соотнесено с ранее известным) и профессионально подготовленным для его практического использования (в широком смысле) обществом, завершенным «под ключ». Таким образом, сформировать образ науки в университетском образовании – это и означает, прежде всего, представить, как данная наука добывает новое знание, как работает на эту цель ее метод, обучить им пользоваться для достижения эффективного, реального и относительно завершенного результата. Образовательная модель, структурированная для достижения такой цели обучения, уже не есть транслирующая модель. Это модель когнитивно-информационная, потому что она ориентирована на познание, а в познавательном процессе самое ценное – получение новой, надежной и профессионально представленной информации. Подобная модель может, разумеется, и должна совершенствоваться и развиваться.

Но важно подчеркнуть, что она не есть некий абстрактный, не связанный с реальностью идеальный образец. В истории гуманитарных наук уже имеется опыт функционирования подобной модели. Мы имеем в виду образовательную модель историко-архивоведения, которая по своим фундаментальным параметрам отличается от традиционной модели университетского профессионализма историка, повсеместно существующей в мире.

К началу 30-х гг., когда актуальность создания альтернативной модели исторического профессионализма была осознана и реализована как практическая задача, в стране уже постоянно функционировала традиционная модель исторического образования. Именно в начале 30-х гг. модель трансляции готового исторического знания была успешно приспособлена к выполнению идеологических функций и распространению в обществе определенного объема исторических знаний. В рамках четко обозначенных властью ценностных критериев, эта модель способствовала созданию новых исторических нарративов о харизматических личностях, главных событиях политики и государственного строительства в прошлом и современности. И, тем не менее, в это же самое время создается некий альтернативный образовательный проект, с историческими факультетами университетов и педагогических институтов организационно никак не связанный. Для преподавания (а точнее, именно для создания новой образовательной программы) привлекаются лучшие силы из числа ученых-гуманитариев, еще существующих в стране. Такой феномен имеет свое объяснение: этот образовательный проект отличается от традиционного, поскольку традиционный не адекватен поставленным целям власти. Она берет под свой контроль всю полноту документального наследия огромной страны, и для управления этим информационным ресурсом нужны специалисты, владеющие методом и технологией добывания нового знания. Ученые, создающие проект подготовки такого специалиста, и создают новую образовательную модель, имеющую цель ориентирования в информационном пространстве прошлого и современности: для российских ученых подобный подход к историческому об-

разованию профессионала не нов, он еще в дореволюционные годы философски обоснован, претворен в классические труды по теории и методологии истории и сформировал блестящую научную школу, из которой вышли гуманитарии-мыслители масштаба Н. Д. Кондратьева и П. А. Сорокина, С. Н. Валка, А. И. Андреева. Новая образовательная модель отвечает требованиям добывания нового знания, она ставит в центр обучения познавательный метод, она в принципе соединяет в своей методологии единство философского подхода и эмпирической науки. В рамках ситуации советского общества эта модель не могла быть развернута во всей своей структурной целостности, но она и не была деформирована: ведь специалист действительно должен понимать, как в процессе функционирования информационных систем создаются документы, изменяются информационные технологии, коммуникации, осуществляется управление. Стратегии добывания нового знания могут быть обеспечены только фундаментальным образованием. Именно поэтому когнитивно-информационная модель, в своем реальном существовании известная как модель «историк-архивист», была создана, существовала в разных конкретно-исторических условиях в течение длительного времени. На первый план выдвигались прикладные, технологические аспекты данного подхода. В новых условиях фундаментальные приоритеты – теоретико-методологические основания системного подхода, ориентированность на познавательный метод, интерпретируемый как феноменология культуры, – открывают новые возможности исследовательских и образовательных практик. Для данного подхода ключевое значение имеют философские представления о науке как системном знании и наукоучении как особой, сложной дисциплине, развитие которой «относится к тому, что делает науки науками»¹¹³. Наиболее близки к теме наших сегодняшних размышлений об образе науки в образовании идеи из «Логических исследований» Э. Гуссерля, и особенно там, где философ обращается к «превосходным мыслям о

¹¹³ Гуссерль Э. Логические исследования // Гуссерль Э. Философия как строгая наука. Новочеркасск, 1994. С. 186.

наукоучении» Б. Больцано и размышляет о его определении наукоучения как той особой науки (или логики), «которая указывает нам, как целесообразно излагать науки в учебниках», т. е. в университетских курсах¹¹⁴.

В свое время эту феноменологическую парадигму в отношении наук о человеке реализовал А. С. Лаппо-Данилевский, построив свой философский труд о теории и методологии истории как университетский концептуальный учебный курс. Этот прорыв от традиционалистской модели к модели когнитивно-информационной сохраняет свое значение, хотя и теперь, как и тогда, первая в университетских интернациональных практиках остается количественно подавляющей.

Актуализация проблематики исторического метода стала в последние десятилетия XX в. обнадеживающим признаком изменения общего состояния научно-университетских сообществ. Определенный импульс для активизации размышлений сообщества в данном направлении создали труды философов и историков исторической науки, обозначив новую сферу исследования соотношений языка историков и исторической реальности¹¹⁵. В настоящее время обозначился новый шаг науки и исторического образования навстречу друг другу: проблемы исторического метода, его история и его познавательные возможности становятся предметом работ, непосредственно обращенных к преподаванию. Авторы подобных работ считают необходимым тщательно обосновать свою неожиданную для сообщества преподавательскую и исследовательскую инициативу, которая действительно выпадает из традиционных стереотипов преподавания истории¹¹⁶. В Российском государственном гуманитарном университете появилась новая форма учебного издания, которая, на наш взгляд, выступает как своеобразное «место встречи» науки и образования в их творческом подвиж-

¹¹⁴ Там же. С. 197.

¹¹⁵ Уайт Х. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века. Екатеринбург, 2002.

¹¹⁶ Тош Д. Стремление к истине: Как овладеть мастерством историка. М., 2000; Про А. Двенадцать уроков по истории. М., 2000.

ном взаимодействии: это – учебно-методические модули, отличительной особенностью которых является объединение в одном проекте научно-исследовательских и учебно-методических текстов, учебных программ и других форм для самостоятельной работы. В этих проектах можно проследить, как при сохранении общей парадигмы, ориентированной на добывание нового знания с помощью методов исторических дисциплин, возможно донести эту общую идею до обучающихся разных уровней¹¹⁷.

Формирование образа современной науки о человеке в университетском образовании есть творческий, подвижный процесс, вовлечение в него создает новые возможности для самоидентификации как самой науки, так и образования.

¹¹⁷ Методология и теория истории: учебно-методический модуль / Р. Б. Казаков, О. М. Медушевская, М. Ф. Румянцева. М., 2002; Вспомогательные исторические дисциплины. Учебно-методический модуль / Под ред. В. А. Муравьева. М., 2004.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК – ОСНОВА ГУМАНИТАРНОГО ПОЗНАНИЯ¹¹⁸

1. Историческому знанию и науке истории изначально принадлежит позиция «питающей» области для любых размышлений о человеке и обществе и для гуманитарных наук и сфер сознания. Миф и утопия, социология и филология, идеология и религия, философия и психология – все они равны в том, что исходят из накопленного и так или иначе истолкованного исторического опыта (и неравны в своей удаленности от этого опыта и от наиболее близкого к нему механизма аккумуляции – исторического познания). Но и историческое познание и историческая наука не черпают этот опыт в непосредственном наблюдении (к чему возвратились многие гуманитарные науки); этому служат исторический источник и средства трансляции знания (т. е. то, что перерастает в историческую науку). Потому исходной основой гуманитарного познания, в том числе исторического, является только и только одно – исторический источник. Посредником между историческим источником и гуманитарным познанием выступает дисциплина, которая в России сложилась преимущественно в области исторических и т.н. «словесных» (филология, текстология, литературоведение и др.) наук – источниковедение.

2. Предмет изучения источниковедения – принципы и методы извлечения данных о человеке и обществе из исторических источников. В качестве исторического источника выступает любой объект, возникающий в результате целенаправленной деятельности людей и используемый для получения данных о его создателях.

3. Продукты целенаправленной деятельности людей имеют различное назначение, им присуще неисчерпаемое многообразие свойств. Все, созданное людьми, может быть интерпретиро-

¹¹⁸ Публикуется по изданию: *Медушевская О. М.* Исторический источник – основа гуманитарного познания (в соавторстве с В. А. Муравьевым) // Документ. Архив. История. Современность: сб. ст. – Екатеринбург: Урал. гос. ун-т, 2000. Ч. 1. С. 7–15.

вано сферой гуманитарных наук как целостный объект и стать предметом единого подхода. Источниковедение именно так и понимает свой объект и предмет изучения. Подобный подход может быть реализован при одном принципиальном условии: в его основании должна лежать цельная теоретическая концепция, а понятия, критерии и приемы исследования составлять взаимосвязанную систему. Теоретическая концепция источниковедения необходима для определения его места в меняющейся системе современного знания: тем более она важна в научно-педагогической деятельности.

4. Концепция источниковедческой школы, сложившейся на кафедре источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета формировалась в процессе научной и педагогической деятельности ряда поколений специалистов. Каждое из них внесло свой вклад в разработку теории, методов, содержания и практики преподавания этой дисциплины. Отражением концепции дисциплины или отрасли науки являются программы курсов, учебники, обобщающие труды. Источниковедческая концепция кафедры получила свое последнее, современное выражение в серии программ университетских курсов¹¹⁹ и новом учебном пособии

¹¹⁹ Источниковедение: история, теория и метод: Программа курса / Сост.: О. М. Медушевская, М. Ф. Румянцева; Отв. ред. В. А. Муравьев; РГГУ. ИАИ. Кафедра источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин. М., 1995; Источниковедение: Источники российской истории: Программа курса / Сост.: И. Н. Данилевский, В. В. Кабанов, Р. Б. Казаков, О. М. Медушевская, Л. А. Молчанов, В. А. Муравьев, М. Ф. Румянцева, Г. Р. Саатчян, А. Е. Чекунова; Отв. ред. В. А. Муравьев; РГГУ. ИАИ. Кафедра источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин. М., 1996; Источниковедение: Вещественные источники: Программа курса / Сост. О. М. Медушевская; Отв. ред. В. А. Муравьев; РГГУ. ИАИ. Кафедра источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин. М., 1996; Количественные методы в источниковедческом исследовании: Программа специального курса / Авт.-сост. М. Ф. Румянцева; РГГУ. ИАИ. Кафедра источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин. М., 1996; Политическое источниковедение: Программа курса / Сост. Л. А. Молчанов; РГГУ. ИАИ. Кафедра источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин. М., 1996; и др.

по источниковедению¹²⁰. Новое поколение программ и учебных пособий осуществляет синтез традиционных, характерных для сложившейся в Историко-архивном институте научной школы принципов понимания источниковедения и его места в работе историка, с одной стороны, и новых идей, связанных с проблемами современного гуманитарного знания и культуры – с другой.

5. Наиболее общим свойством теоретико-познавательной деятельности в гуманитарной культуре современности является ее обращение ко всему объему произведений культуры прошлого (в широком смысле), возникших в процессе человеческой деятельности – к памятникам материального творчества людей, графическим, изобразительным, устным, технотронным (аудиовизуальным и т.п.) источникам, к делопроизводственным документам и законодательству, к литературным, публицистическим, философским, религиозным, нормативно-поучительным, учебно-пропедевтическим трактатам и проч. и проч. Целостная концепция источниковедения дает единство взгляда на это разнообразие произведений культуры определенной эпохи, на их изначальную генетическую связь и функциональное взаимодействие. Именно потому специалисту гуманитарного профиля необходимо знать теорию источниковедения, методы источниковедческого анализа, иметь представление об исторических дисциплинах как элементах метода познания источников. Ремесло гуманитария представляет собой систему, в которой нет мелочей – выход из строя любого элемента влияет на функционирование системы в целом. Источниковедение и вспомогательные науки истории изначально едины прежде всего потому, что предмет их изучения – исторические источники – суть произведения общечеловеческой культуры во всем многообразии ее проявлений, т. е. они гуманитарны в буквальном своем содержании. Однако место этих наук в гуманитарной культуре, в

¹²⁰ Источниковедение: Теория, история, метод. Источники российской истории: Учебное пособие для гуманитарных специальностей / И. Н. Данилевский, В. В. Кабанов, О. М. Медушевская, М. Ф. Румянцева; РГГУ. М., 1998. 702 с.

гуманитарном образовании определилось не сразу, не вполне и не повсюду.

6. Лучше понять ситуацию позволяет обращение к истории науки и университетского образования. В университетском гуманитарном образовании XIX – начала XX в. появились специальные курсы, посвященные методам исторического исследования (Э. Фримен, Ш. Сеньобос и Ш. Ланглау, Э. Бернгейм¹²¹). В числе рассматриваемых проблем были проблемы классификации исторических источников, критики и интерпретации исторических свидетельств, достоверности источников. В то же время А. С. Лаппо-Данилевский отмечал, что «методология источниковедения до сих пор не представляет цельного и систематически развитого учения». Прослеживались лишь отдельные, хотя и существенно важные направления исследований в данной области. «Одни предлагают, например, взамен такого учения только обозрение конкретно данных источников, их коллекций и изданий в связи с «эвристикой» и отводят особое место критике, – писал он. – Другие готовы отождествить методологию источниковедения с критикой, понимая ее в широком смысле. Третьи изучают исторические источники в их генезисе, например, в зависимости от тех условий и форм общественной жизни, благодаря которым они возникли и т. п.»¹²².

Идея методологии источниковедения как цельного и систематического учения, выдвинутая А. С. Лаппо-Данилевским, была качественно новой, далеко опережавшей свое время. Она нашла ясное и точное воплощение в его труде «Методология истории». Формированию методологии источниковедения в России способствовал ряд факторов, среди которых на первом месте был высочайший уровень разработки средневековых источников, прежде всего источников отечественной истории

¹²¹ *Freeman E.* The methods of Historical Study. London, 1886; *Ланглау Ш., Сеньобос Ш.* Введение в изучение истории. СПб., 1889; *Bernheim E.* Lehrbuch der historischen Methode und der Geschichtsphilosophie. 5–6 Aufl. Leipzig, 1908; *Бернгейм Э.* Введение в историческую науку. М., 1906.

¹²² *Лаппо-Данилевский А. С.* Методология истории. СПб., 1913. Вып. 2. С. 353.

(источниковедческие труды В. О. Ключевского, К. Н. Бестужева-Рюмина, А. А. Шахматова, С. Ф. Платонова, С. М. Середонина, Н. Д. Чечулина и др.).

Подход к источниковедению как к системе методов, присущий университетскому преподаванию России, у А. С. Лаппо-Данилевского получил последовательное выражение. Его постановка вопроса о методологии истории и – как части ее – методологии источниковедения противостояла позитивистскому представлению о методах работы с источником, согласно которому методы трактовались если не как технические приемы, то, во всяком случае, как вспомогательный этап на пути исторического исследования, лишь открывающий путь к историческому синтезу. В «Методологии истории» были рассмотрены понятие об историческом источнике, главнейшие виды исторических источников, принципы их классификации; была охарактеризована сущность методов интерпретации и критики источника; наконец, обосновано значение исторических источников для науки и культуры. Генеральная идея А. С. Лаппо-Данилевского состояла в том то, что методология истории рассматривает то общее, что обнаруживается в научных приемах разных исторических дисциплин, напр., в истории языка, в истории философии, религии, науки, искусства и литературы, в истории хозяйства и финансов, в истории права и т. п.¹²³. В центре этого общего – понятие об источнике. Непосредственному восприятию доступна лишь незначительная часть действительности; остальное известно лишь по ее остаткам или из чужих наблюдений, воспоминаний и оценок, в свою очередь доступных чувственному восприятию исследователя. Исторический источник для ученого – продукт человеческого творчества в самом широком смысле этого понятия. Он обладает телеологическим единством – единством цели создания. Чем более цельно, последовательно произведение задумано, чем завершеннее реализована цель его создания, тем оно ценнее как источник. В основе учения об источнике у А. С. Лаппо-Данилевского, таким образом, лежало признание чужой одушевленности.

¹²³ Там же. С. 339.

Это направление, возникшее в начале XX в. как феноменология культуры, было ориентировано на разработку преимущественно методологии и выявление ее многообразных связей с различными направлениями гуманитарного знания. Особое место в нем заняло связанное с пониманием природы исторического источника «признание чужой одушевленности», одушевленности создателя исторического источника, превратившее и исторический источник и его создателя из мертвого объекта воздействия схемы историка (позитивистская презумпция) в явление человеческой культуры в его коэксистенциальных и эволюционных связях.

7. Первая мировая война и последующие события в стране и в мире прервали нормальную эволюцию исторической науки и высшего образования в России. Но главное уже было сделано. Учение об источниках, методология истории, достойная релятивистского облика столетия и одновременно преодолевавшая и опыт, и ограниченность позитивистской науки, создана. Основные идеи стали достоянием учеников А. С. Лаппо-Данилевского (среди них – А. Е. Пресняков, П. А. Сорокин, Н. Д. Кондратьев, Б. А. Романов, С. Н. Валк, А. И. Андреев).

Профессионализм исторической науки в условиях глобального кризиса духовной культуры 20–30-х гг. проходил суровые испытания. Сохранение профессионализма, передача его новому поколению историков оказались единственно возможными целями ученых старшего поколения. Источниковедение как направление исследований и как предмет преподавания стало волею судеб в центре их внимания. В силу обстоятельств в сохранении и трансляции источниковедческих традиций российской высшей школы, а затем в их развитии определилась роль Историко-архивного института. Источниковедческий профессионализм, обособившись от собственно исторической науки, испытывавшей сильнейшее воздействие господствующих идеологических и конъюнктурных влияний, обрел иную социальную функцию, несколько отличную от функции исторической науки. Полем его приложения стало управление государственной архивной службой и содержание деятельности архивов.

Это привело в Институт выдающихся представителей академического источниковедения (С. Б. Веселовский, Ю. В. Готье, П. Г. Любомиров, А. Н. Сперанский, Н. П. Чулков, И. И. Полосин и др.). М. Н. Тихомировым и С. А. Никитиным был поставлен общий курс источниковедения отечественной истории, изданный в 1940 г. в виде двух книг этого знаменитого ныне учебника. С деятельностью в Институте А. И. Андреева был связан новый этап формирования концепции преподавания методов исторического исследования в высшей школе (методологический курс источниковедения, включавший, во-первых, разработку общих методов критики и истолкования исторических источников независимо от их видовой специфики; во-вторых, применение видового принципа классификации и характеристики конкретных групп источников и приемов работы с ними; в-третьих, обращение к новым приемам критики и интерпретации источников нового и новейшего времени). У истоков этой источниковедческой стороны историко-архивоведческого образования стояли также А. А. Новосельский, В. К. Яцунский, Н. В. Устюгов, В. К. Лукомский, Л. В. Черепнин, И. А. Голубцов, И. Ф. Колесников, А. Т. Николаева, М. Н. Черноморский, А. А. Зимин, А. Ц. Мерзон.

На Западе в годы Второй мировой войны ученые были оторваны друг от друга, но не переставали размышлять о ремесле историка, о значении истории и ее роли в духовной культуре человечества, о методах ее постижения. При всем различии их судеб, условий времени и места, форм и способов воплощения своих идей нельзя не видеть, как в главном были близки их идеи. Это стало очевидным позднее, когда были изданы труды М. Блока «Апология истории, или Ремесло историка» и «Идея истории» Р. Дж. Коллингвуда. Конец 40-х – начало 50-х гг. были отмечены подъемом методологических дискуссий и споров о методах исторического исследования, не нашедших отклика в отечественной науке. Потребность в обсуждении таких проблем в науке и в высшей школе в общественно-политических условиях того времени была канализирована в русло идеологических кампаний (предметом критики стала и книга А. С. Лаппо-Данилевского). Но, полемизируя с идеями «буржуазного исто-

рика» А. С. Лапшо-Данилевского, прежде всего о природе исторического источника историки (А. В. Черепнин), в сущности, брали в качестве исходного и подтверждали главный теоретико-познавательный постулат его концепции, а именно понимание источниковедения как системного учения об источниках¹²⁴.

Возрастание историзма общественного сознания в мире к концу 50-х гг., изменение общественно-политической ситуации в стране открывали новые возможности. Вопросы источниковедения стали предметом внимания научных конференций, журналов, издательств. Основные проблемы, которые анализировались отечественными историками и философами в это время, – природа исторического источника, принципы классификации источников, содержание и последовательность этапов и процедур источниковедческого анализа. Предметом специальных исследований стал процесс становления теории источниковедения как системы получения достоверного знания о совокупности объектов (исторических источников, рассматриваемых в их существенно общих свойствах). Более очевидным стало значение науки об источниках в связи с разработкой проблем методологии исторического познания, в частности субъекта и объекта в процессе исторического познания, соотношений между историческим источником, историческим фактом и восприятием социальной информации историком. Сохраняя в целом заложенную в начале XX в. идею целостности основы исторического познания и собственной системности как метода, источниковедение вплотную приближалось к современной ситуации.

8. В современной ситуации в теоретико-познавательном плане вновь обретают значимость идеи, впервые возникшие в России в начале XX в. Они получают актуальные интерпретации в эпоху формирования новой исторической науки, единой системы наук о человеке, исторической антропологии. Это:

¹²⁴ См.: *Черепнин А. В.* К вопросу о методологии и методике источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин // *Источниковедение отечественной истории.* М., 1973. С. 38. См. также: *Медушевская О. М.* А. В. Черепнин и становление науки об источниках // *Феодализм в России.* М., 1987. С. 54–55.

– идея системного единства мирового целого (концепция ноосферы В. И. Вернадского и «мирового целого» А. С. Лаппо-Данилевского) как основа интеграции наук о природе и наук о жизни и культуре; идеи самоидентификации России и русской науки в мировом социокультурном процессе:

– концепция, ставящая в центр познания исторический источник – продукт осознанной человеческой деятельности и источник познания этой деятельности;

– возможность целостного познания феномена человека в единстве его биологических, психологических, интеллектуальных, социальных и иных свойств, проявляющихся в произведениях человека.

– ориентированность, с одной стороны, на эмпирику исследовательского процесса, архивистику и методiku гуманитарных дисциплин, с другой – на единство и цельность конкретного труда как части системного знания научного сообщества.

9. Источниковедение, в отличие от исторической науки, вышло из трудного для гуманитарной культуры времени концептуально целостным, динамичным, заняло прочное место в высшей школе. В новых условиях развития гуманитарного знания источниковедение выступает как единый в своем разнообразии метод, как профессиональная основа изучения источников различных эпох, стран, видов и разновидностей¹²⁵. С изменением социальной и интеллектуальной ситуации в стране источниковедение вступило в новый этап.

10. Решая массу унаследованных от прошлого и, в сущности, принадлежащих прошлому задач (обеспечение базы исторического познания, реализуемое архивной, исследовательской, издательской деятельностью), современное источниковедение стоит перед собственной задачей концептуального характера – реализацией своей роли в системе гуманитарного знания в целом и в гуманитарном образовании в частности. При этом ключевую роль играют изменения в системе гуманитарного образования.

¹²⁵ См.. Источниковедение XX столетия: Тез. докл. и сообщ. науч. конф. / Отв. ред. В. А. Муравьев. М., 1993.

11. На своих передовых рубежах современная познавательная практика не только перестраивала весь подход к историческому и шире – гуманитарному – познанию, его целям, содержанию, отношению к другим наукам и дисциплинам – она выявляла недостаток традиционного профессионального образования. Образование, построенное на преподавании одной (любое) модели истории (общественной структуры, литературной традиции и т. д.) становится все более непродуктивным. Существование в реальном многомерном и поливариантном мире попросту отвергает подобный подход. Этому же противоречит и рост междисциплинарности науки, взаимодействие ее далеко отстоящих друг от друга отраслей, прокладывающее дорогу к реальной цельности научного познания целостного же мира. Научное сообщество как будто бы осознает идею необходимости кардинальных перемен в историческом (и ином гуманитарном) образовании, идею развивающего – а не постоянно продуцирующего некую систему фактов и готовую, отработанную модель прошлого исторического образования. Такое направление поворота образования воспринимается всей сферой гуманитарных наук как перспективное. Речь идет о новой системной модели знания и образования.

Идея развивающего образования через обучение методологии – обучение ее теоретическим основам, нормативам и исследовательской технике – составляет сущность современной концепции образования. Речь идет о возможности подготовить специалиста, который способен самостоятельно оценивать гуманитарную ситуацию, обладает эвристическими и методологическими знаниями для выбора соответствующих средств решения проблемы и умеет применять освоенные технические методики в новых условиях, применительно к новому материалу. Это происходит тогда, когда ему понятна системная связь методологии и ясны общие принципы решения исследовательских задач.

12. В вырисовывающейся ныне оппозиции репрезентативного и развивающего подходов к обучению существенное значение приобретает не движение от исторической модели к

историческому источнику (свойственное спектру предшествующих парадигм, от рационалистической до позитивистской, и репрезентативной модели как таковой), а от исторического источника к историческому – и шире – гуманитарному построению. Это, с одной стороны, ориентирует на отрефлексированную эмпирику исследовательского процесса, методы гуманитарных дисциплин, источниковедения, архивистики, с другой – на единство и целостность вырастающего на этой основе построения. При обозначившемся стремлении восстановить цельность гуманитарного познания, считаясь в то же время с глубокой специализацией различных его областей и многократным умножением междисциплинарных связей, цель состоит в формировании единого методологического и источниковедческого поля гуманитарного, историко-культурного в широком смысле, историко-цивилизационного познания – единого поля и сводного арсенала средств познания для историков, философов, архивистов, социологов, музееведов, филологов, искусствоведов – всех специалистов гуманитарного профиля, для которых история была и остается «питающей» наукой. Общность теоретической источниковедческой концепции соответствует стремлению к интеграции гуманитарных наук, прикладное применение – специфике отдельных из них. Так, если для историка, архивиста важна ориентация во всем видовом многообразии исторических источников, во всем их существующем объеме, то для политолога или, например, искусствоведа существенны иные акценты. Рассматривая общую теоретическую источниковедческую концепцию как общий язык гуманитарного познания и исходя из нее, мы получаем возможность строить отраслевые учебные и научные лексиконы.

13. Проблема исторического источника как основы гуманитарного познания выходит и на самое существование этого познания, на его современную структуру. Противоположаемые в современном познании концепция и методология, объяснение и понимание, «макро-» и «микро-» подходы генетически восходят к выявленной в конце XIX в. оппозиции номотетического и

идиографического принципов. Номотетические системы – объясняющие. Их развитие в XX в. привело к дегуманизации исторического и в целом гуманитарного знания, отчуждению от человека и его среды. Множество же порожденных в рамках номотетических подходов объясняющих схем при практическом отсутствии критериев для их верификации поставило под сомнение сам номотетический принцип. Собственно и преодоление кризиса позитивизма начиналось на идиографических путях (немецкая культурологическая школа и др.). Оставляя в стороне правые и неправые споры давних лет, отметим, что, если номотетические направления ставят задачу объяснения человека и его истории (отсюда и их прогностическая функция), то идиографические преследуют цель понимания культурно-исторических феноменов. Идиография сохраняет гуманитарный характер исторического знания; но идиография, описывая феномены культуры как уникальные, принципиально не дает способов реконструкции исторического целого. Оппозиция парадоксальна – хотя традиционная идиография не дает возможности объединения знаний об отдельных феноменах культуры, именно в рамках идиографии достигим строго научный подход к ним. Если объяснений феномена много, адекватное понимание его возможно лишь одно.

Преодоление этого парадокса также восходит только к историческому источнику, рассматриваемому не изолированно, а в рамках «коэксистенциального» и «эволюционного» целого, с установлением системы отношений между индивидуализирующими и генерализирующими подходами, глобализацией и индивидуализацией, «макро-» и «микро-» подходами к единому предмету гуманитарного познания.

ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКОЕ НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ: ГУМАНИТАРНОЕ ЗНАНИЕ КАК СТРОГО НАУЧНОЕ¹²⁶

В гуманитарной мысли России начала XX в. сложилась особая культурологическая концепция, создавшая основу для целостного подхода к проблемам научного познания и оказавшая свое влияние на ряд направлений развития в области исторической науки, социологии, социальной психологии, права. Свое теоретическое и логическое обоснование она получила прежде всего в трудах акад. А. С. Лаппо-Данилевского. Его исследования представляют значительный интерес в связи с проблематикой формирования единой науки о человеке, междисциплинарности и интеграции наук о природе и наук о культуре, в связи с проблематикой самоидентификации России и русской науки в мировом социально-культурном процессе, в связи с проблематикой правовых аспектов отношений личности, общества, государства. Его методологическая концепция и соответствующий круг идей нашли свое развитие и творческую интерпретацию в трудах ряда мыслителей XX в. Однако общность исходных постулатов и сама их сущность остаются до сих пор недостаточно выявленными и проясненными.

Методология истории сложилась изначально как междисциплинарная наука. В ее основе – постулат единства мирового целого и человечества как его особой, наделенной сознанием части. Одновременно человечество рассматривается в развитии (эволюционное целое) и системности (коэжистенциальное целое). Своеобразие и познавательная ценность данного подхода выступают особенно ярко в сравнении с господствовавшим противопоставлением наук о природе и наук о культуре, в то время, когда данная методология складывалась и развивалась.

¹²⁶ Публикуется по изданию: *Медушевская О. М.* Источниковедческое научно-педагогическое направление: гуманитарное знание как строго научное // Научно-педагогическая школа источниковедения Историко-архивного института: сб. – М.: РГГУ, 2001. С. 8–32.

Последовавшие бои за преодоление позитивистских установок в методологии истории в сознании историков стали, как известно, трудными и длительными. Лишь относительно недавно стремление к интеграции (в отличие от центробежных противопоставлений наук о природе и наук о культуре) стало ведущей и перспективной тенденцией взаимодействия гуманитарных, естественных и точных наук. Происходит становление единой науки о человеке, которая могла бы охватить не только отдельные стороны (социальные, биологические, психологические) феномена человека, но само их взаимодействие, обусловленное его целостностью. Источниковедческая методологическая концепция А. С. Лаппо-Данилевского, ставящая в центр познания продукт человеческой деятельности – исторический источник как явление культуры, представляет поэтому свой оригинальный познавательный подход к проблеме междисциплинарного синтеза. В истоках этой концепции видно влияние идей двух выдающихся мыслителей – А. С. Лаппо-Данилевского и В. И. Вернадского.

В Петербургском университете, где А. С. Лаппо-Данилевский создал научное общество («кружок больших», как шутливо называли его в конце XIX – начале XX в., в отличие от научных студенческих кружков, которыми руководили сами его участники), которому были присущи методологическая направленность и междисциплинарность. Идеи ученого обсуждали – философ И. И. Лапшин, экономист и статистик А. А. Кауфман, историки и филологи И. М. Гревс, С. Ф. Ольденбург и его брат Ф. Ф. Ольденбург, М. А. Полиевктов, А. Е. Пресняков. Разрабатывавшаяся в обществе методология гуманитарного познания нашла своеобразную интерпретацию и развитие в трудах П. А. Сорокина, Н. Д. Кондратьева, Т. И. Райнова, Л. П. Карсавина, историков С. Н. Валка, А. И. Андреева, Б. А. Романова, Г. В. Вернадского. Многие видели общность исходных принципов изучения культуры у А. С. Лаппо-Данилевского и филолога А. А. Шахматова. Возможно его влияние (уже косвенное) на М. М. Бахтина.

Гуманитарное знание А. С. Лаппо-Данилевский рассматривал как строго научное, вкладывая в это понятие логическую

особенность взаимосвязанной системы методов верификации исторического источника, социального факта и феноменологии культуры. В качестве реальной основы гуманитарного знания выступает совокупность произведений, созданных людьми в процессе осознанной деятельности («реализованные продукты человеческой психики») ¹²⁷.

Источники рассматриваются как реальное воплощение, проекция изучаемой культуры той или иной социокультурной общности. Именно поэтому необходимым этапом гуманитарного исследования является реконструкция и последующая интерпретация соответствующей совокупности источников как явлений культуры. В гуманитарном образовании источниковедческая концепция имеет поэтому системообразующее значение. Данный подход удалось ввести в период образования Историко-архивного института (П. Г. Любомиров), и отстоять в 1945–1949 г. (А. И. Андреев). С образованием Российского государственного гуманитарного университета эти принципы получили новые возможности для своего научного развития и реализации в практике развивающего образования.

Другой важный компонент данной методологической концепции связан с проблематикой самоидентификации русского общества и русской науки как части мирового целого, что также нашло яркое выражение в творчестве А. С. Лапшо-Данилевского. «Свойственная А. С. Лапшо-Данилевскому глубокая цельность натуры, – писал А. Е. Пресняков, – служила естественной опорой цельности его мировоззрения, которую он стремился сознательно проработать и ею осветить – цельное и продуманное представление о том, что делает единым объектом изучения исторический процесс, – русский, прежде всего, а дальше и шире – общечеловеческий» ¹²⁸. Главное направление научно-организационной работы (особенно после избрания академиком в 1899 г.) ученый видел в объединении культуры России и культуры мировой. Он был одним из руководителей и

¹²⁷ *Лапшо-Данилевский А. С.* Методология истории. СПб., 1913. Вып. 2. С. 366 и след.

¹²⁸ *Пресняков А. Е.* Александр Сергеевич Лапшо-Данилевский. Пг., 1922.

докладчиком международных конгрессов историков в Берлине (1908) и Лондоне (1913), активно готовил очередной международный конгресс историков, который был назначен на 1918 г. в России. Начало мировой войны не сразу прервало эту работу – в 1916 г. ученый выступает в Англии, где получает звание почетного доктора права (Кембридж, 1916). На конгрессе в России должен был решаться вопрос о признании русского языка как международного (свидетельство С. Ф. Ольденбурга). В том же направлении им велась работа в Международном социологическом институте, Международной ассоциации Академий. «Русская философская и научная мысль настойчиво ищет единства в концепции тех явлений, которые она изучает», – отмечал ученый, подтверждая свое наблюдение обращением к трудам Лобачевского и Чебышева, Менделеева и Павлова, Вл. и Ал. Ковалевских, Федорова, Мечникова, Вл. Соловьева и Серг. Трубецкого¹²⁹. Особой чертой именно русского ученого Лапшо-Данилевского считал его обращение к актуальным вопросам жизни. Для него «не только нет жизни без науки, но нет и науки без жизни, вне жизни».¹³⁰

В течение многих лет его ученики разрабатывали тематику частноправовых русских актов, – становления и модификации прав личности, имущественных прав городского и сельского населения. Ученый разрабатывал и начал реализовывать грандиозный план научного издания всего российского законодательства. По правовым вопросам он выступал в Думе, работал в комиссии Ф. Ф. Кокошкина по подготовке правовых документов для Учредительного собрания. Правовая проблематика затрагивает отношения личности и общества, государства и его институтов, взаимодействия человека с природой, другим человеком, и потому она изначально междисциплинарна.

Источниковедение в России в начале XX в. основано на характерном для русской культуры принципе подхода к социальным явлениям. Главное в нем – ориентация на изучение

¹²⁹ Russian Realities and Problems. London, 1917.

¹³⁰ *Ольденбург С. Ф.* Работа А. С. Лапшо-Данилевского в Академии Наук // Русский исторический журнал. 1920. Кн. 6. С. 179.

произведений, созданных человеком в процессе его целенаправленной, осознанной деятельности. Эти произведения интерпретируются как социальные явления, реально существующие элементы культуры общества, и еще более широко – мирового целого. Цель их изучения состоит в том, чтобы узнать о людях, создавших эти произведения, и о том обществе, в котором они могли реализовываться именно таким образом. В данном качестве произведения выступают как источники социальной информации, а сам подход – как источниковедческий. Свое теоретическое обоснование, логическое изложение и практическое применение к конкретным видам источников методология источниковедения находит в трудах основателя научной школы, рассматривавшей метод исследования источников социального познания.

В работах С. Н. Валка, А. Е. Преснякова, И. М. Гревса начала 20-х гг. идеи А. С. Лаппо-Данилевского разносторонне интерпретированы и творчески развиты. Одновременно в них содержались обоснованные опасения относительно того, что традиционно мыслящие специалисты, далекие в принципе от философских трактовок ремесла историка, не воспримут эти идеи. Аналогичные мотивы, как известно, прозвучали чуть позже в выступлениях ученых новой исторической школы на Западе, где развернулись «бои за историю», за новые подходы к проблеме социального познания. В статье «Воспоминания ученика» С. Н. Валк представил сущность ситуации на примере семинара А. С. Лаппо-Данилевского по изучению актовых источников. Вспоминая многолетнюю работу семинара, Валк отмечал, что среди его участников выявилось три психологических типа исследователей, по существу, три разных менталитета: одни сосредоточились на библиографическом описании актов (создании «банка данных»); другие – на традиционной критике актов как источников фактических сведений; и только немногие восприняли как приоритетную для себя главную идею учителя – подход к частноправовым актам как к явлениям, реально составляющим целостность культуры.

Ту же проблему историка-позитивиста с несколько иной стороны рассмотрел А. Е. Пресняков, давший в статье о

В. О. Ключевском обобщенный образ историка, озабоченного лишь тем, как добыть из источника искомые факты, и оставляющего без внимания своеобразие самого источника как особого культурного объекта. В книге о Лаппо-Данилевском Пресняков отнюдь не делает секрета из того, что идеи его учителя разделялись далеко не всеми историками в Петербургском университете, где признанным лидером исторической школы был С. Ф. Платонов, а уж тем более – историками московской школы. Профессиональное сообщество раскололось.

Подход к источнику как к целостному произведению, явлению культуры своего времени, по существу, определяет суть новой методологии источниковедения. В трудах Лаппо-Данилевского он нашел свое теоретическое обоснование, а затем конкретное применение к актовому источниковедению. В трудах последователей Лаппо-Данилевского эта мысль находит свое развитие. Но данный подход в то же время нашел свое подтверждение на ином материале, в трудах другого гениального русского ученого рассматриваемой эпохи, а именно – в трудах А. А. Шахматова, посвященных русскому летописанию. Шахматов в отличие от Лаппо-Данилевского не дает теоретического обоснования нового подхода, но реализует его в практике исследования русских летописей.

Таким образом, становление русского источниковедения тесно связано с развитием гуманитарной мысли нашей эпохи. Социальные конфликты XX в., столь остро ощущавшиеся в России, были глобальными, а их осмысление выступало как неотложная задача науки. Именно история человечества, единая во времени («эволюционное целое») и пространстве («коэзистенциальное целое»), определялась как главный объект исторического познания¹³¹. Российские гуманитарии разных поколений, которые в конце XIX – начале XX в. систематически собирались для обсуждения проблем общечеловеческой истории и методов ее познания, после революции 1917 г. оказались разобщены, а их судьбы – трагичны.

Влияние изначально общих идей и подходов прослеживается не только в становлении отечественных научных школ, но и

¹³¹ *Лаппо-Данилевский А. С. Методология истории. Вып. 2. С. 331–335.*

в деятельности ученых, которые в силу сложившихся условий оказались вынужденными влиться в иную профессиональную среду (например, П. А. Сорокин, Г. В. Вернадский, Л. П. Карсавин). Источниковедение как особое направление сложилось и продолжало развиваться в России, где были сохранены традиции его теоретического исследования, университетского преподавания. В современных условиях стала более очевидной жизненность данного направления.

Для передачи опыта новым поколениям решающее значение имели два обстоятельства: наличие концептуального видения проблемы и возможность ее реализации в преподавании. Нам известно значение методологии источниковедения как концепции, которую ее основатели развивали и интерпретировали, пока имели такую возможность, в печати. Для них весьма характерна и связь с высшей школой, стремление к преподавательской деятельности. Дело не только в передаче знаний, в необходимости формировать ту интеллектуальную среду, которая была бы способна, в свою очередь, генерировать новые идеи. Именно университетское преподавание в классическом российском варианте давало возможность охватывать процесс развития науки в целом, обосновывать и соотносить теоретические поиски и исследовательскую практику, улавливать перспективы движения научной мысли. Именно поэтому методология источниковедения и ее преподавание в высшей школе составляют нечто единое. Судьбы университетского образования в России едва не привели к разрыву этого единства.

В 1930 г. произошло важное с данной точки зрения событие – открытие Историко-архивного института. Его возникновение никоим образом не выводится логически из потребностей исторической науки. Положение ее в то время исключает подобные соображения, тем более, что источниковедение с его ригористическими постулатами достоверности и критики всегда препятствует подчинению науки идеологическим стереотипам. Историко-архивный институт своим появлением обязан объективной потребности государственных административных служб в документальном обеспечении управления. Для функционирования политической системы

администрации необходимо документационное обеспечение, для него, в свою очередь, подлинный, а не мнимый профессионализм. Поэтому в самый разгар идеологической борьбы с инакомыслием небольшая группа профессионалов – историков и методологов – была привлечена к преподавательской деятельности в высшем учебном заведении. П. Г. Любомиров (последователь А. С. Лаппо-Данилевского) сумел включить в складывавшиеся планы преподавания полный курс источниковедения. Когда в 1936–1940 гг. курс читал М. Н. Тихомиров, он привнес в него свое видение проблемы, создав наряду с С. А. Никитиным фундаментальный курс источниковедения отечественной истории. И Тихомиров, и Никитин рассматривали все важнейшие виды источников с древнейших времен до конца XIX в. На этой основе были созданы известные учебники, соединившие в себе традиции русского источниковедения и новые идеи.

Ученые исходили из положения, что сначала исследователю необходимо создать ясное представление об «источниковедческой ситуации» проблемы в целом и лишь потом – углубляться в частности. Типологический курс источников русской истории читал в Московском университете еще В. О. Ключевский. Именно знание общей картины источников русской истории позволяло создавать источниковедческие исследования по видовому принципу. Необходимость изучения источников во всей их совокупности обосновывал в 80-х гг. прошлого века К. Н. Бестужев-Рюмин. М. Н. Тихомиров и С. А. Никитин развили эти традиции русской источниковедческой методологии и создали целую картину, обозначили «источниковедческую ситуацию» русской истории. Данный подход ценен еще и тем, что позволяет установить, как представляет себе историческая наука в тот или иной период совокупность своих источников. Учебник Тихомирова с этой точки зрения стал важным шагом вперед: в нем дается широкая источниковедческая основа отечественной истории, в научном обороте конституированы видовые комплексы источников по истории народов СССР с древнейших времен до конца XVIII в. Перед нами одно из важных достижений

отечественного источниковедения данного периода – активное освоение новых групп источников.

С. А. Никитин в своем учебнике показал совокупность источников по истории России XIX в. Он теоретически обосновал типологический принцип рассмотрения источников, справедливо отметив, что именно такой подход дает возможность раскрыть условия формирования видовых свойств источников в длительной исторической перспективе.

Теоретическая разработка концептуальных положений источниковедения особенно усилилась, когда в Историко-архивном институте (1943 г.) появился А. И. Андреев, вскоре возглавивший кафедру по данному научно-педагогическому направлению (кафедра вспомогательных исторических дисциплин). Еще в 1940 г. вышел в свет выдающийся источниковедческий труд ученого – монография «Очерки по источниковедению Сибири». В этом труде реализованы принципиальные положения методологии источниковедения петербургской школы: подход к историческим источникам как к явлениям культуры, охват вещественной и знаковой сторон источников, разработка видовых методов критического исследования русских письменных, картографических, изобразительных и других источников в сравнительной перспективе. А. И. Андрееву удалось привлечь к разработке проблем методологии источниковедения и концепции курса значительные творческие силы, создать оптимальную структуру общего курса источниковедения. Вместе с В. К. Яцунским он занялся проблемой взаимодействия естественно-научных и гуманитарных аспектов в исследовании и преподавании источниковедения и исторической географии. Особенно важное значение имела разработка источниковедения отечественной истории Новейшего времени, начатая по инициативе М. Н. Черноморского, а также курсов и семинаров по дипломатике (актовому источниковедению), проведенная А. А. Зиминьим, и курса Л. В. Черепнина по источниковедению и русской палеографии.

В это время (середина XX в.) происходит смена сложившихся стереотипов и ориентаций массового сознания. Технократи-

ческие перспективы прогресса мировой цивилизации воспринимаются более критично, нежели ранее, яснее вырисовываются опасные тенденции дегуманизации науки и развития общества в целом. Накопление нового социального опыта, введение в научный оборот источников, ранее не привлекавших к себе внимания профессиональных историков, изменившиеся представления о роли исторического знания и роли историка в процессе исследования – все эти новые проблемы настоятельно требовали теоретического обобщения, широкого обсуждения. Методологические дискуссии, развернувшиеся на Западе после выхода в свет трудов М. Блока – «Апология истории» и Р. Дж. Коллингвуда – «Идея истории», массовый общественный интерес к работам А. И. Марру об историческом познании, к новаторским трудам историков школы «Анналов» – свидетельства возрастания историзма общественного сознания.

Окончание Второй мировой войны изменило политическую и культурную ситуацию в мире, дало историкам возможность качественно иного осмысления предмета и методов своей науки. В центре методологических дискуссий конца 40 – начала 50-х гг. оказались вопросы исследования современной цивилизации. Сравнительный анализ различных подходов, приемов исследования, возможностей междисциплинарных контактов осознавался как результативный путь формирования новой социальной науки. В этих обстоятельствах жизнь за «железным занавесом» в искусственной изоляции от мировой культуры прошлого и современности воспринималась русским историком особенно остро. Ученые всячески стремились преодолеть эту изоляцию. Например, А. И. Андреев в бытность заведующим кафедрой вспомогательных исторических дисциплин Историко-архивного института (1944–1949), знакомя слушателей с работами А. С. Лаппо-Данилевского, утверждал, что наука неделима и изучение новых достижений западных ученых необходимо, формировал новую модель образования.

В условиях нарастающего идеологического давления А. И. Андреев отстаивал свои научные убеждения, боролся против изоляции отечественной науки. Он публиковал труды, в

которых рассматривал традиционные научные связи России и Запада, использовал новые данные об этом в педагогической работе. По его предложению кафедра включила в свои планы серию докладов о трудах западноевропейских и американских ученых, представляющих интерес для изучения источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин. Кафедра даже решила просить дирекцию об установлении контактов с соответствующими по профилю западноевропейскими и американскими научными учреждениями. Все эти действия ставились А. И. Андрееву в вину в ходе развернувшейся идеологической кампании 1949 г. За отказ выступить с идеологической критикой методологии своего учителя Лаппо-Данилевского ученый был выведен из состава совета института, лишен кафедры и преподавания.

Во время той же кампании другой историк, В. К. Яцунский, подвергся критике за использование иностранных трудов в области исторической географии. Не избежал гонений и Л. В. Черепнин, который был вынужден опубликовать статью с идеологической критикой концепции А. С. Лаппо-Данилевского. Без ведома автора в статье появились также негативные суждения об ученых, принадлежащих к данной школе, в частности об А. И. Андрееве.

Андреев оставался тверд в отстаивании своих научных и нравственных приоритетов. Позднее вполне справедливо его борьба за свободу научной мысли сравнивалась в современной историографии с борьбой, которую в те же годы в области естествознания, биологии, генетики самоотверженно вели В. И. Вернадский, Н. И. Вавилов, Н. В. Тимофеев-Ресовский. Лишенный возможности работать на кафедре А. И. Андреев (который и жил в помещении института) был вынужден уехать из Москвы. Вслед за ним кафедру оставил Л. В. Черепнин, а позднее В. К. Яцунский. Но научное направление было продолжено.

В качестве существенного признака, важной отличительной чертой научной деятельности двух очень разных ученых, о которых идет речь – А. И. Андреева (1887–1959) и В. К. Яцунского

(1893–1966) – отчетливо выступает взаимодействие историко-культурного и географического подхода на основе источникововедческой методологии.

Для обоих особенно важно изучение не только исторического процесса – человека во времени, но прежде всего – деятельности человека в реальном, географическом (и социальном) пространстве. А в конкретной реальности настоящего, (что люди знают по собственному опыту), присутствуют не отдельные фрагменты, но вполне ощутимая целостность и взаимосвязь. Источниковедческая парадигма дает поэтому свой ответ на вопрос об историческом синтезе: вполне возможно по фрагментам изучать глобальную историю, существуют и общезначимые, научные методы ее исследования. Задача ученого – выявить ту внутреннюю связь, то объективно существующее единство мира, которое реально существует и поэтому не может не найти отражения в пространственных параметрах. Рассматривая этнографические экспонаты музеев, Видаль де ла Блаш замечает: «В тех случаях, когда размещением экспонатов руководила последовательная мысль, мы сразу заметим, что предметы одного происхождения объединяет глубокая внутренняя связь. По отдельности они поражают только своей причудливостью; собранные вместе, они обнаруживают печать общности»¹³². Эта связь существует не только в природе, но и в культуре. Единство социокультурной общности, обусловленность каждого элемента системы и ее соотношения с целым есть неотъемлемая черта живой культуры, условие ее функционирования. Поэтому задача гуманитария состоит в том, чтобы не пропустить, увидеть эти функциональные связи, имеющие и пространственные параметры.

Соответственно, в качестве первоочередной задачи выступает изучение взаимосвязанного корпуса источников, который и является своего рода проекцией культуры во времени. Конкретный выбор зависит от личных интересов или обстоятельств деятельности ученого. А. И. Андреев обратился вначале к восстановлению корпуса источников по истории, антропологии,

¹³² *Февр А.* Бои за историю. М., 1991. С. 161.

географии, этнологии народов Севера¹³³. Биограф и друг Андреева совершенно прав, когда подчеркивает, что этот выбор характерен «для его подхода к новому делу», характерен своей целостностью, он выбирает не фрагмент, но часть целого культуры. Север для данного направления учеников Лаппо-Данилевского – родина или место деятельности его близких друзей (П. А. Сорокин, Н. Д. Кондратьев, Ш. З. Элиава). Эта работа ведется совместно с С. Ф. Ольденбургом (Финно-угорский сборник выходит под общей редакцией этих ученых).

Сам ученый объединяет труды 1921–1929 гг. как «труды по истории Русского Севера по вспомогательным историческим дисциплинам и по русскому источниковедению»¹³⁴. Андреев находился в 1931–1935 гг. в ссылке в Енисейске (сплавная контора, стройка, музей). Ученый вывез оттуда замысел исследовательского труда по цельной, удивляющей нас сегодня актуальностью и значением проблеме¹³⁵. Этот труд представляет классическое наследие русского источниковедения XX в. прежде всего цельностью и уровнем реализации замысла: «Источники, которые должны быть положены в основу нового построения («историческое построение» культуры) истории народов находятся в многочисленных архивных хранилищах, не выявлены в достаточной мере, и, даже если они описаны или напечатаны, мало изучены. Без полного учета исторических источников, в особенности наиболее важных и ценных, невозможно, однако, серьезная историческая работа... В таком же положении находились и историки народов Сибири»¹³⁶. Итак, перед глазами ученого – новая история народов, и как ее живая

¹³³ Андреев А. И. Обзор русских исторических работ по изучению финно-угорских народностей в СССР // Финно-угорский сборник. Л., 1928. См. также: Яцинский В. К. Александр Игнатьевич Андреев // Андреев А. И. Очерки по источниковедению Сибири. М., 1960. Вып. 1. С. 6.

¹³⁴ Андреев А. И. Автобиография // Простоволосова Л. Н., Станиславский А. А. История кафедры вспомогательных исторических дисциплин. М., 1990. С. 46.

¹³⁵ Он же. Очерки по источниковедению Сибири. М., 1940; 2-е изд. М., 1960–1962.

¹³⁶ Там же. 2-е изд. С. 17.

и взаимосвязанная часть, источниковая проекция Сибири как социокультурной общности части российского и мирового целого.

Учитель А. И. Андреева А. С. Лаппо-Данилевский заметил как-то, что ученого следует оценивать не по тому, что он успел сделать, а по тому, какие цели он перед собой ставил. А. Е. Пресняков, приведя эти слова учителя, отметил, что они очень подходят именно к нему самому. Можно считать, что они выражают важный критерий в интерпретации произведения – масштаб личности ученого и теоретический уровень его конкретно-исследовательских целей. Источниковедение Сибири – до Тихого океана и далее до Америки – таков масштаб цели Андреева. Он должен был задуматься над структурой, способом репрезентации собранного и исследованного материала. Теория источниковедения дает для этого четкие типологические критерии: видовой принцип. Вид источника выражает его целевые функции и тем самым позволяет ясно представить изучаемую социокультурную общность в ее реально существовавших системных связях. В труде А. И. Андреева рассмотрены отписки и расспросные речи служилых людей, чертежи и карты регионов, дозорные книги Сибирских уездов, ясашные книги, описания поездок русских послов в Китай и путешественников по Сибири, летописи и «История Сибирская», летописные своды (мы говорим здесь о принципе построения, не вдаваясь в детали). Обращаясь к источникам истории Сибири XVIII в., мы можем поэтому заметить появление новых видов и исчезновение некоторых из традиционных (движение от летописей и отписок к трудам академических ученых экспедиций XVIII в.).

Источниковеды знают, что каждый вид источника имеет свои особенности, обуславливающие способ применения к нему всего комплекса исследовательских приемов. Это и прослеживается в труде А. И. Андреева. Данный подход позволяет лучше понять, что им восстановлен цельный, взаимосвязанный самой жизнью корпус источников, который является и общим объектом наук о культуре, и ценным источником познания природы, увиденной глазами человека. Человек и пространство в трех реальных измерениях и еще в одном, духовном – таковы

параметры «Очерков». Междисциплинарность здесь не привносится извне, но выступает из самой жизни, объективированной в источниках.

А. И. Андреев был ученым, разрабатывавшим в основном конкретные проблемы, но о его теоретических взглядах мы можем судить по его педагогической деятельности. Они нашли яркое выражение в том направлении, которое он придавал работе кафедры, которой руководил в годы его работы в Историко-архивном институте, его преподавании, руководстве созданием учебных пособий и программ¹³⁷. Несомненно, он, как и его учитель А. С. Лаппо-Данилевский, придавал первостепенное значение выявлению культурного наследия народов России. Ему удалось создать целостный труд, показав источниковедение Сибири XVII–XVIII в. как проекцию культуры, целостный корпус источников, равно необходимых и общих для этнолога, географа, историка самого широкого профиля, филолога, антрополога, искусствоведа, культуролога. Именно так и показал он основные компоненты данной целостности (географические источники о Сибири XVII в., этнографические труды и материалы XVII в.; С. У. Ремезов как этнограф Сибири; собрание и издание Сибирских летописей в связи с их изучением и т. д.). Другой крупный корпус источников, выведенный из забвения А. И. Андреевым, – это уникальные тексты и карты по истории открытия и освоения островов Тихого океана и Аляски в XVIII в.¹³⁸. Любимый тип ученого для А. И. Андреева – именно тот, который воплощает в себе единство цели и междисциплинарность; у него есть исследование деятельности М. В. Ломоносова, географических трудов В. Н. Татищева, работы о Г. Ф. Миллере, С. П. Крашенинникове, Г. В. Стеллере, в трудах которых антропология, этнология, география, история, филология, картография выступают в эффективном взаимодействии¹³⁹.

¹³⁷ Простоволосова А. Н., Станиславский А. А. История кафедры вспомогательных исторических дисциплин.

¹³⁸ Андреев А. И. Русские открытия в Тихом океане XVIII в. // Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII в. М., 1948.

¹³⁹ Он же. Незвестные труды Ломоносова по географии, этнографии и истории России // Ломоносов: Сб. ст. и материалов. М.; Л., 1946.

Работая недавно над комментариями к «Описанию морских путешествий по Ледовитому и Восточному морю», опубликованным в новом издании трудов Г. Ф. Миллера¹⁴⁰, мне пришлось вновь убедиться, как много сделано ученым для исследования этого сложного произведения Миллера и воссоздания общей ситуации в мировой картографии его времени. А. И. Андреев – основатель отечественного картографического источниковедения и соответствующей научной школы; его ученик Л. А. Гольденберг (1920–1989) – автор известных трудов, один из членов авторского коллектива фундаментального труда по истории мировой картографии, издаваемого в США¹⁴¹. Картографическое источниковедение – перспективное междисциплинарное направление отечественной науки, развитие которого актуально для исторической антропологии, истории науки, исторической географии, этнологии.

Целостный, культурологический, в основе источниковедческий подход к междисциплинарным исследованиям человеческой деятельности представлен в трудах профессора кафедры В. К. Яцунского (1893–1966). Ученый разделяет теоретические представления данного научного направления о единстве историко-географического подхода к изучению человеческой деятельности. Его теоретические взгляды нашли отражение в концепции исторической географии, ее предмета и метода¹⁴². Вместе А. И. Андреевым В. К. Яцунский отстаивал возможность исследования и преподавания исторической географии на основе междисциплинарности, как части мировой науки и культуры¹⁴³. В его концепции историческая география выходит за пределы традиционных представлений об этой исторической дисциплине и представляется как исследование взаимодействий

¹⁴⁰ Миллер Г. Ф. Сочинения по истории России / Сост. А. Б. Каменский. М., 1996.

¹⁴¹ Постников А. В. Карты земель Российских. М., 1996. С. 8.

¹⁴² Яцунский В. К. Предмет и задачи исторической географии // Историк-марксист. 1941. № 5; *Он же*. Историческая география // Советская историческая энциклопедия. М., 1965. Т. 6. С. 514–517.

¹⁴³ *Он же*. Историческая география: История ее возникновения и развития в XIV–XVIII вв. М., 1955.

человеческой деятельности и природной среды. В настоящее время, когда идеи Видаля де ла Блаша о «человеческой географии» вновь нашли особый отклик в представлениях экологов¹⁴⁴, можно в данной исторической ретроспективе оценить гуманитарную антрополого-географическую концепцию Яцунского, его многолетнюю борьбу за изучение истории человека не в «абстрактном математическом пространстве» (как он критически определил данный подход в одной из своих работ), но в реальном пространстве географических условий человеческой деятельности. Для ученых его школы было очевидно значение исторической географии для историка, географа, антрополога, этнолога¹⁴⁵. В. К. Яцунский принимал активное участие в становлении концепции курса источниковедения на кафедре. Он отстаивал широкий видовой подход к классификации источников, в трудах его учеников человек и пространство исследуются на основе использования экономико-географических методов анализа массовых источников¹⁴⁶. Заложенный А. И. Андреевым и В. К. Яцунским в годы их работы на кафедре принцип взаимодействия естественнонаучных и гуманитарных аспектов в исследовании и преподавании источниковедения и исторической географии¹⁴⁷ нашел свое продолжение и развитие в деятельности ученых последующего поколения этой научной школы. Важно отметить тесную взаимосвязь теоретической концепции и взаимодополняемость курсов источниковедения и исторической географии в настоящее время. Это единство и разнообразие авторских интерпретаций позволяет разрабатывать эпистемологические проблемы антропологии, этнологии, исто-

¹⁴⁴ *Vidal de la Blache*. Principes de géographie humaine. P., 1995.

¹⁴⁵ *Yatsunsky V. K.* Trends in the number of peoples speaking the principal languages of the world and these languages in international intercourse in the XVIII–XXth centuries // VII International congress of anthropological and ethnological sciences. Moscow, 1964.

¹⁴⁶ *Кабузан В. М.* Народы России в XVIII веке. Численность и этнический состав. М., 1990; *Он же.* Народы России в первой половине XIX в. Численность и этнический состав. М., 1992.

¹⁴⁷ *Медушевская О. М.* Источниковедение в России XX века: Научная мысль и социальная реальность // Советская историография. М., 1996. С. 66.

рической науки, географии и картографии, формировать, новые направления и компаративные подходы в исследовании человека в пространстве истории и культуры.

Обсуждение методологических проблем в России в конце 40-х гг. носило, по понятным причинам, односторонний, идеологизированный характер. Но он не должен полностью закрыть от нас существо обсуждаемых проблем и достигнутые тогда результаты. Теоретические проблемы источниковедения в конце 40 – начале 50-х гг. подробно рассмотрены в ряде трудов Л. В. Черепнина. Чтение курсов источниковедения в Историко-архивном институте, разработка концепции источниковедения и программы курса, создание учебных пособий по палеографии и другим историческим дисциплинам позволили ученому обратиться к проблемам теории. Хотя Л. В. Черепнин развивал свои представления об источниковедении и особенно историческом источнике в полемике с идеями А. С. Лаппо-Данилевского, Черепнин, по существу, как и его предшественник, исходит из концепции источниковедения как целостного и систематического учения. Он принимает и основные идеи общего метода критики, интерпретации, источниковедческого синтеза. Основные возражения высказываются им по вопросу о природе исторического источника, который основатель данной методологии определял как «реализованный продукт человеческой психики». Черепнин принимает и здесь главную идею об источнике как явлении культуры. Но ему более, чем кому-либо, известно, как произведение, продукт человеческой психики, в процессе своего рождения деформируется под влиянием объективных условий. Черепнин существенно дополняет представление о природе источника определяя его как историческое явление, как продукт общественной борьбы и социальных противоречий эпохи. Источник появляется на свет не таким, каким человеческая психика его замыслила, но таким, каким он реализовался, т. е. несущим на себе отпечаток среды его возникновения «Русские феодальные архивы» Черепнина основаны на том корпусе источников, которые ему, вслед за автором «Очерка дипломатики частных актов», тоже представлялись наиболее перспективными как источники, а именно на государственно-правовых и

частноправовых актах XIV–XVI вв. Видовые методы их исследования разработаны им в соответствии с теоретико-методологическими представлениями, созданными русским источниковедением.

В конце 40-х гг. с особой остротой встают теоретические и практические проблемы отношения к традиционному источниковедческому наследию. Черепнин акцентирует внимание на критическом анализе его методологии, Андреев – на ценности опыта отечественного источниковедения. Яцунский обращается к истории отечественной и зарубежной исторической географии, настойчиво расширяя круг историографических источников. Учеными двигала огромная увлеченность, осознание редкой, долгожданной возможности преподавать источниковедение, формировать образование, совершенствовать профессиональный аппарат историка, проверяя поиск педагогической и архивной практикой. Шла работа Черепнина над учебными пособиями, прежде всего над концепцией предмета, над определением места каждой из вспомогательных исторических дисциплин в системе исторических наук в целом. Это годы подготовки Л. В. Черепниным книг «Русская метрология» (1944), «Русская хронология» (1944), выхода в свет «Русской палеографии» Н. С. Чаева и Л. В. Черепнина (1946). Они не сняли всех проблем и трудностей, напротив, возникли острые споры, например, о предмете и методах палеографии и структуре ее курса. Но пособия созданы в ходе преподавательской деятельности, вызваны к жизни острой необходимостью, потребностями практики, одобрены кафедрой (все они вышли под редакцией заведующего кафедрой А. И. Андреева). Под его редакцией выходит и том трудов коллектива кафедры, где перу Черепнина принадлежит большая статья по тематике подготовляемой им монографии, в центре которой – проблемы дипломатики как актового источниковедения. Первый том монографии появился уже в 1948 г. «Русские феодальные архивы» давно и заслуженно вошли в классику советской исторической науки, источниковедения. Тогда, по выходе первого тома, работа произвела сильное впечатление фундаментальностью, вниманием к теоретическим проблемам источниковедения,

опытом их реализации в процессе исследования конкретных источников. Не сразу и не все принималось безоговорочно, но масштабный авторский подход создавал новый качественный уровень, обрисовав сложные аспекты многих проблем, требовавших осмысления.

Труд Черепнина имел важное значение для развития концепции источниковедения как науки об источниках. В нем формулировались принципиальные положения о материалистическом понимании природы исторического источника, об источнике как историческом явлении. «Каждый источник представляет собой историческое явление. Возникнув в определенных условиях времени и места, в обстановке классовой и политической борьбы, он носит на себе отпечаток именно этих условий, проникнут классовой направленностью и политической целеустремленностью». Интерпретация источника, подчеркивавшая его социальную природу как исторического явления и раскрывавшая зависимость методов источниковедческого анализа от объективных свойств источника, была дана Черепниным в связи с критикой идеалистических представлений, связывающих методологию источниковедения лишь с познавательной деятельностью историка. Принципиальные положения в труде Черепнина не только формулировались, они реализовывались в процессе исследования. Он изучил всю совокупность документальных источников Руси XIV–XV вв. в связи с историческими и политическими условиями создания источников, с историей русских феодальных архивов в тот период и в последующее время. Задачу источниковедения автор видел в том, чтобы раскрыть политический смысл документов, понять их происхождение в обстановке классовой и внутриклассовой борьбы в феодальном обществе. Во втором томе монографии вновь автор подчеркивал эту основную идею: «В первой части автор стремился показать, что задача советского источниковедения заключается в выяснении классовой сущности и политического значения подвергаемых анализу источников». Вобрав в себя опыт развития отечественного источниковедения, концепция источника как исторического явления, возникающего в определенных условиях общественного

развития и отражающего эти условия, имела, в свою очередь, важное значение для понимания взаимосвязанности, цельности вспомогательных исторических дисциплин как системы. Историзм подхода к источнику объединял дисциплины, изучающие отдельные стороны формы и содержания источников и происходящих в них изменений под влиянием хода общественного развития.

Обращаясь в одной из своих позднейших работ к истории палеографии, Черепнин отметил главную линию ее развития как расширение и углубление функций палеографии, определяемое стремлением сделать ее более действенной в историческом исследовании. В основе лежал историзм подхода к источнику. История развития письменности в курсе А. Н. Сперанского (заведовавшего кафедрой вспомогательных исторических дисциплин до 1943 г.), как писал А. В. Черепнин, опираясь на свидетельство Н. В. Устюгова, была «органически связана с экономическим, социальным, политическим развитием Русского государства». Историзм подхода к изучению внешних особенностей источника определил и главное направление разработки Черепниным «Русской палеографии» (1956). Его «методы рассмотрения истории письма на фоне общих явлений социально-экономического и политического развития» находят свое подтверждение в практике преподавания.

Именно подход к источнику как историческому явлению давал возможность раскрыть сущность взаимосвязи палеографии и источниковедения, правильно определить общность их цели при сохранении специфики в предмете и методах, а в методике преподавания облегчал логический переход от эмпирического уровня изучения внешних особенностей к более сложным, комплексным методам анализа происхождения и содержания источников.

В рамках источниковедения и ряда специальных дисциплин в процессе их преподавания, при составлении первых программ курсов этих дисциплин накапливался опыт в решении проблем классификации источников. Во втором томе «Русских феодальных архивов» Черепнин посвятил «принципам классифи-

кации актов феодальной эпохи (XIV–XV вв.)» особую главу. Критически рассмотрев некоторые, разработанные в прошлом русскими исследователями схемы, он остановился подробно на классификации актов, данной А. А. Зиминым в его программе по дипломатике для Историко-архивного института. «Над вопросами актового источниковедения много работал А. А. Зимин, считающий единственно правильным принципом классификации актов их содержание и рассматривающий историко-правовую структуру акта как дополнительный фактор». В соответствии с этим принципом программа кафедры по дипломатике выделяла акты о социально-экономических отношениях, акты внутренней и внешней политики с последующим более дробным делением по тому же принципу содержания. Отметив, что классификация актов по содержанию представляет большой шаг вперед, Черепнин, уточнив и развив ее, положил в основу классификации актов в своей книге.

Кафедра вспомогательных исторических дисциплин работала, наряду с программой по дипломатике, над программой курса источниковедения. Эта работа стала вестись особенно активно с того времени, когда кафедрой стала заведовать А. Т. Николаева (1952). В литературе уже говорилось о том, что, попытавшись вначале дать классификацию источников по их содержанию, кафедра убедилась затем в преимуществах видового принципа классификации источников. Об этом по личным впечатлениям активного участника дискуссии хорошо рассказал В. К. Яцунский. Он аргументировал целесообразность классификации источников с позиций общности методов, применяемых для их анализа (по существу, речь шла о видовых методиках исследования, определяемых особенностями законодательных источников, мемуаров и т. д.). Важно подчеркнуть, что альтернатива – классификации по содержанию или по видам – относилась именно к курсу источниковедения в целом. При классификации же внутри одного вида источников – актов в курсе дипломатики (и в монографии Л. В. Черепнина) классификация по содержанию была вполне рациональна и практически оправдана.

Как большое событие было воспринято на кафедре появление концептуальной статьи Черепнина «Источниковедение» во втором издании Большой советской энциклопедии (1953). Статья определяла источниковедение как наиболее широкую из вспомогательных исторических дисциплин, разрабатывающую методы изучения и использования исторических источников. Развивая теоретические положения «Русских феодальных архивов», Черепнин связывал единство научного источниковедения с материалистическим пониманием исторического источника: «Советское источниковедение раскрывает значение источника как продукта определенной системы производственных отношений и как результат классовой борьбы». Он отмечал, что на научной методологической основе решаются главные задачи источниковедения – вопросы классификации, критического анализа, определения происхождения, классового характера источника, проверки достоверности и фактической ценности его содержания и, наконец, синтеза – изучения системы источников в их взаимосвязи. Характеризовалось содержание основных этапов источниковедческого анализа – внешней критики (как изучения происхождения, истолкования) и внутренней критики (как изучения содержания). В статье показана была система вспомогательных исторических дисциплин в целом и место источниковедения в ней. Вполне определенно утверждалась необходимость преподавания источниковедения в высшей школе, намечались перспективы в этом направлении. На кафедре по данному вопросу был сделан большой доклад А. Т. Николаевой, а затем ею опубликованы статьи¹⁴⁸. В эти годы Черепнин уже не работал непосредственно на кафедре, в Историко-архивном институте, но своим авторитетом ученого, логикой постановки проблем источниковедения, своим непосредственным влиянием он утверждал и убежденно поддерживал ту работу, которую в этом направлении вела кафедра. Через Яцунского, других членов кафедры он был в курсе проблем и тех

¹⁴⁸ Николаева А. Т. Некоторые вопросы вспомогательных исторических дисциплин в БСЭ // Исторический архив. 1957. № 2; Она же. Научное совещание по вопросу критики исторических источников // Вопросы истории. 1957. № 5.

споров, в которых создавалась и совершенствовалась программа по источниковедению отечественной истории в МГИАИ, ее концептуальная основа. Его мнение и поддержка по вопросам классификации источников в курсе, понятий внешней и внутренней критики имели принципиальное значение.

На примере работы Л. В. Черепнина в МГИАИ отчетливо проявилось то огромное значение, которое имеет для преподавания и научной работы высшей школы участие ученых такого масштаба. Это влияние, этот духовный импульс проявлялись многогранно, ощущались непосредственно и дали и дают свой отклик спустя годы, все расширяя сферу своего воздействия. Если говорить о научном направлении, которое шло от Черепнина, то это прежде всего подход к источниковедению не как к вспомогательной дисциплине – методике, обзору источников, а как к области теоретико-познавательного уровня. Концепция источника как исторического явления, само представление о системе методов исторической науки – эти проблемы анализировались на высоком уровне теоретического обобщения.

При А. И. Андрееве был задуман в Историко-архивном институте и позже реализован смелый и сложный проект – учебник по источниковедению истории советского периода, изменивший само отношение к преподаванию данного курса. Освоение источников нового и новейшего времени началось в 20-х гг. с источников революционного движения, политического процесса в России и на Западе. Одной из главных задач А. И. Андреева в его работе на кафедре было создание источниковедения истории советского общества как особого направления и соответствующего лекционного курса, в котором можно было бы широко использовать документы современности. Именно он пригласил на кафедру специалиста в области советской статистики М. Н. Черноморского. Заложенное в новой концепции единство подхода к источникам ранних эпох и современности открыло возможности обращения к нетрадиционной проблематике. Тем самым преодолевалась привычная для менталитета историков временная дистанция, якобы необходимая для изучения событий современности, а с нею представление об истории как науке о прошлом. Документы, еще не

вышедшие из политической, социальной, культурной жизни и практики, уже могли интерпретироваться как источники, требующие критического анализа и верификации. Для идеологизированного общества 30–50-х гг. сам факт обращения к руководящим политическим документам как историческим источникам был открытием. В нем логически содержалась идея возможности критического отношения к этим документам, вокруг них исчезал ореол вневременности и абсолютности.

С началом «оттепели» в середине 50-х гг. вопросы источниковедения новейшего времени стали достоянием научной общественности. Первой ласточкой было научное совещание в Историко-архивном институте по вопросам критики исторических источников (1957 г.). В центре внимания оказался, как и следовало предполагать, прежде всего принципиальный вопрос – о правомерности применения к источникам советского периода всего объема методов научной критики и интерпретации. Вызвавшая поначалу психологический шок у идеологизированной аудитории, привыкшей к апологетической, вневременной, абсолютизированной трактовке любого советского документа, новая постановка вопроса в условиях ослабления идеологических запретов постепенно осваивалась общественным сознанием. Большой интерес в этой связи вызвала работа В. П. Данилова и С. И. Якубовской.

В последующие годы происходит уже более конкретное обсуждение предмета, задач источниковедения нового и новейшего времени, специфики источников (например, можно ли считать мемуары историческим источником). Проблемам преподавания источниковедения новейшего времени посвящались дискуссии в ведущих исторических изданиях начала 60-х гг.

Накапливался богатейший материал о содержании источниковедческого анализа новейших документов, о принципах их научной критики, об основах их классификации. Русские источниковеды долгое время были лишены возможности свободного использования традиций источниковедческой мысли, открытых дискуссий по проблемам своей науки. Между тем известно, как сопоставление позиций активизирует мысль, позво-

ляет яснее выявить то новое, что видит ученый, под иным углом рассматривая проблемы своей профессиональной деятельности. В блестящей полемике с классиками позитивизма, создателями позитивистской методологии истории утверждал свое новое видение исторического метода Л. Февр. В свою очередь, и его позиция, и суждения Ланглюа и Сеньобоса стали предметом размышлений следующего поколения, открывшего у Ланглюа и Сеньобоса немало ценного. В споре с позитивистскими методами «плохого детектива» утвердил Марру свое представление о месте историка в процессе познания. И в прямом диалоге с А. Пиганьолем он же уточнил свою позицию, развил концепцию научной критики источников. Долгое время сопоставительный подход был закрыт для русских источниковедов.

Сравнительный подход к изучению теоретико-методологических проблем источниковедения стал быстро развиваться с начала 60-х гг., когда появилась возможность обсуждения идей и положений русских методологов прошлого и современных западных ученых. Разумеется, идеологические рамки диктовали специфические формы критического изложения: закрытое общество всегда имеет свои, отличные от открытого общества формы введения социальной информации в научный оборот.

В 60–70-х гг. сформировалось особое направление, в центре внимания которого находятся теоретические проблемы источниковедения. В настоящее время оно представлено широким кругом монографических исследований, материалов научных конференций, публикаций в научной периодике. Это направление отличает междисциплинарный подход (природа исторического источника рассматривается в трудах историков, исследователей истории науки и техники, философов, социологов, исследователей материальной культуры и др.). Весьма характерно применение сравнительного подхода при анализе проблем теории, истории и методов источниковедения (труды Г. М. Иванова, Б. Г. Литвака, О. М. Медушевой, А. Т. Николаевой, А. П. Пронштейна, Л. Н. Пушкарева, В. И. Стрельского, С. О. Шмидта и др.). В центре вновь оказались методы исторического исследования в их сравнительно-историческом развитии

и современном состоянии, природа исторического источника, соотношение источника и социальной реальности, диалектика субъективного и объективного в процессе социального познания.

В последующие десятилетия сопоставительный анализ все шире использовался учеными для разработки проблем истории источниковедения XVIII–XIX вв., развития перспектив современного источниковедения, классификации исторических источников, развития метода источниковедческого анализа и синтеза.

Современное исследование теоретических проблем источниковедения опирается на метод сравнительного анализа подходов к проблемам соотношения субъекта и объекта в историческом познании, анализа западной новой исторической школы в контексте реалий социального развития и гуманитарной мысли XX в. Долгое время развивавшиеся в условиях изоляции и противостояния, русская и западная мысль обрели к концу XX в. новые возможности интеграции. Тем важнее поэтому идентифицировать концепцию методологии русского источниковедения XX в.

Научное познание в принципе имеет целью решение актуальных для общества проблем, а гуманитарные науки, в свою очередь, предлагают для достижения этой цели воспользоваться методом сравнительного анализа социального опыта человечества как культурного целого. При таком подходе становится очевидным приоритетное значение источников – продуктов целенаправленной человеческой деятельности, которые, во-первых, фиксируют социальный опыт и, во-вторых, обеспечивают возможность неоднократного обращения к нему последующих поколений.

Природа источника и многообразие исследовательских ситуаций, казалось бы, должны быть предметом фундаментальных исследований. Однако сами проблемы долгое время интерпретировались как прикладные, второстепенные, едва ли не технические. Русская наука начала XX в. выдвинула методологию источниковедения как особую проблему социального познания.

В XX в. источниковедение прошло жесткую проверку надежности своих теоретических постулатов, оно обогатилось практикой изучения все новых видов источников, творчески использовало сравнительный анализ интерпретаций теоретических проблем изучения источников.

Обратившись к анализу тенденций развития методологии междисциплинарных взаимодействий наук о человеке в пространстве и времени, мы видим, какие задачи они перед собой ставят и какие пути используются для их решения. За разнообразием подходов прослеживается стремление к более строгой научности, к расширению возможностей применения компаративных подходов, воспроизводимости результатов исследования человека, общества, цивилизации. Общей является и цель – исследовать феномен человека в его реальных взаимодействиях с природой, социальной реальностью и жизненным миром другого человека, понять физические, психические, социальные, духовные проявления человеческой личности в их цельности, взаимодействии и развитии. Современные направления гуманитарного знания анализируют феномен интеракционального взаимодействия. В центре внимания оказываются методы интерпретации знаковых, символических по своей природе внешних проявлений феномена вербального и невербального общения. Стремясь понять организующую связь, сплачивающую человеческие группы, общества, цивилизации, гуманитарные науки в то же время испытывают огромные трудности в достижении этой исследовательской цели. Мера неопределенности, разнообразия интерпретаций знаковых проявлений языковой культуры возрастает с каждым новым продвижением наук о культуре к познанию феномена человека.

Историческая наука, функционируя в условиях междисциплинарного взаимодействия, обогащает свою проблематику. Антропология, начав с изучения ранних этапов развития социальных общностей, проецирует свой метод на современную деревню, город, рассматривая процессы взаимодействия индивида – группы – общества в современной социальной и экономической ситуации; взаимодействие методов антропологии и

этнологии и распространение методов социологического анализа на новые области исследования массового общества, в свою очередь, расширяет возможности междисциплинарных подходов. На границах наук о культуре и истории техники, истории наук возникает новое знание.

В настоящее время очевидно, что развитие гуманитарного знания создало новую ситуацию, в которой следует рассматривать фундаментальные вопросы эпистемологии науки о человеке и его творческой деятельности. В частности, оказывается неправомерным противопоставлять историческую науку как науку о прошедшей реальности другим гуманитарным наукам, непосредственно наблюдающим свой объект. Данный подход не позволяет отличить объективные трудности гуманитарного познания от тех, которые возникают при неверной постановке проблемы. В этой, вторичной ситуации мера неопределенности вполне может быть уменьшена. Возможно и определить оптимальный подход, который обеспечивает развитие перспективных исследовательских направлений. Одним из признаков эффективности метода, о котором пойдет речь, является то, что он открывает возможности широкого применения компаративного подхода в гуманитаристике в глобальных географических и временных рамках. Речь идет об историковедческой парадигме методологии гуманитарного познания, основные положения которой мы рассматривали в связи со становлением феноменологического направления гуманитаристики как знания научного в начале XX в. Познавательная ценность данного подхода становится вполне очевидной в свете развития ряда наиболее перспективных направлений науки о человеке. Историковедческая парадигма была в свое время выработана в условиях взаимодействия исторической науки с широким кругом философских, филологических, правовых и психологических направлений и идей, что и позволило выделить данный метод познания в особую эпистемологическую междисциплинарную сферу исследования.

Актуальны такие фундаментальные постулаты данной парадигмы, как понятие о мировом целом и человечестве как его

особой, наделенной сознанием части; объектом методологии гуманитарного познания в ней выступает человечество, его эволюционное и коэксистенциальное целое; в познании человечества определяющим является принцип чужой одушевленности, который раскрывает специфику отношения субъекта и объекта в гуманитарном познании. Новое открывает данный эпистемологический подход для понимания проблем соотношения анализа и синтеза в гуманитарном знании, исторической антропологии.

Одной из новых тенденций в развитии гуманитарных наук становится обращение к источниковедческой проблематике. Ее отражают, в частности, данные о научной активности по дисциплинам гуманитарного цикла последних лет¹⁴⁹. Аналитики зафиксировали обращение к комплексному изучению источников не только в исторической науке, но также в филологии, включая языковедение и литературоведение, в искусствоведении, философии, расширение источниковедческой базы социальных наук. Данный объективный процесс отражает ориентацию массового сознания на достоверность знаний о человеке и обществе.

В свою очередь, в рамках источниковедческой теоретической концепции выявляются перспективные возможности применения компаративного метода (в частности, на основе структурных свойств видов источников)¹⁵⁰, взаимодействия естественнонаучных и гуманитарных подходов в изучении пространственных параметров человеческой деятельности¹⁵¹. На конкретном материале реализуется интерпретирующая роль источниковедческого подхода в междисциплинарных и компаративных комплексных исследованиях. Эта ситуация актуализирует постановку вопроса о новом познавательном пространстве

¹⁴⁹ Семенов Е. В. Смысл происходящего с гуманитарными и социальными науками в современной России (Взгляд через призму конкурсов РГНФ) // Вопросы истории естествознания и техники. 1997. № 2.

¹⁵⁰ Источниковедение и компаративный метод в гуманитарном знании / Отв. ред. В. А. Муравьев. М., 1996.

¹⁵¹ Исторический источник: человек и пространство / Отв. ред. О. М. Медушевская. М., 1997.

взаимодействия истории и антропологии, укорененных на общей для всех гуманитарных наук источниковедческой основе¹⁵².

Таким образом, в антропологии (в ее рамках реализуется ряд исследовательских взаимодействий, – как то взаимопересекающиеся направления культурной антропологии, социальной антропологии, этнологические и социальные аспекты и др.) в целом происходит переориентация от собственно полевых исследований (определивших прежде всего ее специфику) к более широкому кругу исторических исследований, опирающихся на проблематику изучения прошлого. Этот перспективный синтез, формирующий историческую антропологию, открывает новые качественные возможности масштабных компаративных подходов. Однако, движение антропологии и исторической науки к их интерпретации хотя и необходимо, но недостаточно. Существует особая самодостаточная область гуманитарных исследований, рассматривающая в качестве своего предмета источниковую основу целенаправленной человеческой деятельности. Необходим, поэтому, синтез трех направлений: антропологии с ее главной идеей глобального (коэксистенциального) единства человека; исторической науки с ее главной идеей эволюционного единства человека; источниковедческой науки с ее главной идеей единства источниковой основы целенаправленной человеческой деятельности. Взаимодействие главных исследовательских направлений создает единое пространство теоретико-познавательных и образовательных социальных практик, подчиненных общей цели – достижению достоверного (и даже точного) гуманитарного знания.

Феномен антропологии и ее развитие в XX в. позволяет лучше понять тенденции гуманитарного знания в целом. Разобщение наук о природе и наук о культуре, антропологии и исторической науки, наметившееся в начале XX в., и обусловившее раздельное изучение биологического, социального, психологического аспектов в природе человека, сменилось тенденцией к междисциплинарному взаимодействию

¹⁵² Историческая антропология: место в системе социальных наук, источники и методы интерпретации / Отв. ред. О. М. Медушевская. М., 1998.

интеграции наук о человеке. Очерчивается единое эпистемологическое пространство дискуссии о путях достижения достоверного знания о человеке. Историческая антропология привносит характерное для антропологии представление о глобальном коэволюционном единстве человечества, историческая наука — охватывает его эволюционное единство, источниковедческая парадигма исторической антропологии выражает главное в человеке — его способность к творчеству, созданию произведений, а их исследование открывает путь к достоверному знанию о человеке, к пониманию Другого.

Реструктуризация познавательного потенциала науки и формирование образовательной модели развивающего образования позволяет ориентировать историческую науку на ее главную цель — точное, новое системное познание человеческого опыта. Именно эту цель ставит перед собой данное научно-педагогическое направление.

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ В СИСТЕМЕ ГУМАНИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ¹⁵³.

Концепция и программа курса

Предмет изучения источниковедения – принципы и методы извлечения данных о человеке и обществе из исторических источников. В качестве исторического источника выступает любой объект, возникающий в результате целенаправленной деятельности людей и используемый для получения данных о его создателях. Разумеется, продукты целенаправленной деятельности имеют самое различное назначение, им присуще неисчерпаемое многообразие свойств. Хотя трудно представить, что все, созданное людьми, может рассматриваться как целостный объект и стать предметом единого подхода, источниковедение именно так и понимает свой объект и предмет изучения. Но подобный подход может быть реализован при одном принципиальном условии: в его основании должна лежать цельная теоретическая концепция, а понятия, критерии и приемы исследования составлять взаимосвязанную систему. Теоретическая концепция источниковедения необходима для определения его места в меняющейся системе современного знания; тем более она важна в научно-педагогической деятельности. Программа того или иного университетского курса интересна прежде всего как отражение концепции дисциплины или отрасли науки.

Новая программа курса источниковедения, подготовленная кафедрой вспомогательных исторических дисциплин, рассматривается здесь именно с этой, теоретико-содержательной стороны. Концепция источниковедения формировалась в процессе научной и педагогической деятельности ряда поколений специалистов, каждое из которых внесло свой вклад в разработку теории, методов, содержания и практики преподавания этой дисциплины, что отразилось в многочисленных предше-

¹⁵³ Публикуется по изданию: *Медушевская О. М.* Источниковедение в системе гуманитарного образования (в соавторстве с В. А. Муравьевым) // Труды Историко-архивного института. – М., РГГУ, 1996. Т. 33. С. 114–131.

ствующих изданиях программ курса. Новую же программу отличает синтез традиционных, характерных для сложившейся в Историко-архивном институте научной школы принципов понимания источниковедения и его места в работе историка, с одной стороны, и новых идей, связанных с проблемами современного гуманитарного знания и культуры – с другой.

Ключевым элементом теоретико-познавательной концепции гуманитарной культуры современности является ее обращение ко всему объему произведений культуры (в широком смысле), возникших в процессе человеческой деятельности: памятникам материального творчества людей, графическим, изобразительным, устным, технотронным (аудиовизуальным и т. п.) источникам, делопроизводственным документам, законодательству, литературным, публицистическим, философским, религиозным, нормативно-поучительным, учебно-пропедевтическим и др. Единство взглядов на такое разнообразие произведений культуры определенной эпохи, на их изначальную генетическую связь и функциональное взаимодействие дает целостная концепция источниковедения. Поэтому специалисту гуманитарного профиля необходимо знать его теорию, методы источниковедческого анализа, иметь представление об исторических дисциплинах как элементах общего метода познания источников. Ремесло гуманитария представляет собой систему, в которой нет мелочей – выход из строя любого элемента влияет на функционирование системы в целом. Источниковедение и вспомогательные науки истории изначальны едины прежде всего потому, что предмет их изучения – исторические источники – суть произведения общечеловеческой культуры во всем многообразии ее проявлений, т. е. они гуманитарны в буквальном своем содержании. Однако место этих наук в гуманитарной культуре, в гуманитарном образовании определилось не сразу, не вполне и не повсюду.

Обращение к истории науки и университетского образования позволяет лучше понять ситуацию. В университетском гуманитарном образовании XIX – начала XX в. особое место заняли специальные курсы, посвященные методам исторического исследования. Они постепенно совершенствовались, а их

концептуальные идеи приобретали ясные очертания. Наиболее известными учебными пособиями, по которым учились многие поколения историков, были «Методы исторического исследования» английского историка, оксфордского профессора Э. Фримена, книга профессоров Сорбонны, французских историков Ш. Сеньобоса и Ш. Ланглау «Введение в изучение истории», получивший широкое распространение «Учебник исторического метода и философии истории» немецкого ученого Э. Бернгейма. В числе проблем методологии истории, которые там рассматривались, были и проблемы классификации исторических источников, и проблемы критики и интерпретации исторических свидетельств, и проблемы достоверности источников. В то же время прав был русский историк А. С. Лапшо-Данилевский, когда в своем курсе методологии истории отмечал, что «методология источниковедения до сих пор не представляет цельного и систематически развитого учения»¹⁵⁴. Прослеживались лишь отдельные, хотя и существенно важные направления исследований в данной области. «Одни предлагают, например, взамен такого учения только обозрение конкретно данных источников, их коллекций и изданий в связи с «эвристикой» и отводят особое место критике, — писал он. — Другие готовы отождествить методологию источниковедения с критикой, понимая ее в широком смысле. Третьи изучают исторические источники в их генезисе, например в зависимости от тех условий и форм общественной жизни, благодаря которым они возникли и т. п.»¹⁵⁵.

Идея методологии источниковедения как цельного и систематического учения, выдвинутая А. С. Лапшо-Данилевским, была качественно новой, далеко опережавшей свое время. Она нашла в его выдающемся труде «Методология истории» ясное и точное воплощение. Формированию методологии источниковедения в России способствовал ряд факторов, среди которых

¹⁵⁴ *Freeman E.* The methods of Historical Study. London, 1886; *Ланглау Ш., Сеньобос Ш.* Введение в изучение истории. Спб., 1889; *Bernheim E.* Lehrbuch der historischen Methode und der Geschichtsphilosophie. Leipzig, 1908. 5–6 Aufl.; *Бернгейм Э.* Введение в историческую науку. М., 1906.

¹⁵⁵ *Лапшо-Данилевский А. С.* Методология истории. Спб., 1913. Вып. 2. С. 353.

на первом месте был высочайший уровень разработки средневековых источников, прежде всего источников отечественной истории. Об этом свидетельствуют факты из истории российской высшей школы. В 1866 г. молодой выпускник Московского университета В. О. Ключевский издал свою кандидатскую (дипломную) работу «Сказания иностранцев о Московском государстве», в которой обобщил данные более 40 записок иноземцев о России XV–XVII вв., показав, что дают эти источники для изучения политической системы государства, управления и судопроизводства, населения и городов, торговли, денежного обращения, военной и дипломатической истории. Уже в глазах современников В. О. Ключевского оказалось принципиально важным не только и, пожалуй, не столько историко-фактографическое содержание книги, сколько его подход к запискам путешественников как к специфическому виду источников, особому жанру с особым способом отбора информации и ее отражения. Глава работы, где он специально рассматривал «качество того материала, который представляют записки этих путешественников о Московском государстве», свидетельствует о том, что источниковедческий подход, умение связать жанровые черты источников с их информативностью, отделить их общие черты и от разнообразной конкретики, и от видовых черт других групп источников вполне присущи молодому исследователю. Другая его крупная работа, «Жития святых как исторический источник» (1872), подтверждает этот вывод. Особенности житий как *вида* исторических источников в данном случае были рассмотрены В. О. Ключевским в отдельной главе, названной так же, как и монография в целом. Речь в ней шла именно о том, каковы особенности отражения в житиях реальной жизни, какова мера достоверности отражения. Специалист безошибочно отметит, что эти работы свидетельствовали о высоком уровне источниковедческой школы, воспитавшей молодого тогда ученого. Много позднее, уже в качестве профессора своей *alma mater*, В. О. Ключевский прочел студентам специальный курс источниковедения. Курс, построенный по видовому признаку и охвативший основные виды источников

древнерусской истории, был опубликован через много лет после смерти ученого¹⁵⁶. Но он был известен многим и многим выпускникам Московского университета. Отметим лишь то, что явно прослеживается в истории отечественного источниковедения: и сама идея обзорного источниковедческого курса, и его построение по видовому признаку, намеченные В. О. Ключевским, нашли свое реальное воплощение в знаменитом курсе М. Н. Тихомирова, прочитанном им в Историко-архивном институте в 1940. г., и курсе источников отечественной истории XIX в. С. А. Никитина. Учебники М. Н. Тихомирова и С. А. Никитина, в свою очередь, получили широкое распространение, по ним учились (и учатся) последующие поколения историков.

В жанре источниковедческого исследования, раскрывающего сущность информации и в то же время специфику отражения и преломления действительности в связи с видовыми особенностями источника, создан ряд крупных трудов российских историков и филологов. Среди них – труды А. А. Шахматова о древнейших русских летописных сводах, Повести временных лет, труды профессора русской истории Петербургского университета и основателя Высших женских курсов К. Н. Бестужева-Рюмина, знаменитая книга его преемника по кафедре русской истории С. Ф. Платонова «Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века как исторический источник», труд профессора Историко-филологического института в Петербурге С. М. Середонина «Сочинение Джильса Флетчера «Of the Russian Common Wealth» как исторический источник», работа Н. Д. Чечулина о мемуарах и др.

К. Н. Бестужев-Рюмин видел особый смысл в том, чтобы давать молодому историку систематическое, целостное представление об источниках исторического исследования. Российские историки и филологи рассматривали работу с источниками не только как подготовительный, незавершенный этап исследовательского труда (что было характерно для позитивистского

¹⁵⁶ См.: *Ключевский В. О. Курс лекций по источниковедению* // Соч.: В 7 т. Т. 6. М., 1959.

направления западноевропейской историографии). Они, напротив, были склонны видеть в ней самостоятельную ценность, стремились передать своим ученикам и последователям системный подход к источниковедению. К. Н. Бестужев-Рюмин высказал свое суждение на этот счет в статье, посвященной выходу в свет книги Э. Фримена «Методы исторического исследования». Он горячо поддержал идею создания курса лекций по методологии исторического исследования для высшей школы. В то же время он ясно представлял себе различие подходов к проблеме. Для него самой одной из центральных была идея систематического изложения вопросов источниковедения, критики источников. «Для историка обязательно иметь общее понятие о главных источниках истории всех народов и даже (поверхностное) знакомство с ними, т. е. в пределах отмежеванной для себя специальности», – подчеркивал он¹⁵⁷. К. Н. Бестужев-Рюмин отмечал потребность четкого различения науки от знания, поскольку наука является знанием систематическим и методическим. Знания накапливаются эмпирическим путем, но становятся научными тогда и только тогда, когда установлены основные начала. К. Н. Бестужев-Рюмин полагал, что для этого, в частности, необходимо обозначить отношение истории к другим наукам, определить ее место в системе современных наук.

Подобный подход к источниковедению не просто как к собранию или своду сведений, а к системе методов, характерный для университетского преподавания России, нашел особенно последовательное выражение в курсах А. С. Лапшо-Данилевского. Его постановка вопроса о методологии истории и – как части ее – методологии источниковедения была новаторской в отечественной и мировой науке. Она противостояла тому позитивистскому представлению о методах работы с источником, согласно которому методы трактовались если не как технические приемы, то, во всяком случае, как подготовительный,

¹⁵⁷ Бестужев-Рюмин К. Н. Методы исторических занятий. The methods of Historical Study. E. A. Freeman. London, 1886 // Журн. Мин-ва нар. просвещения. 1887. Февр.

вспомогательный, незавершенный этап на пути исторического исследования, лишь открывающий путь к синтезу, историческому обобщению. В «Методологии истории» А. С. Лаппо-Данилевского были рассмотрены понятие об историческом источнике, главнейшие виды исторических источников, принципы их классификации; была охарактеризована сущность методов интерпретации и критики источника, наконец, обосновано значение исторических источников для науки и культуры. Предложенная им концепция отличалась широким, общим характером. А. С. Лаппо-Данилевский как генеральную идею выделил то, что методология истории «рассматривает то общее, что обнаруживается в научных приемах разнообразных исторических дисциплин, например в истории языка, в истории философии, религии, науки, искусства и литературы, в истории хозяйства и финансов, в истории права и т. п.»¹⁵⁸. В центре этого общего – понятие об источнике. Ученый исходил из того, что непосредственному, чувственному восприятию доступна, в принципе, лишь незначительная часть действительности; остальное же известно лишь по ее остаткам или из чужих наблюдений, воспоминаний и оценок, в свою очередь доступных чувственному восприятию исследователя. Исторический источник для А. С. Лаппо-Данилевского – продукт человеческого творчества в самом широком смысле этого понятия. Он обладает телеологическим единством – единством цели создания. Чем более цельно, последовательно произведение задумано, чем более завершено реализована цель его создания, тем оно ценнее как источник. В основе учения об источнике у А. С. Лаппо-Данилевского, таким образом, лежало признание чужой одушевленности.

Первая мировая война и последующие события в стране и в мире прервали нормальную эволюцию исторической науки и высшего образования в России. Но главное уже было сделано. Учение об источниках, методология истории, достойная релятивистского облика столетия и одновременно преодолевшая и опыт, и ограниченность предшествующей науки, создана.

¹⁵⁸ *Лаппо-Данилевский А. С.* Указ. соч. С. 339.

Книга – опубликована. Основные идеи – переданы ученикам. Среди последних – коллеги А. С. Лаппо-Данилевского по Петербургскому университету: А. Е. Пресняков, П. А. Сорокин, Н. Д. Кондратьев, Б. А. Романов, С. Н. Валк, А. И. Андреев. В 1923 г. А. И. Андреев, в то время ученый секретарь Постоянной исторической комиссии Академии наук, сделал попытку переиздать основной труд своего учителя. Первый том «Методологии истории» вновь вышел в свет, но второй, содержащий концепцию методологии источниковедения, так и не был переиздан.

Профессионализм исторической науки в условиях глобального кризиса духовной культуры 20–30-х гг. проходил суровые испытания. Сохранение профессионализма, передача его новому поколению историков оказались главными, точнее – единственно возможными целями ученых старшего поколения. Источниковедение как направление исследований и как предмет преподавания оказалось волею судеб в центре их внимания. Ученик и последователь идей А. С. Лаппо-Данилевского А. И. Андреев продолжал преподавать в Ленинградском университете до начала 1927 г., когда вспомогательные исторические дисциплины были исключены из учебного плана¹⁵⁹. Проведя несколько лет в ссылке в Сибири, А. И. Андреев ближе познакомился с источниками по истории этого края, что и послужило истоком создания одного из наиболее крупных трудов ученого – «Очерков по источниковедению Сибири» (1940), охватывающего все важнейшие виды исторических источников Сибири XVII–XVIII вв.

Особое место в сохранении источниковедческих традиций российской высшей школы, а затем в их дальнейшем развитии принадлежит школе Историко-архивного института, созданного в 1930 г. Источниковедческий профессионализм, обособившись от собственно исторической науки, испытывавшей сильнейшее воздействие господствующих идеологических и

¹⁵⁹ См: *Андреев А. И.* Автобиография // *Простоволосова Л. Н., Станиславский А. А.* История кафедры вспомогательных исторических дисциплин. М., 1990. С. 47.

конъюнктурных влияний, обрел иную социальную функцию, несколько отличную от функции исторической науки. Полем его приложения стало управление государственной архивной службой и содержание деятельности архивов. Вскоре после открытия Историко-архивного института здесь уже преподавали лучшие представители академической науки: С. Б. Веселовский, Ю. В. Готье, П. Г. Любомиров, А. Н. Сперанский, Н. П. Чулков, И. И. Полосин и другие. Был прочитан общий курс источниковедения отечественной истории М. Н. Тихомировым и С. А. Никитиным. В 1940 г. Главное архивное управление издало две книги этого знаменитого ныне учебника. Курс М. Н. Тихомирова и С. А. Никитина был построен, что вполне объяснимо, если вспомнить традицию Московского университета и источниковедческий курс В. О. Ключевского, в виде обзора важнейших видов источников по истории России с древнейших времен до конца XIX в.

В 1943 г. заведующим кафедрой вспомогательных исторических дисциплин Историко-архивного института стал А. И. Андреев. С его деятельностью связан новый этап формирования концепции преподавания методов исторического исследования в высшей школе. В отличие от обзорно-видового построения курса источниковедения, где главное внимание уделялось характеристикам видов источников отечественной истории, А. И. Андреев читал методологический курс источниковедения, опираясь на идеи А. С. Лаппо-Данилевского и отсылая своих студентов и аспирантов к «Методологии истории» и «Очерку русской дипломатики частных актов». В одной из докладных записок А. И. Андреев прямо противопоставлял свою концепцию курса источниковедения курсу М. Н. Тихомирова – С. А. Никитина. В свой курс А. И. Андреев включал «общие приемы истолкования и критики источников, преимущественно русских, независимо от их видов и времени, к которому они относятся»¹⁶⁰. Он отмечал также, что пока этот курс не включал источниковедения отдельных групп источников (по векам и видам их) в том плане,

¹⁶⁰ Простоволосова А. Н., Станиславский А. Д. Указ. соч. С. 17.

как у М. Н. Тихомирова и С. А. Никитина. Там же А. И. Андреев писал о своем специальном курсе источниковедения нового времени (XVIII–XX вв.), где также рассматривал общие приемы изучения источников. А. И. Андреев, по существу, сформулировал основные принципы, реализованные впоследствии в программе курса источниковедения, наметил, хотя и кратко, главные отличительные черты источниковедческой школы Историко-архивного института. Это, во-первых, разработка общих методов критики и истолкования исторических источников независимо от их видовой или иной специфики; во-вторых, применение видового принципа характеристики конкретных групп источников отечественной истории и специфических приемов работы с ними; в-третьих, обращение к новым приемам критики и интерпретации источников нового и новейшего времени с их особой видовой и содержательной спецификой.

В эти годы на кафедре работали А. А. Новосельский, В. К. Яцунский, Н. В. Устюгов, В. К. Лукомский, А. В. Черепнин, И. А. Голубцов, И. Ф. Колесников, младшее поколение ученых – А. Т. Николаева, М. Н. Черноморский, А. А. Зимин, А. Ц. Мерзон, стоявшие у истоков формирования концепции историко-архивоведческого образования, становления профессионализма историка-архивиста. В декабре 1943 г. – это было время кризиса науки и культуры, всеобщего и специфически отечественного – кафедра утвердила программы курсов по источниковедению, исторической географии, дипломатике, генеалогии, древнерусскому языку и латыни, палеографии, хронологии, метрологии и сфрагистике.

На Западе в годы второй мировой войны ученые и педагоги высшей школы были оторваны друг от друга, но не переставали размышлять о ремесле историка, о значении истории и ее роли в духовной культуре человечества, о методах ее постижения. При всем различии их судеб, условий времени и места, форм и способов воплощения своих идей в труды нельзя не видеть, как в главном были близки их идеи. Но это стало очевидным несколько позднее, когда созданные в те годы труды французского историка и методолога М. Блока «Апология истории, или Ремесло историка», английского историка и философа

Р. Дж. Коллингвуда «Идея истории» при помощи учеников и последователей были изданы. В западных странах конец 40 и начало 50-х гг. отмечены подъемом методологических дискуссий и споров о методах исторического исследования, профессионализме историка. В отечественной науке конца 40-х гг. мы почти не находим откликов на западные методологические дискуссии. Несомненно, потребность в обсуждении таких проблем в науке, а особенно в высшей школе существовала и здесь. В сложившихся же общественно-политических условиях она приняла характер идеологических кампаний. Предметом критики стала книга А. С. Лаппо-Данилевского.

Ряд принципиальных положений о природе исторического источника, о классификации исторических источников, о концепции источниковедения высказал Л. В. Черепнин в своем двухтомном труде «Русские феодальные архивы» (1951), написанном в годы работы на кафедре. Определяя природу исторического источника, он писал: «Каждый источник представляет собой историческое явление. Возникнув в определенных условиях времени и места, в обстановке классовой и политической борьбы, он носит на себе отпечаток именно этих условий, проникнут классовой направленностью и политической целеустремленностью». Интерпретация источника, выделявшая из других его качеств прежде всего социальную природу его времени и раскрывавшая зависимость методов источниковедческого анализа от объективных свойств источника, была дана Л. В. Черепниным в ходе борьбы с «буржуазным объективизмом», с критикой идеалистических представлений. Он полемизировал с положениями А. С. Лаппо-Данилевского об источнике как продукте психической деятельности человека, подчеркивал необходимость рассматривать источник не только в системе познавательной деятельности историка, но прежде всего в системе тех социальных условий, которые порождали сам факт создания источника. Принципиальные теоретические положения в труде Л. В. Черепнина не только формулировались, но и реализовывались в процессе исследования: он изучил совокупность письменных источников отечественной

истории XIV–XV вв., рассмотрев их в связи с социально-экономической ситуацией и политическими условиями создания, историей русских княжеских архивов. Концепция источника – исторического явления имела существенное значение для понимания взаимосвязанности, цельности методов источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин как системы. Эти положения также ложились в основу источниковедческой концепции кафедры, ибо, при всей их идеологической окраске, свойственной времени, не противоречили принципиально системности теории и методов источниковедения и сыграли свою роль в формировании новых подходов в преподавании и создании учебных программ и пособий по источниковедению, дипломатике, палеографии¹⁶¹.

Полемизируй с теоретическими положениями своего идейного «антагониста» А. С. Лаппо-Данилевского, прежде всего о природе исторического источника¹⁶², А. В. Черепнин, в сущности, брал в качестве исходного и подтверждал главный теоретико-познавательный постулат его концепции, а именно понимание источниковедения как системного учения об источниках. Этот подход хорошо прослеживается в его статье «Источниковедение» во 2-м издании Большой Советской Энциклопедии (1953). Здесь ученый определял источниковедение как историческую дисциплину, разрабатывающую методы изучения и использования исторических источников. Развивая ранее высказанные им суждения о социальной природе исторического источника, он отмечал, что на общей методологической основе решаются главные проблемы источниковедения – проблемы классификации, критического анализа источников, определения их происхождения, проверки достоверности и фактической ценности содержания, наконец, проблемы синтеза, изучения системы источников в их взаимосвязи. В статье

¹⁶¹ См.: Медушевская О. М. А. В. Черепнин и становление науки об источниках // Феодализм в России. М., 1987. С. 54 – 55.

¹⁶² В результате идеологической кампании 1949 г. ушел с заведования кафедрой вспомогательных исторических дисциплин А. И. Андреев; ушел из Историко-архивного института и А. В. Черепнин.

была очерчена система вспомогательных исторических дисциплин в целом и место источниковедения в ней, а также роль источниковедения в профессиональной подготовке и научном становлении историка¹⁶³. Эти положения разделяла и развивала А. Т. Николаева, возглавившая кафедру в 1952 г.¹⁶⁴ Она приложила немало усилий для того, чтобы отстоять самое существование кафедры, сохранить основные вспомогательные исторические дисциплины в учебных планах Историко-архивного института и т. д. В 1954 г. был впервые издан проект программы курса «Источниковедение истории СССР». В 1957 г. была издана сама программа курса, что имело неопределимое значение не только для Историко-архивного института, поскольку источниковедение в это время стало преподаваться на исторических факультетах ряда университетов страны¹⁶⁵.

Одной из крупных проблем, стоявших в то время перед учеными и педагогами преимущественно в связи с преподаванием источниковедения, была проблема классификации источников в курсе. В проектах возрождения преподавания источниковедения, возникавших в 50-е гг., предлагалось характеризовать источники отечественной истории «по содержанию», т. е. по отдельным проблемам, аспектам исторического процесса: источники по социально-экономической истории, источники по истории внутренней политики, источники по истории внешней политики и т. д. Критики идеализма А. С. Лаппо-Данилевского, строившие подобную систему под напором конъюнктурных идеологических соображений, не отдавали себе достаточного отчета ни в предельном субъективизме подобных построений, ни в том, что намечаемая дорога ведет в тупик. Если бы этот подход возобладал, курс источниковедения превратился бы в

¹⁶³ Об источниковедении как единой науке Л. В. Черепнин писал и позднее (см.: *Черепнин Л. В.* К вопросу о методологии и методике источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин // *Источниковедение отечественной истории.* М., 1973. С. 38.)

¹⁶⁴ См.: *Николаева А. Т.* Вопросы вспомогательных исторических дисциплин во втором издании БСЭ // *Ист. архив.* 1956. № 2.

¹⁶⁵ См.: Кафедра вспомогательных исторических дисциплин. Историческая справка: Библиогр. список изданий / Под ред. В. А. Муравьева. М., 1989. С. 12–14.

серию тематических обзоров, что полностью бы исключило возможность разработки методов анализа исторических источников различных видов, выявление специфики отражения истории в источниках различных типов, видов, разновидностей. Лишь после больших споров наконец удалось для первого издания программы отстоять видовой принцип классификации источников, который и стал основным для структуры курса отечественного источниковедения. Один из участников создания программы курса, В. К. Яцунский, посвятил этой проблеме специальную статью¹⁶⁶. Он отмечал, что в рукописной программе курса (1950) источники были разделены «по группам» в зависимости от тех сторон исторического процесса, которые они отражают. Это группы источников по социально-экономической истории, истории внешней политики, общественно-политической мысли и культуры. Вполне справедливо В. К. Яцунский отмечал, что подобное деление не может дать ничего, кроме тематического обзора источников. Видовые особенности источников и специфические методы анализа при таком подходе не выявляются, а, следовательно, содержание источниковедения как научной дисциплины, ее метод остаются вне внимания. Поэтому В. К. Яцунский разъясняет и отстаивает принципиально иное деление источников – по видам, ставит это видовое деление в связь с приемами анализа источников. Для наиболее раннего периода он называет такие виды источников, как летописи, Русская Правда, акты, международные договоры, произведения литературы, записки иностранцев (путешественников), далее – картографические материалы, судебно-следственные документы, мемуары, дневники, переписка. Для нового и новейшего времени наиболее существенны такие видовые комплексы, как законодательство, статистика, экономико-географические описания, акты, международные договоры и дипломатическая переписка, периодическая печать и публицистика, прокламации и листовки, военно-оперативные документы. В. К. Яцунский считал в свое время главными основаниями для выделения этих классификационных групп присущие для

¹⁶⁶ См.: Яцунский В. К. К вопросу о классификации письменных источников в курсе источниковедения истории СССР // Тр. МГИИ. М., 1958. Т. 11.

них методы источниковедческого анализа, существенно различные между собой.

Видовой принцип классификации источников, принятый кафедрой и закрепленный в программе 1957 г.¹⁶⁷, оправдал себя. Основные, наиболее значительные виды источников органически вписывались в общую структуру источниковедческой базы социально-экономических формаций и исторических эпох. В таком контексте более четко вырисовывалось место и значение каждого вида среди других, прослеживались перспективы развития видовой структуры корпуса источников, эволюция видов источников в древности, в средневековье, в новое время. Утвердив видовой принцип классификации, члены кафедры, читавшие курс, продолжили исследования крупных видовых комплексов источников, особенностей их происхождения, форм и содержания, методов их анализа. Таковы были в то время работы А. Ц. Мерзона о писцовых, переписных и таможенных книгах, А. А. Зимина о законодательстве и русской публицистике XV–XVI вв., И. А. Мироновой о судебно-следственных материалах первой половины XIX в. и мемуарах как историческом источнике. Были рассмотрены приемы изучения картографических материалов XVII–XIX вв. и др.¹⁶⁸.

Еще не получила должной оценки деятельность кафедры по разработке проблем источниковедения отечественной истории новейшего времени – в терминологии и идеологии того

¹⁶⁷ См.: Источниковедение истории СССР: Программа курса / Отв. ред. А. Т. Николаева. М., 1957.

¹⁶⁸ См.: *Мерзон А. Ц.* Писцовые и переписные книги XV–XVII веков. М., 1956; *Он же.* Таможенные книги XVII века. М., 1957; *Зимин А. А.* Русская публицистика XV–XVII вв. М., 1959; *Он же.* Законодательные памятники русского государства конца XV – начала XVII века. М., 1961; *Миронова И. А.* Судебно-следственные материалы первой половины XIX века. М., 1958; *Она же.* Законодательные памятники пореформенного периода (1861– 1900). М., 1960; и др.; *Медушевская О. М.* Картографические источники XVII–XVIII вв. М., 1957; *Она же.* Картографические источники XIX века. М., 1959; и др. Более полно об учебных пособиях и изданиях программ по источниковедению и вспомогательным историческим дисциплинам см.: Кафедра вспомогательных исторических дисциплин. 1939–1989. Историческая справка: Библиогр. список изданий / Под ред. В. А. Муравьева. М., 1989.

времени «источниковедения истории советского общества». В конце 40-х гг. А. И. Андреев привлек на кафедру специалиста по советской статистике 20-х гг., ученика известного экономиста П. И. Лященко М. Н. Черноморского, который и приступил к созданию курса, не имевшего аналогов ни в тогдашней советской, ни в западной высшей школе. Видовой принцип классификации источников, примененный им, и здесь дал свои результаты. Последовательно раскрывая видовые особенности статистики, периодической печати, мемуаристики новейшего времени как исторического источника, М. Н. Черноморский издал ряд пособий, а затем и учебник, охвативший основные виды источников советского периода¹⁶⁹. Данное направление работы кафедры привлекло внимание специалистов. В. П. Данилов и С. И. Якубовская в 1961 г. выступили со статьей «Источниковедение и изучение истории советского общества», где, в частности, писали: «Заметную работу в области источниковедения советского периода за последние пять лет развернула кафедра вспомогательных исторических дисциплин Историко-архивного института». Ученые отмечали, что «несомненным успехом является подготовка и издание сотрудниками этой кафедры программы курса источниковедения истории СССР и учебных пособий по отдельным видам источников советской эпохи. Составляя программу, авторы исходили из научного положения об органической связи источника с эпохой¹⁷⁰. В статье был поднят и актуальный тогда вопрос о принципах классификации источников. В данной связи вновь рассматривалась программа по источниковедению; В. П. Данилов и С. И. Якубовская высказали ряд соображений о более последовательном проведении принципа видовой классификации источников, который был развит в программе.

¹⁶⁹ См.: *Черноморский М. Н.* Периодическая печать. М., 1956; Он же. Статистические источники. М., 1957; *Он же.* Мемуары как исторический источник. М., 1959; *Он же.* Источниковедение истории СССР. Советский период. М., 1966; и др.

¹⁷⁰ *Данилов В. П., Якубовская С. И.* Источниковедение и изучение истории советского общества // *Вопр. истории.* 1961. № 5. С. 21.

Возрастание историзма общественного сознания в мире, ставшее заметным к концу 50-х гг., и изменение общественно-политической ситуации в стране открывали новые возможности и для кафедры. Возобновилась практика постановки на кафедре проблемных докладов, проведения научных дискуссий. В 1957 г. в Историко-архивном институте состоялось обсуждение проблем источниковедения, инициированное докладом А. Ц. Мерзона «О критике исторических источников». В заседании приняли участие ученые академических институтов, других научных учреждений, высших учебных заведений¹⁷¹. Выступавшие в прениях ученые поставили в заслугу кафедре то, что она «первая в стране подняла важнейшую проблему критики источников и распространила научное понимание термина «критика» и на источники советской эпохи, что было новым словом в источниковедении»¹⁷². В эти годы вопросы постановки источниковедения нового и новейшего времени стали предметом внимания ряда научных журналов, им было посвящено специальное обсуждение в журнале «Новая и новейшая история»¹⁷³. Встал вопрос о создании учебных пособий по данному курсу. Р. С. Мнухина, работавшая в это время над учебным пособием «Источниковедение истории нового и новейшего времени», положила в основу классификации видовой принцип практически в том его виде, в каком он получил отражение в рассмотренной выше программе. Она отмечала, что принцип видового деления, разработанный в Историко-архивном институте, решение общетеоретических вопросов в трудах специалистов по

¹⁷¹ См.: Мерзон А. Ц. Основные задачи критики исторических источников. М., 1958. Стеклограф; Николаева А. Т. О критике исторических источников // Ист. архив. 1957. № 6.

¹⁷² Вопросы источниковедения XX в. нашли отражение также на специальном заседании в Историко-архивном институте в 1961 г. (См.: Николаева А. Т. Совещание по вопросам источниковедения истории советского общества // Вопр. истории. 1962. № 5.)

¹⁷³ Материалы дискуссии о проблемах преподавания источниковедения нового и новейшего времени см.: Новая и новейшая история. 1961. № 4–6; 1962. № 1, 4, 5; 1963. № 2, 4. См. также: Проблемы преподавания источниковедения нового и новейшего времени («круглый стол») // Новая и новейшая история. 1987. № 2. С. 166–189.

источниковедению истории СССР и истории средних веков «имеют непосредственное отношение и к источниковедению нового и новейшего времени»¹⁷⁴.

В последующих изданиях программы (1963, 1977, 1983) все более заметное место стало уделяться проблемам истории и теории источниковедения. Предметом специальных исследований на кафедре стал процесс становления теории источниковедения как системы получения достоверного знания о совокупности объектов (исторических источников, рассматриваемых в их существенно общих свойствах). Основные проблемы, которые анализировались отечественными историками и философами в это время, – природа исторического источника, уточнение принципов классификации источников, содержание и последовательность основных этапов и процедур источниковедческого анализа. Обращение к историографии и теории источниковедения, накопление опыта преподавания, активное проникновение методов источниковедения во многие сферы научно-практической деятельности обогатили лекционные курсы кафедры. Это нашло отражение как в новых изданиях программы, так и в выпущенных кафедрой научных трудах и новых учебных пособиях¹⁷⁵. Более очевидным стало значение науки об источниках в связи с разработкой проблем методологии исторического познания, в частности субъекта и объекта в процессе исторического познания, соотношений между историческим источником, историческим фактом и восприятием социальной информации историком. Методологические проблемы исторической науки привлекли внимание ученых и педагогов Историко-архивного института: им был посвящен один из томов его «Трудов». Здесь рассматривались вопросы методологии и методики русского источниковедения времени его становления

¹⁷⁴ Млужина Р. С. Источниковедение истории нового и новейшего времени. Л., 1970. С. 22–23.

¹⁷⁵ См.: Николаева А. Т. Вопросы историографии русского источниковедения XVIII–XX в. М., 1970; Она же. Теория и методика советского источниковедения. М., 1975; Миронова И. А. Источниковедение истории СССР. XIX – начало XX в. М., 1975; Черноморский М. Н. Источниковедение истории СССР. Советский период. 2-е изд., доп. и испр. М., 1976.

(А. Т. Николаева), теоретико-методологические проблемы современной историографии, вопросы соотношения исторической науки с искусством и эстетикой, научные, философские и художественные аспекты исторического познания¹⁷⁶. Эти проблемы занимали в лекционных курсах кафедры все большее место. В свою очередь, вставал вопрос о структуре курса источниковедения: как должны соотноситься в нем проблемы теоретико-методологического плана, с одной стороны, и характеристики отдельных видовых комплексов источников – с другой. Эти вопросы, волновавшие преподавателей многих университетов страны (в 60–70-е гг. шло массовое формирование университетских кафедр источниковедения и историографии), стали предметом дискуссий на III (Новороссийск, 1979) и IV (Днепропетровск, 1984) Всесоюзных конференциях по источниковедению и вспомогательным историческим дисциплинам. На IV конференции И. Д. Ковальченко в своем докладе подчеркивал, что Отделение истории АН СССР, обсуждая перспективы научно-исследовательских работ, в качестве одного из ведущих направлений выделило разработку проблем методологии источниковедения и методов исторических исследований. Он отмечал также, что одна из наиболее существенных причин повышения внимания к источниковедению состояла в развертывании преподавания дисциплин источниковедческого цикла в высшей школе. В учебные планы большинства вузов, особенно педагогических, эти дисциплины были введены недавно, здесь не был накоплен еще необходимый опыт. Поэтому перед историками-источниковедами стояла задача создания и переработки учебных пособий и программ, обеспечения высокого уровня преподавания этих дисциплин. В ходе дискуссии более всего освещались принципы преподавания источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин в Историко-архивном институте и Московском университете. Отмечалось, что источниковедческую школу кафедры вспомогательных исторических дисциплин Историко-архивного института прошло

¹⁷⁶ См.: Вопросы источниковедения истории СССР / Под ред. Е. А. Луцкого. М., 1963, 1966 (Тр. / МГИАИ. Т. 17, 24); Вопросы методологии исторической науки. М., 1967 (Тр. / МГИАИ. Т. 25).

не одно поколение специалистов, работающих в системе государственных архивов страны, научных учреждениях, высших учебных заведениях¹⁷⁷.

Структуре курса источниковедения был посвящен ряд статей в ведущих научных изданиях. В некоторых из этих статей высказывалась мысль о целесообразности чтения курса теоретико-методологического характера. Специалисты кафедры вспомогательных исторических дисциплин Историко-архивного института – А. Т. Николаева, И. А. Миронова, М. Н. Черноморский и другие – выступили со специальной статьей «О структуре курса источниковедения» (1980). Опираясь на разработанную и практически реализованную концепцию источниковедения, отраженную в программе курса, они обосновывали такую структуру курса, которая содержала раздел по теории и общей методике источниковедения и ряд разделов (по историческим эпохам), включавших обозрение видовых комплексов источников, характерных для этих эпох. Такое построение курса позволяет, отмечали авторы статьи, показать специфику каждого вида источников, раскрыть методы источниковедческого анализа относительно их применения к конкретному материалу различных эпох. А. Т. Николаева рассматривала проблемы источниковедения отечественной истории ранних ее периодов, И. А. Миронова – источников XIX – начала XX в., М. Н. Черноморский – источников новейшего времени. Так сложилась структура курса источниковедения, в котором общие методы источниковедческого анализа освещаются вначале на уровне теории, а далее конкретизируются применительно к видовым комплексам письменных источников отечественной истории с древнейших времен до конца XX в. включительно¹⁷⁸.

¹⁷⁷ См.: Актуальные проблемы источниковедения истории СССР, специальных исторических дисциплин и их преподавания в вузах: Тез. докл. Всесоюз. конф. М., 1979; Проблемы источниковедения истории СССР и специальных исторических дисциплин. М., 1984.

¹⁷⁸ См.: Программа курса «Источниковедение истории СССР» / Отв. ред. Е. А. Луцкий. М., 1975; То же. М., 1983. Авт.: О. М. Медушевская, А. Т. Николаева, И. А. Миронова. М. Н. Черноморский.

Таким образом, в истории создания программы общего курса источниковедения в Историко-архивном институте прослеживаются более общие проблемы развития науки и высшей школы России XX в. Кризис историзма общественного сознания, столь ясно проявившийся в первой половине XX в., тотальная идеологизация исторической науки и преподавания выдвинули в то время в качестве важнейшей задачу сохранения, даже выживания академического профессионализма, передачи трудоемкого и сложного мастерства историка новым поколениям. Деятельность выдающихся ученых-историков первой плеяды Историко-архивного института отчетливо выражает эту их ведущую научную и нравственную идею. Первым в 30-е гг. курс источниковедения здесь читал профессор П. Г. Любомиров, в 1936 г. его сменил М. Н. Тихомиров, и продолжил курс С. А. Никитин. В 1940 г. они издали два тома известного учебника. Вопросы так называемой техники исторического исследования читал аспирантам С. Б. Веселовский. Со времени А. И. Андреева, В. К. Яцунского, Л. В. Черепнина и их коллег, учеников и последователей работа над программами, учебными пособиями, исследовательскими трудами кафедры стала единым и нераздельным полем ее деятельности. Источниковедение, в отличие от исторической науки, вышло из трудного для гуманитарной культуры времени концептуально целостным, динамичным, заняло прочное место в высшей школе. В новых условиях развития гуманитарного знания источниковедение выступает как единый в своем разнообразии метод, как профессиональная основа изучения источников различных эпох, стран, видов и разновидностей¹⁷⁹.

По-видимому, с изменением социальной и интеллектуальной ситуации в стране источниковедение вступает в новый этап. Вероятно, еще рано давать ему сколь-нибудь исчерпывающее определение; следует подчеркнуть, по меньшей мере, три важнейшие проблемы, решение которых формирует мост от прошлого этой отрасли исторической науки к ее будущему.

¹⁷⁹ См.: Источниковедение XX столетия: Тез. докл. и сообщ. науч. конф. / Отв. ред. В. А. Муравьев. М., 1993.

Первая – самая несложная – из этих проблем, непосредственно соединяющая прошлое и будущее, состоит в том, чтобы еще в рамках сложившейся концепции «добрать» те источники, которые не были представлены в курсе ранее по тем или иным причинам. Речь идет главным образом о памятниках духовного, религиозного и т. п. творчества (ранее не включавшихся в курс из-за идеологического табуирования); о научных сочинениях и памятниках художественной литературы (их включению в курс препятствовали неразрешенность вопроса о них как об историческом источнике, традиция, определенная узость понимания самого предмета исторической науки и ее места в системе гуманитарного знания); о значительных массивах исторических источников, высвобождающихся из-под режима секретности и запретов (среди последних есть целые видовые комплексы, не описанные ранее и потому не вошедшие в систему классификации источников). Назрела и дискутировавшаяся проблема включения в общее поле источниковедения памятников технотронного происхождения (так называемых аудиовизуальных и подобных источников), которым предстоит занять все более заметное место в корпусе источников отечественной истории.

Другая проблема – более сложная – состоит в разрешении противоречия между общенаучным, непреложным требованием соблюдения единства классификационных критериев, универсальности классификационной схемы, с одной стороны, и реально деформированными соотношениями между разными видовыми комплексами источников 1917–1990 гг. и их значимостью – с другой. Две схемы, одна для дооктябрьской России, другая для советской эпохи, в рамках единой источниковедческой концепции – нонсенс, свидетельствующий о ненаучном подходе к проблеме.

В конечном счете, это вопрос не только источниковедческой концепции – проблема исторической реальности и иллюзорности документа в подобных огромных масштабах решается в рамках исторической науки в целом, – его решение приводит к изменениям концептуального масштаба.

Еще одна проблема, также ведущая к изменениям концептуального характера, – реализация роли источниковедения в системе гуманитарного знания в целом и в гуманитарном образовании в частности, подъем этой отрасли науки на новый уровень обобщения и, соответственно, конкретизации материала, теории и методов.

Наследуя сформированную в течение многих десятилетий источниковедческую традицию, новая программа общего курса источниковедения, переработанная, а в ряде разделов заново созданная кафедрой вспомогательных исторических дисциплин в 1993–1994 гг., принадлежит уже иному, новому поколению учебной литературы. Прежде всего, она и задумывалась и, естественно, складывалась как базовая, учебная и исследовательская многофункциональная программа.

Базовая – ибо при обозначившемся стремлении восстановить цельность гуманитарного познания, считаясь в то же время с глубокой специализацией различных его областей и многократным умножением междисциплинарных связей, новая программа имеет своей целью содействовать формированию единого методологического и источниковедческого поля гуманитарного, историко-культурного в широком смысле, историко-цивилизационного познания. Говоря о подобном едином поле, кафедра бесконечно далека от тоталитарного ряда типа «единая наука – единая методология» и т. д.: проблема единства методологии так же принадлежит определенному уровню интеграции науки, как «методологическое единство» не имеет с наукой ничего общего. В данном же случае имеется в виду формирование единого поля и сводного арсенала средств познания для историков, философов, архивистов, социологов, музееведов, филологов, искусствоведов – всех специалистов гуманитарного профиля, для которых история была и остается «питающей» наукой. В программе как базовой реализуется цельная источниковедческая концепция и открываются пути для прикладного применения программы.

Учебная – ибо на основе базовой программы формируются прикладные программы для специалистов различного профиля. Общность теоретической источниковедческой концепции со-

ответствует стремлению к интеграции гуманитарных наук, прикладное применение – специфике отдельных из них. Так, если для историка, архивиста важна ориентация во всем видовом многообразии исторических источников, во всем их существующем объеме, то для политолога или, например, искусствоведа существенны иные акценты: для первого – на источниках, отражающих социальное и политическое устройство общества, устремления и реальные результаты деятельности государственных, политических, общественных институтов, а также политическое творчество отдельных лиц; для другого выступают на передний план источники, несущие информацию о художественном творчестве людей, его социальной роли и т. д. Рассматривая общую теоретическую источниковедческую концепцию как общий язык гуманитарного познания и исходя из нее, мы получаем возможность строить отраслевые учебные лексиконы. На практике это означает создание отраслевых учебных программ для различных направлений подготовки гуманитариев с сохранением принципиальной общности образования.

Исследовательская – ибо в той мере, в какой программа ориентирована на освоение опыта «состоявшегося источниковедения», включая и его прогрессивные линии, и «боковые ветви», и «тупики», она ориентирована и на прикладные, и на ближние и дальние теоретические проблемы. Естественно, только последующий опыт покажет, насколько успешно в программе закладывались понятия о них.

Как исследовательскую, программу формируют проблемы различного класса сложности. Ближайшая из них, как указывалось выше, это возвращение в поле зрения источниковедения значительной массы письменных исторических источников, причем возвращение происходит на огромном, практически тысячелетнем временном протяжении. Для древнейших времен – в первую очередь памятники духовной литературы, переводы канонических книг, жития святых, неканонические сочинения и т. д., бытовавшие как часть духовной культуры, как одна из сфер цивилизованности Древней Руси. Для средневековья к ним прибавляются исторические источники, в той или

иной степени сочтенные «неудобными» для исторических концепций, господствовавших в нашей науке в 20–90-е гг.; определенная часть их принадлежит многочисленным народам России. Для новейшего времени, для XX в. – целые пласты документов, десятилетиями скрытые от общества. И дело не только в их обзрении и вводе в научный оборот. Своим возвращением они существенно воздействуют как на общую источниковедческую картину той или иной эпохи, так и на методы источниковедческого исследования, порождая проблемы установления новых источниковедческих и интерпретационных связей, новые классификационные проблемы и др.

Свой комплекс проблем порождает ввод в сферу источниковедения неписьменных и нетрадиционных источников. Предшествующие программы строились почти исключительно на материале письменных источников. Это вполне удовлетворяло господствовавшую «формационную» схему исторического процесса: лишнее отбрасывалось на обочину частных и стоявших как бы вне науки работ (исключение составляла археология). Переход к изучению цивилизаций прошлого всеми средствами гуманитарного познания существенно изменяет ситуацию: из пасынков на обочине переходят в нормальное состояние в сфере общего источниковедения так называемое вещественное источниковедение, источники устной истории и др. В изучении истории второй половины XIX–XX в. на равных с письменными источниками выступает комплекс аудиовизуальных источников.

Выше рассматривалось, как вырабатывались типологическая классификация исторических источников и видовая классификация письменных источников. Естественно (не возводя это в догму), всякая классификация должна обладать чертами универсальности, всеобщности (т. е. быть применимой в данном случае ко всему историческому процессу) и определенными чертами внутренней иерархии (например, ряд «законодательные источники – статистика – акты – документы административного делопроизводства – международные договоры... письма, дневники, мемуары» и т. п.). Без этого немислима никакая классификация. Однако применение всеобщих категорий и

принципов к источникам, порожденным советским обществом, создает... иллюзорное источниковедение и предрасполагает к иллюзорным же представлениям об этом обществе. Вряд ли сегодня самый догматичный специалист поставит для этого общества на первое место в иерархии законодательный источник (любую из Конституций, закон, указ). В значительной степени утрачивают видовые черты статистика, публицистика и т. д., приближаясь по своим функциям к «партийно-государственному делопроизводству». Зная историю создания, публикации, характер и содержание многих мемуаров, далеко не всякий специалист отнесет их к источникам данного вида. Применяв общий принцип, мы, оказываясь, рискуем получить «нормальную» историю, какой она не была в реальности. Более того, последовательное его применение даже отбрасывает нас ниже схоластических писаний 40 – начала 50-х гг. Следовательно, хотели бы мы этого или нет, мы оказываемся вынужденными возвратиться к некоторым деталям казалось бы давно решенного спора о классификации исторических источников по происхождению. Но решать эту проблему придется на новом уровне, на новом опыте и на новом материале. Однако за ней вырисовывается проблема еще более сложная, намечаемая перспективой развития гуманитарного знания: «человек – общество – государство», относительно которой будет необходима коррекция познавательных, источниковедческих позиций.

Новая программа 1993–1994 гг. рассматривается кафедрой в известной мере как программа развития одной из фундаментальных отраслей гуманитарных наук. Междисциплинарные контакты составляют наиболее характерную черту развития источниковедения в настоящее время. Российский гуманитарный университет как открытое высшее учебное заведение формирует новую систему реального взаимодействия источниковедения с другими гуманитарными и естественно-научными областями деятельности науки и практики. Новая программа отражает представления кафедры о месте источниковедения в формировании исторического сознания, профессионализма гуманитария и культуры общества в целом.

ИСТОРИК И АРХИВИСТ: СФЕРЫ ПОЗНАНИЯ ИМИ ПРОШЛОГО¹⁸⁰

1. Введение, постановка вопроса

1.1. Познание прошлого как эпистемологическая проблема

Рамки того социокультурного пространства, в котором профессионально работают (и, по принципу дополнительно-сти, взаимодействуют) историки и архивисты, обозначены в теме доклада (и Конференции в целом) как «сфера познания прошлого». Необходимо поэтому определить то понимание исследовательской ситуации, которая имеется в виду, когда мы говорим о познании прошлого. Что конкретно выступает в качестве реального объекта исследования для историка и в качестве объекта хранения и использования для архивиста? Современные исследователи, стремясь разграничить две сферы профессиональной деятельности, фиксируют внимание, в частности, на том, что историк в принципе обращен к созданию произведения как научного текста, в то время как архивист в принципе ориентирован на сохранение и использование существующих текстов (записей, документов в широком смысле). Принципиально важным является, далее, понятие «мирового документального наследия», приведенное в Международном этическом кодексе архивистов 1996 г., ст. 10. Положение о том, что «архивисты должны способствовать обеспечению сохранности и использованию мирового документального наследия в сотрудничестве друг с другом и с представителями других профессий», выступает в качестве ключевого, прежде всего потому, что оно, на наш взгляд, не может интерпретироваться в технократических, прикладных, хотя и более привычных для современного архивиста, категориях. Понятие данной взаимо-

¹⁸⁰ Публикуется по изданию: *Медушевская О. М.* Историк и архивист: сферы познания ими прошлого // *Историки и архивисты: сотрудничество в сохранении и познании прошлого в интересах настоящего и будущего: докл. и тез. конференции 27–28 нояб. 1997 г.* – М.: Федеральная архивная служба России, РОИА, 1998. – С. 29–48.

связанной совокупности равновелико для нас представлению о самоидентификации человечества. Это предполагает и соответствующий уровень интерпретации любой части данного системного объекта как культурного наследия страны, этноса, института, личности. При данном подходе формируется соответствующий уровень обсуждения проблемы, а именно: вопроса о познавательной сфере гуманитарного познания, вообще, и сферы познания прошлого для историка или архивиста, в частности. Проблема имеет системный, междисциплинарный, свободный от ведомственных разграничений глобальный характер, а ее обсуждение, следовательно, выходит на теоретико-познавательный (эпистемологический) уровень.

1.2. Наблюдать или изучать: прошлое как фиксированная реальность

Человечество идентифицирует себя в мире двояким образом: оно получает информацию в процессе наблюдения реальности настоящего, в процессе вербального и невербального общения, интеракционального взаимодействия; кроме того, оно, в отличие от других живых существ, воспринимает (и изучает) фиксированные в материальном образе фрагменты прошлой реальности, — вещи, документы в широком смысле, печатные воспроизведения. Настоящее как текущую реальность можно наблюдать, но, строго говоря, нельзя изучать (не имея повторного воспроизведения). Фиксированную, остановленную реальность, напротив, вполне возможно изучать. В рамках данного различия мы можем интерпретировать понятие прошлого. Прошлое наблюдать невозможно по определению, но фрагменты фиксированной реальности можно изучать. И для архивиста, и для историка понятие прошлого как фиксированной реальности имеет принципиальное значение. Фиксирование реальности (создание исторического источника) создает объективную возможность научного познания тех сторон человеческой деятельности, которые по условиям места или времени недоступны для непосредственного наблюдения исследователя. Фиксированная реальность есть результат человеческой деятельности, и она может быть запечатлена различным образом.

Однако документальное наследие отражает реальность в принципе более оперативно и более осознанно (в виде текста). Мировое документальное наследие составляет поэтому ядро, существенно значимую часть объектов гуманитарного познания. Историки и архивисты более отчетливо, нежели другие гуманитарии и тем более человечество в целом, осознают невозможность идентификации общества, государства, да и самого понятия *Homo sapiens* вне интерпретации мирового документального наследия как культурного феномена. Они также понимают свою профессиональную взаимодополняемость по отношению к культуре. Это и создало в новое время своеобразный союз двух профессий. Развитие современной культурной ситуации существенно изменило содержание этого взаимодействия. Целесообразно поэтому обратиться к рассмотрению результатов эволюции профессиональной деятельности историков и архивистов.

2. Центробежные тенденции в гуманитарном познании XX века

2.1. Динамика профессии архивиста

Эволюция архивной профессии в XX в. имеет определенную специфику, связанную с конкретными условиями деятельности архивистов различных регионов мира. Многое зависит, в частности, от исторически сложившейся типологии документального наследия и конкретно – от соотношения документации традиционных обществ и документации нового и новейшего времени в общем объеме; от степени и характера централизации архивного дела; от экономических, социальных и политических условий развития общества и государства и других причин. Тем не менее, прослеживаются общие тенденции, существенно изменившие казавшийся достаточно прочным тандем истории и архивистики, сложившийся в XIX в. Специалисты говорят о движении от концепции архивов как инструмента административного управления в средние века к пониманию научно-исторического значения архивной доку-

ментации в новое время. Данная концепция была связана со становлением крупных национальных государств, рецепцией идей юридических и гражданских прав личности, превративших архивный документ в глазах общества в документ истории.

2.2. Хранитель национальной исторической памяти

Создание Школы Хартий во Франции, научная инициатива создания фундаментальных серий исторических документов (прежде всего «Памятников истории Германии»), деятельность русских просветителей и архивных юношей пушкинской поры в России заложили основы концепции деятельности архивиста как ученого-историка, специалистов высочайшей квалификации в области исследования письменных текстов традиционного типа. Однако то, что долгое время было главным достоинством и предметом гордости профессионала-архивиста, стало в изменившихся условиях конца XIX – начала XX вв. восприниматься негативно. Это была не только европоцентристская, но страноведческая специализация, узкоспециализированно ориентированная на фундаментальное исследование средневековых текстов и предъявлявшая высочайшие требования исторической критики и интерпретации, тончайших методик палеографии, дипломатики и других вспомогательных исторических дисциплин. Историк-исследователь и историк-администратор в рамках данной концепции выступают как одно и то же лицо. Однако данный тип специалиста оказался в начале XX в. в ситуации глобальных качественных изменений. «Новый век, – писал позднее А. Тойнби, – очертил свое поле исследования, не ограниченное рамками одной национальности, и ученые вынуждены будут приспособить свой метод к интеллектуальным операциям более широкого масштаба»¹⁸¹.

2.3. Приоритеты научно-технического века

Научно-техническая революция и технократические приоритеты массового сознания изменили и состав документации, и

¹⁸¹ Тойнби А. Постигание истории. М., 1991.

требования к организации ее хранения и использования. Развитие внеличных систем управления, широкий приток массовой документации, общие тенденции нивелирования роли личности в функционировании массового общества обусловили изменение ценностных ориентаций архивной профессии. В центре внимания оказывались административно-служебные, управленческие, информационные функции документа, поскольку именно они были затребованы в социальной практике информационного общества.

Проблема архивной профессии в условиях информационного общества оказалась в центре внимания архивоведческой мысли XX в. и до сих пор остается наиболее острой. «И хотя архивисты-профессионалы, менеджеры-документалисты и менеджеры-информационники и соблюдают общие принципы, они унаследовали не одну и ту же традицию, и окончательные результаты их практической деятельности могут быть весьма различны»¹⁸². Своеобразный синтез исследовательских и информационно-управленческих профессиональных ориентаций сформировался уже в новейшее время в концепции Историко-архивного института, что, в свою очередь, становится источником новых междисциплинарных взаимодействий.

2.4. Смысл профессии

Нельзя не видеть, однако, что в процессе обособления архивной профессии происходит утрата ее целостной теоретико-познавательной концепции. Связь с историей (понятой прежде всего как связь с историей страны, государства, нации) создавала осознание самодостаточности профессии архивиста, основу для понимания преемственности административной системы старого режима и нового времени, опоры на институциональ-

¹⁸² Хиггс Э. Эволюция архивной профессии // Вестник архивиста. 1996. № 5(35). Таким образом, бывшее нераздельное единство историка как архивиста и архивиста как историка уже не представляется единственно возможным, как это было в период формирования таких по сути двуединых понятий, как Школа Хартий во Франции, *Geschichtekunde* в Германии, позднее модифицировавшееся в историческое источниковедение – *Quellenkunde*.

ный подход к документным системам, обогащая архивоведческую теоретическую мысль, практику уважения к целостности документального наследия, уважения к фонду. Административно-управленческий информационный подход обуславливает иные принципы организации документной информации, исходящие не из принципов преемственности или происхождения, а из интересов оперативного управления. Историк-архивист и менеджер-документалист, и менеджер-информационник, разумеется, по-разному решают проблемы организации архивного документального наследия. Установка на сохранение историзма в условиях технологических приоритетов информационного общества может рассматриваться как традиционалистская и не имеющая перспектив в будущем.

Теоретики архивного дела не могут не учитывать реальности эпохи передовых информационных технологий. Но они не могут не видеть и того, что современные информационные процессы развиваются спонтанно, опережая теоретико-познавательные обоснования и исследования природы информации и перспектив развития гуманитарного познания. На субъективном уровне архивисты воспринимают сложившуюся ситуацию как конфликт административной и научной сторон деятельности архивиста. Они стремятся расширить пространство, в котором оценивают и переосмысливают содержание своей деятельности (как это делал один из крупнейших теоретиков архивоведения В. Н. Автократов и многие современные ученые и практики). Уход архивистики от традиционной связи именно с исторической наукой происходит на фоне другого центробежного процесса – эволюции профессионального метода историков.

2.5. Динамика профессии историка

Методы исторического исследования подверглись в XX в. значительным изменениям. Знаменитая позитивистская формула «История пишется по документам. Их нет – нет и истории»¹⁸³ ярко отражала ориентиры историка на документ, скреплавшие

¹⁸³ Ланглюа III. В., *Сеньбос III*. Введение в изучение истории. М., 1899.

естественный для традиционного мышления союз историка и хранителя и публикатора исторических источников. Эмпирическая данность документа составляла для обоих профессионалов первостепенную непреходящую ценность. Даже известный своими антипозитивистскими инвективами в боях за историю нового типа, основатель Школы Анналов Л. Февр признавал, что «знаменитая формула до сих пор не утратила всех своих достоинств. Честным труженикам, законно гордящимся своей эрудицией, она служит паролем и боевым кличем в сражениях с легковесными, кое-как состряпанными опусами»¹⁸⁴. Написанная в конце XIX в. профессорами Сорбонны – исследователем политической истории Европы нового времени Сеньобосом и знатоком источников эпохи средних веков, историком и архивистом Ланглуа книжка о методах исторического исследования хорошо выразила характерные черты позитивистской парадигмы, европоцентристской, ориентированной на письменные тексты модели исторического сочинения.

«Со времен Моммзена и Ранке, – писал об этом времени А. Тойнби, – историки стали тратить большую часть своих усилий на сбор сырого материала... Такие серии – памятники человеческому трудолюбию, «фактографичности» и организационной мощи нашего общества. Они займут свое место наряду с изумительными туннелями, мостами и плотинами, лайнерами, крейсерами и небоскребами, а их создателей будут вспоминать наряду с известными инженерами Запада»¹⁸⁵. На основе эмпирически обеспеченной источниками, публикациями, архивными документами европоцентристской модели исторического процесса выработался определенный тип исторического профессионализма. Историк действует в ситуации своего рода «познания познанного». Она характерна тем, что предмет исследования четко локализован во времени и географических рамках, а цели и соответствующие им методы согласованы научным сообществом в рамках концептуального единства, в данном случае это была парадигма позитивистской историзи-

¹⁸⁴ Февр Л. Бои за историю. М., 1991

¹⁸⁵ Тойнби А. Постигание истории. М., 1991

рующей истории. Добротный профессионализм вспомогательных исторических дисциплин данная парадигма соединяла с принципиальным отказом от эпистемологических обобщений. Анализируя данную исследовательскую ситуацию в мировой науке его времени, русский методолог гуманитарного познания А. С. Лапто-Данилевский констатировал, что длительный и разнообразный эмпирический опыт исследовательской практики (прежде всего – работы с источниками) не поднялся, однако, до уровня «цельного и систематического учения»¹⁸⁶. Позитивистская парадигма, принципиально элиминировавшая в сознании исследователей «метафизические» аспекты гуманитарного познания, выявила свою неадекватность качественно новой реальности. Конец XIX – начало XX вв. стали временем острых методологических дискуссий о познавательных возможностях наук о природе. После Первой мировой войны новая реальность стала очевидной для более широкого круга профессионалов. Несовместимость традиционного мировоззрения профессионального историка со стремлением к историческому синтезу ярко запечатлел А. П. Карсавин¹⁸⁷.

2.6. Вызов глобальной истории

Итак, перед лицом новых исследовательских задач глобальной истории добротный профессионализм европоцентристской модели исторической науки оказался неэффективным. Он сформировался в ситуации познания познанного, когда существовала относительно обозримая, уже известная, эмпирическая основа, источниковая база, а методы ее изучения, многократно опробованные в практике историка и архивиста, были выведены на уровень ясных и относительно простых исследовательских приемов. В новой ситуации изучения глобального социального процесса ничего подобного не предполагалось. Прорыв в непознанную область цивилизационного подхода

¹⁸⁶ Лапто-Данилевский А. С. Методология истории. Вып. 2. СПб, 1913

¹⁸⁷ Если синтез есть дело популяризатора, то что же тогда – дело историка? Так ставит он вопрос в своей монографии «Философия истории». Берлин, 1923.

требовал нетрадиционных методологий. Слишком велика была сфера эмпирически еще не познанного. Как писал позднее Л. Февр, на глазах историков «разрушилось неоспоримое основание всякой позитивной науки, этот несокрушимый столп старой классической истории... Познания наши внезапно превысили меру нашего разума. Конкретное вдребезги разбило рамки абстрактного. Попытки объяснения мира с помощью ньютоновской, рациональной механики окончились полным провалом. Старые теории необходимо было заменить новыми. Следовало пересмотреть все научные понятия, на которых покоилось до сих пор наше мировоззрение».

2.7. Типологический подход к документу-источнику

В эпистемологической ситуации познания существуют три основных компонента: объект, познающий субъект и их взаимодействие, создающее новое знание. Если позитивистская парадигма акцентирует внимание на объекте («нет истории без документов»), то неокантианская парадигма акцентирует и пристально изучает познавательные возможности субъекта. Ориентация на типологию документа-источника открывает новый подход.

Ситуацию прорыва к новой глобальной истории, эмпирическая база которой еще не изучена и в ближайшей перспективе не может быть изучена, можно преодолевать не эмпирически и не интуитивно, но – концептуально: на теоретическом уровне обобщая те данные, которые накоплены путем изучения реальной совокупности источников. В этом случае создается возможность получить принципиально единые подходы, работающие и в новой исследовательской ситуации. Это путь феноменологии гуманитарного познания. Именно на этой основе построена методология гуманитарного познания А. С. Лаппо-Данилевского – В. И. Вернадского (методология источниковедения и методология исторического построения). Для нее принципиальное значение имеют философские понятия мирового целого, человечества как его особой, наделенной сознанием части, понятия исторического источника как реали-

зованного продукта человеческой психики, и понятия «признания чужой одушевленности» как постулата для познания Другого через средство созданного им произведения (изделия, творения). Основные положения данной феноменологии гуманитарного познания возможно развивать при условии понимания общих принципов научного знания, неразделимости в этом смысле наук о природе и наук о культуре, теоретического обобщения исследовательской практики историка и архивиста. Не случайно столь активно обсуждались эти проблемы в России первой трети XX в. и сразу же были переведены работы Э. Гуссерля¹⁸⁸. При данном подходе произведения, созданные человеком, выступают как фундаментальная основа изучения человечества, его самоидентификации, а мировое документальное наследие интерпретируется как целостное и взаимосвязанное, самодостаточное культурное явление. Соединение гуманитарного и естественно-научного знания широко и полно отражается в концепциях ученых, создававших феноменологию не столько собственно исторического, но – на эпистемологическом уровне – гуманитарного познания – А. С. Лаппо-Данилевского, В. И. Вернадского, Ф. Ф. Ольденбурга, И. М. Гревса, А. Е. Преснякова, П. А. Сорокина, Н. Д. Кондратьева, С. Н. Валка, А. И. Андреева, Т. И. Райнова¹⁸⁹. Очередной Международный конгресс историков, назначенный на 1918 год в Петербурге (как было решено на Лондонском конгрессе 1913 г.), подготовка к которому велась под руководством Лаппо-Данилевского, возможно, дал бы новые импульсы методологической проблематике. Однако Первая мировая война повернула историю человечества XX в. в другое русло. Предметом пристального внимания русских ученых данного направления стало создание необходимых условий для подлинно научной организации документального наследия страны и, прежде всего, его физического сохранения. «Естественно, – писал А. Е. Пресняков, – что в годину революционной разрухи, отразившейся так

¹⁸⁸ Гуссерль Э. *Философия как строгая наука*. Логос, 1911.

¹⁸⁹ Подробнее см.: Медушевская О. М. *Источниковедение в России XX в.: научная мысль и социальная реальность // Советская историография*. М., 1996.

грозно на судьбе наших архивов, все, кому дороги были исторические материалы, потянулись к Александру Сергеевичу и объединились вокруг него в Союзе архивных деятелей». Философское осмысление общих основ деятельности историка, архивиста, филолога, социолога составляет характерную черту данного направления. Гуманитарное знание рассматривается как строго научное, что определяет, далее, логическую обоснованность взаимосвязанной системы методов исследования исторического источника, социального факта, культуры в целом. В качестве реальной основы гуманитарного знания выступает совокупность произведений, созданных людьми в процессе осознанной деятельности (как реализованных продуктов человеческой психики). Источники рассматриваются как реальное воплощение, проекция изучаемой культуры, той или иной социокультурной общности. Данная теоретическая концепция, интерпретируя продукт человеческой деятельности как явление культуры, открывает свой оригинальный познавательный подход к проблеме междисциплинарного взаимодействия. Источники представляют собой общую фундаментальную основу гуманитарного знания, а их интерпретация проводится на междисциплинарных уровнях. Последующее развитие источниковедческой парадигмы показывает те большие возможности, которые она дает архивисту, историку, правоведа, социологу, экономисту, филологу и искусствоведу.

2.8. Альтернативный путь: история создается историком?

Итак, необходимость смены парадигм для новых задач гуманитарного знания стала в первой трети XX в. очевидной. Необходимость преодоления позитивистской ограниченности была обоснована в трудах основателей Школы Анналов и трудах Р. Дж. Коллингууда. Надежды историков нового поколения были связаны прежде всего с интенсификацией познавательных усилий познающего субъекта – широко мыслящего, ставящего новые проблемы и преодолевающего пробелы в источниках с помощью интеллектуального постижения. В данной эпистемологической ситуации абсолютизируются познавательные возможности исследователя. Основатели новой исторической

науки убедительно обосновали необходимость перемен, наметили реально возможные пути и существенно изменили менталитет историков. Но они не властны были изменить степень изученности источников, которая необходима в качестве основы науки. Создать такую эмпирическую базу мировой истории, какую сформировала столетиями европоцентристская историография, было невозможно. Сам путь получения данных приходилось кардинально менять, освобождая сознание историка от обаяния архивного текста. Отдавая должное знаменитой формуле о том, что без текстов нет и истории, Февр писал: «Формула эта представляется опасной: она как бы противостояла общему направлению различных, но действующих заодно гуманитарных дисциплин. Она предполагала тесную связь между историей и письменностью – и это в тот самый момент, когда ученые, занимавшиеся исследованиями доисторического периода, – как показательно само это название! – старались восстановить без помощи текстов самую пространную из глав человеческой истории». Всем памятен иронический образ позитивиста, который, восседая на груде своей «документации», не понимает, что надо не просто переписывать источники, но «воссоздавать прошлое, прибегая для этого к помощи смежных дисциплин, подкрепляющих и дополняющих одна другую»¹⁹⁰.

Историк с некоторым облегчением отодвигает «тексты», теряя связи с документацией традиционного типа (а вместе с тем и с архивами), которые диктовали ему весьма ригористичные, трудоемкие, а при новых обстоятельствах и просто невыполнимые исследовательские требования. Расширяя рамки хронологии и географических границ новых исследований, историк ориентируется на междисциплинарные связи, иначе говоря – на готовые результаты смежных наук: человеческая география, естественно-научные методы в археологии, социологическое анкетирование, экономика и статистика, многообещающий психоанализ и, наконец, действительно впечатляющие интерпретации социальной и культурной антропологии. Познавательные амбиции историка уводят его все дальше от архивных

¹⁹⁰ Февр А. Бои за историю. М., 1991.

текстов. В образовательной модели специалиста проблемы так называемых исторических дисциплин, исторической критики в лучшем случае остаются на прежнем уровне, как некая дань традиционализму исторического профессионализма. Но оставаться на месте в XX веке – не значит ли это отставать?

2.9. Воспроизведение прошлого в сознании историка?

Оставив методы получения социальной информации из источников за пределами своего внимания, придав им статус подготовительных, вспомогательных и даже «технических» приемов, историческая наука XX в. утратила свою самостоятельность. В начале XX в. социология и историческая наука более ясно осознавали свою общность и взаимозависимость. В 30-х гг. социолог М. Мосс подтвердил важность методов «исторической критики», выработанной в исторической науке, для социологии. У историков и социологов, писал он, в сущности, общие источники, просто они задают им разные вопросы. Он проиллюстрировал это ценное суждение примерами исторической критики материалов статистики и периодической печати. Но в этом высказывании классика социологии XX в. содержится и некоторый вызов, призыв к тому, чтобы исторический метод развивался, открывая новые возможности получения из источников актуальной социальной информации. Этот призыв остался неуслышанным, а расхождение истории и социологии еще долгое время продолжало усиливаться.

Методологии XX в. сосредоточили внимание на раскрытии сложного взаимодействия историка с реальностью прошлого. Р. Д. Коллингвуд хорошо показал различие описательного, фактографического подхода (который он называл «историей ножниц и клея») и деятельность историка как формирование нового знания. «Историки ножниц и клея изучали периоды; они собирали все существующие свидетельства об ограниченной группе фактов, тщетно надеясь извлечь что-то ценное. Научные историки изучают проблемы – они ставят вопросы и, если они хорошие историки, – задают такие вопросы, на кото-

рые можно получить ответ». Коллингвуд акцентирует внимание на решающей роли познающего субъекта в получении нового знания. Исторический факт не дан непосредственно, в восприятии, исторический метод для него означает интерпретацию фактических данных. «Единственное возможное (для историка) знание – опосредованное, выводное, не прямое знание». История, по определению Коллингвуда, есть воспроизведение прошлого опыта в сознании историка, и именно сознание историка, процесс его мышления интересует философа как исследовательская проблема; постановка проблемы – поиск оснований – логический вывод. По сути, конечно, в центре внимания Коллингвуда находится главное – мысль человека прошлого, его замысел, его действия в реальной ситуации – вот что важно для историка, вот что он, по Коллингвуду, стремится понять. Остается сделать следующий шаг и обратиться к проблеме источников познания прошлого, поскольку интерпретация фактов должна касаться именно их. Однако эта сторона исследовательского процесса остается непроясненной. Напротив – совокупность данных, к которым обратится историк со своими вопросами, непредсказуема. «Никто, вероятно, не сумел бы определить, – пишет он, – из чего она будет состоять, – до тех пор пока все вопросы, возникшие по ходу следствия (автор сравнивает исследователя с детективом, проводящим расследование), не будут разрешены. В научной же истории все может быть использовано в качестве оснований для логического вывода, и никто не может наперед знать, окажется ли выбранное историком основание плодотворным. Только применение его к объяснению конкретных событий может доказать его ценность»¹⁹¹. Источники при такой постановке вопроса не самодостаточны. Их связь с реальностью прошлого не рассматривается, они возникают и, так сказать, материализуются лишь под влиянием постановки проблемы: «Вопрос и основание в истории коррелятивны. Основанием является все, что позволяет вам получить ответ на ваш вопрос, который вы задаете в данную

¹⁹¹ Коллингвуд Р. Д. Идея истории. М., 1980.

минуту. Разумный вопрос (единственный тип вопроса, задаваемый человеком, компетентным в науке), это вопрос, для получения ответа на который у вас, как полагается, есть основания или вы можете их приобрести». Преодоление позитивистской установки (нет истории без текстов) сопровождается пристальным интересом к деятельности историка как познающего субъекта.

Таким образом, глобальный социальный конфликт новейшего времени оказал существенное влияние на ситуацию как в исторической науке, так и в архивистике, сформировав центробежные тенденции в их отношении к познанию прошлого. Новая социальная реальность вела к изменениям традиционного механизма политической и культурной организации общества. На протяжении жизни нескольких поколений рассыпалось традиционное единство старого общества «с его естественными связями и с его, так сказать, органическим сцеплением»¹⁹²: «Пришествие демократии разрушило существовавшие рамки политического общества. Иерархия классов и их внутреннее соотношение были уничтожены, и традиционные социальные узы, соединявшие индивида с коллективом, порвались». В новейшее время произошло и происходит нивелирование общества, разрушение прежних связей, изменение положения индивидов и групп по отношению к власти, государству, друг другу. Высвобождая индивида от традиционных зависимостей и связей, новая реальность его изолирует, вызывая соответствующие умонастроения дегуманизации, деперсонализации культуры. Соответственно эти настроения питают кризис традиционного мышления, когда разрыв прежних единств воспринимается как некий хаос, в котором существуют лишь возможности привнесения логики извне. Осмысление исторического процесса в рамках данного мировосприятия представляется задачей философски ориентированного гуманитария¹⁹³. Познавательные возможности

¹⁹² *Острогорский М. Я.* Демократия и политические партии. М., 1997. С. 44.

¹⁹³ «Исторический синтез – всегда дело историка», как считает, напр., Л. П. Карсавин.

исследователя и привлекают поэтому главное внимание в рамках соответствующей релятивистской методологической парадигмы. Познающий субъект черпает информацию («основания») где хочет и может. Под влиянием данного подхода формируется и соответствующий образ менеджера-информационника, обслуживающего актуальный запрос пользователя с максимальной ответственностью. Историк больше не разделяет «прошлое» от его восприятия; а архивист ориентирован не на историка, а на любого, обобщенного потребителя архивной информации.

Таким образом, антипозитивистская парадигма исторической методологии в своем стремлении преодолеть отношение к документу, тексту как к эмпирической данности, переносит акцент на деятельность познающего субъекта, оставляя в стороне источники познания. Понятия документа, источника при данном подходе утрачивают свою самостоятельность, материальный образ, конкретность. Приемы получения информации о прошлом оказываются выведенными на уровень прикладных, подготовительных, не имеющих значения аспектов деятельности историка. Центростремительные процессы – расхождения профессиональных ориентиров историка и архивиста усиливаются, на этот раз со стороны историка (получающего к тому же в условиях господства данной парадигмы соответствующую профессиональную подготовку). Такой историк совершенно неспособен самостоятельно вычислить, где и по какой причине могут находиться необходимые для его исследования источники. В свою очередь, недостаточная фундированность источниковедческой основы вызывает в обществе вполне обоснованные сомнения в научности и воспроизводимости результатов исторического исследования, и, шире – в возможностях истории как науки. А управленчески-информационная ориентированность архивистов, в свою очередь, приводит к утрате в обществе живого интереса к данной профессии и людям, которые ею занимаются.

К счастью, в общественном сознании второй половины XX в. прослеживаются и новые, гораздо более перспективные тенденции в развитии гуманитарного познания.

3. Центростремительные тенденции гуманитарного познания

3.1. «Признание чужой одушевленности»

Отношение типа «субъект – объект», какую бы из двух составляющих компонентов ни поставить на первое место, не охватывает целиком того познавательного пространства, которое характерно для гуманитарного познания. Необходимо его рассмотрение с позиций феноменологии, когда рассматривается ситуация взаимодействия самодостаточных величин и в центре внимания оказывается сама логика процесса познания, – движение познающего субъекта от предметной эмпирики наблюдаемого им объекта к пониманию сущностной природы стоящей за ним реальности. Познавательный импульс при этом должен исходить не столько от мировоззренческих установок и концепций исследователя, но «от вещей и проблем»¹⁹⁴. Сам процесс движения мысли от эмпирики объекта к научным абстракциям выступает в качестве общего принципа научного знания вообще¹⁹⁵, но в гуманитарном познании имеет свою специфику. Этот процесс движения от эмпирики его объекта (произведения, исторического источника) к воссозданию исторической реальности прошлого проанализировал и представил в виде логической системы – методологии истории – русский мыслитель А. С. Лаппо-Данилевский в своей «Методологии истории»¹⁹⁶. Данный подход позволяет рассматривать процесс гуманитарного познания (познания внутреннего мира Другого человека в Дильтеевском смысле) как процесс логического исследования, а не интуитивного постижения. В рамках данной методологии принципиальное значение имеет принцип «признания чужой одушевленности», то есть – признание Другого не просто как иного (так называемая «инаковость»), но прежде всего как равновеликого и самодостаточного индивида, а следо-

¹⁹⁴ Гуссерль Э. Философия как строгая наука. Новочеркасск, 1994. С. 173–174.

¹⁹⁵ Гуссерль Э. Начало геометрии // В кн.: Гуссерль Э., Деррида Ж. Начало геометрии. М., 1996.

¹⁹⁶ СПб., 1910–1913.

вательно носителя социальной информации. Человек лучше всего выражен в своем сознательно целенаправленном творчестве. Он создает произведения, служащие, в свою очередь, основным источником гуманитарного познания. Следовательно, в центре внимания оказывается не отношение субъект – объект, но триада: человек – произведение – человек. Этим и объясняется то значение, которое данная феноменологическая парадигма придает понятию произведения, исторического источника, а следовательно, и архивного документа. Развивая данную философскую идею, В. И. Вернадский говорит о преобразовании земли, мира под влиянием целенаправленной осознанной деятельности человечества. Познавательная ценность данного подхода становится в настоящее время вполне очевидной в свете развития ряда междисциплинарных направлений гуманитарного познания – исторической антропологии, этнологии, наук о языке, семиологии, социологии, исторической географии. Формируется исследовательская проблематика, охватывающая «всего», «тотального» человека. Социологически ориентированная мысль взаимодействует с философской антропологией, стремясь «в постоянном диалоге с историей и философией» изучать «общество как часть человеческого мира, как созданное людьми, ими населенное и, в свою очередь, создающее людей в непрерывном историческом процессе»¹⁹⁷.

3.2. Интертекстуальность и постмодернизм

В последнее время прослеживаются значительные изменения в отношении к проблемам эпистемологии в среде профессиональных историков. Новое для многих из них понимание проблемы самодостаточности исторического источника не только как средства получения информации о «фактах», но и как реального объекта с доступными для исследования параметрами начинает изменять менталитет историков, которые в своем антипозитивистском энтузиазме утратили свое первородство, уступив поле фундаментальной гуманитарной проблематики

¹⁹⁷ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М., 1995. С. 302.

другим мыслителям. На гранях методов литературоведения, лингвистики, семиотики изучаются проблемы письма как знаковой системы, отношения между субъектом письма и языком, проблемы интерпретации текста в широком смысле. Пристальный интерес к исследованию феномена особого междисциплинарного пространства, которое возникает под влиянием автора, создающего текст, и воспринимающего текст читателя, реализуется под определяющим воздействием постструктурализма, методов деконструктивизма, постмодернистских умонастроений в современной культурологии¹⁹⁸. Действенным стимулом для актуализации проблематики исторического метода стали весьма дискуссионные, неоднозначно оцениваемые опыты применения деконструктивистских подходов к произведениям самих историков («лингвистический поворот в историографии»).

3.3. Деконструктивизм и исторический нарратив

Лингвистически ориентированные методологи обратили преимущественное внимание на текст исторического произведения – «исторический нарратив», предприняв интересный опыт анализа научного языка историков и его идеологических и иных стереотипов, «мифологий», нуждающихся в деконструкции текста. От лингвистического подхода к историческому нарративу они обратились к более общим проблемам методологии исторического познания. Однако исходные позиции лингвистически-семиотического подхода оказывают определяющее и, в ситуации исторического нарратива, ограничивающее влияние при попытках дать на его основе более общие ответы на вопрос о возможностях истории как науки. Возникает впечатление утраты качеств научности гуманитарного знания, вспоминается суждение о «неопределенности, расплывчатости, неточности», которое «производят почти все гуманитарные науки»¹⁹⁹. В условиях разнообразных междисциплинарных взаимодействий мера неопределенности понятийного аппарата, терминологии, научного языка не уменьшается, но возрастает.

¹⁹⁸ Р. Барт, М. Фуко, П. Рикер, Ж. Деррида.

¹⁹⁹ Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. М., 1991. С. 374.

В данной ситуации системообразующее значение имеет точное определение того места, которое занимает мировое документальное наследие в науках о человеке, в научном познании мира вообще, и о том, следовательно, каким может и должен быть отвечающий реальности статус профессиональной деятельности людей, занятых не просто сохранением, но системным осмыслением этого феномена – материально фиксированного образа эволюционного и коэволюционного единства человечества.

3.4. Документальное наследие как культурный феномен

Единство социокультурной общности, страны, этноса, обусловленность каждого элемента системы есть неотъемлемая часть живой культуры, условие ее функционирования. Задача гуманитария состоит в том, чтобы не пропустить, увидеть эти функциональные связи. Документальное наследие как раз и представляет собой реальное воплощение, проекцию изучаемой культуры в пространстве и времени, оно несет информацию о целом, о функционировании системы, социокультурной общности. Проблемы современной компаративистики не могут быть решены ни на эмпирическом уровне, ни в рамках отдельных областей знания. Науки о человеке располагают объектом, отвечающим условиям научности познания. Этот объект доступен для изучения, стабилен и суверенен (т. е. отделен от познающего субъекта). Он представляет собой целостную совокупность произведений, созданных в процессе целенаправленной человеческой деятельности и служащих источниками гуманитарного познания (в традиционной терминологии – историческими источниками). Эти произведения – изделия, «вещи» – источники всех видов, типов, форм фиксации, они репрезентированы в материальной форме, имеют структуру, отвечающую цели их создания, и выступают в процессе их функционирования как реальное воплощение организующих связей в обществе, государстве, социокультурной общности, цивилизации. В дальнейшем эти функциональные связи трудно воспроизвести, что ведет к утрате ценнейшей социально-культурной информации. В отличие от музейного хранения и

библиотек, архивы в принципе (в той или иной мере) сохраняют не фрагменты прошлой реальности, а ее взаимосвязанные проекции в документах. Эта соотнесенность документации достаточно четко, а иногда и количественно выражена, и потому дает информацию о целом, о способах связи в процессе функционирования живой системы. Любая часть социальной информации архивных документов может быть интерпретирована с учетом этих системных связей. Проблема исторического синтеза (наиболее трудная в познании) рассматривается в историко-культурной парадигме методологии истории и гуманитарного знания в целом как решаемая эпистемологическая проблема, для которой существует реальная документальная основа. Данная парадигма открывает перспективы компаративного исследования культур в глобальном масштабе, поскольку типологии источников, характерные для определенных состояний общества, являются сопоставимыми. Мировое документальное наследие выступает как общий объект для междисциплинарных исследований. Разработанные в рамках гуманитарного и естественнонаучного познания познавательные модели и интерпретационные методы позволяют раскрыть его информационный потенциал со всей возможной для достигнутого уровня культуры полнотой. В то же время хранители мирового документального наследия в меру возможностей, которые открывает перед ними уровень цивилизованности современников и соотечественников, формируют объективную основу для будущего наук о человеке и его деятельности – основу культурологического синтеза.

4. Заключение

Наступивший век информационных технологий не оставляет ни одну из традиционных профессий самой себе равной. Суровому испытанию на прочность подвергся и традиционный союз историка и архивиста. Растущий прагматизм стал одной из главных тенденций эволюции информационного общества, побуждая к сворачиванию общекультурных историко-архивоведческих исследовательских программ. Но все же толь-

ко одной из тенденций, а в длительной перспективе – не главной. В испытании на прочность союза историка и архивиста вначале проявились центробежные тенденции – своего рода самоизоляции в надежде выстоять. Архивисты в господствующих влияниях технотронной цивилизационной модели эволюционировали к управленческо-менеджерским интерпретациям профессиональной ориентации. Историки – под влиянием постмодернистского умонастроения – к самопознанию и самосозерцанию в зеркале познающего субъекта. Продвижение на этих путях не снискало тем и другим ни общественного признания, ни соответствующего статуса. Следует отметить, однако, что даже на самом пике центробежных процессов интуитивное сознание естественности союза историков и архивистов не оставило профессионалов. Убеждение, что все ценное в культуре само собой сохранится вообще, свойственно людям, и высокий уровень исторического образования архивистов долгое время подерживался по инерции. Испытания на прочность союза историков и архивистов имели, по-видимому, ту же природу – уверенность в том, что все ценное сохраняется само собой. Постмодернистская реальность заставляет лучше понять вопрос о пределах прочности культурных достижений человечества.

Центробежные процессы, разделившие историков и архивистов, позволили им с более далекой дистанции увидеть общее пространство гуманитарного познания, пронизанного междисциплинарными взаимодействиями. Им видится «новая история, по-современному оснащенная всем необходимым инструментарием, подходами, методами, методологическими ориентациями, наконец, движимая новым духовным состоянием корпорации историков: история, способная проникать в глубины человеческого бытия, улавливать механизмы изменений во всех сферах жизни»²⁰⁰. Архивисты думают «об источниковой разработке ряда документальных комплексов прежде всего новейшего времени... об изучении становления и развития документальных систем и подсистем военной, партийной,

²⁰⁰ *Афанасьев Ю. Н.* Как России заново обрести свою историю // Россия. XX век. М., 1995. С. 28–29.

филтрационной, технической, звуковой, изобразительной, электронной документации, исследований проблем, связанных со степенью репрезентативности сохранившихся документальных материалов, реконструкции массивов, несохранившихся материалов и установление причин и оснований утрат»²⁰¹. Ситуация определяет, таким образом, необходимость выхода за пределы узкопрофессиональной изоляции и обсуждения общегуманитарных проблем на эпистемологическом уровне. Этот встречный процесс центростремительных тенденций развития явственно обозначился в настоящее время. Становление человека и человечества немислимо без фиксированной информации (архив в широком смысле), и ее новой интерпретации (история в широком смысле).

Для русских историков и архивистов это понимание приходит через философски ориентированную источниковедческую парадигму гуманитарного знания и образования. Не случайно архивист в России – прежде всего философ, а уже потом историк или менеджер. Человека от других живых существ отличает способность творить, создавать изделия, произведения, которые, будучи воплощены в материальной форме, не исчезают, объединяя человечество в единое целое²⁰². Мировая наука и социальная практика ищут и находят разнообразные пути к созданию, отысканию и интерпретации информационного богатства исторических источников, к более глубокому пониманию их общечеловеческой ценности. Ярким свидетельством этих центростремительных процессов является подъем интереса массового сознания к региональной, местной истории, исторической антропологии, самоидентификации своего рода, этноса, края в великой семье человечества. В масштабной иерархии гуманитарного познания историк и архивист осознают общность своих фундаментальных принципов и целей и совершенствуют специфические методы их реализации.

²⁰¹ Козлов В. П. Актуальные проблемы взаимодействия архивистов и вузовской исторической науки // Вестник архивиста. 1996. № 5(35). С. 53–54.

²⁰² Медушевская О. М. Источниковедение. Теория, история и метод. М., 1996, С. 70–71.

АРХИВОВЕДЕНИЕ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ: ЕДИНСТВО И РАЗЛИЧИЕ КАК ПРОБЛЕМА МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ²⁰³

1. Междисциплинарное взаимодействие как актуальная наукоевческая проблема

Тема Всероссийской конференции поставлена интересно и широко, она открывает большие возможности для различных направлений исследования. В числе возможных ее интерпретаций представляется актуальным выбрать саму проблему взаимодействия архивоведения и источниковедения как взаимодействия междисциплинарного. Она возникает в силу определенного различия понятий – документ и исторический источник, и понятий – административного и научного подходов.

Проблема междисциплинарного взаимодействия принадлежит к числу наиболее актуальных в наукоевении. Стремление к единству и интеграции действительно становится ведущей и перспективной тенденцией междисциплинарных дискуссий в современной науке. В качестве общей черты этих дискуссий (при любом разнообразии тематики и состава участников) постоянно декларируется стремление к интеграции, к выработке единого подхода – как социальных так и естественных и точных наук. Прослеживается становление единой науки о человеке, которая смогла бы охватить не только отдельные стороны (социальные, психологические, биологические) данного феномена, но именно их взаимодействие, обуславливающее его целостность; вместо ранее разобщенных, разделенных хронологическими, предметными, региональными рамками отраслей

²⁰³ Публикуется по изданию: *Медушевская О. М.* Архивоведение и источниковедение: единство и различие как проблема междисциплинарного взаимодействия // Архивоведение и источниковедение отечественной истории. Проблемы взаимодействия на современном этапе: докл. и тез. выступл. на второй Всерос. конф., 12–13 марта 1996 г. – М.: ВНИИДАД, 1997. С. 11–15.

знания выступают, в качестве наиболее перспективных, интегральные подходы, «пересекающие, – по выражению М. Фуко, – все поле знания»²⁰⁴. Однако, для результативного междисциплинарного диалога подчас не хватает главного, а именно, – четкого представления об общем объекте, который разные подходы позволяет увидеть более объемным, разносторонним и системным. Существует ли единство объекта источниковедения и архивоведения?

2. Источниковедческая парадигма методологии гуманитарного познания

Современная глобальная цивилизация немыслима без документа и без его функционирования в качестве источника многоаспектной информации (синоним – исторического источника). Если мы принимаем этот постулат, то из него следует, что понятие «документ-источник» выступает для данной цивилизации как системообразующее понятие. Уже теперь очевидно, что великие открытия, оказывающие принципиальное влияние на ближайшее будущее человеческой цивилизации, направлены на совершенствование возможностей фиксации (документирования) реальности (как напр., «устная история»), на совершенствование процесса накопления социальной информации и возможностей использования источников в глобальном масштабе. Можно, следовательно, говорить об источниковедческой парадигме современного гуманитарного познания. Существует определенное число специалистов различного профиля, которые убеждены, что в современном знании, культуре, цивилизации в целом документ в его первоначальной и в его источниковедческой функции имеет и будет иметь не просто важное, но, в известном смысле, системообразующее значение.

В рамках данного подхода целесообразно поэтому все более глубокое и системное исследование взаимодействия общества и государства, закона и обычая, права и прецедента, административного и научного подхода применительно к проблеме доку-

²⁰⁴ Фуко М. Слова и вещи Археология гуманитарных наук. – М., 1994.

мента и источника. Остановимся далее на одном из аспектов данного подхода – на соотношении административной системы, с одной стороны, и системы науки с другой.

3. Архивный документ и исторический источник

Между архивоведением и источниковедением, при всей их переплетенности между собою, существует несомненное различие и даже противоречие. Оба понятия не сводимы (пока) к общему подходу. Речь в данном случае идет не о том, что их объект не совпадает полностью (архивный документ – не только исторический источник, а источник – не только архивный документ), тем более, что в значительной степени этот объект как раз совпадает. Дело в том, что даже при совпадении объекта архивоведение и источниковедение используют разные подходы. Один и тот же документ (он же – источник) рассматривается с помощью различных критериев, мотивов и обоснований для принятия решений. Одно и то же письмо – по логике науки, должно быть доступно для любого пользователя, а по логике административно-правовой – должно быть защищено от любых посягательств. Вопрос сводится к тому, – критерии какой системы оказываются приоритетными. Так возникает противоречие в самой ситуации выбора.

Наличие не одной, двух (нескольких) систем, в которых функционирует один и тот же реальный объект, выступая в различном качестве, – и возникновение конфликтных ситуаций в принципе достаточно широко распространено. Наиболее общий, но зато и впечатляющий пример, – развитие природы и общества (каждого по своим законам), когда возникают неразрешимые экологические противоречия. Их снятие возможно лишь на уровне междисциплинарного синтеза. Аналогичная картина существует и в нашем случае, – соотношения документа и источника, администратора и ученого. Эта двойственность составляет, как известно, одну из главных особенностей соответствующих профессий и сфер деятельности.

Ученый в образе администратора, администратор в образе ученого, – это, по существу, единственно приемлемый вариант в

данной ситуации междисциплинарного взаимодействия. «Вопрос о первенстве административной или исторической части архивной профессии, – пишет нидерландский архивист Я. Ван дер Брук, – никогда не будет решен однозначно, так как позиция архивиста всегда будет находиться между наукой и администрацией»²⁰⁵. Проблема состоит, однако, в том, что эти два образа не всегда мирно уживаются друг с другом, становясь поводом как внутренних, так и внешних противоречий. Именно поэтому это соотношение нуждается в дальнейшем осмыслении.

4. Между наукой и администрацией: проблема в динамике социального развития

История свидетельствует, что совмещение научного и административного аспектов составляет специфику профессии архивиста издавна. Когда после Великой Французской революции учреждения Старого режима оказались вне политической системы, оказалось, что освоить документацию в новом качестве не под силу ни историкам, ни юристам, ни чиновникам традиционного типа. Возникла, как известно, новая концепция образования (Школа хартий, 1821 г.). Ситуация повторилась в России после 1917 г., когда вновь был востребован особый тип профессионала, – разумеется формировавшийся с учетом новой исторической реальности эпохи и разнообразия документации, сложившейся в ходе становления общества и государства России. Однако специфика «двойного видения» проблемы документа-источника прослеживается и здесь (1930 г., создание ИАИ), в ней ощущается особая необходимость в ситуациях резких изменений институтов власти и управления вообще.

История новейшего времени представляет интересную динамику взаимодействия науки и администрации в данном аспекте. Начало XX в. было, как известно, эпохой, когда, противоречие снимается не путем взаимодействия, но преодоления. Альтернативность науки администрации также достигается путем сохранения главного и решающего, и отбрасыванием

²⁰⁵ Археографический ежегодник за 1992 г., М., 1994, С. 203.

второстепенного. Ясно также, что именно в данной ситуации, в условиях технократических приоритетов оказалось главным. В концепциях культуры и образования, сформировавшихся под влиянием технократических упований первой половины века, доминируют соответствующие прагматические идеи. Последующее развитие социальных процессов изменило общую ситуацию, обнаружив возрастающую тенденцию к подъему престижа историко-культурологических направлений. Это, в свою очередь, прослеживается в новейших концепциях деятельности институтов науки и образования, и, в частности, в сближении гуманитарного и естественно-научного образования, в возрастании интереса к истории естественных наук и истории техники.

5. Выводы

Речь идет, таким образом, о весьма подвижном и динамичном соотношении приоритетов и критериев науки и практики, которое находит свое выражение, в частности, в близком для данного научного сообщества взаимодействии таких многоаспектных областей знания и деятельности, как архивоведение и источниковедение. При подвижности и противоречивости соответствующих подходов и способов действия, они отнюдь не изолированы от влияний окружающей социальной среды. Статус и приоритетность гуманитарного знания в обществе, социальный статус науки и администрации становятся существенным фактором в каждом реальном случае. В междисциплинарном взаимодействии, перед лицом реальных противоречий, существенную роль играет личность ученого, выполняющего административные функции и администратора, разрабатывающего научные проблемы. Представляется необходимым специальное исследование проблем взаимодействия, междисциплинарных – как научных, так и административных, институциональных взаимодействий. Важно в связи с этим систематически пополнять объем фактических данных, отражающих статус науки в обществе, способы реального функционирования их отношений в государственных и политических системах разной типологии. Эти данные важны для

выработки общих концепций гуманитарного знания, образования и деятельности, для исследования конкретных ситуаций взаимодействия архивоведения и источниковедения в истории, современности и перспективе. Наиболее актуальными, в исследовании междисциплинарных взаимодействий архивоведения и источниковедения являются, на наш взгляд – проблематика права в противостоянии научного и административного подхода к документу и источнику; сравнительный анализ ситуаций, связанных с двойственным статусом документа-источника (авторское право, право собственности, владения и пользования документом-источником, в особенности в условиях резких изменений – административных реформ, смены научных парадигм, социальных сдвигов). Одним из перспективных подходов к проблеме является использование методов биографистики, который позволяет анализировать взаимодействие архивоведения и источниковедения на конкретном материале личного опыта.

Публикация аналитических обзоров источников по данной проблеме, методических пособий, исследований привлечет внимание и расширит возможности взаимодействия.

АРХИВНЫЙ ДОКУМЕНТ, ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК В РЕАЛЬНОСТИ НАСТОЯЩЕГО²⁰⁶

В стереотипных представлениях XX века такие понятия, как архивный документ, исторический источник оказались отодвинутыми на дальнюю периферию внимания общества и государства. Это прослеживается даже в терминологии: области деятельности, профессионально связанные с документами, архивами, историческими источниками, стабильно обозначаются либо как вспомогательные («вспомогательные исторические дисциплины»), либо как служебно-прикладные. В век технологических приоритетов они разделяли, таким образом, общий удел гуманитаристики, за которой в это время привычно закрепилось представление как об остаточном и необязательном для серьезного рассмотрения поле деятельности. Массовое сознание надолго связало общественные упования с перспективами развития точных и естественных наук, — действительно впечатляющих своими возможностями необратимо изменять окружающий мир.

Сами гуманитарные сообщества, подавившись общему настроению, отнюдь не противодействовали тому, что их реальная основа — архивы, документы, источники — перестали восприниматься как значимые и самодостаточные социальные ценности. Наука (в лице философии и историографии) обозначила статус документа, исторического источника, на первый взгляд, беспристрастно и точно, а по сути — ограниченно и неполно, а именно как средства исторического познания. Но ведь из подобного определения логично следует вывод о том, что эти средства познания представляют интерес для узкой группы гуманитариев, историков — лишь тех из них, кто профессионально занимается исследовательской деятельностью. Всему же остальному человечеству остается лишь с возрастающим (но мере углубления социальных конфликтов) нетерпением

²⁰⁶ Публикуется по изданию: *Медушевская О. М.* Архивный документ, исторический источник в реальности настоящего // *Отечественные архивы.* 1995. № 2. С. 9–13.

наблюдать, как эти ученые удовлетворяют за счет общества свое профессиональное любопытство. Тот же факт, что весьма абстрактно представляемые документы и архивы могут иметь несомненное отношение к осмыслению этих самых социальных конфликтов, никоим образом из данного определения не проясняется. Со своей стороны, государство, его административные структуры, весьма давно и вполне четко (с присущим им реализмом мышления) оценили незаменимую ничем иным роль документов как инструмента управления. Они осознают эту роль в сохранении и использовании надежной социальной информации, столь необходимой для функционирования любой системы. Данная социальная функция (которой государственные архивы обязаны своим длительным существованием) ведет, однако, и к некоторым негативным последствиям для документов и источников. Прежде всего, «государственный интерес» (если применить старый бюрократический термин) с данной точки зрения представляют только письменные (в отличие от всех остальных) фрагменты реальности прошлого. А из письменных документов – лишь документация государственно-учрежденческого происхождения. Поэтому защита социальной информации документов управления и делопроизводства, с одной стороны, и полное равнодушие государственных структур к охране других фрагментов прошлого – произведений культуры, с другой, – являются отражением одной и той же концепции. В отличие от концепции историко-научной ее можно для краткости обозначить как управленческую.

Существует, однако, целый ряд социальных явлений, которые в эти трактовки документа-источника не укладываются. Между тем, непредвзятому наблюдателю – не ученому и не чиновнику – становится все более очевидно, что архивный документ, источник вообще обладают своей особой природой, имеют свою самодостаточность, даже неразгаданную тайну. Они, по-видимому, не только средство для выполнения каких-то познавательных или административно-управленческих функций. Они интересны своей необычной вещественной формой, влекут к себе особой, только им присущей информацией. Они, и это главное, представляют собой вполне реальные

вещи, существующие в настоящем, — здесь и теперь. Здравый смысл говорит нам об этом, данные экономики, политики, культуры подтверждают это впечатление: мы являемся свидетелями острейшей борьбы за обладание текстами тайных договоров, протоколов заседаний властных структур, мемуаров политических деятелей; неуклонно растет товарная ценность подлинников всякого рода, и знаковых, и вещественных (если вообще возможно разделять знаковую и материально-вещественную стороны документа или другого произведения, созданного человеком). Общественное сознание широких социальных слоев, и от науки, и от управления равно далеких, все яснее проявляет настойчивое стремление по своему вкусу организовать окружающие фрагменты реальности: возродить утраченные, но чем-то запомнившиеся, или напротив, устранить другие, нежелательные для непосредственного восприятия. Таким образом, фрагменты прошлого воспринимаются как часть новой, сегодняшней реальности.

Важно отметить, что документы, источники, выступая как самодостаточный компонент настоящего, воздействуют на общественное сознание. Это происходит в любом случае, независимо от того, в какой мере эта ситуация осознана или нет. Однако, отодвигая эту проблему из поля своего внимания, общество оказывается перед лицом неожиданных для него, по существу непредсказуемых обстоятельств, испытывает недостаток необходимой информации для принятия решений, в том числе и политических, лишает себя возможности сравнительного исторического анализа. Между тем, сравнительный анализ ситуаций, предполагающий использование социальной информации источников, жизненно необходим для обоснованного выбора как общественной (или личной) позиции, так и соответствующего типа поведения. В эпохи крупных социальных сдвигов от уровня политической культуры общества в целом особенно многое зависит. Вновь и вновь опыт поколений подтверждает точность пушкинской формулы о том, что судьбы государства решаются «не войском, нет», не чьей-либо «помогой, а — мнением, да, мнением народным». Действительно, тенденции общественного развития, тем более нового и

новейшего времени невозможно ни понимать, ни прогнозировать в отрыве от состояния политической культуры общества, от его правового сознания. Отчуждение общества от основного корпуса документов собственной истории, от истории становления государства, от процесса складывания правового сознания и законодательных норм и институтов, – такое отчуждение по существу означает лишение его политической культуры, а населения – статуса граждан, способных принимать взвешенные и разумные решения.

Необходимо существенным образом изменить сложившиеся стереотипные, привычные, но абсолютно не адекватные реальности представления о социальных функциях исторических документов в жизни общества. В частности, о том, кому и для чего нужны фундаментальные, создаваемые по единому плану, продолжающиеся, доступные для читателей публикации источников. Эти источники – реальность настоящего, и именно в настоящем постоянно формируются новые, подчас совершенно неожиданные их взаимодействия с общественным сознанием. На наших глазах актуализируются политические, культурные, правовые, психологические проблемы современного общества, требующие для своего решения всей полноты информации, накопленной опытом истории.

Обращение к истории поставленной здесь проблемы показывает, что положение, сложившееся в настоящее время, отнюдь не является нормой. Огромный интерес к историческому документу, ясное понимание его роли в общественном сознании эпохи прослеживаются в деятельности Н. М. Карамзина, Н. П. Румянцева, А. Ф. Малиновского и др. Не случайно и этим людям, и этим источникам посвящены интереснейшие исследования современных ученых. При всем различии и взглядов, и характера деятельности представителей этой эпохи русской истории в них привлекает понимание документа, умение ценить его научное, административное, общественно-современное значение в прочном единстве.

Одним из ярких примеров взаимосвязи издания исторических документов и становления национального сознания является, на наш взгляд, знаменитая, продолжающаяся уже более

полутора веков публикация Памятников германской истории (*Monumenta Germaniae historica*). Издание было начато по инициативе крупного политического деятеля Пруссии барона Г. фон Штейна, по его возвращении с Венского конгресса 1815 г., когда наметились едва ли не первые шаги для будущего объединения многочисленных германских государств. Впереди был длительный процесс сближения, когда заключались таможенные союзы, уничтожались таможенные перегородки, — лишь в 1871 г. была создана Германская империя и принята ее конституция. Барон фон Штейн (1757–1831) отошел от политической деятельности, стал содействовать идее объединения с помощью создания Общества для изучения ранней германской истории и, прежде всего, издания документов, отражавших общность исторических судеб древних германцев. Издание, начатое на средства фон Штейна (попытка получить поддержку у правительств германских государств не увенчалась успехом), опиралось на единый план, который был выработан и принят путем проведения конкурса, и продолжалось многими поколениями ученых, оказывая существенное влияние на общественное национальное сознание, культуру, образование, пропагандируя и научно обосновывая тенденцию к объединению. В 1875 г. это выдающееся научное предприятие получило государственный статус. Крупные, имеющие общенациональное значение издания исторических документов были предприняты в Австрии; во Франции издание источников получило особое значение в тот период, когда министром просвещения, а затем премьер-министром стал знаменитый историк Ф. Гизо. К сожалению, в России, где во времена фон Штейна действует выдающийся государственный деятель и просветитель, издатель документальных серий граф Н. П. Румянцев, его публикаторские инициативы не имели столь блестящего и последовательного продолжения, как это произошло в Германии.

В России начала XX века была сделана весьма заметная попытка изменить создавшееся положение, разработать и реализовать широкий план издания исторических документов. Мы имеем в виду деятельность академика А. С. Лаппо-Данилевского, который в январе 1901 г. представил Академии наук план фундаментальных изданий документов, основанный на изучении

опыта крупных научных предприятий подобного рода на Западе. В своем обосновании ученый противопоставлял планомерную и систематическую деятельность по изданию документов в Германии ее случайному ходу в России. «Проникнутый сознанием необходимости организованной планомерной постановки крупных научных предприятий, – вспоминал впоследствии А. Е. Пресняков, – А. С. Лаппо-Данилевский поставил на первый план в своей деятельности служение этой идее»²⁰⁷.

Выдающиеся представители русской академической науки тесно связывали свою исследовательскую деятельность с общественным служением. Только в этом единстве могут быть поняты философская основа, цель и направленность трудов А. С. Лаппо-Данилевского, В. И. Вернадского, С. Ф. Ольденбурга. В своих воспоминаниях о работе Лаппо-Данилевского в Академии наук (С. Ф. Ольденбург был с 1905 г. неперменным секретарем академии, а с Лаппо-Данилевским ученого связывали годы совместной работы в Петербургском университете и постоянного дружеского и научного общения) Ольденбург в частности писал, что накануне отъезда в Англию в 1916 г. для выступления перед учеными Лаппо-Данилевский беседовал с ним о том, что же является, по его мнению, наиболее характерной общей чертой русского ученого? Напомним, что для своих английских коллег Лаппо-Данилевский выбрал тему о развитии науки и просвещения в России, и потому данный вопрос логично возникал по ходу его размышлений. Ольденбург сохранил для нас ответ, который давал ученый на этот вопрос. Для русского ученого, – считал Лаппо-Данилевский, – нет жизни без науки, но для него нет и не может быть науки без жизни. Конечно, такое суждение носило и автобиографический, личный характер. Важно поэтому попятить, какие же вопросы выбрал он в качестве главных в жизни русского общества начала XX века? В его научно-организационной работе в Академии наук этих направлений было два, причем тесно связанных между собой. Одно – это судьбы архивного дела в России, а после революционных событий 1917 г. – спасение и упорядочение архивных документов. В дореволюционный же период его де-

²⁰⁷Пресняков А. Е. Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский. Пг., 1922. С. 37.

тельности им (по словам А. Е. Преснякова) закладывались основы подлинной научной постановки дальнейшей издательской и исследовательской работы. Ученый и его единомышленники и более молодые последователи (А. Е. Пресняков, А. И. Андреев, С. Н. Валк) придавали важное значение масштабным, фундаментальным публикациям исторических источников, видя в них действенный путь воспитания историзма общественного сознания, правовой культуры. В период принятия обществом и государством важнейших политических решений необходимо предоставить обществу совокупность основных документальных источников. На первом месте он ставил задачу подготовки фундаментальных изданий основных правовых, законодательных документов. «Критическое издание важнейших памятников старинного русского законодательства, – отмечал С. Ф. Ольденбург, – ученый считал одной из самых существенных задач русской историко-правовой науки»²⁰⁸. Лапшо-Данилевский глубоко изучил мировой опыт, археографическую практику передовых в данном отношении стран. Он посетил Австрийский институт исторических изысканий, Берлинскую и Мюнхенскую археографические комиссии, Итальянский исторический институт. Член Международного социологического института, Международной ассоциации академий, деятельный участник разработки организационных статутов этой ассоциации, он рассчитывал в будущем на ряд крупных международных начинаний в области публикации источников, координации исследовательских, библиографических, археографических трудов. Но выбор тематики изданий говорит нам о том, что он исходил из представления о значимости документов прошлого в реальности настоящего – российской действительности предреволюционного периода. Лапшо-Данилевский разработал широкий план издания серии «Памятники русского законодательства XVII–XIX вв.». Были определены не только принципы издания, но и состав авторского коллектива. Издание правовых памятников взяли на себя выдающиеся специалисты, в их числе – М. А. Дьяконов (Уложение 1649 года), В. Н. Бенешевич (Кормчая

²⁰⁸ *Ольденбург С. Ф.* Работа А. С. Лапшо-Данилевского в Академии наук // Русский исторический журнал. Пг., 1920. Кн. 6. С. 179.

книга), О. И. Остроградский (Новоторговый устав), Н. Д. Чечулин (Наказ Екатерины II), М. М. Богословский (Воеводские инструкции Петра Великого), П. В. Верховский (Духовный регламент), А. А. Кизеветтер (Городовое положение Екатерины II), А. А. Жижиленко и А. В. Бородин (Артикул воинский), сам Лаппо-Данилевский (Положение о губерниях 1775 г.). Наряду с критическим изданием текстов готовились дополнительные тома документов, отражающих историю создания каждого из законодательных документов и развитие правовой мысли того времени.

Тесно связано с социальной действительностью и университетское преподавание Лаппо-Данилевского. Для своего семинара, из которого впоследствии вышла целая плеяда исследователей актовых источников, ученый выбрал задачу «систематического изучения малоразработанного материала частно-правовых актов, этих памятников гражданского правооборота» (А. Е. Пресняков). В этих источниках наиболее ярко и конкретно отражены проблемы становления правовых норм, формирования правового сознания в условиях развития русского исторического процесса, соотношения нормы права и социальной действительности. Трудно назвать другую тему научных исследований, которая в такой же мере формировала бы участников такого семинара не только как будущих историков и правоведов, но прежде всего как людей, способных понимать соотношение общества, государства и права России в прошлом и самой живой современности.

Таким образом, архивный документ, исторический источник – неотъемлемый компонент реальности настоящего. В деятельности ученых, общественных деятелей, просветителей и политиков прошлого прослеживается глубокое понимание значения исторических документов для формирования культуры. Умение обращаться к историческим документам, соотносить с ними современные решения есть признак зрелости политика, деятеля любой области социальных отношений, есть важный компонент общественного сознания новейшего времени.

АРХИВНОЕ ПРАВО И НОВАЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ МОДЕЛЬ ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ²⁰⁹

Проблематика Круглого стола «Архивное право: история, современность, перспективы» привлекает прежде всего тем, что она очерчивает единое междисциплинарное пространство, в котором вырабатывают новые аспекты взаимодействия гуманитарии – практики, на своем опыте решающие актуальные проблемы интеграции историко-архивоведения, права, информационных технологий, новой образовательной концепции высшего образования. Ключевым понятием представляется в данной ситуации *фундаментальность общегуманитарной подготовки*. Именно она позволяет не противопоставлять, напр., представления историков и правоведов, но создавать новое качество интеграции. Это хорошо прослеживается в деятельности, связанной с постановкой новых учебных дисциплин, объединяемых понятием архивного права в широком смысле.

Гуманитарное образование в России и мире в целом находится в ситуации изменения. На смену традиционной модели обучения путем передачи (транслирования в той или иной форме) определенного готового объема знаний, уже добытых науками, приходит качественно иная модель, формирующая творческую личность, ориентированную на решение новых, подчас непредсказуемых ранее задач в пределах своей профессиональной компетенции. Естественно, что при таком подходе в центре внимания оказываются те дисциплины, которые рассматривают проблемы метода (как пути достижения оптимального результата) и способов его совершенствования как свой учебный предмет. Состояние сообщества историков, с одной стороны, и юристов, с другой, показывает, что для взаимного обогащения обеих специальностей необходимо не просто

²⁰⁹ Публикуется по изданию: *Медушевская О. М.* Архивное право и новая образовательная модель гуманитарного знания // Архивное право: история, современность, перспективы. – М.: РГГУ, 2002. С. 10–17.

формальное сближение позиций, но создание новых направлений исследования и преподавания, формирование нового качества общегуманитарного профессионализма. Архивное право можно в этом смысле рассматривать как начало, своего рода сигнал важных изменений.

Объемное понятие *архивного права* охватывает, под определенным углом зрения, весь спектр столь актуальных сегодня правовых проблем, будь то права личности, собственности, административного или международного права, права на информацию или ее ограничение. Все они так или иначе возникают как в теории историко-архивоведческих и более широко – гуманитарных наук, практических сфер деятельности архивной службы, ориентированных на регулирование отношений общества и государства. Несомненна актуальность правовых аспектов образования в российских условиях становления гражданского общества. Ясно поэтому, что относительно узкая специализация в области архивного права может функционировать успешно лишь в широком культурном контексте, что и предполагает фундаментальную гуманитарную культуру.

В ситуации так называемой междисциплинарности всегда должно быть определено, *что* именно является для данного рода деятельности основным, фундаментальным, и что – дополнительным, прикладным знанием. *Приоритетно* знание *содержательной* стороны историко-архивоведческой деятельности, в свою очередь регулируемой правовыми нормами. Эта деятельность и ее проблемы определяют проблематику правового нормирования, правотворчества и правоприменения в конкретных ситуациях. Специалисту необходимо, поэтому, знание истории и современности государства, общества, институтов и лиц, во взаимодействии которых и разворачивается деятельность и становится возможным снятие возникающих противоречий и конфликтов. Для России с ее особенностями длительного исторического развития, с резкими перепадами правовых систем, – после 1861 г., революций 1917 г., советской и постсоветской реальности, – основательность знания исторической ретроспективы особенно важна. Правовые нормы выступают во взаимодействии с традициями, обычаями,

конфессиональными и этническими нормами и бытовыми реалиями, оставляя неизгладимые следы в массовом сознании. Одновременно разворачивается сложный процесс интеграции в правовые системы и нормы международного сообщества, что также требует хорошего знания истории права и понимания специфики сравнительно-правовых сопоставлений. В свою очередь, меняется и специфика правовых систем мирового сообщества: в эпоху глобализации происходит формирование, напр., общеевропейской системы права, институты которого интегрируют и унифицируют традицию исторических школ права отдельных стран, их нормы отношения, в частности, и к культурным объектам, документам, и к использованию содержащихся в них информационных ресурсов. Огромные сдвиги в сознании и праве происходят в условиях формирования и функционирования нового информационного пространства, компьютерных технологий, оставляя открытыми многие актуальные аспекты авторского права, введения в оборот или, напротив, защиты информационных ресурсов, по-разному затрагивают интересы юридических и физических лиц. Далек от окончательных решений общие проблемы перемещенных культурных объектов, реституций, люстраций, собственности на документ и его информацию, – даже когда эти проблемы дискутируются на уровнях теоретической юриспруденции, – тем более непредсказуемой может оказаться правоприменительная социальная практика.

Обозначая *подвижность* и *многоаспектность* правовой проблематики и, в нашем случае, того, что стоит за понятиями архивного правового поля, мы имеем в виду подчеркнуть главное: специалист на уровне своей общегуманитарной и специальной подготовки должен быть ориентирован на решение новых, подчас непредсказуемых, проблем и их профессионального продвижения. Адекватная оценка профессиональной ситуации, опережающее видение возникающих проблем, умение искать и находить правовые пути их регулирования; необходимость формировать новое право, создавать правовые тексты, предвидеть перспективы их реализации и многое другое. Подобных специалистов, естественно, следует начинать готовить возможно

раньше, на вузовской скамье, с тем, чтобы они позже смогли создавать и новые направления, и новые сферы деятельности, и вузовские учебные дисциплины. В принципе такое положение вполне возможно: ведь и современные специалисты, нынешние руководители отрасли, решают теперь новые проблемы, критически ориентируясь на исторический, историко-архивоведческий, историко-учрежденческий, источниковедчески-информационный потенциал, который был заложен в образовательной модели отечественного гуманитарного преподавания, тесно связанного с наукой.

В рамках проблематики Круглого стола важно рассмотреть ключевую для современного гуманитарного пространства идею *историко-правового* междисциплинарного аспекта образовательной модели. Интерес к правовым дисциплинам уже обозначился в общественном сознании, но важно понять, что ключ к решению проблемы лежит не в рамках прикладного, прагматического обучения, но, прежде всего, – достижении нового качества интеграции: системообразующей, для развитого гражданского общества, правовой компоненты образования, своего рода философии права. Подобный уровень некогда существовал в отечественной гуманитарной культуре, лучшие представители которой соединяли глубокое знание истории – через обращение к источнику, документу, историческому – с правовыми убеждениями. Правовед, либерал по убеждению, профессор Петербургского университета А. П. Куницын формировал поколение лицеистов. Это утверждает А. С. Пушкин: «Куницыну – дань сердца и вина.

Он создал нас, он воспитал наш пламень,
Заложен им краеугольный камень,
Им – чистая лампада возжена».

Главные труды Куницына – «Право естественное», 1818 г., «Историческое изображение древнего судопроизводства России» 1843 г. Далее, – мысль С. М. Соловьева формировал И. Г. Эверс («Карамзин ударял только на мои чувства, Эверс ударил на мысль, – он заставил меня мыслить над русскую ис-

торией»). Один из двух главных учителей В. О. Ключевского (Чичерин и Соловьев) – Б. Н. Чичерин был юристом, историком права (как и И. Г. Эверс – автор «Истории древнего права руссов», 1826 г.)²¹⁰. Становление национального сознания, осмысление места России в мировом цивилизационном процессе XIX – начала XX в. было тесно связано с деятельностью мыслителей историко-правового направления. Именно это направление, как становится ясным в свете уже современных исследований, настойчиво искало и находило ответы на главный вопрос модернизационного процесса – о соотношении российского опыта, в том числе и правового, и демократических институций Запада.

Проблема состоит в том, что этот мощный интеллектуальный ресурс оказался отделенным от образовательной модели XIX–XX вв. двойным идеологическим барьером, сначала в абсолютистской, а затем, еще более – в советской действительности. Между тем, соотношение России и Запада (через анализ историко-правовых проблем) было центральной исследовательской темой либеральных университетских ученых: Земские соборы и западные представительные институты сопоставлял Б. Н. Чичерин; А. Д. Градовский изучил административную систему («Высшая администрация России XVIII века и генерал-прокуроры»)²¹¹, создавал историю права как особую дисциплину. Погружение в проблематику «Русских юридических древностей» было способом выявить особенности правосознания общества в его переходные эпохи – именно таковы исследования М. Ф. Владимирского-Буданова, В. И. Сергеевича, Н. П. Павлова-Сильванского. Так, труд Сергеевича²¹² давал возможность на историческом материале рассмотреть актуальную проблему договорных отношений власти и народного представительства, а именно эта проблема (как справедливо заметил

²¹⁰ См. также: *Эверс И. Ф. Древнейшее русское право в историческом его раскрытии.* Спб., 1835.

²¹¹ *Градовский А. Д. Высшая администрация России XVIII столетия и генерал-прокуроры // Градовский А. Д. Собр. Соч. Спб., 1899. Т. 1.*

²¹² *Сергеевич В. П. Вече и князь.* Спб., 1867.

историк русской историографии) была «заимствована» из современной Сергеевичу западной науки, из «идеологии» конституционализма²¹³.

Правовое сознание, историко-правовой подход присущи трудам классиков отечественного архивоведения – Н. В. Калачова, Д. Я. Самоквасова. Калачов рассматривал Русскую правду и Судебники в общей истории русского права, глубоко вникал в вопросы «юридического быта» – правовой повседневности. Самоквасов, управляющий Московским архивом министерства юстиции, также был автором трудов по истории русского права. Необходимость известной «архаизации» отодвигала интеллектуальный ресурс историко-правовой учености от широкого читателя. Еще менее проницаемый барьер возник на пути ее освоения после 1917 г. в период господства концепций пролетарского, нового права. Так образовалась лакуна, преодоление которой стало актуально и вполне возможно теперь. Отметим, напр., недавно вышедшую книгу о российских либералах²¹⁴, правовое сознание и труды которых сформировали ученых мирового уровня (как позже, влияние отечественных мыслителей Петражицкого, Ковалевского, Лаппо-Данилевского сформировало мировоззренческую основу концепции П. А. Сорокина). Даже в условиях советской реальности, образовательная модель историка была обогащена университетскими курсами и трудами Б. Д. Грекова, М. Н. Тихомирова, А. И. Андреева, С. Н. Валка, А. А. Зимина, С. В. Юшкова, их исследованиями и публикациями Памятников русского права.

Препятствия для обогащения современного правоведа на основе историко-правовых исследований и в свою очередь, историка, правовой проблематикой теперь уже сняты, но предстоит большая кропотливая работа по сближению их позиций и постановке новейших исследований на метауровне. Естественно, что особое внимание должно быть обращено на те образовательные модели, которые уже работали в данном направлении. В данной общекультурной ситуации актуализиру-

²¹³ Рубинштейн Н. А. Русская историография. М., 1940. С. 364

²¹⁴ Российские либералы. Сб. статей. М., 2001.

ется опыт образовательной модели *Историко-Архивного Института*. Его создание (1930 г.) было признанием, по существу, неадекватности общеуниверситетской подготовки историка для историко-архивоведческой (информационной, по цели) деятельности: ведь здесь был (и остается необходимым) системный подход, понимание проблематики структуры и функции, особое информационное – источниковедческое видение информационного ресурса культурного объекта – источника информации.

Особый интерес в данном аспекте составляет интеграция историко-архивоведения, истории учреждений, источниковедения. Каждое из этих направлений заслуживает (с точки зрения современной образовательной подготовки гуманитария) особого рассмотрения. Здесь же отметим кратко лишь два момента: история учреждений (разработанная в свое время Н. П. Ерощкиным) внесла в образовательную модель значительную правовую компоненту, по необходимости условий времени представленную ученым как прикладное знание (для нужд фондирования). В реальности же, как известно, эти курсы отнюдь не были прикладными, но концептуальными (что отнюдь не лишает их действительно четкого прикладного применения в гуманитарном знании).

В свою очередь, другое направление, – источниковедческое, соотнесено с общими тенденциями мирового развития наук о человеке, философии, методологии истории, истории наук и методов научного поиска. Оно дает понимание типологических свойств культурных объектов, опираясь на их видовую классификацию, раскрывает информационный потенциал. В данном контексте отметим, что историко-правовой, информационный подход в источниковедении реализуется через изучение прежде всего законодательных источников. Тем самым именно в данном направлении удалось сохранить историко-правовой метод изучения Российского законодательного корпуса – от Русской правды до современных Конституционных документов XX–XXI вв.

В заключение подчеркнем главную идею – фундаментализацию высшего гуманитарного образования, освоение и развитие того интеллектуального ресурса, который создан и сохранен в практике отечественной науки и высшей школы прошлого и современности. Архивное право и как дисциплина высшего образования, и как междисциплинарное пространство взаимодействия культуры, науки, преподавания имеет несомненные перспективы развития.

ИСТОРИЧЕСКИЙ МЕТОД И СОВРЕМЕННОЕ ГУМАНИТАРНОЕ ПОЗНАНИЕ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ, ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ, ПРЕПОДАВАНИЕ²¹⁵

Научный доклад

Основное направление научно-исследовательской и педагогической деятельности автора данного доклада связано с проблематикой эпистемологии гуманитарного познания, историей становления, развития и современными проблемами методологии исторического исследования.

В настоящее время развитие гуманитарного знания создало новую ситуацию, в которой следует рассматривать фундаментальные вопросы эпистемологии науки о человеке. В частности, оказывается неправомерным противопоставлять историческую науку о прошедшей реальности другим гуманитарным наукам, непосредственно наблюдающим свой объект. Данный подход не позволяет отличить объективные трудности гуманитарного познания от тех, которые возникают при неверной постановке проблемы. В этой, вторичной ситуации мера неопределенности вполне может быть уменьшена. Возможно определить и оптимальный подход, который обеспечивает развитие перспективных исследовательских направлений. Одним из признаков эффективности представленного метода является то, что он открывает возможности широкого применения компаративного подхода в гуманитаристике в глобальных географических и временных рамках. Речь идет об историковедческой парадигме методологии гуманитарного познания, основные положения

²¹⁵ Публикуется по тексту: *Медушевская О. М.* Исторический метод и современное гуманитарное познание: проблемы теории, истории становления, преподавание. Научный доклад на Ученом совете РГГУ 6 июня 1995 г. при выдвижении в действительные члены международной Академии наук Высшей школы (МАН ВШ) // Текст из архива О. М. Медушевской. Рукопись (1995 г.).

Данный текст составлен О. М. Медушевской для выступления на Ученом совете РГГУ 6 июня 1995 г. при выдвижении ее в действительные члены международной Академии наук Высшей школы (МАН ВШ). – *Прим. ред.*

которой рассматриваются нами в связи со становлением феноменологического направления гуманитаристики XX века. В своих работах автор раскрывает источниковедческую парадигму гуманитарного познания, основные положения которой связаны со становлением феноменологии гуманитаристики как научного знания. Эти вопросы исследуются автором данного доклада на протяжении ряда лет с привлечением широкого круга источников и сравнительного анализа мировой гуманитарной мысли: Теоретические проблемы источниковедения. М., 1977; Современное зарубежное источниковедение. М., 1983; Источниковедение: теория, история и метод. М., 1996.

Познавательная ценность данного подхода становится вполне очевидной в свете развития наиболее перспективных представлений науки о человеке. Источниковедческая парадигма была в свое время выработана в условиях взаимодействия исторической науки с широким кругом философских, филологических, правовых и психологических направлений и идей, что и позволило выделить данный метод познания в особую эпистемологическую междисциплинарную сферу исследования.

Актуальны такие фундаментальные постулаты данной парадигмы, как понятие о мировом целом и человечестве как его особой, наделенной сознанием части; объектом методологии гуманитарного познания в ней выступает человечество, его эволюционное и коэксистенциальное целое; в познании человечества определяющим является принцип признания чужой одушевленности, который раскрывает специфику отношения субъекта и объекта в гуманитарном познании. Данной проблеме посвящены такие работы автора, как, в частности: История источниковедения XIX–XX вв. М., 1989; А. С. Лаппо-Данилевский и современное гуманитарное познание // Археографический ежегодник за 1994 год. М., 1996; Источниковедение в России: научная мысль и социальная реальность // Советская историография. XX век. М., 1996.

В последнее десятилетие прослеживаются значительные изменения в отношении к проблемам эпистемологии в среде профессиональных историков. Новое понимание проблемы самодостаточности исторического источника – не только как

средства для получения информации о фактах, но как о реальном объекте с доступными для исследования параметрами начинает изменять менталитет историков. Действенным стимулом для развития эпистемологических дискуссий по проблемам исторического метода стали весьма интересные, хотя и неоднозначно оцениваемые опыты применения к историческому нарративу методологии исследования литературно-художественных текстов («лингвистический поворот в историографии») и методы антропологии и этнологии. В данной связи особое значение имеют исследования видовых свойств источников и их классификационные модели. Данный аспект проблемы исследуется автором на материале таких специфических источников как картографические (напр., широко известное в мировой науке издание уникальных русских карт: Атлас географических открытий в Сибири и в северо-западной Америке XVII–XVIII вв. М., 1964 (в соавторстве), и ряд работ по проблемам классификации, теории и методологии исследования источников по истории географических открытий).

Проблемы современной компаративистики не могут быть решены ни на эмпирическом уровне, ни в рамках отдельных областей знания. Мир становится единой цивилизацией, и не случайно в центре научных дискуссий оказывается прежде всего соотношение части и целого, той или иной социокультурной общности, страны, региона с окружающим миром. Проблемы компаративистики неотделимы от проблематики самоидентификации, самодостаточности и дополнительности, отношения части и целого, центра и периферии в эволюционном и коэкзистенциальном единстве. По мере развития междисциплинарных контактов более осознанно стало ощущаться единство научного знания и необходимость исследования его эпистемологических оснований.

В исследованиях автора данного доклада и концепции преподавания показано, что следует различать в гуманитарном знании ситуацию непосредственного наблюдения явлений от ситуации опосредованного изучения фиксированной информации реально существующих источников. Поскольку изучение источников как особый тип познавательной деятельности

был выделен в специальную область именно исторической науки, то этот термин и используется в данной форме («исторические источники»). Однако, ситуация получения социальной информации из исторических источников не должна и не может рассматриваться как ситуация только лишь исторической науки. Стремление зафиксировать момент непосредственного наблюдения характерно для культуры вообще, а для современной (получившей соответственно новые технические возможности аудиовизуальных средств, «устной истории») особенно. В процессе интеракционального взаимодействия, диалога, общения ситуация находится в движении. Научный подход предполагает преимущественное внимание к тем фрагментам реальности, которые возникли по ходу развития событий. При этом не существует принципиального различия между изучением далекого прошлого или, напротив, современного события, происходившего за пределами непосредственного наблюдения. И, следовательно, изучение исторических источников не составляет специфику какой-либо одной науки, отличающей ее в этом смысле от другой. Непосредственное наблюдение крайне ограничено во времени и пространстве, а источники существуют везде и всегда, когда речь идет о культуре, в отличие от природы (как той части мирового целого, в которой воздействие разумной целенаправленной человеческой деятельности не предполагается). Исследование источников дает потенциальные возможности получения объективно значимого знания о человеке, обществе, цивилизации и даже о природе (если природные феномены целенаправленно зафиксированы). Данные идеи обосновываются в ряде работ автора, в том числе: Источниковедение и современная гуманитарная культура // Отечественные архивы, 1992. № 4; Исторический источник: человек и пространство // Исторический источник: человек и пространство. М., 1997.

Автор обосновывает идею о том, что науки о человеке рассматривают объект, отвечающим условиям научности познания. Этот объект доступен для изучения, стабилен и суверенен (т. е. отделен от познающего субъекта). Он представляет собой

целостную совокупность произведений, созданных в процессе целенаправленной человеческой деятельности и служащих источниками гуманитарного познания (в традиционной терминологии – историческими источниками). Эти произведения (изделия, «вещи») – есть исторические источники всех типов, видов, форм фиксации, они репрезентированы в материальной форме, имеют структуру, отвечающую цели их создания, и выступают в ходе их функционирования как реальное воплощение организующих связей в обществе, группе, социокультурной общности, цивилизации. Важно подчеркнуть, что произведения, созданные людьми определенной эпохи (страны, другой общности) в момент их создания и последующего функционирования соотнесены между собою. Эта совокупность достаточно четко, а иногда и количественно выражена (напр., тиражом) и потому несет в себе информацию о целом, о функционировании системы. Каждое из них, и любая часть социальной информации, заложенной в них в условиях их создания, может быть интерпретирована с учетом этих системных связей. Проблема исторического синтеза рассматривается в данной парадигме как эпистемологическая проблема, для решения которой наука располагает объективной реальной основой. Как объекты исследования, исторические источники независимы от познающего субъекта, потому что они созданы для других целей и в другое время. В своей совокупности они отражают взаимодействие человека с природой, обществом, политическими структурами, намерения, цели, возможности, психологические мотивации, материальные, технические средства, которыми располагает человек как творец, деятель и мастер. Понятие человечества в различные исторические эпохи наполнено различным содержанием. Но оно реально, но отнюдь не существует лишь в виде абстрактного не имеющего материального воплощения образа. В своих изделиях (творениях) человек выражает себя адекватно своим возможностям. Об этом говорится в работах автора: *Источниковедение и сравнительный метод в современном гуманитарном познании // Источниковедение и компаративный метод в гуманитарном знании. М., 1996;*

Методология истории. М., 1997 (В соавторстве); Источниковедение и сравнительный метод. Проблемы методологии // Вестник гуманитарной науки. 1996. № 1(27).

На данной теоретической концепции основаны общие принципы многих лекционных курсов и спецкурсов, разрабатываемых на кафедре источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин автором и его коллегами (в том числе новые программы курсов: Источниковедение. Теория, история и метод. М., 1995; Источниковедение. Источники российской истории. М., 1996). Видовой принцип эффективен для изучения знаковой природы коммуникативных связей социокультурных общностей (См. программу курса: Источниковедение. Вещественные источники. М., 1996) и компаративного источниковедения.

В настоящее время автор завершает обобщающую монографию по проблемам эпистемологии и методам исторического исследования (программа «Университеты России»); является руководителем коллектива авторов обобщающего учебника «Источниковедение», который готовится по программе «Высшее образование» Институт «Открытое общество» на 1997 г. и является руководителем коллективного научного издания по фонду РГНФ.

В этих работах выявление эмпирических данностей, фрагментов изучаемой культуры, ее «следов» или исторических остатков открывает возможность исследования реальности, которую ученый не имеет шансов (ввиду временной или географической, пространственной отделенности) наблюдать воочию. На уровне методологии источниковедения данный фрагмент используется как явление культуры, созданное в конкретном времени, месте, условиях и обстоятельствах. На уровне методологии исторического построения (культурологического конструирования) система интерпретационных логических умозаключений позволяет выстроить образ изучаемой целостности. Интеграция наук приобретает в пространстве данного феноменологического подхода новое содержание, поскольку разработанные ими познавательные модели и интерпретации

направлены на исследование общего для них объекта, что позволяет раскрыть его информационный потенциал со всей возможной для достигнутого уровня гуманитаристики полнотой.

Данная парадигма открывает перспективы компаративного исследования культур в глобальном масштабе, и в то же время, предлагает научному сообществу воспроизводимые результаты компаративных работ. Поскольку произведения (изделия, «вещи»), созданные людьми целенаправленно с определенным намерением, ради достижения конкретных идей, имеют достаточно четко выраженные видовые типологические признаки (напр., договоры, акты, законодательство, переписи материальных или иных ресурсов, средства информации и т. п.), то типологии источников, характерные для определенных состояний общества, оказываются сопоставимыми.

Таким образом, эпистемология гуманитарного познания интегрирует методы интерпретации произведений, созданных людьми и представляющих целостный, внутренне взаимосвязанный объект. Они составляют общую основу наук о человеке и его деятельности – основу культурологического синтеза.

ИДЕЯ РГГУ²¹⁶

В становлении Российского государственного гуманитарного университета как институциональной парадигмы гуманитарного образования можно выявить отражение некоторых существенных интегративных тенденций социокультурной и научной ситуации в современном мире. Мир становится единой цивилизацией, ученые яснее осознают общность своих исследовательских целей, обращаясь к изучению человека в его отношениях с природой, обществом, другим человеком. История, другие гуманитарные и социальные науки становятся качественно иными – и по подходу к общечеловеческим проблемам, и по глобальному их охвату, и в то же время, по собственному социальному статусу в общественном сознании эпохи. Перед лицом современных проблем общество все чаще обращается к общечеловеческому опыту, стремясь к достижению критически проанализированной, достоверно интерпретированной социальной информации. Действительно, такие проблемы, как личностная и групповая самоидентификация, модернизация традиционных обществ, типология искусственных и естественных языков, исторических форм, многие другие аспекты существования научного знания предполагают необходимость междисциплинарного взаимодействия ученых, выработки надежных оснований компаративного подхода. Именно поэтому поиск новых форм междисциплинарного взаимодействия гуманитарных наук с науками о жизни и природе становится характерной чертой современной науки – и идея РГГУ не может найти объяснения вне данного культурного контекста.

Все более ярко эта черта проявляется в деятельности научных сообществ и формах их коммуникаций. Для более активного введения в научный оборот не только такого явного знания, но и знания неявного, личностного и, следовательно, принци-

²¹⁶ Публикуется по изданию: *Медушевская О. М. Идея РГГУ // Медушевская О. М. Теория исторического познания. Избранные произведения.* – М.–Спб.: Университетская книга, 2010. С. 351–352.

пиально нового, в мировой практике используются совместные международные программы научных сообществ.

Среди новых форм междисциплинарного взаимодействия идея РГГУ выступает как одна из попыток многоаспектного подхода, имеющая свою специфику. Речь идет об объединении институциональном, предполагающем в качестве главного – длительный, рассчитанный на перспективу процесс исследований и преподавания, взаимодействие ученых, преподавателей, студентов, сотрудников. Этой задаче отвечает структура РГГУ, включающая в себя институты, факультеты, научные центры и объединения, где гуманитарные науки взаимодействуют с точными и информационными, когнитивными, искусством, сравнительной историей науки, политических систем, права, религий, философии и эпистемологии. Как студенты, так и ученые получают широкие возможности выбора, формирования новых направлений и специализаций, в которых участвуют, с одной стороны, направления и школы, имеющие устойчивые научные традиции, а с другой – возникающие новые исследовательские группы.

РГГУ создан на базе Московского государственного историко-архивного института. Значение МГИАИ для идеи РГГУ состояло в особенности его концепции, образовательной практики, ориентированной на источниковедческую парадигму организации, интерпретации и предоставления обществу социальной информации письменных документов. ИАИ изначально был нацелен на осмысление таких существенных для современной цивилизации сторон реальности, как функционирование политических систем и учреждений в связи с организацией документной информации; специфика документно-информационной базы социокультурных общностей; системный подход как метод получения из отдельного документоисточника данных о целостности социокультурной ситуации, в которой он возник и функционировал. Все эти идеи сохраняют эвристическую и познавательную ценность при современном цивилизационном подходе к гуманитарному познанию.

Разнообразие современных подходов и направлений, возникающих в ходе междисциплинарных взаимодействий, обуславливает потребность в исследовании фундаментальных основ научного знания. Характерен возрастающий интерес к методологии истории, эпистемологии, к тем возможностям, которые дает компаративный подход для получения знаний о человеке. Практика исследования и преподавания в РГГУ подтверждает актуальность обращения к проблемам методологии гуманитарного познания. Яснее выступает ценность методологии источниковедения. Исторический источник есть проекция культуры, он выражает ее целостность и специфику. Источниковедческая концепция гуманитарного познания выступает как одна из системообразующих идей междисциплинарного исследования культуры и, следовательно, идей Российского государственного гуманитарного университета.

ИНТЕРВЬЮ ОЛЬГИ МИХАЙЛОВНЫ МЕДУШЕВСКОЙ ГАЗЕТЕ «АУДИТОРИЯ»²¹⁷

Ольга Михайловна Медушевская, доктор исторических наук, секретарь ученого совета РГГУ, профессор кафедры источниковедения Историко-архивного института (ИАИ), автор более 200 научных трудов

– Что для вас означает звание заслуженного профессора РГГУ?

– Введение такого звания – прекрасная инициатива руководства нашего университета. Для меня лично большая честь и добрый знак – вместе с уважаемыми и дорогими мне людьми в числе первых войти в состав нового замечательного сообщества, персональное пополнение которого, несомненно, будет продолжено.

– Чем вам дорог ИАИ?

– Дорога и современная идея, положенная в основу его создания: это концепция истории как нового, доказательного, градуированного по степени точности знания о человеке – знания, основанного на эмпирическом исследовании и системном видении целостного массива источников, прежде всего документальных. В отличие от традиционной повествовательной парадигмы исторического знания, данная парадигма акцентирует и проблематизирует профессиональный познавательный процесс – от эмпирики архивного документа до философского обобщения: исходная идея науки истории состоит в том, что человек, в принципе, создает, не может не создавать, интеллектуальный продукт, формирует его в материале, структурирует, фиксирует информационный ресурс. В свою очередь, историк совершенствует пути изучения, свои интерпретационные версии, добывает новое знание, помогая обществу справляться с современными проблемами. Методы получения нового знания оказываются в центре внимания научного сообщества, и оно формирует особую образовательную модель историко-источниковедческого профессионализма. Молодой историк

²¹⁷ Публикуется по изданию: *Медушевская О. М. Интервью // Аудитория.* – М.: РГГУ, 2007. № 35–36.

настроен на получение нового знания, он создает свой шедевр, свою главную вещь как профессионал, представляющий новое, доказательное и системно ориентированное на практику произведение.

Умение добывать новое знание, востребованное обществом, – главный ориентир данной образовательной концепции.

– Когда и как началось ваше знакомство с ИАИ?

– Знакомство с ИАИ как раз и началось с творческого общения с основателями данного научно-педагогического направления. Запомнились лекции и семинары по источниковедению (А. И. Андреев, Л. В. Черепнин), исторической географии (В. К. Яцунский), а потом и знакомство с уникальными картами мореходов, создававшимися в ходе открытия и освоения Алеутских островов, чудом сохранившимися в государственных архивах.

– Изменился ли институт за время вашей работы в нем? Что изменилось? К лучшему или к худшему?

– Кафедра источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин в течение ряда десятилетий создает собственные образовательные программы, имея своим предметом систему исследовательских методов исторических наук, работы с источниками разных видов, а потом и теории и методологии истории. Это – главное, что при всех изменениях оставалось как основа. Известно, что феноменологическая философия науки считает признаком, отличием науки вообще от повседневного знания то, что истинная («зрелая», по Э. Гуссерлю) наука создает в своей структуре особую предметную область – учение о самой науке, ведет постоянный мониторинг ее методов и теорий. О том, что зрелая наука имеет такой индикатор и именно его включает в основу преподавания науки в университете, я прочитала у Гуссерля много позже; но то, что предметная область метода имеет системообразующее значение, мы на кафедре, задуманной именно по этому принципу, понимали и прежде, восприняли от своих учителей, передававших нам традиции философски ориентированной русской теории и мето-

дологии истории начала XX в. Ни при каких обстоятельствах они не давали (и преуспели в этом) ликвидировать предметную направленность обобщающих курсов и принципов их построения. Многие изменилось в первые годы образования РГГУ, куда ИАИ вошел как базовый институт. В новых условиях наладились междисциплинарные контакты, открылись перспективы структуралистской компаративистики. Но возникли и новые вызовы, потребовавшие в ответ теоретических обоснований. Сопоставляя свой подход с настроениями самых разных представителей профессионального сообщества историков, мы не обнаружили желания модифицировать традиционную образовательную модель в направлении теории и методологии; ориентированность на доказательность и тем более точность исторического знания представлялась неоправданным ограничением творческого самовыражения. Многие, вероятно, прочитали в работе современного английского историка и автора пособия о мастерстве исторического исследования (Д. Тош) о том, что целые поколения историков формировались в убеждении, что для исторического профессионализма вполне достаточно здравого смысла и общей эрудиции, и не обременяли себя размышлениями о характере исторического знания и способах его получения. В условиях своеобразной, если не смены парадигм, то их противостояния наше научно-педагогическое направление в годы существования ИАИ в составе РГГУ много и упорно работает над обоснованием теории и методологии истории, особенно источниковедения, и роли данной предметной области в современном гуманитарном пространстве. Наши ежегодные научные конференции последовательно рассматривают новые аспекты междисциплинарных взаимодействий – источниковедческой компаративистики, исторической антропологии, исторической географии, истории науки, перспектив точного знания. В январе 2007 г. состоится очередная, XIX конференция на тему: «Единство гуманитарного знания: новый синтез». Наше научно-педагогическое направление привлекает к себе новых сторонников (но, конечно, не оппонентов), так что перемены к лучшему налицо. Важно, что в числе специальностей для

соискания ученых степеней по истории в нашей стране существует не только традиционная специализация по всеобщей и по отечественной истории, но и специализация такой проблемной области, как источниковедение, историография и методы исторического исследования (07.00.09), – это постоянно ориентирует сообщество на мониторинг собственных исследовательских методов. Все вместе взятое позволяет в целом оптимистически смотреть на перспективы истории как науки, стремящейся к точности.

– На церемонии вручения званий вы отметили большую роль ИАИ в том, что история стала восприниматься как «точная наука». Это позволило российским ученым быть в авангарде мировой исторической науки. Что вы имели в виду под определением «точная наука» применительно к истории?

– Проникновение методологии точных наук в историю идет уже давно. Представляется очень перспективным в данной связи обращение специалистов к изучению крупных видовых комплексов типологически однородных массивов источников и вообще к возможностям источниковедческой видовой компаративистики.

– Не кажется ли вам, что внедрение методологии точных наук в историю может привести к таким «феноменам», как Фоменко?

– Пример с Фоменко интересен совсем в другом отношении: оказалось, что далеко не каждый историк способен убедительно и, что в данной ситуации более важно, доступно для массового сознания рассказать о способах достижения истины, о доказательности ее в истории. Это наглядно показало уязвимость традиционной нарративистской образовательной модели.

– Какие профессиональные принципы вам удалось сформировать за время вашей работы?

– Убеждена, что в деятельности любого научного сообщества, и историки – не исключение, профессиональные и этические принципы тесно взаимосвязаны. Например, установка на то, что любой нарратив имеет право на существование, по-

скольку история – не наука и изучает одни «высказывания», а историческая истина недостижима, и что, следовательно, согласованность суждений есть лишь вопрос конвенции, взаимного соглашения, – такая установка разрушает это сообщество. Напротив, установка на достижение точного результата, пусть труднодостижимого, ориентация на нелицеприятную критическую проверку имеет важное, объединяющее этическое значение для сообщества профессионалов. Точно так же и в работе молодого историка: установка как «воля к истине», на достижение доказуемого, проверяемого знания воспитывает истинный профессионализм как этический принцип. Пусть общество получит небольшой, но зато надежный результат.

– Планы на будущее?

– По возможности более цельно представить идеи, о которых в общем виде упоминалось здесь.

– Что бы вам хотелось пожелать современным молодым историкам?

– Пусть им удастся своими замечательными трудами изменить в лучшую сторону господствующие в массовом сознании стереотипные представления о возможностях истории как науки.

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ: КОНЦЕПЦИЯ А. С. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКОГО В ГУМАНИТАРНОМ ПОЗНАНИИ НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ²¹⁸

В современной науке более очевидно прослеживается изменение ее статуса – ее институциональных связей с обществом и государством, социокультурных функций, систем международных и региональных взаимодействий. Возникают новые формы научных сообществ, происходит обновление тематики исследований, изменение ценностных ориентаций ученых, актуализация комплексных междисциплинарных направлений. За разнообразием внешних модификаций и структурных перемен угадываются более общие, глубинные процессы методологических изменений, происходящих по всему пространству гуманитарного знания. Социальная реальность новейшего времени поставила гуманитарные науки перед необходимостью ее системного осмысления. На протяжении XX в. происходит смена методологических парадигм мировой науки: от монодисциплинарных взаимоисключающих подходов в исторической науке, антропологии, социологии и психологии к их интеграции и междисциплинарным взаимодействиям в рамках становления единой науки о человеке.

В контексте общих тенденций вполне объяснимо обращение к научному наследию А. С. Лаппо-Данилевского. В его трудах представлена философски отрефлексируемая и логически систематизированная методология гуманитарного познания. Ученый говорит о «методологии истории» в широком смысле, раскрывая фундаментальное единство исследовательского подхода историка, социолога и психолога при различии предмета этих наук. Он обосновал метод познания целостного объекта. Этот объект – «коэксистенциальное и эволюционное целое человечества»; оно, в свою очередь, выступа-

²¹⁸ Публикуется по изданию: *Медушевская О. М.* Феноменология культуры: концепция А. С. Лаппо-Данилевского в гуманитарном познании новейшего времени // Исторические записки. – М., 1999. Т. 2 (120). С. 100–136.

ет как часть еще более общего идеального объекта, «мирового целого», и характеризуется ученым как «его особая, наделенная сознанием часть»²¹⁹. Естественно, что теоретико-познавательная концепция Лаппо-Данилевского привлекала философски ориентированных ученых, среди которых были такие его близкие друзья и последователи, как С. Ф. и Ф. Ф. Ольденбурги, отец и сын Вернадские, И. М. Гревс, А. Е. Пресняков и Л. П. Карсавин, П. А. Сорокин и Н. Д. Кондратьев, А. И. Андреев, С. Н. Валк, Т. И. Райнов, — мыслители, которых привлекал «естественный союз философии и эмпирической науки» в его трудах²²⁰.

Оценивая вклад А. С. Лаппо-Данилевского как методолога и гуманитарного мыслителя, его ученик С. Н. Валк точно сформулировал главную идею, определив методологию Лаппо-Данилевского как «феноменологию культуры»²²¹. При этом он «с тревогою» писал в 1921 г. о грядущей судьбе идей ученого, понимая, что «лишь неустанным и общим трудом можно придать им новую жизнь и привести к полному раскрытию их основаначала».

В контексте современных методологических дискуссий вполне естественными являются актуализация проблематики методологии истории Лаппо-Данилевского и развитие основанного им направления. Антропологически ориентированная концепция методологии гуманитарного познания в настоящее время привлекает все более заинтересованное внимание научного сообщества. Поэтому представляется актуальным анализ данной методологической парадигмы и рецепции ее идей в длительной исторической перспективе: это позволяет не только более полно раскрыть ее познавательный потенциал, но, что особенно актуально, интерпретировать опыт методологических дискуссий XX в. для раскрытия перспектив ее интеграционных возможностей в становлении современных наук о человеке. В рамках данной статьи мы рассмотрим три проблемы: в какой

²¹⁹ *Лаппо-Данилевский А. С.* Методология истории. СПб., 1910–1913. Вып. 1–2.

²²⁰ Русская философия. Малый энциклопедический словарь. М., 1995. С. 298–299; Мысль: Журнал Петербургского философского об-ва. 1922. № 1.

²²¹ Русский исторический журнал. 1922. Кн. 8. С. 254.

теоретико-познавательной ситуации произошло становление данной феноменологической источниковедческой концепции гуманитарного знания; каковы наиболее актуальные проблемы методологии гуманитарного знания, выступающие на первый план в ходе современного междисциплинарного взаимодействия; в чем, поэтому, состоит познавательный потенциал источниковедческой, антропологически ориентированной системы методов для формирования науки о человеке.

1. Теоретико-познавательная ситуация в гуманитаристике новейшего времени: альтернативные пути ее осмысления

Глобальный социальный конфликт новейшего времени оказал существенное влияние на ситуацию как в исторической науке, так и в гуманитарном знании в целом, сформировав центробежные тенденции в их отношении к познанию прошлого. Новая социальная реальность вела к изменениям традиционного механизма политической и культурной организации общества. На протяжении жизни нескольких поколений распалось традиционное единство старого общества «с его естественными связями и с его, так сказать, органическим сцеплением». «Пришествие демократии разрушило существовавшие рамки политического общества. Иерархия классов и их внутреннее соотношение были уничтожены, и традиционные социальные узы, соединявшие индивида с коллективом, порвались»²²². В новейшее время произошло и происходит нивелирование общества, разрушение прежних связей, изменение положения индивидов и групп по отношению к власти, государству, друг другу. Высвобождая индивида от традиционных отношений, новая реальность его изолирует, вызывая соответствующие умонастроения дегуманизации, деперсонализации культуры. Решающим фактором для формирования феноменологического направления и явилось это изменение общей ситуации в мире конца XIX – начала XX в. Новая ситуация отношения масс и власти, общества и государства, центра и периферии поставила

²²² *Острогорский М. Я.* Демократия и политические партии. М., 1997. С. 44.

ученых и политиков перед необходимостью выявлять закономерности и механизмы глобальных процессов в истории человечества – мировой экономики, единого информационного пространства, многополюсного политического процесса. Сложившиеся под влиянием позитивистской познавательной парадигмы методы исследования оказались необходимым преодолеть. «История пишется по документам: нет их – нет и истории», – в такой категоричной форме звучал методологический тезис «знаменитой формуль» позитивистской эмпирической историографии. Но о каких документах глобальной общечеловеческой истории могла теперь идти речь? Перед лицом новых исследовательских задач добротный профессионализм европоцентристской модели оказался неэффективным. Он формировался в ситуации, когда существовала изученная эмпирическая база источников, а методы их изучения были многократно реализованы, обобщены и воспроизведены в ясных и относительно простых исследовательских приемах. В новой ситуации о разработанной базе источников глобальной истории говорить не приходилось. Прорыв в непознанную еще область истории глобальных цивилизаций требовал нетрадиционных методологий. Это меняло сознание исследователей. Как вспоминал позднее один из основателей концепции новой глобальной истории Л. Февр, на глазах разрушилось «неоспоримое основание всякой позитивной науки, этот несокрушимый столп старой классической истории... Познания наши внезапно превысили меру нашего разумения. Конкретное вдребезги разбило рамки абстрактного. Попытки объяснения мира с помощью ньютоновской, рациональной механики окончились полным провалом. Старые теории необходимо было заменить новыми. Следовало пересмотреть все научные понятия, на которых покоилось до сих пор наше мировоззрение»²²³. Историк, получивший европейское классическое профессиональное образование, не был готов к рефлексии о мировом целом, о человечестве как его наделенной сознанием части, о единстве познания такого феномена, как «источник – реализованный

²²³ Февр Л. Бои за историю. М., 1991.

продукт человеческой психики», о путях познания «чужой одушевленности». В своей «Методологии истории» Лаппо-Данилевский рассмотрел те труды по методологии исторического исследования, которые были созданы к началу XX в. и пришел к выводу о том, что данная методология не составляет «цельного и систематического учения», носит прагматический характер. Так обозначалось то познавательное поле, на котором позднее и развернулись «сражения» за новый менталитет историков школы «Анналов».

Итак, для обращения к множественным моделям всемирной истории нужны были новые теоретические подходы. Почти одновременно, в конце XIX – начале XX в., появились неокантианский и феноменологический подход к проблемам гуманитарного познания.

Неокантианская парадигма связана с именами выдающихся философов Баденской школы В. Виндельбандом и Г. Риккертом. Неокантианская парадигма выбирает, в качестве руководящего принципа исторического познания, антитезу позитивизму. Она утверждает тезис о специфичности гуманитарных наук в отличие от наук естественных и подчеркивает особую роль субъекта (исследователя) в эпистемологической ситуации познания.

В работах В. Виндельбанда – основателя и главы Баденской школы неокантианства, ректора Страсбургского (тогда – немецкого) университета – была впервые обоснована идея принципиального различия предмета и метода наук о природе и наук о духе. Первые – изучают закономерности (это науки номотетические). Вторые – изучают индивидуальные, своеобразно связанные явления (это науки идиографические). Г. Риккерт развил и дополнил это противопоставление наук о природе и наук о культуре по их методу, отмечая, что истинная форма познания присуща именно последним. В ходе научной деятельности познающий субъект выделяет в идиографической реальности наиболее существенное, руководствуясь представлениями об истинных, вневременных, по сути – этических ценностях.

Методологическое обособление послужило стимулом для гуманитарных наук, поскольку оно высвобождало ученых от диктата механистических, упрощенных подходов к общественным явлениям. Акцентировались специфические трудности познания человеческой психологии, жизненного мира, скрытого от наблюдателя.

Обозначенная основателями неокантианства эпистемологическая проблема действительно была центральной. Для профессиональных историков, исследователей культуры она давала возможность преодолеть упрощенность эмпирически ориентированной методологии. Как отмечал Р. Коллингвуд, «это было своего рода сепаратистским движением – движением историков прочь от цивилизации, поработенной естественными науками»²²⁴. Конечно, намеченная неокантианским подходом грань между науками о природе и науками о культуре не была абсолютной в интерпретации ее основателей. Однако, по мере проникновения этой идеи в более широкие слои общественного сознания XX в., это разделение абсолютизируется, укореняясь в ходе развития интуитивистских течений, борьбы за преодоление позитивизма в сознании историков. Этому способствовало снижение престижности гуманитарного знания, ставшее явным после Первой мировой войны. Становление информационных наук, имеющее столь значительное влияние на культуру XX в., произошло под знаком технологических приоритетов, и не сопровождалось соизмеримыми мощным технологиям гуманитарными идеями, прежде всего – в области фундаментальных понятий. В свою очередь, науки о культуре, по сути отказавшись от сравнительных исследований мира природы и мира культуры, искусственно ограничили возможности исследований системного подхода, природы информации и поведения. Стало общепринятым стереотипом представление о неприемлемости для гуманитарных наук общенаучных критериев объективности познания, верификации и общезначимости критериев научного сообщества, воспроизводимости результатов исследования. Что касается собственно исторического метода, то его развитие в

²²⁴ Коллингвуд Р. Дж. Идея истории: Автобиография. М., 1980.

рамках неокантианской парадигмы дало наиболее значительные результаты в области исследования активной деятельности субъекта исторического познания. В России обсуждение идей гуманитарного познания стало центральной проблемой первого десятилетия XX в.²²⁵ А. С. Лаппо-Данилевский посвятил вопросам преодоления позитивистской доктрины Конта специальную работу. Однако в данном случае его интересовало прежде всего преодоление упрощенных рецепций контовского понимания коллективной воли человечества, приводящих, как показывал Лаппо-Данилевский, к «растворению воли личности в массе»²²⁶. В теоретико-познавательном смысле ученый отнюдь не был сторонником альтернативного противопоставления наук о природе и наук о культуре по их методу. Напротив, он проводит весьма последовательно мысль о синтезе, о применении к феноменам культуры обоих типов методов, в одном случае рассматривающих их типологию, а в другом – выявляющих их индивидуальные, идиографические черты. Понимание Лаппо-Данилевским единства человека и природы в «мировом целом» не оставляет возможности противопоставления целого и части в его феноменологии культуры. Данный подход имел своим важным следствием тот важный в истории мысли XX в. факт, что в России нашли глубокое понимание и развитие идеи феноменологической философии Э. Гуссерля.

Данному научному сообществу были особенно близки идеи Гуссерля о единстве научной методологии, о том, что «метод с самого начала приобретает всеобщий смысл», хотя и имеет дело с тем, что «индивидуально и фактуально»²²⁷. Чрезвычайно близки позиции Гуссерля и Лаппо-Данилевского о единстве системного объекта науки, которому и соответствует единство научного метода. Этой идеей проникнута «Методология истории», выведенная на уровень своего рода «наукоучения» (по терминологи-

²²⁵ Бельский И. А. К проблеме изучения идейного контекста «Методологии истории» А. С. Лаппо-Данилевского // Археографический ежегодник за 1994. М., 1996. С. 274–276.

²²⁶ Лаппо-Данилевский А. С. Основные принципы социологической доктрины О. Конта. М., 1902.

²²⁷ Гуссерль Э. Философия как строгая наука. Новочеркасск, 1995.

гии Гуссерля), которое имеет цель «исследовать находящиеся в нашей власти условия, от которых зависит реализация правильных методов, с помощью которых возможно добиваться истины».

Гуссерль распенил неокантианское разделение наук по их методам как кризис европейского мышления и сосредоточил внимание на выявлении того общего, что делает познание научным. Он подчеркнул свою главную идею характерным названием труда «Философия как строгая наука». В русском переводе этот труд появился в одном из лучших изданий «Логос», на страницах которого мы встречаем имена ученых, при ближайшем участии которых этот Международный ежегодник по философии культуры был издан. Среди них назовем такие имена, как А. Введенский, В. Вернадский, И. Гревс, Б. Кистяковский, А. Лаппо-Данилевский, Н. Лосский, П. Струве, С. Франк, А. Чупров²²⁸. В самом понятии «Логос» выразилось цельное знание, соединяющее понимание и объяснение, анализ и интуицию. Они разделяют идею гуманитарного знания как научного. При всей специфичности гуманитарного познания, феноменологический подход исходит из единства подлинной, синтезирующей, строгой «метанауки», которая должна отвечать критериям объективности, истинности познания, достоверности научных результатов.

В данной связи важно проведенное Гуссерлем различие между мирозерцанием познающего субъекта, его личной картиной мира, и объективным научным знанием: «Мирозерцание и наука, – считает Гуссерль, – имеют свои различные источники ценности, различные функции и свои различные способы действия и поучения. Мирозерцание нужно рассматривать как *habitus* и создание отдельной личности, науку же – как создание коллективного труда исследующих поколений». Исходя из этого различия, Гуссерль формулирует свое представление о личности ученого: «Наука – безлична. Ее работник нуждается не в мудрости, а в теоретической одаренности. Его вклад обогащает сокровищницу научных значимостей,

²²⁸ Гуссерль Э. Философия как строгая наука // Логос. СПб., 1911.

которая должна служить благополучию человечества». Русским сторонникам феноменологического подхода должно было быть особенно близко развиваемое Гуссерлем противопоставление ученого глубокомыслия («мудрости») теоретически ясной и четкой позиции подлинного ученого, стремящегося своим трудом уменьшить меру неопределенности и хаотичности в пространстве сложного и многозначного гуманитарного познания. «Глубокомыслие есть знак хаоса, – пишет Гуссерль, – который подлинная наука стремится превратить в космос – в простой, безусловно ясный порядок... Подлинная наука не знает глубокомыслия в пределах своего действительного учения. Каждая часть готовой науки есть некоторая целостная связь умственных поступков, из которых каждый непосредственно ясен и совсем не глубокомыслен. Глубокомыслие есть дело мудрости. Отвлеченная понятность и ясность есть дело строгой теории»²²⁹.

Идеи феноменологии нашли свое развитие и конкретную реализацию в учении А. С. Лаппо-Данилевского о принципах исторического и, более широко, гуманитарного познания. Теоретико-познавательная концепция Лаппо-Данилевского не содержала в своей основе неокантианского противопоставления наук по их предмету и методам. Для него номотетический (как исследование типологических, повторяющихся явлений) и идиографический (как исследование структурных взаимосвязей явления) подходы представляют дополняющие друг друга по направленности аспекты исследования явлений природы и общества. Синтез этих наук и подходов представляется ученому как наиболее результативный способ более полного охвата типологических и индивидуальных особенностей изучаемой реальности.

Идею целостности научного познания и единства естественнонаучного и гуманитарного познания разделяет с Лаппо-Данилевским его друг и единомышленник В. И. Вернадский. Взгляды обоих ученых объединяет идея целостности и единства науки и ее объекта – мирового целого, в котором человечество составляет особую, наделенную сознанием часть. Науки о при-

²²⁹ Там же. С. 171.

роде изучают мировое целое, в свою очередь исходя из того, что в нем существует разумное человечество. Сознательная, разумная человеческая деятельность выступает как преобразующая природу сила. В этом состоит один из принципиальных постулатов естественнонаучной концепции Вернадского. Значение идей Вернадского и Лаппо-Данилевского возможно более полно раскрыть при условии взаимосвязанного рассмотрения их общепhilosophической основы. В качестве ключевых выступают здесь идеи разумной творческой деятельности человечества, формирующей рукотворную окружающую среду. Человечество – не просто часть «живого вещества» вселенной, но и ее творческая, преобразующая, наделенная сознанием часть.

В процессе целенаправленной человеческой деятельности создаются произведения, они, в свою очередь, выступают как источники познания, реально существующие объекты, доступные для научного исследования. В первых редакциях курса методологии истории, – пишет один из глубоких интерпретаторов философских взглядов Лаппо-Данилевского, А. Е. Пресняков, – он говорил о космическом смысле социального развития, о «реорганизации вселенной» как предельном моменте развития исторического процесса, реорганизации мирового целого воздействием на него «великой индивидуальности человечества»²³⁰. Пресняков отмечает в этой связи своеобразие и «неожиданно родственность» идей ученого идеям Н. Ф. Федорова. Еще более очевидно и подтверждено многими документальными свидетельствами научное общение и взаимное духовное влияние Лаппо-Данилевского и Вернадского. В данном культурном контексте философская парадигма Вернадского получает более полную и точную интерпретацию. Объединяет взгляды обоих ученых их представление о связи науки и жизни, о необходимости для ученого работать для культурного роста личности и народа, о чем неоднократно писал Вернадский. Историк и исследователь культуры И. М. Гревс в статье о Лаппо-Данилевском, которую он обозначил как «Опыт истолкования души», писал о том, что его друг был убежденным представителем такой концепции истории, которая

²³⁰ Пресняков А. Е. Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский. Пг., 1922.

творческую силу исторического процесса видит в человеческих сознаниях и, стало быть, активным носителем в нем движения определяет человеческую личность – индивидуальную и коллективную, в ее разуме и свободе²³¹.

А. С. Лаппо-Данилевский – социальный мыслитель, историк, философ, исследователь методологических проблем гуманитарного познания, автор обобщающего теоретического труда «Методология истории» (1911–1913 гг.) и ряда крупных научных трудов по истории государства, права, политической системы России и по истории науки. Академик, профессор, он разработал обобщающие курсы по теории социального познания, методологии истории, создал свою научную школу, последователями которой стал ряд социальных мыслителей – историков, правоведов, филологов, социологов и историков науки в России и за ее пределами. Данную научную школу характеризует единство представлений об объекте гуманитарного познания и, в то же время, ярко выраженная междисциплинарность²³². Среди наиболее близких по научным воззрениям ученых, составляющих научное сообщество, в котором Лаппо-Данилевский излагал и обсуждал основные принципы своей концепции гуманитарного познания, были уже упоминавшиеся философ И. И. Лапшин, экономист А. А. Кауфман, филолог С. Ф. Ольденбург, медиевист И. М. Гревс, историк науки Т. И. Райнов, историки А. Е. Пресняков, С. Н. Валк и А. И. Андреев, М. А. Полиевктов, в сфере его влияния находились автор «Системы социологии» П. А. Сорокин, Н. Д. Кондратьев, отчасти – Л. П. Карсавин.

Научное наследие А. С. Лаппо-Данилевского включает многочисленные работы, которые охватывают широкий круг гуманитарных дисциплин. Среди них труды по философии²³³ (в том числе об основных принципах социологического метода

²³¹ Гревс И. М. А. С. Лаппо-Данилевский: опыт истолкования души // Русский исторический журнал. 1920. Кн. 6.

²³² Медушевская О. М. Методология истории А. С. Лаппо-Данилевского и современное гуманитарное познание // Археографический ежегодник за 1994 год. М., 1996; Медушевская О. М., Румянцева М. Ф. Методология истории. М., 1997.

²³³ Лаппо-Данилевский А. С. Основные принципы социологической доктрины О. Конта // Проблемы идеализма. М., 1902. С. 394–490.

О. Конта) и методологии истории (несколько изданий «Методологии истории», включающих три ее основные части: теоретико-историографическую, методологию источниковедения и методологию исторического построения²³⁴); целый корпус трудов по истории науки в России (до сих пор полностью неопубликованный); конкретно-исторические исследования, в том числе по проблемам государства, права и организации финансового управления в России²³⁵; по скифо-сарматской археологии²³⁶, архивному делу и публикации источников. Известны выступления ученого на Международных конгрессах историков²³⁷ и других международных встречах, где он стремился раскрыть специфику русской науки, культуры и русского исторического развития в связи с развитием мирового культурного процесса, вышло в свет большое количество обзоров и рецензий, посвященных вопросам развития методологии гуманитарного знания в России и на Западе. Отличительной чертой является единство феноменологической концепции и логики исследовательского метода, выраженной как в теоретических трудах, так и в разнообразных практиках научной, организационно-научной и педагогической деятельности ученого. Именно цельность подхода и системность его методологии отмечают все исследователи творчества ученого. «Принципиальные вопросы теории, методологии и техники исторической науки, — пишет А. Е. Пресняков, — были естественным центром всего

²³⁴ Лаппо-Данилевский А. С. Методология истории.

²³⁵ Лаппо-Данилевский А. С. Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований. СПб., 1890. См. также: Милюков П. Н. Спорные вопросы финансовой истории Московского государства.

²³⁶ Лаппо-Данилевский А. С. Скифские древности. СПб., 1897; *Он же*. Курганы Карагодешуах как материал для бытовой истории Прикубанского края в IV–III вв. до н. э. СПб., 1884. С. 1–120.

²³⁷ Лаппо-Данилевский А. С. Сообщение о Международном конгрессе историков в Берлине 6–12 августа 1908 г. // Изв-я имп. Ак. наук. VI серия. СПб., 1908. Т. II. С. 1113–1116; *Он же*. L'idée de l'Etat et son evolution en Russie depuis les troubles du XVII-eme siecles jusqu'aux reforms du XVIII-me. // Essays in legal history read before the International Congress of historical studies held in London / Ed. by P. Vinogradov. Oxford, 1913. P. 356–383.

научного размышления и творчества Александра Сергеевича. Его специальные работы по русской истории служили экспериментальными этюдами к существенным теоремам исторического анализа и построения, или дипломатики, источниковедения»²³⁸. Был момент, когда формировалась реальная возможность обобщения и представления этого концептуального целого мировой науке, в виде научной программы очередного Международного конгресса историков, который должен был, по предложению академика Лаппо-Данилевского на Лондонском конгрессе историков (1913), состояться в Петербурге в 1918 г.²³⁹ Поручив академику Лаппо-Данилевскому возглавить научную подготовку к конгрессу, Академия наук имела в виду достижение нового качества идентификации российской науки в мировом сообществе. По авторитетному свидетельству С. Ф. Ольденбурга, конгресс должен был не только решить вопрос о русском языке как языке международного научного общения, но и обеспечить качественный уровень: «А. С. (Лаппо-Данилевский) мечтал сделать этот конгресс образцовым»²⁴⁰, пишет неприменный секретарь Академии Ольденбург. Как известно, эти планы не реализовались. Уже в 1919 г. коллеги ученого оказались перед фактом необходимости интерпретировать общий смысл деятельности ученого для будущих поколений. Что они и выполнили, создав поистине блестящие образцы теоретико-аналитических текстов, вышедших в свет в период 1919–1929 гг.

Методология истории (любого гуманитарного исследования по сути) Лаппо-Данилевского цельна и поэтому, как всякая хорошая теория, проста в общем ее изложении: реально существуют фрагменты реальности («доступные чувственному восприятию»), изначальная системность мирового целого и человеческой деятельности в нем позволяют отыскать в этих

²³⁸ Пресняков А. Е. А. С. Лаппо-Данилевский как ученый и мыслитель // Русский исторический журнал. 1920. Кн. 6. С. 87.

²³⁹ Есть упоминания об издании: Программа Международного исторического конгресса в Петербурге в 1918 году. СПб., 1913.

²⁴⁰ Ольденбург С. Ф. Работа А. С. Лаппо-Данилевского в Академии наук // Русский исторический журнал. 1920. Кн. 6. С. 164.

фрагментах следы их системного качества, выявить их во всей возможной полноте (методология источниковедения); эмпирические фрагменты выступают на свет как явления, феномен культуры. Тогда наступает время синтеза культуры: если в ней стал возможен подобный (данный) феномен, то возможно логически выстроить и самое целое культуры (методология исторического построения). Применительно к ситуации научного наследия ученого, его коллеги выполнили образцово первый этап этой работы. Они опубликовали полный список трудов ученого, а также обзор основных тематических групп материалов его огромного архива²⁴¹. Они охарактеризовали черты его философской концепции (А. Е. Пресняков, ранее Н. Д. Кондратьев, Т. И. Райнов)²⁴², личности (И. М. Гревс), академической деятельности (С. Ф. Ольденбург), педагогической работы (С. Н. Валк, Б. А. Романов²⁴³, ранее – Райнов), использование методов социологии права (Н. В. Болдырев, Г. В. Вернадский²⁴⁴, позже П. А. Сорокин²⁴⁵), пытались переиздать его основной труд (А. И. Андреев). Было показано, что концепция методологии истории – главное достижение в творчестве ученого и что

²⁴¹ Материалы для биографии А. С. Лаппо-Данилевского. Л., 1929.

²⁴² *Пресняков А. Е.* Труды А. С. Лаппо-Данилевского по русской истории // Русский исторический журнал. 1920. Кн. 6.; *Кондратьев Н. Д.* Теория истории А. С. Лаппо-Данилевского // Историческое обозрение. Пг., 1915. Т. XX. С. 105–128; *Райнов Т. И.* О философских взглядах и педагогических приемах А. С. Лаппо-Данилевского // Журнал Министерства народного просвещения. 1915; *Болдырев Я. В.* А. С. Лаппо-Данилевский // Мысль: Журнал Петроградского философского общества. СПб., 1922. 1. С. 152–153.

²⁴³ *Гревс И. М.* Указ. соч. С. 4–81; *Ольденбург С. Ф.* Указ. соч. С. 164–180; *Валк С. Н.* Воспоминания ученика // Русский исторический журнал. 1920. Кн. 6. С. 189–200; *Романов Б. А.* А. С. Лаппо-Данилевский в университете (Две речи) // Там же. С. 181–188.

²⁴⁴ *Вернадский Г. В.* А. С. Лаппо-Данилевский как историк // Известия Таврической Ученой архивной комиссии. 1919. № 5/6. С. 156–160; *Кареев Н. И.* Историко-теоретические труды А. С. Лаппо-Данилевского // Русский исторический журнал. 1920. Кн. 6. С. 112–131.

²⁴⁵ *Сорокин П. А.* Дальняя дорога. М., 1992. По причине выезда Сорокина в эмиграцию упоминания о нем в России были возможны лишь косвенные. Так, С. Н. Валк упоминает одного из участников семинара, в котором возможно предположить именно Сорокина.

она не только освещена в «Методологии истории», но последовательно раскрыта на материале цельного корпуса источников – частнопровых актов, которые представлены методом источниковедения и методом исторического построения, т. е. как феномен функционирования частнопровых актов и, следовательно, отражения уровня правовой культуры русского общества. Заслуга данной интерпретации «Очерков русской дипломатики»²⁴⁶, образца применения системы методологии истории к конкретной исследовательской ситуации принадлежит С. Н. Валку. Таким образом, коллеги и ученики сделали все, что могли, для раскрытия теоретико-методологической концепции Лаппо-Данилевского. Для последующих поколений открылась возможность лучше понять тот тип научной культуры и научного сообщества, который сформировал концепцию Лаппо-Данилевского и сам испытал его культурное влияние.

Каковы же главные компоненты этой концепции – ее феноменология и основанная на ней система исследовательских методов гуманитарного познания? Ее фундаментальный постулат – это представление о системном характере объекта научного исследования. Предельным является понятие о мировом целом. Действительность представляется «как бы в виде единого целого, которое вмещает в себе все ее части, связанные между собою, в котором каждая из них находит свое положение»²⁴⁷. «Понятие о мировом целом – предельное», подчеркивает ученый, историк же «рассуждает не о мире как о целом и не о воздействии на него каждой его части, а ограничивает объект своего изучения именно тою индивидуальной частью мирового целого, которая преимущественно известна ему как носительница сознания, воздействующая в качестве таковой на мировое целое и в зависимости от него действующая». Таким образом, возникает возможность для гуманитария рассматривать человечество как особую подсистему в масштабах мирового целого, а

²⁴⁶ Лаппо-Данилевский А. С. Очерк русской дипломатики частных актов. Пг., 1918. Ст. Валка опубл.: Русский исторический журнал. Пг., 1922. Кн. 8. С. 244–258.

²⁴⁷ Лаппо-Данилевский А. С. Методология истории. СПб., 1913. С. 322 и след.

для представителя естественных наук – мыслить о природе, в которой возникает жизнь, живое вещество, а потом и человечество, воздействующее на мировое целое создаваемой в сфере разума новой реальностью – ноосферой. Идеи В. И. Вернадского и А. С. Лаппо-Данилевского фундаментально родственны в своей основе, и интерпретировать эти идеи вне данной общности вряд ли возможно.

Человечество, таким образом, выступает как подсистема мирового целого. Но оно обладает реальным единством состава («реальное единство состава этого целого – история человечества»). Оно имеет системообразующий признак – сознание. Человечество, в свою очередь, рассматривается как целое («коэксистенциальное» и «эволюционное целое»): «Развитие человечества представляется нам, однако, не разрозненными фактами, и даже не группами и сериями их, а единым непрерывным процессом, звенья которого связаны изнутри, т. е. образуются не в одной только зависимости от внешнего воздействия такой индивидуальности на окружающую среду или от действия на нее среды; человечество является, конечно, индивидуальной частью, все более воздействующей на мировое целое, но вместе с тем, взятое в одном из временных состояний своей культуры, оно же становится частью, образующей все с большей сознательностью; и то историческое целое, которое по содержанию своему оказывается историей человечества, получает приписываемое ему значение в его взаимодействии с мировым целым». Возрастающее воздействие человечества на мировое целое становится, в свою очередь, у Вернадского одним из главных направлений общемирового развития. Самодостаточность наук, в том числе и наук о человеке, о его сознательной деятельности, еще более отчетливо выступает, когда рассматривается их реальный, эмпирически данный объект. Человек реализует себя, свое сознание через творчество, он творец, создатель интеллектуального продукта. Через него он и может быть познан, понят другим человеком (постулат «признания чужой одушевленности»). Так ученый логически выводит ключевое понятие исторического источника. «Источник есть реализованный продукт

человеческой психики» – в том смысле, что это продукт целенаправленной, осознанной деятельности человека. Источник реально существует, он доступен «чувственному восприятию» и, следовательно, выступает как факт реальности.

Поскольку творчество является системообразующим, специфическим свойством именно человека и также средством для его самовыражения и его идентификации, познания, существенное значение приобретает степень реализованности (завершенности) продукта творчества. Она, разумеется, может быть различна. Высшей степенью целенаправленной, осознанной деятельности становится научное творчество, наука, а вместе с нею и личность ученого. Завершенный творческий продукт выступает как источник познания, как источник для идентификации индивидуальности любого типа – будь то индивидуальная личность или «коллективная индивидуальность». Это необычное понятие, несущее в себе, на первый взгляд, противоречие, на самом деле в рамках данной концепции вполне определено: источник может выражать особенности типа культуры и специфику личности.

Эту черту концепции Лаппо-Данилевского одним из первых хорошо уловил Н. Д. Кондратьев. Он подчеркивает идею творчества: «включенная в целое индивидуальность не теряет присущего ей своеобразия и незаменимости, творчество выступает как ее самовыражение»²⁴⁸. Не менее важен для Кондратьева и принцип системности, связи, для обозначения которого он применяет понятие «консенсус», т. е. «понятие о взаимосвязанности элементов изучаемого исторического целого». Творчество является не только способом самовыражения личности, но и понимания другого: в рамках данной концепции понимание происходит через «признание чужой одушевленности»: «основным принципом интерпретации, – отмечает Кондратьев, – является единство чужого сознания», и именно поэтому «основным методом интерпретации является метод психологический». Особая роль отрефлектированного через науку, через научное творчество сознания в рамках данной концепции также

²⁴⁸ Кондратьев Н. Д. Указ. соч. С. 105–128.

является ключевой. Это – важнейший принцип для самоидентификации личности и для идентификации культурного типа – группы, государства, народа.

На Международных конгрессах Лаппо-Данилевский избирает темы своего выступления, связанные с историей научной мысли. Ольденбург вспоминал, что перед поездкой в Англию²⁴⁹ в 1916 г. (в Кембридже академику тогда было присвоено звание почетного доктора прав), Лаппо-Данилевский объяснял ему, почему он выбрал темой своего выступления историю науки в России. Ее главной чертой он считал связь ученого с жизнью, реализацию творчества в конкретных условиях жизни. «Эту черту он считал характерной для личности русского ученого – для него нет науки без жизни, вне жизни»²⁵⁰. Мощный отзвук проблематика науки и личности ученого нашла, как известно, и в творчестве Вернадского²⁵¹.

Академик Лаппо-Данилевский был основателем и первым председателем Комиссии «Русская наука» (1915–1919), его на этом посту сменил С. Ф. Ольденбург (1919–1921), а затем В. И. Вернадский (1921–1929)²⁵². В «интегральной социологии» П. А. Сорокина, по праву считающегося одним из основателей такого направления, как социология познания, социология науки, эти идеи также нашли свое развитие и продолжение²⁵³.

Возвращаясь к проблеме феноменологии системного объекта в творческом наследии А. С. Лаппо-Данилевского, важно подчеркнуть, что ученый, на основе системного представления о человечестве как части мирового целого, сумел логически выстроить системную методологию исторического, гуманитарного познания. В создании цельной системной методологии

²⁴⁹ *Lappo-Danilevsky A. S. The Development of Sciences and Learning in Russia: Russian Reality and Problems / Ed. by J. D. Duff. Cambridge, 1917. P. 153–229.*

²⁵⁰ *Ольденбург С. Ф. Указ. соч. С. 179–180.*

²⁵¹ *Вернадский В. И. О науке. Дубна, 1997.*

²⁵² *Илизаров С. С. Формирование в России сообщества историков науки и техники. М., 1993.*

²⁵³ *Maquet J. Sociologie de la connaissance: Sa structure et ses rapports avec la philosophie de la connaissance. Bruxelles, 1969; Тойнби А. Постигание истории. М., 1991.*

состоит его главное научное достижение, в этом и сам ученый видел свою главную, хотя и очень сложную задачу. Это хорошо понимали его коллеги, постаравшиеся донести основное содержание концепции до будущих поколений. Книга А. Е. Преснякова и ряд его статей неизменно обращены к тому, чтобы раскрыть цельность мировоззрения ученого, тесную связь и обусловленность его феноменологии, методологии исторического познания и практической реализации эпистемологических принципов в исследовательской и даже научно-организационной деятельности. «Методологические вопросы брали как бы верх над феноменологическими, – пишет Пресняков, – однако, не по существу, но в силу состояния данной науки, с ее неразработанными методами, с ее необоснованными предпосылками, с роковой неполнотой ее разработки, с ее зависимостью от интуиции историка, заменяющей строго методический путь анализа и синтеза»²⁵⁴.

Концепция Лаппо-Данилевского активно противостоит интуитивизму (в его труде есть и прямая полемика по этому вопросу). Разумеется, она основана на представлении о единстве науки и соответствующих критериев научного сообщества, исключающих наивные интерпретации в духе противопоставления гуманитарных наук естественным по их методам. И в тех, и в других исходным принципом является системность как их единого, предельно общего объекта – мирового целого, так и его особенной части, коэксистенциального и эволюционного целого – человечества, и реальность факта. «Фактум, – пишет ученый, – это то, что сделано. Но для историка этого мало. Для него – фактум – то, что кем-нибудь сделано. Скребок из кремня есть факт. Слово А к С – есть факт»²⁵⁵. Источник есть реальность, факт деятельности человека. То есть и здесь существует реальность факта, доступного чувственному восприятию, как и при изучении природных явлений.

Данный постулат хорошо разъясняет в своей «Теории истории» А. П. Карсавин. В его понимании исторического метода

²⁵⁴ Пресняков А. Е. А. С. Лаппо-Данилевский как ученый и мыслитель // Русский исторический журнал. Кн. 6. 1920. С. 87.

²⁵⁵ Лаппо-Данилевский А. С. Методология истории. СПб., 1913. Вып. 2. С. 322.

многое не совпадает с концепцией Лаппо-Данилевского; ибо визионер Карсавин и строгий систематик Лаппо-Данилевский не были близки друг другу по духу. Однако суть общенаучного метода Карсавин вполне разделяет с его пониманием. Реальность факта – залог познаваемости в истории, ее научности: «казалось бы, это невозможно, – разъясняет Карсавин, – ведь история изучает прошлое, а прошлое нам не дано непосредственно: то, что мы имеем – это лишь реальные остатки, оторванные от того единства, в котором они находились». Но главное уже сказано; поскольку отмечен постулат «единства, в котором они находились»²⁵⁶. Принцип системности, целого дает и возможность познания: «через источники, как часть минувшего, мы втягиваемся в единство этого минувшего, познавая часть, познаем и целое». Грань, разделяющая субъективистский подход (при котором разрозненные фрагменты обретают связанность лишь в сознании историка, познающего субъекта) и методологию научного построения, обозначена Карсавиным очень точно: «При достаточном понимании и правильной оценке источников как частей прошлого, сами собой бледнеют и теряют силу жалобы на субъективность и ненадежность по сравнению с методами естественных наук метода исторического – жалобы, столь характерные для французских методологов». Завершая свой антисубъективистский тезис, Карсавин утверждает: «Принципиально работа над источником ничем не отличается от всякой иной работы историка».

Использование в «Методологии истории» Лаппо-Данилевского терминологии, введенной в научный оборот неокантианскими методологами, иногда вызывает впечатление, что ученый разделяет противопоставление номотетических и идиографических наук. Именно такое впечатление передает Н. Д. Кондратьев в начале своего аналитического разбора монографии Лаппо-Данилевского. Однако по мере углубления в текст книги, в существо взглядов ученого, молодой исследователь более точно раскрывает принципиальное отличие двух философских подходов. Идиографический подход как обращение к структурным

²⁵⁶ Карсавин А. П. Теория истории. Пг., 1920. С. 38–39.

связям изучаемого феномена и номотетический как изучение его типических общих черт не противопоставляются в «Методологии истории», но выступают как два дополняющих подхода к одному объекту, позволяя охватить его более полно. Как бы убеждаясь, что первое впечатление о принадлежности рассматриваемой концепции к риккертIANской критической школе не подтверждается, Кондратьев завершает разбор вопросом: «а где же отнесение к ценности?» (оно, как известно, и составляет главный метод наук о культуре в неокантианской концепции). Разумеется, Лаппо-Данилевский оставляет за историком право выбора актуальной для него проблематики (выбора фактов с «историческим значением» по суждению исследователя), но это не изменяет строгой логики движения мысли исследователя от эмпирики наблюдаемого объекта к сущности явления культуры.

Единство гуманитарного и естественнонаучного знания, противостоящее альтернативному обособлению наук о природе и наук о культуре, важно в равной мере как для ученогуманитария, так и для исследователя природных явлений. Вернадский подчеркивает, «что натуралист нередко выключает человека из других явлений природы, привыкает противопоставлять природу и человека, благодаря этому в значительной степени искажает то представление о природе, которое лежит в основе его научной работы»²⁵⁷.

Таким образом, феноменология системного подхода к явлениям природы и общества дает возможность Лаппо-Данилевскому создать целостную методологию гуманитарного (исторического) познания, которая охватывает все пространство деятельности практикующего исследователя, начиная от эмпирики фрагмента реальности до ее построения как целостности. Ключевая идея методологии состоит в своеобразной интерпретации объекта исторического познания, его свойств и в построении в соответствии с этими свойствами целостной логической системы методов его изучения. Именно в «Методологии истории» разработан теоретический подход к созданию глобальной истории. В отличие от неокантианского подхода, при котором

²⁵⁷ Вернадский В. И. Живое вещество и биосфера. М., 1994. С. 49.

единство исторического процесса возникает как результат переживания прошлого опыта в сознании историка (познающего субъекта), и от позитивистского подхода к историческому синтезу как к сумме эмпирических данных, систематизированных им же, феноменологический подход обращен к взаимодействию объекта и познающего субъекта. При этом принципиальное значение имеет вопрос о том, как определяется объект гуманитарного познания. Лаппо-Данилевский говорит об истории и о методологии истории, но постоянно подчеркивает широту этого понятия. По существу, речь идет о единой науке о Человеке, именно так понимает историю гуманитарная концепция Лаппо-Данилевского. Сам ученый часто раскрывает смысл этого понятия, говоря о взаимодополняющем взгляде на историю трех типов исследователей: историка, психолога, социолога. Синтез этих трех аспектов рассмотрения единого объекта и обеспечивает необходимую полноту освещения проблемы человека и человечества. Лаппо-Данилевский определяет в качестве объекта исторического исследования человечество как часть мирового целого во всей полноте своего развития (эволюционное целое) и в единстве системной взаимосвязи на каждый данный момент развития (коэксистенциальное целое). Соответственно методология истории трактуется им как методология познания человечества, познания культуры. Ученый постулирует в качестве необходимого эпистемологического принципа утверждение гуманитарного знания именно как знания строго научного, логически выведенного, «построенного» (в логико-математическом смысле данного слова). Он исходит из признания единства и целостности объекта в себе самом, и поэтому, соответственно – единства и целостности познания каждого исторического явления. История отдельного народа, государства, личности возможна лишь как его интерпретация по отношению к целостности мира природы и человечества.

А. Тойнби позднее также будет писать о «поле» историка, в котором Великобритания является частью. «Таким образом, английская история не прояснится до тех пор, пока она не будет рассмотрена в сопоставлении с историями других национальных государств... В каждом случае мы должны мыслить в терминах

целого, а не части, видеть главы повести как события в жизни общества, а не отдельного его члена, следить за судьбами его представителей – не за каждым в отдельности, а в общем потоке – воспринимать их как голоса единого хора, которые имеют значение и смысл в общем строе гармонии, но теряют их, как только становятся набором отдельно звучащих нот»²⁵⁸. В наши дни, когда идея глобальной (общемировой и многополюсной) истории стала достоянием историков и их конкретной задачей, еще яснее стала величайшая трудность ее реализации. Мы уже говорили о том, что европоцентристская модель исторического познания создавалась постепенно, эволюционным путем, когда источники изучались, публиковались веками, интерпретировались целыми поколениями ученых-исследователей. В отношении многополюсной истории человечества в целом эта задача изучения источников (в принципе, конечно, выполнимая), подготавливающая такое положение вещей, еще далека от реализации. Она потребует усилий многих ученых-исследователей разных стран и народов. Но уже сегодня ясна и главная трудность, которая встанет при обобщении этого материала, выведенного из неизвестности представителями разных исследовательских школ и методологий. Уже теперь ясно, что самая трудная проблема глобальной истории – не собирание фактических данных, и даже не их критический анализ, а полноценный исторический синтез.

Неокантианская модель решения задач исторического синтеза отдает приоритет в достижении исторического синтеза познающему субъекту. Он, по принципу «отнесения и ценности», отбирает главное, ставит проблему и, согласуясь со своими целями и возможностями, обеспечивает себя необходимыми и достаточными основаниями и доказательствами. Как эта методология раскрывается в трудах лучших мыслителей данного направления, мы рассмотрим в свое время. Здесь же важно подчеркнуть, что феноменология А. С. Лашпо-Данилевского предлагает принципиально единый и целостный теоретико-познавательный подход к ее решению.

²⁵⁸ Тойнби А. Постигание истории. М., 1991. С. 21.

Общую основу гуманитарного познания составляет реально существующая совокупность произведений (изделий), созданных людьми в процессе их целенаправленной, осознанной деятельности. Это – «реализованные продукты человеческой психики», исторические источники. В общей концепции методологии истории Лаппо-Данилевского различаются два этапа (уровня), каждый из которых в принципе самодостаточен; но наиболее результативен их синтез, открывающий возможность логического построения феноменологии общечеловеческой культуры. Первый этап – «методология источниковедения» – имеет целью рассмотрение произведения, созданного человеком, как явления культуры определенного времени, социального и географического пространства. Принципиальное значение в рамках данной методологии имеет эпистемологический принцип признания чужой одушевленности. Источниковедение рассматривает триаду «человек – произведение – человек», сосредоточивая главное внимание на анализе взаимодействий, которые в ней реализуются. Особое внимание ученый уделяет проблеме интерпретации смысловых значений, стоящих за эмпирической данностью произведения и текста (психологический и технический, типизирующий и индивидуализирующий методы интерпретации). Принципы и методы типизирующей и индивидуализирующей критики и интерпретации источников раскрыты Лаппо-Данилевским на материале произведений различных типов и видов – от памятников археологии до произведений современного искусства, правовых актов и законодательства, нарративных историко-философских текстов, на основе широкого компаративного подхода. Методология Лаппо-Данилевского раскрывает природу взаимодействия в труде исследователя эпистемологических принципов теоретико-познавательной и конкретно-практической деятельности. На эту черту научного творчества обращали внимание многие его последователи, говоря о «естественном союзе философии и эмпирической науки» в его собственном научном творчестве и методологической рефлексии. Ученый реализовал поставленную им цель создания «цельного и систематического учения об

источниках», поскольку произведения, созданные людьми (исторические источники), составляют в своей совокупности объект гуманитарного знания как научного. Итак, первый этап в рамках данной концепции составляет методология источниковедения, позволяющая рассматривать произведение (продукт целенаправленной человеческой деятельности) как явление культуры. Второй, высший этап, в свою очередь, составляет методология исторического построения. Целью данной методологии является достижение целостного знания о самой культуре, которая проявляет себя тем, что в ней создано данное произведение. Раскрывая более конкретно методологические принципы своей концепции, ученый на материале такого вида исторических источников, как частноправовые акты (русского права) показал как цели исследования на каждом из этих этапов, так и реальные приемы их достижения. Частные акты рассматриваются как явления культуры своего времени и, затем, на том основании, что они существовали в России и устанавливали определенные нормы правовых отношений, «выстраивается» типология правовой культуры и правовой менталитет русского общества в соответствующих временных, региональных и социальных условиях. При этом возникновение и степень распространения частных актов в практике социального функционирования становятся фактами большого научного значения. Они выступают как датирующий признак, как убедительное свидетельство состояния правовой культуры соответствующего уровня и типологии. Исторический синтез становится достижимым, а выводы о состоянии культуры – научно доказательными и воспроизводимыми.

Источниковедческая парадигма гуманитарного познания ориентирует исследователя на изучение конкретных объектов – явлений культуры, произведений (изделий), которые дают возможность получить знание о человеке путем интерпретации эмпирических данностей – фрагментов изучаемой культуры. Данный подход, в свою очередь, создает возможность более углубленного, специализированного исследования видовых (жанровых) особенностей произведений, возникающих в про-

цессе функционирования – в правоведении, истории искусств, истории науки.

Трудно теперь восстановить с достаточной полнотой тот ареал влияния, который оказывала целостная методология Лаппо-Данилевского на окружающее его научное сообщество, поскольку реализация замыслов прервалась. Во всяком случае, некоторые данные об этом имеются. Характерна масштабная идея создания крупного коллективного труда, который обобщил бы методологию глобальной истории. В качестве главной цели издания выдвигалось «ознакомление с методом и духом истории, усвоение исторического мышления». Инициаторы издания – С. А. Жебелев, Л. П. Карсавин и М. Д. Приселков считали, что для серьезных занятий историей «необходим цельный научный труд, передающий методы и дух исторического познания, необходимо усвоение исторического мышления». Замысел «Введения в историю», а по существу концептуального обобщающего труда, предполагал издание 20 томов, охватывающих такие проблемы, как первобытная культура, классический Восток (Египет и Передняя Азия), Греция, Рим, Западная Европа в средние века, Западная Европа в новое время, XIX век, а также Византия, славяне, мусульманский мир, Иран, Индия, Китай, Япония, Средняя Азия, христианский Восток, Кавказ, Америка и колонии, Россия. Авторами серии этой многополюсной истории должны были стать крупные ученые, специалисты в области мировой истории и культуры – Б. А. Тураев, Л. П. Карсавин, С. А. Жебелев, О. А. Добиап-Рождественская, Е. В. Тарле, В. В. Бартольд, С. Ф. Ольденбург, Б. Я. Владимирцов, Н. Я. Марр, М. Д. Приселков. Первым томом издания, посвященного методологии исторического исследования, была работа Л. П. Карсавина «Теория истории». Для этой книги характерен широкий культурологический подход, охват, а по существу – философское видение исторического пространства, исторического процесса в целом, развитое ранее в работах А. С. Лаппо-Данилевского и В. И. Вернадского²⁵⁹. «Предельное

²⁵⁹ Медушевская О. М. Источниковедение в России XX века: научная мысль и социальная реальность // Советская историография. М., 1996. С. 42–73.

понятие о целом, – пишет Карсавин, – есть понятие о мировом целом: оно представляется нам целостной действительностью, части которой мы можем, в свою очередь, назвать относительным целым. Историк может изучать все культурное человечество как единственное в своем роде целое»²⁶⁰. В духе данной концепции Карсавин определяет предмет истории: это – «человечество в его социальном (т. е. общественном, политическом, материальном) и духовно-культурном развитии». Субъект развития – социальное деятельное человечество – обладает всевременным, всепространственным единством исторического процесса от его начала до его конца: «ни горизонтально, ни вертикально исторический процесс не может быть разрезан». Одним из труднейших вопросов эпистемологии гуманитарного познания является вопрос о том, каким образом связывается в исследовательском процессе работа с эмпирически данным объектом, фрагментом реальности и построение абстрактного, идеального объекта. Позитивистская методология исходит из того, что анализ и синтез – два разнородных исследовательских процесса, и ими занимаются люди различного психологического типа. Неокантианская методология исходит из того, что это связывание происходит в сознании субъекта, создающего свой индивидуальный образ объекта. Феноменолог Э. Гуссерль прослеживает целостный познавательный процесс на материале геометрии – движении мысли от наблюдения конкретного фрагмента реальности к абстрактному математическому понятию²⁶¹. Лаппо-Данилевский выстроил собственную оригинальную методологию движения от реальности объекта (исторического остатка, фрагмента) к его пониманию как явления культуры (источниковедение) и от него – к целому культуры. Именно поэтому ученый так детально разрабатывает логику системообразующего понятия – исторического источника – реализованного продукта человеческой психики. Через него является, объективируется человеческая одушевленность. Данное понятие – фундаментально, оно устойчиво. На этом

²⁶⁰ Карсавин А. П. Указ. соч.

²⁶¹ Гуссерль Э. Начало геометрии. М., 1996.

примере хорошо видно, почему хорошая теория всегда практична. Беря за основу данную логику, гуманитарий может профессионально работать в любых условиях: он обращен к источнику, он возводит его в ранг явления, этот труд осмыслен и его результат непреходящ – будь то типология источников (как в учебниках М. Н. Тихомирова и С. А. Никитина, которые были первыми в этом ряду), или монографических теоретико-пространственных, страноведческих, региональных трудов (А. И. Андреев), видовых и типологических комплексов (частных актов, начиная от семинаров Лаппо-Данилевского) и многих других. Накопление эмпирических данных и их теоретическое обобщение открывает возможности компаративных исследований больших исторических длительностей, исторической географии, исторической антропологии²⁶².

2. От профессиональной самоизоляции к единству наук о человеке

Историческая наука, социология и антропология в период между двумя мировыми войнами пошли по пути изолированно-го преодоления своих трудностей. Для исторической науки представлялось наиболее важным преодоление позитивистской эмпирической привязанности к конкретике частных тем, не дававшей возможности перейти от европоцентристской эмпирической базы к глобальному цивилизационному подходу.

В социологии прослеживаются те же тенденции движения от целостных концепций к прагматическому изучению специфических данных. «Социологам самое время оставить устаревшие претензии на создание целостной науки и понять, что какие-либо позитивные научные результаты были достигнуты на исследовании таких видов специфических данных, как то: социальные действия, социальные отношения, социальные личности и социальные группы», – писал Ф. Знанецкий²⁶³.

²⁶² Андреев А. И. Очерки по источниковедению Сибири. М., 1960–1965. Т. 1–2; Медушевская О. М. Источниковедение: Теория, история, метод. М., 1996.

²⁶³ Знанецкий Ф. Исходные данные социологии // Американская социологическая мысль: Тексты. М., 1996.

Интересно, что именно стремление к взаимосвязанному изучению естественнонаучных и культурных явлений Знанецкий относит к «наиболее слабым сторонам» социологической концепции П. А. Сорокина, «в других отношениях весьма ценной». В своих мемуарах Сорокин весьма скупко сообщает о своих расхождениях со своим преемником Т. Парсонсом²⁶⁴. Однако вполне можно понять, что целостная культурологическая концепция, сложившаяся под влиянием Петражицкого и Лаппо-Данилевского (Сорокин, как его близкий друг Н. Д. Кондратьев, весьма близко общался с узким кругом непосредственных учеников Лаппо-Данилевского), вошла в явное противоречие с ментальностью американских социологов.

Одно из главных препятствий для развития новой исторической науки видел в приверженности к позитивистской, европоцентристской картине мира Л. Февр. Борьбе с традиционным позитивистским мышлением он посвятил ряд своих работ, позже переизданных под выразительным общим заголовком «Бои за историю». В 1929 г. Л. Февр вместе с другим выдающимся историком – М. Блоком основал ставший впоследствии наиболее влиятельным международным изданием журнал «Анналь». Журнал выступал за создание единой науки о человеке, за междисциплинарные контакты историков с представителями других наук, за «историю во всей ее полноте».

Каждая наука вырабатывала свой подход к решению актуальных задач гуманитарного познания. Общим было стремление перейти от европоцентристской модели мировой истории к глобальной ее модели, универсальной всеобщей истории; от линейно-хронологической описательности «историзирующей» истории – к изучению структур повседневности, человеческого опыта во всем его объеме; от систематизации разрозненных фрагментов с помощью абстрактных конструктов, возникающих в сознании историка, – к анализу механизмов функционирования целого, будь то самоидентификация индивида в его группе, функционирование общества как системного, нерар-

²⁶⁴ Сорокин П. А. Дальняя дорога. М., 1992; *Он же*. Система социологии. М., 1993. Т. 1–2.

хизированного целого или соотношение человеческих представлений и их поведенческих проявлений. Антропология по своему реализовала эти стремления. Она была ориентирована на изучение глобального опыта человечества – непосредственно, путем наблюдения бытия людей, проведения полевых исследований. Прямые контакты антрополога с изучаемой культурой обеспечили огромный приток новых эмпирических данных, открыли возможности исследования принципов человеческого поведения, социальной ориентации социокультурных общностей.

В поле наблюдений оказались системы родства, магические обычаи и верования, внутригрупповые отношения; оказалось возможным детальное изучение повседневного опыта трудовой деятельности – охоты, собирательства, а также обмена, экономических отношений, семьи и брака, создания предметов искусства. Было развернуто значительное число полевых исследований, заложивших основы антропологической классики. Американский антрополог Ф. Боас изучал культуру индейцев Северо-западного региона Северной Америки; британский антрополог Б. Малиновский исследовал живую и действующую традицию племен Меланезии – Новой Гвинеи; ученики Боаса Р. Бенедикт и М. Мид – индейские племена Северной Америки и Меланезии, Самоа и Островов Адмиралтейства. Исследования проводились среди народов Африки, Юго-Восточной Азии, Латинской Америки, на островах Тихого океана. М. Лейрис изучал Черную Африку, основатель структурной антропологии К. Леви-Строс – первобытные общества Южной и отчасти Северной Америки. Классические труды, основанные на интерпретации полевых наблюдений, обобщали массивы данных по проблемам обмена, семьи и брака, фольклора, языка, дали возможность изучения новых проблем и стереотипов мышления. Среди исследователей, внесших свой вклад в антропологию, были представлены ученые многих междисциплинарных специализаций, получившие в свое время различное образование, – историков права, социологии, психологии и медицины, географии и экономики, лингвистики и теологии, истории религий и истории музыки, палеоботаники и палеозоологии, археологии

и философии, наконец, этнологии. Первоначально в основе антропологических исследований прослеживалось обращение прежде всего к практике полевых наблюдений малозвестных социокультурных анклавов, что потребовало особой квалификации – знания местной специфики, культуры общения, совершенствования способов фиксации, обобщения и интерпретации первичных эмпирических данных.

Феномен антропологии возник как радикальная попытка привести методологию гуманитарного исследования в соответствие с новой реальностью. В отличие от историков, философов, социологов, антропологи предложили свой вариант решения общих проблем глобальной истории и структур повседневности. Процессы деколонизации и быстрого развития ранее отсталых стран явились мощным стимулом нового направления, связавшего воедино накопленные этнографией полевые наблюдения с исследованиями логики мышления первобытного человека, начатыми еще в трудах основателей антропологии. Оказалась весьма привлекательной и реальной идея непосредственного наблюдения «живого целого», совмещения роли исследователя и участника событий.

Актуальность исследования целостного человека в единстве его социальных, психологических и биологических свойств выдвинул еще в 20-е годы XX в. социолог и социальный антрополог М. Мосс. В ключевой для данного направления классической работе «Опыт о даре: Форма и основание обмена в архаических обществах»²⁶⁵ он стремился раскрыть механизмы функционирования социокультурной целостности обществ, которая выявляется в виде особых форм обмена дарами.

Антропология возникла на фоне определенного антагонизма по отношению к методам традиционных гуманитарных наук: эти науки отделены от объекта своего изучения, а антропология наблюдает его непосредственно. Историк, например, не имеет возможности задавать вопросы своим героям, а антрополог имеет такую возможность. Он может также по своему усмотрению

²⁶⁵ Мосс М. Общества. Обмен. Личность: Труды по социал. антропологии / Пер. с фр. М., 1997.

нию расширять круг информации, пользуясь современными техническими средствами. «По сравнению с другими естественными и гуманитарными науками, антропология осталась по важным параметрам антидисциплиной, черпая свои идеи отовсюду, стремясь к целостности, постоянно на ходу изобретая новые исследовательские процедуры», — пишут современные исследователи феномена антропологии²⁶⁶. Согласно мнению аналитиков, «насколько позволяют границы, определяющие специальные дисциплины, антропология включает в себя многие элементы более гибкого, конструктивного подхода к изучению мира. В этом ее сила и источник творчества». Действительно, в своем развитии на протяжении XX в. антропология образует самые различные междисциплинарные сферы взаимодействия с другими науками. От науки о происхождении и эволюции человека, образовании человеческих рас и о нормальных вариациях физического строения человека она эволюционировала к антропологии социальной (культуральной) с самыми различными взаимосвязями с этнологией, социологией, психологией, историей искусств. Однако наиболее существенным является то направление междисциплинарных взаимодействий, которое развивается в настоящее время как *историческая антропология*. Феномен антропологии активизировал все пространство гуманитарного знания. Возможности наблюдения «живого целого», которые открылись в ходе полевых экспедиций, привлекли внимание к исследованию процессов функционирования общественных институтов, способов изготовления и применения орудий труда; возникла возможность наблюдения и даже участия ученого в социальных практиках обработки земли, охоты и собирательства, морского и речного промыслов, изготовления орудий, употребления продуктов питания, проведения магических обрядов, обучения и воспитания, празднеств, театрализованных представлений. Традиционное общество предстало в живом и конкретном образе. В свою очередь, это позволило историкам обратиться к изучению аналогичных

²⁶⁶ Гримшоу А., Харт К. Антропология и кризис интеллектуалов // Культуральная антропология. СПб., 1996. Раздел 3: Тексты. С. 169.

проблем на историческом материале. Вспоминая о том влиянии, которое антропология и этнология оказали на историческую науку, французский историк Ж. Дюби пишет: «В 60-е годы социальная антропология, приобретшая широкую известность благодаря трудам Леви-Строса, бросила историкам форменный вызов»²⁶⁷. Ученые отмечают, что исследования антропологов, и особенно этнологов (главным образом африканистов, потому что французские этнографы, следуя по пути, проложенном колонизацией, занимались в основном Африкой), имели для историков стимулирующее значение.

Вполне объяснимо то воздействие, которое оказали успехи антропологии на все пространство гуманитарных наук. Для историков они означали возможность обращения к новым объектам изучения традиционных культур, систем родства, обычаев, ритуалов, форм поведения, связей социальных групп с природной средой, культуры традиционных обществ. Изучение «живого целого» в настоящем становилось стимулом для обращения аналогичной проблематики в прошлое. В сравнении с трудностями опосредованного, выводного знания в исторической науке, когда связь явлений воссоздается переживанием прошлого опыта в сознании историка, возможности антропологии представлялись неограниченными. Однако методы полевых исследований ставят перед антропологами по существу те же общенаучные проблемы – открытости и надежности научных результатов, что и в тех науках, которые пользуются опосредованными источниками.

По мере накопления эмпирического материала нарастают интерпретационные трудности. На более раннем этапе задачи антрополога представлялись более простыми, техническими: выезд на место, сбор данных, проведение наблюдений, их фиксация, литературное изложение и интерпретация самим исследователем. Со временем главное преимущество антропологии оказалось источником методологических дискуссий: антропология сформировалась как дисциплина, непосредственно

²⁶⁷ Дюби Ж. Развитие исторических исследований во Франции после 1950 года // Одиссей: Человек в истории. М., 1991. С. 52.

наблюдающая свой объект – «живое целое». Главными признавались методы полевой работы, прежде всего, в экзотических поселениях первобытных социокультурных групп. Проникновение в данное локальное сообщество – знание языка общения, умение обеспечить поступление информации, участие в жизни сообщества, казалось бы, и составляет главную проблему и профессиональную трудность ученого. Процесс диалога культур, основанный на опыте антропологии, стал предметом специальных исследований: соотношение вербальной и невербальной коммуникации (разговорная дистанция, взгляд, жест, их истолкование) обозначило пространство специальных этнометодологических дискуссий.

Однако это была только часть познавательных проблем, которые стали более очевидны на опыте антропологии. Встал более общий вопрос о том, в какой мере вообще возможно опираться на данные, полученные в результате общения. Рефлексируя, аналитики склонны критически оценивать результаты собирания, фиксации и интерпретации полученных данных: «Академическим антропологам никогда не удавалось полностью устранить ранний этос любительства из своей профессиональной практики». Были подняты проблемы отношения наблюдателя и наблюдаемого, аутсайдера и инсайдера. Полевые дневники, записи личного характера являются субъективным источником и в этом смысле могут быть сравнимы с записками иностранцев о стране пребывания, источниковедческий анализ которых составляет столь большие методологические трудности для историка. В то же время, присутствие наблюдателя изменяет ситуацию. Поэтому вполне понятны трудности достижения достоверного знания средствами полевых наблюдений и их последующих интерпретаций.

По мере накопления эмпирического материала на первый план выходят общенаучные методологические проблемы, прежде всего критерии открытости для научного сообщества и надежности научных результатов. «Уникальность антропологии как дисциплины состоит в базировании ее метода не столько на искусственных конструктах академических исследований, сколько на непосредственном познании того, что люди реально

делают и о чем они думают»²⁶⁸. Традиционные для историка методологические различия наблюдений и исследований оказались столь же значимыми и для проблематики полевых методов. Сформулировав, например, вопрос: «Каким образом встречи в полевых условиях превращаются в нормативные письменные сообщения?», методолог по существу затрагивает целый комплекс идей (различие позиций участников диалога, аутсайдера и инсайдера, влияние наблюдателя на ход событий, символика общения, самоидентификация индивида в его группе, загадки обмена дарами, критерии компаративных подходов и др.), требующих в свою очередь сложных исследовательских интерпретаций.

Поворот к исторической антропологии трудно объяснить вне общего контекста критической переоценки достоверности эмпирических данных, полученных методами полевой работы антропологов предшествующего периода. Обращение антропологической проблематики в глубь исторического прошлого человечества, а следовательно, к изучению источников, не только расширяет возможности получения более полной информации, но и помогает опереться на традиционный профессионализм исторического исследования, укрепить социальный статус науки.

Преимущества интеграции истории и антропологии, взаимных обменов опытом, наблюдениями, подходами, методами были несомненны. В поле исследования исторической антропологии оказываются в настоящее время компаративные подходы к изучению агрикультуры, систем верований, ментальности, идентификации личности, положения женщины в различных регионах, в обществах прошлого и настоящего, форм и техники спорта, способов питания, и многие другие. Они охватывают эпохи большой исторической длительности (на историческом материале) и доводятся до современности (с участием ученых разных стран), что значительно расширяет масштабы компаративных подходов. Формируется «новая история, по-современному оснащенная всем необходимым инструментарием».

²⁶⁸ Гримшоу А., Харт Г. Указ. соч. С. 163.

ем, подходами, методами, методологическими ориентациями, наконец, движимая новым духовным состоянием корпорации историков: история, способная проникать в глубины человеческого бытия, улавливать механизмы изменений во всех сферах жизни»²⁶⁹.

3. Методология антропологически ориентированных гуманитарных наук

На протяжении XX в. произошли значительные сдвиги в отношении к гуманитарному знанию и особенно к его методологии. Научную и философскую мысль активизировала реальная необходимость выхода за пределы европоцентристского мировосприятия, обращения к новым моделям многополюсной глобальной истории человечества и его культуры. В мировом сообществе в первой половине XX в. была наиболее влиятельной модель субъективистского преодоления возникших исследовательских трудностей: переход от европоцентристской к глобальной исторической науке представлялся возможным путем небывалой интенсификации личных познавательных возможностей практикующего исследователя. В рамках данной парадигмы он, отринув традиционные формализованные («позитивистские») критерии исследовательской методики, осуществляет прорыв к новой проблематике, восполняя неизбежные при существовавшем состоянии науки в целом пробелы в информации о реальностях многополюсного мира интуитивным, почти иррациональным импульсом, своей способностью к сопереживанию, симпатии к миру прошлого. Он осуществляет подбор не столько источников, сколько «оснований», а затем осуществляет индивидуальный синтез рассмотренных очевидностей, переживая опыт прошлого в своем сознании историка. Теоретически именно эта модель отрефлексирована Р. Дж. Коллингвудом²⁷⁰ и реализована А. Тойнби²⁷¹. Индивидуальные исключительные

²⁶⁹ Афанасьев Ю. Н. Как Россия заново обрести свою историю // Россия. XX век. М., 1995. С. 28–29.

²⁷⁰ Коллингвуд Р. Дж. Указ. соч.

²⁷¹ Тойнби А. Указ. соч.

возможности образования, личного опыта и интуиции историка играют в данной модели решающую роль. Напротив, профессионально доступные общенаучные методы работы с эмпирикой источников отодвигаются за пределы собственно научного творчества, на его подготовительную ступень. Poleмика сторонника субъективистской модели познания А. И. Марру с историками-традиционалистами выразила их неспособность вывести обсуждение проблемы на новый эпистемологический уровень. В изменении традиционалистской («позитивистской») ментальности практиков-гуманитариев видели свою важную цель основатели школы «Анналов». Вопрос о притоке новых данных рассматривался преимущественно в пределах интеграции исторической науки с другими гуманитарными и естественнонаучными областями знания. На этой концептуальной основе историческая наука надолго отодвинула за пределы актуальности вопросы совершенствования профессионального, прежде всего источниковедческого, мастерства, выведя весь комплекс соответствующих проблем на уровень служебных вспомогательных дисциплин и даже технических услуг. Соответственные изменения претерпела образовательная модель гуманитарного образования. Фундаментальные для гуманитаристики проблемы формирования информационных систем, типов документирования гуманитарной информации, ее структурных особенностей и интерпретации перестали рассматриваться эпистемологически. Во второй половине XX в. стали вполне очевидны процессы глобализации экономических, политических, информационных взаимодействий, стала осознаваться под влиянием самой реальности социокультурных процессов необходимость их междисциплинарного и прежде всего философского осмысления. Но это осознание происходило в столкновении с той образовательной моделью, которая не давала специалистам необходимых фундаментальных постулатов для интеграции, к которой они стремились.

Рассматривая теории феноменологии А. С. Лаппо-Данилевского, мы уже отмечали такие его идеи, как единство и системность объекта гуманитарных и естественных наук, эволюционное и коэволюционное единство человечества,

необходимость системной интерпретации истории и культуры любой страны, народа, социокультурных групп или истории личности. Во второй половине XX в. подобные идеи нашли уже общее признание. Сформировалась новая историческая наука, а потом и более интегральная наука о человеке, чрезвычайно актуализировались идеи глобальной и тотальной (антропологической) истории человечества. Реализовались идеи основателей школы «Анналов» о единых хронологических рамках исторической науки, охватывающей целое человечества от первобытного сознания до символики современных рекламных плакатов и мифологии «масс-медиа». Под влиянием успехов антропологии все стороны человеческого бытия стали предметом изучения и интерпретации. Наука о человеке как наука о глобальном человечестве во всем многообразии его социокультурной типологии предстала перед научным сообществом как огромное неисследованное пространство. Вполне очевидна необходимость сравнительных подходов, изживается и наивное представление о междисциплинарных взаимодействиях как суммировании данных, добытых методами различных и разнопорядковых дисциплин и методик.

Открыв перед современной гуманитаристикой возможность сопоставлений современного и первобытного сознания, антропология привлекла к себе, как известно, огромный интерес как науки, так и массового общества. Опыт антропологии показывает, однако, что компаративистика вне эпистемологии неэффективна, для компаративных подходов необходимо выявление стабильных универсалий, с помощью которых и становятся явными изменения. Антропология широко использует био- и психокультурные универсалии, общие свойства человека как биопсихического феномена. Для него свойственны постоянные усилия, направленные на достижение его выживания, группового поведения, психики. На этой стабильной основе стали возможны весьма перспективные сравнительные исследования биокультурного и психокультурного характера, начиная от способов питания, оздоровления, спорта, до гендерных исследований и проблем коллективного бессознательного, восприятия

реалий природного мира, которые при фундаментальном единстве исходных позиций возможно вести в любых пространственных и временных пределах. Остается, однако, вопрос о том, каковы источники информации, в какой мере они репрезентативны, каковы способы их интерпретации. Важно, что рассматриваемая источниковедческая концепция дает свои возможности для компаративных исследований культур. Они основаны на типологии (структуре) источников, и потому в сравнении с лингвистическими и антропологическими компаративистиками выступают как взаимодополняющие.

От универсалий биопсихических (открывающих интересные возможности сопоставления поведенческих реакций человека и животных²⁷²) необходимо обратиться к проблеме универсалий собственно человеческих, действительно выражающих особенность человечества как наделенной сознанием части мирового целого. Обращаясь к наиболее заметным и влиятельным концепциям современной эпистемологической литературы, мы убеждаемся в том, что они развиваются прежде всего в пределах информационно-языковых универсалий. В центре нашего внимания оказываются проблемы обмена информацией (прежде всего в функции управления) и речевого (непосредственного или опосредованного) интеракционального взаимодействия. Господствующая парадигма исходит из представления о том, что речь, способность понимания речи, язык есть определяющее свойство человека. В свою очередь, развитие лингвистики «заключалось в том, чтобы понять и увидеть язык как целое, как систему». Лингвистика перестала быть наукой о языках и стала наукой о языке. Это и дало «блестящие перспективы в вопросах типологии лингвистических структур и универсальных законов»²⁷³. Прямая связь между системным подходом к феномену и возможностями типологии и компаративистики ярко выражена в структурной лингвистике. В современных гу-

²⁷² The Sociobiology of Ritual and Group Identity: A Homology of Animal and Human Behaviour: Concepts of Humans and Behaviour Patterns in the Cultures of the East and the West: Interdisciplinary Approach. М. 1998.

²⁷³ Якобсон Р. Язык и бессознательное. М., 1996.

манитарных науках она скорее исключение, подтверждающее общее правило. Общность гуманитарной ситуации состоит в том, что предметом рефлексии становится феномен интеракционного взаимодействия, феномен речевого общения.

Это происходит, поскольку в отличие от традиционных обществ, общество новейшего времени оказалось под мощным воздействием информационных возможностей, которые со своей стороны требуют осмысления. Окружающее современное человека информационное поле пронизано потоками высказываний, вызывающих своеобразный синдром логофобии, т. е. «беспокойство по поводу того, чем является дискурс в своей материальной реальности произнесенной или написанной вещи...»²⁷⁴. Стремление выйти из-под власти этого дискурсивного пространства (информационного поля) определяет направленность гуманитарных философских рефлексий, вызывающих наибольший интерес современного общества. Естественно желание теоретиков-гуманитариев осмыслить новую для человечества ситуацию погруженности в беспорядочную сеть дискурсов информационного общества. Фуко прямо говорит о своем желании: «...не говорю – уничтожить этот страх, но проанализировать его вместе с его условиями, его игрой и его последствиями».

При всем различии и своеобразии творчества философско-филологической классики современного гуманитарного познания, в ней прослеживаются, несомненно, общие подходы, которые важно подчеркнуть в связи с главной темой данной статьи. Исследуется ситуация речевого общения, а следовательно, в центре внимания оказывается семантический аспект, проблема знака и его интерпретации. При этом по существу игнорируется различие знака и объекта.

Мы уже отметили, что приоритетность информационно-речевой проблематики обуславливается тем, что информационная ситуация современного общества отчетливо требует своего анализа. Другая причина связана с выбором методологий гуманитарного анализа. Историческая наука, как мы видели,

²⁷⁴ Фуко М. Порядок дискурса // Фуко М. Воля к истине. М., 1996. С. 78.

оставила (в принципе) все заботы о совершенствовании своей методологии в забвении. Профессиональные историки способны разве что произнести несколько слов о внешней и внутренней критике свидетельств, но эти очевидные истины не сопоставимы со сложностью информационных ситуаций новейшего времени. Напротив, филология и особенно литературоведение не оставили свою методологию без развития. Они настоятельно стремились отойти от лингвистического и литературоведческого формализма. Р. Барт в ключевой работе «От произведения к тексту» подчеркнул необходимость сложных и тонких интерпретаций текста произведения. В принципе гуманитарии не отказались бы от традиционных методик исследования как литературных, так и исторических текстов, но при ближайшем рассмотрении они оказывались малоэффективными. Позитивистские классики убежденно говорили об изучении и автора, и произведения, и необходимости установления достоверности. Но теперь приходится думать о том, что необходимо «анализировать внутреннюю экономику дискурса совершенно иначе, нежели методами традиционной экзегезы или методами лингвистического формализма». В самом деле, рассуждает М. Фуко, что такое автор? Ведь «все дискурсы, наделенные функцией “автор”, содержит эту множественность Эго»²⁷⁵, иначе говоря, разве любой автор равен самому себе? А произведение? Как можно отделить то, что составляет произведение? Фуко приходит к выводу, что теории произведения не существует. «Слово “произведение” и единство, которое оно обозначает, является, вероятно, столь же проблематичным, как и индивидуальность автора». Итак, главную трудность для данного направления гуманитарных методов составляет неопределенность, изменчивость, неустойчивость предмета изучения. П. Рикёр пишет о «конфликте интерпретаций»²⁷⁶, Р. Барт принимает «попытку систематического размышления о некоторых мифах повседневной жизни»²⁷⁷. Эта критика сильна своей негативной стороной, но она не создает системной методоло-

²⁷⁵ Фуко М. Что такое автор? // Там же. С. 15–16.

²⁷⁶ Рикёр П. Конфликт интерпретаций: Очерки о герменевтике. М., 1994.

²⁷⁷ Барт Р. Мифологии. М., 1996.

гии. Особенно ярко подчеркивает сложность современной ситуации гуманитарного познания попытка перенести методы деконструкции художественного, литературного текста на текст исторического нарратива, т. е. на тексты трудов профессиональных историков.

Развитие исторической науки сложилось таким образом, что методология исследования формировалась (под влиянием борьбы с позитивизмом), главным образом, по линии раскрытия системообразующей роли познающего субъекта в процессе изучения прошлого. В результате сложилась трактовка источниковедческой методологии (большинством гуманитариев) как области прикладных и вспомогательных, предварительных и подготовительных методик, что, в свою очередь, затормозило развитие исторического профессионализма и подорвало статус самой исторической науки.

Антипозитивистская парадигма исторической методологии в своем стремлении преодолеть отношение к документу, тексту как к эмпирической данности, переносила акцент на деятельность познающего субъекта, оставляя в стороне источники познания. Понятия документа, источника при данном подходе утрачивают свою самостоятельность, материальный образ, конкретность. Приемы получения из них информации оказываются выведенными на уровень прикладных, подготовительных, не имеющих научного значения аспектов деятельности историка. Центробежные процессы расхождения профессиональных ориентиров историка и архивиста усиливаются, в том числе и со стороны историка (получающего, к тому же, в условиях господства данной парадигмы, соответствующую профессиональную установку). Такой историк совершенно неспособен самостоятельно вычислить, где и по какой причине могут находиться необходимые для его исследования источники информации. В свою очередь, недостаточная фундированность источниковедческой основы вызывает в обществе вполне обоснованные сомнения в научности и воспроизводимости результатов исторического исследования. Такова современная ситуация, неуклонно актуализирующая проблематику методологии ис-

точниковедческого подхода.

Ситуация в гуманитарных науках определяет необходимость выхода за пределы профессиональной обособленности и рассмотрения всего объема общих методологических проблем на эпистемологическом уровне. Важно подчеркнуть, что источниковедческая концепция гуманитарного знания антропологически ориентирована еще со времени ее становления (А. С. Лаппо-Данилевский, В. И. Вернадский). Источник определяется как продукт целенаправленной человеческой деятельности. Человека отличает качественно именно его способность творить, создавать изделия, произведения, которые, будучи фиксированы в материальном образе, не исчезают, объединяя человечество в единое культурное целое. Наиболее информативную часть источниковедческой основы составляет мировое документальное наследие – как целостный структурированный материальный объект и предмет профессионального внимания архивистов.

Человечество идентифицирует себя в мире двояким образом: оно получает информацию в процессе наблюдения реальности настоящего, в процессе вербального и невербального общения, интеракционного взаимодействия; кроме того, оно, в отличие от других живых существ, создает фиксированные в материальном образе фрагменты реальности: вещи, документы в широком смысле, печатные воспроизведения. Настоящее как текущую реальность можно наблюдать, но, строго говоря, нельзя изучать (не имея повторного воспроизведения). Фиксированную, остановленную реальность, напротив, вполне можно изучать. В рамках данного различения мы можем интерпретировать понятие прошлого. Прошлого наблюдать невозможно по определению, но фрагменты фиксированной реальности можно изучать. И для антрополога, и для историка понятие фиксированной реальности имеет принципиальное значение. Фиксирование реальности (создание исторического источника) создает объективную возможность научного познания тех сторон человеческой деятельности, которые по условиям места и времени недоступны для непосредственного

наблюдения исследователя. Фиксированная реальность есть результат человеческой деятельности, и она может быть запечатлена различным образом. Однако документальное наследие отражает реальность в принципе более оперативно и более осознанно (в виде текста). Мировое документальное наследие составляет поэтому ядро, существенно значимую часть объектов гуманитарного познания.

Отношение типа «субъект – объект», какую бы из двух составляющих компонентов ни поставить на первое место, не охватывает целиком того познавательного пространства, которое характерно для гуманитарного познания. Необходимо его рассмотрение с позиций феноменологии, когда рассматривается ситуация взаимодействия самодостаточных величин, и в центре внимания оказывается сама логика процесса познания – движение познающего субъекта от предметной эмпирики наблюдаемого им объекта к пониманию сущностной природы стоящей за ним реальности. Познавательный импульс при этом должен исходить не столько от мировоззренческих установок и концепций исследователя, но «от вещей и проблем». Сам процесс движения мысли от эмпирики объекта к научным абстракциям выступает в качестве общего принципа научного знания вообще, но в гуманитарном познании имеет и свою специфику. Этот процесс движения от эмпирики объекта (произведения, исторического источника) к воссозданию исторической реальности прошлого проанализировал и представил в виде логической системы – методологии истории – А. С. Лапшов-Данилевский. Данный подход позволяет рассматривать процесс гуманитарного познания (познания внутреннего мира «другого человека» в дильтеевском смысле) как процесс логического исследования, а не интуитивного постижения. В рамках данной методологии принципиальное значение имеет принцип «признания чужой одушевленности», т. е. признание «другого» не просто как иного (так называемая «инаковость»), но прежде всего как равновеликого и самодостаточного индивида, а следовательно, носителя социальной информации. Человек лучше всего выражен в своем сознательно целенаправленном творче-

стве. Он создает произведения, служащие, в свою очередь, основным источником гуманитарного познания. Следовательно, в центре внимания оказывается не отношение «субъект – объект», но триада «человек – произведение – человек». Этим и объясняется то значение, которое данная феноменологическая парадигма придает понятию произведения, исторического источника, в частности и документа. Развивая данную философскую идею, В. И. Вернадский говорит о преобразовании земли, мира под влиянием целенаправленной осознанной деятельности человечества. Познавательная ценность данного подхода становится в настоящее время вполне очевидной в свете развития ряда междисциплинарных направлений гуманитарного познания – исторической антропологии, этнологии, наук о языке, семиологии, социологии, исторической географии. Формируется исследовательская проблематика, охватывающая «всего» «тотального» человека. Социологически ориентированная мысль взаимодействует с философской антропологией, стремясь «в постоянном диалоге с историей и философией изучать общество как часть человеческого мира, как созданное людьми, ими населяемое, и, в свою очередь, создающее людей в непрестанном историческом процессе»²⁷⁸.

В последнее время прослеживаются изменения в отношении к проблемам эпистемологии в среде профессиональных историков. Новое для многих из них понимание проблемы самодостаточности исторического источника не только как средства получения информации о «фактах», но как реального объекта с доступными для исследования параметрами, начинает изменять менталитет историков, которые в своем антипозитивистском демарше утратили позиции, уступив поле фундаментальной гуманитарной проблематики другим мыслителям. На гранях литературоведения, лингвистики, семиотики изучаются проблемы письма как знаковой системы, отношения между субъектом письма и языком, проблемы интерпретации текста в широком смысле. Действительным стимулом для актуализации

²⁷⁸ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М., 1995. С. 302.

проблематики исторического метода стали весьма дискуссионные, неоднозначно оцениваемые опыты применения деконструктивистских подходов к произведениям самих историков, историческому нарративу.

Лингвистически ориентированные методологи обратили преимущественное внимание на текст исторического произведения – «исторический нарратив», предприняв опыт анализа научного языка историков и его идеологических и иных стереотипов, «мифологий», нуждающихся в деконструкции текста. От лингвистического подхода к историческому нарративу они обратились и к более общим проблемам теории исторического познания. Однако исходные позиции лингвистически-семиотического подхода оказывают определяющее влияние при попытках дать на его основе более общие ответы на вопрос о возможностях истории как науки. Возникает впечатление утраты качеств научности гуманитарного знания. В условиях разнообразных междисциплинарных взаимодействий мера неопределенности понятийного аппарата, терминологии, научно-языка не уменьшается, но возрастает.

В данной ситуации системообразующее значение имеет точное определение той роли, которую имеет мировое историческое наследие в науках о человеке, в научном познании мира вообще, и в том, следовательно, каким может и должен быть отвечающий реальности статус профессиональной деятельности людей, занятых не просто сохранением, но системным осмыслением этого феномена, а именно материально фиксированного образа эволюционного и коэксистенциального единства человечества.

Единство социокультурной общности, страны, этноса, обусловленность каждого элемента системы есть неотъемлемая часть живой культуры и условие ее функционирования. Задача гуманитария состоит в том, чтобы не пропустить, выявить эти функциональные связи. Источники как раз и представляют собой реальное воплощение, проекцию изучаемой культуры в пространстве и времени, они несут информацию о целом, о функционировании системы, социокультурной общности.

Проблемы компаративистики не могут быть решены на эмпирическом уровне, в рамках отдельных областей знания. Науки о человеке располагают объектом, отвечающим условиям научности познания. Этот объект доступен для изучения, стабилен и суверенен (т. е. отделен от познающего субъекта). Он представляет собой целостную совокупность произведений, созданных в процессе целенаправленной человеческой деятельности и служащих источниками гуманитарного познания (в традиционной терминологии – историческими источниками). Эти произведения (изделия, «вещи») являются источниками всех видов, типов, форм фиксации, они воплощены в материальной форме, имеют отвечающую цели их создания структуру и выступают в процессе своего функционирования в качестве реального воплощения организующих связей в обществе, государстве и социокультурной общности. Позитивной современной тенденцией является то, что в обществе возникает определенный поворот к осознанию этих фундаментальных принципов.

Одной из новых тенденций в развитии гуманитарных наук становится обращение к источниковедческим аспектам, которые отражают, в частности, данные о научной активности последних лет по дисциплинам гуманитарного цикла. Аналитики зафиксировали обращение к комплексному изучению источников не только в исторической науке, но также в филологии, включая языкознание и литературоведение, в искусствознании, философии, а также расширение источниковедческой базы социальных наук. Данный объективный процесс воплощает ориентацию массового сознания на достоверность знаний о человеке и обществе²⁷⁹.

В то же время в рамках теоретической источниковедческой концепции выявляются перспективные возможности применения компаративного метода (в частности, на основе структурных свойств видов источников)²⁸⁰, в изучении пространственных

²⁷⁹ Семенов Е. В. Смысл происходящего с гуманитарными и социальными науками в современной России // Вопросы истории естествознания и техники. 1997. № 2.

²⁸⁰ Источниковедение и компаративный метод в гуманитарном знании. М., 1996.

параметров человеческой деятельности²⁸¹. На конкретном материале реализуется интегрирующая роль источниковедческого подхода в междисциплинарных и компаративных комплексных исследованиях²⁸². Эта ситуация актуализирует постановку вопроса о новом познавательном пространстве взаимодействия истории и антропологии, укорененных на общей для всех гуманитарных наук источниковедческой основе.

В гуманитарных науках реализуется ряд исследовательских взаимодействий, как то: взаимопересекающиеся направления культурной антропологии, социальной антропологии, этнологические и социологические аспекты и др. В целом происходит переориентация на более широкий круг исторических исследований, которые опираются на изучение прошлого, больших исторических длительностей. Однако движение наук о человеке к исторической своей основе, к их интеграции хотя и необходимо, но недостаточно. Как уже отмечалось, в XX в. сформировалась и особая самодостаточная область гуманитарных исследований, которая рассматривает в качестве своего предмета источниковую основу целенаправленной человеческой деятельности. Поэтому необходим синтез трех направлений: антропологии, исторической науки и методологии источниковедения. Взаимодействие данных исследовательских направлений создает единое пространство теоретико-познавательных и образовательных социальных практик, подчиненных общей цели – достигнуто достоверного (и даже точного) гуманитарного знания.

Разобобщение наук о природе и наук о культуре, антропологии и исторической науки, наметившееся в начале XX в. и обусловившее раздельное изучение биологического, социального, психологического аспектов в природе человека, сменилось, наконец, тенденцией к междисциплинарному взаимодействию, интеграции наук о человеке. В рамках темы очерчивается единое эпистемологическое пространство дискуссии о путях

²⁸¹ Исторический источник: Человек и пространство. М., 1997.

²⁸² Историческая антропология: Место в системе социальных наук, источники и методы интерпретации. М., 1998.

достижения достоверного знания о человеке. Историческая антропология привносит характерное для антропологии представление о глобальном коэксистенциальном единстве человечества, историческая наука охватывает его эволюционное единство, источниковедческая парадигма гуманитарного знания выражает главное в человеке – его способность к творчеству, созданию произведений, а их исследование открывает путь к достоверному знанию о человеке, к пониманию «другого». Значение методологии гуманитарного познания А. С. Лаппо-Данилевского мы видим в том, что именно она рассматривает общую проблему объективированного в материальной форме продукта человеческой деятельности (сознательной, целенаправленной) как самодостаточную и фундаментальную и предлагает целостную философскую концепцию методологии исследования этой проблемы. Она дает метод, который обусловлен единством общего объекта гуманитарных наук. Фрагмент реальности («остаток культуры») воссоздается (методология источниковедения) в качестве явления культуры; на следующем, более высоком уровне (методология исторического построения) явление культуры становится тем источником, на основании которого можно выстроить данную культурную целостность. Этот метод Лаппо-Данилевский обосновал теоретически («Методология истории»), а затем показал и его применение на материале русских частных актов («Очерк русской дипломатики частных актов»): выявив произведения-источники и рассмотрев их как явления культуры конкретного времени, возможно затем вывести логические достоверные заключения о самой культурной ситуации, в которой подобные явления культуры были возможны и создавались реально. Прежде всего – это представление о культурном пространстве эпохи и творческом потенциале, уровне индивидуального и коллективного сознания группы, о сознании общества и индивидов, человечества в целом.

И, наконец, еще одно замечание о познавательном потенциале данного антропологически ориентированного метода: будучи ориентирован на изучение источников (в которых лич-

ность объективирует в материальной форме свой творческий потенциал), данный метод приближает нас к пониманию фундаментальной идеи человека: он выражает себя в культуре не тем, что он говорит, но тем, что он реально и творчески создает. В этом ярко выражается профессиональное, философски отрефлексированное значение данной феноменологии культуры.

Таким образом, если кратко определить системообразующий момент антропологически ориентированной парадигмы, в рамках которой работает школа, основанная Лаппо-Данилевским, то следует подчеркнуть момент человеческого творчества, создания интеллектуального продукта, который в обычном профессиональном языке называется историческим источником. В отличие от феномена речевого общения семиологической парадигмы (разумеется, отличии относительном, поскольку вернее говорить о взаимодополняемости двух парадигм), источниковедческая парадигма схватывает человека в момент его наивысшего творческого подъема – в период создания произведения. «Признание чужой одушевленности» закладывает в свою основу именно данный подход к человеку и его познанию.

Это было главным, что понял сразу молодой Н. Д. Кондратьев, один из наиболее ярких представителей данной школы первого поколения, как только приступил к рефлексии над «Методологией истории» Лаппо-Данилевского (1915 г.). Будущий классик философии экономики написал тогда: «Раз он (исторический источник. – *О. М.*) – реализованный продукт человеческой психики, то, значит, он результат творчества (в широком смысле). Значит, он и есть некоторое телеологическое единство, единство реализовавшегося в нем сознания творца»²⁸³. Точнее сказать невозможно. Важно лишь, чтобы знаменитые «циклы Кондратьева», прообраз моделей исследования длящихся реальностей человеческой истории как части мирового целого, и другие прозрения методологов данной парадигмы интерпретировались более полно в связи с феноменологической концепцией человечества как части мирового целого, о которой идет

²⁸³ Кондратьев Н. Д. Указ. соч. С. 115.

речь. В рамках данного подхода решаемы трудные вопросы современной гуманитаристики, применительно к цели создания вполне определимы и понятия автора, и понятия произведения, и, что самое главное, проблема достоверности и определения качества личности в рамках данной методологии и «здорового смысла» массового сознания полностью совпадает. Наука и человеческий опыт взаимодополняемы.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ 20-Х – НАЧАЛА 30-Х ГОДОВ²⁸⁴

Для изучения развития теории источниковедения в советской историографии важное значение имеют исследования по истории исторической науки в целом и по отдельным ее отраслям, особенно близким к источниковедческой проблематике²⁸⁵.

²⁸⁴ Публикуется по изданию: *Медушевская О. М.* Теоретические проблемы источниковедения в советской историографии 20-х – начала 30-х годов // *Источниковедение: теоретические и методические проблемы.* – М.: Наука, 1969. С. 171–194.

²⁸⁵ Данная статья, опубликована в 1969 г., но написана значительно ранее, – в середине 1960-х гг. (что видно по датировке сносок). Это объяснялось длительностью «согласования» всего издания с бюрократическими инстанциями. Статья ставит своей задачей проанализировать значительный комплекс работ по методологии истории и источниковедению, изданных в 1920 – начале 30-х гг. В этот период в советской историографии еще возможны были теоретические дискуссии по методологии истории, хотя и в рамках, ограниченных марксистской методологией. Точнее будет сказать, что сама эта методология еще не окончательно конституировалась в догму, какой она стала в советской историографии, начиная с середины 30-х гг. XX в. Обращение к истокам формирования советской историографии в начале 1960-х гг. было связано с начавшимся пересмотром сталинских стереотипов в области исторической науки. Оно позволяло вернуть в историографию темы, труды и имена, вычеркнутые из нее в предшествующий период. Появлялась возможность восстановить утраченные позиции источниковедения и вообще научных методов источниковедческой критики. Особенно важным представлялось продемонстрировать преемственность развития научной мысли дореволюционного и советского периодов, прежде всего показать известную преемственность обсуждения теоретических проблем источниковедения. Понятно, что в период «Оттепели» рамки дискуссии сохраняли идеологические ограничения – неизменность требования соответствия теоретических установок ленинизму, с обязательным условием подтверждения этого соответствия в трудах по методологии истории и историографии. Данная статья отразила эти тенденции исторической мысли – ее логика, содержание и аргументация определяются стремлением к обновлению методологических подходов и поиском новых путей обоснования источниковедения как научной дисциплины. В последующий период ужесточения идеологического контроля (в конце 60 – начале 70-х гг. XX в.) этот подход вновь стал рассматриваться официальной историографией почти как ересь. Таким образом, статья отражает методологические дискуссии переломного периода советской историографии, показывая столкновение разных установок в отношении теоретических проблем источниковедения. – *Прим ред.*

В ряде работ советских историков рассматриваются существенные аспекты истории исторической науки в первый период ее развития²⁸⁶ и деятельность выдающихся историков этого времени²⁸⁷. Характеристику советских источниковедческих работ 20-х – начала 30-х годов с точки зрения освещения в них теоретических вопросов источниковедения содержат статьи В. П. Данилова и С. И. Якубовской «Источниковедение и изучение истории советского общества»²⁸⁸ и С. И. Якубовской «Некоторые итоги развития теории источниковедения в советский период»²⁸⁹.

Обращение к опыту историографии 20-х – начала 30-х годов при исследовании проблем теоретического источниковедения, классификации источников, достоверности, научной терминологии становится все более систематическим²⁹⁰. Все яс-

²⁸⁶ М. В. Нечкина, Ю. А. Поляков, А. В. Черетин. О пройденном пути. – «Советская историческая наука от XX к XXII съезду КПСС. История СССР». Сборник статей. М., 1962; М. В. Нечкина. История истории (Некоторые методологические вопросы истории исторической науки). – «История и историки. Историография истории СССР». Сборник статей. М., 1965; «Очерки истории исторической науки в СССР», т. IV. М., 1966; Е. Н. Городецкой. Вопросы методологии исторического исследования в послеоктябрьских трудах В. И. Ленина. – «Вопросы истории», 1963, № 6; А. В. Данилова. Становление марксистского направления в советской историографии эпохи феодализма. – «Исторические записки», т. 76; К. Н. Тарновский. Советская историография российского империализма. М., 1964; *Он же*. Проблемы аграрной истории России периода империализма в советской историографии (1917 – начало 1930-х годов). – «Исторические записки», т. 78.

²⁸⁷ Е. А. Луцкий. Развитие исторической концепции М. Н. Покровского. – «История и историки». М., 1965; В. П. Чесноков. Борьба В. И. Невского за марксизм. – «Вопросы философии», 1965, № 9; С. О. Шмидт. О методике выявления и изучения материалов по истории советской исторической науки. – «Труды МГИАИ», т. 22. М., 1965; См. также: «История и историки. Историография всеобщей истории». Сборник статей. М., 1966 и др. Источниковедческие приемы М. Н. Покровского в его работах 1917–1923 гг. рассматриваются В. В. Кабановым («Труды МГИАИ», т. 16. М., 1961).

²⁸⁸ «Вопросы истории», 1961, № 5.

²⁸⁹ «Историография социалистического и коммунистического строительства в СССР». М., 1962.

²⁹⁰ С. М. Каиштанов, А. А. Курносов. Некоторые вопросы теории источниковедения. – «Исторический архив», 1962, № 4; М. К. Макаров. О принципах классификации письменных источников (Историография вопроса). – «Труды МГИАИ», т. 16, М., 1961; *Он же*. К вопросу о терминологии в источниковедении.

нее вырисовывается значение периода 20-х – начала 30-х годов для развития советского источниковедения, и в связи с этим возникает необходимость более специального его изучения.

В задачу статьи входит исследование советской историографии рассматриваемого периода с точки зрения отражения в ней теоретических проблем источниковедения. При этом автор исходил из понимания источниковедения в целом как методологии и методики добывания достоверных исторических фактов²⁹¹.

Некоторые принципиальные источниковедческие положения нашли свое выражение уже в 1921 г. на страницах журнала «Пролетарская революция». Вступительной статьей «От Испарта», в которой определялось направление этого первого историко-революционного журнала, открывал это издание М. Н. Покровский²⁹².

Тем более важно, что именно он считал необходимым сказать, предвеляя практическую деятельность журнала. Можно согласиться с высказанным уже мнением советских историков,

ведении истории СССР. – «Труды МГИАИ», т. 17, М., 1963; *Л. Н. Пушкарев*. Вопросы классификации источников в русской исторической науке XIX–XX вв. – «История СССР», 1963, № 5; *Он же*. Классификация источников в советском источниковедении (1917–1964). – «Вопросы архивоведения», 1965, № 1; *М. П. Губенко, Б. Г. Литвак*. Конкретное источниковедение истории советского общества. – «Вопросы истории», 1965, № 1; *С. М. Кашистанов, А. А. Литвин*. К проблеме достоверности источников. – «Из истории Татарии. Краеведческий сборник». Казань, 1965; *О. М. Медушевская*. Развитие теории советского источниковедения. – «Труды МГИАИ» т. 24. М., 1966.

²⁹¹ Проблематика теоретического источниковедения смыкается с рядом сопутствующих теоретико-методологических, методических и практических вопросов. Это обусловило необходимость экскурсов в смежные области исторического знания. Дело осложнялось также и тем, что сам термин «источниковедение» понимался в рассматриваемое время и позднее не всегда однозначно. См. об этом, например, *А. П. Гукковский*. О некоторых терминах вспомогательных исторических дисциплин. – «Вопросы истории», 1965, № 10. О применении термина «археография» см.: *С. Н. Валк*. Судьбы «археографии». – «Археографический ежегодник за 1961 год». М., 1962, стр. 460–465; *А. П. Гукковский*. Спорные вопросы советской археографии. – «Вопросы истории», 1966, № 5.

²⁹² И. А. Малахова. М. Н. Покровский – автор статьи «От Испарта», – «История СССР», 1964, № 5, стр. 225.

что положения статьи Покровского носили программный, принципиальный характер²⁹³.

На первый план выдвигались положения о значении исторических источников, без которых невозможна исследовательская работа; о принципиальной важности обеспечения историко-революционных исследований возможно более полной источниковедческой базой. Раскрывая применительно к профилю журнала этот тезис, Покровский говорил, что для изучения революционной борьбы источниками должны служить «все без исключения материалы»: документы РКП (б), «документы других партий, поскольку в них отразилось рабочее движение», а также «все без исключения документы, созданные в борьбе с революционным движением». Отмечалось значение мемуаров как важного историко-революционного источника, в ряде случаев позволяющего избежать модернизации или произвольного толкования документальных источников и отражающего «тот психологический фон и ту связь, без которой имеющиеся в наших руках отдельные документы могут оказаться непонятыми или понятыми неправильно»²⁹⁴. Сложнейшая проблема интерпретации, т. е. выяснения смысла и значения, которое вкладывал в содержание источника его автор, не была, разумеется, исчерпана приведенным соображением. Но сама постановка этого вопроса в руководящей статье Истпарта, фиксировавшая внимание исследователя на необходимости бережного толкования историко-революционного документа, имела, несомненно, принципиальное значение.

Процесс утверждения в источниковедении марксистской теории не может быть понят вне связи с той острой идейной борьбой, которая развернулась в начале 20-х годов.

Идеологическое размежевание с буржуазной методологией истории было необходимым этапом становления советской исторической науки. С рядом статей, вскрывающих суть кризиса буржуазного историзма, выступают М. Н. Покровский,

²⁹³ М. П. Губенко, Б. Г. Литвак. Указ. статья, стр. 3.

²⁹⁴ «Пролетарская революция», 1921, № 1, стр. 7–9; см. также: О. М. Медушевская. Указ. статья, стр. 3–4.

В. И. Невский, В. В. Адоратский, В. А. Быстрянский, Н. М. Лукин и другие историки и философы²⁹⁵. Появление этих статей находилось в непосредственной связи с опубликованием в марте 1922 г. работы В. И. Ленина «О значении воинствующего материализма»²⁹⁶.

Задаче идеологического размежевания с буржуазной методологией истории были подчинены и выступления Покровского и Невского по поводу переиздания «Методологии истории» А. С. Лаппо-Данилевского (1923 г.). Имея в виду первую часть этой книги, оба автора указывали на антимарксистскую ее направленность, антиисторичность автора в подходе к явлениям историко-философской мысли²⁹⁷. Критикуя Лаппо-Данилевского за отрыв явлений общественной жизни и историографии от общественных условий, которыми они вызваны, Покровский выдвигает требование подходить к историческому произведению как к продукту классовой борьбы. Развивая свою мысль далее, он пишет, что «не только сами эти книжки являются продуктом классовой борьбы, но и те материалы, на которых эти книжки основаны, тоже являются продуктом классовой борьбы»²⁹⁸. Анализ взглядов Покровского по вопросам источниковедения представляет не только чисто историографический, но и теоретический интерес. В. П. Данилов и С. И. Якубовская, отмечая в целом положительную роль Покровского в развитии советского источниковедения, расценили

²⁹⁵ См., например, статьи *М. Н. Покровского*, *В. И. Невского* («Под знаменем марксизма», 1922, № 3, 4; 1923, № 4–5; «Печать и революция», 1923, кн. 7), *В. В. Адоратского* («Печать и революция», 1922, кн. 6); *В. А. Быстрянского* («Книга и революция», 1922, № 7) и др.

²⁹⁶ «Очерки истории исторической науки в СССР», т. IV. М., 1966, стр. 140–144.

²⁹⁷ Надо заметить, что предметом специального марксистского анализа методология источниковедения Лаппо-Данилевского в те годы не стала. Ни Покровский, ни Невский не ставили перед собой задачи оценки книги в собственно источниковедческом плане, выяснения того вклада, который внес Лаппо-Данилевский в источниковедение.

²⁹⁸ *М. Н. Покровский*. Борьба классов и русская историческая литература. — «Историческая наука и борьба классов (Историографические очерки, критические статьи и заметки)», вып. 1. М.—Л., 1933, стр. 11–13.

приведенное выше суждение как «до крайности узкое и потому ошибочное определение источника как простого продукта классовой борьбы, как “кривого зеркала истории”»²⁹⁹. В другой работе Якубовская также отмечала, что определение исторического источника как продукта классовой борьбы не может быть целиком принято, так как является узким (применимо лишь к классово-антагонистическим формациям) и односторонним (поскольку «источники не только отражают классовую борьбу, но и содержат конкретные исторические сведения») ³⁰⁰.

По нашему мнению, к сказанному Покровским нельзя относиться как к определению понятия «исторический источник», поскольку из контекста ясно, что автор в данный момент перед собой такой задачи не ставил. Несомненно, что в том виде, в каком его мысль оказалась зафиксированной в записи устного выступления, она таит в себе опасность упрощенного подхода к проблеме. Элементы вульгаризации ощущаются и в других местах того же выступления Покровского, особенно когда он по существу сводит содержание исторического произведения к одной лишь идеологии, сбрасывая со счетов процесс накопления конкретных знаний, обеспечивающий прогресс в историографии. Хотя данное суждение Покровского об источнике действительно неполно, и следовательно, в качестве определения неприемлемо, в то же время необходимо, на наш взгляд, подчеркнуть и то рациональное, что в этом суждении содержится. Формула Покровского возникла в связи с критикой вневременного, абстрактного подхода к источнику буржуазной историографии. В этой связи и появился тезис об источнике как продукте классовой борьбы; в нем, несомненно, присутствует мысль о подходе к источнику как к явлению, возникающему в процессе столкновения противоречий общественного развития. А это — шаг вперед в понимании природы исторического источника. Иное дело, что понимание источника как исторического явления в действительности требует гораздо более сложного и тонкого анализа — мера понимания методологических проблем на каждом конкретном этапе исторически ограничена.

²⁹⁹ В. П. Данилов, С. П. Якубовская. Указ, статья, стр. 19.

³⁰⁰ С. П. Якубовская. Указ, статья, стр. 192–193.

Как известно, в период становления советской исторической науки делалось многое в области практического, конкретного источниковедения. Выявление, организация, публикация и оценка значения исторических источников занимали все время и силы немногочисленных кадров историков-марксистов, работавших в области источниковедения. Теоретическое обобщение этого опыта могло представляться делом более или менее отдаленного будущего. И, однако, теорию источниковедения оказалось практически необходимым создавать немедленно. Это диктовалось потребностью подготовки кадров историков-марксистов, которые владели бы средствами и методами исследования исторических документов. Принципиальные положения складывающейся новой теории источниковедения зачастую формулировались на страницах учебных методических пособий и статей³⁰¹.

Выходит ряд книг, ставивших своей целью, в небольшом объеме и доступной форме охарактеризовать методiku и задачи специальных отраслей исторической науки; показать те методы, при помощи которых историк идет к установлению исторического факта. В создании работ этого рода приняли участие специалисты соответствующих отраслей исторических знаний. Изданные ими книги, в основе которых, как правило, лежали лекционные курсы, оказались ценными и оригинальными работами.

Ряд таких лекций был прочитан в 1918–1919 гг. слушателям Архивных курсов при Петроградском археологическом институте. Они составили содержание известного «Очерка русской

³⁰¹ Высказываясь в поддержку источниковедческих принципов Истпарта, в частности в связи с положением, что «исторически работать можно научиться только на первоисточниках», С. Н. Валк подчеркнул, что педагогическая форма его выражения «имеет за собой методологический принцип» (С. Н. Валк, Об одной классификации историко-революционных документов. – «Историко-революционный сборник», т. 1. М.–Пг., 1924, стр. 242). В этом замечании, сделанном по конкретному поводу, подмечена, на наш взгляд, характерная особенность формы выражения теоретических принципов источниковедения в историографии тех лет.

дипломатики частных актов» А. С. Лаппо-Данилевского³⁰², а также «Исторического очерка архивного дела в России» И. А. Маяковского³⁰³. Опубликованы были также и другие лекции, читанные на этих курсах, а также речь А. Е. Преснякова, произнесенная при открытии курсов, — «Исторические источники и подлинные документы в научной работе»³⁰⁴. Крупнейшим специалистом в области латинской палеографии О. А. Добиаш-Рождественской, обучавшейся этому сложному искусству в семинаре Ш. Ланглау в Сорбонне, был написан учебник по латинской палеографии³⁰⁵.

Литература по специальным историческим дисциплинам привлекала внимание, систематически рецензировалась, быстро находила своего читателя и переиздавалась. Так, книга А. М. Большакова «Вспомогательные исторические дисциплины» (Пг., 1923 г.), не избежавшая небезосновательного упрека в компилятивности, за короткое время была переиздана трижды, что свидетельствовало о потребности в подобных изданиях³⁰⁶. При всей ограниченности объема критико-библиографических разделов тогдашних журналов в них отводилось место вопросам специальных исторических дисциплин.

В 1922 г. было опубликовано «Введение в русскую историю» В. И. Пичеты. Книга была задумана как пособие по конкретно-

³⁰² А. С. Лаппо-Данилевский. Очерк русской дипломатики частных актов. Лекции, читанные слушателям «Архивных курсов» при Петроградском археологическом институте в 1918 г. Пг., 1920.

³⁰³ И. А. Маяковский. Исторический очерк архивного дела в России. Лекции, читанные слушателям «Архивных курсов» при Петроградском археологическом институте в 1918 г. Пг., 1920.

³⁰⁴ Опубликовано в кн.: «История архивного дела в классической древности в Западной Европе и на мусульманском Востоке. Лекции, читанные слушателям «Архивных курсов» при Петроградском археологическом институте в 1918 г.» Пг., 1920.

³⁰⁵ О. А. Добиаш-Рождественская. История письма в средние века. Руководство к изучению латинской палеографии. Пг., 1923; см. также: А. Д. Люблинская. О. А. Добиаш-Рождественская как историк. — «Средние века», вып. 1. М.—Л., 1942.

³⁰⁶ См. рецензию А. А. Сергеева («Печать и революция», 1923, кн. 6) и А. П. Малетина («Книга и революция», 1923, № 3).

му источниковедению и историографии русской истории. Легко понять, какой отбор материала должен был осуществить автор. Поэтому с особым интересом воспринимаются те общие источниковедческие требования, без которых, как указывал В. И. Пичета, нельзя приступить к занятиям историей. В определении понятия «исторический источник» автор прост и лаконичен. К числу источников он относит «все те материалы, которые остались от прошлой жизни и в которых отражается какой-либо след старины»³⁰⁷. Слово «все» в этом определении могло бы показаться случайным, но последующее разъяснение раскрывает тот методологический смысл, который лежит в его основе. «При исследовании не должно игнорировать какие-либо источники, – подчеркивает автор, – напротив, необходимо привлекать полностью все источники, находящиеся в распоряжении историка»³⁰⁸. Принцип исчерпывающей полноты источниковедческой базы (в исторически ограниченных рамках возможностей историка) выражен достаточно определенно.

Формулируя понятие о внешней и внутренней критике, Пикета указывает на важность выяснения вопросов происхождения источников, обстановки появления и особенно авторства. Отмечается необходимость изучить биографию автора, «разобраться детально в условиях его жизни, выяснить его социально-экономическую принадлежность и политическую идеологию»³⁰⁹. Без выяснения этих вопросов, как указывается в пособии, не может быть решена основная проблема достоверности и оценки исторического источника. Обзор источников дан автором по территориальному признаку, а затем – по видам, но без обоснования видового принципа деления.

Книга Пикеты получила в целом положительную оценку в печати. При этом в рецензии Невского было обращено внимание на необходимость усвоения основ источниковедческих знаний, «без которых нельзя приступить к занятиям по истории»³¹⁰.

³⁰⁷ В. И. Пичета. Введение в русскую историю (Источники и историография). М., 1922, стр. 5.

³⁰⁸ Там же, стр. 6.

³⁰⁹ Там же.

³¹⁰ «Печать и революция», 1923, кн. 7, стр. 183.

Учебные пособия по источниковедению и вспомогательным историческим дисциплинам были ориентированы, как правило, на источники феодального периода. Поэтому они не могли в должной мере способствовать разрушению державшегося предрассудка, будто историческая критика ограничивает область своего применения документами древности.

Внимание к проблемам исторического метода привлекла помещенная в 1923 г. в журнале «Красная летопись» статья Н. А. Рожкова «К методологии истории революционного движения». Перед исследователями историко-революционной тематики ставилась задача критического усвоения не только запаса исторических знаний, но и приемов и методов исторического исследования, оставшихся в наследие от буржуазных историков. «Мы должны быть не хуже буржуазных историков в той сфере, которая успешно разработана и разрабатывается ими, но мы должны к их достижениям прибавить еще наши методологические приобретения»³¹¹, такова была постановка вопроса в общей форме. Рожков специально останавливался на вопросах исторической критики и интерпретации документов. На примере анализа воспоминаний революционеров он стремился показать, что к новым комплексам историко-революционных документов настоятельно необходимо применять, «выражаясь языком старика Шлецера», высшую и низшую критику с целью установления «точных и верных действительности фактов»³¹², и интерпретировать эти источники, умея проникать «в идеологию и психологию» их авторов³¹³. Рожков приводил примеры, показывающие, к чему ведет игнорирование элементарных требований интерпретации источников. Он не ставил своей задачей освещение теоретических вопросов источниковедения, сосредоточив внимание на вопросах методики исследования и повышения научного уровня исследовательской работы над историко-революционными материалами. В данной связи на статью в «Красной летописи» ссылались работавшие позднее над этими вопросами С. Н. Валк и Н. Н. Авдеев.

³¹¹ «Красная летопись», 1923, № 7, стр. 74.

³¹² «Красная летопись», стр. 71–72.

³¹³ Там же, стр. 71–73.

В 1924 г. на страницах истпартовского издания была опубликована статья С. Н. Валка «Об одной классификации историко-революционных документов»³¹⁴. Он поддержал точку зрения журнала «Пролетарская революция» об изучении первоисточников как неперемennom условии научного исследования, а также высказанную Рожковым мысль об использовании опыта буржуазных специалистов, добавив при этом, что «и у добуржуазных авторов можно кое-чему поучиться, по крайней мере буржуа этим не брезгали»³¹⁵. Поводом к выступлению Валка послужила небольшая заметка И. П. Милютиной, предложившей в качестве первого опыта свою классификацию историко-партийных документов. Она предлагала деление на источники, достоверность которых не вызывает сомнений (к ним причислялись нелегальные издания и мемуары непосредственных участников), и источники, достоверность которых находится под сомнением (например, документы карательных органов). Показав несостоятельность такого подхода к проблеме, Валк отмечал, что достоверность источников не связана прямым образом с их принадлежностью к определенной разновидности и не может служить основанием для классификации. На этом конкретном примере Валк показал острую практическую необходимость разработки теоретических вопросов источниковедения.

В 1924 г. на всесоюзном совещании Истпартов с докладом «О научной обработке источников по истории РКП(б) и Октябрьской революции» выступил известный историк партии Н. Н. Авдеев.

Журнал «Пролетарская революция» опубликовал тезисы его доклада, а затем и полностью весь доклад³¹⁶.

Не случайно именно в это время ощущалась острая потребность в разработке приемов анализа нового комплекса источников, исследование которых составляло первоочередную задачу советской исторической науки: источников историко-партийных и историко-революционных. Возникновение новой

³¹⁴ «Историко-революционный сборник», т. 1.

³¹⁵ Там же, стр. 237, 238.

³¹⁶ «Пролетарская революция», 1924, № 8–9 (тезисы); 1925, № 1, 2 (доклад).

проблематики, введение соответствующих источников в научный оборот и вопрос о методах исследования – постоянное условие развития науки, ставящее каждое поколение историков перед специфическими задачами и трудностями.

Прежде всего перед Н. Н. Авдеевым и его коллегами встал вопрос: в какой мере марксистская историческая наука может воспользоваться методикой буржуазного источниковедения. Мысль о критическом освоении того полезного в области методики, что могла дать предшествующая источниковедческая историография, уже прозвучавшая, как мы видели, в общей форме, нашла в статье Авдеева свою более конкретную реализацию. Авдеев отталкивался от работы известного немецкого источниковеда Э. Бернгейма. В первую очередь внимание советского исследователя привлекала проблема исторической критики, иначе говоря, путей и методов проверки достоверности источников. Авдеев считал, что задачи исторической критики в целом правильно определены немецким буржуазным историком³¹⁷. Он акцентировал внимание на том, что задача проверки достоверности встает и при работе с такими источниками, как историко-партийные и историко-революционные документы, подчеркнув обязательность применения всего аппарата источниковедческой критики «ко всем историческим источникам, каково бы ни было их происхождение»³¹⁸. Это положение конкретизировалось ссылками на историко-партийные мемуары, в которых возможны ошибки памяти и смещение исторической перспективы, в силу чего они требуют проверки фактических данных, сопоставления с другими источниками. Был поднят также вопрос и о задачах интерпретации источников, т. е. их правильного толкования. При решении вопросов критики и интерпретации основное значение Авдеев придавал анализу происхождения и авторства источника, создающему прочный фундамент для выяснения наиболее сложных источниковедческих проблем. «Для правильного толкования (интер-

³¹⁷ Н. Авдеев. О научной обработке источников по истории РКП (б) и Октябрьской революции. – «Пролетарская революция», 1925, № 1, стр. 150.

³¹⁸ Там же, стр. 159.

претации) источников, – писал он, – необходимо принимать во внимание не только особенности языка и характер интересов и взглядов их авторов, но также и круг знаний, уровень образования и классовые интересы той эпохи, к которой принадлежат данные источники, подобно тому, как это делается при суждении об их достоверности»³¹⁹. Важно отметить это привнесение момента классового анализа. Ведь вопросы происхождения и авторства, равно как критики и интерпретации, ставятся и буржуазным источниковедением. Однако при внешнем сходстве, совпадении терминологии и наличии ряда общих моментов в методике обнаруживаются и принципиальные различия, истоки которых восходят к методологии оценки общественных явлений и, в частности, классовому анализу исторических условий, породивших тот или иной источник.

Известно, что бернгеймовское деление источников на «остатки» и «предания» (т. е. на источники, являющиеся сами по себе остатком того факта, который изучается, и источники, передающие косвенные сведения о фактах) приобрело много последователей, а споры относительно применимости его заняли видное место в истории источниковедения. Авдеев не принимает классификации Бернгейма и объясняет, почему именно: «Не надо забывать, что всякий исторический источник есть прежде всего остаток какого-нибудь исторического факта...»³²⁰. Поскольку свойство быть остатком присуще любому источнику, «предания» не могут быть противопоставлены «остаткам».

Не принял Авдеев и вывода, который Бернгейм делает из своей классификации источников: что для остатков достаточно проверки их подлинности «Важно также знать, – говорит он, – нет ли в том или другом источнике, подлинность которого несомненна, показаний, свидетельств о целом ряде других исторических фактов...»³²¹. Если такие исторические «остатки», отмечал он, как, например, белогвардейские документы, документы охраны жандармского отделения, судебной палаты и

³¹⁹ Н. Авдеев. О научной обработке источников по истории РКП(б) и Октябрьской революции. – «Пролетарская революция», 1925, № 2, стр. 215.

³²⁰ Там же, № 1, стр. 158.

³²¹ Там же, стр. 159.

т. п., интересуют нас как источники по истории революционного движения, то тут недостаточно проверки одной лишь подлинности, но необходима строгая проверка достоверности. Заслуга Авдеева состоит также и в том, что он делает одну из первых в советской историографии попыток изучения исследовательского метода В. И. Ленина, рассматривая его как образец марксистского анализа и интерпретации исторических фактов³²².

В первой половине 20-х годов наметились первые контуры некоторых других направлений исследования теоретико-источниковедческих проблем. В связи с этим следует остановиться на статьях С. В. Рождественского и С. Н. Валка, хотя они носят скорее архивно-источниковедческий, а не специально теоретический характер.

В статье Рождественского «Историк – археограф – архивист», открывающей первый номер журнала «Архивное дело», делается попытка проследить зависимость между введением в научный оборот определенных комплексов исторических источников и уровнем развития и потребностями исторической науки. Характеризуя XVIII – первую половину XIX в. как период господства политической истории, истории «героев», Рождественский связывает с этим внимание к памятникам «индивидуального творчества» (летописи, сказания, законодательные памятники). Пробуждение интереса к закономерностям исторического процесса предопределило, по его мнению, изучение тех памятников, которые способны отразить изменения в жизни общества, народа, – к памятникам массового характера, в первую очередь к актам. Изменение характера источников вело в свою очередь, как отмечает автор, к изменению методов их анализа. Рождественский высказал также, хотя и в общей форме, важную мысль о значении видовых особенностей документов, в частности актов, и подчеркнул потребность в создании «дипломатики нового времени»³²³.

В статье «Архивные обзоры» Валк сосредоточил внимание на видовой характеристике источников. Отметив, что «разно-

³²² Там же, № 2, стр. 215–219.

³²³ «Архивное дело», вып. 1. М.–Пг., 1923.

видность материала – момент столь же существенный, как и его содержание»³²⁴, он подчеркнул важность видовой характеристики документов, входивших в состав того или иного фонда. «При той щепетильной изощренности критических приемов, которая составляет теперь уже элементарное требование какой бы то ни было работы, раз только она претендует на научность (в частности, и работы историко-революционной, что еще недостаточно осознано), – писал Валк, – одна лишь тематическая определенность дел и фонда уже не удовлетворит исследователя, ищущего материал. При должном отношении к источнику он будет более ценить одни разновидности источников, чем другие, а третьими и совсем пренебрежет»³²⁵.

Видовой принцип был положен в основу изложения материала в содержательной статье Ю. М. Бочарова «Источники по истории Октябрьской революции и методы их проработки в школе», где был поставлен вопрос о введении элементов источниковедческой методики в школьное преподавание истории. Автор обстоятельно обосновывал важность таких занятий для учащихся средней школы и дал характеристику основных видов источников, которые следовало привлечь для этой цели (мемуары, статистика, законодательные акты, устная традиция в виде рассказов и воспоминаний, газетная и брошюрная литература)³²⁶.

Особое значение для развития советского источниковедения имело издание собрания сочинений В. И. Ленина. Работы В. И. Ленина, являясь методологической основой научного понимания процесса общественного развития, в то же время представляют собой ценнейший исторический источник, глубоко и многогранно отразивший различные аспекты того исторического времени, в которое он возник. В 1926 г. был опубликован Проект правил издания трудов В. И. Ленина, составленный

³²⁴ Там же, стр. 56.

³²⁵ Там же, стр. 55. С. Н. Валк не имел в виду априорный отказ от каких-либо разновидностей источников вообще. Из контекста видно, что речь идет о различной ценности источников применительно к определенной и конкретной тематике.

³²⁶ «Историк-марксист», 1927, т. 5.

С. Н. Валком, в основу которого был положен важнейший методологический принцип марксистско-ленинского источниковедения – принцип исчерпывающей полноты источниковедческой базы. В издание произведений В. И. Ленина предполагалось ввести «все приведенное в известность литературное наследие Вл[адимира] И[льича], как в виде документов литературно-политических, так и имеющих одно лишь биографическое значение (как-то, например, личную переписку)». Должны были быть включены «не только наличные автографы Вл[адимира] И[льича] и восходящие к автографам документы, но также и современные записи устных выступлений Вл[адимира] И[льича]»³²⁷. Новые методологические принципы источниковедения сочетались в Проекте с творческим использованием того рационального, что содержалось в опыте буржуазной археографии, в частности в области критического анализа текста и содержания источника.

Для развития теоретического и практического источниковедения большое значение имело изучение источниковедческих приемов, применяемых в трудах основоположников марксизма-ленинизма. Значительным исследованием такого плана в 20-х годах явилась работа Е. А. Косминского «Об источниках “Положения рабочего класса в Англии”», опубликованная в 1928 г. в качестве вступительной статьи к изданию этой книги Энгельса. К анализу источниковедческой базы этой работы Косминский подходит не сразу. Вначале он исследует становление мировоззрения молодого Энгельса, развитие его взглядов по данному вопросу, характеризует обстановку в Англии к моменту приезда туда автора работы. Затем, проследив, из каких впечатлений, встреч, бесед складывался круг источников-наблюдений, он переходит к детальному рассмотрению письменных источников и литературы, изученных Энгельсом. Косминский дает читателю почувствовать, как мировоззрение Энгельса, его методологические установки в подходе к проблеме, умение ориентироваться в источниках и литературе позволили отобрать

³²⁷ «Проект правил издания трудов В. И. Ленина», составил С. Н. Валк. М.–Л., 1926, стр. 8.

важнейшие источники, увидеть и понять в Англии то, чего не видели и не умели понять другие его современники. Главное в приемах работы Энгельса – «чуткие приемы критики источников и литературы». «Ни одним из своих крупных источников, – подчеркивает Косминский, – он не пользуется, не выяснив его истории, его характера, в первую очередь классового характера, и тем самым степени его достоверности»³²⁸. Автор указывает на критический подход Энгельса к выбору свидетельств, стремление пользоваться по возможности показаниями таких источников и таких авторов, которые не имели оснований преувеличивать бедствия рабочего класса.

Исследование Косминского, таким образом, вводит читателя в творческую лабораторию Энгельса, с глубоким знанием дела анализирует приемы отбора и критики широкого круга привлеченных им материалов, подчеркивая важность не только письменных, но и этнографических источников. Оно представляло собой шаг вперед в изучении исследовательских приемов основоположников марксизма-ленинизма. Стремление Косминского сосредоточить внимание на анализе методов работы с историческим источником Энгельса было далеко не случайно. Именно в эти годы Косминский создает свое в лучшем смысле источниковедческое исследование об аграрной истории средневековой Англии³²⁹. Уже тогда он проявил себя убежденным сторонником и пропагандистом высокой ответственности ученого за документальную аргументированность выводов, за безупречность исследовательской техники, нетерпимым противником иллюстративного метода в исторической науке. В статье, посвященной памяти А. Н. Савина (1926 г.), Косминский взволнованно писал о тяжелом и неблагодарном, но увлекательном труде по статистической обработке массовых источников, требующем

³²⁸ *Е. А. Косминский*. Об источниках «Положения рабочего класса в Англии». – *Ф. Энгельс*. Положение рабочего класса в Англии в 1844 году. М.–Л., 1928, стр. 33. Статья переиздана в сб. «Чартизм» (М., 1961).

³²⁹ *Е. А. Косминский*. Очерки по аграрной истории Англии в средние века. Сотенные свитки 1279–1280 гг. как исторический источник. – «Труды Института истории. Сборник статей, вып. 1. Памяти Александра Николаевича Савина 1873–1923». М., 1926 г.

большой затраты времени, терпения, сложной и разработанной аргументации там, «где еще недавно ограничивались несколькими иллюстрациями». Стремление автора передать близкий ему пафос исследовательской техники, «романтизм архива, притягательность пыльной и старой тайны»³³⁰, несомненно, оказало влияние на молодых историков, делавших в эти годы первые шаги в исследовательской работе.

К концу 20-х годов вопросы методологии и методики исторического исследования привлекают к себе все большее внимание, все острее ощущается потребность их решения на более высоком профессиональном уровне. Новая проблематика исторической науки, предпринятые советскими историками широкие исследования в области историко-революционной тематики, истории рабочего класса СССР, международных отношений, социально-экономической истории, введение в научный оборот новых комплексов исторических источников настоятельно требовали совершенствования методов исторического исследования.

М. Н. Покровский, выступая 25 октября 1928 г. на юбилейном заседании по поводу своего шестидесятилетия и обращаясь к собравшимся с призывом развивать марксистскую историческую науку, говорил: «борясь с буржуазными идеологами, не забывайте, что и старые историки, и европейские историки и наши буржуазные историки обладают техникой..., которой нужно выучиться»³³¹.

Вопрос о методах исторического исследования обсуждался на первой всесоюзной конференции историков-марксистов, в связи с докладом В. И. Невского «История партии как наука». Невский подчеркнул, что овладение методом исследовательской работы, умение «пользоваться источниками и материалами» – необходимые условия развития истории партии как

³³⁰ См. *Е. А. Косминский*. Проблемы английского феодализма в историографии средних веков. Сборник статей. М., 1963, стр. 43.

³³¹ «На боевом посту марксизма. Стенограмма торжественного заседания, посвященного 60-летию со дня рождения и 35-летию научной деятельности М. Н. Покровского». М., 1929, стр. 42; см. также: «Историк-марксист». 1928, т. 10, стр. 272.

науки. «Это те самые условия, – говорил докладчик, – которые здесь названы т. Покровским технической выучкой, то, что некоторые называют академической выучкой, то, что я называю историческим методом, т. е. умением пользоваться научным методом, позволяющим выбирать источники. Этот метод указывает, как необходимо давать всестороннюю историческую критику источнику, всячески его сравнивать, взвешивать и преподносить для общенаучного пользования в таком виде, чтобы действительно это был научный материал, научный источник...». «...Научной постановке изучения истории ВКП(б) должно быть предпослано научное собрание источников и материалов, научная планомерная проработка их...»³³². Решение всех этих вопросов требовало соответствующей подготовки кадров молодых историков, и на это Невский обратил внимание конференции. «При постановке наших исторических курсов, в том числе и истории партии, в наших высших учебных заведениях и во всякого рода учреждениях, готовящих ученых историков, на эту сторону нужно обратить самое серьезное внимание. К нашим услугам в этом отношении есть беспартийные историки, очень хорошо относящиеся к нам, большие техники, академики, и в этом смысле их услугами всегда можно воспользоваться»³³³. Положения доклада об источниковедческой подготовке историков-марксистов были восприняты без возражений³³⁴.

В своем докладе Невский коснулся также вопроса о важности статистико-математических методов при анализе исторических явлений³³⁵. Он говорил также о применении методов точных наук при датировке памятников материальной культуры (фото, рентгеновский и химический анализ).

Подводя итоги работы конференции, Покровский в предисловии к изданию ее трудов расценил как «большой пробел» тот факт, что темы по методологии истории поднимались лишь

³³² «Труды первой всесоюзной конференции историков-марксистов. 28.XII-1928 – 4.I-1929», изд. 2-е, т. I. М., 1930, стр. 94, 95.

³³³ Там же, стр. 94.

³³⁴ Там же, стр. 96.

³³⁵ Там же, стр. 112.

в связи с конкретными проблемами. «На будущей конференции, – писал он, – методологические вопросы непременно надо будет поставить в самом центре занятий, – поставить самих по себе, а не в связи с их практическим приложением»³³⁶. В том же предисловии Покровский отметил два момента, которые он считал важными в разворачивании работы по методологии истории: во-первых, изучение исследовательского метода В. И. Ленина; во-вторых, исследованием вопросов методологии истории, по его мнению, должны были заниматься люди, работающие с конкретным историческим материалом, иначе они создадут «исторические абстракции, которые помешают другим видеть конкретную историческую действительность, а это уж совсем немарксистское дело»³³⁷.

Внимание историков к методологическим проблемам было привлечено и в связи с дискуссией о книге Д. М. Петрушевского «Очерки из экономической истории средневековой Европы»³³⁸, в которой вопросы логики исторического исследования трактовались в духе риккертского деления наук на номотетические и идиографические.

Раскрытие подлинного смысла риккертства, понимание его как проявление кризиса буржуазного историзма, сосредоточение внимания историков в ходе дискуссии на проблемах исторического метода, вопросах логики исторической науки имели большое значение для развития теоретического источниковедения. Важна была и прозвучавшая в ходе дискуссии констатация необходимости всемерно развивать марксистскую методологию истории, и постановка вопроса об изучении в высших учебных заведениях методов исторического исследования³³⁹. В то же время книга Петрушевского, сочетавшая постановку общеметодологических вопросов с конкретно-историческим исследованием, нуждалась в марксистском анализе не только в плане раскрытия противоречий общефилософской концепции, но и в плане ее

³³⁶ Там же, стр. XII–XIII.

³³⁷ Там же, стр. XIII.

³³⁸ Материалы дискуссии см.: «Историк-марксист», 1928, т. 8.

³³⁹ Там же, стр. 85.

приложения к конкретному анализу источников. К сожалению, дискуссия дала для такого анализа мало материала³⁴⁰. В ходе дискуссии Покровский подверг критике риккертское понимание индивидуального как неповторяющегося. Он отметил, что специфичность индивидуального может быть выявлена лишь при сравнении его с повторяющимися явлениями, и показал, что лишь марксистский метод, рассматривающий историческое явление в связи с условиями его возникновения, обеспечивает действительно всесторонний анализ явления во всем его своеобразии и конкретности³⁴¹.

С критикой риккертского деления наук на номотетические и идиографические связано выступление в 1929 г. А. И. Тюменева³⁴². Он обратил внимание на ряд принципиально важных сторон марксистско-ленинского подхода к анализу общественных явлений. Подчеркнув необходимость конкретного анализа исторического явления во всех его взаимосвязях с учетом как общих, так и индивидуальных, специфических черт, Тюменев отметил, что в работе историка-профессионала такой подход составляет органическую потребность, поскольку обуславливается самой природой исторического явления. В этой связи он ссылается на пример известных буржуазных историков Ланглау и Сеньбоса, которые, по его словам, идут от практики историка-профессионала и, в частности, «указывают на необходимость введения фактов «в определенные границы времени и места»³⁴³. Положения, высказанные Тюменевым, сыграли свою роль в последующем развитии понимания природы

³⁴⁰ Это было отмечено в ходе дискуссии («Историк-марксист», 1928, т. 8, стр. 99). Недооценку конкретно-исторического изучения общественных явлений Валк отмечает как одну из типичных черт историографии этого периода. (См. С. Н. Валк. Иван Иванович Смирнов. – «Крестьянство и классовая борьба в феодальной России. Сборник статей памяти Ивана Ивановича Смирнова». Л., 1967, стр. 8).

³⁴¹ М. Покровский. «Новые» течения в русской исторической литературе. – «Историк-марксист», 1928, т. 7.

³⁴² А. Тюменев. Индивидуализирующий и генерализирующий методы в исторической науке. – «Историк-марксист», 1929, т. 12.

³⁴³ Там же, стр. 161.

исторического источника как исторического явления, изучаемого в связи с проблемой общих условий его возникновения.

В работах, вышедших в конце 20-х – начале 30-х годов и ставивших перед собой в первую очередь практические, преимущественно учебные, задачи, нашел свое дальнейшее выражение процесс формирования теории и методики работы с источником в советском источниковедении. В этой связи большой интерес представляют книги Г. П. Саара, Н. Ф. Бельчикова, А. М. Большакова, С. Н. Быковского.

Саару принадлежат обзор и критика теоретико-методических работ, созданных буржуазными источниковедами: Э. Бернгеймом, Ш.-В. Ланглау и Ш. Сеньобосом, А. Федером, Г. Вольфом и В. Бауэром. Критикуя схему классификации источников, применявшуюся, в частности Э. Бернгеймом, Саар пришел к выводу, что она «как нельзя лучше показывает условность всякой классификации исторических источников»³⁴⁴. В то же время проблема классификации источников в теоретическом плане не привлекла его внимания. Когда же эта проблема встала перед Сааром как автором учебного издания практически, он отдал предпочтение видовому признаку (хроники и летописи; мемуары; публицистика; беллетристика и поэзия; счетоводство и деловая переписка, исторические планы и карты; акты; исторические исследования).

О том, как подходил Саар к пониманию природы исторического источника, приходится догадываться на основании того определения, которое он дает. Для него исторические источники – это «все, созданное человеческим обществом как в области материальной культуры так и идеологии»³⁴⁵, материалы, по которым можно изучить прошлое.

И хотя это определение вызывает возражения (и в смысле обоснованности противопоставления материальной культуры

³⁴⁴ Г. П. Саар. Источники и методы исторического исследования. Баку, 1930, стр. 16. Обзор работ буржуазных источниковедов см. также С. Н. Валк. Из «введенный в историю» – «Историк-марксист», 1927, т. 5.

³⁴⁵ Г. П. Саар. Указ. соч., стр. 12.

идеологии, и в отношении правомерности отнесения к идеологии всего, что не есть материальная культура), все же по сравнению с известными определениями источника в буржуазном источниковедении («результаты человеческих деятельности», «продукт индивидуальной человеческой психики», «след мысли и действий людей прошлого») оно является несомненным шагом вперед. Здесь обнаруживается явное стремление посмотреть на источник в масштабах общества, определить источник не только как результат творчества личности, но прежде всего социологически – как продукт общественного развития.

Общая тенденция к теоретическому осмыслению исследовательских приемов и средств исторической науки не могла не оказать своего влияния на смежные отрасли специальных исторических дисциплин, в том числе и на такие сложные их комплексы, какими являются архивоведение и краеведение. Признаки этого влияния можно найти, в частности, в книгах Н. Ф. Бельчикова и А. М. Большакова.

Бельчиков в понимании задач и предмета архивоведения (по его терминологии – археографии) исходил из сложившегося в советском источниковедении представления об источнике как историческом явлении, придавал первостепенное значение генетическому подходу к источнику, изучению его происхождения в широком социальном смысле, считал необходимым учет всех данных о происхождении источника. Творчески применяя этот методологический подход к задачам архивоведения, Бельчиков считал, что археограф должен изучать фонды и составляющие их документы как исторические явления. Он подчеркивал важность изучения «социального генезиса и структуры фондов государственных учреждений и частных лиц в зависимости от тех общественных отношений, которые обусловили и создали фонды...»³⁴⁶ В то же время в статье «Источниковедение»,

³⁴⁶ Н. Бельчиков. Теория археографии. М.–Л., 1929, стр. 62, 63, Ту же мысль о значении истории фондов для датировки, установления авторства, исторических условий возникновения документа Бельчиков проводит и в другой своей работе, посвященной приемам изучения частных фондов (Н. Бельчиков. Приемы изучения частных фондов. – «Архивное дело», вып. 1, 1928).

написанной им для Литературной энциклопедии, вопросы общего источниковедения не нашли отражения³⁴⁷.

В книге Большакова привлекает внимание раздел об источниках для изучения краеведения, учитывающий специфику этой научной дисциплины, в круг вопросов которой входят как социальные, так и природные явления жизни местного края. Непосредственное наблюдение и изучение края таким, каков он есть, автор считает важным источником познаний исследователя. Интересна его аргументация: источники, хранящиеся в архиве, библиотеке, музее, уже выключены из общего процесса жизни края, в то время как непосредственное наблюдение дает возможность видеть предметы, процессы и явления в той обстановке, где они развиваются³⁴⁸.

Книга Быковского была задумана автором, по-видимому, прежде всего как методическое руководство в работе с историческим источником, излагающее основы теории и методики источниковедения в предельно сжатой и доступной форме. Этой задаче подчинено и изложение таких теоретических вопросов, как понятие исторического источника, классификация. Автор дает два определения понятия «исторический источник». Под историческим источником «в широком смысле» он понимает «всякий памятник прошлой жизни» и выдвигает требование привлекать все источники, относящиеся к изучаемому периоду «сполна». Стремление указать четкую грань между источником и литературой в обычном практическом понимании этих терминов обусловило появление второго определения источника — «в узком смысле»³⁴⁹. Таковым автор считал «памятник прошлой жизни, независимо и хронологически впервые, по

³⁴⁷ Н. Бельчиков. Источниковедение. Литературная энциклопедия, т. IV. М., 1930, стр. 637–643. Источниковедение здесь рассматривается как частная литературоведческая дисциплина. См. также: Н. Ф. Бельчиков. Источниковедение как научно-вспомогательная дисциплина литературоведения. — «Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка», т. XXII, вып. 2. М., 1963, стр. 90.

³⁴⁸ А. М. Большаков. Введение в краеведение. М., 1929, стр. 96–97.

³⁴⁹ С. Н. Быковский. Методика исторического исследования. Л., 1931, стр. 29–32, 59, 65.

сравнению с другими дошедшими до нас памятниками, отражающий тот или иной исторический факт, событие или явление...»³⁵⁰

Достоинство такого определения Быковский видел в том, что оно позволит безошибочно отличать источники от исторических пособий. Не говоря уже о том, что отличие источника от пособия вряд ли исчерпывается сказанным, и к тому же применить его к конкретным памятникам довольно сложно, нельзя не отметить, что перенесение вопроса в плоскость методики помешало раскрытию существа дела. Природа и свойства исторических источников остались в обоих определениях нераскрытыми, и к тому же понимание этой природы осложнилось: исторические исследования («пособия») сказывались выведенными из круга исторических источников, в то время как в общее понятие источника они, несомненно, должны включаться, отражая как памятник своей эпохи уровень ее культуры, степень развития научной мысли, представление о назначении и задачах исторических исследований и многое другое. Сравнивая подход Саара к тому же вопросу, следует признать, что он был более последователен, включая в число исторических источников и группу «исторических произведений».

Быковский не входит в критику известных ему схем классификации, считая их, «вообще говоря», крайне условными³⁵¹. Так же как и Саар, обзор источников он строит без обоснования принципа классификации по видовому признаку³⁵², хотя и не вполне последовательно проведенному, характеризуя наиболее часто используемые виды источников (летописи и хроники, биографии и жизнеописания, мемуары и дневники, политические сочинения, письма, юридические памятники и др.). Быковский высказался против отнесения актов к историческим

³⁵⁰ Там же, стр. 29. Подход Быковского в данном случае весьма близок к постановке вопроса *Н. Кареевым*. См. «Историка: (Теория исторического знания)». Пг., 1916, стр. 47–50.

³⁵¹ *С. Н. Быковский*. Методика исторического исследования, стр. 32.

³⁵² Об этом см.: *М. К. Макаров*. О принципах классификации письменных источников (Историография вопроса), стр. 17–18.

остаткам на том основании, что они содержат и косвенный материал, а также возражал против отнесения газет к историческим преданиям. По его мнению, газета представляет собой источник многосложный (политические статьи, юридические памятники, разновидности писем) и не составляет особого вида письменной традиции, а лишь особую форму издания, «что при анализе роли не играет»³⁵³.

Столкнувшись, как и Саар, с трудностью отнесения печати к одной из классификационных групп, Быковский не нашел здесь верного решения, которое могло бы служить надежным основанием для разработки приемов анализа материалов печати.

Большое место в работе Быковского занимает изложение приемов и методов источниковедческого анализа. Он отмечает несоответствие деления этапов источниковедческого анализа на внутреннюю и внешнюю критику «реальному различию между разными приемами исторической критики», вводит иную терминологию («аналитическая» и «синтетическая» критика)³⁵⁴. В «синтетической» критике Быковского можно видеть попытку отразить в схеме источниковедческого анализа исследование взаимосвязанных источников, подчеркнуть, что без такого группового анализа не может быть решен вопрос о достоверности³⁵⁵. Однако эта мысль четкого выражения в его работе еще не получила.

Быковским было высказано суждение, что техника и методика исторического исследования не могут не быть обусловлены методологией истории³⁵⁶. Однако раскрытия и конкретизации проблемы связи методологии и методики, а также качественного отличия марксистско-ленинской методологии от буржуазной он не дал. Несколько полнее его взгляды по этому вопросу были развиты в авторецензии, написанной в ответ на резкую критику, которой был встречен выход в свет «Методики исторического исследования». Характер критики и обстоятельства написания авторецензии не могли способствовать научной дискуссии по

³⁵³ С. Н. Быковский. Методика исторического исследования, стр. 41.

³⁵⁴ С. Н. Быковский. Методика исторического исследования, стр. 65–69.

³⁵⁵ Там же, стр. 67, 123 и сл., 141–143, 155–156.

³⁵⁶ Там же, стр. 4.

поднятым, чрезвычайно сложным и мало разработанным вопросам теоретического источниковедения. Это обусловило и ряд неверных оценок, к числу которых, в частности, следует отнести квалификацию книги Саара как «вполне антимарксистской»³⁵⁷. В то же время суждения Быковского по основной проблеме – соотношение марксистского и буржуазного источниковедения – являются более правильными, чем суждения его оппонентов. В частности, С. Г. Томсинский в своей рецензии на книгу Быковского сводил проблему принципиального отличия марксистского источниковедения от буржуазного лишь к умышленной фальсификации источников и фактов буржуазными историками³⁵⁸. В своей авторецензии Быковский подчеркнул «необходимость преемственности в науке, той самой преемственности, которой не гнушались и К. Маркс и Ф. Энгельс»³⁵⁹ отверг упрощенное понимание классовости каждого отдельного приема техники источниковедческого исследования; отметил, что выводы буржуазной науки следует не просто отметить и отбрасывать, а подвергать критической проверке. Быковский подчеркнул далее отличительную черту марксистско-ленинского источниковедения – его требование «полного и всестороннего охвата всех видов источников каждым частным подразделением исторической науки» – и в этой связи критиковал ненаучность буржуазной классификации исторических наук по видам источников. Он указал на специфичность характера источников различных социально-экономических формаций, которая «совершенно очевидна в пределах совокупности источников каждой группы в отдельности и в подборе источников для изучения каждой формации по удельному весу и роли каждой группы источников»³⁶⁰.

³⁵⁷ С. Н. Быковский. Методика исторического исследования (Авторецензия). – «Сообщения ГАИМК», 1931, № 11/12, стр. 77.

³⁵⁸ С. Г. Томсинский. За марксистско-ленинское источниковедение, – «Ленинская учеба», № 1, Л., 1931. Многие положения были затем повторены автором в статье, открывавшей «Проблемы источниковедения» (Сборник 1. М.–Л., 1933).

³⁵⁹ С. Н. Быковский. Методика исторического исследования (Авторецензия), стр. 79.

³⁶⁰ Там же, стр. 77.

Проблема соотношения марксистско-ленинского источниковедения с предшествующим опытом практической работы историков над историческим источником не могла быть решена декларативно. Требовался широкий круг исследований, конкретный анализ и критическое изучение источниковедческих приемов дворянской и буржуазной историографии. Начало было положено Валком в его исследовании «Исторический источник в русской историографии XVIII в.»³⁶¹. Валк основывался на принципе исчерпывающего обследования всей совокупности источников. «...Основным требованием настоящего времени является привлечение всех разновидностей исторических источников», – писал он, подчеркивая, что «в прошлом дело обстояло иначе». В статье Валка говорилось о зависимости методики источниковедения «от характера руководящей историографической теории, от ее методологии»³⁶². Автор подчеркивал взаимосвязь состояния и задач исторической науки, с одной стороны, и введения в научный оборот определенного состава памятников и разработки методов их анализа – с другой. Крупный советский историк Н. М. Лукин, внесший большой вклад в изучение конкретных источников по новейшей истории, продвинул вперед разработку большой темы советского теоретического источниковедения – изучения исследовательской лаборатории основоположников марксизма-ленинизма, их методов работы с историческим источником. В статье «Маркс как историк» Лукин обращает особое внимание на его «методологические приемы при обработке источников»³⁶³. Проследивая источники «Капитала» и «Гражданской войны во Франции», виды источников, использованных Марксом, приемы их анализа, отмечая критическое отношение к источникам и литературе, характер научно-справочного аппарата, Лукин показывает, с каким искусством вскрывает Маркс классовый характер источни-

³⁶¹ «Проблемы истории докапиталистических обществ», 1934, № 7–8.

³⁶² С. Н. Валк. Исторический источник в русской историографии XVIII в., стр. 33.

³⁶³ «Историк-марксист», 1933, т. 2. – Цит. по кн.: Н. М. Лукин. Избранные труды, т. III. М., 1963, стр. 401.

ков, проводит проверку данных источника. Последнее особенно интересует Лукина при изучении исследовательских приемов Маркса. Лукин указывает, что Маркс не скрывает точек зрения и аргументов противника, действует по принципу «*audiatur et altere pars*». Говоря о Марксе, как историке, Лукин начинает свое изучение с рассмотрения исторических корней «его материалистического понимания истории, которое само является гениальным продуктом своей эпохи»³⁶⁴. В своем анализе автор стремился опереться на ленинские оценки Маркса как историка, овладеть ленинским пониманием существа марксистских методов изучения источников, чем в известной степени способствовал разработке огромной темы – В. И. Ленин как историк. Все это делает работу Лукина ценной и важной и для понимания марксистско-ленинских принципов анализа исторических источников, и для изучения подхода историографии начала 30-х годов к разработке проблем теоретического источниковедения.

Различные аспекты большой проблемы – источниковедческие методы основоположников марксизма-ленинизма – привлекают внимание и других историков³⁶⁵.

В эти же годы сделана была первая попытка выявить круг источников Маркса и Энгельса, в связи с проблемой азиатского способа производства³⁶⁶. Взгляды Энгельса на историю как науку анализировал Г. С. Фридлянд в одной из своих последних работ³⁶⁷.

Период 20-х – начала 30-х годов предстает перед нами как время больших творческих исканий, когда были сделаны первые шаги в разработке ряда существенных проблем теоретического источниковедения. Не все интересно задуманные начинания нашли, однако, в дальнейшем необходимое развитие

³⁶⁴ Н. М. Лукин. Избранные труды, т. III, стр. 366.

³⁶⁵ См., например, С. Н. Быковский. Карл Маркс и археология. – «Проблемы истории материальной культуры», 1933, № 3–4, стр. 7.

³⁶⁶ Р. Фокс. Взгляды Маркса и Энгельса на азиатский способ производства и их источники, – «Летописи марксизма», III(XIII). М.–Л., 1930.

³⁶⁷ Ц. Фридлянд. Энгельс об истории как науке. – «Историк-марксист», 1935, кн. 8–9.

и завершение. Солидаризация журнала «Пролетарская революция» с утверждением о необязательности документального обоснования выводов историка³⁶⁸ означала по существу отказ от принципа привлечения всей совокупности документов как условия объективной интерпретации и научной критики исторических источников, нашедшего ранее отражение и на страницах этого же журнала (1921 г., № 1).

* * *

Трудно подводить итоги развитию теоретического источниковедения за сравнительно небольшой хронологический период времени, когда марксистско-ленинская историческая наука приступила к созданию своего аппарата профессиональных методов работы с источником. Теоретико-источниковедческое направление исследований в рассматриваемый период было далеко не ведущим. Исследование теоретических вопросов работы с источником еще не ставилось в качестве специальной задачи, а лишь возникало в тех случаях, когда те или иные практические потребности развития исторической науки настоятельно требовали их выяснения. Практические импульсы возникновения тех или иных работ и даже сама последовательность актуализации проблем дают некоторый материал для понимания характера постановки и направления исследований в этой области, хотя ряд существенно важных явлений проявил себя лишь в тенденции.

Теоретическое источниковедение охватывает сложную систему проблем, исследуя взаимосвязи типа: исторический процесс – источник; источник – историк. Советское источниковедение в рассматриваемый период занималось главным образом исследованием взаимосвязей источника и исторического процесса, иначе говоря, рассмотрением источника в социологическом плане в связи с теми общественными условиями, которые в конечном счете обусловили его возникновение. Этот принципиальный момент в марксистско-ленинском источниковедении имеет методологический характер. На его основе в

³⁶⁸ «Пролетарская революция», 1931, № 6, стр. 9–10, 13.

дальнейшем в советской историографии были развиты положения об источнике как историческом явлении, о том, что источник может быть понят и истолкован только в связи с анализом тех исторических условий, в которых он возник. Этот методологический принцип открывал перспективы подлинно научной постановки вопросов происхождения и анализа содержания источника и выработки методов его интерпретации и критики. Начало реализации этого подхода можно найти в источниковедческой историографии рассматриваемого времени. Но нельзя не отметить и другую тенденцию, также нашедшую в ней свое отражение. Известно, что взаимосвязи содержания каждого конкретного источника и общих условий его возникновения необычайно сложно опосредствованы. Эта сложность далеко не всегда принималась во внимание, и социологический подход к источнику грозил выродиться в социологический схематизм.

Исходя из общих методологических принципов понимания источника как «остатка» своей эпохи, советские источниковеды не приняли классификации источников в том виде, как она сложилась в буржуазном источниковедении. Однако исследование общих свойств источников на основе анализа существующих схем их классификации не нашло в историографии рассматриваемого времени четкого выражения. Ряд авторов источниковедческих пособий построил свои обзоры источников по видовому признаку, как это делал до них В. О. Ключевский или много позже М. Н. Тихомиров. Но сущность видовой классификации, органичной настолько, что создается иллюзия, будто источники классифицируются «сами», и на этот раз не привлекла внимания. С. Н. Валк в одной из своих работ настойчиво напоминал о своевременности изучения источников по видам и приступил к анализу свойств вида.

С первых шагов своего развития советское источниковедение приступило к решению огромной проблемы соотношения марксистско-ленинского источниковедения с буржуазным. Вопрос решался на конкретном материале и в плане борьбы методологических принципов, и в плане критического

использования того опыта, который накопила предшествующая историография в области методики. Однако для постановки этой проблемы во всем ее объеме еще не хватало конкретного материала. Опыт работы историков рассматриваемого времени в этом плане заслуживает внимания. Особенно важно отметить начало работы по освоению теоретического наследия основоположников марксизма-ленинизма с точки зрения их исследовательских и источниковедческих методов. Придавая исключительно важное значение этому направлению исследований, первые советские источниковеды видели в его расширении и углублении залог дальнейшего развития марксистско-ленинской методологии истории.

ИСТОРИЯ НАУКИ КАК ДИНАМИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС³⁶⁹

К 120-летию со дня рождения А. И. Андреева

Смысл понятия «смена парадигм» применительно к состоянию профессионального сообщества историков означает переход от традиционной парадигмы исторического нарратива (историописания, направляемого историческим воображением) к парадигме научной истории. В истории науки этот динамический процесс проявляет себя появлением ученых, осознающих себя работниками единого пространства академической науки в ее целом и с данных позиций осуществляющих свой выбор исследовательской проблематики и способов деятельности в сообществе. Именно таким ученым и был Александр Игнатьевич Андреев (1887–1959). Это был академический ученый, тесно связанный с университетской наукой и высшим образованием, выдающийся организатор науки, чье мировоззрение сформировалось в эпоху смены парадигм гуманитарного знания. Он всем своим творчеством способствовал утверждению идеи истории как строгой науки и преобразованию этой идеи в парадигму, т. е. в воспринятую профессиональным сообществом общую систему исследовательской, образовательной и информационно-коммуникационной деятельности. В данном высоком смысле все его творчество является образцом внутренней цельности и направленного служения идее истории как строгой науки.

Философия науки XX–XXI вв. имеет свои содержательные науковедческие понятия и сложившиеся представления о динамике смены парадигм, моментах качественного перехода к новой парадигме и о динамическом процессе так называемого нормального развития внутри воспринятой профессиональным сообществом системы фундаментальных идей. Науковедческие понятия и представления выработаны, как известно, на основе

³⁶⁹ Публикуется по изданию: *Медушевская О. М.* История науки как динамический процесс. К 120-летию со дня рождения А. И. Андреева // Вестник РГГУ. 2008. № 4 (апрель). С. 312–328.

почти исключительно данных истории естественнонаучных открытий нового и новейшего времени. Среди классиков философии и теории науки – математики, физики, химии, такие как Э. Гуссерль, Т. Кун, К. Поппер, М. Полани, И. Пригожин и др. История науки почти отождествляется с историей естествознания и техники. Но если мы принимаем идею истории как науки среди других наук, то необходимо соотносить процессы, происходящие в сообществе, с параметрами общего процесса познания. Это позволяет с помощью общих критериев распознавать и интерпретировать сходные фазы познавательных процессов и ситуаций, в которых работают ученые, и точнее определять значение их творчества. Данный подход позволяет избежать фрагментарности в оценке новизны и значимости отдельных достижений путем сопоставления частных. Это особенно важно при обращении к творчеству ученых, выразивших себя в разных направлениях научной деятельности.

Творчество А. И. Андреева многогранно, разносторонне и значительно. Наряду с монографическим трудом, ставшим уже классикой источниковедения, «Очерками по источниковедению Сибири»³⁷⁰, им создано, а также задумано, начато и отчасти реализовано огромное количество научных, научно-педагогических и научно-информационных проектов в области источниковедения, истории науки, археографии, дипломатики и других вспомогательных исторических дисциплин, географии и этнографии, истории народов, публикаций серий исторических источников и трудов выдающихся ученых. Разносторонность и многогранность проблематики и сфер деятельности в науке можно попытаться объяснить редкой талантливостью личности и в исследовательской, и в изыскательской, и в коммуникативно-информационной сторонах деятельности, можно также – и даже необходимо – рассматривать в общей связи с драматичностью жизненных обстоятельств. XX век неоднократно ставил

³⁷⁰ Андреев А. И. Очерки по источниковедению Сибири. 2-е изд., испр. и доп. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. Вып. 1: XVII век.; М.; Л.: Наука, 1965. Вып. 2: XVIII век (Первая половина). Первое изд. см.: Андреев А. И. Очерки по источниковедению Сибири. XVII век. Л.: Изд-во Главсевморпути, 1939.

ученого в условия разрыва связи времен, и ее приходилось восстанавливать вновь и вновь. Даже научная библиотека (Андреев был страстный библиофил и даже к студентам на занятия приходил неизменно с только что приобретенной книгой в руках), которая начала создаваться вокруг него в историко-архивном институте (1942–1949 гг.), была уже третья в его жизни. Ни один из глубочайших кризисов эпохи не обошел его стороной.

Прежде всего – это Октябрь 1917 г., когда Андреев, будучи студентом (с 1909 г.), работал в Постоянной исторической комиссии Академии наук. Он закончил историко-филологический факультет Петербургского университета лишь в 1916 г. Он шел к исполнению мечты стать историком долго – не из гимназии, дававшей для этого необходимую подготовку: он воспитывался в приюте Купеческого общества, куда устроил его отец, работавший там сторожем, ибо не мог по болезни содержать большую семью, и получил стипендию в Петровском коммерческом училище, но оно не давало прав поступления в университет. Пришлось поступить на Экономическое отделение Петербургского политехнического института, а латынь и греческий изучать самостоятельно. Андреев окончил университет в 1916 г., но уже давно работал, помогая семье. В 1918–1925 гг. он работал управляющим одного из самых неупорядоченных архивов – архива Министерства путей сообщения, к которому после декрета 1 июня 1918 г. был присоединен архив Главного управления почт и телеграфов; научная исследовательская работа, начатая Андреевым в 1915 г., и издание научных журналов не прекращались.

Следующий жизненный кризис – арест по делу С. Ф. Платонова и ссылка в Енисейск Красноярского края (1929–1935 гг.), где возникла идея «Очерков по источниковедению Сибири», и в 1940 г. – блестящая защита докторской диссертации. Затем – блокада Ленинграда в годы Великой Отечественной войны и после эвакуации в составе группы ленинградских ученых – работа в Московском государственном историко-архивном институте, где он заведовал кафедрой вспомогательных исторических дисциплин, и одновременно – работа в Институте истории

Академии наук. После идеологической кампании 1949 г. Андреев потерял эту работу (а он с семьей жил в помещении института). Благодаря помощи академика С. И. Вавилова, ценившего Андреева как ученого, историка науки и историка Академии наук, появилась возможность получить в Ленинграде жилье и остаться работать в академических учреждениях Ленинградского отделения Академии наук.

В свете лишь кратко обозначенных жизненных вех понятна может быть разнородность сфер деятельности и фрагментарность реализации крупно задуманных научных проектов. Тем не менее цельность творчества была ясна и тогда, и еще более она очевидна впоследствии, в длительной ретроспективе. В 1947 г. на юбилейном заседании Института истории Академии наук и историко-архивного института (идеологическая кампания развернулась позже) ведущие ученые характеризовали главные направления деятельности А. И. Андреева (Б. Д. Греков) в области истории Сибири (С. В. Бахрушин), вспомогательных исторических дисциплин (А. В. Черепнин), истории народов Европейского Севера (А. А. Новосельский), истории Петра Великого (Б. Б. Кафенгауз) и как историка-архивиста (И. Л. Маяковский). Еще более полно представлялось творчество Андреева в его чествовании (1957 г.), проводившемся Ленинградским отделением Института истории АН СССР и Отделением истории географических знаний Всесоюзного географического общества. Рассматривались такие аспекты работы ученого, как история народов Кольского полуострова, Карелии, Западной и Восточной Сибири, Камчатки, Якутии; труды по истории географических открытий в Северном Ледовитом океане и Тихом океане; по истории русской науки и истории Академии наук; особое значение имели его труды по источниковедению, археографии, вспомогательным историческим дисциплинам, архивистике; истории Петра Великого³⁷¹.

Из работ, в которых деятельность А. И. Андреева рассматривается специально, отметим содержательный очерк

³⁷¹ *Козинцева Р. И.* Чествование Александра Игнатьевича Андреева // Археографический ежегодник. М., 1957. С. 491–496; Список печатных трудов А. И. Андреева // Там же. С. 496а–501.

В. К. Яцунского, опубликованный во втором, дополненном издании «Очерков по источниковедению Сибири», над которым Андреев работал многие годы, но выхода в свет уже не увидел. Помимо анализа трудов и данных личного общения В. К. Яцунский имел возможность использовать ценные биографические и другие сведения, полученные им от жены ученого Анастасии Яковлевны Андреевой и его коллег-ученых К. Н. Сербиной и М. И. Белова³⁷². Обзор творческого пути А. И. Андреева сделал А. А. Преображенский³⁷³. Деятельность ученого как руководителя кафедры вспомогательных исторических дисциплин историко-архивного института и идеологическая кампания, приведшая к его вынужденному уходу, рассмотрена и подтверждена новыми документами в известной работе Л. Н. Простоволосовой и А. Л. Станиславского по истории кафедры³⁷⁴. Научная конференция кафедры источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин, проведенная совместно с Археографической комиссией (1997 г.), была посвящена памяти основателей данного направления А. И. Андреева и В. К. Яцунского³⁷⁵. В исследовании российской науки об архивах, проведенном Т. И. Хорхординой, приводятся новые архивные данные о деятельности А. И. Андреева, в частности о его выступлении на Всесоюзной конференции архивных деятелей 1943 г. и о созданном им кружке архивоведческой терминологии имени Лаппо-Данилевского в 1919–1921 гг.³⁷⁶

³⁷² Яцунский В. К. Александр Игнатьевич Андреев. Краткий очерк жизни и научной деятельности // Андреев А. И. Очерки по источниковедению Сибири. 2-е изд., испр. и доп. М., 1960. Вып. 1. С. 3–14.

³⁷³ Преображенский А. А. Творческий путь Александра Игнатьевича Андреева // Археографический ежегодник за 1978 год. М., 1979. С. 113–121.

³⁷⁴ Простоволосова Л. Н., Станиславский А. Л. История кафедры вспомогательных исторических дисциплин. М.: МГИАИ, 1990.

³⁷⁵ Исторический источник: человек и пространство: Тез. докл. и сообщений науч. конф. Москва, 3–5 февр. 1997 г. / Редкол.: О. М. Медушевская (отв. ред.) и др. М.: РГГУ, 1997.

³⁷⁶ Хорхордина Т. И. Российская наука об архивах. История. Теория. Люди. М.: РГГУ, 2003.

Так, значительность ученого, обаяние личности и талант педагога интуитивно угадываются за корпусом его трудов, но для цельности образа все же недостаточно собрать их вместе и замкнуть на конкретную область изучения. Отдельные исследования всегда вполне конкретны, и все же при таком подходе утрачивается общий смысл деятельности. Причина тому – несоизмеримость отдельных достижений и динамики познавательного процесса науки, который сам ученый и осознанно, и интуитивно ощущал. Прав историк науки Т. Кун, считавший, что для истории науки важно нечто большее, нежели отдельные конкретные достижения, всегда ограниченные. Каждый раз проявляется несоизмеримость способов видения мира, подходов к нему разных направлений, школ и разных парадигм сообщества ученых. Следует поэтому взять другой ракурс аналитики, соизмеримый изучаемому феномену. Нас в данном случае будет больше занимать динамический процесс, в котором возникает научное знание, та глубинная структура, над которой как бы случайно возникает логика конкретики.

Ключевым моментом в аналитике для нас является, как уже отмечалось, состояние науки в период формирования ученого. Это был момент качественного перехода – в сообществе профессионалов дала о себе знать новая парадигма истории как строгой науки. Следует поэтому соотнести реальный процесс с понятиями теории и истории общей философии науки. В ней обозначены общие контуры развития: «революционный», т. е. спонтанный момент появления новой идеи – новая парадигма не переходит эволюционно из старой, но альтернативна ей. Согласно Т. Куну (он считал, что так думал и К. Поппер), оба они отвергают «представление, согласно которому наука прогрессирует путем кумулятивного прироста знаний», оба они выдвигают «вместо этого концепцию революционного процесса, в ходе которого старая теория отбрасывается и заменяется новой, несовместимой с прежней...»³⁷⁷. Причину смены парадигмы теории видят в неспособности старой теории ответить на вызов

³⁷⁷ Кун Т. Логика открытия или психология исследования? // Кун Т. Структура научных революций. М., 2003. С. 541–542.

логики эксперимента или наблюдения. Соотнеся это положение с ситуацией в гуманитарном знании XX в., можно видеть причину смены парадигм в исторической науке в неспособности нарративистской истории ответить на вызовы глобального миропорядка, нарративы противостоят друг другу, но ничего не объясняют. Неэффективен нарратив и в объяснении феномена информационного пространства технологий: слова и вещи утрачивают привычную связь, возникает новый информационный универсум, а глубинный порядок вещей, связь слов и вещей на фундаментальном общечеловеческом уровне не поддается традиционным объясняющим схемам.

Итак, исходная ситуация смены парадигм в изучаемом динамическом процессе присутствует. Новая парадигма действительно отрицает старую, и традиционное сообщество довольно агрессивно реагирует на ее появление. Тем не менее новая теория появляется, и начинается развитие новой теории. Ее сторонники (первоначально это небольшая группа, причем ее составляют люди самодостаточные, способные мыслить вне присоединения к большинству) – это в определенном смысле маргиналы, часто люди, получившие нетрадиционное образование или жизненный опыт: образовательная модель консервативна и из нее трудно вырваться. Создается группа, небольшая вначале, и внутри зарождающейся парадигмы происходит спонтанный, незаметный извне процесс развития, – уже не революционный, но этап существования «нормальной» науки. Это может быть семинар, кружок, общение людей, которых объединяет приверженность новой идее и желание проверить ее экспериментально. Главной задачей оказывается выработка системы понятий, внешне проявляющаяся как увлечение «абстрактными терминологическими словами». «Дальнейшее развитие... – характеризует этот этап историк науки, – есть развитие эзотерического словаря и мастерства и уточнение понятий, сходство которых с их прототипами, взятыми из области здравого смысла, непрерывно уменьшается»³⁷⁸. Иначе говоря, происходит необходимый для преобразования фундаментальной идеи в парадигму и формирования

³⁷⁸ Куи Т. Структура научных революций. М., 2003. С. 97–98.

исследовательских коллективных проектов процесс становления системы научных понятий (вместо повседневных прикладных определений на уровне «здравого смысла»). Системой понятий творчески овладевает вначале узкопрофессиональная («эзотерическая», по метафорическому выражению Т. Куна) группа. Каждый специалист, интересующийся историей собственной системы научной деятельности, легко отыщет в этой истории подобные ситуации спорадически возникающих терминологических дискуссий вокруг основных определений, дискуссий, увлекающих как теоретиков, так и практиков, в то время как со стороны подобные споры вызывают лишь непонимание и даже негативную реакцию в силу их кажущейся абстрактности. Создание понятий, как утверждает историк науки, происходит путем соотнесения понятий с реальными объектами наблюдения (именно таковы дискуссии по поводу понятий исторического источника, архивного фонда, предмета и задач дисциплин и т. д.). «Наука становится все более строгой. С другой стороны, внутри тех областей, на которые парадигма направляет усилия группы, нормальная наука ведет к накоплению подробной информации и к уточнению соответствия между наблюдением и теорией, которого невозможно было бы достигнуть как-то иначе»³⁷⁹.

При наличии такого фонового состояния сообщества каждая конкретная работа над эмпирическим материалом интерпретируется и самим ее автором, и ее ценителями, в том числе со стороны вклада в общую теорию: «Такая детальная разработка и уточнение соответствия имеют ценность, которая превышает интерес (обычно незначительный) к собственно внутреннему содержанию этой работы»³⁸⁰.

Итак, развитие «нормальной науки» распространяется все шире, по всему пространству наблюдения реальности, очерченному теоретическим подходом к наблюдению. Эффективного наблюдения вне теоретического подхода, естественно, не существует. Эффективно наблюдение, руководимое теорией:

³⁷⁹ Там же. С. 98.

³⁸⁰ Там же.

исследователь «знает», что он ищет, и предполагает, по логике теории, найти.

Направленное наблюдение он соотносит с понятиями, уже выработанными в рамках парадигмы, находящейся в процессе становления. Следующий этап вовлекает в направленное наблюдение все более широкий круг работников науки. И происходит то, что не может не происходить, потому что познание бесконечно, а реальность всегда богаче теории. Уже выработанные, работающие как модель понятия выявляют не только то, что исследователь ожидает и прогнозирует найти, но и различия, «аномалии», отклонения. Для того чтобы их заметить, и нужна разработанная система понятий. «Когда такая техника существует, первооткрывателем оказывается тот, кто, *точно зная*, чего он ожидает, способен распознать то, что отклоняется от ожидаемого результата»³⁸¹. Новое возникает перед глазами наблюдателя, направляемого теорией, «как незаконная комета среди расчисленных светил» (А. С. Пушкин). Освоенная сообществом парадигма расширяет поле наблюдения, сама подготавливая накопление эмпирических данных для своего развития, а может быть, и своей сменой новой парадигмой.

В рассматриваемой здесь конкретной ситуации в истории исторической науки направленное наблюдение позволяет увидеть сходство этапов динамического процесса познания наук естественнонаучного и гуманитарного содержания. Возвращаясь к главной теме – истории как строгой науке, мы видим и здесь сходство главного, фундаментального для эмпирических наук вообще вопроса. Это, конечно, вопрос об эмпирическом объекте науки истории. Мыслящих людей привлекает в истории ее способ понимания смысла реальности, желание понять ее глубинные механизмы, чтобы сделать эту жизнь лучше. Самодостаточных людей, прошедших суровую школу жизни, привлекает именно такая, а не «художественная» история. На фотографии, где теоретик и методолог-историк А. С. Лапшова-Данилевский запечатлен со своими близкими учениками, теперь

³⁸¹ Там же.

уже не всех можно с точностью узнать³⁸². Но те, кто узнаваем (рядом с учителем сидит Питирим Сорокин, будущий выдающийся социолог, стоит его друг, будущий выдающийся философ-экономист Н. Д. Кондратьев, будущий крупный политический деятель Ш. З. Элиава, С. Н. Валк), – несомненно, эти люди были исследователями смысла реальности, механизмов человеческого существования. Во всяком случае три первых из них, а также А. И. Андреев – один из главных учеников А. С. Лаппо-Данилевского, университетов в буквальном смысле не кончали, а учились в церковно-приходской школе, но зато были замечены как таланты уже в учительских семинариях или благотворительных учреждениях, как Андреев. Конечно, их привлекает такая концепция истории в ее широком смысле, какую утверждает их общий руководитель – А. С. Лаппо-Данилевский. Именно он теоретически решает и аргументирует главный для истории как науки вопрос об объекте. Суть заключается в том, что «действительная цель ученых, – как полагал Т. Кун, – состоит в изобретении теорий, которые *объясняют* наблюдаемые явления, и что они, поступая таким образом, обращаются к *реальным* объектам, что бы ни означало это последнее выражение»³⁸³. Такова логика познания: наука должна иметь возможности опираться на закономерности, проявляющиеся в режиме естественно-исторического, спонтанно развертывающегося процесса функционирования реальности. Вопрос о реальном объекте истории как строгой науки, как уже известно, решен А. С. Лаппо-Данилевским: реализованный продукт, целенаправленно созданный по образу человеческой когнитивной системы («психики» в широком смысле), реализован, имеет материальный образ и потому выступает как реальный объект для науки³⁸⁴. Далее все становится возможным в динамическом процессе познания. Научный оптимизм исследовательской пер-

³⁸² Сорокин П. А. Дальняя дорога. Автобиография. М., 1992. Фото: С. 160–161.

³⁸³ Кун Т. Логика открытия или психология исследования? С. 542.

³⁸⁴ Лаппо-Данилевский А. С. Методология истории. СПб., 1913. Вып. 2. С. 374 и след.

спективы неизменно влечет сообщество к отказу от возвышающего обмана нарратива, к строгому механизму исследования. Смена парадигм возникает как данность. Первый этап, разумеется, революционен: революция происходит в сознании историка, готового развивать новый образ мышления. Теперь мы можем лучше понять ситуацию, в которой А. И. Андреев оказывается во время учебы в университете на историко-филологическом факультете, сразу включаясь в активную работу кружка Лаппо-Данилевского по изучению частных актов.

В 1909 г. Андреев сдал экзамен за гимназический курс по латыни и греческому и был принят на историко-филологический факультет Петербургского университета. В университете он считал своими учителями А. С. Лаппо-Данилевского и А. Е. Преснякова³⁸⁵. Тогда же, еще будучи студентом, он стал сотрудником Постоянной исторической комиссии Академии наук, активно включился в работу студенческого научного кружка Лаппо-Данилевского по подготовке Каталога частных актов Московского государства. Это была коллективная исследовательская работа по изучению эволюционных рядов корпуса частных актов³⁸⁶: в предреволюционной России не было, вероятно, более актуальной темы, нежели изучение становления правового сознания широких масс населения, это изучение проводилось на материале корпуса однородных актовых источников – частных актов, отдельными группами которых занимались как сам Лаппо-Данилевский (изучавший служилые кабалы), так и другие участники этого проекта. Первый доклад Андреева был посвящен изучению духовных грамот великих князей московских, но затем он перешел к изучению частнопровых источников. Таким образом, момент вступления А. И. Андреева в науку совпадает с этапом формирования понятийного словаря носителей

³⁸⁵ Яцунский В. К. Указ. соч. С. 4.

³⁸⁶ Андреев А. И. Краткий очерк деятельности Кружка по составлению Каталога частнопровых актов допетровской Руси // Сборник статей, посвященных Александру Сергеевичу Лаппо-Данилевскому. Пг., 1916. С. 1–7 (Историческое обозрение: Сб. Исторического о-ва при Петрогр. ун-те / Изд. под ред. Н. И. Кареева. Т. 21).

источниковедческой исследовательской парадигмы. С традиционной наукой и руководитель кружка, и молодые исследователи актовой терминологии находятся в непростых отношениях – смена парадигм нигде не проходит гладко. Это всегда именно выбор, альтернатива: традиционная парадигма имеет массу преимуществ – она опирается на традиционную, уже вошедшую в сознание поколений образовательную модель, носители ее в отличие от новых людей имеют административный ресурс академической и университетской системы, поэтому носителями нового становятся в основном люди, способные к противостоянию. Эти черты характера, как известно, весьма часто отмечают исследователи творчества как А. С. Лаппо-Данилевского, так и А. И. Андреева.

В недавнем исследовании архивистической составляющей гуманитарного знания XX в. Т. И. Хорхордина справедливо отметила, что позиция Лаппо-Данилевского альтернативна по отношению к традиционному направлению, что «он сделал все, чтобы создать в соответствии с провозглашенными им принципами новое направление в науке»³⁸⁷. Она привела часть выступления Лаппо-Данилевского (черновой вариант), где ученый, только что избранный академиком, сформулировал суть этой альтернативности, отметив ее интегративный и принципиально теоретический характер. Перед нами действительно смена парадигм в исторической науке – она и выражена как противостояние, как движение вопреки традиции нарратива. Конечно, молодые ученики академика воспринимали и разделяли эту «революционность» смены парадигм и были вполне готовы в рамках новой парадигмы развивать внутри нее систему «эзотерического словаря», создания новой классификации, новой терминологии, соотнося теоретические понятия дипломатики частных актов с реальностью исследования актовых источников, целых эволюционных рядов корпуса массовых источников – частных актов российской истории феодального периода.

³⁸⁷ Хорхордина Т. И. Указ. соч. С. 260.

Избранный действительным членом Академии ученый выражал надежду на развитие нового направления, на то, что его единодушное избрание можно интерпретировать как поддержку. Заметим также, что это было обращение не к историкам, но ко всему сообществу ученых – именно здесь он мог рассчитывать на понимание истории как строгой науки. Именно поэтому предельно четко сформулирована суть новой теоретической идеи: «Я буду стараться, не пренебрегая лингвистикой, археологией и археографией (оценим постановку концепции истории в ряд с науками и дисциплинами, имеющими бесспорно свой реальный исследовательский объект. – *О. М.*), придерживаться того направления, которое имеет в виду не только факты, но и факторы, не одни события, но и явления, которое стремится изобразить не столько картины, сколько процессы, и располагает материал не живописными группами, а эволюционными рядами»³⁸⁸.

А. И. Андреев не теоретик идеи, но он активный исследователь первого этапа развития ее как нормальной науки, он высоко ценит результаты создания «эзотерического» терминологического основания. Он – активный участник и летописец исследовательского проекта по изучению эволюционных рядов корпуса частных актов как главного источника информации о русском народном правосознании: он и его друг С. Н. Валк неоднократно обращаются вновь и вновь к вопросам начальной истории становления частного акта. Андреев в первые послеоктябрьские годы делал все возможное и невозможное, чтобы результаты исследований данного направления были доступны науке. В 1922 г. он опубликовал созданный в кружке Каталог частного акта, он был редактором и автором предисловия знаменитых в истории науки «Очерков русской дипломатики частных актов» А. С. Лапшо-Данилевского (1920), ему удалось добиться переиздания основного труда Лапшо-Данилевского «Методология истории»: удалось издать первый том, но, к сожалению, критическая рецензия М. Н. Покровского положила конец надеждам

³⁸⁸ Там же. С. 260–261.

издать также и главный, второй, том, содержащий существо концепции – методологию источниковедения как основы целостной концепции научной истории³⁸⁹.

Лишь в последние годы стала выходить на свет история той идейной борьбы, которая происходила в послеоктябрьский период по вопросу о принципах пофондового формирования общенационального архивного наследия страны. Терминологические понятийные дискуссии велись в рамках архивной терминологии, и в данной связи исследователи российской архивистики показали, каким образом эта, казалось бы специальная, проблематика связана с познавательным процессом гуманитарного знания в целом. Суть различных подходов к изучению истории состоит в следующем: возможно ли обращаться к изучению реальных связей культурных феноменов, сложившихся в реальной действительности прошлого? В данной связи принципиальное значение имеет понятие архивного фонда как целостного объекта со своими реальными связями. «В процессе документирования деятельности возникают информационные связи между документами, а в самом фонде складываются скрепленные этими связями структуры документов», – так пишет В. Н. Автократов, чьим первым научным руководителем в историко-архивном институте был А. И. Андреев³⁹⁰. Истоки теоретико-методологических споров о сохранении этих изначальных связей делопроизводственных документов с системой управления восходят к истории нашей гуманитарной науки в

³⁸⁹ Терминологический словарь частных актов Московского государства / Под ред. и с предисл. А. И. Андреева. Пг., 1922. 2, XIV; *Литто-Данилевский А. С.* Очерк русской дипломатики частных актов: Лекции, читанные слушателям «Архивных курсов» при Петроградском Археологическом Институте в 1918 году / Предисл. А. И. Андреева (с. 1). Пг., 1920; *Он же.* Методология истории. [3-е], посмерт. изд. / Сост. и наблюд. за допечатанием кн. А. А. Дрозденко, С. Н. Валка, А. И. Андреева. Пг., 1923. Вып. 1. 2, XIII. См. также рецензию С. Н. Валка на «Очерк русской дипломатики частных актов»: *Валк С. Н.* Избранные труды по историографии и источниковедению: Науч. наследие. СПб., 2000. С. 576–593.

³⁹⁰ *Автократов В. Н.* Теоретические проблемы отечественного архивоведения. М., 2001. С. 114.

целом. Отметим, однако, что аналитики этой проблемы рассматривают в данной связи и факт создания А. И. Андреевым кружка молодых архивоведов, разрабатывавших проект архивной терминологии³⁹¹. Этим кружком специалистов, «одинаково мыслящих по существу», в 1919–1921 г. руководил А. И. Андреев. «Терминологический» доклад А. И. Андреева на Первой всероссийской конференции архивных деятелей 1921 г. В. И. Пичета охарактеризовал как «имеющий огромное принципиальное практическое и теоретическое значение»³⁹². Терминологические дискуссии были продолжены с участием историков, юристов и архивистов, однако с приходом М. Н. Покровского к руководству архивным делом работы были прерваны.

Направленное наблюдение целостных культурных феноменов, не утративших следы изначальных информационных связей в условиях их происхождения, – этот подход является общим для сторонников общегуманитарного исследовательского метода строгого знания. Для А. И. Андреева было очевидно, что распространение данного подхода в профессиональном сообществе может быть обеспечено формированием новой образовательной модели. В ее центре он видел понятие об интегрирующей роли источниковедения, рассматривающего метод исследования реализованного продукта деятельности людей. Работа А. И. Андреева в качестве заведующего кафедрой вспомогательных исторических дисциплин историко-архивного института строилась в рамках парадигмы истории как строгой науки. В центре внимания оказывался подход к изучению эволюционных рядов исторических источников по видам, в качестве наиболее эффективной для утверждения этого подхода рассматривалась дипломатика. В области актового источниковедения работал принятый на кафедру Л. В. Черепнин (в русле данной концепции формировалась его классическая монография «Русские феодальные архивы»³⁹³). Не «живописные группы

³⁹¹ Хорхордина Т. И. Указ. соч. С. 453 и след.

³⁹² Там же. С. 464.

³⁹³ Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV–XV веков. М.; Л., 1948–1951. Ч. 1–2.

материалов», но эволюционные ряды однородных видов источников были положены в основу направленного наблюдения источников отечественной истории.

Поразительно, каким образом Андрееву удалось противопоставить насквозь идеологизированному нарративу истории советской эпохи научный видовой подход и, следовательно, отстоять принцип изучения эволюционных рядов однотипных источников с едиными методами выявления информационного содержания и проверки достоверности. На кафедру был приглашен молодой ученый, заявивший уже о себе серьезным изучением целостного культурного объекта – корпуса источников по истории советской промышленной статистики (М. Н. Черноморский). Проведя видовой подход по отношению к этому корпусу источников, можно было постепенно и осторожно вводить в научный оборот другие видовые комплексы источников советского периода: изучать мемуары как исторический источник, а затем и периодическую печать и, наконец, представить все поле источников советского периода в виде крупных видовых комплексов в едином учебном пособии. Целостное источниковедческое исследование однородного видового эволюционного ряда источников окончательно утвердилось как зримая альтернатива жанру исторического нарратива задолго до того, как философы и историки исторического нарратива показали его несовместимость с условиями и критериями «нормальной» строгой науки. Развитие концептуальных идей новой парадигмы пошло по другой линии – нового обращения к теоретико-методологической проблематике в рамках теории источниковедения и теории и методологии истории в целом. «Формирование парадигмы и появление на ее основе более эзотерического (профессионально специализированного внутри парадигмы. – О. М.) типа исследования является признаком зрелости развития любой научной дисциплины», – пишет Т. Кун³⁹⁴.

Для направленного наблюдения объектов необходима образцовая модель гуманитарного знания, дающая возможность построить алгоритм интерпретации внешних признаков

³⁹⁴ Кун Т. Структура научных революций. С. 36.

объекта. Андреев хорошо это понимал и придавал вспомогательным историческим дисциплинам отнюдь не вспомогательное, но принципиальное значение. Это – неотъемлемая часть истории как эмпирической науки, обращенной к реальным объектам. Прямо на кафедре молодые ученые работали над учебными пособиями: «Русская метрология» и «Русская хронология» Черепнина, «Русская палеография» Чаева и Черепнина вышли в свет с помощью и под редакцией Андреева³⁹⁵. Сам ученый в эти годы продолжает разрабатывать крупные видовые комплексы исторических источников – это, прежде всего, географические старинные чертежи и карты географических открытий в Тихом и Северном Ледовитом океанах в XVIII–XIX вв. Его работы прочерчивают перспективные направления дальнейших исследований всего целостного корпуса картографических источников³⁹⁶.

Московские годы деятельности ученого одновременно связаны с работой в Институте истории Академии наук, где он с необычайной энергией возродил издание знаменитой публикации «Писем и бумаг императора Петра Великого»³⁹⁷. Работа над тематикой петровского времени дала ему конкретный материал для конкретной и наглядной реализации одной из ведущих идей науки – ее единства, идеи упрочения и развития связей с наукой Запада. Статья «Петр I в Англии в 1698 г.», где говорилось о живом и творческом восприятии достижений западной науки, стала поводом для идеологической кампании 1949 г. в

³⁹⁵ Черепнин А. В. Русская метрология. М., 1944. (Учеб. пособия по вспомогат. ист. дисциплинам / Под ред. А. И. Андреева; IV); Черепнин А. В. Русская хронология. М., 1944. (Учеб. пособия по вспомогат. ист. дисциплинам / Под ред. А. И. Андреева; III); Чаев Н. С.; Черепнин А. В. Русская палеография. М., 1946. (Учеб. пособия по вспомогат. ист. дисциплинам / Под ред. А. И. Андреева; Ч. 1).

³⁹⁶ Андреев А. И. Русские открытия в Тихом океане в XVIII в. (Обзор источников и литературы) // Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII веке / Под ред. А. И. Андреева. М.: Гос. изд-во геогр. лит., 1948. С. 5–76.

³⁹⁷ Письма и бумаги императора Петра Великого. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1946. Т. 7. Вып. 2 / Ред. А. И. Андреев. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. Т. 8. Вып. 1 / Ред. А. И. Андреев.

отношении деятельности ученого³⁹⁸. В это время (1943 г.) он говорил о своем учителе – не только как о специалисте в области русской истории. Лаппо-Данилевский, утверждал Андреев на Всесоюзной конференции архивных деятелей, историков-архивистов в июне 1943 г., «был образованнейший человек и специалист по западно-европейской науке. Это был человек, прекрасно понимающий значение науки Запада для нашей российской науки»³⁹⁹. Андреев, конечно, не сказал тогда, что Лаппо-Данилевский был участником и даже одним из руководителей (вице-председателем в 1912 г.) всех Международных конгрессов историков, проходивших при его жизни, и что именно он как лидер академической науки провел официальное решение о проведении следующего (намеченного на 1918 год) Международного конгресса в России, что он, Андреев, и другие общались на английском с западными коллегами, они успели подготовить проект проведения будущего конгресса. Но и сказанного оказалось достаточно, чтобы остаться без работы в Москве.

Последние десятилетия ученый работал в научных учреждениях Ленинградского отделения Академии наук и Всесоюзного географического общества. Спас положение С. И. Вавилов, знаменитый физик, в те годы президент Академии наук, хорошо знавший А. И. Андреева как историка академической науки. Сам Вавилов возглавлял академическую Комиссию по истории науки, лично формировал концепцию издания корпуса исторических источников по истории физики и математики. Для Андреева как выдающегося историка науки была основополагающей идея единства научного знания, диалога естественнонаучного и гуманитарного знания и интегрирующей роли истории как строгой науки в интегрирующем процессе познания. Его привлекали такие личности в истории науки, которые поднимались над узкопрофессиональным разделением, созда-

³⁹⁸ *Андреев А. И.* Петр I в Англии в 1698 г. // Петр Великий: Сб. ст. / Под ред. А. И. Андреева. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947. Т. 1. С. 63–103; *Простолов А. Я., Станиславский А. А.* Указ. соч. С. 28.

³⁹⁹ Цит. по: *Хорьхордина Т. И.* Указ. соч. С. 65.

вали свои концепции на уровне взаимодействия истории, географии, этнографии, картографии и математики: он изучал и публиковал корпусы источников о деятельности таких ученых, как Ломоносов, Ремезов, Крашенинников, Миллер, Татищев. В качестве историка науки Андреев был последователем А. С. Лаппо-Данилевского – становление русской школы истории науки XX в. специалисты связывают именно с деятельностью Лаппо-Данилевского. Его реальное воздействие очень велико, хотя мы этого практически еще не сознаем. Достаточно сказать, что среди его прямых и верных учеников такие выдающиеся историки науки, как А. И. Андреев и Т. И. Райнов⁴⁰⁰.

Таким образом, обращаясь к наследию А. И. Андреева, актуальным можно назвать многое, если не все. Но одну мысль все же следует подчеркнуть как остроактуальную: теперь, когда теория и история науки закономерно стала частью университетского образования, она не может больше рассматриваться лишь как история естественнонаучного знания, история естествознания и техники. Смена парадигм в гуманитарном знании и становление истории в широком смысле как науки строгой и точной, науки эмпирической дают основание включать гуманитаристику в общий динамический процесс человеческого познания XX–XXI вв.

⁴⁰⁰ *Илизаров С. С.* Формирование в России сообщества историков науки и техники: Сотрудники ИИЕТ. 1993 г.: Биобиблиогр. словарь. М.: Наука, 1993. С. 8.

Л. В. ЧЕРЕПНИН И СТАНОВЛЕНИЕ НАУКИ ОБ ИСТОЧНИКАХ⁴⁰¹

Уровень, на который вышло отечественное источниковедение в настоящее время, явился результатом деятельности не одного поколения ученых. В трудах выдающегося историка и талантливого педагога Льва Владимировича Черепнина центральное место занимают теоретические и методологические вопросы истории феодализма. На материале конкретных источников, в ходе анализа развития феодальной формации изучались им закономерности исторического познания, методы работы с историческими источниками, формировалась концепция источниковедения как науки и учебной дисциплины. Когда задумываешься над трудами Черепнина, оказавшего столь существенное влияние на развитие науки об источниках, память возвращает к тем годам, когда связь источниковедения не только с конкретно-историческими исследованиями, но и практикой преподавания выступала ярко, была непосредственно наблюдаема.

В 1942–1949 гг. Черепнин работал в историко-архивном институте на кафедре вспомогательных исторических дисциплин, являвшейся тогда единственной специальной кафедрой такого рода. Заведовал кафедрой в те годы (1943–1949) профессор А. И. Андреев – крупнейший знаток источников истории России XVII–XVIII вв., уже в довоенные годы опубликовавший «Очерки по источниковедению Сибири, XVII век»⁴⁰², где тонкий анализ письменных и картографических источников проводился с использованием методик палеографии, дипломатики, других дисциплин. В эти же годы (1944) на кафедру приходит В. К. Яцунский. Его первая статья о предмете исторической гео-

⁴⁰¹ Публикуется по изданию: *Медушевская О. М.* Л. В. Черепнин и становление науки об источниках // *Феодализм в России: Сб. статей и воспоминаний, посвященный памяти академика Л. В. Черепнина.* – М.: Наука, 1987. С. 53–58.

⁴⁰² *Андреев А. И.* Очерки по источниковедению Сибири, XVII век. Л., 1940; см. также: *Яцунский В. К.* Александр Игнатьевич Андреев: Краткий очерк жизни и деятельности // *Андреев А. И.* Очерки по источниковедению Сибири. 2-е изд. Л., 1960.

графии уже опубликована, он разрабатывает основы своего учебного курса этой дисциплины, ее методологию, историю и методику. В труде профессоров и преподавателей кафедры трудно отделить научно-исследовательскую работу от педагогического процесса. Свои размышления, опыт, достижения и трудности они приносят в аудиторию, увлекая студентов, аспирантов, коллег своей самоотверженной работой.

Еженедельные встречи на кафедре, возникающие проекты формирующихся программ курсов, уточнение профиля дисциплин, специальности, самой кафедры. Позднее все это даст о себе знать возрастающим интересом к источниковедению, вспыхнувшими в 50-х годах научными дискуссиями о нем, работами по его проблематике. А пока – что ни дисциплина, то свои проблемы, методические и практические трудности: структура курса источниковедения (его читают Л. В. Черепнин и А. И. Андреев) и соотношение в нем общей методики и обзора конкретных источников; предмет дипломатики и вопросы классификации актов; историзм в изучении письменных памятников и их внешних особенностей; историческая география и ее соотношение с географией, экономикой, историей географических знаний. В конце 40-х годов с особой остротой встают теоретические и практические проблемы отношения к традиционному источниковедческому наследию. Черепнин акцентирует внимание на критическом анализе его методологии, Андреев – на ценности опыта отечественного источниковедения. Яцунский обращается к конкретной истории, отечественной и зарубежной исторической географии, настойчиво расширяя круг историографических источников.

Огромная увлеченность, осознание редкой, долгожданной возможности преподавать источниковедение, формировать, строить, совершенствовать профессиональный аппарат историка, проверяя поиск педагогической и архивной практикой. Работа Черепнина над учебными пособиями, прежде всего над концепцией предмета, определения места каждой из дисциплин в общей системе исторических наук в целом. Это годы подготовки Л. В. Черепниным книг «Русская метрология» (1944),

«Русская хронология» (1944), выхода в свет «Русской палеографии» Н. С. Чаева и Л. В. Черепнина (1946). Они не снимают всех проблем и трудностей, напротив, острые споры, например, о предмете и методах палеографии и структуре ее курса, разгораются. Но пособия созданы в ходе преподавательской деятельности, вызваны к жизни острой необходимостью, потребностями практики, одобрены кафедрой (все они вышли под редакцией заведующего кафедрой Андреева). Под его редакцией выходит и том трудов коллектива кафедры, где перу Черепнина принадлежит большая статья по тематике подготавливаемой им монографии, в центре которой – проблемы дипломатики как актовое источниковедение. Первый том монографии появился уже в 1948 г.

«Русские феодальные архивы»⁴⁰³ давно и заслуженно вошли в классику советской исторической науки, источниковедения. Тогда, по выходе первого тома, работа произвела сильное впечатление фундаментальностью, вниманием к теоретическим проблемам источниковедения, опытом их реализации в процессе исследования конкретных источников. Не сразу и не все принималось безоговорочно, но масштабный авторский подход создавал новый качественный уровень, обрисовав сложные аспекты многих трудных проблем, требовавших осмысления.

Труд Черепнина имел важное значение для развития концепции источниковедения как науки об источниках. В нем формулировались принципиальные положения о материалистическом понимании природы исторического источника, об источнике как историческом явлении. «Каждый источник представляет собой историческое явление. Возникнув в определенных условиях времени и места, в обстановке классовой и политической борьбы, он носит на себе отпечаток именно этих условий, проникнут классовой направленностью и политической целеустремленностью»⁴⁰⁴. Интерпретация источника, подчеркивавшая его социальную природу как исторического

⁴⁰³ Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV–XV вв. М.; Л., 1948–1951. Ч. 1–2.

⁴⁰⁴ Там же. Ч. 1. С. 5.

явления и раскрывавшая зависимость методов источниковедческого анализа от объективных свойств источника, была дана Черепниным в связи с критикой идеалистических представлений, связывающих методологию источниковедения лишь с познавательной деятельностью историка.

Принципиальные положения в труде Черепнина не только формулировались, они реализовывались в процессе исследования. Он изучил всю совокупность документальных источников Руси XIV–XV вв. в связи с историческими и политическими условиями создания источников, с историей русских феодальных архивов в тот период и последующее время. Задачу советского источниковедения автор видел в том, чтобы раскрыть классовый и политический смысл документов, понять их происхождение в обстановке классовой и внутриклассовой борьбы в феодальном обществе. Во втором томе монографии автор вновь подчеркивал эту основную идею: «В первой части автор стремился показать, что задача советского источниковедения заключается в выяснении классовой сущности и политического значения подвергаемых анализу источников»⁴⁰⁵. Вобрав в себя опыт развития отечественного источниковедения, концепция источника как исторического явления, возникающего в определенных условиях общественного развития и отражающего эти условия, имела, в свою очередь, важное значение для понимания взаимосвязанности, цельности вспомогательных исторических дисциплин как системы. Историзм подхода к источнику объединял дисциплины, изучающие отдельные стороны формы и содержания источников и происходящих в них изменений под влиянием хода общественного развития.

Обращаясь в одной из своих позднейших работ к истории палеографии, Черепнин отметил главную линию ее развития как расширение и углубление функций палеографии, определяемое стремлением сделать ее более действенной в историческом исследовании⁴⁰⁶. В основе лежал историзм подхода к

⁴⁰⁵ Там же. Ч. 2. С. 3.

⁴⁰⁶ Черепнин А. В. К вопросу о методологии и методике источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин // Источниковедение отечественной истории. М., 1973. Вып. 1. С. 45.

источнику. Развитие письменности в курсе А. Н. Сперанского (заведовавшего кафедрой вспомогательных исторических дисциплин до 1943 г.), писал А. В. Черепнин, опираясь на свидетельство Н. В. Устюгова, было «органически связано с экономическим, социальным, политическим развитием Русского государства»⁴⁰⁷. Историзм подхода к изучению внешних особенностей источника определил и главное направление разработки Черепниным «Русской палеографии» (1956). Его «методы рассмотрения истории письма на фоне общих явлений социально-экономического и политического развития»⁴⁰⁸ находят свое подтверждение в практике преподавания. Именно подход к источнику как историческому явлению дает возможность раскрыть сущность взаимосвязи палеографии и источниковедения, правильно определить общность их цели при сохранении специфики в предмете и методах, а в методике преподавания облегчает логический переход от эмпирического уровня изучения внешних особенностей к более сложным, комплексным методам анализа происхождения и содержания источников.

На стыке источниковедения и ряда специальных дисциплин в процессе их преподавания, при составлении первых программ курсов этих дисциплин накапливался опыт в решении проблем классификации источников. Во втором томе «Русских феодальных архивов» Черепнин посвятил «принципам классификации актов феодальной эпохи (XIV–XV вв.)» особую главу. Критически рассмотрев некоторые разработанные в прошлом русскими исследователями схемы, он остановился подробно на классификации актов, данной А. А. Зиминим в его программе по дипломатике для историко-архивного института. «Над вопросами актового источниковедения много работал А. А. Зимин, считающий единственно правильным принципом классификации актов их содержание и рассматривающий историко-правовую структуру акта как дополнительный фактор»⁴⁰⁹.

⁴⁰⁷ Там же. С. 47.

⁴⁰⁸ Там же.

⁴⁰⁹ Черепнин А. В. Русские феодальные архивы. Ч. II. С. 63.

В соответствии с этим принципом программа кафедры по дипломатике выделяла акты о социально-экономических отношениях, акты внутренней и внешней политики с последующим более дробным делением по тому же принципу содержания. Отметив, что классификация актов по содержанию представляет большой шаг вперед, Черепнин, уточнив и развив ее, положил в основу классификации актов в своей книге.

Кафедра вспомогательных исторических дисциплин работала, наряду с программой по дипломатике, над программой курса источниковедения. Эта работа стала вестись особенно активно с того времени, когда кафедрой стала заведовать А. Т. Николаева (1951). В литературе уже говорилось о том, что, попытавшись вначале дать классификацию источников по их содержанию, кафедра убедилась затем в преимуществах видового принципа классификации источников. Об этом по личным впечатлениям активного участника всей этой работы хорошо рассказал В. К. Яцунский⁴¹⁰. Он аргументировал целесообразность классификации источников с позиций общности методов, применяемых для их анализа (по существу, речь шла о видовых методиках исследования, определяемых особенностями законодательных источников, мемуаров и т. п.). Эта статья Яцунского известна. Но важно подчеркнуть, что альтернатива – классификации по содержанию или по видам – относилась именно к курсу источниковедения в целом. При классификации же внутри одного вида источников – актов в курсе дипломатики (и в монографии А. В. Черепнина) классификация по содержанию была вполне рациональна и практически оправдана.

Как большое событие было воспринято на кафедре появление концептуальной статьи Черепнина «Источниковедение» во втором издании Большой советской энциклопедии (1953). Статья определяла источниковедение как наиболее широкую из

⁴¹⁰ Яцунский В. К. К вопросу о классификации письменных исторических источников в курсе источниковедения истории СССР // Тр. Моск. гос. историко-архивного ин-та. 1958. Т. 11; см. также: Источниковедение истории СССР: Программа курса. М., 1954; и ряд последующих изданий, новейшее опубликовано в 1983 г.

вспомогательных исторических дисциплин, разрабатывающую методы изучения и использования исторических источников. Развивая теоретические положения «Русских феодальных архивов», Черепнин подчеркивал, что единство научного источниковедения определяется материалистическим пониманием исторического источника: «Советское источниковедение раскрывает значение источника как продукта определенной системы производственных отношений и как результат классовой борьбы»⁴¹¹. Он отмечал, что на научной методологической основе решаются главные задачи источниковедения – вопросы классификации, критического анализа, определения происхождения, классового характера источника, проверки достоверности и фактической ценности его содержания и, наконец, синтеза – изучения системы источников в их взаимосвязи. Характеризовалось содержание основных этапов источниковедческого анализа – внешней критики (как изучения происхождения, истолкования) и внутренней критики (как изучения содержания).

В статье показана была система вспомогательных исторических дисциплин в целом и место источниковедения в ней. Вполне определенно отмечалась необходимость преподавания источниковедения в высшей школе, намечались перспективы в этом направлении. На кафедре по данному допросу был сделан большой доклад Николаевой, а затем опубликована и статья⁴¹².

К сожалению, в эти годы Лев Владимирович уже не работал непосредственно на кафедре, в историко-архивном институте, но своим авторитетом ученого, логикой постановки проблем источниковедения, своим непосредственным влиянием он утверждал и убежденно поддерживал ту работу, которую в этом направлении вела кафедра. Через Яцунского, других членов кафедры он был в курсе тех проблем и споров, в которых создавалась и совершенствовалась программа по источниковедению отечественной истории в МГИАИ, ее концептуальная основа. Его мнение и поддержка по вопросам классификации

⁴¹¹ Черепнин А. В. Источниковедение // БСЭ. 2-е изд. М., 1953. Т. 19.

⁴¹² Николаева А. Т. Вопросы вспомогательных исторических дисциплин во втором издании БСЭ // Ист. архив. 1956. № 2.

источников в курсе, понятий внешней и внутренней критики имели принципиальное значение.

На примере недолгих лет работы Льва Владимировича в МГИАИ отчетливо проявилось то огромное значение, которое имеет для преподавания и научной работы высшей школы участие ученых такого масштаба. Это влияние, этот духовный импульс проявлялись многогранно, ощущались непосредственно и дали и дают свой отклик спустя годы, все расширяя сферу своего воздействия. Если говорить о научном направлении, которое шло от Льва Владимировича, то это прежде всего подход к источниковедению не как к вспомогательной дисциплине – методике, обзору источников, а как к области теоретико-познавательного уровня. Концепция источника как исторического явления, само представление о системе методов исторической науки – эти проблемы анализировались на высоком уровне теоретического обобщения.

Сложилось так, что последнее – после долгого перерыва – в 1975 г. выступление Льва Владимировича в историко-архивном институте было посвящено именно развитию этих проблем⁴¹³. Коллеги и ученики, студенты, учившиеся по его учебникам, навсегда запомнили его блестящее и глубокое выступление. Он говорил о перспективах теоретических проблем источниковедения, развитию которого отдал так много творческих сил и блестящего таланта.

⁴¹³ Имеется в виду выступление академика Л. В. Черепнина в МГИАИ на защите докторской диссертации О. М. Медушевой «Теоретические проблемы источниковедения» (1975 г.). В качестве официального оппонента он дал высокую оценку данному труду, подчеркнул его актуальность в мировой историографии, преемственность представленного подхода по отношению к классической традиции русской историографии, отметил важность разработки вопросов методологии истории и источниковедения в отечественной науке. – *Прим. ред.*

О ПРОГРАММЕ КУРСА «ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ ИСТОРИИ СССР» И ВИДОВОМ ПРИНЦИПЕ КЛАССИФИКАЦИИ ИСТОЧНИКОВ⁴¹⁴

На первый план следует поставить понимание социальной природы исторического источника, осмысление источника как продукта общественного развития, раскрытие первостепенного значения связи между содержанием источника и условиями его возникновения⁴¹⁵.

⁴¹⁴ Публикуется по рукописи: *Медушевская О. М.* Теоретические проблемы источниковедения. Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. – М., 1975 (фрагмент текста).

⁴¹⁵ Публикуемый фрагмент докторской диссертации О. М. Медушевской (1975 г.) принципиально важен в нескольких отношениях: во-первых, четкой формулировкой концепции теоретического источниковедения и исторического источника как продукта целенаправленной человеческой деятельности (что отсылало к концепции А. С. Лаппо-Данилевского и по существу вводило ее в аутентичной форме в научный оборот историографии рассматриваемого периода); во-вторых, постановкой проблемы социальных функций источника, рассмотренных с позиций исторического процесса и одновременно с позиций соотношения объекта и субъекта исторического познания; в-третьих, обоснованием видовой классификации источников, которая противопоставлялась различным субъективистским схемам классификации, выдвигавшимся в данный период (предполагалось, напр., делить источники по социально-экономическим формациям, «классовому» происхождению или в соответствии с представлениями об актуальности соответствующих исследовательских тем, инспирированными в первую очередь идеологическими представлениями того времени). Эта дискуссия, протекавшая в достаточно острой форме, имела не только теоретическое, но важное практическое значение – от ее исхода зависело сохранение целостности архивных фондов, исторически сформировавшихся в деятельности государственных учреждений, общественных организаций или частных лиц. Тот факт, что принцип видовой классификации в конечном счете восторжествовал над альтернативными (субъективными) подходами имел значение для постановки курса источниковедения в высшей школе и историко-архивном образовании – получила выражение в программе курса, читавшегося в МГИАИ. Было признано, что «вид» источника является его объективной характеристикой, отражающей возникновение и функционирование в социальной действительности разных исторических эпох, а следовательно, существенные универсальные особенности фиксированной в нем информации. В рамках данного подхода «объективный характер информации источника» противопоставлялся субъек-

В центре внимания «Методологии истории» Лапшова и Данилевского поставлены те свойства и соответствующие им информативные возможности источника, которые восприняты историком как познающим субъектом. В действительности же, природа источника в системе «источник-историк» полностью себя не раскрывает. Несомненно, исследование закономерностей процесса восприятия информации источника – важный элемент теоретического источниковедения. Материалистическое источниковедение придает изучению этих закономерностей все большее внимание. Однако, важно подчеркнуть, что отношение «источник-историк» все же является вторичным и производным в сравнении с отношением «источник-исторический процесс». Первичные, объективные свойства источников, – его форма и содержание формируются в процессе исторической, социальной действительности, под воздействием тех или иных социальных сил и интересов, но, что принципиально важно – вне зависимости от целей последующего исторического исследования. Объективный характер информации источника в отношении последующего исторического исследования является принципиальным моментом. С этим свойством источников тесно связана потенциальная возможность объективного познания прошлого через посредство исторических источников, а следовательно одна из существенных сторон проблемы объективности исторического познания в целом.

Советская историография накопила богатый опыт исследования объективных свойств исторических источников, тех их реальных свойств, которые формируются в процессе возникновения и функционирования источников, под воздействием условий общественного развития.

ективным представлениям последующих исследователей и интерпретаторов. Понятие «объективности» информации источника, характерное в целом для марксистской историографии, в дальнейшем (на следующем этапе развития ее взглядов) был скорректирован О. М. Медушевской как слишком прямолинейный: она предпочитала говорить о «достоверности» информации, которая устанавливается с помощью ее верификации, что делает актуальным обращение к методам источниковедческой критики и совершенствованию инструментария гуманитарного познания. – *Прим. ред.*

Изучение источников в связи с социально-экономическими условиями их возникновения сочеталось с анализом структуры источниковедческой базы социально-экономических формаций. В первую очередь развивалось изучение источниковедческой базы истории СССР (учебное пособие М. Н. Тихомирова и С. А. Никитина⁴¹⁶; Программа «Источниковедение истории СССР» Московского государственного историко-архивного института⁴¹⁷). В программе по источниковедению истории МГИАИ закрепилось деление источников по социально-экономическим формациям: намечена структура источниковедческой базы периода феодализма, капитализма, истории советского общества; после долгих исканий был отброшен принцип деления источников в каждой из формаций по их содержанию и была избрана закрепленная впоследствии практикой классификация источников по видам⁴¹⁸.

Программа по источниковедению Московского историко-архивного института подвела определенные итоги и зафиксировала изучение видовой структуры источниковедческой базы истории СССР по каждой из социально-экономических формаций, в том числе впервые это было сделано для источников по истории советского общества. Каждый из основных, наиболее значительных видов источников вписывался таким образом в общую структуру источниковедческой базы данной социально-экономической формации. Четче вырисовывалось место и значение данного вида источников среди других, прослежива-

⁴¹⁶ Тихомиров М. Н. Источниковедение истории СССР. С древнейших времен до конца XVIII века. Учебное пособие. М., 1940 (Изд. второе. М., 1962); Никитин С. А. Источниковедение истории СССР. Курс источниковедения истории СССР. М., 1940.

⁴¹⁷ Программа курса источниковедения истории СССР. Для Московского государственного историко-архивного института. М., 1957 (Сост. А. Ц. Мерзон, И. А. Миронова, А. Т. Николаева, М. Н. Черноморский).

⁴¹⁸ Яцуцкий В. К. К вопросу о классификации письменных исторических источников в курсе источниковедения истории СССР // Труды МГИАИ. Т. II, 1958; Селезнев М. С. О классификации исторических источников в связи с построением курса источниковедения в вузах. В кн.: Источниковедение истории советского общества. М., 1964; Николаева А. Т. Теория и методика источниковедения истории СССР. М., 1974.

лась перспектива развития видовой структуры источников в ходе исторического развития. Все это послужило импульсом для последующей интенсивной разработки крупных видовых комплексов источников по истории СССР периода феодализма, капитализма и истории советского общества. Исследования А. А. Зимина, А. Ц. Мерзона, И. А. Мироновой, М. Н. Черноморского, посвященные изучению отдельных крупных видовых комплексов источников, раскрывали особенности формы, содержания, информационного значения, разрабатывали методы анализа крупных видовых комплексов источников – писцовых и переписных книг, судебно-следственных, законодательных материалов как источников по истории России, периодической печати, советской статистики и мемуаров как источников по истории советского общества⁴¹⁹.

Появление работ этого плана имело большое значение не только для разработки соответствующих конкретных комплексов источников – актов, публицистики, судебно-следственных материалов дореволюционной России, источников советского периода. Это направление исследований имело теоретико-методологическое значение. Оно послужило одним из тех каналов, с помощью которых обогащение теории и методики источниковедения опытом конкретного исследования источников могло развиваться целенаправленно. Сложившись в русле источниковедческой концепции, зафиксированной в программе источниковедения истории СССР Московского историко-архивного института, это направление исследований обнаружило большую жизненность, тенденцию к быстрому росту и вширь и вглубь, – с привлечением все новых видов источников и даже целых отраслей источниковедения, все более направленным исследованием видовых свойств источников,

⁴¹⁹ Мерзон А. Ц. Писцовые и переписные книги XVI–XVII веков. М., 1956; *Он же*. Таможенные книги XVII века. М., 1957; Зимин А. А. Русская публицистика конца XV–XVI вв. М., 1959; Медушевская О. М. Картографические источники XVII–XVIII вв. М., 1957; Миронова И. А. Судебно-следственные материалы первой половины XIX века. М., 1958; *Она же*. Периодическая печать конца 50-х – начала 60-х годов XIX века. М., 1961; Черноморский М. Н. Периодическая печать. М., 1956; *Он же*. Статистические источники. М., 1957; *Он же*. Мемуары как исторический источник. М., 1959.

возрастающим вниманием к теоретическому обоснованию исследовательской методики⁴²⁰.

Наиболее полно были исследованы видовые свойства формы и содержания таких видов источников, как акты, картографические материалы, а для источников советского общества – мемуары, законодательные материалы⁴²¹.

Одной из центральных в советской историографии источниковедения является проблема классификации исторических источников как предмета специального исследования. Именно в советской историографии сложилось понимание проблемы классификации как одного из средств познания общих свойств исторических источников. Главное направление этих исследований, при всем многообразии конкретных решений, составляет изучение объективных свойств формы и содержания исторических источников, обусловленных их социальной функцией в ходе исторического процесса; за основу классици-

⁴²⁰ *Лоблинская А. Д.* Источниковедение истории средних веков. Л., 1955; *Бескровный А. Г.* Картографические материалы как исторический источник и их классификация. Л., 1958; *Стрельский В. П.* Источниковедение истории СССР. Период империализма. Конец XIX в. – 1917 г. М., 1962; *Черноморский М. Н.* Источниковедение истории СССР. Советский период. М., 1966; *Млужина Р. С.* Источниковедение нового и новейшего времени. М., 1970; *Логин В. Г.* Военно-исторические источники, их классификация, принципы исследования. М., 1970; *Вариавчик М. А.* Источниковедение истории КПСС. М., 1973; *Петровская П. Ф.* Источниковедение истории русского дореволюционного театра. Л., 1972; Источниковедение истории СССР. XIX – начала XX вв. М., 1970; Источниковедение истории СССР. Под ред. И. Д. Ковальченко. М., 1973.

⁴²¹ *Зимин А. А.* Методика издания древнерусских актов. М., 1959; *Капитанов С. М.* Очерки русской дипломатики. М., 1970; *Андреев А. П.* Очерки по источниковедению Сибири. М.-Л., 1962; *Гольденберг Л. А., Медушевская О. М.* О методике издания картографических источников // Исторический архив, 1961. № 4; *Гольденберг Л. А. С. У.* Ремезов и картографическое источниковедение Сибири второй половины XVII – начала XVIII в. Л., 1967; *Черноморский М. Н.* Мемуары как исторический источник. М., 1959; *Курбанов А. А.* Приемы внутренней критики мемуаров (Воспоминания участников партизанского движения в период Великой Отечественной войны как исторический источник). В кн.: Источниковедение. Теоретические и методические проблемы. М., 1969; *Голубцов В. С.* Мемуары как источник по истории советского общества. М., 1970; *Луцкий Е. А.* Источники ленинского декрета о земле. М., 1970.

кации берутся объективные свойства источников, сформировавшиеся в процессе возникновения и функционирования документов в ходе исторического процесса. Именно поэтому в качестве первичной основы классификации были отвергнуты принципы деления источников на исторические остатки и исторические предания. Понимание любого источника как социального явления, а следовательно, как остатка своей эпохи снимает возможность использования принципа деления источников на остатки и предания в качестве основы первичной классификации⁴²².

Непосредственная цель теоретического источниковедения – дать научное обоснование методов исследования исторических источников. Это научное обоснование опирается на объективные свойства источников, являющихся функцией их социальной природы, и с другой стороны, обусловлено гносеологической природой источника и закономерностями их восприятия исследователем.

Принципиальным моментом является для теории источниковедения раскрытие социальной природы исторического источника как продукта целенаправленной человеческой деятельности. Для теории источниковедения центральный вопрос – природа исторического источника, его объективные свойства и закономерности их формирования. Исследовать источник, являющийся результатом целенаправленной человеческой деятельности возможно лишь исходя из того, какими причинами вызвано появление источника, каковы его функции в ходе исторического процесса. Возникая в ходе развития социальных процессов и становясь затем объектом исторического изучения, источник как бы воплощает в себе методологическое единство истории как процесса и научного исторического познания.

⁴²² В то же время, эта классификация в качестве вторичной, в пределах гносеологической функции источниковедческой базы определенной темы, эта классификация сохраняет свое значение. См. об этом подробнее: Медушевская О. М. Развитие теории советского источниковедения // Труды МГИАИ. Т. 24. М. 1966.

О СТРУКТУРЕ КУРСА ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ ИСТОРИИ СССР В МГИАИ⁴²³

Характерной особенностью современного этапа развития высшей школы, основные направления которого намечены в постановлениях ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О дальнейшем развитии высшей школы и повышении качества подготовки специалистов» и «О повышении эффективности научно-исследовательской работы в высших учебных заведениях», является все более активное расширение и укрепление связей с производством, научными учреждениями. Эти вопросы обсуждались на Всесоюзном совещании работников вузов в Москве (февраль 1980 г.), на страницах многих научных журналов.

Актуальным в этой связи представляется обсуждение конкретных вопросов преподавания источниковедения истории СССР, место которого как учебной дисциплины в системе высшего образования вполне определилось. Некоторые особенности практики преподавания источниковедения уже отмечались в научной печати⁴²⁴, а также обсуждались на III Всесоюзной конференции по источниковедению и вспомогательным историческим дисциплинам (Новороссийск, 1979 г.)⁴²⁵.

Одним из важных элементов системы преподавательской деятельности в высшей школе, как известно, являются лекционные курсы, имеющие большое значение в формировании научного мышления и марксистско-ленинского мировоззрения студентов. Структура курса, закрепляемая в его программе, определяет место каждой лекции в курсе, а также соотношение

⁴²³ Публикуется по изданию: *Медушевская О. М.* О структуре курса источниковедения истории СССР в МГИАИ (в соавторстве с И. А. Мироновой, А. Т. Николоаевой, М. Н. Черноморским) // Советские архивы, 1980, № 6. С. 36–38.

⁴²⁴ *Дербов А. А.* Курс «Введение в изучение истории» в Саратовском университете. – «Вопросы истории», 1979, № 12; *Емельянов Б. В.* О природе историко-философских источников. – «Философские науки», 1979, № 6.

⁴²⁵ Актуальные проблемы источниковедения истории СССР, специальных исторических дисциплин и их преподавание в вузах. Тезисы докладов, т. I–II. М., 1979.

в лекции проблемного и фактического материала. Структура курса всегда тесно связана с его содержанием и отражает научно обоснованное понимание предмета учебной дисциплины и ее места в педагогической работе.

В настоящей статье дается анализ структуры лекционного курса источниковедения истории СССР, читаемого в течение многих лет в Московском государственном историко-архивном институте (другие аспекты преподавания источниковедения авторами не затрагиваются). Этот курс, введенный в учебный план института с момента его организации, имеет богатую историю и неразрывно связан, с одной стороны, с общим развитием источниковедения как науки, а с другой – с постоянно совершенствуемой преподавательской деятельностью в этой области. В разное время его вели многие известные ученые: П. Г. Любимов, М. Н. Тихомиров, С. А. Никитин, А. И. Андреев, А. В. Черепнин, А. Ц. Мерзон. В 1948 г. впервые введен курс источниковедения истории советского общества, разработанный М. Н. Черноморским.

Постепенно сложилась структура курса, в основе которого лежит принцип историзма. Курс – методический, большое внимание в нем уделяется проблемам теории источниковедения и его историографии. С развитием советской исторической науки и источниковедения, совершенствованием методики изучения источников, введением в научный оборот новых их комплексов постоянно обогащался и лекционный курс источниковедения в МГИАИ.

В первой, подготовленной кафедрой вспомогательных исторических дисциплин программе курса источниковедения истории СССР (1954 г.) содержание его было направлено не только на обзор и характеристику содержания источников, но и на раскрытие методики изучения самих источников. Эта тенденция отражена и в последующих изданиях программы (1957, 1963, 1975 г.). Были разработаны теоретические и историографические разделы курса, дополнившие его структуру. Постепенно накапливался опыт преподавания, совершенствовалась структура лекционного курса.

Лекции по источниковедению истории СССР читаются в институте на II и III курсах. На I курсе им предшествуют лекции по вспомогательным историческим дисциплинам, связанные с ними общей проблематикой и методикой. Лекционный курс дополняют семинары, спецсеминары, спецкурсы, а также различные формы самостоятельной работы студентов.

Первая часть курса посвящена вопросам теории и историографии источниковедения, последующие же части курса рассматривают источники по социально-экономическим формациям – феодализм, капитализм, советское общество. В первой части освещаются вопросы, связанные с определением предмета и задач источниковедения, а исторического источника как явления, возникающего в определенных социальных условиях. Целенаправленно анализируется здесь марксистско-ленинская база советского источниковедения, дается соотношение методологии и методики, ведется критика буржуазного источниковедения и его идеалистической философской базы.

Далее освещается содержание источника и значение основных этапов источниковедческого анализа – изучение авторства и происхождения источника, методов анализа полноты фактических сведений, их достоверности. Раскрывается единство методов изучения источника, взаимосвязь этапов его анализа. В первой части курса рассматриваются также основные этапы развития отечественного источниковедения и, в частности, советского источниковедения, его современные задачи. Первый раздел курса, охватывающий таким образом теоретический и историографический аспекты, имеет важное значение для усвоения курса источниковедения в целом и служит введением в последующие разделы курса. Далее источники истории СССР рассматриваются последовательно по социально-экономическим формациям.

Таким образом, в основу характеристики источников по истории СССР и видовой методики их анализа положен принцип историзма, раскрываемый последовательно на конкретном материале. Классификация источников в курсе – прежде всего по социально-экономическим формациям, а в них – по классовому

принципу происхождения источников и далее по видам – направлена на то, чтобы показать условия возникновения источника как исторического явления, выявить связь между авторством, происхождением, классовой природой источника и его содержанием. Анализ происхождения источника дает возможность правильно интерпретировать его свидетельства, определить их ценность и значение.

Источники, отражающие процесс становления, развития и упадка феодально-крепостнической формации и классовой борьбы периода феодализма, по содержанию и форме существенно отличаются от источников других исторических периодов. Это – летописи и хронографы (по раннему и среднему феодализму), писцовое делопроизводство, законодательные источники (Русская правда, судебники, Соборное уложение 1649 г., жалованные грамоты XVIII в., акты, разрядные и таможенные книги, публицистические произведения), а также другие виды и разновидности источников, присущие феодальной формации и порожденные социально-экономическими и политическими условиями этой эпохи. Более того, при чтении курса источниковедения периода феодализма учитывается специфика отдельных его этапов (источники Древней Руси и феодальной раздробленности, разложения феодально-крепостнической системы и складывания капиталистических отношений). Каждый из этих этапов имеет свои особенности, нашедшие отражение в определенных видах источников. Русская правда и Соборное уложение 1649 г. – законодательные источники, но они во многом требуют разных приемов изучения. В XVIII в. и особенно в первой половине XIX в. появляются новые по форме и содержанию источники – программные документы дворянских революционеров, периодическая печать и многие др. Естественно, в лекционном курсе трудно одновременно давать характеристику, например, публицистическим источникам XV–XVII вв. и публицистике первой половины XIX в., недифференцированно освещать приемы их анализа. Это касается и других видов источников периода феодализма. Все сказанное вызывает необходимость на базе марксистско-ленинской методологии, опираясь

на общие и видовые методики, дифференцированно характеризовать специфические приемы изучения отдельных категорий источников периода феодализма.

Источниковедение истории СССР периода капитализма открывается характеристикой приемов изучения источников в произведениях основоположников марксизма-ленинизма. Особое внимание уделяется изучению приемов работы с источниками в произведениях В. И. Ленина – ленинским методам анализа статистики, законодательства, периодической печати. Произведения В. И. Ленина, документы партии большевиков, являясь методологической основой изучения источников, в то же время сами являются ценнейшими историческими источниками. Здесь отражены методы работы с источниками этого периода. В связи с социально-экономическими и политическими изменениями появляются новые виды исторических источников, некоторые ранее известные виды исчезают или приобретают новые черты. Так, в пореформенный период появляются источники о формировании пролетариата и буржуазии, о деятельности революционных обществ, политических партий, возникает земская статистика. Большое значение имеют данные переписи 1897 г., новые виды периодической печати, публицистики, листовки и прокламации приобретают массовый характер. Все это свидетельствует о необходимости тщательного изучения и разработки как общих приемов научной критики источников, так и четкого определения характерных особенностей работы с источниками по социально-экономической, политической, культурной истории СССР периода капитализма.

Источники по истории СССР советского периода составляют важный раздел лекционного курса источниковедения. Эти источники возникают в процессе становления и развития социалистической формации и отражают закономерности ее развития; появляются новые разновидности исторических источников, например документы социалистического планирования народного хозяйства СССР, также требующие детального рассмотрения методов их источниковедческого анализа. Роль научной методологии в оценке, анализе, изучении таких документов имеет особое значение.

Таково построение лекционного курса источниковедения истории СССР, читаемого в МГИАИ. Итак, для каждой социально-экономической формации рассматриваются основные и наиболее характерные виды исторических источников и одновременно характеризуется методика их исследования.

Однако существуют и другие точки зрения⁴²⁶. В лекционном курсе МГИАИ видовая методика рассматривается в связи со спецификой формы и содержания источника. Она не остается неизменной для аналогичных источников даже в пределах одной социально-экономической формации. Тем более нельзя объединять полностью методики анализа источников одного и того же вида разных эпох. Например, специфика изучения фабрично-заводского законодательства дореволюционной России второй половины XIX в. значительно отличается от приемов работы с законодательными источниками периода феодализма. То же можно сказать и в отношении других видов и разновидностей источников.

В лекционном курсе изложение общей и даже видовой методики не является конечной целью. Каждый источник помимо видовых свойств имеет и специфические особенности, он в определенной мере уникален. Комплексное применение научной методологии, теоретических принципов источниковедения, видовых методик к конкретному материалу является творческим процессом, направленным на более полное и точное раскрытие содержания источника, исторический подход в

⁴²⁶ Так, обобщая опыт преподавания источниковедения в Ростовском государственном университете, А. П. Пронштейн, например, предложил рассматривать методику анализа источников в виде особого раздела курса источниковедения, отдельно от характеристики самих источников. Такое выделение из лекционного курса источниковедческой методики не представляется, на наш взгляд, целесообразным; в отрыве от оценки происхождения, авторства и социальной природы исторического источника методика может утратить свою конкретность, нарушится взаимосвязь методики анализа источника с особенностями его формы и содержания. См.: *Пронштейн А. П.* Об университетском курсе источниковедения истории СССР. — «Вопросы истории», 1976, № 1. — *Авт.*

источниковедении – одно из необходимых условий этого процесса. Он должен быть отражен в структуре лекционного курса по источниковедению и полностью реализован в преподавательской практике.

Дальнейшее совершенствование структуры и содержания вузовского лекционного курса по отечественному источниковедению должно способствовать формированию научного мировоззрения студентов и молодых специалистов, повышению их профессионального уровня.

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ: ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, МЕТОД:

Программа курса⁴²⁷

ПОЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА

Программа основного курса «Источниковедение: история, теория и метод» является ведущей в системе программ источниковедческих курсов, читаемых в настоящее время кафедрой источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин на различных факультетах Российского государственного гуманитарного университета. Она предназначена для студентов первого и второго курсов дневной, вечерней и заочной форм обучения факультета архивного дела, факультета технотронных архивов и документации, факультета истории, политологии и права, историко-филологического, философского факультетов, факультета информатики, а также факультета истории искусств.

Предмет курса – источниковедение как интегрирующая дисциплина в системе гуманитарного знания. Основные понятия источниковедения – исторический источник, классификация исторических источников, источниковедческий анализ и синтез – рассматриваются как в историческом, так и в логическом плане и раскрываются в соотнесении с основными общенаучными парадигмами (позитивизм, марксизм, неокантианство, феноменологические и постмодернистские концепции).

Задача курса – дать системное знание об основных понятиях источниковедения, сформировать умение анализировать эти понятия в системе различных общенаучных парадигм и выработать навыки источниковедческого анализа и синтеза.

⁴²⁷ Публикуется по изданию: Медушевская О. М. Источниковедение: История. Теория. Метод. Программа курса для специальностей № 020100 – Философия; № 020200 – Политология; № 020600 – Культурология; № 020700 – История; № 020800 – Историко-архивоведение; № 021000 – Музеология; № 021700 – Филология; № 022200 – Религиоведение; № 061300 – Документоведение и ДОУ; № 071900 – Информационные системы (в соавторстве с М. Ф. Румянцевой)// Источниковедение. Учебно-методический модуль. Программы курсов и планы семинарских занятий. Под ред. О. М. Медушевской – М.: Изд. Ишполитова, 2004. С. 13–31.

Программа курса «Источниковедение истории СССР» была впервые издана в Московском государственном историко-архивном институте в 1954 г. и в 1983 г. вышла пятым изданием. Ее создатели – профессора, доктора исторических наук Е. А. Луцкий, О. М. Медушевская, А. Т. Николаева, М. Н. Черноморский, доценты, кандидаты исторических наук А. Ц. Мерзон и И. А. Миронова, читавшие этот курс в МГИАИ, – от издания к изданию пополняли, развивали, совершенствовали программу. В 1986 г. для факультета научно-технической информации МГИАИ была издана программа доцента, кандидата исторических наук А. Е. Чекуновой «Теория и методика источниковедения». Накопленный опыт учтен в программе 1995 г. и в настоящем издании.

Издания программы 1954–1983 гг. были рассчитаны главным образом на подготовку историка-архивиста, специалиста по отечественной истории. С образованием в 1991 г. Российского государственного гуманитарного университета кафедра читает общий и специализированные источниковедческие курсы в Историко-архивном институте (на факультетах архивного дела, технотронных архивов и документации, факультете истории, политологии и права), историко-филологическом, философском факультетах, факультете истории искусств, а также информатики (на последнем курсе основ источниковедения читается с конца 70-х гг.).

Развитием источниковедения как одной из исторических наук, формированием его междисциплинарных связей и дифференциацией читаемых курсов обусловлен новый подход кафедры источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин РГГУ к структуре курса источниковедения. В соответствии с этим подходом настоящая программа, единая для различных факультетов и специальностей, является системообразующей в комплексе таких программ, как «Источниковедение: источники отечественной истории», «Компаративное источниковедение», «Вещественное источниковедение», «Количественные методы в источниковедческом исследовании». На основе этих базовых программ кафедра формирует программы курсов,

дифференцированные для различных факультетов, специальностей, направлений гуманитарного образования.

1. Введение

Источниковедение в системе гуманитарных наук как наука об исторических источниках. Объект источниковедения. Исторический источник. Определение понятия «исторический источник». Предмет и задачи источниковедения.

Источниковедческая культура гуманитарного знания. Исторический источник как явление культуры, как носитель информации о человеке и обществе. Исторический источник как объект познания. Источниковедение как одна из основ познавательной деятельности в науке и социальной практике. Источниковедение и источниковедческий анализ в междисциплинарных исследованиях. Источниковедение в гуманитарном образовании.

Структура источниковедения. История теоретико-познавательных подходов, принципов и методов изучения исторических источников. Теория источниковедения как цельного и систематического учения об исторических источниках. Метод источниковедения. Источниковедческий анализ как система исследовательских процедур. Эволюция исторических источников, ее периодизация. Классификация исторических источников как способ их познания. Типы и виды исторических источников. Цивилизационные, этнонациональные, региональные и другие комплексы исторических источников.

Научная и учебная литература по истории, теории и методам источниковедения. Труды по истории и теории источниковедения. Исследования и учебные пособия об исторических источниках древнейших эпох, античности, средневековья, нового и новейшего времени, об исторических источниках по истории цивилизаций, стран, народов. Труды по источниковедению российской истории. Исследования и учебные пособия по отдельным видам исторических источников и методам их изучения.

Источниковедческие издания. «Проблемы источниковедения». «Источниковедение отечественной истории», «Источниковедение истории советского общества», «Источниковедческие разыскания», «Вспомогательные исторические дисциплины» и

др. Проблемы источниковедения в трудах и записках научных учреждений и вузов. Труды научных конференций по источниковедению и специальным историческим дисциплинам. Источниковедческие издания Историко-архивного института. Материалы дискуссий по проблемам источниковедения в исторической периодике. Источниковедческие проблемы в архивоведческих изданиях и исследованиях, в трудах по истории науки и техники. Проблемы исторического метода в зарубежных изданиях. Тематика научных конференций, ежегодно проводимых кафедрой источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин.

2. История источниковедения

Приемы обращения с источниками в античности. Элементы анализа исторических источников у античных историков (Лукиан, Тацит и др.).

Исторический источник в произведениях средневековья. Принципы обращения с источниками в хрониках, летописях, произведениях средневековой литературы.

Становление рационалистической критики исторических источников. Развитие исторических знаний в XV–XVIII вв. и превращение их в науку. Изучение рукописей, накопление опыта критического анализа текстов, начало издания исторических источников. Критика текстов исторических источников Италии (Л. Валла, Ф. Бьондо и др.) и Германии (У. фон Гуттен и др.) и ее влияние на европейскую историографию. Издание исторических хроник в Германии. Деятельность мавристов во Франции, болландистов в Антверпене (издание житий святых, материалов по истории церкви, философии, литературы). Выработка правил издания серий исторических источников, зарождение вспомогательных исторических дисциплин. Ж. Мабильон, Ж. Болланд, Б. Монфокон, А. Муратори и развитие палеографии, хронологии, дипломатики и критики текстов. Герменевтика и истолкование текстов.

Начало собирания, изучения и издания исторических источников в России. Деятельность В. Н. Татищева, Г. Ф. Милле-

ра, А. Л. Шлепера, М. М. Щербатова, Н. И. Новикова, Н. М. Карамзина. Первые научные кружки и общества в России.

Смена методологических принципов в конце XVIII – первой половине XIX вв., становление и развитие эволюционных подходов к изучению и интерпретации истории. Новые задачи выявления, критики, публикации исторических источников. Историческая школа права и вопросы истолкования юридических памятников. Развитие филологии и источниковедение. Идеи Б. Г. Нибура («история источников», гиперкритика) и их отражение в европейской и российской историографии. Методы исторической критики Л. фон Ранке. Издание «Monumenta Germaniae Historica». Издание источников во Франции; деятельность Ф. Гизо. Изучение и издание источников в Англии. Издание сводной библиографии «Quellenkunde der deutschen Geschichte» Ф. Дальманном и ее последующая переработка Г. Вайцем.

Собирание, изучение и издание источников в России. Значение критики трудов Н. М. Карамзина в развитии источниковедения. «Скептическая школа», идеи и принципы М. Т. Каченовского и др. Археографическая экспедиция. Археографическая комиссия. Начало российских серийных изданий, источниковедческие принципы их составителей. Исторический источник в трудах С. М. Соловьева.

Совершенствование методов критики исторических источников на позитивистской основе во второй половине XIX в. Возникновение методологии истории как направления исследований и предмета преподавания в высшей школе Европы и России. Курсы методологии истории, методов исторического исследования, исторической терминологии, вспомогательных наук истории и учебные руководства по ним.

Курс лекций Э. Фримена в Оксфорде (1884) и его книга «The Methods of Historical Study». Разбор концепции Фримена К. Н. Бестужевым-Рюминым. И. Г. Дройзен и проблемы изучения исторических источников в его «Историке». Их классификация по отношению к исторической реальности: исторические остатки, исторические свидетельства. Критика этого принципа А. С. Лапшо-Данилевским и К. Эрслевом. «Lehrbuch der historischen Methode und der Geschichtsphilosophie» Э. Бернгейма.

Место источниковедения в его методологии истории. Понятия «источниковедение», «критика источников», их объем. Бернгейм о видах исторических источников, их специфике. Вещественные и устные источники в его системе. Подход к проблеме достоверности. «Introduction aux études historiques» Ш. Сеньобоса и Ш.-В. Ланглуа. Основные понятия и термины. Критика происхождения источника и негативная внутренняя критика достоверности свидетельств. Способы установления искренности автора и точности свидетельства. Позитивистская концепция исторического исследования в последующей французской историографии (А. Берр). Идеи синтеза философии, социологии и историографии и их влияние на источниковедение.

Источниковедение в России. Разработка исторических источников и методов их изучения в трудах В. О. Ключевского. Курс лекций Ключевского по источниковедению в Московском университете. Вопросы методологии истории и источниковедения в трудах Н. И. Кареева и П. Г. Виноградова. Изучение отдельных видов источников. Книги Ключевского «Сказания иностранцев о Московском государстве» и «Древнерусские жития святых как исторический источник». Труды А. А. Шахматова «Разыскания о древнейших русских летописных сводах», «Повесть временных лет», «Общерусские летописные своды XIV–XV веков». Труды С. Ф. Платонова о памятниках русской письменности, относящихся к Смутному времени. Дискуссии о принципах подхода к летописям, мемуарам, публицистике как историческим источникам (Шахматов, Ключевский, Середонин, Пресняков).

Появление феноменологических и релятивистских подходов в историческом познании, их воздействие на источниковедение. Множественность методологических систем в науке конца XIX – начала XX вв. «Баденская школа» (В. Виндсльбанд, Г. Риккерт, М. Вебер) и постановка проблемы отношений: «исторический факт – источник – историк – историческое понятие». Классификация наук. Принципы «отношения к культурным ценностям», теория «идеальных типов», их влияние на методологию истории в начале XX в.

Развитие источниковедческих исследований в европейской историографии. Новые сводные библиографии «Quellenkunde

zur Weltgeschichte» (1910) П. Герпе и «Quellenkunde der deutschen Geschichte» Ф. Дальманна и Г. Вайца (1912), их построение и содержание.

Источниковедческие исследования в России в конце XIX – начале XX вв. Развитие текстологии и методов исследования летописей. Труды Н. П. Лихачева в области палеографии. Исследование писцового дела и писцовых книг (С. Б. Веселовский, Ю. В. Готье, А. М. Гневушев, Н. А. Рожков). Труд М. Д. Приселкова «Ханские ярлыки русским митрополитам». Работы С. М. Середонина о записках английских авторов о России, Н. Д. Чечулина о мемуарах.

Вопросы теории истории в работах П. Г. Виноградова, Р. Ю. Вишпера, М. С. Корелина. Н. И. Кареев и его работы в области теории исторического познания и источниковедения, принцип классификации исторических свидетельств.

Теоретическое источниковедение: А. С. Лаппо-Данилевский и его труд «Методология истории» (1910–1913). Методология источниковедения и методология исторического построения. Понятия и термины в концепции Лаппо-Данилевского. Понятие «исторический источник»; источник как явление культуры. Принципы классификации исторических источников. Проблема достоверности. Вопросы анализа и интерпретации источников. Изучение исторических источников и их видовых особенностей в трудах Лаппо-Данилевского и его школы. «Очерк русской дипломатики частных актов» и методы изучения актовых источников. Наследие Лаппо-Данилевского в исторической науке и высшей школе.

Источниковедение и изучение истории после Первой мировой войны. Историографическая ситуация, задачи и пути развития мировой и отечественной исторической науки. Изменение статуса исторической науки в общественном сознании стран Запада и России. Изменение менталитета историка в странах Запада. Идеологизация исторической науки в СССР.

Актуализация экономической истории, истории масс, преодоление европоцентризма исторического мышления, обращение к вопросам исторического синтеза. Пересмотр методологии

исторического исследования. Деятельность Л. Февра и М. Блока, основание журнала «Annales» (1929). Проблема целесообразности и гуманитарного смысла исторической науки. Историческое наблюдение, исторические свидетельства и их анализ. Критика формулы «история изучается с помощью текстов». История как наука о человеке, обоснование необходимости использования данных других наук (психологии, географии, экономики, статистики) для ее изучения. Изменение Источниковой базы исследований, расширение понятия «исторический источник».

Источниковедение в СССР и в русском зарубежье.

Развитие идей Лаппо-Данилевского в философии истории и социологии. Философско-исторические труды Л. П. Карсавина. Система социологии П. А. Сорокина.

Выдвижение в исторической науке СССР 20 – начала 30-х гг. на первый план историко-революционной тематики и изучения «общественных форм». Давление идеологического схематизма и борьба за сохранение профессионализма в новых условиях. Научная и педагогическая деятельность А. И. Андреева, С. Н. Валка, А. Е. Преснякова, Б. А. Романова.

Н. Н. Авдеев о применении методов источниковедения к изучению источников по истории революции и истории ВКП(б). Подход С. Н. Валка к изучению и изданию произведений В. И. Ленина и источников историко-революционной тематики. Попытка переиздания «Методологии истории» Лаппо-Данилевского (1923): выход 1-го тома, критическое выступление М. Н. Покровского, прекращение издания.

Учебные пособия 20-х гг. «Введение в историю» В. И. Пичеты. «Источники и методы исторического исследования» Г. П. Саара; применение классификации источников на исторические остатки и свидетельства к документам современности. «Методика исторического исследования» С. Н. Быковского: специфика источников различных социально-экономических формаций. Попытки преподавания источниковедения в средней школе. Ю. М. Бочаров о методах проработки в школе источников по истории революции 1917 г. Учебник А. В. Шестакова

«Методика исторического исследования». Краеведение и источниковедение. Издание «Проблемы источниковедения»; публикации по вопросам теории, истории и методов источниковедения, но видам источников.

Кризис исторического сознания в мире в 30–40-х гг. и изменение места и роли источниковедения в исторической науке.

Идеологизация и политизация исторической науки в противостоящих лагерях мирового сообщества. Обращение с историческими источниками в идеологизированных системах. Кризис эрудиции классического типа. Трактовка методов работы с источниками как «техники». Источниковедение и историческая наука. Архивы, региональные краеведческие общества, университеты как центры сохранения профессионализма. Новые области применения метода источниковедения. Проявление этих процессов в отечественной науке. Создание Историко-архивного института (1930).

Учебники М. Н. Тихомирова и С. А. Никитина, их структура. Видовой принцип классификации источников. Обзор основных видов источников отечественной истории с древнейших времен до конца XIX в., методы их изучения. «Источниковедение истории СССР» М. А. Полиевктова. Научная и педагогическая деятельность А. И. Андреева. Источниковедческое исследование летописей, законодательных памятников, актов, делопроизводственных документов, картографических материалов.

Изменения в общественном сознании после Второй мировой войны. Начало деидеологизации и возвращения к историзму в европейской науке. Усиление расхождения между исторической концепцией и источниковедением в исторической науке СССР. Выход книг М. Блока «Apologie pour l'histoire ou metier d'historien» и Р. Дж. Коллингвуда «The Idea of History». Дискуссии в западной историографии по проблемам исторического познания. Проблема роли историка в отборе источников и интерпретации исторических фактов. Книга А. И. Марру «De la connaissance historique», его скептицизм в отношении познавательных возможностей исторической науки. Марру о соотношении критического исследования и сопереживания историком мира изучаемой эпохи; подход к

бытию документа с позиции психологического понимания. Дискуссии по книге Марру. Рост интереса к проблемам исторического познания и историческому источнику в процессе познания.

Вопросы методологии исторического познания в отечественной науке конца 40–50-х гг., характер их обсуждения. Критика «Методологии истории» Лаппо-Данилевского. Различия в применении критериев источниковедения в различных отраслях исторической науки в СССР. Проблемы источниковедения в труде Л. В. Черепнина «Русские феодальные архивы» и его статье «Источниковедение» во 2-м издании БСЭ (1952). А. Т. Николаева об освещении проблем источниковедения в БСЭ. Утверждение *de facto* главных идей Лаппо-Данилевского – об историческом источнике как историческом явлении и источниковедении как цельном систематическом учении.

Курс «Источниковедение истории СССР» в Историко-архивном институте; лекции А. И. Андреева, Л. В. Черепнина, А. Т. Николаевой. Дискуссии по проблемам классификации источников; классификации по содержанию и по видам источников. В. К. Яцунский о преимуществах видовой классификации исторических источников.

Усиление интереса общества к возможностям гуманитарных наук с середины 50-х – начала 60-х гг. и новые импульсы для развития источниковедения. Издание «Histoire et ses Methodes» (1961). Развитие в европейской науке понятия «документ», включение в него вещественных, изобразительных, аудиовизуальных источников. Вспомогательные науки истории в новом их понимании. Критика текстов и ее этапы в освещении Р. Маршала. Новые направления источниковедческих исследований.

Историческая наука в СССР, новые условия ее развития, изменения в средствах идеологического давления на нее. Дискуссии по проблемам источниковедения в Историко-архивном институте, доклад А. Ц. Мерзона «Основные задачи критики исторических источников» (1958). Спор о возможности критики источников советского периода. Дискуссии по проблемам источниковедения новой и новейшей истории и истории КПСС в исторических журналах.

Разработка новых разделов источниковедения. Учебник А. Д. Люблинской «Источниковедение истории средних веков» (1955). Новое издание учебника Тихомирова (1962). Работы М. Н. Черноморского по источниковедению советского общества. Статья В. П. Данилова и С. И. Якубовской «Источниковедение и история советского общества» (1961), полемика вокруг нее. Споры об использовании мемуаров как источника по истории советского общества. «Очерки по источниковедению военной истории России» Л. Г. Бескровного (1957). Учебные пособия по источниковедению, подготовленные в Историко-архивном институте. Видовые методы исследования.

Исследование проблем источниковедения в работах 60–80-х гг. Сборник «Источниковедение: теоретические и методические проблемы» (1969). Классификация исторических источников в работах С. М. Каштанова, А. А. Курносова, С. О. Шмидта, Л. Н. Пушкарева, И. Д. Ковальченко. Изучение истории российского источниковедения: работы А. Т. Николаевой. Сравнительный анализ теоретических основ источниковедения в исторической науке различных стран в работах Г. М. Иванова и О. М. Медушевской.

Проблемы онтологической и гносеологической сущности исторического источника в трудах историков и философов М. А. Барга, Г. М. Иванова, И. Д. Ковальченко, А. И. Ракитова, С. О. Шмидта.

Изучение видов и типов исторических источников. Труды Ю. Я. Рыбакова и А. Г. Тартаковского как опыт обращения к видовому изучению исторических источников нового времени. Проблемы массовых источников в работах В. К. Яцунского, Б. Г. Литвака, И. Д. Ковальченко. Комплексный анализ различных типов и видов исторических источников в работах В. Л. Янина, А. С. Мельниковой. Источниковедение кинофото документов в работах В. М. Магидова. Источниковедение фольклорных и устных источников; «устная история».

Применение метода источниковедения в различных отраслях исторических наук. Труды по источниковедению античности и древнего Востока, средневековой, новой и новейшей

истории. Источниковедение истории науки и техники, истории медицины, истории российского театра и музыкальной культуры. Источниковедение историко-географических и картографических источников. Метод источниковедения в архивоведении, музееведении, археографии.

Проблемы подхода к историческому источнику и его исследованию в современной науке. Объект и предмет исторического познания. Многозначность взаимодействия субъекта и объекта познания как проблема гносеологии. Диалектика субъекта и объекта в историческом познании. Исторический источник в системе «историческая действительность – историческое знание». Новые подходы к исследованию социальной реальности, дискуссии по этим проблемам в философии, исторических науках, литературоведении, реализация новых подходов в современном гуманитарном знании. Различные модели интерпретации целей и задач обращения к историческому источнику. Экзистенциалистский подход к авторскому тексту. Квантитативный подход к историческим источникам.

Задачи и роль источниковедения в современной науке России. Проявление кризиса идеологизированного исторического сознания и роль источниковедения в диверсификации исторического знания. Источниковедение в условиях восстановления историзма общественного сознания и гуманитаризации науки и образования. Источниковедение и современная социальная практика.

3. Теория и метод источниковедения

Понятие об историческом источнике. Источник как продукт целенаправленной человеческой деятельности. Исторические источники и источники информации, получаемые с помощью естественных наук: критерии их различения.

Классификация исторических источников. Классификация как метод познания множества объектов. Принципы классификации исторических источников. Понятия «тип» и «вид» исторического источника. Классификация исторических источников по типам и видам. Возникновение, функционирование и изменение типов и видов исторических источников в ходе исторического

развития. Системы типов и видов исторических источников разных эпох. Классификация исторических источников и систематизация источников в историческом исследовании.

Метод источниковедения. Общность методологической основы исследования исторических источников различных типов и видов. Источниковедческий анализ как система исследовательских процедур. Исторический и логический этапы источниковедческого анализа (изучение происхождения и изучение содержания исторического источника), методы решения исследовательских задач на каждом этапе. Оценка исторического источника как исторического явления и определение его информационных возможностей как цель источниковедческого анализа и синтеза.

Исследование происхождения исторического источника. Исторические условия возникновения источника. Изучение исторического источника как явления, возникающего в определенную эпоху и системно отражающего историческую действительность времени своего возникновения.

Авторство исторического источника. Установление авторства исторического источника. Особенности установления авторства источников различных исторических эпох и социально-политических систем. Формализованные методики установления авторства. Изучение автора исторического источника: его социальные, интеллектуальные, психологические характеристики, степень компетентности и осведомленности в вопросах, которые введены им в источник сознательно и целенаправленно. Проблемы коллективного авторства. Вопросы авторства при изучении законодательных источников, периодической печати и других источников с коллективным авторством.

Обстоятельства создания исторического источника. Задачи их изучения. Установление влияния обстоятельств создания на содержание источника, полноту и достоверность его информации.

История текста источника. Задачи ее изучения. Системы понятий, применяемые при изучении истории текстов различных эпох и социально-политических систем. Список, редакция, извод. Интерполяции. Маргиналии. Реконструкция генеалогии

списков, построение стемм. Черновые и беловые тексты; проекты, первоначальные и окончательные варианты; редакции текста источника; оригиналы и копии. Выявление источников текста. Язык оригинала и изучение его переводов как интерпретаций текста оригинала.

Публикации исторического источника. Сравнительный анализ различных публикаций исторического источника, целей и обстоятельств публикации, археографической культуры и научного уровня публикации. Издание изучаемого источника на языке оригинала и его переводы.

Интерпретация исторического источника. Вопросы понимания и истолкования исторического источника, его текста, формы и внешних признаков. Интерпретация языка и смысла исторического источника (историзмы, архаизмы, диалектизмы; толкование понятий; бытовые и литературные стереотипы стилистических форм, формул, словоупотреблений; прямой и переносный смысл, аллегория).

Исследование содержания исторического источника. Достоверность и полнота информации исторического источника, их взаимные связи, методологические основы изучения проблемы достоверности и полноты информации исторического источника. Определение социальных интересов автора, целей создания источника, его идеологической и политической направленности. Авторская позиция и содержание исторического источника. Установление степени близости исторического источника к освещаемым фактам и компетентности автора. Индивидуальность автора и ее влияние на содержание исторического источника. Методы установления достоверности и полноты исторических источников.

Особенности анализа исторических источников разных типов и видов. Письменные источники в системе источниковедения. Источниковедческий анализ устных, лингвистических, этнографических, вещественных, изобразительных, аудиовизуальных, машиночитаемых источников. Комплексный источниковедческий анализ.

Метод источниковедения и специальные методики в изучении происхождения и содержания исторических источников. Методики палео-

графические. Методики лингвистические. Вероятностно-статистический и информационный подходы. Системно-структурный анализ. Контент-анализ.

Источниковедческий анализ и источниковедческий синтез. Оценка исторического источника как исторического явления. Типологические и видовые характеристики исторического источника в источниковедческом синтезе.

Источниковедческий анализ и историческое построение. Выявление информационных возможностей исторического источника как результат источниковедческого анализа. Определение значения исторического источника для его использования в историческом исследовании. Метод источниковедения и компаративные исследования.

Исторический источник как интегрирующее начало гуманитарного знания. Исследование источников в гуманитарных и социальных науках (философия, психология, филология, экономика, социология, политология). Метод источниковедения в междисциплинарных исследованиях.

Исторический источник и метод источниковедения в социальной практике. Источниковедение в отраслях деятельности, связанных с созданием, обработкой, хранением и использованием гуманитарной и социальной информации (управленческая деятельность и документоведение, архивоведение и археография, музееведение). Источниковедение в системе образования.

Литература

Учебные пособия

1. Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: Учеб. пособие / И. Н. Данилевский, В. В. Кабанов, О. М. Медушевская, М. Ф. Румянцева. М.: РГГУ, 2004. 702 с.

2. Медушевская О. М. Источниковедение: теория, история, метод. М.: РГГУ, 1996. 79 с.; Румянцева М. Ф. Теория истории. Учеб. пособие. М., 2002. 319 с.

3. Я иду на занятия...: По методологии и теории истории: Учеб.-метод, модуль / [Отв. ред. О. М. Медушевская]; Рос. гос. гуманит. ун-т. Ист.-архив. ин-т. Каф. источниковедения и вспом. ист. дисциплин. М.: Изд-во Ипполитова, 2002. 198 с.

4. Научно-педагогическая школа источниковедения Историко-архивного института: Сб. / Сост.: Р. Б. Казаков, М. Ф. Румянцева; Отв. ред. В. А. Муравьев; Рос. гос. гуманит. ун-т. Ист.-архив. ин-т. Каф. источниковедения и вспом. ист. дисциплин. М., 2001. 227 с.

**Материалы научных конференций кафедры
источниковедения и вспомогательных
исторических дисциплин**

1. Источниковедение XX столетия: Тез. докл. и сообщений науч. конф. Москва, 28–30 янв. 1993 г. / Редкол.: Муравьев В. А. (отв. ред.) и др.; Рос. гос. гуманит. ун-т. Ист.-архив. ин-т. М., 1993. 215 с., 1 л. портр.

2. Вспомогательные исторические дисциплины: Высшая школа, исследовательская деятельность, общественные организации: Тез. докл. и сообщений науч. конф. Москва, 27–29 янв. 1994 г. / Редкол.: В. А. Муравьев (отв. ред.) и др.; Рос. гос. гуманит. ун-т. Ист.-архив. ин-т. М., 1994. 189 с.

3. Россия в X–XVIII вв.: Проблемы истории и источниковедения: Тез. докл. и сообщений Вторых чтений, посвящ. памяти А. А. Зимина. Москва, 26–28 янв. 1995 г. / Редкол.: Ю. Н. Афанасьев (отв. ред.) и др.; Рос. гос. гуманит. ун-т, РАН. Ин-т рос. истории. М., 1995. Ч. 1–2. 690 с.

4. Источниковедение и компаративный метод в гуманитарном знании: Тез. докл. и сообщений науч. конф. Москва, 29–31 янв. 1996 г. / Редкол.: В. А. Муравьев (отв. ред.) и др.; Рос. гос. гуманит. ун-т. Ист.-архив. ин-т. Каф. источниковедения и вспом. ист. дисциплин; РАН. Археогр. комис. М., 1996. 448 с.

5. Исторический источник: Человек и пространство: Тез. докл. и сообщений науч. конф. Москва, 3–5 февр. 1997 г. / Редкол.: О. М. Медушевская (отв. ред.) и др.; Рос. гос. гуманит. ун-т. Ист.-архив. ин-т. Каф. источниковедения и вспом. ист. дисциплин; РАН. Археогр. комис. М., 1997. 335 с.: ил., 2 л. портр.

6. Историческая антропология: Место в системе социальных наук, источники и методы интерпретации: Тез. докл. и сообщений науч. конф. Москва, 4–6 февр. 1998 г. / Редкол.: Медушевская О. М. (отв. ред.) и др.; Рос. гос. гуманит. ун-т. Каф. источниковедения и вспом. ист. дисциплин, Российско-французский центр история, антропологии им. Марка Блока. М., 1998. 251 с.

7. Россия в IX–XX веках: Проблемы истории, историографии и источниковедения: [Сб. ст. и тез. докл. Вторых чтений, посвященных памяти А. А. Зимина] / Сост.: С. М. Каштанов, Л. В. Стоярова,

А. Л. Хорошкевич; Редкол.: Ю. Н. Афанасьев и др.; Рос. Акад. наук. Ин-т рос. истории, Рос. гос. гуманитар. ун-т. Ист.-архив. ин-т. М.: Инф.-издат. агентство «Русский мир», 1999. 559 с.: ил., 1 л. портр.

8. Точное гуманитарное знание: Традиции, проблемы, методы, результаты: Тез. докл. и сообщений науч. конф. Москва, 4–6 февр. 1999 г. / Редкол.: В. А. Муравьев (отв. ред.) и др.; Рос. гос. гуманитар. ун-т. Каф. источниковед. и вспом. ист. дисциплин, Рос.-франц. центр ист. антропологии им. Марка Блока; РАН. Археогр. комис. М., 1999. 163 с.

9. Историк во времени: Третьи Зиминские чтения: Докл. и сообщения науч. конф. / Рос. гос. гуманитар. ун-т. Ист.-архив. ин-т, Рос. Акад. наук. Ин-т рос. истории, Санкт-Петербург. фил. Ин-та рос. истории, Археогр. комис., Гос. архивная служба Российской Федерации; Сост.: Е. А. Антонова и др.; Вступ. ст. Ю. Н. Афанасьева. М., 2000. 208 с.

10. Вспомогательные исторические дисциплины: Специальные функции и гуманитарные перспективы: Тез. докл. и сообщений XIII науч. конф. Москва, 1–2 февр. 2001 г. / Редкол.: В. А. Муравьев (отв. ред.) и др.; Рос. гос. гуманитар. ун-т. Ист.-архив. ин-т. Каф. источниковедения и вспом. ист. дисциплин, Гереальдический семинар, Учеб.-науч. лаборатория «Вспом. ист. дисциплины»; РАН. Археогр. комис.; Гос. ист. музей; Гос. ист.-культ. муз.-заповедник «Московский Кремль»; Рос. гос. архив, древ, актов. М., 2001. 212 с.

11. Источниковедение и историография в мире гуманитарного знания: Докл. и тез. XIV науч. конф., Москва, 18–19 апр. 2002 г. / Сост. Р. Б. Казаков; Редкол.: В. А. Муравьев (отв. ред.) и др.; Рос. гос. гуманитар. ун-т. Ист.-архив. ин-т. Каф. источниковедения и вспом. ист. дисциплин, Рос. Акад. наук. Археогр. комис. М., 2002. 549 с.

12. Источниковедческая компаративистика и историческое построение: Тез. докл. и сообщений XV науч. конф. Москва, 30 янв. – 1 февр. 2003 г. / Сост. Ю. Э. Шустова; Редкол.: В. А. Муравьев (отв. ред.) и др.; Рос. гос. гуманитар. ун-т. Ист.-архив. ин-т. Каф. источниковедения и вспом. ист. дисциплин. М., 2003. XI, 373 с.

Литература основная

1. *Блок М.* Апология истории, или Ремесло историка: Пер. с фр. М.: Наука, 1986. 256 с.

2. *Медушевская О. М.* Источниковедение в России XX века: научная мысль и социальная реальность // Советская историография. М.: РГГУ, 1996. С. 42–77.

3. *Ланглуа Ш.-В., Сеньобос Ш.* Введение в изучение истории: Пер. с фр. СПб., 1899. 275 с.

4. *Лаппо-Данилевский А. С.* Методология источниковедения // Лаппо-Данилевский А. С. Методология истории. СПб., 1913. Вып. 2. С. 353–796.

5. *Медушевская О. М.* Источниковедение: Теория, история и метод: Учеб. пособие. М., 1996. 80 с.

6. *Медушевская О. М.* Методология истории А. С. Лаппо-Данилевского и современное гуманитарное знание // Археографический ежегодник за 1994 год. М.: Наука, 1996. С. 238–255.

7. *Медушевская О. М.* Феноменология культуры: концепция А. С. Лаппо-Данилевского в гуманитарном познании новейшего времени // Исторические записки. М.: Наука, 1999. Т. 2 (120). С. 100–136.

8. *Медушевская О. М., Муравьев В. А.* Источниковедение в системе гуманитарного образования // Научно-педагогическая школа источниковедения Историко-архивного института: Сб. / Сост.: Р. Б. Казаков, М. Ф. Румянцева; Отв. ред. В. А. Муравьев; Рос. гос. гуманитар. ун-т. Ист.-архив. ин-т. Каф. источниковедения и вспом. ист. дисциплин. М., 2001. С. 33–54.

9. *Простоволосова Л. Н., Станиславский А. А.* История кафедры вспомогательных исторических дисциплин: Учеб. пособие / Предисл. Ю. Н. Афанасьева; Моск. гос. ист.-архив. ин-т. М., 1990. 71 с.: ил.

10. *Румянцева М. Ф.* Компаративное источниковедение // Источниковедение и компаративный метод в гуманитарном знании: Тез. докл. и сообщений науч. конф. Москва, 29–31 янв. 1996 г. / Редкол.: В. А. Муравьев (отв. ред.) и др.; Рос. гос. гуманитар. ун-т. Ист.-архив. ин-т. Каф. источниковедения и вспом. ист. дисциплин; РАН. Археогр. комис. М., 1996. С. 35–49.

11. *Румянцева М. Ф.* Для чего люди пишут мемуары? (мемуаротворчество как способ социализации индивидуума) // Мир психологии: Науч.-метод. журн. М.; Воронеж, 1998. № 1 (13). С. 141–155.

12. *Румянцева М. Ф.* Источники личного происхождения в системе исторических источников нового времени // Источниковедение и краеведение в культуре России: Сб. к 50-летию служения Сигурда Оттовича Шмидта Историко-архивному институту / Редкол.: В. Ф. Козлов (отв. ред.) и др.; Рос. гос. гуманитар. ун-т. М., 2000. С. 434–437.

13. *Румянцева М. Ф.* Методология истории А. С. Лаппо-Данилевского и современные проблемы гуманитарного познания // Вопросы истории. 1999. № 8. С. 138–146.

14. *Румянцева М. Ф.* Точное гуманитарное знание в ситуации пост-модерна: необходимость и возможность // Культура в эпоху цивилизационного слома: Сб. М., 2001. С. 602–611.

15. *Румянцева М. Ф.* Эпистемологическая концепция А. С. Лаппо-Данилевского и современная источниковедческая парадигма // Источниковедение: Поиски и находки: Сб. науч. тр. Воронеж, 2000. Вып. 1. С. 3–13.

16. *Февр А.* Бои за историю: Пер. с фр. М.: Наука, 1991. 629 с.

Литература дополнительная

1. *Андреев А. И.* Очерки по источниковедению Сибири. М., 1960–1965. Вып. 1–2.

2. *Афанасьев Ю. Н.* Историзм против эклектики: Французская историческая школа «Анналов» в современной буржуазной историографии. М., 1980. 277 с.

3. *Гуревич А. Я.* Исторический синтез и Школа «Анналов». М., 1993. 328 с.

4. *Барт Р.* Избранные работы: Семиотика. Поэтика: Пер. с фр. М., 1994. 615 с.

5. *Бернгейм Э.* Философия истории, ее история и задачи: Пер. с нем. М., 1910. 112 с.

6. *Гадамер Г.-Г.* Актуальность прекрасного: Пер. с нем. М., 1991. 367 с.

7. *Зедльмайр Г.* Искусство и истина: Теория и метод истории искусства / Пер. с нем. Ю. Н. Попова; Послесл. В. В. Библихина. СПб.: Аxióта, 2000. 271 с.

8. *Иванов Г. М.* Исторический источник и историческое познание. Томск, 1973. 222 с.

9. Источниковедение: Теоретические и методические проблемы: Сб. ст. / Отв. ред. С. О. Шмидт. М.: Наука, 1969. 511 с.

10. *Кареев Н. И.* Историка (Теория исторического знания). Пг., 1916. 281 с.

11. *Карсавин А. П.* Введение в историю: Теория истории. Пг., 1920. 78 с.

12. *Карсавин А. П.* Философия истории. СПб., 1993. 351 с.

13. *Ключевский В. О.* Источниковедение: Источники русской истории // Соч.: В 9 т. М., 1989. Т. 7. С. 5–83.

14. *Ковальченко П. Д.* Методы исторического исследования. М.: Наука, 2003. 486 с.

15. *Коллингвуд Р. Дж.* Идея истории: Автобиография: Пер. с англ. М.: Наука, 1980. 485 с.
16. *Люблинская А. Д.* Источниковедение истории средних веков. Л., 1955. 374 с.
17. *Медушевская О. М.* Современное зарубежное источниковедение. М., 1983. 147 с.
18. *Николаева А. Т.* Основные этапы развития отечественного источниковедения XVIII–XX веков: Учеб. пособие. М., 1976. 67 с.
19. *Про А.* Двенадцать уроков по истории: Пер. с фр. М., 2000. 336 с.
20. *Пушкарев А. Н.* Классификация русских письменных источников по отечественной истории. М.: Наука, 1975. 281 с.
21. *Рикер П.* Конфликт интерпретаций: Очерки о герменевтике: Пер. с фр. М., 1995. 415 с.
22. *Румянцева М. Ф.* Компаративное источниковедение: Аprobация метода // Румянцева М. Ф. Теория истории: Учеб. пособие. М.: Аспект Пресс, 2002. С. 220–317.
23. *Тихомиров М. Н.* Источниковедение истории СССР с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1962. 456 с.
24. *Фуко М.* Воля к истине: Пер. с фр. М., 1996. 447 с.
25. *Фуко М.* Слова и вещи: Археология гуманитарных наук. СПб., 1994. 406 с.
26. *Фримен Э.* Методы изучения истории: Пер. с англ. М., 1886. 338 с.
27. *Шмид В.* Нарратология: Пер. с нем. М.: Яз. рус. культуры, 2003. 311 с.: ил.
28. *Шмидт С. О.* Шмидт С. О. Путь историка: Избр. тр. по источниковедению и историографии. М.: Издат. центр РГГУ, 1997. 612 с.

Тематический план курса

Номер и название темы	Аудиторных занятий (час.)
1. Источниковедение в системе гуманитарных наук как наука об исторических источниках	6
2. История источниковедения	6
3. Теория и метод источниковедения	8
Итого	20

Контрольные вопросы по курсу

1. Понятие об источнике.
2. Источниковедение и его задачи.
3. Источниковедение в системе гуманитарного знания.
4. Классификация исторических источников.
5. Принципы классификации источников по видам. Понятие о виде источника, его признаки.
6. Источниковедческие обоснования компаративного подхода в гуманитарных науках.
7. Вид источника как датирующий признак. Причины возникновения и функционирования различных видов источников.
8. Метод источниковедения и его применение в гуманитарном знании.
9. Соотношение понятий исторического источника и исторического факта.
10. Соотношение понятий исторического источника и «текста».
11. Основные этапы источниковедческого анализа и синтеза.
12. Исторические условия возникновения источника: значение этого этапа в ходе изучения источника.
13. Проблема авторства источника: значение этого этапа в ходе изучения источника.
14. Обстоятельства возникновения источника: значение этого этапа в ходе изучения источника.
15. Интерпретация источника: цели этого этапа изучения источника.
16. Достоверность источника: приемы ее установления.
17. Достоверность и подлинность: различие этих понятий и приемов их установления.
18. Влияние обстоятельств создания источника на его достоверность.
19. Авторство и достоверность: взаимосвязь этих понятий в ходе изучения источника.
20. В каких междисциплинарных исследованиях применим источниковедческий анализ и синтез?

ЗАРУБЕЖНОЕ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ: Программа курса⁴²⁸

ПОЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА

Программа курса «Зарубежное источниковедение» входит в состав единого комплекса учебных программ источниковедческого цикла, разрабатываемого учебно-научным направлением кафедры источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин ИАИ РГГУ. Предмет курса – источниковедение как интегрирующая и дающая основание исторического профессионализма наука об источниках и университетская дисциплина в системе гуманитарного знания. Его цель – дать системное знание об основных понятиях, категориях и методах источниковедческой науки и научить применению этих категорий и методов к различным корпусам исторических источников, имеющих как общие характеристики, так и особенности, связанные с формированием конкретных исторических условий развития цивилизаций, стран, регионов мира. Данная программа, развивая и конкретизируя некоторые аспекты общей источниковедческой теории и исследовательской практики, акцентирует внимание на проблематике страноведческого, регионального источниковедения, активно формирующегося в настоящее время. В условиях глобализации и вызванной ею потребности национально-культурной самоидентификации и диалога культур данный подход особенно актуален. Программа отвечает потребности творческой самостоятельной работы студентов и альтернативности выбора источников и источниковедческих ситуаций для конкретного изучения и освоения основ источниковедения.

⁴²⁸ Публикуется по изданию: *Медушевская О. М.* Зарубежное источниковедение: программа курса для специальностей № 020700 – История; № 020800 – Историко-архивоведение (в соавторстве с Л. А. Молчановым) // Источниковедение. Учебно-методический модуль. Программы курсов и планы семинарских занятий. Под ред. О. М. Медушевской – М.: Изд. Ишполитова, 2004. С. 134–150

Название курса «Зарубежное источниковедение» отражает данную постановку проблемы: в нем присутствует исходный ориентир источниковедческой компаративистики (зарубежное – отечественное); в нем далее, прослеживается установка на общность концептуальной позиции (источниковедение) в ее применении к корпусам источников стран и регионов («зарубежных»); в этом названии курса представлена свобода выбора конкретного источниковедческого объекта для усвоения теории, методологии и исследовательской практики источниковедения на конкретном материале корпуса источников, сложившихся в различных исторических условиях и представленных соответствующими видами источников.

В ходе освоения курса студенты должны получить понимание общих основ теории и методологии источниковедения и способов их применения в конкретной исследовательской ситуации; они должны получить знание интернациональной литературы по проблемам источниковедения и прежде всего его страноведческого, регионального, цивилизационного аспектов. Студенты должны освоить умения и навыки исследовательской работы в области решения конкретных задач источниковедческой эвристики, выявления видовых особенностей изучаемого корпуса источников и источниковедческой аналитики. Они должны получить умение профессионально представлять в виде интеллектуального продукта свой исследовательский результат изучения зарубежного источниковедения.

Знания студентов по курсу контролируются системой межсессионных заданий (письменные работы, коллоквиумы) и завершаются зачетом.

Введение

Основные понятия и категории зарубежного источниковедения

Единство исторического процесса и множественность цивилизации, локальных культурных сообществ в проблематике философии истории нового и новейшего времени. Создание реализованного продукта целенаправленной человеческой деятельности как историко-антропологическая универсалия и как

основа возможности истории как строгой науки. Источниковедческая основа информационно-культурного обмена и его специфика в различных конкретно-исторических условиях. Зарубежное источниковедение как дисциплина. Структура курса, соотношение его проблематики с состоянием современного гуманитарного знания. Источниковедческий аспект региональной истории. Единство источниковедческой концепции и разнообразие исследовательских практик.

Раздел I. Источниковедческие проблемы в науке и образовании в новое время

Интерес к выявлению, изучению и публикации исторических источников в новое время. Национально-культурная самоидентификация и становление национальных государств. Появление проектов фундаментальных изданий памятников истории и культуры европейских стран. Фундаментальное издание «Памятников истории Германии». Проект изучения и издания источников германской истории Г. фон Штейна. Создание Школы хартий во Франции. Деятельность по изучению и изданию источников в России, формирование новых представлений об историческом профессионализме и историческом образовании. Начало издания сводных библиографий по источниковедению германской истории и источниковедению всеобщей истории в Германии. Понятие «источниковедение» и его смысл. Соотношение понятий источниковедение и критика источников. Проблематика критики источников в университетском образовании. «Основы историки» Г. Дройзена. Понятие об источнике, проблемы классификации источников и источниковедческой аналитики в его труде. Развитие дипломатики и других вспомогательных исторических дисциплин.

Проблематика методологии источниковедческого исследования как новый предмет университетского преподавания. Опыт создания университетских курсов, включающих проблематику источниковедения и методов исторического исследования. Лекционные курсы и учебные пособия Э. Фримена, Э. Бернгейма,

Ш.-В. Ланглау и Ш. Сеньобоса. Дискуссии о концептуальных позициях и содержании этих курсов в сообществе историков конца XIX – начала XX в. Связь этих вопросов с переосмыслением концепции исторического профессионализма.

Проблематика целостности исторического процесса и национальной историографии на Международных конгрессах историков в начале XX в. Проблематика источниковедения нового времени (Г. Вольф и его «Введение в изучение Новой истории», идеи Ш. Сеньобоса об историческом профессионализме в социальных науках, идеи А. С. Лапшо-Данилевского), проблематика международных проектов изучения и издания исторических источников начала XX в.

Раздел II. Источниковедческие проблемы в науке и образования новейшего времени

Источниковедческая проблематика научного сообщества в связи с переходом от европоцентризма к идее эволюционного и коэксистенционального единства человеческой истории. Проблематика философии истории, теории и методологии исторического исследования и исследовательская практика после Первой мировой войны, проект нового «Введения в историю» как проявление идеи единства исторического метода при разнообразии корпуса источников стран и регионов (Проект Л. П. Карсавина, С. А. Жебелева и М. Д. Приселкова 20-томного издания с охватом проблематики: первобытная культура, классический Восток (Египет и Передняя Азия), Греция и Рим, Западная Европа в средние века, Западная Европа в новое время, XIX век, Византия, Славяне, мусульманский мир, Иран, Индия, Китай, Япония, Средняя Азия, христианский Восток, Кавказ, Америка и колонии, Россия). Концептуальное единство исторического процесса и цель издания – «ознакомление с методом и духом истории, усвоение исторического мышления». «Теория истории» Л. П. Карсавина в контексте данного проекта. Проблема исторического источника и источниковедения в трудах Л. П. Карсавина.

Состояние научного сообщества и утрата им целостного знания: Л. П. Карсавин о сообществе историков и его позитивистской ограниченности в «Философии истории» (Берлин, 1923).

Отечественная медиевистика и ее опыт изучения источников западноевропейского средневекового периода и нового времени. И. М. Гревс, О. А. Добиап-Рождественская и их труды.

Новая историческая наука и преодоление европоцентризма как проблема научного сообщества. Опыт ее решения в работах Школы Анналов, в концепции «Идеи истории» Р.-Дж. Коллингууда. Постигжение история А. Тойнби. Проблематика источниковедческой основы исторической концепции. Л. Февр и его работа «От Шпенглера до Тойнби».

Л. Февр об узости источниковой основы европоцентристской историографии и его видение путей ее преодоления. Привлечение данных лингвистики, социальной психологии, исторической антропологии. Новая проблематика исторической антропологии. «Короли – чудотворцы». М. Блок и вопросы интерпретации источников.

Вопросы исторического профессионализма в условиях постиндустриального общества. Транслирующая (знание) модель исторического профессионализма и снижение внимания к проблематике архива, источника, трактовка методологических проблем работы с источником как «эрудиции», имеющей лишь подготовительное значение. Осознание необходимости обращения к проблематике методологии исторического исследования. Выявление исследовательских профессиональных проблем соотношения субъект-объектных отношений в историческом исследовании. Незаработанность проблематики теории и методологии истории и состояние научного сообщества.

Раздел III. Наука о человеке и ее источниковедческая составляющая. Современные проблемы и перспективы

Проблематика гуманитарного знания как предмет внимания философов и методологов. Новые условия развития информационных процессов в современной культуре и исследование

этих процессов в трудах по философии истории, истории науки, историографии, источниковедению. Осознание общечеловеческой потребности в строгом знании об историческом опыте человечества. Выявление существенно общих историко-антропологических оснований и единства человеческой деятельности. Проблема общего объекта гуманитарных наук. Р. Барт о проблематике общего объекта как условия междисциплинарных исследований. Общность объекта гуманитарных наук при различии предмета их исследований. М. Фуко и его анализ состояния гуманитарных наук.

Структуралистские источниковедческие исследования. Письмо как условие человеческой деятельности в работах Р. Барта, М. Фуко, Ж. Деррида. Проблематика соотношения текста и произведения, авторства, достоверности, выявления информационного ресурса источника в современной интернациональной историографии.

Признаки изменения состояния профессионального сообщества историков в настоящее время. Вопрос о профессионализме исторического образования. Актуализация проблематики строгого знания и проблематики нового исторического образования.

Раздел IV. Источники по истории Европы и Америки с древнейших времен до XX в.

Записки античных авторов: Плиний Старший, Тацит, Цезарь и др.

Анналы, их происхождение и особенности изучения.

Европейские средневековые хроники как вид исторического источника. Всемирные, национальные, рыцарские, городские хроники. Списки хроник и их систематизация. Хроники развитого Средневековья: проблемы их изучения и публикации.

«Большие французские хроники», их происхождение, состав и особенности изучения.

Византийские хроники VII–XV вв., их происхождение, источники и особенности анализа.

Ренессанс и упадок хронистики. Поздние хроники как особый жанр исторического повествования.

Миниатюры как исторический источник.

Агиографическая литература, ее разновидности. Жития аббатов и епископов.

Законодательство европейского средневековья. Соотношение римского и обычного права в раннесредневековых законодательных памятниках. Кодекс Феодосия (V в.). Кодекс Юстиниана (VI в.), его состав и содержание.

Варварские законы V–XI вв., их источниковедческие особенности и приемы изучения. Салическая правда (VII в.) как исторический источник.

Капитулярии. Памятники канонического права.

Развитие правовых отношений в развитом средневековом обществе. Источники Магдебургского права (XIII в.). Записи обычного права XIII–XV вв. как источники.

Папские буллы, княжеские грамоты, цеховые статуты и городские «конституции». Вопросы их сохранности.

Переход от средних веков к Новому времени. Эпоха Возрождения. Появление книгопечатания и его влияние на состав письменных источников. Изменение видовой структуры письменных источников.

Особенности корпуса источников нового и новейшего времени.

Зарубежное законодательство XVII–XX вв. Законодательная процедура. Конституционное строительство в странах Европы и Америки. Публикации законодательных актов.

Зарождение статистики в Западной Европе и ее выделение в самостоятельную науку. Особенности статистики начального периода ее развития. Отрасли статистики. Использование данных статистики в исторических исследованиях.

Эволюция делопроизводственной документации в Новое и Новейшее время. Система зарубежных архивов. Вопросы соотношения источниковедения и архивоведения в Западной Европе и Америке.

Возникновение периодической печати. Разновидности периодической печати. Развитие периодической печати в XVIII–XX вв. Создание информационных агентств. Газетно-

журнальные монополии и их влияние на развитие прессы. Современное состояние газетно-журнальных изданий в Европе и Америке, особенности их критического анализа.

Источники личного происхождения: состав, разновидности, эволюция.

Мемуаристика Средневековья, проблемы источниковедческого изучения. Личностная документация эпохи Возрождения, изменения в социальном составе авторов. Мемуаристика XVII–XVIII вв. Реализация исторического самосознания в мемуаристике. Мемуары XIX–XX вв., их видовые особенности.

Эпистолярные источники. Методы источниковедческого анализа.

Публикация и источниковедческое изучение источников по истории зарубежных стран.

Источники и литература

К Разделам I–III

Литература

Основная

1. *Барт Р.* Избр. работы. Семиотика, поэтика. М., 1994. 616 с. *Блок М.* Апология истории, или Ремесло историка / Пер. Е. М. Лысенко; Примеч. и ст. А. Я. Гуревича. 2-е изд., доп. М.: Наука, 1986. 256 с.
2. *Винер Н.* Кибернетика и общество. М., 1958. 200 с. *Гуссерль Э.* Философия как строгая наука. Новочеркасск, 1997. 357 с.
3. Источниковедение. Теория. История. Метод. Источники Российской истории. М., 2004. 702 с.
4. *Карсавин А. П.* Введение в историю // Вопросы истории. 1996. № 8. С. 101–127.
5. *Карсавин А. П.* Философия истории. М., 1993. 351 с. *Коллингвуд Р. Дж.* Идея истории. Автобиография. М., 1980. 485 с.
6. *Ланглуа Ш. В., Сеньобос Ш.* Введение в изучение истории. М., 1899. 275 с.
7. *Ланто-Данилевский А. С.* Методология истории. СПб., 1910–1913. Вып. 1–2.
8. *Тойнби А.* Постигание истории. М., 1991. 736 с.

9. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб., 1994. 389 с.

10. Фуко М. Воля к истине: По ту сторону знания, власти и сексуальности: Сб. М., 1996. 447 с.

Сборники статей

11. Историческая антропология. Место в системе социальных наук. Источники и методы интерпретации. М., 1998. 251 с. Историк во времени. М., 2000. 208 с.

12. Источниковедение и историография в мире гуманитарного знания. М., 2002. 550 с.

13. Исторический источник: человек и пространство. М., 1997. 335 с.

14. Точное гуманитарное знание. М., 1999. 163 с.

Дополнительная

15. Афанасьев Ю. Н. Историзм против эклектики. Французская историческая Школа Анналов в современной буржуазной историографии. М., 1980. 277 с.

16. Андреев А. П. Очерки по источниковедению Сибири. М., 1960–1965. Вып. 1–2.

17. Гуревич А. Я. Исторический синтез и Школа Анналов. М., 1993. 328 с.

18. Источниковедение африканской истории: Сб. ст. М., 1977. 300 с.

19. Источниковедение Древней истории Китая. М., 1987. 183 с.

20. Источниковедение истории Южных и Западных славян / Под ред. Л. П. Лаптевой. М., 1999. 251 с.

21. Источниковедение и краеведение в культуре России. М., 2000. 518 с.

22. Источниковедение Кыргызстана. С древности по XIX век / Отв. ред. В. М. Плоских. Бишкек, 1996. 505 с.

23. Карсавин А. П. Введение в историю: теория истории. Пг., 1920. 78 с.

24. Проблемы источниковедения западноевропейского средневековья. Л., 1979. 516 с.

25. Про А. Двенадцать уроков по истории. М., 2000. 334 с.

26. Уайт Х. Метаистория: историческое воображение в Европе XIX в. М.; Екатеринбург, 2002. 528 с.

К Разделу IV

Источники

Обязательные

1. Английская реформация (Документы и материалы) / Под ред. Ю. М. Сапрыкина. М.: Изд-во МГУ, 1990. 105 с.
2. Анналы на рубеже веков: Антология. М., 2002.
3. Антология средневековой мысли: текстология и философия европейского средневековья. М., 2001–2002. Т. 1–2.
4. *Бисмарк О.* Воспоминания. Мемуары. М., 2001. Т. 1–2.
5. Великая французская революция, 1789–1989: Док. и исслед. М.: Изд-во МГУ, 1990–1992. Т. 1–2.
6. Византийский Земледельческий закон: Текст, исслед., коммент. / Подгот. Е. Э. Липшиц и др. Л.: Наука, 1984. 280 с.
7. Внутренняя политика французского абсолютизма, 1633–1649 гг.: Сев. и центр. провинции. Сб. док. / Под ред. А. Д. Люблинской. Л.: Наука, 1980. 278 с.
8. *Григорий Турский.* История франков / Изд. подгот. и примем. сост. В. Д. Савукова. М.: Наука, 1987. 462 с.: ил.
9. Два византийских военных трактата конца X века / Изд. подгот. В. В. Кучма; Отв. ред. Г. Г. Литаврин СПб.: Алетейя, 2002. 411 с.
10. *Дионисий Ареопагит.* О церковной иерархии. Послания. СПб., 2001.
11. Документы и материалы по истории средних веков (XVI–XVII вв.). Тамбов, 1996.
12. *Дуглас Г.* Шеф гестапо Генрих Мюллер: Дневники. М., 2000.
13. *Кларк Р. де.* Завоевание Константинополя / Пер., ст. и коммент. М. А. Заборова. М.: Наука, 1986. 175 с.: ил.
14. Конституции зарубежных стран. М., 2001.
15. *Макиавелли Н.* Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. Государь. М., 2002.
16. Международные акты о правах человека. Сб. док. 2-е изд., доп. М., 2002.
17. Коминтерн и гражданская война в Испании. Док. М., 2001.
18. Памятники византийской литературы IX–XIV веков: Сб. М., 1969.
19. Средневековое городское право XII–XIII веков: Сб. текстов: Пер. / Под ред. С. М. Стама. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1989. 179 с.
20. Хрестоматия по новой истории: В 3 т. М., 1963–1965. Т. 1–2.

Дополнительные

1. *Беда Достопочтенный*. Церковная история народа англов / Пер. с лат., ст., примем., библиогр. и указ. В. В. Эрлихмана; Отв. ред. С. Е. Федоров. СПб.: Алетейя, 2001. 362 с.: ил.
2. *Виллан и Д.* Новая хроника, или История Флоренции / Пер., ст. и примем. М. А. Юсима. М.: Наука, 1997. 551 с.
3. *Виллардуэн Ж. де.* Завоевание Константинополя / Пер., ст. и коммент. М. А. Заборова. М.: Наука, 1993. 296 с.: ил.
4. *Вильсон Р. Т.* Дневник путешествий, службы и общественных отношений в бытность при европейских армиях во время кампаний 1812–1813 года; Письма к разным лицам / Вступ. ст. С. Н. Искюля; Примем. С. Н. Искюля, Д. В. Соловьева. СПб.: ИНАпресс, 1995. 310 с.: ил.
5. Документы международных отношений (1917–1945 гг.) / Сост. Ахтамзян И. А.; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД РФ. Каф. Междунар. отношений и внешне. политики России. М., 1999. 148 с.
6. Древние и средневековые источники по этнографии и истории Африки южнее Сахары. Араб, источники XII–XIII в. / Подгот. текстов и пер. В. В. Матвеева, Л. Е. Кубеля. Л.: Наука, 1985. 288 с.
7. Жизнеописания трубадуров: Пер. М.: Наука, 1993. 736 с.: ил.
8. Из ранней истории шведского народа и государства: Первые описания и законы / Отв. ред. и сост. А. А. Сванидзе. М., 1999. 334 с.: ил.
9. Иисус Христос в документах истории / Сост., вступ. ст. и коммент. Б. Г. Деревенского. СПб.: Алетейя, 1998. 494 с.: ил.
10. Историки эпохи каролингов / Сост. М. А. Тимофеев; Пер. с лат. и примеч. М. С. Петровой и др. М.: РОССПЭН, 1999. 279 с.: ил.
11. *Клавихо Р. Г. де.* Дневник путешествия в Самарканд ко двору Тимура (1403–1406) / Пер. со старонисп., предисл. и коммент. И. С. Мироковой. М.: Наука, 1990. 211 с.
12. Книга Суны и Шары мавров / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. Ист. фак. Каф. истории сред. веков; Пер., коммент. и вступ. ст. И. И. Варьяш. М., 1995. 211 с.
13. *Матузова В. П.* Английские средневековые источники IX–XIII вв. Тексты, пер., коммент. М.: Наука, 1979. 268 с.
14. Международные отношения в начальный период Великой французской революции (1789). Сб. док. М., 1989.
15. *Корниенко Г.* «Холодная война»: Свидетельства ее участников. М., 2001.

16. *Назаренко А. В.* Немецкие латиноязычные источники IX–X веков: Тексты, пер., коммент. М.: Наука, 1993. 240 с.
17. Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия, 1850–1864: Док. / Сост.: Д. Ф. Попылко, В. М. Хевролина. М.: Наука, 1985. 495 с.: ил.
18. *Подосинов А. В.* Восточная Европа в Римской картографической традиции: Тексты. Переводы. Комментарий. М.: Индрик, 2002. 4867 с.: ил.
19. *Рузвельт Ф. Д.* Секретная переписка Рузвельта и Черчилля в период войны / Под ред. Ф. Л. Лоуэнхейма и др. М.: Изд. центр «Герра», 1995. 800 с.
20. Сборник документов по истории международных отношений в средние века / Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького; Сост. Нуждин О. И. Екатеринбург: Изд-во Урал, ун-та, 2001. 94 с.
21. Сборники законодательных памятников древнего законодательства европейского права. Киев, 1906–1908.
22. *Сикст из Оттерсдорфа.* Хроника событий, свершившихся в Чехии в бурный 1547 год / Пер. с чеш. и коммент. А. И. Виноградовой, Г. П. Мельникова; Отв. ред. Б. Н. Флоря; Вступ. ст. Г. П. Мельникова. М.: Наука, 1989. 133 с.
23. Сирия, Ливан и Палестина в описаниях российских путешественников, консульских и военных обзорах первой половины XIX века / Сост. М. Р. Рыженков, И. М. Смилянская; Предисл. И. М. Смилянской; Вступ. ст. Е. И. Зелснева и др.; Коммент. И. М. Смилянской и др. М.: Наука, 1991. 368 с.: ил.
24. Сказания древней Чехии. М., 2000.
25. Словения: Путь к самостоятельности: Док. М., 2001. *Степанов А. И.* Незнакомый Лихтенштейн: глазами первого российского посла. М., 2002.
26. Сочинения великих итальянцев XVI в. СПб., 2002. Суданские хроники: Сб. / Пер. с араб., вступ. ст. и примеч. Л. Е. Куббеля. М.: Наука, 1984. 499 с.
27. Хроника Эрика / Сост., отв. ред. и ред. пер. А. А. Сванидзе; Пер. со старосвед. А. Ю. Желтухина; Коммент. А. Ю. Желтухина и А. А. Сванидзе. 2-е изд., испр. и доп. М., 1999. 252 с.: ил.
28. *Шустер Р.* Ультиматум: воспоминания президента Словацкой Республики. М., 2002.
29. Эфиопские хроники XVIII века / Введ., пер. с эфиоп., коммент. и заключение С. Б. Чернецова; Отв. ред. Н. М. Гиренко. М.: Наука, 1991. 358 с.: ил.

30. Эфиопские хроники XVII–XVIII веков / Введ. и заключение, пер. с эфиоп. и коммент. С. Б. Чернецова; Отв. ред. Ю. К. Поплинский. М.: Наука, 1989. 384 с.

31. Эфиопские хроники XVI–XVII веков / Отв. ред. О. С. Тома-новская. М.: Наука, 1984. 390 с.

32. Юнг А. Путешествия, предпринятые в 1787, 1788 и 1789 годах для познания земледелия, богатства и национального благосостояния Французского королевства / Вступ. ст. С. Н. Исколя; Примеч. С. Н. Исколя, Д. В. Соловьева. СПб.: ИНАпресс, 1996. 428 с.

Литература

Учебные пособия

1. Биск П. Я. Курс лекций по источниковедению нового и новейшего времени: Учеб. пособие. Тамбов, 1971. 219 с.

2. Бокщанин А. Г. Источниковедение Древнего Рима: Учеб. пособие / Авт. введ. И. Л. Маяк. М.: Изд-во МГУ, 1981. 159 с.: ил.

3. Болгов Н. Н. Античные письменные источники. Рим: Учеб. пособие. Белгород: Изд-во БГУ, 1998. 97 с.

4. Григорьева П. В. Источниковедение новой и новейшей истории стран Европы и Америки. М., 1984. 334 с.

5. Документы по истории зарубежного права: Учеб. пособие / Под ред. Н. А. Крашенинниковой. М.: Изд-во МГУ, 1987. 154 с.

6. Источники по истории государства и права: Рабовлад. и феод. государство и право: Учеб. пособие / Сост. Е. В. Поликарпова, В. А. Савельев. М., 1981. 113 с.

7. Источниковедение Древней Греции (эпоха эллинизма): Учеб. пособие / В. И. Кузицин, Л. П. Маринович, Г. А. Кошеленко и др.; Под ред. В. И. Кузицина. М.: Изд-во МГУ, 1982. 239 с.: ил.

8. Источниковедение истории Древнего Востока: Учеб. / Под ред. В. И. Кузицина. М.: Высш. шк., 1984. 392 с.

9. Купцы-складчики Кале: Деловая переписка семейн. компании Сели (XV в.): Учеб. пособие / Пер. со староангл., примеч. и вступ. ст. М. М. Ябровой. Саратов: Науч. кн., 1998. 160 с.

10. Леонтьевский А. В. «Золотая булла» Карла IV Люксембурга: Учеб.-метод. пособие. Волгоград: Изд-во Волгогр. гос. ун-та, 1998. 75 с.

11. Люблинская А. Д. Источниковедение истории средних веков: Учеб. пособие. М., 1955.

12. Медушевская О. М. Современное зарубежное источниковедение: Учеб. пособие. М., 1983. 147 с.

13. *Мнухина Р. С.* Источниковедение истории нового и новейшего времени: Учеб. пособие. М., 1970. 360 с.
14. *Павуланс В. В.* Источники по истории Скандинавии раннего средневековья: Учеб. пособие. Рига, 1983. 26 с.
15. *Рейсер С. А.* Палеография и текстология Нового времени. М., 1970.
16. *Смолин Г. Я.* Источниковедение древней истории Китая: Учеб. пособие. Л.: Изд-во ЛГУ, 1987. 185 с.

Обязательная

17. *Беркут А. Н.* Возникновение и характер средневековой анналистики. Варшава, 1910.
18. *Бибииков М. В.* Историческая литература Византии. СПб.: Алетейя, 1998. 317 с.
19. *Джаксон Т. Н.* Исландские королевские саги и Восточной Европе: С древнейших времен до 1000 г.: Тексты, переводы, комментарии. М., 1993.
20. *Елагина А. А.* Римское общество в историко-литературных источниках I в. н. э. / Омский гос. ун-т и др. Омск: ОмГУ, 1998. 198 с.
21. *Зюлттор П.* Повседневная жизнь Голландии во времена Рембрандта. М., 2001.
22. Книга в культуре Возрождения. М., 2002.
23. *Козаржевский А. Ч.* Источниковедческие проблемы раннехристианской литературы. М.: Изд-во МГУ, 1985. 146 с.
24. *Лаптева А. П.* Письменные источники по истории Чехии периода феодализма (до 1848 года). М.: Изд-во МГУ, 1985. 199 с.
25. *Ле Гобфр Ж.* Людовик IX Святой / Пер. с фр. В. И. Матузовой. М.: Ладомир, 2001. 800 с.: ил.
26. *Луцицкая С. С.* Образ другого: Мусульмане в хрониках крестовых походов. М., 2001.
27. *Лысенко О. А.* История кодификации торгового права Германии в XIX веке. М., 2001.
28. *Мнухина Р. С.* Значение картографических документов для новой и новейшей истории // Исследования по новой и новейшей истории. Л., 1972. С. 170–183.
29. *Мулен А.* Повседневная жизнь средневековых монахов Западной Европы. X–XV века. М., 2002.
30. *Самодурова З. Г.* Краткая византийская хроника VI в. и ее версии // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1991. Вып. XXII. С. 253–264.

31. *Шервуд Е. А.* Законы лангобардов. Обыч. право древнегерм. племени (К раннему этногенезу итальянцев). М.: Наука, 1992. 286 с.

Дополнительная

32. *Абуситова М. Х., Баранова Ю. Г.* Письменные источники по истории и культуре Казахстана и Центральной Азии XIII–XVIII вв. (Библиогр. обзоры). Алматы: Дайк-пресс, 2001. 422 с.: ил.

33. *Барабанов О. Н.* Бартоломео Боско – генуэзский юрист XII–XV веков. Теория и практика гражданского судебного процесса. СПб., 2002.

34. *Бахтин М. М.* Фрейдизм. Формальный метод в литературоведении. Марксизм и философия языка. Ст. М.: Лабиринт, 2000. 638 с.

35. *Блок М.* Короли-чудотворцы: Очерк представлений о сверхъестеств. характере королей, власти, распростран. преимущественно во Франции и в Англии / Пер. и коммент. В. А. Мильчиной; Предисл. Ж. Ле Гоффа; Послел. А. Я. Гуревича. М.: Яз. рус. культуры, 1998. 709 с.

36. *Брагина Л. М.* Опыт изучения нарративных текстов эпохи Возрождения. М., 1972.

37. *Бродель Ф.* Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II / Пер. с фр. М. А. Юсима. М.: Яз. рус. культуры, 2002–2003. Ч. 1–2.

38. Веймарская Республика: история и источниковедение: Межвуз. сб. науч. тр. / Редкол.: В. Л. Черноперов (отв. ред.) и др. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2001. 200 с.

39. Великая французская революция и Россия: Альбм. / Под ред.: Адо А. В., Сироткина В. Г. М.: Прогресс, 1989. 551 с.: ил.

40. Военные и общества в Западной и восточной Европе: сравнительные исследования. М., 2001.

41. Вопросы германской истории: Анализ источников и их пользы.: Сб. науч. тр. / Редкол.: А. С. Завьялов (отв. ред.) и др. Днепропетровск, 1984. 157 с.

42. *Гаспаров М. Л.* Очерк истории европейского стиха. 2-е изд., доп. М.: Фортуна Лимитед, 2003. 271 с.

43. Город в средневековой цивилизации Западной Европы / РАН. Ин-т всеобщ. истории; Отв. ред. А. А. Сванидзе. М.: Наука, 1999–2000. Т. 1–4.

44. Европа: Вчера, сегодня, завтра. М., 2002.

45. Европейские революции 1848 года: «Принципы национальности» в политике и идеологии. М., 2001.

46. *Ефремова Н. В.* Догмат «абсолютной власти» папы и его критика Вильямом Оккамом // Историко-филологические исследования. М., 1987. С. 10–16.

47. Источниковедение балканского средневековья: Мсжвуз. темат. сб. науч. тр. / Редкол.: И. Г. Воробьева (отв. ред.) и др. Калинин, 1988. 132 с.: ил.

48. *Кеннеди П.* Вступая в двадцать первый век. М., 1997. Конституирование социального. Европа V–XVI вв. М., 2001. Конституционное право зарубежных стран. М., 2001. *Куделин А. Б.* Арабская литература: Поэтика, стилистика, типология, взаимосвязи. М.: Яз. славянской культуры, 2003. 511 с.

49. *Кузнецова С. С.* Яванские хроники XVII–XVIII вв. как источник по истории Индонезии. М.: Наука, 1984. 195 с.

50. *Курпалидис Г. М.* Государство Великих Сельджукидов: Офиц. документы об адм. управлении и соц.-экон. отношениях. М.: Наука, 1992. 143 с.

51. *Ле Гофф Ж.* Другое средневековье: Время, труд и культура Запада / Науч. ред. Д. Э. Харитонович. 2-е изд., испр. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 2002. 327 с.: ил.

52. *Леффа М.* Миф о иезуитах: от Беранже до Мишле. М.,

53. Личность-идея-тексты в культуре средневековья и возрождения. Сб. науч. тр. Иваново, 2001.

54. *Лукин П. Е.* Письмена и православие: Историко-филологическое исследование. «Сказание о письменах» Константина Философа Костенецкого. М., 2001.

55. *Мажуга В. П.* О стиле раннесредневекового латинского письма и его зависимости от техники письма // Вспомогательные исторические дисциплины. Л.: Наука, 1985. Вып. XVI. С. 295–311.

56. *Майер В. Е., Иванов В. В.* Pamфлеты эпохи Великой Крестьянской войны в Германии. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1992. 93 с.

57. Право в средневековом мире. Сб. ст. СПб., 2001. Вып. 2–3.

58. *Пьянков П. В.* Средняя Азия в античной географической традиции: Источниковед. анализ / Новгород. гос. ун-т им. Ярослава Мудрого. М.: Изд. фирма «Вост. лит.», 1997. 343 с.: ил.

59. *Ранович А. Б.* Первоисточники по истории раннего христианства. Античные критики христианства / Вступ. ст. И. С. Свенцицкой. М.: Политиздат, 1990. 478 с.: ил.

60. Рынок и экспортные отрасли ремесла в Европе XIV–XVIII вв.: Сб. ст. / Ин-т всеобщ. истории АН СССР; Редкол.: А. А. Сванидзе (отв. ред.) и др. М., 1991. 282 с.: ил.

61. *Савельева Е. А.* Олаус Магнус и его История северных народов / Отв. ред. И. П. Шаскольский. Л.: Наука, 1983. 136 с.: ил.
62. *Тер-Мкртчян Л. Х.* Армянские источники о Палестине V–XVIII вв. М.: Наука, 1991. 299 с.: ил.
63. *Тимофеева Т. К.* Книжное дело в Германии в 1933–1945 годы. СПб., 2002.
64. *Феодалы в городе: Запад и Русь: Сб. ст. / Под ред. А. А. Сванидзе.* М.: Гос. публич. ист. б-ка России, 1996. 114 с.
65. *Филлипов И. С.* О новых подходах к исследованию раннесредневековых источников // Традиции и новации в изучении западноевропейского феодализма. М., 1995. С. 108–118.
66. *Червоная Т. М.* Французская деревня по юридическим источникам XVI века / Под ред. К. Д. Авдеевой. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1992. 168 с.: ил.
67. *Чиркин В. А.* Очерки по аграрной истории Средней Германии, 1460–1525 гг. (Исслед., документы). Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1992. 150 с.: ил.
68. *Шохин В. К.* Древняя Индия в культуре Руси (XI – середина XV в.): Источниковед. пробл. М.: Наука, 1988. 335 с.
69. *Яковенко С. Г.* Донесения папских нунциев как источник по истории Восточной Европы (50–60-е гг. XVI в.). Структура и типология // Методы изучения источников по истории русской общественной мысли периода феодализма. М., 1989. С. 131–146.
70. *Янищиц Ф.* Греческий мир в конце XVIII – начале XX вв. по российским источникам (к вопросу об изучении самосознания греков). М., 2002.

Контрольные вопросы по курсу

1. Предмет и задачи курса.
2. Современные проблемы источниковедения Европы и Америки.
3. Анналы, их происхождение.
4. Особенности хроник раннего Средневековья.
5. Всемирные, национальные рыцарские городские хроники.
6. «Большие французские хроники».
7. Средневековая агнографическая литература.
8. Кодекс Феодосия.
9. Кодекс Юстиниана.
10. Салическая правда.

11. Капитулярии.
12. Источники Магдебургского права.
13. Появление книгопечатания и его влияние на состав и содержание письменных источников.
14. Особенности источников Нового и Новейшего времени.
15. Зарубежное законодательство.
16. Конституционное строительство в странах Европы и Америки.
17. Зарождение статистики в Западной Европе и ее выделение в самостоятельную.
18. Вопросы соотношения источниковедения и архивоведения в Западной Европе и Америке.
19. Развитие зарубежной прессы в XVIII–XIX вв.
20. Особенности мемуаристики Нового и Новейшего времени.

Тематический план

Номер и название темы	Кол-во часов
1. Предмет и задачи курса.	2
2. История западноевропейского источниковедения.	2
3. Типы и виды источников в средневековой Европе.	2
4. Варварские правды.	2
5. Хроники и анналы.	2
6. Изменения состава источников в эпоху Возрождения.	2
7. Особенности исторических источников Нового времени.	2
8. Публицистика Франции XVIII в.	2
9. Формирование корпуса исторических источников в Новейшее время.	2
10. Конституционное строительство в западноевропейских странах и государствах Америки.	2
11. Этапы развития зарубежной периодической печати.	2
12. Зарождение статистики и эволюция статистических источников.	2
Итого	24

ПРАВОВОЕ СОЗНАНИЕ КАК ПРЕДМЕТ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ: ИСТОЧНИКИ И МЕТОДЫ ИЗУЧЕНИЯ РОССИЙСКОГО МЕНТАЛИТЕТА⁴²⁹

История общества и государства России в настоящее время особенно нуждаются в новом осмыслении. Соответственно актуализируется проблематика исследовательских методов. Можно поэтому считать, что предусмотренная в программе конференции «Российское государство XVII – начала XX вв.» работа Секции методологии истории привлечет внимание участников. Данное сообщение посвящено методологической проблеме, актуальной, на наш взгляд, для истории России. Это – проблема изучения общественного сознания, прежде всего – правового сознания как особого феномена. В сообщении использован опыт разработки специального курса «Источники и методы изучения Российского менталитета», который читается автором в Российском государственном гуманитарном университете. В данном сообщении остановимся более не на конкретном, но методологическом аспекте данной проблемы. Отметим здесь, что под методологией истории мы понимаем в данном случае систему взглядов исследователя, позволяющую ему: 1) выделить в историческом процессе предмет своего изучения, 2) обосновать пути отыскания соответствующих источников, 3) обосновать свой способ получения репрезентативного фактического материала и его интерпретации.

В качестве предмета изучения мы рассматриваем такой сложный и неоднозначный, но объективно существующий феномен, как состояние правового сознания. В объеме этого поня-

⁴²⁹ Печатается по изданию: *Медушевская О. М.* Правовое сознание как предмет исторического исследования: источники и методы изучения российского менталитета // Российское государство XVII – начала XX вв.: экономика, политика, культура. Тезисы докладов, конференции, посвященной 380-летию восстановления российской государственности (1613–1993) 25–28 марта 1993 г. – Екатеринбург: Уральский государственный университет, 1993. С. 92–94.

тия целесообразно включить систему норм и стереотипов правового сознания в широком смысле, находящих свое выражение в обычном праве, бытующим в данной социальной среде, приущие ей религиозные и вообще нравственные нормы, нормы договоров (актов) публичного, частного и международного права и государственное законодательство; механизмы реализации этих норм в данном обществе; адекватные правовому сознанию стереотипы социального поведения; особенно в экстремальных для данного общества или социальной среды, личности, – ситуациях.

Трудности изучения правового сознания общества очевидны. Даже социологи, изучающие современное им общество, отмечают ряд объективных трудностей познания подобного феномена: несформированность массового сознания, его неготовность мыслить ясными категориями, его нежелание выражать свое истинное мнение, неадекватность суждения, мнения и поведения и т. д. В изучении общественного сознания прошлых эпох к этому добавляются трудности исследования источников, неполно и неадекватно отразивших реальность. Однако выработка эффективных методов исследования необходима ввиду особой важности анализа данного феномена, до сих пор не привлекающего должного внимания историков.

Дело в том, что человеческая деятельность, коммуникативная и социальная по своей природе, в принципе возможна при одном необходимом (и, по-видимому, достаточном) условии: это условие – наличие определенного уровня правового сознания и регулируемого им социального поведения. Именно поэтому общество спонтанно вырабатывает договорные отношения, регулирующие их механизмы (в экономике, торговле, политике, семейно-личностных отношениях и т. д.). Общество, которое не вырабатывает их, перестает существовать как таковое. Уровень правового сознания выступает как критерий и как признак, сигнал, свидетельствующий о направлении и перспективах развития. Если мы примем данную точку зрения, то следует признать проблему состояния правового сознания как ключевую для историка. Однако, в реальности этого нет. В основном осмысление данной, актуальной для любого общества,

проблемы издавна ведется в сфере литературы, искусства вообще, в сфере философско-религиозной проблематики. Историческая наука еще не ввела в научный оборот богатство исторического социального опыта, что в полной мере относится и к истории Российского правового сознания и Российского менталитета вообще.

В истории человечества неоднократно повторялись типовые ситуации становления правового сознания – от выработки неписаного, обычного права, до его последующей интерпретации и фиксации в ранних правовых памятниках, его изменения и развития вплоть до нового и новейшего времени. Особая и большая тема, которую здесь только упомянем – это тема значения мировых религий в утверждении определенных нравственно-правовых норм и соответствующих типов социального поведения. В источниках отечественной истории нашли свое отражение этапы и специфика формирования правового сознания Древнерусского государства, Московской Руси, нового времени.

Основными источниками для исследования состояния правового сознания, его устойчивых стереотипов и, с другой стороны, существенных его модификаций являются прежде всего законодательные памятники – от Русской правды и церковных уставов до кодекса русского права XVII в. Обращение к другим видам источников (акты, записки иностранцев, публицистика, поучительные сочинения, документы делопроизводства и произведения личного характера) позволяют лучше понять специфику правового положения сословий, иерархии духовных ценностей и приоритетов.

Восстановление Российской государственности, произошедшее в условиях острейших внутривнутриполитических и внешнеполитических конфликтов и противоречий, не находит убедительного объяснения при анализе реалий экономики, политики и даже культуры. Социальные факты подобного масштаба отражают влияние тех, на первый взгляд неоднозначных и даже неуловимых, но в то же время вполне реальных и могучих сил, какими является состояние общественного, в данном случае – прежде всего государственно-правового сознания.

МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОРИИ⁴³⁰:

программа курса

ПОЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА

Курс «Методология истории» относится к циклу общепрофессиональных дисциплин. Он начал читаться по кафедре источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин в 1995/96 учебном году. Кафедрой в течение более полувека ее истории накоплен богатый опыт разработки и преподавания истории источниковедения и его теоретических проблем, которые находятся в системе философии и методологии исторического и в целом гуманитарного познания.

Постановка курса «Методология истории» была невозможна при господстве одной, тем более сильно идеологизированной, исторической парадигмы. Но в современных условиях, нарастания полиметодологизма в науке, усиления значения формирования методологических парадигм междисциплинарных исследований такой курс действительно необходим и имеет по сути системообразующее значение в гуманитарном образовании.

Отсутствие не только учебной литературы, но и фундаментальных обобщающих работ по методологии истории создает существенные сложности при освоении курса. Основное внимание следует уделить изучению современных направлений гуманитарного знания.

Предмет курса. История как наука имеет целью достижение нового и точного знания о человеческом опыте, зафиксированном в ходе исторического процесса. Соответственно методология истории имеет своим предметом пути достижения такого знания, рассматривает его теоретико-эпистемологические основы, историю формирования научных методов, их современные критерии и области применения.

⁴³⁰ Публикуется по изданию: *Медушевская О. М.* Методология истории: программа курса // *Я иду на занятия...: лекции по методологии и теории истории: учеб-метод. Модуль.* – М.: РГГУ, 2002. С. 15–28.

Цель курса – рассмотреть проблемы построения системного знания о Человеке на уровне интеграции научных методов (естественнонаучные и гуманитарные методы, психоанализ, социология и социальная психология, структурализм). С учетом новейших теорий строятся понятия объекта, исторического факта, источников исторического знания и системного знания о человеке. Все это придает курсу системообразующее значение в цикле дисциплин эпистемологического, методологического и методического характера.

Задачи курса:

– дать **знание** о системе методов исторического познания, отвечающее современным представлениям наук о человеке в его отношении к природе, обществу, государству и познанию. Основные проблемы методологии истории рассмотрены в курсе в сравнительно-историческом освещении: концепции методологии истории в отечественной и западной науке; сравнительный подход позволяет показать развитие методологии истории в новое и новейшее время, современные ее идеи;

– сформировать **умение** творчески применять принципы методологии исторического исследования; выявлять эпистемологические корни современных познавательных парадигм, а также проводить эпистемологический анализ глобальных теорий исторического процесса;

– выработать **навык** самостоятельной работы с литературой по проблемам эпистемологии гуманитарного знания, самостоятельного осмысления и интерпретации философского текста; реализации системной методологии в исследовательской практике.

Для решения поставленных задач в курсе используются следующие методы:

- анализ методологических и исторических работ;
- дискуссии по ключевым проблемам методологии истории;
- реферирование методологических и конкретно-исторических трудов.

По окончании курса студент должен **знать** теоретические (эпистемологические) основы методов исторического исследо-

вания, их развитие в системе различных философских парадигм и современные критерии и принципы применения в исторических исследованиях.

Студент должен уметь анализировать теоретические и конкретно исторические труды с позиций их методологии, применять научные методологические критерии, уметь логично разъяснить применяемые им методы и обосновать их научность.

Внутрисеместровый контроль осуществляется в письменной форме – реферат методологического труда классика гуманитарной науки XX в. Итоговый контроль осуществляется в устной форме, вопросы по курсу приведены в программе.

Введение

Предмет, задачи и структура курса «Методология истории». Методология истории как учение о методах исторического, гуманитарного познания.

Система философских постулатов, обосновывающих пути и обеспечивающих способы получения, представления и профессиональной оценки качества научного знания о человеке в его отношениях с природой, обществом, другим человеком. Онтологические и гносеологические основы познания социальной реальности.

Методология истории в системе гуманитарного знания. Философия истории; теория исторического процесса и теория исторического познания; науковедение, наукометрия; информационный и социальный подход к анализу науки; социология науки как направление, изучающее динамику ее развития и взаимодействия с обществом; история науки.

Методология науки в междисциплинарных исследованиях. Методология науки и наука о человеке. Антропологическое направление в гуманитарном знании. Психологические ориентации в гуманитаристике. Этнометодология. Система методов исторических дисциплин и источниковедения. Их соотношение. Методология истории и методология истории науки. Методология истории в системе гуманитарного образования.

Система методов создания научного труда, отвечающего особенностям и содержанию исследовательской деятельности.

Тема 1. Онтологические и гносеологические проблемы методологии истории в научной мысли нового и новейшего времени

Методология истории как система взаимосвязанных представлений об объекте исторического познания, его предмете, цели познания и средствах ее достижения. Смысл истории как проблема в общественной мысли нового и новейшего времени. Единство и различие наук о природе и наук о культуре.

Проблемы методологии истории в философской мысли. Философия истории у рационалистов. Философия истории Гегеля. Гегель о различии природы и истории как объектов познания. История как история мысли. Проблема познаваемости человеческой мысли в действии. Развитие исторического процесса во времени; его единство и целостность. Проблема изначальной внутренней связи исторических явлений в интерпретации Гегеля.

Гносеология Иммануила Канта. «Критика чистого разума», «Критика практического разума», «Критика способности суждения».

Огюст Конт и его парадигма позитивной науки. Социологическая доктрина Конта. Социальная статика и социальная динамика как два взаимодополняющие подхода в изучении структурных связей и естественных законов развития общества. Наука об обществе как позитивная наука. «Система позитивной политики» и культ человечества как социального организма у позднего Конта. Позитивизм об изучении фактов в их эмпирической данности и влияние этого подхода на методы исторического изучения. Приоритет описательного конкретного знания. Критерии достоверности познания социальных фактов. Критика исторических источников: Б. Г. Нибур; Л. фон Ранке и его установка на восстановление реальности прошлого.

Карл Маркс о единстве исторического процесса и диалектике его развития. История как деятельность человека. Категория

социально-экономической формации как структурная модель взаимодействий базисных и надсторочных факторов социальной системы. Взаимодействие экономических, политических и других факторов общественного развития.

Проблема специфики гуманитарного познания в философии неокантианства. «Введение в науки о духе» Вильгельма Дильтея. Соотношение субъекта и объекта в историческом познании. Сближение исторического познания с искусством. Метод понимания и сопереживания жизненного мира «Другого» в опыте познающего субъекта. Вильгельм Виндельбанд о соотношении истории и наук о природе. Развитие идеи о различии познавательных целей и методов исторического и естественнонаучного познания. Цель естественных наук – выявление общих законов (номогенетические науки) и цель истории – познание единичных, уникальных явлений (идиографические науки). Науки о природе и науки о культуре в концепции Генриха Риккерта. Дальнейшее углубление антитезы наук о природе и наук о культуре. Представления о типизирующем и индивидуализирующем подходе, оценочных суждениях в науках о культуре. «Границы естественно-научного образования понятий». Значение неокантианской философии познания в преодолении позитивистского подхода к изучению фактов истории и культуры. Антитеза естественных и гуманитарных наук в сознании ученых XX в. и ее следствия.

Проблема субъекта и объекта исторического познания с позиций феноменологии. Э. Гуссерль о философии как строгой науке и методе познания явлений культуры. Связь между предметным миром и его познанием.

А. С. Лапшо-Данилевский и его концепция исторического познания. Утверждение научности исторического познания и критика интуитивизма. Лапшо-Данилевский о целостном объекте науки. Объект исторической (гуманитарной) науки в «Методологии истории» Лапшо-Данилевского. Идиографический и номотетический подходы как взаимодополняющие методы изучения явлений природы и культуры. Понятие о методологии истории как системном учении. Критика социологической доктрины О. Конта, его представлений о единстве социального

организма человечества. Проблема личности и общества. Философия истории Г. Г. Шпета. Проблема индивидуума в трудах Г. Г. Шпета.

А. П. Карсавин и его «Философия истории». Карсавин о субъекте исторического познания и индивидуальном характере синтеза в истории. Социологический метод П. А. Сорокина.

Критика позитивистских концепций отношения между источником, историческим фактом и познающим субъектом в трудах историков школы «Анналов». Борьба Люсьена Февра против позитивистских стереотипов в сознании историков. Марк Блок и его «Апология истории, или Ремесло историка». История как наука о человеческой мысли, о человеке во времени. Преодоление упрощенных представлений об эмпирической данности исторического факта. Значение трудов историков школы «Анналов» в становлении идеи глобальной, охватывающей все стороны жизни человека новой концепции исторической науки. Роль историка в процессе познания. Р. Дж. Коллингвуд и его «Идея истории». Опыт реализации идеи глобальной истории в труде Арнольда Тойнби. Перспективность сравнительного подхода в истории. Расширение поля деятельности историка в пространстве и времени. Проблема ограниченности Источниковой базы.

Структурализм в гуманитарном познании. «Структурная антропология» Клода Леви-Строса. Психоанализ в антропологии, лингвистике, изучении стереотипов сознания и подсознания. Мишель Фуко и его книга «Слова и вещи».

Изучение проблем менталитета в трудах ученых школы «Анналов».

Соотношение традиционных и новых методов изучения человека в современном гуманитарном познании. Определение исторического человека и связь содержания истории с методами психологии, социологии, науки о языке. История и социальные науки в концепции школы «Анналов». Интеграция наук и перспективы и проблемы становления единой науки о человеке.

Проблемы точного и достоверного знания в науках о человеке. Информационное пространство и методология его познания.

Тема 2. Историк в науке и обществе: выбор проблемы

Ученый как личность, свободная в выборе проблемы исследования.

Понятие научного сообщества. Общность предметной или проблемной области исследований. Структура и система научных коммуникаций. Множественность научных сообществ и различия присущих им императивов и ценностных ориентаций в исследовательской деятельности. Неформальные контакты и обмен информацией («невидимый колледж»). Парадигма как концепция, принятая научным сообществом. Смена парадигм. Достижение консенсуса парадигм, целей и средств научной деятельности. Философские, теоретические и внетеоретические доминанты в развитии научного знания. Наука как социальный институт, сохраняющий свою автономию, функционирование науки как института общества. Нормы и ценности, составляющие этику науки. Независимость положений науки от интересов субъекта. Отказ от использования научных достижений в личных целях. Ответственность за оценку достижений науки. Влияние научных и вненаучных факторов на выбор проблемы исследования. Соотношение теоретических, социальных, психологических и этических доминант в выборе проблемы. Ученый и его труд в системе научного сообщества. Формирование представлений о структуре научного труда, отвечающих понятию исследовательской деятельности. Научное сообщество и его влияние на оценку труда, отвечающего требованиям научности.

Личностные аспекты выбора проблемы. Концепция неявного знания. Диалектика явного и неявного знания. Роль методологии исследования.

Проблема смысла истории как науки. Историческая наука как способ выявления опыта человечества и его применения в решении новых задач. Марк Блок о смысле истории и выборе историка. Актуальность проблемы как вызов времени. Производство историка как ответ на общественные запросы.

Тема 3. От проблемы к произведению. Источник, историк и исторический факт. Методология источниковедения

Соотношение объекта и субъекта в историческом познании. Позитивистский подход к источнику как эмпирической данности факта. Неокантианский подход, акцентирующий деятельность познающего субъекта в создании нового образа реальности. Методологические проблемы научности истории. Диалектическое единство методологии источниковедения и методологии исторического построения в парадигме А. С. Лаппо-Данилевского. Единство и взаимосвязь объекта познания, его цели, системы методов и научного результата как приращения достоверного знания об объекте. Развитие методологии исторического познания. Ее место в современном гуманитарном познании. Наука о человеке и ее методология. Анализ и синтез в гуманитарном познании.

Проблема критики источников и достоверности свидетельств в новое и новейшее время. Понятие критики и герменевтики в труде Ф. Шлейермахера. Объем понятия критики и интерпретации источников в исторической науке и филологии нового времени.

Теория и методология истории как компонент гуманитарного образования. Становление первых университетских курсов в России и на Западе. Преимущества системного подхода к проблемам методологии исторического исследования. Различия подходов к проблеме преподавания методов исторического исследования. Опыт «Методов исторического изучения» Э. Фримена и его оценка в России и на Западе. Важнейшие идеи и труды по методологии истории. «Основы историки» И. Г. Дройзена. Э. Бернгейм и его «Учебник исторического метода и философии истории». Постановка проблемы источников и метода исследования в социологии. Б. и С. Уэбб об источниках познания в социологии. Ш. Сеньобос об историческом методе в социологии. Ш.-В. Ланглау и Ш. Сеньобос и их концепция исторического анализа и исторического синтеза. Ш.-В. Ланглау о преподавании методологии истории и концепциях исторического образования.

К. Н. Бестужев-Рюмин о проблемах исторического метода. Формирование в России конца XIX в. особого источниковедческого направления. Исследование А. С. Лаппо-Данилевского о становлении и развитии методологии истории в России и на Западе.

Концепция методологии источниковедения как цельного и систематического учения. Источник как явление культуры своего времени и онтологическая предпосылка научности исторического познания. Метод источниковедческого анализа и синтеза в парадигме методологии истории новейшего времени. Проблема источника и методология его критического изучения в трудах В. О. Ключевского, Н. И. Кареева, А. Е. Преснякова, Л. П. Карсавина. Субъект и объект исторического познания в дискуссиях по проблемам методологии современного гуманитарного познания.

Тема 4. Методология исторического синтеза

Проблема синтеза в историческом познании. Позитивистский подход к проблеме синтеза как выявления связей между фактами и систематизации фактов истории. Неокантианский подход к проблеме синтеза прошлой реальности в сознании и опыте субъекта. Соотношение предметной реальности, интерпретации и исторического синтеза. Объективный и субъективный фактор в создании научного произведения.

Критерии научности в оценке произведения научным сообществом. Необходимость четкого различения понятий научного доказательства, способов построения гипотез и методов аргументации в структуре научного произведения. Критерии выявления новизны и доказательности. Методы анализа научного произведения историка с данной точки зрения.

Методология исторического построения. Проблемы междисциплинарности и интеграции в науке. Источниковедческая феноменология и концепция истории как строгой науки.

Литература

Учебные пособия

1. *Медушевская О. М., Румянцева М. Ф.* Методология истории: Учеб. пособие. М., 1997. 72 с.
2. *Медушевская О. М.* Теория, история и метод источниковедения // Источниковедение: Теория. История. Метод. источники российской истории: Учеб. пособие. М., 2000. С. 17–168.
3. *Румянцева М. Ф.* Теория истории: Учеб. пособие. М., 2002. 319 с.

Ко всему курсу

Обязательная

4. *Медушевская О. М.* Феноменология культуры: Концепция А. С. Лаппо-Данилевского в гуманитарном познании новейшего времени // Исторические записки., М., 1999. Т. 2 (120). С. 100–136.

Дополнительная

5. Историк во времени: Третьи Зиминские чтения: Доклады и сообщения научной конференции. М., 2000. 208 с.
6. Историческая антропология: место в системе социальных наук, источники и методы интерпретации. М., 1998. 276 с.
7. Исторический источник: человек и пространство. М., 1997. 298 с.
8. Точное гуманитарное знание: традиции, проблемы, методы, результаты. М., 1999. 197 с.

К первому разделу

Обязательная

9. *Гегель Г. В. Ф.* Философия истории. Введение: Пер. с нем. СПб., 1993. С. 57–125.
10. *Коллингвуд Р. Дж.* Идея истории. Автобиография: Пер. с англ. М., 1980. 485 с.
11. *Лаппо-Данилевский А. С.* Методология истории. СПб., 1910.
12. *Риккерт Г.* Философия истории / Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре: Пер. с нем. М., 1998. С. 130–204.

Дополнительная

13. *Виндельбанд В.* История и естествознание // Прелюдии. СПб., 1911.

14. *Гуссерль Э.* Философия как строгая наука // Логос. СПб., 1911. Кн. 1. То же // *Гуссерль Эдмунд* Философия как строгая наука: Пер. с нем. Новочеркасск, 1994. С. 127–174.
15. *Дильтей В.* Описательная психология. М., 1924. Репринт: СПб, 1997.
16. *Кроче Б.* Антология сочинений по философии: история, экономика, право, этика, поэтика. Ч. 3. Теория истории. СПб., 1999. С. 173–241.
17. *Ланто-Данилевский А. С.* О принципах социологической доктрины О. Конта // Проблемы идеализма. СПб., 1902.
18. *Леви-Строс К.* Структурная антропология: Пер. с фр. М., 1985.
19. *Лиотар Ж.-Ф.* Состояние постмодерна: Пер. с фр. СПб., 1998. 159 с.
20. *Мерло-Понти М.* Феноменология восприятия: Пер. с фр. СПб., 1999. 606 с.
21. *Рикер П.* Конфликт интерпретаций: Очерки о герменевтике Пер. с фр. М., 1995. 415 с.
22. *Риккерт Г.* Границы естественно-научного образования понятий. СПб., 1905.
23. *Риккерт Г.* Науки о природе и науки о культуре: пер. с нем. М., 1998. 413 с.
24. *Сорокин П. А.* Система социологии. М., 1993. Т. 1–2.
25. *Тойнби А.* Постижение истории: пер. с англ. М., 1991. 731 с.
26. *Трельч Э.* Историзм и его проблемы: пер. с нем. М., 1994. 719 с.
27. *Фуко М.* Археология знания: пер. с фр. Киев, 1996. 207 с.
28. *Фуко М.* Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности: пер. с фр. М., 1996. 447 с.
29. *Фуко М.* История безумия в классическую эпоху: пер. с фр. СПб., 1997. 575 с.
30. *Фуко М.* История сексуальности. III: Забота о себе: пер. с фр. Киев–М., 1998. 288 с.
31. *Фуко М.* Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы: пер. с фр. М., 1999. 479 с.
32. *Фуко М.* Рождение клиники: пер. с фр. М., 1998. 309 с.
33. *Фуко М.* Слова и вещи: Археология гуманитарных наук: пер. с фр. СПб., 1994. 406 с.
34. *Хайдеггер М.* Время и бытие: Статьи и выступления: пер. с нем. М., 1993. 447 с.
35. *Ясперс К.* Смысл и назначение истории: пер. с нем. М., 1991. 527 с.

36. *Dilthey W.* Einleitung in die Geisteswissenschaften. Leipzig, 1883.
37. *Ильин И. П.* Постмодернизм от истоков до конца столетия: эволюция научного мифа. М., 1998. 255 с.
38. *Ильин И. П.* Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. М., 1996. 255 с.
39. *Репина А. П.* «Новая историческая наука» и социальная история. М., 1998. 282 с.

Ко второму разделу

Обязательная

40. *Блок М.* Апология истории, или Ремесло историка: пер. с фр. М., 1986. 254 с.
41. *Кун Т.* Структура научных революций: пер. с англ. М., 1977. 300 с.
42. *Поппер К.* Логика и рост научного знания: Избр. Работы: пер. с англ. М., 1983. 605 с.

Дополнительная

43. *Барт Р.* Писатели и пишущие // Барт Р. Избр. работы: Семиотика. Поэтика: пер. с фр. М., 1994. С. 133–141.
44. *Барт Р.* Структурализм как деятельность // Там же. С. 253–261.
45. Генетическая критика во Франции: Антология. М., 1999. 287 с.
46. *Деррида Ж.* О грамматики: пер. с фр. М., 2000. 511 с.
47. *Деррида Ж.* Эссе об имени: пер. с фр. М.;СПб., 1998. 190 с.
48. *Дюби Ж.* Развитие исторических исследований во Франции после 1950 г. // Одиссей: Человек в истории: Культурно-антропологическая история сегодня. 1991. М., 1991. С. 48–59.
49. Интервью с Жаком Деррида // Мировое древо. 1992. № 1. Интервью с Ж. Ле Гоффом // Мировое древо. 1993. № 2. Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса: [Сб. ст.]. Пер. с фр. и португал. М., 1999. 414 с.
50. *Лиотар Ж. Ф.* Состояние постмодерна: пер. с фр. М.-СПб., 1998. 159 с.
51. *Пельц А., Эндриус Ф.* Ученые в организациях. М., 1972.
52. *Поляnyi М.* Личностное знание. М., 1986.
53. *Пресняков А. Е.* Александр Сергеевич Лапшо-Данилевский. М., 1922.
54. *Сорокин П. А.* Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. 543 с.

55. *Сорокин П. А.* Дальняя дорога: Автобиография. М., 1992. 304 с.
56. *Сторер Н.* Социология науки // Американская социология. М., 1972.
57. *Devereux G.* From anxiety to method in the behavioral sciences. P.: Hague, 1967.
58. *Geertz Cl.* Works and lives. The Anthropologist as author. Stanford, 1988.
59. *Leiris M.* L'Afrique fantome. P., 1951.
60. *Marrou H. I.* Le metier d'historien // L'Histoire et ses methodes. P., 1966.

К третьему разделу

Обязательная

61. *Бернгейм Э.* Введение в историческую науку. Спб., 1908. 293 с.
62. *Кареев Н. П.* Историка (Теория исторического знания). Пг., 1916. 281 с.
63. *Хайдеггер М.* Исток художественного творения: пер. с нем. // Хайдеггер М. Работы и размышления разных лет. М., 1993.
64. *Шпет Г. Г.* История как проблема логики. М., 2002. 1168 с.

Дополнительная

65. *Бахтин М. Н.* Эстетика словесного творчества. М., 1979.
66. *Бернгейм Э.* Философия истории, ее история и задачи. Спб., 1910.
67. *Бестужев-Рюмин К. Н.* The methods of historical study // Журнал Министерства народного просвещения. 1887. Февр. С. 1–29.
68. *Блок М.* Апология истории, или Ремесло историка: пер. с фр. М., 1986. 254 с.
69. *Коллингвуд Р. Дж.* Идея истории. Автобиография: пер. с англ. М., 1980. 485 с.
70. *Ланглюа Ш.-В., Сеньобос Ш.* Введение в изучение истории. М., 1898. 275 с.
71. *Лаппо-Данилевский А. С.* Методология источниковедения // Лаппо-Данилевский А. С. Методология истории. Вып. II. СПб., 1913.
72. *Лаппо-Данилевский А. С.* Очерк русской дипломатики частных актов. Пг., 1920.
73. *Мейер Э.* Теоретические и методологические вопросы философско-исторического исследования. М., 1911.
74. *Моно Г.* История // Метод в науках. СПб., 1911.

75. *Фешр А.* Бои за историю. М., 1991. 629 с.
76. *Хайдеггер М.* Время и бытие: Статьи и выступления / Пер. с нем. М., 1993. 447 с.
77. *Bernheim E.* Lehrbuch der historischen Methode und der Geschichtsphilosophie. 5-e Aufl. Leipzig, 1908. 842 с.
78. *Droysen J.G.* Grundriss der Historik. В., 1882.
79. *Freemant E-A.* Methods of historical study. L., 1886.
80. *Gray W.* Historians Handbook. A Key to the Study and Writing of History. Boston, 1964.
81. *Histoire et ses Methodes: Recherche, conservation et critique des temoignage.* P., 1961. 1771 p.
82. *Hockett A.C.* The critical Method in historical Research and Writing. N.-Y., 1955.
83. *Salmon P.* Histoire et critique. 3-me ed. Bruxelles, 1987. 234 p.
84. *Wolf G.* Einfuhrung in das Studium der neueren Geschichte. В., 1910.
85. *Xenopol A.* La theorie d'histoire. P., 1908.

К четвертому разделу

Обязательная

86. *Бахтин М. Н.* Эстетика словесного творчества. М., 1979. 340 с.
87. *Про А.* Двенадцать уроков по истории: пер. с фр. М., 2000. 334 с.
88. *Рикер П.* Герменевтика и психоанализ. Религия и вера: пер. с фр. М., 1996. 270 с.
89. *Рикер П.* Конфликт интерпретаций: Очерки о герменевтике: пер. с фр., М., 1995. 415 с.
90. *Тойнби А. Дж.* Постижение истории: пер. с англ. М., 1991. 736 с.
91. *Тош Дж.* Стремление к истине: Как овладеть мастерством историка: пер. с англ. М., 2000. 295 с.
92. *Уайт Х.* Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века: пер. с англ. Екатеринбург, 2002. 527 с.
93. *Фуко М.* Слова и вещи: Археология гуманитарных наук: пер. с фр. Спб., 1994. 406 с.
94. *Шпет Г. Г.* Философские этюды. М., 1994. 372 с.
95. *Эко У.* Отсутствующая структура: Введение в семиологию. Спб., 1998. 432 с.

Дополнительная

96. Блок М. Апология истории, или Ремесло историка: пер. с фр. М., 1986. 254 с.
97. Кареев Н. И. Историка (Теория исторического знания). Пг., 1916. 281 с.
98. Коллингвуд Р. Дж. Идея истории. Автобиография: пер. с англ. М., 1980. 485 с.
99. Карсавин А. П. Философия истории. СПб., 1993. 351 с.
100. Сеньобос Ш. Исторический метод в применении к социальным наукам. М., 1902.
101. Berr A. La synthese en histoire. Essai critique et theoretique. P., 1911.
102. Historiens et sociologs aujourd'hui. P., 1986.
103. Marrou H. I. De la connaissance historique. P., 1975. 318 p.

Контрольные вопросы по курсу

1. Методология истории в системе гуманитарного знания.
2. Научный труд, его отличие от других жанров. Критерии этого различия в структуре труда и его содержании. Приведите примеры.
3. Структура научного труда, его основные части, их цель и назначение. Приведите примеры научных трудов по исторической проблематике.
4. Обоснование автором труда выбора его проблемы. Приведите конкретные примеры.
5. Обоснование автором труда новизны его исследования. Критерии новизны. Приведите примеры.
6. Обоснование актуальности избранной автором проблемы. Каковы критерии актуальности. Приведите примеры.
7. Методологическая основа труда. Критерии и их обоснование. Приведите примеры.
8. Как формулируется цель научного труда и его задачи. Приведите примеры.
9. Как обосновать и аргументировать примененные в научном труде методы. Приведите примеры.
10. Как формулировать и обосновать структуру научного труда. Приведите примеры.

11. Как раскрыть степень изученности проблемы научного труда. Приведите примеры.
12. Как соотносится цель исследования и его источниковая основа. Приведите примеры.
13. Как обосновывается доказательность утверждений автора научного труда, каковы критерии достоверности выводов. Приведите примеры.
14. Как в авторском изложении различаются доказанные утверждения от гипотез. Каковы критерии этих различий. Приведите примеры.
15. Как обосновывается значимость исследования. Каковы ее критерии.
16. Научное сообщество, его критерии в оценке результатов научного труда. Приведите примеры.
17. Рецензирование научного труда. Основные критерии в его оценке. Приведите примеры.
18. Какие проблемы, связанные с содержанием научного труда, освещаются в его введении, какие – в заключении. Приведите примеры.
19. Как раскрыть методологию своего научного труда, что входит в это понятие.
20. Как построить выступление, представляя свой научный труд научному сообществу. Какие проблемы, и в какой последовательности следует осветить.
21. Основные проблемы методологии исторического исследования в освещении позитивистских «Введений в изучение истории». Дискуссионные проблемы методологии труда историка в произведениях основателей школы «Анналов».
22. Методология истории А. С. Лаппо-Данилевского.
23. Исторические дисциплины и их методы в системе методологии истории.
24. Методология истории и методология источниковедения: их соотношение и взаимосвязь.
25. Проблема точного и достоверного знания в науках о человеке. Информационное пространство и методология его познания.

Темы рефератов по курсу «Методология истории»

1. Концепция методологии истории в учебных изданиях Западной Европы конца XIX – начала XX вв.
2. Проблемы исторического метода в работе Э. Фримена «Методы исторического изучения».
3. Проблемы исторического синтеза в работе Ш.-В. Ланглау и Ш. Сеньобоса «Введение в изучение истории».
4. Проблемы изложения исторического труда в работе Ш.-В. Ланглау и Ш. Сеньобоса «Введение в изучение истории».
5. Проблемы отношения источника и факта в труде Ш.-В. Ланглау и Ш. Сеньобоса «Введение в изучение истории».
6. Проблемы методологии истории в труде Э. Бернгейма «Введение в историческую науку».
7. Проблемы интерпретации и критики источников в позитивистской методологии истории.
8. Концепция исторического познания в труде Р. Дж. Коллингвуда «Идея истории».
9. Проблемы междисциплинарности в методологической концепции А. Февра.
10. Проблемы отношения источника и исторического факта в трудах основателей «школы «Анналов»».
11. История и современность в творчестве историка.
12. Концепция «ремесла» историка в труде М. Блока.
13. Исторический синтез в концепции А. П. Карсавина.
14. Методология исторического источниковедения А. С. Лаппо-Данилевского.
15. Проблема перехода от европоцентристской модели исторического процесса к глобальной: А. Тойнби.
16. Произведение, текст и автор в современных эпистемологических дискуссиях.
17. Науки о природе и науки и культуре: общее и особенное в их методах.
18. Возможности истории как строгой науки.
19. Человек и пространство в методологических дискуссиях.
20. История и социология: проблемы метода.
21. Исторический метод и наука о языке и письме.

22. Лингвистические методы в историческом исследовании.
23. Проблемы достоверности в исторической науке.
24. Методы исторической науки и психоанализ: проблемы метода.
25. Методы исторических дисциплин в науках о человеке.
26. Историческая антропология и проблемы ее метода.
27. География и историческая наука: проблемы междисциплинарных исследований.
28. Историческая психология и проблемы метода.
29. Историческая наука и литературоведение: проблемы междисциплинарных исследований.
30. Информационные проблемы современного общества и методология истории.

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОРИИ КАК УНИВЕРСИТЕТСКАЯ ДИСЦИПЛИНА⁴³¹

Наука как особая сфера деятельности, социальная функция которой состоит в предоставлении нового, систематизированного и надежного знания о действительности, соответственно реагирует на изменения этой действительности, и особенно, на актуализацию в общественном сознании тех или иных ее аспектов. В подвижном пространстве взаимодействий социума и профессионального сообщества выявляются приоритетные направления, систематически обогащается и расширяется сфера достоверного знания в информационном пространстве эпохи. Историческая наука не является исключением. На общем конфликтном фоне противоречивого развития процессов глобализации важно выявить ключевые ситуации, позитивные векторы взаимодействий науки и социума, открывающие возможность позитивного воздействия научного знания на ситуацию в целом. Обнадеживающей с данной точки зрения предстает происходящая на уровне массового сознания актуализация проблематики образования, с которым связываются определенные надежды и перспективы, прослеживаются связи поколений. Особенно важен интерес к гуманитарному, прежде всего, историческому в широком смысле, образованию. Важно, что вопросы историко-антропологического характера оказываются востребованными обществом.

Для профессионального сообщества ситуация в данном смысле относительно благоприятна, – ее можно интерпретировать как призыв обращения к историческому опыту в процессе гражданского становления. Поиск исторических прецедентов, соответствующих историко-сравнительных аналогий и аргументов выступает как характерная особенность повседневного

⁴³¹ Публикуется по изданию: *Медушевская О. М.* Теория и методология истории как университетская дисциплина // Народ и власть: исторические источники и методы исследования. Материалы XVI научной конференции. Москва, 30–31 января 2004 г. – М.: РГГУ, 2004. С. 393–396.

информационного обмена. В принципе обращение к информационному ресурсу исторического опыта в ситуациях принятия решений на повседневном уровне, в ситуациях отношений индивида и социума, народа и власти, представляет собой важную тенденцию, способствующую становлению гражданского сознания и формированию ответственного поведения индивида. Новые общественные запросы должны, поэтому, активизировать деятельность профессионального сообщества. В центре внимания должна постоянно находиться проблематика теоретико-методологических средств для получения новой исторической информации.

Для того, чтобы активно использовать эту возможность, профессиональному сообществу необходимо перестраивать одновременно структуру науки и ее профессиональную образовательную модель. Общественный запрос на точное историческое знание актуализирует проблематику теории и методологии, путей своевременного и адекватного приращения такого знания. При таком подходе актуализация теории и методологии, которая повсеместно ощущается в настоящее время, особенно в университетской среде, является важной новой тенденцией, проявляющей себя с конца прошлого и начала нынешнего века. Это важный индикатор происходящих в сообществе продуктивных и перспективных перемен.

Дело в том, что включение теоретико-методологического комплекса дисциплин в структуру науки и особенно в учебную практику университетского преподавания имеет принципиальное значение. Независимо от степени полноты и подробности изложения конкретных проблем, методологический комплекс, выступающий в качестве предмета науки и преподавания, изменяет всю ее концепцию. Образовательная модель уже не может оставаться традиционно транслирующей, воспроизводящей уже достигнутое знание. Осуществляется переход на обучение методам добывания нового, только что полученного, ранее неизвестного знания. Происходит переориентация на достижение нового научного результата, формируются критерии оценки качества

этого результата, его новизны, доказательности и системности в его отношении с существующей научной картиной мира.

При любом конкретном содержании или объеме курса теории и методологии истории, его ориентированность на новый исследовательский результат, – выступает как основная структурообразующая компонента. Соответственно, данный подход обуславливает необходимость наличия следующих ключевых проблемных полей: теория, история науки, методология создания структурированного научного труда историка. Концепция курса определяется, как видим, его целеполаганием. Поскольку социум ожидает от науки надежного, точного, нового знания, то данный университетский курс соответственно должен быть ориентирован следующим образом:

- обоснование **теории** (возможности достижения такого знания средствами исторической науки);
- анализ **истории науки** с целью раскрытия основных методологических достижений на конкретном материале становления научного метода;
- определение параметров **интеллектуального продукта** – произведения, структурные свойства и параметры которого отвечают поставленной цели;
- представлению нового надежного системного знания по конкретной проблеме.

Первый, теоретический раздел, рассматривает систему основных философских идей, обосновывающих принципиальную возможность достижения точного знания о человеческой деятельности, реализовавшей себя в ходе исторического процесса. Так реализуется феноменологический подход: исторический процесс во всем его эволюционном и глобальном единстве предстает в виде универсального проявления человеческой деятельности. В ходе этой деятельности возникают целенаправленно создаваемые, реализованные (в вещественной форме физических объектов) интеллектуальные продукты. Историческому процессу на всем его протяжении адекватно соответствует реализованный в вещественной форме совокупный общественный информационный ресурс. Его изучение дает

возможность преобразования данного информационного ресурса в новое научное знание. Наука о человеке призвана превратить эту возможность в действительность путем его выявления, введения в научный исследовательский процесс, теоретического и системного интерпретирования.

Подчеркнем принципиальную важность системного обращения к истории науки. На ее конкретном материале можно проследить, каким образом происходило становление и развитие практического, индуктивного, а затем и теоретического системного знания о методах научной истории. В новое время поиск обоснования национально-государственной идентичности инициировал становление нового направления в методологии исторического исследования. Так, например, были сформулированы такие предметные области как изучение источников. В дальнейшем системное изучение информационного ресурса всеобщей истории стало осуществляться не только на уровне практических исследований, но и на уровне теории. Особую тему в истории науки представляет вопрос о формировании теории и методологии истории как университетской дисциплины в России и Западной Европе. Данный подход к проблеме составляет содержание второго раздела курса.

Второй раздел курса – история становления исторического метода. История гуманитарного знания новейшего времени позволяет показать, как ключевые проблемы теории и методологии истории стали рассматриваться на метауровне. Это можно проследить, привлекая, в плане истории науки, теоретико-методологические дискуссии по следующим проблемам: соотношение достоверности и мифа; текста и читателя; текста и автора, речи и письма, слова и вещи, возможности извлечения из текста дополнительной информации.

Третий раздел курса – посвящен проблеме создания интеллектуального продукта – исторического произведения. Интеллектуальный продукт исторического знания формируется, как и любой другой продукт осознанной человеческой деятельности, через целеполагание, в соотношении структуры и функции. Если, как уже отмечалось, его целью является представление

обществу нового знания об историческом опыте человечества, то такое произведение должно иметь определенную структуру, отвечающую данной социальной функции. В курсе рассматривается, каковы те структурные модели, которые позволяют отличить научное произведение от других жанров.

Исторический профессионализм состоит в понимании теоретических оснований научного произведения, умении создавать такой продукт и умении применять профессиональные критерии его оценки.

ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ДИСЦИПЛИНЫ: ОСОБАЯ СИСТЕМА МЕТОДОВ ГУМАНИТАРНОГО ПОЗНАНИЯ⁴³²

Значение вспомогательных исторических дисциплин как особой системы методов познания произведений культуры не вполне выяснено. Между тем, это необходимо для выработки перспективной стратегии их развития, для понимания их места в концепции современного гуманитарного познания. По данному вопросу существует значительная литература, отражающая, с одной стороны, широкий диапазон суждений, и, с другой стороны, наличие определенных стереотипов в подходе к проблеме.

Само название «вспомогательных наук истории» отражает стереотип их восприятия как чисто прикладных знаний, сопутствующих историку-исследователю на одном из этапов его движения к историческому познанию. В эпоху кризиса исторического сознания 20–40-х гг. XX в. этот стереотип «вспомогательных» дисциплин приобрел новую модификацию — трактовки «исторической техники», «инструментария историка»⁴³³. Этот подход поддерживали отчасти и отечественные ученые, поскольку трактовка исторических дисциплин как техники, чистой методики⁴³⁴ делала данную сферу деятельности как бы нейтральной к идеологии, более свободной от ее воздействия. С началом подъема исторического сознания в середине XX в. прослеживается подъем интереса ко всему спектру исторических методов и, соответственно, высвобождению от стереотипа второстепенности. На X Международном конгрессе исторических наук в 1955 г. доклад о проблемах исторических дисциплин был по-

⁴³² Публикуется по изданию: *Медушевская О. М.* Вспомогательные исторические дисциплины: особая система методов гуманитарного познания // Вспомогательные исторические дисциплины: высшая школа, исследовательская деятельность, общественные организации: тез. докл. и сообщ. науч. конф. Москва, 27–29 янв. 1994 г. — М.: РГГУ, 1994. С. 101–102.

⁴³³ *Erslev K.* Historische Technik. Berlin, 1928; *Brand von, A.* Werkzeug des Historikers. Einführung in die historischen Hilfswissenschaften.

⁴³⁴ *Быковский С. Н.* Методика исторического исследования. Л., 1931 и др.

лемически обозначен как доклад о *главных* исторических дисциплинах. В то же время прослеживается стремление избегать данного, как бы дискриминирующего термина, заменить его другим, не имеющим подобного оттенка. В настоящее время, когда значение данной системы дисциплин стало более очевидно, традиционный термин воспринимается не столь буквально.

Более устойчивым и до сих пор оказывающим влияние (по крайней мере, в академической и университетской среде) оказался другой стереотип: в соответствии с традициями прошлого века вспомогательные науки истории трактуются как узкоспециализированные своды знаний, жестко связанные с их применением к произведениям определенной эпохи, страны, и, особенно связанные с медиевистикой – как западной, так и российской. Действительно, такая специфика существует, а овладение ею требует огромных усилий. Подобные специалисты редчайшей квалификации формируются не просто годами, но десятилетиями. В данном случае, однако, речь пойдет о другом. Очевидная связь методов исследования с типами произведений культуры определенного времени или региона не должна, в то же время, препятствовать пониманию системы исторических дисциплин как особого, в принципе общего метода исследования, необходимого компонента гуманитарного образования.

В настоящее время наблюдается своеобразный парадокс: узкопрофессиональный подход к системе вспомогательных исторических дисциплин оставляет значительный контингент гуманитариев в полном неведении относительно предмета и методов этих дисциплин. И, в то же время, массовое сознание эпохи подъема историзма демонстрирует огромный интерес к ряду этих дисциплин, вне узкой специализации, как к культурному феномену, как к способу понимания прошлого. Именно таково сейчас положение с генеалогией, геральдикой (гербы), вексиллологией (знамена), кодикологией (книга), нумизматикой, а в перспективе – с палеографией и другими. Важно поэтому подчеркнуть значение системы вспомогательных исторических дисциплин в современной культуре.

При всем разнообразии предмета и методов данная система дисциплин обладает единством, поскольку обращена к изучению, к пониманию произведений культуры (культуру мы понимаем в широком смысле — как все, созданное не природой без участия человека, но человеком в процессе целенаправленной осознанной деятельности).

Одна из самых трудных проблем современной гуманитаристики, науки о человеке, состоит в том, чтобы преодолеть традиционное разделение различных сторон, аспектов человеческой личности, деятельности, которые ранее изучались по отдельности, разными науками. Целью является выработка новых подходов, которые могли бы охватить само взаимодействие материальной, биологической, эколого-географической, духовной сторон человеческой природы в их реальном соотношении, в их проявлении одной через другую. Богатые возможности накоплены тем комплексом методов «ремесла историка», которые скромно называются вспомогательными науками истории. Каждая из них по своему ставит в центр изучения такие стороны произведения, в которых проявляется особая взаимосвязь — вещественной и знаковой стороны (палеография), биологической, психологической и духовной (генеалогия), человека и окружающей среды (историческая география) и т. д. Подходя к этим дисциплинам с данной целостной точки зрения, мы сможем объяснить, почему в настоящее время они как бы вышли из присущей им вначале вспомогательной сферы применения, обрели особую суверенную социальную функцию, непосредственный выход на общественное сознание эпохи.

ГЕНЕАЛОГИЯ В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОГО ЗНАНИЯ⁴³⁵

Генеалогия изучает родственные связи людей, состав семьи, последовательность поколений. Она – одна из древних исторических дисциплин. Установление и закрепление в памяти поколений систем родства возникло задолго до появления письменности, о чем свидетельствует история культуры всех народов мира, которые связывали с генеалогическими системами свои представления о времени, о мире и месте человека в нем. Существование сословно-наследственных привилегий и ограничений в политических системах абсолютизма придавали генеалогии особое практическое значение, стимулируя интерес привилегированных сословий к генеалогическим изысканиям, способствуя появлению родословных документов и легенд. Традиционная историография вводила генеалогические факты о деяниях выдающихся личностей непосредственно в историческое описание. В результате длительного развития генеалогия накопила богатый материал фактов родословия, разработала различные способы фиксации родословий, – в виде генеалогического древа, таблиц и т. д. Специфика предмета генеалогии – установление родственных отношений как по вертикали (в прошлом), так и по горизонтали в системе родства и свойства, – определяет широту хронологических рамок, которые могут охватывать последовательность фактов от древности до современности; генеалогия затрагивает процессы функционирования многих социальных институтов, прежде всего семьи и рода, она включает в сферу своего изучения различные социальные слои, группы, а также экономические, социальные и психологические отношения.

В настоящее время интерес к генеалогии чрезвычайно возрос. Поэтому тема данной конференции, впервые рассматривающей специальные проблемы сохранности и использования документов, содержащих генеалогическую информацию и

⁴³⁵ Публикуется по изданию: *Медушевская О. М.* Генеалогия в системе современного знания // Вестник архивиста. 1993. № 4(16)–5(17). С. 29–34.

проблемы комплектования ими архивного фонда Российской Федерации, вполне своевременна и актуальна. Вообще говоря, документы, содержащие генеалогическую информацию, – понятие весьма широкое. Можно различать среди них, во-первых, собственно генеалогическую документацию, специально созданную или подобранную для доказательств происхождения и родства (как, например, родословные книги российского дворянства уже ставшие предметом специального исследования); во-вторых, это документы, содержащие информацию массового характера, которые также привлекли внимание архивистов; в-третьих, – это всякая документация, содержащая данные о лицах, а следовательно те или иные данные, при соответствующем сопоставлении и исследовании пополняющие генеалогические сведения. Следовательно, можно сказать, что в ходе всей деятельности квалифицированных архивистов в их сферу внимания попадает генеалогическая информация, которую можно специально фиксировать и в дальнейшем – предоставлять для использования. Важно поэтому показать, каково место генеалогии в системе современного знания, кому и для каких проблем может быть интересна генеалогическая информация.

Генеалогические данные, которые ранее традиционно использовались в исторической науке (правящие династии, борьба феодальных родов, династические браки и их место в истории дипломатических, религиозных, культурных связей стран и народов) в настоящее время стали предметом внимания также и других наук. Это – социология, которая активно изучает социальные структуры – сословия, группы правящей элиты, касты и т. п., их место в политических системах и социальную мобильность. Генеалогические данные используются в изучении социального состава дворянства, купечества, городских средних слоев, крестьянства, чиновничества. Сведения о брачных союзах помогают понять степень социальной мобильности данного слоя, открытость или наоборот, замкнутость аристократии, наследование профессий, переходы из одних групп в другие и динамику этих процессов в структуре общества, в том числе нового и новейшего времени.

Генеалогия необходима, далее, для изучения проблем социальной психологии, общественного сознания. Особенно ценны в этом отношении сведения о брачных союзах, – какие, например, из них предпочтительны для того или иного слоя, профессии, конфессии. Каково реальное содержание понятий «блестящей партии», «неравного брака» и т. п., все эти стереотипы имеют в виду оценочные суждения, как сословные, имущественные, национальные, так даже и возрастные и т. п. За ними угадывается различный образ жизни людей и его разнообразие в исторической перспективе.

Генеалогические факты необходимы для изучения проблем численности населения, состава семьи, исторической демографии, для изучения закономерностей наследственности, состояния здоровья человечества в прошлом, влияние различных естественных и социальных факторов. Еще одна сфера применения данных генеалогии – историческая география населения, история переселений (напр., из Европы в Новый свет, на другие континенты), причем оказавшиеся в новых регионах поселенцы, как правило, особенно проявляют большой интерес к прошлому своих предков, к стране, из которой они прибыли.

Неразделима генеалогия и история личности, особенно личности творческой. Данные генеалогии позволяют лучше понять формирование, духовный мир художника, ученого, мыслителя, политического деятеля. Привлекает в настоящее время метод просопографии – т. е. изучения коллективной биографии, который состоит в том, что, изучая учреждение, организацию, корпорацию, и т. п., исследователь выясняет биографии и генеалогические связи людей, в них действующих, и через их коллективную биографию стремится понять социальный состав, интересы, направленность учреждения. Еще одно перспективное применение генеалогии – область права и истории права. Это – прежде всего, – область обычного права, т. е. совокупность неписанных правил и норм поведения, которые существуют в ранних культурах и цивилизациях, но сохраняют свое значение и позднее. В нормах обычного права место человека, его обязанности и поведение четко регламентированы в зависимости от тех систем родства, в которых он

существует. С другой стороны, право, законодательно закрепленное и санкционированное государством, также учитывает происхождение и родственные связи, в том числе – семейное право, право собственности и ее наследования.

Таким образом, архивист должен учитывать заметную актуализацию генеалогии, открытие ряда новых направлений использования фактов генеалогии в исторической науке, конкретной социологии и политологии, социальной психологии, истории права, биографических исследованиях и истории искусств, а также в исследованиях естественно-научных проблем генетики, демографии, исторической географии. К тому же генеалогия значительно расширила свои хронологические, географические и социальные рамки. Это уже не родословие европейской аристократии только, но генеалогия человека в ее связи с историей всего человеческого рода. Обращение к архивным источникам со стороны представителей самых различных областей науки и практики будет, несомненно, расширяться. Важно подчеркнуть, что каждое из новых направлений развивается как междисциплинарное, т. е. требующее не только собственно генеалогических, но и социальных фактов: необходимы данные об экономическом и социальном статусе семьи, рода, лица, важно привлечение данных ономастики (имен собственных), топонимики (названий мест), например, выбора имен, которые, в свою очередь, отражают культурные, идеологические, конфессиональные и другие приоритеты.

Важно подчеркнуть, что к генеалогии проявляет широкий интерес современное массовое сознание. Вторая половина XX столетия характеризуется ростом историзма общественного сознания, стремлением обратиться к социальной памяти прошлого, восстановить историю своего рода, семьи. В деятельности архивистов и Российского общества историков-архивистов, Государственной архивной службы России этот момент имеет первостепенное значение. Возросший интерес к генеалогии изменил представление о ценности исторических источников. Не только документы актов гражданского состояния, но и казались бы, косвенные источники, – приглашения на семейные

торжества, юбилей, поздравительные открытки, содержащие мало информации, могут, однако, содержать новый, не повторяющийся факт из истории личности, ее генеалогических связей.

Генеалогия имеет огромную литературу и длительную историю. Информационная среда, существующая в нашей государственной архивной службе и стране в целом, не сравнима с тем, как поставлено это направление деятельности на Западе. В то же время, у нас имеются определенные условия для того, чтобы вывести данное направление на новый качественный уровень. Весьма важным является, прежде всего, тот большой общественный интерес, который проявляется по отношению к проблемам генеалогии, и он, несомненно, растет. В 1989 г. кафедра вспомогательных исторических дисциплин Историко-архивного института РГГУ провела первую научную конференцию по генеалогии за многие десятилетия, опубликовав тезисы (Генеалогия. Источники, проблемы, методы исследования. М., 1989), а в настоящее время выходит и том трудов, сборник статей по генеалогии. Уже тогда интерес к генеалогии был весьма широк. В России есть прекрасные традиции генеалогических исследований в прошлом, а в настоящее время они продолжены. Труды С. Б. Веселовского, А. А. Зимина, широко использовавшие данные о генеалогии боярской аристократии, А. Л. Станиславского (служилое дворянство и казачество) продолжены специальными генеалогическими исследованиями В. А. Янина, М. Е. Бычковой, А. И. Аксенова, О. В. Рыковой. Исследованы виды источника, имеющего особое значение для этой проблематики, как например, разрядные книги (В. И. Буганов), боярские книги (М. П. Лукичев), боярские списки, боярские списки и переписи чиновничества, родословные книги и др. Следует подчеркнуть, что данные о родословии устанавливаются с помощью широкого круга самых разнообразных источников – письменных, изобразительных, записанных устных свидетельств, требующих проверки достоверности, профессионализма, специальных знаний. Проверка достоверности источников особенно важна потому, что определенные

права или ограничения, связанные с принадлежностью к определенному социальному слою были значительны, причем не только в эпоху абсолютизма, но и в новое и новейшее время.

Российское общество историков-архивистов и Государственная архивная служба России сделали полезное дело организацией данной конференции. Целесообразно продолжить эту работу и в дальнейшем, введя ее в определенные научно-организационные рамки, создав в своем составе генеалогический центр. Он мог бы координировать эту работу среди архивистов страны и за ее пределами, установить более постоянные научные связи с академическими и вузовскими учеными, и в частности, кафедрой вспомогательных исторических дисциплин РГГУ, где эта работа ведется и продолжается, в том числе выпускниками кафедры, некоторые из них представлены своими докладами и на этой конференции. Хорошо было бы создать Кабинет генеалогии, с соответствующими изданиями, как классическими, так и новейшими, западными, поставить научную информацию по генеалогии, публиковать материалы по этой тематике в научной печати.

Подобные конференции было бы целесообразно проводить систематически, что позволит координировать работу, которая ведется на местах, улучшить обмен информацией и научно-методическим опытом.

ГЕНЕАЛОГИЯ В ЗАРУБЕЖНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ⁴³⁶

Проблемы генеалогии, изучающей родственные отношения людей, привлекают к себе большое внимание. В определенном смысле можно говорить о феномене генеалогии: историческая дисциплина, традиционно развивавшаяся в сфере узкопрофессиональной, предстает в настоящее время как междисциплинарное направление, как отражение возросшего историзма общественного сознания эпохи. Наполняются новым содержанием традиционные связи генеалогии с исторической наукой, происходит взаимодействие с социологией, социальной психологией, исторической географией, демографией, антропологией и генетикой. Произошедший перелом в общественном сознании в сторону историзма, гуманитаризации, интереса к человеку и личности качественно изменил отношение к профессиональным методам истории как науки, что стало заметно проявляться в 50-х – начале 60-х гг. Новая ситуация получила в западной историографии своеобразную трактовку как «ренессанс эрудиции»⁴³⁷. В свете этой более общей тенденции объясним и тот факт, что генеалогические изыскания возобновились повсюду, развернулись на всех уровнях как профессиональной науки, так и массовой культуры, связываясь в общественном сознании с переосмыслением опыта прошлого, с духовным и культурным возрождением. Массовый интерес к истории, а вместе с тем и к историческим источникам, к социальной памяти человечества проявляет себя в разнообразных начинаниях и инициативах.

Генеалогические проблемы сегодня выступают как одна из тех сфер деятельности, где наиболее активно проявляет себя связь профессионализма и массовой инициативы, движения

⁴³⁶ Публикуется по изданию: *Медушевская О. М.* Генеалогия в зарубежных изданиях // Генеалогические исследования: сб. науч. тр. – М.: РГГУ, 1993. – С. 50–58.

⁴³⁷ См.: *La recherche historique en France. De 1940 à 1965.* Paris, 1965.

любителей истории. Трудно переоценить актуальность возникающих при этом исследовательских, координационных и организационных проблем, и, прежде всего – эффективного соединения интереса к генеалогий, с одной стороны, и необходимого источниковедческого профессионализма – с другой. Некоторые из них затрагивались в работах отечественных историков, архивистов, источниковедов, обращающихся к проблемам генеалогии⁴³⁸, и особенно они выявились в ходе Всесоюзной конференции по генеалогии, проведенной по инициативе кафедры вспомогательных исторических дисциплин Историко-архивного института в 1988 г.⁴³⁹ Возникающие трудности не носят, однако, частного или регионального характера, но выступают лишь как конкретные проявления более общих процессов развития современного гуманитарного знания. Одним из способов их понимания может служить сравнение. Многие характерные тенденции нашли свое выражение в огромной генеалогической литературе, выходящей за рубежом. Именно поэтому целесообразно рассмотреть в данной статье генеалогические проблемы на материале новых зарубежных исследований. Они могут рассматриваться в данном случае как явления культуры, как историографические источники, отражающие типичные проблемы генеалогии в том виде, как они реализуются в настоящее время.

Генеалогические факты, которые традиционно являлись материалом для исторических исследований, теперь служат необходимыми исходными данными для значительно более широкого круга междисциплинарных исследований разнообразной тематики. Это связано с тем, что генеалогическая ин-

⁴³⁸ *Елпатьевский А. В.* О документальных источниках современных историко-биографических и генеалогических исследований // Археогр. ежегодник за 1970 г. М., 1971; *Петрова О. В.* Генеалогия и поиск документов личного происхождения XIX – начала XX в. // Сов. архивы. 1973. № 2; *Бычкова М. Е.* Состав класса феодалов России в XVI в.: Ист.-генеал. исслед. М., 1986; *Аксенов А. И.* Генеалогия московского купечества XVIII в. М., 1988.

⁴³⁹ См.: Генеалогия: Источники, проблемы, методы исследования: Тезисы докл. и сообщ. М., 1989.

формация имеет большое практическое значение для обеспечения правового статуса личности и потому сопровождается дополнительными сведениями о сословной принадлежности, имущественном положении и социальном статусе. Помимо традиционного типа использования всех этих данных, как-то: политическая история, история правящих династий, феодальных родов и кланов, появился ряд новых направлений, испытывающих потребность в получении этих данных. В свою очередь, особую актуальность приобретают вопросы достоверности, а следовательно, источниковедения генеалогических данных, вопросы использования архивной документации, что способствует вовлечению архивистов в эти исследования.

Если применить принятое деление генеалогии на теоретическую (исследование границ возможностей дисциплины) и описательную (изучение генеалогии лиц, семей, родов), то следует отметить, что в зарубежной литературе представлено как то, так и другое направление. Кроме того, существует широкий круг междисциплинарных исследований, привлекающих генеалогические данные. Именно это разнообразие сфер практического применения составляет специфику современной генеалогии. С конца 50-х гг., когда «ренессанс эрудиции» только еще обозначился, прослеживается стремление пробудить интерес общества к генеалогии, прежде всего – обосновать значимость генеалогии рядовых людей, целесообразность установления фактов из истории семьи. Уже тогда ученые выступали и против недооценки профессионализма таких изысканий. Об этом писал, в частности, Р. Дюри, книга которого «Генеалогия», рассчитанная на широкого читателя, стала весьма популярной и постоянно переиздается⁴⁴⁰, а также М. де Тюпиньи в интересной главе о генеалогии в Энциклопедическом издании «История и ее метод»⁴⁴¹. Специально рассматривая вопрос об источниках в работе «Генеалогия и история», М. Перонне обратил, в частности, внимание на то, как возросший интерес к истории семьи и рода меняет взгляд архивистов на ценность исторических документов. Не только акты регистрации гражданского состояния, но менее

⁴⁴⁰ См.: *Durye P. La généalogie. Paris, 1979.*

⁴⁴¹ См.: *Mergey de Tupigny J. La généalogie // Histoire et ses méthodes. Paris, 1961.*

значимые документы могут содержать уникальные факты истории личности, семьи или рода. Среди них он указывал на различные пригласительные билеты на торжества и юбилеи, афиши, данные светской хроники в печати, многие другие⁴⁴². Профессиональная печать архивистов стала все чаще писать о генеалогических проблемах архивистов, музеологов, о любительском движении генеалогов. Так, архивисты Германии не раз обращались к значению генеалогии для изучения истории крестьянства, чиновников, интеллигенции, для краеведения⁴⁴³. На конкретном материале делопроизводственных документов выявлялась роль генеалогических данных в анализе социальной мобильности, истории переселений и миграций населения, региональной истории⁴⁴⁴. Генеалоги-любители в ряде стран тесно связаны с архивистами. Клуб чешской генеалогии и геральдики издал для своих читателей специальную книгу, помогающую поставить такие изыскания, и включил в нее основные понятия и термины, схемы и таблицы, данные об архивах и наиболее информативных документах для генеалога-любителя⁴⁴⁵.

Систематически проводятся международные конгрессы по генеалогии и геральдике. Как правило, наиболее полно на них представлены темы по конкретной, описательной генеалогии. Из теоретических работ следует отметить исследование о применении математического моделирования в области биолого-генетической генеалогии. Все более полным становится обращение к теме источниковедческого обоснования генеалогических исследований. Данный аспект генеалогии и истории семьи представлен был, в частности, на Первом международном конгрессе истории семьи и Пятом австралийском конгрессе по генеалогии и геральдике, прошедшем в 1988 г.⁴⁴⁶

⁴⁴² См.: *Peronnet M.* Généalogie et histoire: Approche méthodique // *Revue historique.* 1968. Janv.–mars.

⁴⁴³ См.: *Wermes M.* Genealogie als historische Hilfswissenschaft // *Archivmitteilungen.* 1987. N 6. P. 207–208.

⁴⁴⁴ См.: *Archivmitteilungen.* 1988. N 2.

⁴⁴⁵ См.: *Archivni Časopis.* 1989. N 2. P. 122.

⁴⁴⁶ См.: *Genealogia and Heraldica: Reports of the XVI International congress of Genealogical and Heraldic sciences.* Copenhagen, 1982; *Paper Family History Congress.* Sydney, 1988.

Междисциплинарность заложена в особой природе фактов, которыми занимается генеалогия, как фактов общечеловеческого, исторически непреходящего характера. Древние этносы связывали со счетом поколений свои представления о времени и картине мира, определении места личности в родословной иерархии. Факты родства одновременно существуют в биологической (смена поколений) и социальной (статус) сфере человеческой жизни и деятельности. Генеалогия отвечает потребностям современного знания о человеке, его стремлению охватить реальную целостность жизни, а не только отдельные ее стороны. Она служит задачам создания такого знания о человеке, которое охватывает не только социальные структуры и отношения, как это могут общественные науки, и не только биолого-генетические, как это могут науки естественные, но одновременно, в их диалектической целостности, когда социальное проявляется через биологическое и наоборот. Через изучение генеалогии можно понять функционирование семьи и рода как социальных институтов, а установление характера перемещений из одной социальной группы в другую в результате заключения брака дает представление о социальной мобильности в данном обществе. Отсюда понятны актуализация генеалогических исследований, заметное расширение хронологических рамок новейших трудов, их географии, появление генеалогии все новых общественных слоев, национальностей и конфессий, стран и континентов. Традиционная, европоцентристская генеалогия дворянства обществ старого порядка неузнаваемо изменилась, эволюционируя в направлении к родословию всего человеческого рода. Важно, однако, подчеркнуть, что такое развитие хотя и увеличивает объем исследований, но не влияет на специфику предмета и метода генеалогии: она по-прежнему фиксирует в определенных формах родственные связи личности, поколений. Эта специфичность имеет столь узкие пределы, что некоторые теоретики исторических дисциплин не находят оснований для признания генеалогии особой наукой, видя в ней лишь «собрание фактического материала», как считал, например, русский методолог и историк Н. И. Кареев⁴⁴⁷. Не входя в

⁴⁴⁷ См.: *Кареев Н. И.* Историка (Теория исторического знания). Пг., 1916.

дальнейшее рассмотрение этого теоретического вопроса, отметим лишь несомненную зависимость генеалогии от источниковедения: как факт социальный, генеалогический факт проверяется на достоверность методом источниковедения.

Рассмотрим наиболее интересные направления использования фактов генеалогии в новейших исследованиях. Среди трудов последних десятилетий немало традиционной тематики, в том числе – родословий правящих династий, аристократии, дворянства. Представлены новые труды, также переиздания классических серий подобного рода, причем многие доведены до современности. Отметим в качестве отдельных примеров генеалогии правящих династий Бельгии – Голландии – Люксембурга до наших дней⁴⁴⁸, справочник шотландских родов и кланов⁴⁴⁹, ряд продолжающихся серий по генеалогии немецкого, шведского, датского, финского дворянства⁴⁵⁰. Широко представлены генеалогии бюргерства, купечества, крупных предпринимателей; много работ по истории отдельных родов, особенно тех, представители которых приобрели известность в области политической деятельности, науки, искусства в средние века и новое время⁴⁵¹. Интерес современной социологии к истории семьи несомненно повлиял на активизацию исследований, посвященных фермерским, крестьянским семьям, чья история прослеживается в череде поколений⁴⁵². При этом характерно использование методов устной истории, проведение интервью, когда информанты делятся воспоминаниями, семейными преданиями; публикуются и сами воспоминания, семейная переписка, иконография⁴⁵³.

⁴⁴⁸ См.: *Honart P.* Souverains des pays d'En – Bas. Tableau dinastiques des origines à nos jours. Bruxelles, 1973.

⁴⁴⁹ См.: *Bain R.* The clans and tartans of Scotland. Glasgow, 1982.

⁴⁵⁰ См.: *Stammtafeln europäischer Herrscher.* Wlen, 1976.

⁴⁵¹ См.: *Norden A.* Herrscher ohne Krone. Berlin, 1976; *Conles V.* The Astors. XVIII–XX s. London, 1979; *Goodwin D.* The Fitzgeralds and Kennedys. New-York, 1987.

⁴⁵² См.: *White J.* The White family of Belltress 150 years in the Hunter Valley. Sydney, 1981; *The Hicmott story, 1825–1981.* Sydney, 1981; *Scheuring A.* Tillers: An oral history farms in California. New-York, 1983.

⁴⁵³ См.: *Генеалогия и просопография.* София, 1985.

Генеалого-социологическое направление активно изучает социальные структуры, иерархию и социальную мобильность – проникновение с помощью брачных союзов представителей одних групп в состав других социальных, национальных, региональных замкнутых групп. Такова, например, серия работ на тему «Закрытые общества в Иберийском мире»⁴⁵⁴, рассматривающих эту проблему на материале различных регионов – от Наварры до Перу в XVI–XVIII вв. Генеалогические данные приводятся в работах по истории социальной мобильности, составу каст, кланов, истории аристократии более замкнутого и более открытого типа. Так, исследования английской аристократии как открытой элиты, допускающей проникновение в свою среду выходцев из других слоев общества, прослеживают характер и динамику подобных процессов в XVI–XIX вв.⁴⁵⁵. История Капетингов как рода и династии в связи с политической историей Франции прослеживается в монографии «Королевская кровь. Семья Капетингов и государство», охватывающей период X–XIV вв.⁴⁵⁶

Данные о брачных союзах в сочетании с социологическими параметрами благосостояния, статуса и престижа создают возможность для изучения социальной психологии эпохи, они позволяют судить о характерных для той или иной общности – социальной, религиозной, национальной – предпочтениях или запретах: какие брачные союзы традиционно предпочтительны, типичны или, напротив, исключительны, нежелательны. Ответ на подобные вопросы позволяет через выявление сложившихся стереотипов – сословных, имущественных, профессиональных, возрастных – понять изучаемое общество или отдельный его слой. Суждения о внешних данных, красоте, типах поведения исторически изменчивы, за ними всегда угадываются образ жизни, условия существования и деятельности, особая система

⁴⁵⁴ См.: *Les sociétés fermées dans le monde iberique, XVI–XVIII sc.* Paris, 1986.

⁴⁵⁵ См.: *Stone L. L'Angleterre de 1540 à 1880: Pays de noblesse ouverte // Annales.* 1985. Janv.–mars; *Stone L. The family, sex and marriage in England 1500–1800.* London, 1979.

⁴⁵⁶ См.: *Lewis A. Le sang royal: La famille capétienne et l'Etat.* France X–XIV siècles. Paris, 1986.

духовных ценностей. Отметим в этой связи интересное исследование, основанное на изучении архивных источников – материалов адвокатуры французского города Безансона (департамент Дубе) в XVIII в. «Семейные конфликты в XVIII веке»⁴⁵⁷. В нем рассматриваются семейные конфликты разного типа: взрывные, т. е. «скандалы», связанные с поведением женщин, дочерей или жен, а также длительные, затяжные конфликты, связанные с отношениями родителей и детей (по типу «плохой сын»); через типологию конфликтов прослеживаются механизмы семейного и правового регулирования, порядки в семье, уклад жизни, обычаи и нравы обеспеченных городских слоев французского провинциального общества. Еще одно исследование подобного типа – «Незаконная любовь, или История обольщений», материалами для которого послужили данные французской провинции Лангедок XVII–XVIII вв. Они рассмотрены с количественной стороны (соотношение горожанок и сельских жительниц, слуг, ремесленников), с правовой и социально-психологической точек зрения⁴⁵⁸. Данные генеалогии в *таких* многоаспектных исследованиях, создавая точное представление об отношениях родства действующих лиц (родителей и детей, братьев и сестер, супругов или кузенов), позволяют полнее раскрыть экономико-правовую, этическую, психологическую стороны ситуаций, выступают как неотъемлемый элемент анализа.

Еще одна сфера использования генеалогии – это историческая география, особенно движение населения. Очень много на Западе занимаются сейчас проблемами миграции населения, переселений из Европы на другие континенты, на конкретном историко-генеалогическом материале рассматривая демографические, психологические, религиозно-национальные и другие аспекты миграций и их влияние на судьбы семей и целых поколений.

⁴⁵⁷ См.: *Daumas M.* L'affaire d'esclavage, les conflits familiaux au XVIII siècles. Paris, 1988.

⁴⁵⁸ См.: *Oban M. Cl.* Les amours illégitimes, histoire de séduction (1646–1786). Paris, 1986.

Расширяющиеся контакты народов и культур в современном мире стимулируют обращение к истории подобных контактов в прошлом, изучение типов восприятия инородной культуры, познания и понимания чужих и непохожих обычаев. Восприятие культур необычного типа, преодоление стереотипов – все это актуальные проблемы новейшего времени, исследование которых имеет целью понимание непреходящих ценностей общечеловеческой культуры. Одним из аспектов такого направления и выступают исследования по истории миграций населения в прошлом и в настоящее время. Особенно подробно рассматриваются миграции из старой Европы в Новый свет⁴⁵⁹. На международных конгрессах по генеалогии и геральдике эти темы, как правило, широко представлены. Так, например, рассматривается эмиграция из скандинавских стран в XIX в. по спискам судов, вывозивших эмигрантов из портов Ливерпуля, Гамбурга, Бремена⁴⁶⁰. Особенно большую работу по истории семей переселенцев ведут научные учреждения и общества Австралии, детально изучающие историю потомков переселенцев, прибывших из Великобритании и Ирландии в конце XVIII–XIX в. Общество генеалогов Австралии издает, в частности, реестры переселенцев, прибывших в страну в 1788–1820 гг., сообщает имена, даты жизни, прибытия в страну, названия кораблей, на которых они были привезены, историю их пребывания. Так, в одном из томов, выпущенных новым изданием, приводятся сведения о 500 новопривывших, 7700 человеках их детей и 40000 внуков⁴⁶¹. В новом издании биографической и генеалогической энциклопедии Австралии находим систематизированные в алфавитном порядке имен биографии (профессия, образование, сведения о родителях, супругах, детях и др.). В предисловии, которым премьер-министр страны открывает эту книгу, выражается уверенность в том, что издание

⁴⁵⁹ См.: *Herrera-Vegas D. J. Familias coloniales de San Carlos*. Caracas, 1987. Т. 1–2.

⁴⁶⁰ См.: *Genealogia and Heraldica: Reports of the International congress*. Copenhagen, 1982.

⁴⁶¹ См.: *The bicentenary pioneer registres*. Sefton, New South Wales, 1987. Vol. 3.

привлечет интерес широкой публики к историческому наследию прошлого и станет ценным источником для новых поколений⁴⁶².

В ряду исследований о людях интегрированной культуры следует отметить труд известного ученого Э. Амбургера. Он проследил историю представителей рода Амбургеров на русской службе в течение двух веков⁴⁶³. Особым современным направлением является изучение истории российского дворянства за рубежом. Союз русского дворянства издал ряд источников по этой проблеме; так, недавно выпущенный том «Памятной книги российского дворянства» включает алфавитный список ныне здравствующих потомков представителей этого сословия⁴⁶⁴.

Разнообразны типы генеалогических изданий, представленных в настоящее время. Многие из них имеют целью расширить информацию об архивных и библиотечных генеалогических источниках, о наличии тех или иных книг, документов и микрофильмов. Распространено издание обзоров фондов, путеводителей и каталогов, самих документов. Среди последних – воспоминания, переписка семей, ответы на анкеты-интервью устной истории⁴⁶⁵. Многие архивы публикуют данные об имеющихся документах по истории других стран мира, стремясь привлечь к ним внимание специалистов⁴⁶⁶. Таков, в частности, путеводитель для поиска американских генеалогических документов в архивах ФРГ⁴⁶⁷. Много издается

⁴⁶² См.: Australian Biographical and Genealogical Record. Ser. 2. 1842–1899. Sydney, 1985. Vol. 1.

⁴⁶³ См.: *Amburger E.* Deutsche in Staat, Wirtschaft und Gesellschaft Russlands, 1770–1920. Wiesbaden, 1986.

⁴⁶⁴ См.: *Schakhovskoy D.* Société et noblesse russe. Histoire, bibliographie, généalogie. Rennes, 1986; Памятная книга Российского дворянства. Union de la noblesse russe. Paris, 1987.

⁴⁶⁵ См.: *Baxter A.* In search of your European roots: A compl. guide to tracing your ancestors in every country in Europe. Toronto, 1985; *Filby P. W.* American and British genealogy and heraldry: A selected list of books. Chicago, 1970.

⁴⁶⁶ См.: Genealogical and local history books in print. Springfield, 1981.

⁴⁶⁷ См.: *Smith C. N.* American genealogical resources in German archives. München, 1977.

обзоров фамильных архивов и путеводителей по их документам. В свою очередь публикации анкет-интервью помогают восстановить те стороны истории семьи, многих ее поколений, которые не нашли отражения в официальных документальных источниках.

Публикации документов, содержащих генеалогическую информацию, представлены самыми разнообразными типами изданий – от многотомных продолжающихся серий, систематических публикаций крупных и целостных комплексов до издания отдельных, чем-либо характерных источников. Большой интерес представляет своеобразная публикация различных типов генеалогических рисунков и таблиц, применявшихся в европейской генеалогической литературе. Документы, хранящиеся в архивах и музеях, дают представление о генеалогических древах, таблицах, необычных рисунках, более 40 их различных вариантах, применявшихся в западноевропейской генеалогической практике⁴⁶⁸.

Развитие генеалогических исследований за рубежом тесно связано с общим ростом влияния гуманитарной культуры, интереса к истории. Для историков, архивистов и музеологов ряда стран актуальна проблема создания крупных культурно-исторических центров, своего рода Домов истории, ведущих научную, информационную, просветительную работу и интегрирующих функции архива, библиотеки, музея в своем регионе. Весьма широко и заинтересованно обсуждаются научные и организационные проблемы использования документов в преподавании истории, работы учащихся в архивах, вовлечения широкого круга любителей в изучение истории своего города, села, края, государства⁴⁶⁹. Особенно большие возможности с данной точки зрения связываются с генеалогией⁴⁷⁰. Издавая

⁴⁶⁸ См.: *Hermann Sch.* Die Darstellungen der Arbores Consanguinitatis und der Arbores Affinitatis. Tübingen, 1982.

⁴⁶⁹ См.: *Archive und historische Museen: Häuser der Geschichte // Der Archivar.* 1987. N 2.

⁴⁷⁰ См.: *Genealogia – problemy metodyczne w badaniach nad polskim społeczeństwem średniowiecznym na tle porównawczym.* Torun., 1982; *Genealogia: Studia nad wspólnotami krewniczymi i terytorialnymi w Polsce średniowiecznej na tle porównawczym.* Torun., 1987; *La science historique polonaise dans l'histoire mondiale.* Wrocław, 1990. P. 34–35.

специальные проспекты и справочники, архивисты используют всевозможные формы привлечения населения к поиску в архивах документов по истории своих предков, восстановлению семейных генеалогий. Выступая как своеобразные точки пересечения социологических, эколого-географических, психологических, демографо-генетических проблем человеческой истории, генеалогические исследования, при поддержке государственных и общественных структур, становятся в настоящее время неотъемлемой частью перспективных междисциплинарных направлений современной гуманитаристики. Генеалогия обращена к общечеловеческим ценностям родства, старшинства, закономерной связи поколений и соответствующих им этических и правовых норм, выработанных в глубине веков и ныне обретающих новое качественное содержание.

ФЕНОМЕН ПИСЬМА И ПАЛЕОГРАФИЧЕСКИЙ МЕТОД В НАУКАХ О ЧЕЛОВЕКЕ⁴⁷¹

Палеографическая «эрудиция», чей престиж был весом в иерархии профессиональных ценностей ученого сообщества прошлых веков, оказалась основательно поколебленной в эпоху становления информационного общества. Новые технологии и коммуникации властно разрушали сложившиеся ранее типы культурного общения, которые на уровне массового сознания прочно ассоциировались с элитарной, малодоступной, чуждой культурой. Это создавало и упрощенное представление об актуализации научного знания, столь легко достигавшейся простым отказом от трудоемких усилий постижения тайн древних языков, архивистики, дипломатики, палеографии.

Преодоление позитивистской историзирующей историографии и выход историка из познавательного пространства средневековых рукописных текстов на просторы междисциплинарности также создавало своего рода психологический барьер для восприятия палеографической эрудиции, и выводило ее за пределы оптимальной образовательной модели профессионализма историка. Во всем этом был, казалось, вполне адекватный реальности смысл: в новом информационном пространстве действительно происходили фундаментальные изменения. Вещь отрывалась от мастера, изменялись привычные традиционные связи произведения и его автора; традиционное понимание текста, автора, произведения и их функционирования в культуре менялось на глазах⁴⁷². Исчезает традиционный облик книги, даже печатной, типографской, тем более рукописной, нарастала «глубокая логофобия... перед лицом этого грандиозного, нескончаемого, необузданного бурления дискурса»⁴⁷³. В новых условиях

⁴⁷¹ Публикуется по изданию: *Медушевская О. М.* Феномен письма и палеографический метод в науках о человеке // *Вспомогательные исторические дисциплины: специальные функции и гуманитарные перспективы: тез. докл. и сообщений XIII науч. конф.* Москва, 1–2 февр. 2001 г. – М.: РГГУ, 2001. С. 44–46.

⁴⁷² *Фуко М.* Что такое автор // *Фуко М.* Воля к истине. М., 1996.

⁴⁷³ *Фуко М.* Порядок дискурса. Там же. С. 78.

область применения методов исторических наук показалась настолько узко специализированной, что в новой образовательной модели с ними уже не связывалось представления о подлинном профессионализме гуманитария. Парадоксальным образом отчуждение сообщества историков от идентификации собственного образа с эрудитом, «восседающим на ворохе рукописных грамот», совпало по времени с возрастающим интересом к феномену Письма и писания, возникшим на другом краю гуманитарного пространства науки о человеке. Структуралистские и постструктуралистские методологи и философы поставили феномен Письма в центр своих интерпретационных подходов, обратившись к осмыслению отношения письменной и устной речи, языка, творчества, культуры (Р. Барт, П. Рикер, М. Фуко). За проблемой Письма и писания угадываются универсалии, настолько глубоко и фундаментально связанные с природой человеческой деятельности, что они вряд ли исчезнут вместе с исчезновением письменных рукописных текстов в их традиционном виде, с изменением фиксированных палеографией «внешних особенностей» типов и орудий письма и сложившихся связей материала, переплета, изображения, водяного знака, чернильных или киноварных знаков. Остаются универсалии отношений между словом устной речи и ее записи, ее остановленной, фиксированной формы; и проблемы реальности выбора между языком окружающего общества (язык, который «растворяет» индивидуальность) и собственным индивидуальным стилем, в том числе и стилем письма в более широком смысле; это и соотношение словесной (вербальной) информации с невербальным языковым кодом рукописи в ее целом, со всеми знаковыми, технологическими, визуально воспринимаемыми особенностями ее фактуры.

Очерченные классиками структурализма интуитивистские прозрения с трудом поддаются интерпретационной однозначности, типологизации, концептуализации. А это, в свою очередь, актуализирует проблематику исследования языковых универсалий⁴⁷⁴, компаративистику, столь необходимую и акту-

⁴⁷⁴ Барт М. Мифологии. М., 1996; Якобсон Р. Значение лингвистических универсалий для языкознания // Якобсон Р. Язык и бессознательное. М., 1996.

альную в изучении письма и истории как глобальной общечеловеческой проблемы. В свою очередь, это обращает нас к богатейшим возможностям палеографической компаративистики.

Палеографическая компаративистика становится центральной проблемой современной концепции преподавания этой научной дисциплины. В пространстве наук о человеке палеографический метод выступает в качестве одного из возможных интеграционных подходов к проблематике общечеловеческих универсалий, и прежде всего тех, которые относятся к изучению результатов человеческой деятельности. В рамках общей источниковедческой парадигмы, открывающей возможность типологий исторических источников и их сравнительного изучения (источниковедческая компаративистика)⁴⁷⁵, палеография разрабатывает сравнительные подходы на основании изучения законов и систем письменности, типов (и индивидуальных особенностей) письма, изучает орудия и средства письма, стили, миниатюр и орнамента и многих других. Индивидуализирующий и типологизирующий подход выступает как взаимодополняющий. Понятно, что в теории, и в концепции преподавания при данном подходе на первый план выступают вопросы предмета и метода палеографии и их опоры на универсалии, характеризующие человеческую деятельность, а палеография интерпретируется как дисциплина общегуманитарного профессионализма, как необходимая историку, лингвисту, литературоведу, исследователю культуры в целом. В настоящее время кафедра источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин РГГУ разрабатывает и реализует в целом комплексе учебных программ данный подход. Его возможности в учебном процессе раскрываются на материале источниковедения российской истории и вспомогательных исторических дисциплин.

⁴⁷⁵ Источниковедение и компаративный метод в гуманитарном знании. М., 1996; Историческая антропология. Место в системе социальных наук, источники и методы интерпретации. М., 1998.

ПРОБЛЕМА АВТОРСТВА В ИСТОЧНИКОВЕДАНИИ⁴⁷⁶

1. Различие терминов, несовпадение объема таких понятий, как исторический источник, документ, текст, памятник культуры, остаток эпохи, – определяющих предмет исследований и неадекватность понятий, определяющих метод его изучения, – источниковедение, филология, текстология, герменевтика и историческая критика, критика текста, *Quellenkunde*, – все это не должно скрывать от нас сущности проблемы. Она состоит в возможности познания автора, создателя, творца через созданное им произведение. Конечно, непосредственное обращение, диалог, в прямом смысле предпочтительно, но оно ограничено во времени и пространстве. Произведение, созданное целенаправленно, несет в себе богатство информации об авторе, условиях и времени своего возникновения, и с данной точки зрения может быть изучено и оценено исследователем. Отношение: человек (автор) – произведение – человек (исследователь) есть особая система, а процесс ее функционирования составляет предмет источниковедения. На первый план может выступать то одна взаимосвязь (произведение-автор), то другая (произведение – исследователь), но они рассматриваются в источниковедении как элементы единой системы социального познания.

2. Обращение к произведению ради понимания личности создателя изначально присуще человеческому сознанию, но научное свое становление оно ведет от изучения великих произведений классической древности. Именно тогда были обозначены две основные проблемы: учение о герменевтике (как искусстве понимать авторскую речь и ее смысл) и учение о критике (искусстве отсортировать все, что искажает замысел автора). Исследование произведения составляет цель такого изучения, а оценка произведения с данной точки зрения выступает как ее достижение, как синтез. Таков, например, подход

⁴⁷⁶ Публикуется по изданию: *Медушевская О. М.* Проблема авторства в источниковедении // «*Scribantur haec...*»: проблема автора и авторства в истории культуры: науч. конф. Москва, 12–15 мая 1993 г. – М.: РГГУ, 1993. С. 25–27.

филолога к изучению летописания – от Шлецера до Шахматова. Данный подход характерен для филологии XIX века, дипломатики (изучающей акты и учреждения, их созидающие), для крупных публикаций документов.

3. Во второй половине XIX века успехи исторической науки изменили направленность интереса гуманитариев. В этом общественном сознании анализ произведений, источников трактуется как подготовительный этап, часть пути к историческому построению. Этот подход ярко выражен в методологических трудах этого времени (Э.Фримен, Ш. Лангва, Ш.Сеньобос, Э.Бернгейм). Принципиально иной подход А. С. Лаппо-Данилевского и методологии источниковедения как цельного систематического учения (1913 г.) не был принят и оценен современниками.

4. Новый подъем интереса к авторству, творчеству, историческому источнику, художественному произведению прослеживается во второй половине XX века. С ним связано развитие источниковедения и других исторических дисциплин, помогающих понять автора – палеографии, дипломатики, сфрагистики, текстологии. На новом качественном уровне возрождается обращение к произведению как цели исследования, проводится тончайший анализ смысловых значений текста, исследователь вовлечен в увлекательные игры общения с автором произведения, воссоздания его психологии в рамках социальных структур и менталитета эпохи.

5. Особая направленность современного общественного сознания определила существенные изменения в области гуманитарного знания, новые междисциплинарные направления, в которых развивается источниковедение, исторические дисциплины, их специфические методы исследования. Система человек-произведение-человек является предметом их исследования, что обуславливает общность исследовательских целей и создает основу взаимопонимания и обогащения методов гуманитаристики.

МОНОГРАФИЯ О СОВРЕМЕННЫХ ДОКУМЕНТНЫХ КЛАССИФИКАЦИЯХ⁴⁷⁷

Монография посвящена одной из актуальных проблем современного архивоведения. Разработка наиболее эффективных, принципиально новых средств организации, поиска и использования документной информации имеет особое значение для любой отрасли науки и практической деятельности.

В связи с обоснованием темы автор приводит слова Дж. Бернала, что легче открыть новый факт или Создать новую теорию, нежели убедиться в том, что они еще не были открыты. Это следствие информационного кризиса сдерживает развитие науки. Важно, чтобы все многообразие общественной практики, сконцентрированное в документной информации, находило своевременное научное и практическое использование. Но стоит только представить себе весь объем вспомогательных работ, который должен быть затрачен на установление степени новизны документа и его фактов, чтобы иногда отказаться от мысли его использования.

Не по этой ли причине с большим трудом вводятся в научный оборот материалы местных архивов, и даже в городе с богатейшими архивами невозможно завершить исследование, не обратившись в столичные хранилища информации.

Монография характеризует и другую сторону информационной проблемы – рассеяние документной информации, так сказать, явление «вторичной энтропии», когда основное свойство документа – создание возможности всеобщего использования достигнутых результатов творческой деятельности предшествующих поколений – утрачивается, становится невозможным. Особенно трудоемок процесс поиска и обработки материалов в области общественных наук. Многие ценные источники остаются вне поля зрения, потому что информация,

⁴⁷⁷ К. И. Рудельсон. Современные документные классификации. Изд-во «Наука», М., 1973.

Публикуется по изданию: Медушевская О. М. Монография о современных документальных публикациях // Советские архивы. 1974. № 1. С. 105–106.

содержащаяся в них, не классифицирована и в полном объеме не отражена в справочном аппарате архивов и библиотек.

Автор книги развивает цельную концепцию, служащую наиболее плодотворному и полному использованию документной информации. Решение проблемы им усматривается в научной классификации сведений документной информации и использовании современных средств их поиска. По этому вопросу привлечен не только отечественный, но и большой зарубежный материал, приобретающий особую ценность в своей экспериментальной части.

К. И. Рудельсон справедливо отмечает, что попытка дать критический анализ такого сложного и многопланового материала, каким являются классификационные системы различных видов документации, может быть успешна лишь при условии применения подлинно научной методологической основы. Такой основой, вооружающей исследователя диалектико-материалистическим методом и научной теорией познания, является марксизм-ленинизм. В монографии показано, что в современных условиях усиления интеграции наук, возникновения новых дисциплин на стыках уже сформировавшихся отраслей знания, основные положения исторического материализма приобретают особую актуальность. Научно классифицировать любые объекты реального мира можно лишь при условии, что в основу положены не случайные, а внутренние определяющие признаки, выявленные на основе всестороннего анализа изучаемых процессов и смежных с ними явлений в историческом разрезе.

Проблема классификации наук и информации теснейшим образом связана с марксистско-ленинской теорией отражения. Произведения В. И. Ленина явились в данной работе методологической основой для научной работы с документами, анализа их содержания и классификации документной информации.

В монографии автор исходит из понимания всей имеющейся в стране документации как единого информационного фонда, обеспечивающего комплектование, учет, научную обработку и всестороннее использование информации. Материалы эти

составляют ряд документных систем: библиотечной, архивной, делопроизводственных документов, стандартов, патентов, справочно-информационной. В перспективе должно быть единство системы классификации документной информации. Но оно должно базироваться на теоретическом и практическом единстве ряда документных систем. В работе намечаются пути преодоления разобщенности, существующей издавна в методах классификации и информационной деятельности в библиотечном деле, архивах, документационных центрах, библиографических учреждениях; подробно анализируется опыт, накопленный в советской и мировой науке в области классификации документных информаций; вычленяется все ценное, что может быть использовано при создании единой документной классификации, обеспечивает их сближение. Под этим углом зрения дается анализ применяемых в настоящее время иерархических десятичных и недесятичных систем документной классификации, в частности десятичной классификации Дьюи и Универсальной десятичной классификации, ББК – библиотечно-библиографической системы, классификационных схем делопроизводственных и архивных документов, схем классификации исторических источников и других.

Далее рассматриваются фасетные системы документной классификации, предметные и дескрипторные системы, их развитие и место в информационной деятельности. Особый интерес представляет теоретический анализ документных классификаций как научных классификаций, их особенностей и перспектив развития.

Организация научной информации по документальным материалам рассматривается в прямой связи с внедрением единой системы классификации, разработанной на марксистско-ленинской методологической основе. Особое научное и практическое значение придается вопросу создания единой классификации произведений печати и документальных материалов. Разработка единых принципов классификации всего комплекса документальных источников по разделам, относящимся к истории, политической экономии, научному коммунизму и другим

общественным наукам, явится важным условием развития комплексных исследований актуальных проблем общественного развития.

Монография К. И. Рудельсон посвящена очень сложным и специальным вопросам, которые могут привлечь внимание широкого круга специалистов. Советский архивист увидит в ней авторскую концепцию советского архивоведения. VII Международный конгресс архивов показал высокий идейно-теоретический уровень советского архивоведения, масштабность в понимании его задач и связей с другими науками, с производством, с практикой социалистического строительства.

В интересах этой категории читателей следует высказать и некоторые критические замечания. В частности, надо было бы иначе построить историографию проблемы. В книге имеется вводный раздел о развитии основных для данной темы понятий: документ и документация, классификация и информация. В связи с раскрытием объема этих понятий автор вводит некоторый историографический материал. Не подвергая сомнению наличие такого раздела, действительно необходимого в связи с имеющимся в литературе разнбоем в терминологии, следует все же пожалеть об отсутствии специальной историографии проблемы. Такой раздел облегчил бы понимание содержания последующих глав, специфических и трудных для восприятия историка.

Жаль, что в книге об улучшении службы информации отсутствуют указатели. Необходимо было бы дать хотя бы именную указатель, который в то же время мог бы служить и некоторым тематическим ориентиром для читателей разных специальностей.

Большого внимания заслуживал анализ взаимосвязей архивоведения и источниковедения по общим проблемам классификации документной информации. Представляет большой интерес тот анализ схем классификации источников, который проведен автором с точки зрения их применимости к задачам единой документной классификации. Именно поэтому нельзя не пожалеть об излишнем лаконизме автора в этом вопросе.

Взаимосвязи источниковедения и архивоведения в настоящее время развиваются очень перспективно во многих отношениях. В данной связи важно отметить, что понятие Государственного архивного фонда заслуживает анализа в плане его сближения с существующим в теоретическом источниковедении понятием источниковедческой базы.

В свою очередь, сближение этих понятий ставит вопрос о том, какая же часть Государственного информационного фонда реально исследуется в конкретном и теоретическом источниковедении. С большой остротой встает вопрос о необходимости специальных исследований информационных возможностей таких видов источников, как фото- фоно- и киноматериалы, техническая документация, делопроизводственные документы. Важно также и введение в научный оборот их фактического содержания, и, в особенности, анализ общих свойств, обуславливающих те или иные возможности данных видов источников. Не исследована, например, природа информационной емкости картографических материалов. Эмпирически мы знаем, что при попытке изложить текстом содержание листа карты объем источника быстро увеличивается, и в то же время ряд взаимосвязей природной среды, их причин и следствий, очевидных для опытного географа при взгляде на карту, в текстовом описании остаются не проясненными. Не могут быть адекватно выражены текстом информативные данные изобразительного источника.

В свете положений К. И. Рудельсон по новому воспринимается и вопрос об источниковедческих классификациях источников. В литературе отдается предпочтение таким схемам классификации, которые яснее выражают общие свойства однородных групп источников, например, видовым схемам. Они дают такие возможности для обоснования методики анализа больших групп источников, которых не предоставляет, например, классификация по содержанию. Но в монографии высказывается важная мысль о том, что классификация по содержанию может рассматриваться как информационно-поисковый язык и с успехом использоваться для классификации

документной информации. Видимо, и эта классификация имеет свои перспективы развития и, следовательно, требует более детальной разработки.

Книга в целом отвечает современным задачам создания высокоэффективной системы научной информации и, несомненно, привлечет внимание специалистов ряда отраслей науки и общественной практики.

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ ИСТОРИИ СССР⁴⁷⁸. Учебник для высшей школы⁴⁷⁹

Отметим вначале, что первое издание этого учебника явилось важным шагом в совершенствовании вузовского преподавания: впервые в одной книге, начиная с древнейших времен, рассматривались источники по истории СССР периода феодализма, капитализма и источники по истории советского общества.

Создание учебника требует, помимо педагогического мастерства и опыта, больших специальных знаний, прежде всего – активной научно-исследовательской работы его авторов. Важнейшее значение, на наш взгляд, имеет концептуальный, целостный подход к развитию рассматриваемой области науки, понимание ее места в системе современного знания, задач, которые ставит перед специалистом общественная практика, четкая ориентированность в тенденциях развития науки и степени разработанности различных ее проблем.

В развитии науки об источниках есть направления, которые развиваются более успешно, и другие, менее разработанные. Учебник же не терпит односторонности, он требует целостности и системности освещения. Это означает необходимость в ряде случаев специальной разработки проблем источниковедения по первоисточникам, архивным документам, новых обобщений имеющегося в историографии опыта методики исследования исторических источников. Именно так понимали свои задачи создатели первых учебных пособий по источниковедению и авторы первого издания учебника. Второе издание

⁴⁷⁸ Публикуется по изданию: *Медушевская О. М.* Рецензия на кн.: Источниковедение истории СССР: учебник под ред. И. Д. Ковальченко. – Изд. 2-е, перераб. и доп. (М.: Высш. Шк., 1981) // История СССР. 1983. № 1. С. 173–177.

⁴⁷⁹ Рец. на кн.: Источниковедение истории СССР. Изд. 2, перераб. и доп. под ред. чл.-кор. АН СССР И. Д. Ковальченко. Редакция: С. В. Воронкова, С. С. Дмитриев, В. З. Дробижев, А. В. Муравьев, Л. В. Милов. – М.: Высшая школа, 1981, 496 с., тир. 30 000.

книги продолжает в целом эти традиции. Оно существенно переработано и воспринимается как новое произведение.

Трудности создания единого учебника по источниковедению истории СССР велики. Это прежде всего проблемы отбора тех источников, которые наиболее полно отражают закономерности исторического процесса, развитие производительных сил, смену производственных отношений. Требуется выбрать важнейшие виды источников, характерные для каждой из социально-экономических формаций, а также такие источники, которые лучше позволяют раскрыть общее и особенное в методах источниковедческого анализа, показать методику текстологического, статистического, сравнительного изучения. С помощью различных комплексов источников нужно в то же время представить, как конкретно, применительно к специфике формы и содержания решаются такие источниковедческие задачи, как выявление классовой природы источника, его авторство, истолкование, достоверность содержащейся в нем информации.

Нельзя, конечно, сказать, что все эти проблемы решены в данном учебнике полностью и окончательно – на каждом этапе развития науки они решаются по-новому, на новом материале. Основные направления, взятые для совершенствования издания, представляются перспективными и отвечают требованиям проблемного вузовского преподавания. Видимо, главным при работе над новым изданием было придать ему большую цельность. Единой направленности служат прежде всего главы о теоретико-методологических проблемах источниковедения и трудах основоположников марксизма-ленинизма как его методологической базе. Здесь рассматриваются вопросы об источниковедении как науке об источниках, этапах его развития, понятие об источнике и стадиях работы с ним. Сжато излагается суть таких теоретических проблем, как классификация источников, связь методологии и методики, в силу которой нельзя рассматривать изолированно исторические концепции и источниковедческие приемы исследователя.

Особенно интересны положения о том, как служит углублению представлений о природе исторического источника материалистическое учение об информации: информационные

процессы как всеобщее и органическое свойство всех аспектов общественной жизни, неисчерпаемость информации как отражение безграничного многообразия свойств и связей реального мира, ее независимость от субъекта, и в то же время – природа социальной информации как результата диалектического взаимодействия объекта и субъекта. Выделение в учении об информации двух ее видов: выраженной (воспринятой субъектом) и другой, существующей, но неизвестной субъекту (скрытой или структурной), – хорошо согласовывается с источниковедческими наблюдениями о достоверности информации, менее подверженной субъективным воздействиям в момент ее фиксации и поэтому более полно отражающей объективную реальность. Эти положения имеют важное значение для теории источниковедения и непосредственно связаны с его методикой.

Цельному восприятию издания способствуют вводные характеристики, предпосланные каждой из четырех частей книги. В них показано, как закономерности развития исторического процесса и конкретные исторические условия XVIII – первой половины XIX в. и эпохи капитализма, советского общества влияют на возникновение видов источников – как именно исторические условия вызывают к жизни новые или видоизменяют и наполняют новым конкретным содержанием ранее существовавшие виды источников. Эти небольшие, к сожалению, разделы важны для наблюдений над типологией и особенностями источниковой базы определенных исторических эпох, для размышлений о закономерностях формирования источников, отвечающих определенным общественным потребностям и интересам социальных слоев, классов и общества в целом. Отдельные конкретные источники могут быть при таком подходе лучше поняты как составные части источниковой базы своего исторического времени.

Другая важная особенность структуры учебника – это продолжающиеся «сквозные» темы, т. е. рассмотрение некоторых видов источников за длительный промежуток времени; например, тема, которой посвящен ряд особенно удавшихся в издании глав, – воспоминания, дневники и частная переписка. Общие и особенные черты этих видов источников прослежи-

ваются в истории СССР XVIII – первой половины XIX в., эпохи капитализма и советского периода. За весь период отечественной истории представлены в издании разделы о законодательных источниках–дооктябрьского периода и законодательных и исполнительных органов Советского государства.

Большое внимание уделено в издании комплексам делопроизводственных материалов. Подробно рассматриваются делопроизводственные материалы XVI–XVII вв. Заслуженно важное место отведено писцовому делопроизводству, рассмотрению вопросов истолкования и достоверности сведений, значения писцовых книг как исторического источника, трудным вопросам их использования, изученности и опубликованности. Характеризуется делопроизводственная документация XVIII – первой половины XIX в. с ее новыми разновидностями, эпохи капитализма – в том числе документация капиталистических предприятий. Далее речь идет о развитии делопроизводственной документации в советский период – ее типологии, классификации, методики работы с массовой документацией, в том числе с помощью ЭВМ и количественного метода анализа содержания.

Обстоятельная характеристика делопроизводственной документации, многие аспекты которой еще мало изучены в источниковедческом плане, вполне оправдана: это имеет непосредственное отношение к практике архивоведения, современного государственного делопроизводства и управления, к ряду других проблем, с которыми выпускники университетов и педагогических институтов имеют дело на практике.

Особый интерес представляют те разделы книги, в которых выявляются спорные, неизученные вопросы. Это помогает молодому читателю творчески подойти к изучению политических сочинений XVIII в., публицистики, воспоминаний, дневников и частной переписки, периодической печати. Учебник в целом дает сжатый информативный материал для проблемного изучения курса источниковедения истории СССР.

Целесообразно, по-видимому, высказать ряд конкретных замечаний и пожеланий. В главе второй «Произведения К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина» выделены четыре темы: труды

основоположников марксизма-ленинизма как исторический источник; поиск, выявление произведений К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина; публикации трудов основоположников марксизма-ленинизма; некоторые общие проблемы источниковедения ленинских произведений. Раздел содержит ценный и важный материал. Однако стоило бы методически более четко выделить особо важные для издания данного профиля аспекты огромной темы и последовательно отразить их в структуре и изложении раздела.

В названной главе эти аспекты переплетаются. Так, §1 назван «Труды основоположников марксизма-ленинизма как исторический источник», а рассматриваются они здесь и как методологическая база, идет речь также об источниковедческой практике классиков марксизма-ленинизма.

Разные аспекты взяты и в §4 «Некоторые общие проблемы источниковедения ленинских произведений». Лучше было бы выделить три главных вопроса: значение трудов основоположников марксизма-ленинизма как методологической базы науки об источниках; приемы работы с источниками (источниковедческая практика) в произведениях В. И. Ленина – это, в частности, объединило бы и проблемы поиска, выявления, истории создания и публикации ленинских произведений; значение их как исторического источника.

Большей разработанности требует раздел «Основные стадии исследовательской работы с источниками» (с. 17–22), в частности, последовательность этих стадий; так, предлагается вначале устанавливать подлинность источника, а затем переходить к прочтению и датировке (с. 20). Но как судить о подлинности до прочтения и датировки? Что же такое подлинность? Этот раздел должен нести большую методическую нагрузку, назначение его состоит в том, чтобы указать на то главное и общее, что определяет содержание и последовательность этапов работы с источником в каждом конкретном случае. Но, чтобы этот раздел был полезен в данном смысле, он должен быть теснее связан с конкретными методиками анализа, излагаемыми в последующих главах учебника.

Больше внимания следовало уделить терминологии науки об источниках, что важно для дальнейшей ее унификации и правильного применения⁴⁸⁰. В учебнике, например, выдвинут тезис о необоснованности использования терминов внешней и внутренней критики (с. 18), но что это за термины, какое вкладывается в них содержание, остается необъясненным. Между тем речь идет о терминах, употребляемых в специальной литературе и притом неоднозначно; в историографии ряда социалистических стран понятия внешней и внутренней критики используются, наполняются новым содержанием⁴⁸¹. Терминам и понятиям науки об источниках следовало отвести в учебнике определенное место.

В некоторых разделах учебника изложение методов анализа источников дополняется ссылками на литературу, где эти вопросы освещены более полно. Но это делается, к сожалению, не всегда. Хотя учебник содержит хороший список источников и литературы по курсу, для самостоятельной работы нужна более тесная связь текста учебника со специальной литературой. Крупные источниковедческие исследования по отечественной истории могли быть представлены полнее. Авторский коллектив нового издания состоит из профессоров и преподавателей Московского государственного университета. Видимо, в этой связи следовало отразить и преемственность соответствующих разделов, представленных в первом издании другими видными историками и источниковедами: показать вклад в разработку методов изучения источников советского периода М. Н. Черноморского, которым был специально написан ряд глав для первого издания, и других авторов.

При составлении списков источников и литературы желательно было бы в большей степени учитывать возможности не только столичных, но и других научных библиотек. Поэтому следовало шире использовать новые публикации источников, издающиеся достаточно большими тиражами, например, серии

⁴⁸⁰ О значении терминологии см. также: *Николаева А. Т.* Теория и методика советского источниковедения. М., 1975.

⁴⁸¹ Напр.: *Einführung in das Studium der Geschichte*. Berlin, 1979.

«Литературные памятники» («Переписка Грозного с Курбским». М., 1979, «Памятники литературы Древней Руси», «Повесть временных лет». М., 1978) и др.

Решение вопросов дальнейшего совершенствования вузовского преподавания науки об источниках отечественной истории, как нам представляется, связано с развитием тех направлений работы, которые нашли отражение в рецензируемом издании.

Прежде всего хотелось бы подчеркнуть, что для ряда поколений исследователей источников по истории СССР (и не только советских, но и зарубежных, ибо интерес к нашей стране, изучению и переизданию ее источников растет) книга может и должна стать не только учебником по источниковедению истории СССР (каким она есть и остается в первую очередь), но и руководством в науке об источниках; на материале источников отечественной истории читатель должен яснее увидеть общие принципы и методы работы с источниками, общее и особенное в методике видового анализа, наиболее характерные и эффективные приемы исследования массовых и уникальных источников прошлого и современности. Все виды источников, которые встретятся будущему историку в его практической работе, никакой учебник не может охватить – и не в этом его цель. Но работой над курсом он должен быть подготовлен к тому, чтобы иметь общие методологические, методические и историографические ориентиры для творческой работы с любыми видами источников истории страны, региональной, всеобщей истории. Для этого диалектика общего и особенного в анализе источников должна более четко прослеживаться в изложении основных этапов работы с источником и вводных характеристиках источниковой базы.

Теперь, когда в главах учебника освещены важнейшие виды источников истории СССР, стоит пойти дальше: например, показать методику исследования источников отечественной истории в ее развитии на классических и лучших современных примерах. Полнее используя ссылки на специальные источниковедческие исследования, можно ввести читателя в курс дела относительно методики изучения декретов Октября (работы

С. Н. Валка, Е. А. Луцкого), актовых источников русских феодальных архивов (работы Л. В. Черепнина), советской статистики (М. Н. Черноморского); исследования ленинских методов анализа источников социально-экономической истории (работы В. К. Яцунского) и др. Целесообразно использовать в этом плане труды по историографии источниковедения⁴⁸².

Есть определенные резервы для более полного отражения в учебнике проблемы источниковедения народов СССР. В тексте имеет смысл остановиться на методике специальных источниковедческих работ: например, методике изучения жалованных актов Джучиева улуса – в разделе об актовых источниках периода феодализма⁴⁸³; в обзорах же источников – шире использовать исследования по источниковедению истории Украины, Прибалтики, Белоруссии и других республик⁴⁸⁴.

Вводя читателей в круг новых и нерешенных проблем источниковедения, полезно использовать работы, специально посвященные этим вопросам, которые систематически публикуются в научной печати⁴⁸⁵. Вообще, проблемам и перспективам отечественного источниковедения следует посвятить специальный раздел, лучше всего – в заключении. В нем же могут найти отражение проблемы отечественного источниковедения, связанные с решением практических задач, в частности, в области полевой археографии, собирания и хранения исторических источников, охраны памятников истории и культуры⁴⁸⁶.

Высказывая все эти соображения, важно подчеркнуть, что авторы создали удачный современный учебник, который, несомненно, послужит новым стимулом в развитии отечественного источниковедения.

⁴⁸² Советское источниковедение Киевской Руси. Л., 1979.

⁴⁸³ Усманов М. А. Жалованные акты Джучиева улуса. XIV–XVI вв. Казань, 1979.

⁴⁸⁴ См., напр.: Ковальский Н. П. Источниковедение истории Украины XVI – первой половины XVII в., ч. 1–4. Днепропетровск, 1977–1979.

⁴⁸⁵ Буганов В. П., Трухан Г. А. Актуальные проблемы источниковедения истории СССР. – «Вопросы истории», 1977, № 3.

⁴⁸⁶ Шмидт С. О. Некоторые вопросы развития советской археографии. – Археографический ежегодник за 1978 год. М., 1979.

АУДИОВИЗУАЛЬНЫЕ АРХИВЫ НА РУБЕЖЕ XX–XXI ВЕКОВ (отечественный и зарубежный опыт)⁴⁸⁷

Аудиовизуальные документы сегодня выступают в качестве и основной формы распространения информации и своеобразной, хотя и односторонней, формы соучастия общества в событиях современной мировой истории. Велика эффективность воздействия на массовое сознание такой информации, представленной в виде изображения (тем более подвижного) и в сопровождении звука. Использование аудиовизуальных документов в сравнении с возможностями восприятия сознанием печатного текста значительно повышает перспективы управления общественными процессами. Казалось бы, поэтому проблематика аудиовизуальных архивов и документов в условиях глобализации должна стать предметом постоянного внимания, дискуссий, научных, философских и прикладных исследований в области гуманитарных наук. Однако налицо странный парадокс: как важнейшая часть культурного наследия и социальная, психологическая, технологическая, образовательная проблема аудиовизуальные документы только начинают осознаваться обществом и государством. Как источник уникальной информации по истории новейшего времени они еще не стали для историков необходимым исследовательским объектом.

Новый коллективный труд, посвященный целому комплексу проблем аудиовизуальной архивистики – философии, культуры, – несомненно имеет большую актуальность. Он охватывает широкий круг вопросов, рассматриваемых в масштабах деятельности Национальной ассоциации аудиовизуальных архивов (НААА), и дает в целом системное представление о составе и

⁴⁸⁷ Публикуется по изданию: *Медушевская О. М.* Рецензия на кн.: Аудиовизуальные архивы на рубеже XX–XXI веков (отечественный и зарубежный опыт) (сборник под ред. В. А. Магидова. – М.: Изд-во Ипполитова, 2003) // Отечественные архивы. 2005. № 1. С. 113–116.

Рецензия на книгу: Аудиовизуальные архивы на рубеже XX–XXI веков (отечественный и зарубежный опыт) / Под ред. В. М. Магидова; Сост.: В. М. Магидов, Е. Л. Иванова. – М.: Изд-во Ипполитова, 2003. – 414 с. – 1000 экз.

содержании кинофотофонодокументов Архивного фонда Российской Федерации и его современных особенностях. Здесь анализируются острые вопросы работы с этими документами, раскрываются их содержательная сторона, художественная и информационная ценность с позиций архивоведения, источниковедения, искусствоведения, новых технологий и, по существу, современной правовой мысли. Это придает изданию междисциплинарную направленность, обеспечивает единство замысла и цельность, а также позволяет рассматривать его как монографическое.

Авторы книги – ученые, практики, преподаватели и аспиранты ряда научных учреждений и организаций, среди них имена известных и более молодых отечественных и зарубежных специалистов в области аудиовизуальной информации, в том числе из Историко-архивного института РГГУ, Института культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева, Всероссийского НИИ киноискусства, Российского государственного архива кинофотодокументов, Российского государственного архива фонодокументов, Российского государственного архива научно-технической документации, Гостелерадиофонда, Центрального архива аудиовизуальных документов г. Москвы, Государственного центрального музея кино и др. В разнообразных формах представлен и современный зарубежный опыт. В издание включены научные статьи исследовательского, практически-проблемного, обзорно-информационного характера, а также материалы действующего под эгидой НААА семинара; здесь приведены тексты важных документов, определяющих правовой и организационный статус учреждений и организаций, связанных с аудиовизуальной документацией в международном (ЮНЕСКО) и российском правовом пространстве. Ценным компонентом издания являются информационно-библиографические материалы, среди которых следует выделить удачную инициативу создания Перечня организаций, хранящих аудиовизуальные документы. Его можно рассматривать как прообраз будущего и настоятельно необходимого

Путеводителя, тем более что автор (В. М. Магидов) предполагает его продолжение и последующее дополнение.

В целом отметим, что при большом разнообразии жанров, авторского состава и подходов, акцентировании прежде всего проблемных, дискуссионных и неоднозначных аспектов темы читатель получает общую картину современного состояния аудиовизуальной архивистики, ее перспектив и современных сложных и нерешенных проблем. В этом несомненная заслуга редактора рецензируемого труда, ученого и педагога, заведующего кафедрой аудиовизуальных документов и архивов ИАИ РГГУ В. М. Магидова и составителей издания.

В центре внимания авторов материалов, при различии подходов и мнений, – неизменно общие, сквозные вопросы междисциплинарного подхода к архивам и документам, их создания, комплектования, хранения и более широкого использования, расширения доступа к ним в сложной ситуации глобализации, становления новой государственности и подвижности информационного пространства современной культуры. Книгу открывает обобщающая статья о состоянии аудиовизуальных архивов России и перспективах их развития. Справедливо полагая, что аудиовизуальные документы фиксируют практически все виды человеческой деятельности, авторы (В. М. Магидов и В. А. Еремченко) констатируют, что современное общество и информационный обмен немислимы без повседневного применения фотографии, звукозаписи, кинематографа, телевидения, придавая обсуждаемым проблемам соответствующую научную и практическую масштабность. Главное условие для использования уникального информационного ресурса, адекватного масштабу его значимости, – создание общей картины отечественного наследия в данной сфере, уточнение параметров имеющихся объемов информационного продукта, перспектив его хранения и расширения доступа к нему общества. Эту главную тему развивают другие материалы издания, особенно статьи по конкретным проблемам исследования истории, составу фондов и коллекций ведущих отечественных архивов.

В целом создается впечатляющая, хотя и довольно тревожная картина. Мироощущение архивистики, как известно, по существу философское. Документ есть интеллектуальный продукт, результат осознанной и целенаправленной человеческой деятельности, преобразующий подвижную и преходящую действительность в непреходящую историческую, общечеловеческую информационную ценность и целостность, поэтому архивистика воспринимает как нечто целостное и мировоззренческие вопросы практической повседневности, связанные с проблемами создания документа, его архивного хранения, использования и обеспечения доступа общества к зафиксированной в нем исторической информации. Все это относится и к аудиовизуальным документам. Не случайно одна из статей раздела «Зарубежный опыт работы с аудиовизуальным наследием» так и называется – «Философия аудиовизуального архивирования» (Р. Эдмондсон, Париж). Судя по содержанию издания, в котором каждый автор исходит из своего интеллектуального опыта, все проблемы философии архивирования и ее практические трудности в нашем обществе, находящемся в процессе становления, актуальны и осязаемы и для специалистов в области аудиовизуальной документации. Таковы, в частности, проблемы архивного или авторского права. В то же время аудиовизуальная проблематика отзывается на эти трудности еще более специфично. Ведь документация на бумажном носителе в какой-то мере защищена существующим в массовом сознании уважением к документу, если не в его культурном, то хотя бы делопроизводственно-бюрократическом понимании. Что касается рассматриваемой в издании документаций, то вопросы и ее создания, и хранения, и использования оказываются в существующем в массовом сознании правовом вакууме. Авторы пишут о конкретных практических проблемах, но ситуация в целом вырисовывается сложная. Она не оставляет другого выхода, как наметить ключевые первоочередные аспекты деятельности немногочисленных специалистов, объединить материальные и интеллектуальные ресурсы, поэтому в центре издания – деятельность Национальной ассоциации аудиовизуальных архивов.

Понятно, что при таком обилии проблем следует прежде всего позаботиться об объединении усилий, координации, взаимной информированности в выведении правовых, культурных, практических вопросов на общенациональный уровень. Тогда появится возможность и более направленного международного общения, использования мирового опыта.

НААА, некоммерческой организации, которая объединяет архивные и другие организации России, заинтересованные в обеспечении сохранности аудиовизуальных документов и их эффективном использовании в интересах общества, посвящен особый раздел. Здесь помещены ее учредительные документы, прежде всего устав, утвержденный собранием учредителей в мае 2000 г. Представлены правила приема, учредительный договор и др.

Ключевой проблемой выступает аудиовизуальное наследие страны, архивы как основной и неразделимый объект и непосредственный предмет деятельности Национальной ассоциации. В том, что это важно и возможно, убеждает ряд публикаций, и в частности дискуссионные материалы действующего семинара «Аудиовизуальные архивы и гуманитарное знание». Они вполне конкурентны, ведь дискуссии посвящены, например, проблемам идентификации документального фильма, без которой, как справедливо отмечают ученые и практики, весь информационный ресурс оказывается неопределенным и безадресным. Правда, речь идет прежде всего о понимании деятельности НААА как части отечественной культуры (об этом, в частности, говорит С. О. Шмидт), и эта деятельность выступает как конкретное проявление становления гражданского общества, сознающего ценность своего исторического, зримого, подвижного и такого технологически хрупкого наследия. В этой связи в общенациональном масштабе материалы данного вполне конкретного и даже специализированного издания впечатляют.

Статей, рассматривающих источниковедческую специфику аудиовизуального документа, в издании не так много, но их уровень достаточно высок. Имеется в виду тот раздел издания,

который носит название «Логика чувств, приглашение к диалогу». Здесь идет речь о специфике образного восприятия жизни и образном контексте исторического факта, о его метафоричности (Л. М. Рошаль). На уровне своего создания (как искусства), а также восприятия и использования (как исторического источника) аудиовизуальный документ обладает собственной уникальностью и неповторимостью. Авторы рассматривают его как на этапе создания, когда информация преобразуется в продукт, так и использования, когда историческая, фиксированная информация вновь оживает. Интересна и постановка вопроса о том, как вербальная и невербальная части информации формируют новый познавательный уровень и, возможно, новое живое восприятие истории и культуры.

Относительно небольшое место в издании отведено проблемам подготовки кадров для работы в пространстве аудиовизуальной архивистики, визуальной антропологии, устной истории. Однако несомненно, что такая отечественная школа существует. В частности, это проявляется при анализе зарубежного опыта, например в аналитических обзорах наследия устной истории в архивах Франции, да и в других материалах издания. Будем надеяться, что проблематике подготовки кадров наше общество и Национальная ассоциация посвятят новые проблемные издания. Ценный опыт РГГУ, где существует соответствующая специализация, а также ее несомненные успехи и не менее очевидные трудности заслуживают заинтересованного участия и поддержки со стороны российского общества в перспективе культурного развития в новом тысячелетии.

ИСТОРИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ И АНТРОПОЛОГИЧЕСКИ ОРИЕНТИРОВАННАЯ ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ: ИНТЕГРАЦИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПРОГРАММЫ⁴⁸⁸

1. Постановка проблемы

В современной науке более очевидно изменение ее статуса – институциональных связей с обществом и государством, социокультурных функций, систем международных и региональных взаимодействий. Возникают новые формы научных сообществ, происходит обновление тематики исследований, изменение ценностных ориентаций ученых, актуализация комплексных междисциплинарных направлений. За разнообразием внешних проявлений и структурных перемен угадываются более общие, глубинные процессы методологических сдвигов, происходящих по всему пространству гуманитарного знания, анализ которых настоятельно необходим. Систематическое обращение к такому анализу важно для определения стратегии исследовательских и образовательных программ в таком многопрофильном и в то же время целостно-гуманитарном университете, как РГГУ. Естественно поэтому, что проблематика современного гуманитарного знания постоянно является предметом рассмотрения. Проблематика исторической антропологии представляет с данной точки зрения особый интерес. Антропология как нетрадиционная, в сравнении с другими гуманитарными и естественными науками, область научно-практической деятельности, прошла в XX веке своеобразный путь развития и оказала воздействие на про-

⁴⁸⁸ Публикуется по изданию: *Медушевская О. М.* Историческая антропология и антропологически ориентированная источниковедческая концепция: интеграция исследовательской и образовательной программы: доклад на заседании Ученого совета РГГУ 13 янв. 1998 г. по вопросу повестки дня – «Историческая и культурная антропология: проблемы преподавания в РГГУ» // Ученый совет РГГУ, 1997–1998: сб. док. Сост. О. М. Медушевская и др. – М.: РГГУ, 2000. Вып. 7. С. 98–103.

странство научного знания в целом. Феномен антропологии выявляет ведущие тенденции науки, ее связи с обществом и массовым сознанием. В то же время, этот феномен сам требует интерпретации. Каковы были причины становления антропологии как своего рода вызова традиционным наукам? Что означает, далее, новый феномен – ее поворот к исторической науке, формирование исторической антропологии? И, наконец, каковы в настоящее время перспективы наметившегося взаимодействия исторической науки и антропологии на пути к достоверному гуманитарному знанию. Поставив данные вопросы, естественно предположить и возможные ответы на них. Участники обсуждения сами определяют свое отношение к предполагаемой интерпретации. Для этого важно яснее выразить главную идею. На наш взгляд, она состоит в следующем. Антропология (в ее рамках, как известно, реализуется ряд исследовательских взаимодействий, – как то взаимопересекающиеся направления культурной антропологии, социальной антропологии, этнологические и социологические аспекты и др.) в целом реализует поворот от собственно полевых исследований (определивших в свое время ее специфику) к более широкому кругу исследований, опирающихся на проблематику изучения прошлого и настоящего, традиций и их изменения. Этот перспективный синтез, формирующий историческую антропологию, дает новые качественные возможности масштабных компаративных исследований. Однако, встречное движение антропологии и исторической науки к их интеграции хотя и необходимо, но недостаточно.

Существует особая самодостаточная область гуманитарных исследований, рассматривающая в качестве своего предмета историкокультурную основу целенаправленной человеческой деятельности.

2. Синтез трех направлений

Необходим, таким образом, синтез трех направлений: антропологии с ее главной идеей глобального (коэксистенциального) единства человечества; исторической науки с ее

главной идеей эволюционного единства развития человечества во времени; источниковедческой концепции с ее главной идеей единства Источниковой основы целенаправленной человеческой деятельности. Взаимодействие данных исследовательских направлений создает единое пространство теоретико-познавательных и образовательных социальных практик, подчиненных общей цели – достижению достоверного (и даже точного) гуманитарного знания.

3. Источниковедческая проблематика в гуманитарном знании

Одной из новых тенденций в развитии гуманитарных наук становится обращение к источниковедческой проблематике. Ее отражают, в частности, данные о научной активности по дисциплинам гуманитарных циклов последних лет⁴⁸⁹. Аналитики зафиксировали обращение к комплексному изучению источников не только в исторической науке, но также филологии, включая языкознание и литературоведение, искусствоведение, философию, расширение источниковедческой базы социальных наук. Возможно, что данный объективный процесс отражает ориентацию массового сознания на достоверность знаний о человеке и обществе.

4. Источниковедческая теоретическая концепция

В рамках источниковедческой теоретической концепции прослеживаются перспективные возможности применения компаративного метода (в частности, на основе структурных свойств видов источников, взаимодействия естественнонаучных и гуманитарных подходов в изучении пространственных параметров человеческой деятельности⁴⁹⁰). На конкретном материале

⁴⁸⁹ См.: Семенов Е. В. Смысл происходящего с гуманитарными и социальными науками в современной России: Взгляд через призму конкурсов РГНФ // Вопросы истории естествознания и техники. 1997. № 2.

⁴⁹⁰ См. Источниковедение и компаративный метод в гуманитарном знании. М., 1996; Исторический источник: человек и пространство. М., 1997.

выявляется интегрирующая роль источниковедческого подхода в междисциплинарных и компаративных комплексных исследованиях. Эта ситуация актуализирует постановку вопроса о новом познавательном пространстве взаимодействия истории и антропологии, укорененной на общей для всех гуманитарных наук источниковедческой основе.

В свое время классик социологии и социальной антропологии М. Мосс высказал глубокую мысль о том, что историческая наука и социология опираются на одни и те же источники, только они задают этим источникам различные вопросы. На наш взгляд, существует определенная связь между данным подходом и идеями об изучении универсальных форм и целостных фактов человеческой деятельности, столь важных для антропологии. При различии предмета и метода, гуманитарные науки располагают общей и единой фундаментальной источниковедческой основой.

5. Антропология как «антидисциплина»

Феномен антропологии возник в конце XIX – начале XX веков как радикальная попытка привести методологию гуманитарного исследования в соответствие с новой реальностью. Общим было стремление выйти за пределы европоцентристской модели исторического процесса, преодолеть линейную хронологию событийной историографии, сопоставлять многообразие форм человеческой деятельности в глобальном масштабе. В отличие от историков, философов, социологов, антропологи предложили свой вариант решения общих проблем. Процессы деколонизации и общего развития ранее отсталых стран явились мощным стимулом нового направления, связавшего воедино накопленные этнографией полевые наблюдения с исследованиями логики мышления первобытного человека, начатыми еще в трудах основателей антропологии. Оказалась весьма привлекательной и реальной идея непосредственного наблюдения «живого целого», совмещения роли исследователя и участника событий.

6. Антропология и историческая наука: от очевидности различия к сознанию общности

Успехи антропологии активизировали все пространство гуманитарных наук. Для исторической науки они расширили возможности обращения к новой проблематике – изучения традиционных культур, систем родства, обычаев, форм поведения, природной среды, менталитета. Наблюдение «живого целого» в настоящем становилось стимулом для обращения к аналогичной проблематике в прошлом. По мере накопления эмпирического материала на первый план выходят общенаучные методологические проблемы, прежде всего критерии открытости для научного сообщества и надежности научных результатов. «Уникальность антропологии как дисциплины состоит в базировании ее метода не столько на искусственных конструктах академических исследований, сколько на непосредственном познании того, что люди реально делают и о чем они думают»⁴⁹¹. Традиционные для историка методологические различия наблюдений и исследования оказались столь же значимыми и для проблематики полевых методов. Сформулировав, например, вопрос: «Каким образом встречи в полевых условиях превращаются в нормативные письменные сообщения»⁴⁹², методолог по существу затрагивает целый комплекс идей: различие позиций участников диалога, аутсайдера и инсайдера, влияние наблюдателя на ход событий, символика общения, обмена дарами, самоидентификация индивида в его группе, критерии компаративных подходов и др.), требующих в свою очередь сложных исследовательских интерпретаций.

7. Историческая антропология

Поворот к исторической антропологии трудно объяснить вне общей ситуации – критической переоценки достоверности эмпирических данных, полученных методами полевой работы

⁴⁹¹Гримшоу А., Харп К. Антропология и кризис интеллектуалов // Культурная антропология. СПб., 1996. Тексты. С. 168.

⁴⁹² Там же. С. 159.

антропологов предшествующего периода. Обращение антропологической проблематики вглубь исторического прошлого человечества, а следовательно, к изучению источников, не просто расширяет возможности получения более полной информации. Это обращение предполагает опору на традиционный профессионализм исторического исследования, помогающий преодолеть «неистребимый этос любительства», укрепить социальный статус науки.

Преимущества интеграции, взаимных обменов опытом, наблюдениями, подходами, методами несомненны. В поле внимания современной исторической антропологии – компаративные подходы к изучению агрикультуры, систем верований, ментальности, идентификации личности, положения женщины в различных регионах и обществах прошлого и настоящего, форм и техник спорта, способов питания и многие другие комплексные проблемы. Они охватывают эпохи большой исторической длительности (на историческом материале) и доводятся до современности (с участием ученых разных стран и сообществ), что значительно расширяет масштабы компаративных подходов. Формируется «новая история, по современному оснащенная всем необходимым инструментарием, подходами, методами, методологическими ориентациями, наконец, движимая новым духовным состоянием корпорации историков: история, способная проникать в глубины человеческого бытия, улавливать механизмы изменений во всех сферах жизни»⁴⁹³.

8. Проблемы метода историко-антропологических исследований

Обращение к историческим источникам антропологической проблематики не снимает, однако, проблемы совершенствования методологии. Эта проблема требует специального внимания.⁴⁹⁴ Развитие исторической науки в XX веке сложилось

⁴⁹³ Афанасьев Ю. Н. Как России заново обрести свою историю // Россия. XX век. М., 1995. С. 28–29.

⁴⁹⁴ Историческая антропология: место в системе социальных наук, источники и методы интерпретации. М., 1998.

таким образом, что методология исследования формировалась (под влиянием борьбы с позитивизмом) односторонне и, главным образом, по линии утверждения системообразующей роли познающего субъекта (Р. Дж. Коллингвуд и др.) в процессе воссоздания прошлого. Трактовка источниковедческой методологии (большинством гуманитариев) как области прикладных и вспомогательных, предварительных и подготовительных методик затормозила развитие исторического профессионализма и подорвала статус самой исторической науки. Наиболее значительные теоретико-познавательные аспекты этой методологии, связанные с формированием текста и его восприятия, исследуются в трудах философов, искусствоведов, филологов (М. М. Бахтин, Г. Гадамер, Р. Барт, П. Рикер и др.), и лишь от них, опосредованно, происходит возвращение к историческому нарративу. Ситуация в гуманитарных науках определяет необходимость выхода за пределы профессиональной обособленности и рассмотрения всего объема общих методологических проблем на эпистемологическом уровне. Источниковедческая концепция гуманитарного знания антропологически ориентирована еще со времени ее становления (А. С. Лаппо-Данилевский, В. И. Вернадский). Источник определяется как продукт целенаправленной человеческой деятельности. Человека отличает качественно – именно его способность творить, создавать изделия, произведения, которые, будучи созданы в материальном образе, не исчезают, объединяют человечество в единое культурное целое. Наиболее информативную часть источниковедческой основы составляет мировое документальное наследие – как целостный структурированный материальный объект и предмет профессионального внимания архивистов.

ВЕЩЬ В КУЛЬТУРЕ: ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЙ МЕТОД ИСТОРИКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ: ПРОГРАММА КУРСА⁴⁹⁵

Пояснительная записка

Курс «Вещь в культуре: источниковедческий метод историко-антропологического исследования» специально разработан на кафедре источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин для студентов отделения исторической антропологии Российско-французского центра исторической антропологии им. Марка Блока и специализации «Антропологическая история России» факультета архивного дела Историко-архивного института, обучающихся по специальности 020700 «История» в объеме 24 лекционных часов. Курс апробирован на факультете музеологии для специальности 520100 «культурология».

Предмет курса составляет методология системного исследования вещей – произведений материальной культуры общества в их разнообразных социальных функциях, которые эти вещи имели изначально или приобретали в процессе своего бытования у различных народов, в различные эпохи и в различной культурной среде. Вещи, созданные людьми, имеют разнообразные функции (хозяйственно-экономические, правовые, социально-психологические, идеологические, политические, религиозные, эстетические и др.), которые не могут быть выявлены или достоверно познаны лишь при изучении материальных свойств этих вещей. Исследование вещи в ее социальных функциях может быть осуществлено лишь с позиций системного подхода с привлечением других типов исторических источников – письменных, устных, изобразительных и других.

⁴⁹⁵ Публикуется по изданию: *Медушевская О. М.* Вещь в культуре: источниковедческий метод историко-антропологического исследования. Программа курса для студентов, обучающихся по специальности № 020700 – История // Источниковедение. Учебно-методический модуль. Программы курсов и планы семинарских занятий. Под ред. О. М. Медушевской – М.: Изд. Ипполитова, 2004. С. 202–227.

Аналогов курсу и данной программе не имеется. В ней отражены три главных аспекта методологии исследования вещественных источников: проблемы теории, проблемы метода, а также специальные методы изучения совокупности вещественных источников. Этот подход определяет структуру курса и, соответственно, его программы.

В курсе изучаются теоретические основы и методические приемы системного подхода к вещи, исследуемой не только с материальной (технологической), но и прежде всего с ее функциональной, гуманитарной, социальной стороны, рассматриваются методы отыскания необходимой для такого исследования информации в исторических источниках (письменные источники различных видов и др.), методы извлечения и обработки информации, методы ее источниковедческой, исторической и культурологической интерпретации.

Курс «Источниковедение: вещественные источники» опирается на фундаментальный курс «Источниковедение: история, теория и метод», разработанный кафедрой источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета, в котором представлены основные принципы и методы источниковедения, приемы источниковедческого анализа и синтеза, и представляет собой одну из ветвей развития источниковедения как научной дисциплины.

В результате изучения курса студенты должны овладеть теоретическими основами системного изучения предметов, созданных в процессе целенаправленной человеческой деятельности, как явлений культуры своего времени; знать основные социальные функции вещи, возникающие в связи с целями и условиями ее создания и бытования в различных общественных системах; уметь ориентироваться в исторических источниках, знать важнейшие виды исторических источников и свойства этих видов; ознакомиться с системой методов отыскания необходимой информации о функционировании вещественных источников; знать систему методов изучения исторических источников и получения из них надежной и достоверной ин-

формации о вещах, их функционировании, их бытовании в социально-культурной среде; владеть методами интерпретации этой информации в соответствии с целями своего исследования; уметь применять научные методы отыскания, обработки, научной проверки информации и ее интерпретации на материале исторических источников.

В конце курса студенты сдают экзамен.

Введение

Наука об исторических источниках. Исторический источник как продукт целенаправленной человеческой деятельности, используемый для получения данных о социальных явлениях и процессах. Главная цель источниковедения – определение качества социальной информации источника и оценка самого источника с данной точки зрения.

Обращение к источникам как путь получения социальной информации в науке и практической деятельности. Источниковедение в профессиональной деятельности историка, правоведа, социолога, историка науки и техники, архивиста и музеолога, историка-демографа и историка-географа. Источниковедение в педагогике и психологии. Источниковедческий аспект изучения отношений общества и личности, государства и общества, человека и природной среды, обеспечения управленческих и информационных процессов, использования вычислительной техники в гуманитарных исследованиях.

Источниковедение и источниковедческий анализ в междисциплинарных исследованиях. Источниковедческие аспекты современного гуманитарного образования.

Источниковедческий анализ как метод получения данных об образе жизни и культуре через посредство созданных людьми материальных объектов. Проблема вещественного источника.

1. Теоретические основы источниковедения вещественных источников

Понятие музейного предмета. Его реальность, истинность, способность сохраняться в качестве материального объекта.

Музейный предмет как подлинник, первоисточник информации, вещественное свидетельство существования данного предмета и ему подобных. Музейный предмет как объект, связанный с реальным временем и местом своего создания и функционирования.

Общее и особенное в подходе к материальному объекту как к музейному предмету и как к историческому источнику. Материальность, вещественность музейного предмета и исторического источника. Музейный предмет как остаток своей эпохи. Исторический источник как социальное явление, как произведение культуры своего времени. Возможность использования исторического источника в профессиональной деятельности музеолога.

Взаимодействие методов источниковедения и музеологии. Суждения отечественных и зарубежных ученых о музейном предмете как историческом источнике, о возможностях и перспективах взаимодействия и взаимодополнения источниковедения и музееведения.

Виды исторических источников, используемых в музеологии. Источники письменные и вещественные, их особенности и место в системе произведений культуры разных эпох. Вещественные источники в традиционном источниковедении. Условность деления источников на вещественные и письменные. Теоретическая основа деления на источники изображающие и источники обозначающие в методологии источниковедения А. С. Лаппо-Данилевского. Произведения культуры как исторические источники, отражающие материальную и духовную стороны человеческой деятельности.

Вещественные источники в учебниках и научных трудах по методологии истории. «Учебник исторического метода» Э. Бернгейма о делении источников на свидетельства о прошлом и остатки прошлых эпох. Тезис Бернгейма о «произведениях всех наук, искусств, ремесел как свидетельствах о потребностях, способностях, взглядах, настроениях, состояниях, – о степени всего развития их творцов и их времени». Бернгейм о значении археологии в освещении мира культуры

древних эпох, о раскопках римских сооружений в Германии. Памятники, монументы и надписи как источник сведений о пограничных отношениях, направлениях военных дорог, особенностях провинциального управления в Римской империи. Проблема достоверности и подлинности в изучении исторических реалий. «Введение в изучение истории» Ш.-В. Ланглау и Ш. Сеньбоса об источниках исторического изучения. Вещественные источники и методы их исследования в этом труде. «Методология истории» А. С. Лаппо-Данилевского об источниках изображающих и источниках отображающих. Проблема подлинности вещественных источников. Вопрос о подделках вещественных источников.

Произведения материальной культуры и вещественные источники в исторических трудах С. М. Соловьева, В. О. Ключевского, С. Ф. Платонова. И. Е. Забелин и его труды. Его идея собрания в одно целое разнородных материалов, касающихся истории, археологии и статистики города Москвы, для описания жизни города «во всем объеме его бытия и быта политического и религиозного, умственного и нравственного, общественного и домашнего, торгового и промышленного, ремесленного и художественного, экономического или хозяйственного и материального или строительного». Систематическое изучение и собирание им в одно целое данных письменных источников о вещественных реалиях русской старины. Его труд о домашнем быте русских царей и цариц. Систематизация данных по истории Патриаршего дома в его трудах (обзор зданий, домашняя обстановка патриаршего быта, патриаршая одежда, патриаршие приемы, столовый обиход и т. п.).

Наука XX в. о необходимости расширения круга исторических источников. Л. Февр о важности привлечения не только письменных источников, но и воссоздания прошлого при помощи смежных дисциплин и междисциплинарных подходов. «Апология истории» М. Блока о разнообразии исторических источников, привлекаемых исследователем прошлого. Блок о необходимости включения в книги по истории глав об источниках и методах их изучения («каким образом я смог узнать то,

о чем буду говорить?»). Влияние Блока, Февра и их последовательней – историков «школы «Анналов» – на обновление исторической науки, расширение ее проблематики и источниковой базы. Р. Коллингвуд и его книга «Идея истории», его борьба против истории «ножниц и клея».

Подъем историзма общественного сознания во второй половине XX в. Дискуссии по проблемам исторической методологии. Издание книги «История и ее методы» (Париж, 1961) и новая постановка вопроса о методах работы историка. Междисциплинарные подходы в исторической науке. Методы исследования вещественных источников в этом издании. Ш. Самаран о новом понимании термина «документ». Материальные объекты, изучаемые археологией. «Теоретическая археология» Ж. К. Гардена. Комплексный подход к изучению данных археологии и письменных источников. Его обоснование и реализация в трудах отечественных ученых. Труды И. М. Гревса, А. В. Арциховского, А. В. Черепнина, В. Л. Янина.

Комплексный характер изучения источников по истории науки и техники. Вещественные, изобразительные, графические и письменные источники и их изучение. Опыт создания Музея истории науки и техники и проблемы источниковедения.

Картографические документы как исторические источники. Междисциплинарный подход к их изучению. Источниковедение картографических источников. Его значение в архивоведении и музеологии. Карта как музейный предмет и исторический источник. Методы исследования.

2. Предмет, задачи и структура курса

Предмет и задачи. Структура курса как реализация концепции источниковедения. Две задачи источниковедения: обзор и характеристика основных видов источников; развитие и реализация методов источниковедческого анализа применительно к конкретному виду источников и изучаемой проблеме. Две задачи источниковедения вещественных источников: обзор и характеристика основных видов источников, содержащих информацию о вещевых реалиях; разработка методов получения из них полной и надежной информации о создании и использовании

вещей, материальных предметов в ту или иную эпоху. Главная цель в данном случае – выявление информации о месте вещей («мира вещей») в культуре эпохи и ее использование для понимания образа жизни людей данной эпохи, их мировоззрения и поведения. Значение данного подхода для историка культуры и музеолога. Источниковедческий подход – средство выявления и использования информации о вещественных предметах как части реальности эпохи, их функционировании, среде их бытования.

Преимущества рассмотрения исторических источников по видам. Вид как большая группа источников, имеющих (независимо от места и времени их создания) устойчивые общие признаки структуры. Складывание этих общих признаков под влиянием общности функций данного вида исторических источников в жизни общества, целей их создания и назначения. Основные виды исторических источников, наиболее информативные с данной точки зрения. Отражение в исторических источниках различных аспектов функционирования вещи в изучаемую эпоху. Законодательные документы как исторический источник, отражающий правовые аспекты («вещное право»). Таможенные и другие книги как источник о товарных свойствах вещи в данную эпоху. Записки путешественников как источник о месте тех или иных вещевых реалий в правовой иерархии и социальной практике. Нарративные источники разных видов (летописи, хроники и т. п.) как источники о месте вещей в образе жизни эпохи. Публицистика как источник о вещевом менталитете различных социальных слоев, о месте вещевых реалий в социальных конфликтах эпохи, системе ценностных ориентаций.

Необходимость изучения исторической последовательности возникновения и развития отдельных видов источников. Источники как исторические явления, возникающие в определенных исторических условиях и ситуациях и отражающие эти условия. Музейный предмет как исторический источник эпохи, как образец определенного вида исторических источников и как конкретное произведение с его особенностями. Источники как явления культуры.

3. Методы изучения источников по истории менталитета эпохи

Составление программы изучения источников. Объект изучения – источники отечественной истории XI–XVIII вв.: законодательство, акты, летописи и хроники, исторические сочинения, делопроизводственная документация государственных учреждений, документы личного происхождения, картографические документы и др. Цель изучения – выявление их информационных ресурсов по истории менталитета. Метод изучения – источниковедческий анализ и синтез.

Программа обследования источников, составленная в 1881 г. И. Е. Забелиным. И. Е. Забелин о целях и содержании этой программы. Ее публикация в издании «История города Москвы» (М., 1905; репринтное воспроизведение: М., 1990). И. Е. Забелин о собирании в одно целое разнородных материалов, касающихся истории, археологии и статистики г. Москвы, в том числе «не обработанных, в составе летописных и других сказаний, разного рода актов, документов, деловых записок и других бумаг», а также материалов, обработанных в виде изысканий, описаний, извлечений из деловых архивных бумаг. Примерный вопросник И. Е. Забелина для изучения исторических источников: история и способы постройки городских степ, ворот и башен; способы постройки домов, устройства дворов, садов, прудов, огородов; способы уборки, способы освещения в ночное время; способы предупреждения и тушения пожаров; способы водоснабжения и т. п. Местоположение главного торгового двора, гостиные дворы, торговые ряды; история и статистика каждого товара в отдельности. Питейная продажа – квасы, меды, вино, пиво; погребки фруктовые, овощные и питейные, питейные дома. История и статистика в отдельности всякого ремесла и мастерства, изделия и производства. История и статистика московского садоводства и огородничества. Охотный ряд как средоточие всякого рода охотничьих промыслов. Ловля и продажа певчих птиц, соловьиная охота. Петушиные и гусиные бои.

История и статистика в отдельности всякого ремесла и мастерства, изделия, производства. Дело: золотое, серебряное, сусальное, медное, котельное, колокольное, пушечное, кузнечное,

бронное, железное, резное, слесарное, оружейное, плотничье, столярное, деревянно-резное, токарное, каменное, каменно-резное, кирпичное, изразцовое и прочее; портное, сапожное, башмачное, шорное и прочее. Монастырские рукоделия. Фабрики и заводы. Сведения об известных и прославленных мастерах, ремесленниках, фабрикантах, заводчиках. История художеств и ремесел. Зодчество деревянное и каменное, церковное и гражданское. Иконопись и живопись. Гравирование. Книжные лавки и магазины. Места народных гуляний и увеселений, народные игры и зрелища, балаганы. Уличные и воротные решетки, сторожевые избы, будки, уличная служба обывателей. Хроника метеорологических явлений.

И. Е. Забелин о собирании и издании этих материалов. Незавершенность источниковедческих изысканий по программе Забелина. Ценность собранных и обобщенных им данных по истории Москвы, истории домашнего быта русских царей и цариц, истории садоводства и огородничества, истории общественной жизни Москвы XVII в.

Необходимость широкого обследования источников отечественной истории, особенно ранних эпох, для нужд музеологии.

Примерная программа изучения основных видов источников отечественной истории XI–XVIII вв, выявления данных о вещевых реалиях и записи полученных данных

По каждому изучаемому источнику должны быть выявлены вначале традиционные данные (вопросник 1).

ВОПРОСНИК I

Исторические условия, время и место создания изучаемого источника. Автор (составитель) или авторы источника. Обстоятельства создания источника, непосредственная цель его создания, практическое назначение. Характеристика имеющихся текстов источника (черновые и беловые тексты, редакции, способы фиксации текста, внешние особенности). Источники информации, использованные при создании источника

(воспоминания, непосредственные наблюдения, устные или письменные известия).

Целесообразно записать сложившиеся у исследователя суждения по интерпретации источника (смысл, который имел в виду автор источника; непонятые слова, термины и понятия, стереотипные выражения, утратившие буквальное значение, иносказания, аллегории и т. д.).

Затем следует записать сложившиеся у исследователя суждения о степени достоверности изучаемого источника или отдельных его данных, свои аргументы в пользу достоверности (или недостоверности) в отношении тех или иных фактов.

В заключение характеристика содержания источника в целом, после чего можно переходить к целенаправленному, более детальному анализу содержания источника.

ВОПРОСНИК 2

Цель – детальный анализ содержания источника, выявление всего объема данных о вещевых реалиях, упоминаемых в нем. Эти данные фиксируются в виде отдельной записи в тетради или на карточках.

В зависимости от интересов исследователя учитываются либо все данные о вещевых реалиях, либо только те, которые связаны с конкретной тематикой данного музеологического исследования.

1. Объекты природы, окружающей среды: климатические условия, почва, природные ресурсы, рельеф и гидрография, растительный и животный мир, территории, границы, земельные угодья и т. п.

2. Материальные реалии экономики: промышленность, топливо по видам, орудия и продукты производства, техника и технология, транспорт, средства связи и коммуникации, дороги, мосты, плотины и т. п. Сельское хозяйство, рыбоводство и лесное хозяйство, типы землепользования, орудия и тяговая сила, культурные растения, орудия и средства охоты и промыслов, предметные реалии сферы услуг и т. п.

3. Реалии повседневной жизни и быта: жилье, одежда, пища, различные занятия и т. п.

4. Предметы, предназначенные для научной, художественной, воспитательно-образовательной деятельности.
5. Здания и предметы религии и культов.

ВОПРОСНИК 3

Упоминания тех или иных реалий в историческом источнике всегда связаны с определенным историческим контекстом. Именно этот контекст дает исследователю информацию о среде бытования той или иной вещи, о ее социальной функции в обществе данного типа, ее применении и использовании. Такого рода сведения как раз и позволяют восстановить то, что является предметом особого внимания музеев — менталитет эпохи. Вопросник 3 имеет целью более точно определить, в каком качестве упоминаются в источнике те или иные вещевые реалии.

1. Вещь в правовом отношении («вещное право»).
2. Предмет в качестве товара (что именно выступает как товар, цены).
3. Предмет в качестве опознавательного признака.
4. Предмет в качестве символа (власти, должности и др.).
5. Предмет в качестве знака в коммуникационных связях (в знак внимания и т. п.).
6. Описание способа изготовления или применения данного предмета.
7. Оценочные суждения о вещи (ее необычность, новизна, раритетность).
8. Вещь в системе ценностей эпохи.

4. Источники российской истории и методы их анализа

4.1. Законодательные источники

Законодательные акты как один из видов исторических источников. Особенности их возникновения, создания и отражения действительности в этом виде исторических источников. Право как совокупность санкционированных государством норм, определяющих обязательные взаимные отношения людей

в обществе. Право частное (вещное, обязательное, торговое, семейное, наследственное, вексельное) и публичное (государственное, финансовое, полицейское, уголовное, процессуальное, международное). Обычное право как совокупность юридических норм, выработанных данным обществом путем их неоднократного традиционного применения. Памятники, фиксирующие нормы обычного права, и их санкционирование государственной властью.

Вещь в философском смысле как предмет материальной действительности, обладающий относительной независимостью и устойчивостью существования. Вещь как предмет, существующий как физическое тело и доступный для человеческого присвоения. Вещное право, предметом которого является вещь, а содержанием – владение ею. Вещь в правовом смысле как объект права собственности и иных вещных прав (в гражданском праве). Вещное право как разновидность имущественного права. Понятие вещи и имущества в российском праве.

Памятники права Древнерусского государства. Русская Правда краткой, пространной и сокращенной редакций. Время их создания и функционирования. Влияние на последующие правовые памятники. Важнейшие публикации списков Русской Правды. Вещевые реалии Русской Правды. Объекты правового регулирования. Сельскохозяйственные строения, продукция, домашние животные и культурные растения. Земельные межи, сухопутные и водные транспортные средства. Правовое регулирование природных ресурсов. Вещественные предметы как эквивалент денежных штрафов или выплат работникам.

Церковные уставы князей Владимира и Ярослава Мудрого. Их публикации. Материальные объекты в сфере церковного права и правового регулирования. Сравнительный анализ древнейших памятников права различных народов. Судебник армянского юриста Михитара Гоша. Отражение в нем реалий обычного права. Германский судебник «Саксонское зеркало», составленный юристом Эйке фон Репкговым в XIII в. Образ жизни, способ ведения хозяйства и бытовое поведение по вещевым реалиям судебныхников.

Законодательные памятники Новгородской и Псковской земли в XIV–XV вв. Псковская судная грамота. Вопрос о времени ее составления, ее источниках. Области правового регулирования в ней. Споры о земле и имуществе, о воде и лесных угодьях. Регулирование отношений торговли. Имущество в правовых нормах наследования, в ситуациях уголовного и семейного права. Вещевые реалии судебного поединка.

Законодательные памятники Московского государства XV–XVII вв. Судебник Ивана III 1497 г. Основные публикации источника. Судебник Ивана IV 1550 г. Соборное Уложение 1649 г. Их публикации и приемы изучения. Источники правовых норм этих судебных. Отражение в них системы управления централизованного государства. Сферы правового регулирования. Земельные споры и межевые знаки. Материальные реалии крестьянского перехода и крестьянского закрепощения. Суды о вотчинных землях. Потрава хлебов, снос межевых знаков. Нормы торгового права. Покупка и мена лошадей, другие реалии образа жизни и хозяйствования.

Законодательство XVIII в. как исторический источник. Основные публикации: «Полное собрание законов Российской империи». «Памятники русского права», «Российское законодательство X–XX вв.». Преимущества и недостатки этих изданий.

Важнейшие законодательные акты XVIII в. Военные и морские уставы. Генеральный регламент. Табель о рангах. Духовный регламент. Устав Главного магистрата. Учреждение о губерниях. Жалованные грамоты дворянству и городам. Специфика областей правового регулирования и вещевых реалий в них.

Сферы правового регулирования в законодательстве XVIII в. Регулирование управления, землевладения, торговых отношений, промышленности и городского строительства. Предметы торговли, ввоза и вывоза, законодательство о вывозе хлеба за границу, о винокурении. Образ жизни, способ ведения хозяйства и поведение по вещевым реалиям законодательства.

Наказы в Уложенную комиссию 1767–1768 гг. Основные публикации наказов. Предметные реалии в наказах дворянства, городов, крестьян. Особенности образа жизни, хозяйства, занятий и поведения людей по наказам. Наказы, касающиеся земли,

полевых и лесных угодий, транспорта и дорог, состояния городского хозяйства. Региональные, сословные, национально-конфессиональные реалии в наказах.

Генеральное межевание и его документация. Экономические примечания к Генеральному межеванию как исторический источник, их предметные данные.

4.2. Летописи

Летописи как особый вид исторических повествований. Приемы изучения летописей, летописных сводов в отечественной и зарубежной исторической науке. Основные публикации русских летописей. «Полное собрание русских летописей», особенности этого издания.

Труды А. А. Шахматова, М. Д. Приселкова, М. Н. Тихомирова, Л. В. Черепнина, Д. С. Лихачева о летописях как историческом источнике.

«Повесть временных лет», ее редакции и списки. Летописные своды XII–XIII вв. Владимиро-Суздальское, Галицко-Волынское, Новгородское летописание. Московские летописи XVI в. Общерусские своды – Воскресенская и Никоновская летописи. Пискаревский летописец и отражение в нем устных свидетельств и воспоминаний. Казанский летописец (История о Казанском царстве). Произведения летописного характера в XVII в.

«Повесть временных лет» и ее источники. Значение этого вопроса для датировки данных и сведений о вещевых реалиях. Легендарный характер сведений о первых древнерусских князьях. Данные о походах на Византию, вооружении воинов, снаряжении кораблей. Корабли, поставленные на колеса. Одежда и образ жизни древнерусского князя по данным летописи. Описания языческих идолов в капищах. Описания предметов эпохи крещения Руси. Упоминания культовых предметов этого времени. Описания церквей и монастырей, их внешнего вида, внутреннего убранства, одеяний и пищи монахов. Впечатления людей Древней Руси о византийских храмах и церковной службе. Предметы торговли, вооружение, предметы роскоши и быта. Культура вещей восточного происхождения в «Повести вре-

менных лет». Вопрос об авторстве летописей, обстоятельствах и времени их создания, источниках. Необходимость учета этих сведений для датировки упоминаемых вещевых реалий.

Данные археологии Древней Руси о ее ремесле и материальной культуре в целом. Возможности сопоставления данных археологии и письменных свидетельств.

Миниатюра как особый источник о материальной культуре Древней Руси. Исследования А. В. Арциховского. Миниатюры Радзивилловской летописи. Крупнейший иллюстрированный памятник XVI в. – Лицевой свод. Условность изображений, использование древних образцов, символика величия абсолютистского государства. Интерпретация изобразительных источников. Отражение реальных черт жизни в миниатюрах Лицевого свода. Образцы оружия, городские укрепления, сцены из политической жизни, изображения деятельности ремесленников. Миниатюры Царственной книги. Изображения, относящиеся к истории городского восстания 1547 г., их интерпретация. Трактровка миниатюр Царственной книги С. О. Шмидтом.

Древнегрузинские исторические сочинения как исторический источник. Летопись обращения Картли (XI в.). Сочинение грузинского историка XI в. Вахтанга Горгасали «Жизнь царицы Тамар». Грузинские хроники XVIII в. Переводы и исследования этих источников. Образ жизни, предметы быта, строения и транспортные средства. Вооружение воинов. Сокровища и предметы роскоши. Восприятие в этих памятниках природы и окружающей среды.

4.3. Произведения поучительной литературы и публицистики

Почительные произведения как источник сведений об образе жизни и поведении людей эпохи. «Почтение» князя Владимира Мономаха. Состав этого произведения, приемы его изучения. Реалии образа жизни и деятельности идеального князя. Данные о военных походах, княжеские занятия и заботы, охота и ее описания. Реалии, отражающие идеал взаимоотношений князя и населения, князя и дружины, примеры поведения людей разного возраста и социального положения.

Домострой XVI в. Вопрос о его авторстве, редакциях и списках. Его публикации. Отношение к окружающим людям, соседям, слугам, семье. Сведения о домашнем укладе, ведении домашнего хозяйства, одежде, продовольственных припасах. Пища обычная, постная, праздничная, пища господ и слуг, состоятельного и бедного городского жителя. Вина и другие напитки, их хранение. Вещевые реалии, отражающие характер деятельности главы дома, его супруги, детей и слуг.

Переписка Ивана Грозного и князя Андрея Курбского как исторический источник. Проблемы происхождения, редакции и списки, основные публикации. Образ жизни придворной элиты и боярства, вещевые реалии материальной культуры, система духовных и материальных ценностей данной среды и эпохи. Сопоставление переписки с другими произведениями Ивана Грозного и «Историей о великом князе Московском» Курбского.

Записки и публицистические произведения как исторический источник. Отражение в них умонастроений, образа жизни и поведения представителей определенной эпохи, социального слоя, политических, мировоззренческих, нравственных норм. Целевое назначение публицистики и специфика отражения в ней образов материального мира. Вещевые реалии в контексте публицистического произведения и его предполагаемого читателя.

Сочинение Г. К. Котошихина о России в царствование Алексея Михайловича. Обстоятельства создания этого сочинения и личность автора. Описание государственного управления и учреждений XVII в., деталей образа жизни боярства, царской фамилии, средних слоев городского населения, быта столичного люда. Назначение сочинения, обусловившее детальность и достоверность сведений. Ценность разъяснений и комментариев Котошихина, адресованных иностранным читателям его сочинения. Точность и обилие деталей, обусловленные знанием российского управления и образа жизни различных слоев общества. Критическая направленность описаний российских обрядов и обычаев. Вещевые реалии, связанные с положением женщины в высших и средних слоях общества. Описание сва-

дебного обряда и его вещественной стороны. Материальные предметы, использовавшиеся в дипломатическом протоколе, отношения с западными и восточными владельцами.

«Житие протопопа Аввакума». История создания этого произведения, цель и связь его с другими текстами автора. Поучительный смысл «Жития протопопа Аввакума». Приемы изучения. Основные публикации «Жития» и других сочинений Аввакума. Детали образа жизни и быта столичного боярства и духовенства, провинции, описание мест заключения Аввакума и его сторонников в Пустозерске. Сибирь и Забайкалье в его «Житии». Даурия и ее природа, флора и фауна, черты жизни местных жителей, транспорт и способы передвижения. Влияние поучительного характера «Жития» на отбор фактов, вещественных деталей. Природа и окружающий мир в свете представлений автора. Сопоставление «Жития» и переписки Аввакума с боярыней Ф. П. Морозовой и со своей семьей.

Письма как источник изучения образа мысли и быта эпохи. Письма царя Алексея Михайловича, патриарха Никона, Ф. П. Морозовой и кн. Урусовой.

4.4. Таможенные книги

Состав и структура таможенных книг XVII в. Цель их создания. Публикация «Таможенных книг Московского государства» и состав источников в ней. Освещение в них таможенных порядков в различных регионах страны. Предметы торговли, торговые связи и торговые пути России XVII в. Рынок Устюга Великого в XVII в. Данные таможенных книг по Москве, Устюгу Великому, Соли Вычегодской, Тотьме, Тихвину, Смоленску, Пскову, Касимову и другим городам. Данные о привозных товарах. Товары из «аглицкой земли», «галанской земли», «анбургской земли». Движение товаров внутреннего рынка. Хлеб, зерно и мука, крупы, москательные товары, галантерея, ткани, деревянная посуда, сало, рыба. Транспорт и транспортные средства – суда, плоты, телеги и сани. Профессии и занятия, связанные с торговлей и рынком. Носники, кормщики, ярыжные, проводники. Цены на товары и услуги. Склады и хранение товаров. Реалии таможенных досмотров. Утаенные товары по

таможенным книгам. Денежные сборы и их значение как исторического источника. Банные сборы, свадебные деньги, «годовое», «пожилое» и другие налоги, поборы и выплаты. Меры измерения продукции и товаров. Меры измерения сыпучих тел. Местные меры и их специфика.

4.5. Акты

Акты как юридические документы, фиксирующие заключение договора. Акты государственно-правового и частно-правового содержания. Международные договоры. Исследования актов в отечественной и зарубежной науке. Приемы изучения актов. Акты в исследованиях А. С. Лаппо-Данилевского, А. И. Андреева, Л. В. Черепнина, А. А. Зимина, С. М. Каптанова. Дипломатика как историческая дисциплина, изучающая акты.

Публикации актов. «Грамоты Великого Новгорода и Пскова». «Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв.». «Акты феодального землевладения и хозяйства». Видовой состав и тематика актов, опубликованных в этих изданиях. Научно-справочный аппарат изданий. Значение актов как источников по истории международных отношений, истории землевладения и хозяйства, торговли. Акты как источник о правовом положении различных слоев населения.

Договоры Руси с Византией X в. как источники о состоянии древнего международного права. Договоры 911, 944 и 971 гг. в составе «Повести временных лет». Правовые нормы посылки кораблей с купцами и послами, их материального обеспечения и условий пребывания в Византии. Ограничения покупки драгоценных тканей, других товаров. Вещевые реалии договоров. Вещевые эквиваленты денежных штрафов. Нормы, регулирующие защиту товаров при их провозе, в том числе по водным путям.

Договоры Новгорода и Пскова XIV–XV вв. со Швецией, Ригой, Готландом, немецкими городами. Договоры Новгорода с великими московскими, тверскими и литовскими князьями. Вещевые реалии этих договоров. Условия средневековой торговли, товары и вещевые эквиваленты денежных отношений.

Правовая защита проезда купцов по водным и сухопутным путям. Вещевые реалии защиты чести и достоинства личности.

Договорные и духовные грамоты великих и удельных князей XIV–XV вв. Духовные грамоты Ивана Калиты, Дмитрия Ивановича Донского, великого князя Василия Дмитриевича, Василия Темного, Ивана III и Ивана IV. Указания движимого и недвижимого имущества в этих источниках. Золотые доспехи, золотая шапка, золотые цепи и сабли, золотые и серебряные сосуды, драгоценная одежда. Сведения об имуществе удельных князей – серпуховского князя Владимира Андреевича и других. Данные об обмене товарами между Востоком и Западом. Цареградские стаканы, блюда из Персии, фряжские изделия и указания на другие драгоценные изделия и их происхождение, содержащиеся в духовных грамотах. Сведения о территории Московского княжества, волостях и селах, по истории г. Москвы и других городов, содержащиеся в этих источниках.

Акты как источник по истории феодального землевладения, землепользования, хозяйства и рыночных отношений. Духовные грамоты и их материальные реалии. Указания на засеянные поля, драгоценные изделия, продукцию местных ремесел, оружие, предметы быта. Правые грамоты как источник сведений о сельскохозяйственном производстве и сельском образе жизни. Таможенные грамоты и их данные о торговых порядках. Белозерская уставная грамота 1488 г. как источник о рыночной торговле, товарах и пошлинах с товаров. Мясные продукты, мед, соль и др. Торговые эквиваленты при замене одних товаров на другие.

Уставная грамота митрополита Киприана Царево-Константиновскому монастырю 1391 г. и ее данные о крестьянских занятиях и повинностях. Жалованные грамоты духовным и светским лицам и отражение в них образа жизни, феодальных правовых отношений и форм зависимости. Материальные реалии как отражение этих социальных явлений.

Конкретность, достоверность, точность указаний на время и место фиксации событий, другие особенности актов как источников по изучаемой проблеме.

4.6. Записки иностранцев XVI–XVIII вв.

Записки путешественников как исторический источник. Приемы их изучения в отечественной и зарубежной науке. В. О. Ключевский и его «Сказания иностранцев о Московском государстве». Мнение ученого о значении записок иностранцев при изучении ранних эпох истории народа. Отражение в записках будничной жизни, повседневных явлений, которые не фиксировались современниками, привыкшими к ним. Значение записок для изучения природы страны, ее внешнего вида и климата, почв и природных ресурсов, а также облика городов, деталей образа жизни населения, предметов торговли и промыслов, садоводства и огородничества.

«Записки о Московии» С. Герберштейна. Миссия автора записок и ее влияние на характер наблюдений. Отбор объектов наблюдений и материальных реалий. Письменные, устные, картографические и другие источники, используемые им в записках. Записки как историко-географический источник. Природа страны, населенные пункты и расстояния между ними, данные о путях сообщения и транспортных средствах. Данные о населении, о военном могуществе страны, ее войске и вооружении. Описания природных ресурсов и предметов внутренней и внешней торговли. Данные о сибирских мехах, их видах и их ценности как товаров. Образ жизни придворной знати, средних городских слоев, сельских жителей. Одежда, внешний вид палат и домов, их внутреннее убранство, предметы быта. Орудия труда, орудия и продукты ремесла. Описание быта и занятий различных народов, населяющих страну. Легендарное описание Обдорской Золотой богини. Записки Герберштейна как наиболее полное описание страны, получившее широкую известность на Западе. Влияние записок на последующие сочинения западно-европейских путешественников о России.

Записки англичан о России XVI в. Обстоятельства появления в России английских купцов. Записки Р. Ченслера, А. Дженкинсона, Дж. Флетчера, Дж. Горсея. Исследования этих записок в отечественной науке. Труд С. М. Середонина. Основные публикации записок. Описания столицы и других городов

в записках английских дипломатов и купцов. Сведения о географических реалиях по пути следования из устья Северной Двины в Москву. А. Дженкинсом и данные его путешествий по Северной Двине и Сухоне до Вологды и Москвы. Значение данных Дженкинсона для истории Средней Азии.

Сочинение Дж. Горсея. Описания царской сокровищницы Ивана Грозного, обстановки коронационных торжеств Федора Иоанновича, характеристики предметов русско-английской торговли. Воск, сало, ворвань, лен, пенька, рыба, меха в оценках и эквивалентах. Образ жизни различных слоев общества в восприятии английских авторов. Сведения о различных регионах страны и населяющих их народах. Дж. Флетчер и его сочинение «О государстве русском». Данные о военном могуществе страны, системе управления, сословных учреждениях и положении различных слоев общества.

А. Олеарий и его «Описание путешествия в Московию». Источники его сведений. Характеристика городов Московского государства, торговли, путей через Казань, Астрахань, Дербент, Баку. Записки А. Мейсрберга как источник сведений о дворе царя Алексея Михайловича, городах, их населении и архитектуре. Его рисунки архитектурных сооружений, предметов быта, одежды жителей, принадлежавших к различным слоям общества.

«Краткое известие о Московии» И. Массы. Описания московской повседневной жизни начала XVII в., торжеств и уличных шествий времени правления Алексея Михайловича. Профессионализм И. Массы в описании тканей и одежды знати, войска и рядовых граждан.

Записки Я. Стрейса о его пребывании в Астрахани в период восстания С. Т. Разина. Данные о внешности Разина, его поведении в среде казачества. Подробности пребывания в Закавказье, в странах Востока. Жанр приключенческой повести и влияние этого жанра на достоверность записок Я. Стрейса.

Записки иностранцев о России XVIII в. Сочинение А. Перри «Состояние России при нынешнем царе», записки дипломата Юста Юля. Данные об образе жизни, занятиях и быте русских людей в различных регионах страны и различных слоях общества. Петр I и Екатерина; ближайшее окружение Петра I.

Подробность и конкретность записей Юста Юля о внешней стороне жизни в Петербурге и особенно при дворе. Описания торжеств коронации Екатерины I в Москве, шествий и празднеств, бытовых условий жизни населения в Петербурге. Записки Страленберга как источник по географии и истории Сибири.

4.7. Публицистика XVIII в.

И. Т. Посошков и его сочинения «Завещание отеческое» и «Книга о скудости и богатстве» как исторические источники, содержащие сведения о жизни крестьянства, купечества, ремесленников и военных. Данные о торговле и торгово-рыночных отношениях. Предметы внешней и внутренней торговли, промыслов и ремесел. Образ жизни чиновника, купца, солдата, ремесленника, духовного лица, крестьянина и его отражение в предметных реалиях, упоминаемых Посошковым. Вопросы природной среды и ее охраны государством в сочинениях Посошкова. Государственно-правовое регулирование образа жизни людей, поведения, пользования богатствами природы в представлениях Посошкова. Поддержка промышленности и торговли как центральная тема его сочинений.

М. М. Щербатов и его сочинения. Политические идеалы Щербатова. Трактат «О повреждении нравов в России». Ценность этого сочинения для изучения образа жизни и бытовых деталей времени Московского государства, эпохи Петра I и Екатерины II. Вещевые реалии в суждениях Щербатова об изменениях нравов высшего дворянства и придворной элиты. Описания предметов повседневного пользования в данной среде – одежды, праздничной и обычной нищ, внутреннего убранства жилищ, способов и средств передвижения, занятий и развлечений. Оценочные суждения автора по этим вопросам, его идеалы и предпочтения.

4.8. Мемуары

Становление жанра мемуаристики в России в конце XVII – начале XVIII вв. Значение мемуаров для изучения образа жизни

ни, поведения, умонастроений общества в XVIII в. Зависимость отбора информации и ее освещения от личности автора мемуаров – его взглядов, характера деятельности, образования, степени осведомленности. Изучение мемуаров как исторического источника в отечественной и зарубежной исторической науке. Основные публикации мемуаров. Записки Екатерины II, Е. Р. Дашковой, А. Т. Болотова, Г. Р. Державина, С. А. Порошина, Н. А. Саблукова, Г. Д. Добрынина, И. В. Лопухина. «Семейная хроника» и «Записки» С. Т. Аксакова. Библиографические указатели опубликованных и неопубликованных мемуаров. Указатель мемуаров отечественной истории под редакцией П. А. Зайончковского.

Записки Екатерины II. История создания и распространения текста записок. Публикации записок за границей и в России. Источники, использованные автором, хронологические рамки описанных в них событий. Цели создания записок и проблема их достоверности. Отбор деталей для подтверждения точки зрения автора. Свидетельства о российском дворе при Елизавете Петровне, рассказы о Петре III – его воспитании, внешнем облике, занятиях и пристрастиях. Конкретность в описании материальных реалий эпохи. Ценность записок для изучения менталитета эпохи. Образ жизни и умонастроения придворной элиты и высшей знати. Петербург и Москва, Петергоф и окрестности, Смольный и Летний дворцы. Путешествия, переезды, транспорт и средства передвижения. Зимний дворец. Театры, театральные постановки, кукольный театр наследника, игры и развлечения, балы и маскарады. Убранство домов знати. Гардероб лиц царствующего дома и придворных, ткани и одежда, драгоценности как предмет роскоши, объекты дарений и споров. Книги и их место в культурной жизни. Сравнительный анализ записок Екатерины II и других документов эпохи как исторических источников.

Записки А. Т. Болотова. История создания записок, личность и биография автора. Общественная жизнь, быт и нравы дворянства, военная служба и провинция в записках Болотова. Детальность и конкретность описания жизненных ситуаций,

обилие вещевых реалий. Ценность записок Болотова как исторического источника. Труды Болотова по вопросам землепользования, лесовладения, агрономии. Его опыт издания журналов «Сельский житель» и «Экономический магазин». Состояние экономики и сельскохозяйственного труда, вопросы севооборота, урожайности, агротехники, образа жизни и деятельности крестьянства, провинциальных помещиков и администрации в этих источниках.

Записки И. В. Лопухина как источник об образе жизни, быте и нравах высшего и среднего чиновничества второй половины XVIII в. Памятные записки А. В. Храповицкого. Особенности записей Храповицкого, цель их создания, достоверность данных о делах и поручениях императрицы. Записи о денежных выдачах и ценных дарах фаворитам. Путешествие по Украине и Крыму. Театральные постановки и реквизит. Памятные дары в дипломатических, культурных, династических и личных отношениях эпохи. Ювелирные изделия и драгоценности в менталитете придворной элиты. Вещевые реалии, отражающие образ жизни и психологический образ императрицы и ее окружения.

Записки Е. Р. Дашковой. Образ жизни, быт и нравы двора Елизаветы, Петра III, Екатерины II и Павла I. Подробности путешествия в Париж, Берлин, Лондон; Шотландия и Ирландия; Рим и Неаполь; памятники истории и искусства Европы, архитектура и музеи. Подробности встреч с Дидро, Вольтером, Каницем, представителями царствующих домов Европы. Академическая деятельность. Русские дороги, российская деревня, образ жизни и быт крестьян и провинциальных помещиков. Рассказ Е. Р. Дашковой о событиях 1762 г. как продолжение и дополнение записок Екатерины II. К. Вильмот и ее «Дополнение к запискам Е. Р. Дашковой». Ее впечатления о стране, путях и средствах передвижения в России, архитектуре и внутреннем убранстве зданий, внешнем облике и одежде, поведении и образе жизни Е. Р. Дашковой, А. Г. Орлова, других представителей различных сословий и состояний русского общества.

4.9. Картографические документы

Картографические документы как исторический источник. Карты иностранных путешественников по России XVI–XVIII вв. Карты С. Герберштейна, А. Вида, А. Дженкинсона, А. Ортелия. Их русские источники. Сводная карта России по данным, полученным С. Герберштейном и А. Дженкинсоном во время путешествия по России. Карты И. Массы. Карта России 1613 г. Изображение внешнего вида, одежды, орудий, предметов быта, сухопутных и морских транспортных средств, животного и растительного мира страны и отдельных ее регионов.

Русские чертежи и их особенности. Книга Большого чертежа как исторический источник. Ее источники и значение. Чертеж Сибири 1667 г. (Годуновский). Карты Сибири С. У. Ремезова. Картографические документы первой экспедиции В. Беринга. Этнографические данные на этих картах. Карты плавания от Архангельска до Оби, северных берегов Сибири, их источники. Карты второй Камчатской экспедиции В. Беринга и А. Чирикова. Карты Камчатки С. Крашенинникова. Карты плаваний российских мореходов к Алеутским островам и берегам Америки XVIII в. Карта путешествий Шелехова.

Изображения и текстовые данные карт. Рисунки, условные знаки, символика изображений. Проблема интерпретации изобразительных данных картографических документов XVI–XVIII вв. Основные публикации картографических источников. Использование картографических документов в работе музеолога.

5. Перспективы системного подхода к изучению вещевых реалий

Приемы и методы изучения вещевых реалий. Особенности их отражения в письменных, изобразительных, картографических и других источниках. Данные о вещевых реалиях эпохи как источник изучения мировоззренческих, правовых, экономических и культурных представлений. Перспективы исследования этих вопросов в музеологии и истории культуры.

Список источников и литературы

ИСТОЧНИКИ

(для самостоятельной работы по выбору)

1. Акты писцового дела: В 3 т. Т. 1. М., 1913; Т. 2. М., 1917; Т. 3. М., 1987.
2. Акты социально-экономической истории Севера России конца XV–XVI вв. Л., 1988. 273 с.
3. Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. М., 1952–1964. Т. 1–3.
4. Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI вв. М., 1951. Ч. 1–3.
5. Атлас географических открытий в Сибири и северо-западной Америке в XVII–XVIII вв. М., 1962. 135 с.
6. *Болотов А. Т.* Жизнь и приключения. СПб., 1871–1875. Ч. I–IV.
7. Боярская книга 1627 г. М., 1986. 264 с.
8. Боярские списки последней четверти XVI–XVII вв. М., 1979. Ч. 1–2.
9. Воссоединение Украины с Россией. М., 1953. Т. 1–3.
10. Временник Ивана Тимофеева. М.; Л., 1951. 512 с.
11. *Герберштейн С.* Записки о Московии. М., 1988. 430 с.
12. *Горсей Дж.* Записки о России XVI – начала XVII вв. М., 1990. 287 с.
13. Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949. 408 с.
14. *Дашкова Е. Р.* Записки. Письма сестер М. и К. Вильмот. М., 1987. 493 с.
15. Документы Ставки Пугачева, повстанческих властей и учреждений. М., 1975. 475 с.
16. Домострой. СПб., 1994. 392 с.
17. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л., 1950. 597 с.
18. *Карпини Дж.* История монголов. *Гильом де Рубрук.* Путешествие в восточные страны. М., 1957. 247 с.
19. *Котошихин Г. К.* О России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1906. 215 с.
20. Московский летописный свод конца XV в. // Полн. собр. русских летописей. М.; Л., 1949. Т. 25.
21. Новгородская первая летопись Старшего и Младшего изводов. М.; Л., 1950. 647 с.

22. Новый летописец // Полн. собр. русских летописей. М., 1965. Т. 14.
23. Памятники литературы древней Руси. М., 1978–1989. Кн. 1–9.
24. Памятники русского права. М., 1952–1963. Вып. 1–3.
25. Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. М., 1979. 431 с.
26. *Пересветов П. С.* Сочинения. М., 1956. 388 с.
27. Письма и бумаги императора Петра Великого. М., 1889–1977. Т. 1–12.
28. Повесть временных лет. М., 1950. Ч. 1. 406 с. Ч. 2. 556 с. Полное собрание русских летописей. М.; Л., 1864–2003. Т. 1–42.
29. Послания Ивана Грозного. М.; Л., 1951. 716 с.
30. Посольские книги по связям России с Грецией (православными иерархами и монастырями). 1588–1594 гг. М., 1980.
31. Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1489–1508 гг. М., 1984.
32. *Посошков И. Т.* Книга о скудости и богатстве. М., 1950. 410 с.
33. Путешествия русских послов XVI–XVII вв.: Статейные списки. М.; Л., 1954. 491 с.
34. Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1987. Т. 1–3.
35. Российское законодательство X–XX вв. М., 1984–1994. Т. 1–9. Россия и США. Становление отношений. 1765–1815. М., 1980. 672 с.
36. Соборное Уложение 1649 года. Л., 1987. 502 с.
37. Старинные гравированные карты и планы XV–XVIII веков / Сост. Н. А. Борисовская. М., 1992. 270 с.
38. Судебники XV–XVI вв. М.; Л., 1952. 615 с.
39. Таможенные книги Московского государства. М., 1950. Т. 1–3. *Татищев В. Н.* Записки. Письма. М., 1990. 492 с.
40. *Щербатов М. М.* О повреждении нравов в России. СПб., 1906. 231 с.

ЛИТЕРАТУРА И УЧЕБНЫЕ ПОСОБИЯ

Обязательная:

1. Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: Учеб. пособие / И. Н. Данилевский, В. В. Кабанов, О. М. Медушевская, М. Ф. Румянцева. М., 2000. 702 с.

Дополнительная:

1. *Андреев А. И.* Очерки по источниковедению Сибири: В 2 т. Т. I. М., 1960; Т. II. М., 1965.
2. *Арциховский А. В.* Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944. 213 с.
3. *Блок М.* Апология истории, или Ремесло историка. М., 1986. 254 с.
4. *Бодрийяр Ж.* Система вещей: пер. с фр. М., 1999. 220 с.
5. *Буганов В. И.* Разрядные книги последней четверти XV–XVII вв. М., 1962. 263 с.
6. *Буслаев Ф. И.* Исторические очерки русской народной словесности и искусства. СПб., 1861. Т. 1–2.
7. *Забелин И. Е.* Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. М., 2000. Т. 1–2.
8. *Забелин И. Е.* История города Москвы. М., 1995 XXVI, 685 с.: ил.
9. Западноевропейские кушцы и их товары в России XVII века. М., 1992. 140 с.
10. *Карсавин А. И.* Философия истории. СПб., 1993. 351 с.
11. *Ключевский В. О.* Сказания иностранцев о Московском государстве. М., 1991. 335 с.
12. *Коллингвуд Р. Дж.* Идея истории. Автобиография: пер. с англ. М., 1980. 485 с.
13. *Лаппо-Данилевский А. С.* Методология истории. СПб., 1910–1913. Вып. I–II.
14. *Леви-Строс К.* Структурная антропология. М., 1985. 536 с.
15. *Лихачев Д. С.* Историческая поэтика русской литературы. СПб., 1997. 508, LXXVI с.: ил.
16. *Петровская И. Ф.* Источниковедение истории русского дореволюционного драматического театра. Л., 1971. 199 с.
17. *Петровская И. Ф.* Источниковедение истории русской музыкальной культуры. Л., 1983. 318 с.
18. *Подобедова О. И.* Миниатюры русских исторических рукописей: К истории лицевого летописания. М., 1965. 334 с.
19. Русский народ, его обряды, обычаи, предания, суеверия и поэзия. М., 1992. 560 с.
20. *Тихомиров М. Н.* Источниковедение истории СССР с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1962. 495 с.
21. *Тихомиров М. Н.* Русская культура X–XVII вв. М., 1968. 445 с.

22. Фуко М. Слова и вещи: Археология гуманитарных наук: пер. с фр. СПб., 1994. 406 с.

23. Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления: пер. с нем. М., 1993. 447 с.

24. Черепнин А. В. Русские феодальные архивы XIV–XVI вв.: В 2 ч. М.; Л., 1948–1951. 4.1–2.

25. Шмидт С. О. Российское государство в середине XVI столетия. М., 1984. 277 с.: ил.

26. Эко У. Отсутствующая структура: Введение в семиологию. М., 1998. 430 с.

27. Янин В. А. Очерки комплексного источниковедения. М., 1977. 240 с.

Тематический план курса

Тема	Количество часов (лекции)
1. Теоретические основы источниковедения вещественных источников	4 часа
2. Предмет, задачи и структура курса	2 часа
3. Методы изучения источников по истории менталитета эпохи	4 часа
4. Законодательные источники	2 часа
5. Летописи	2 часа
6. Произведения поучительной литературы и публицистики	2 часа
7. Таможенные книги. Акты	2 часа
8. Записки иностранцев XVI–XVIII вв.	2 часа
9. Публицистика XVIII в. Мемуары	2 часа
10. Перспективы системного подхода к изучению вещевых реалий	2 часа
Итого:	24 часа

Контрольные вопросы по курсу

1. ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ЕГО МЕТОД

1. Понятие об историческом источнике.
2. Метод источниковедения – источниковедческий анализ и синтез: цель этой работы.
3. Источниковедческое исследование и историческое исследование: различие цели.
4. Источниковедческое исследование: его цель и конечный результат.
5. Основные этапы источниковедческого исследования: смысл каждого этапа по отношению к цели исследования.
6. Исторические условия возникновения источника.
7. Автор источника и его информационные возможности.
8. Обстоятельства создания источника.
9. Текст источника, смысл его изучения.
10. Публикация источника.
11. Интерпретация в источниковедческом анализе. Ее цель.
12. Анализ содержания источника.
13. Достоверность источника и пути ее установления.
14. Достоверность и подлинность: приемы установления.
15. Классификация источников.

2. ВЕЩЕСТВЕННЫЕ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

1. Понятие о вещи.
2. Социальные функции вещи. Приемы их установления в исторических источниках.
3. Вещь как изделие. Первичная функция вещи. Примеры.
4. Вещь как товар. Примеры.
5. Вещь как знак в системе коммуникаций.
6. Вещь как символ. Примеры из источников.
7. Вещь под защитой права. Примеры из источников.
8. Вещь в системе ценностей эпохи. Примеры из источников.

3. ВЕЩИ В ИСТОЧНИКАХ: ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКАЯ ЭВРИСТИКА И ЕЕ ПРИМЕНЕНИЕ

(В каких источниках Вы будете искать информацию по вещественным источникам и их функциям).

1. Сокровищница Ивана Грозного.
2. Коронация Екатерины I.
3. Транспорт и дороги в России.
4. Воин, его снаряжение и образ поведения в России.
5. Женщина и образ ее жизни.
6. Знатная женщина, образ жизни и облик.
7. Еда – постная, праздничная, обычная.
8. Свадебный обряд и его вещевые реалии.
9. Образ жизни знати Московской Руси и Российской империи XVIII в. Сравнительные характеристики вещевых реалий.
10. Чин венчания на царство в Московской Руси.
11. Праздники, карнавалы, балы. Описание вещевых реалий.
12. Занятия женщины в России.
13. Свадьба Дмитрия Самозванца и Марины Мнишек. Вещевые реалии.
14. Товары российские и западные.
15. Дары и обмен дарами в дипломатии России XVII в.
16. Прием послов и вещевые реалии протокола.
17. Ремесла, занятия, природные богатства.
18. Напитки, их употребление и изготовление. Вещевые реалии.
19. Торговля, товары, торговый менталитет. Вещевые реалии.
20. Охота и ее вещевые реалии.

ЕДИНСТВО ЧЕЛОВЕКА В СВЕТЕ ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ МЕТОДОЛОГИИ ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ⁴⁹⁶

1. Современное гуманитарное знание развивается в значительной мере под влиянием семиотической парадигмы. Она в принципе исходит из общего для гуманитарных наук и кибернетики представления о том, что язык (речь) составляет наиболее характерное достижение человека, его специфику⁴⁹⁷. Данный подход выявил в XX в. свои интерпретационные возможности, ярко продемонстрировав эпистемологический парадокс: чем более тонкими становятся интерпретационные модели (исследования феномена «текста», «дискурса», отношения автор – читатель и т. д.), тем дальше гуманитарные науки отодвигаются от качественных критериев, которые от понятия знания в принципе неотделимы (точность, достоверность, открытость путей к синтезу). (Один из примеров – познавательная модель М. Мосса (Дар) и ее последующие интерпретации К. Леви-Стросса и современных антропологов). На наш взгляд, семантическая парадигма имеет внутренние самоограничения, не давая возможности отделить (различить) знак от объекта (Р.Якобсон). Поэтому важно обратить внимание на другие парадигмы, раскрывающие специфику человека.

2. Принципиальное значение имеет источниковедческая парадигма, которая берет за основу понимание единства человека его способность творить интеллектуальный продукт и по-

⁴⁹⁶ Публикуется по изданию: *Медушевская О. М.* Единство человека в свете источниковедческой парадигмы методологии гуманитарного знания// *The Sociobiology of Ritual, and Group Identity: a Homology of Animal and Human Behaviour: Concept of Human and Behaviour Patterns in the Cultures of the East and West: Interdisciplinary Approach: Abstract of Papers Presented at the Annual Meeting of European Sociobiological Society and the Sattelite Meeting.* [Moscow, 31 May – 4 June 1998] / ed. by M. Butovskaya, A. Korotaev, O. Khristoforova; RSUH. – Moscow, 1998. P. 43–44.

⁴⁹⁷ *Винер Н.* Кибернетика и общество. М., 1958.

знавать через него чужую одушевленность⁴⁹⁸. Источник есть продукт человеческой психики и именно он – реальный объект гуманитарного познания (А. С. Лаппо-Данилевский – В. И. Вернадский). Междисциплинарный подход к проблеме человека позволяет преодолеть раздельное изучение биологического, психологического, социального аспектов природы человека. В его интеллектуальном продукте – историческом источнике – обретают материальное выражение все эти аспекты и их реальное творческое единство.

3. Этот подход позволяет очертить единое эпистемологическое пространство достижения достоверного и точного представления о глобальном коэксистенциальном единстве человечества; историческая наука выражает главное в природе человека – его способность к творческому самовыражению и опосредованному общению. Именно здесь мы видим выход из конфликта противоречивых интерпретаций и перспективу современной модели гуманитарного междисциплинарного образования.

⁴⁹⁸ *Медушевская О. М.* Источниковедение: теория, история, метод. М., 1996.

ОЛЬГА МИХАЙЛОВНА МЕДУШЕВСКАЯ КАК ПРОФЕССОР ИСТОРИКО-АРХИВНОГО ИНСТИТУТА⁴⁹⁹

Внезапный уход из жизни Ольги Михайловны Медушевской – утрата невозполнимая. Ольга Михайловна занимала первенствующее место среди ветеранов-преподавателей, выпедших из среды институтского же студенчества. Медушевская была символом научного престижа Историко-архивного института и в России, и за рубежом. Несмотря на возраст, именно она была образцом и научной продуктивности, причем по проблематике, непосредственно относящейся к преподавательской программе ИАИ, и по организованности в работе. Показательно, что заслуженный профессор РГГУ О. М. Медушевская неизменно оставалась ученым секретарем Ученого совета РГГУ, тем самым демонстрировалось и то, что Московский государственный историко-архивный институт с его системой преподавания и научной работы – основа образования первого в России гуманитарного университета.

Теперь уже всем очевидно, что Медушевская создала фундаментальное научно-педагогическое направление в российском источниковедении, в теории познания прошлого. И совершить это смогла, сумев обобщить данные многообразной и многоязычной литературы и опыт личных наблюдений и выводов, накапливавшийся с изучением исторических источников разных типов и видов, и с передачей таких знаний в преподавательской деятельности. Ольга Михайловна – исследователь по призванию и педагог-просветитель по зову души – обладала и даром учительства, и пожизненного благодарного ученичества.

⁴⁹⁹ Публикуется по изданию: *Шмидт С. О.* Ольга Михайловна Медушевская как профессор Историко-Архивного Института // *Когнитивная история: концепция – методы – исследовательские практики: Чтения памяти профессора Ольги Михайловны Медушевской: (ст. и материалы).* – М.: РГГУ, 2011. С. 37–46.

Представления об источниковедении и его методике и об источниковедческой доминанте исторического познания Медушевская успела воплотить в текстах не только статей, но и книг. И это позволяет заинтересованно и с признательностью писать и говорить об Ольге Михайловне и тем, кто не был обогащен личным общением с ней, не ощущал обаяния ее личности.

Можно и должно говорить о вкладе Медушевской в нашу науку и в нашу педагогическую культуру; имеются все основания называть ее имя в ряду самых выдающихся историков последних десятилетий. Однако я, около 60 лет знакомый с Ольгой Михайловной, буду говорить не столько о конечной значимости содеянного ею, сколько о том, каким представлялось значение совершаемого ею на протяжении этого времени, когда мы оба были преподавателями ИАИ (и более 50 лет на одной кафедре). Мог наблюдать как давний сотрудник Академии наук восприятие ее личности, ее сочинений и в академических кругах, в среде сотрудников архивных учреждений, и на научных форумах многообразной гуманитарной тематики, и при чтении статей Медушевской (а некоторые из них выходили в изданиях, где был редактором). Тем более что мне не довелось (из-за болезни) сказать слово об Ольге Михайловне в день прощания с ней.

О. М. в творческой деятельности и в поведении оставалась верна традициям своей юности 1940-х годов. Быть может, это помогло ей сохранять и молодой строй души, и молодость внешнего облика? А также не уделять время и внимание обсуждению суеты каждодневности взаимоотношений своих коллег?! В конце 1940-х годов в традиции кафедры вспомогательных исторических дисциплин ИАИ (а также кафедр отечественной истории – тогда она называлась кафедрой истории СССР – и всеобщей истории) были тесные взаимосвязи с академическими учреждениями; многие преподаватели были сотрудниками Академии наук. У старейших по возрасту и стажу преподавательской работы масштабность эрудиции, допускавшая исследования многообразной тематики, совмещалась с мастерством методики внушения знаний. Для них обучение студентов представлялось и

воспитанием: уча они воспитывали; а аспирантов готовили, руководствуясь едва ли не правилами времени существования цехов, когда только изготовление подмастерьем шедевра своего ремесла давало ему право считаться мастером.

Мне довелось начать служение Историко-архивному институту в феврале 1949 г., когда кафедрой руководил профессор Александр Игнатьевич Андреев, и заседания этой кафедры, проходившие в знаменитом Теремке (в то время, помимо практических занятий палеографией, я читал общий лекционный курс отечественной истории XVIII в. первокурсникам по программе кафедры истории СССР), стали школой вхождения в атмосферу МГИАИ. На кафедре царил атмосфера и заинтересованности научной проблематикой и методическим аспектом преподавания, и приятной живости отношений, даже какой-то домашности. Главным был А. И. Андреев, но заинтересованно высказывались и оживленно спорили и профессора В. К. Яцунский, тогда еще молодой и очень подвижный Л. В. Черепнин, увлеченно входивший в сферу преподавания А. А. Зимин. К творческому соучастию в деятельности кафедры заведующий старался приобщить и аспиранток Олечку (О. М. Медушевскую), Лёлечку (Е. И. Каменцеву), Ирочку (И. А. Миронову), как их величали в кафедральном разговорном обиходе. (Подробности о кафедре того времени – в трудах Л. Н. Простоволосовой и А. Л. Станиславского о ее истории.) Теперь понимаю, что многое в стиле работы кафедры – из воспринятого от времени, когда научная жизнь и старших, и младших поколений ученых сосредоточивалась еще не в учреждениях Академии наук, а на вузовских кафедрах.

Такая обстановка мне казалась тогда особо привлекательной и тем, что напоминала исторический факультет МГУ моих студенческих лет и первых аспирантских месяцев, обиход отделения периода феодализма моей кафедры истории СССР и соседней кафедры истории Средних веков, на что вовсе не похоже было то, что происходило на истфаке 1948 – начала 1949 г. в период так называемой антикосмополитической кампании (о чем в моей статье «Судьба историка Н. А. Рубинштейна» в «Археографическом ежегоднике» за 1998 год).

Это способствовало и формированию представлений о достойных формах взаимодействия профессоров, по-настоящему озабоченных будущим своей науки, уровнем подготовки аспирантов. Случилось так, что у Медушевской оказалось по существу два научных руководителя. Она начинала работу над диссертацией под руководством А. И. Андреева и по близкой его личным исследовательским интересам тематике. Но после того как он был отстранен от работы в МГИАИ, научным руководителем аспирантки утвердили В. К. Яцунского. Яцунский, дав согласие на это, тактично советовался с Андреевым и не только не препятствовал обращениям к нему Ольги Михайловны, но и полагал естественным продолжение консультирования с прежним руководителем диссертации.

Особенно приятной и побуждающей к творчеству такая обстановка на возглавляемой Андреевым кафедре вспоминалась позднее – после того как действия кафедральных же преподавателей (точнее – преподавательниц) стали поводом для ухудшения микроклимата и на кафедре, и в МГИАИ в целом – имею в виду письмо-донос в вышестоящие инстанции Е. Н. Даниловой 1949 г., приведшее к уходу из МГИАИ профессоров А. И. Андреева и Л. В. Черепнина, и попыткам выявить «буржуазный космополитизм» у В. К. Яцунского, и организованную А. Т. Николаевой публикацию письма в редакцию газеты «Культура и жизнь» (ее в широком кругу называли «братской могилой») ее мужа Якобсона, попытавшегося дискредитировать руководителя МГИАИ А. С. Рослову. Тогда на защиту ее чести выступили как соавторы по учебному пособию по русской историографии (и я в их числе), так и академики Н. М. Дружинин и М. Н. Тихомиров. Ольга Михайловна в тех ситуациях держалась достойно.

В дальнейшем, все в большей мере признаваемая влиятельным преподавателем и ученым, Медушевская проявляла неизменную заботу о сохранении доброго микроклимата своей кафедры, а в годы властвования в МГИАИ С. И. Мурашова и его приближенных, когда, казалось бы, характерным стал сервизм, кафедра вспомогательных исторических дисциплин, возглавляемая Е. А. Луцким, сумела сохранить вызывающую

уважение независимость и при этом по-прежнему высокий уровень научно-преподавательской деятельности во многом и потому, что Луцкий мог опираться на Медушевскую и Ирину Александровну Миронову. Ольга Михайловна была человеком очень воспитанным, неконфликтным, обязательным (ее поведение становилось эталонным для других членов кафедры) и в то же время не склонным к административно-организационной деятельности, и потому она упорно отказывалась стать заведующей кафедрой.

Медушевская ранее других преподавателей МГИАИ, да, пожалуй, и преподавателей других московских вузов, заинтересовалась историографией теоретического источниковедения, вычленив его элементы и в советской литературе, на официальном уровне долго избегавшей такой проблематики. Затем обратила внимание на подобную проблематику в трудах ученых социалистических государств Европы, в большей мере соприкасавшихся в ту пору с научной мыслью мира капитализма. А потом позволила себе перейти в плане «критики», изначально не во всем негативной, к рассмотрению трудов, выходявших в Западной Европе и Америке. Характеристика тенденций развития теоретической мысли зарубежных авторов, не придерживавшихся марксистских взглядов, была, как верно замечено в проникновенной статье И. Л. Беленького «Путь научного поиска» (напечатанной к юбилею Ольги Михайловны в «Археографическом ежегоднике» за 1992 год), «информационно-просветительской» установкой, выраженной в условиях того времени, «разумеется, неясно». Но и это многое значило для склонных к самостоятельным раздумьям, обогащало их научный инструментарий и утвердило особое уважительное отношение к деятельности Медушевской в кругу ученых-гуманитариев, ощущавших необходимость освобождения от оков политико-идеологической регламентации.

Тогда еще не наступила возможность без ярлыковых помет знакомить с конструкциями общественного развития, иными, чем марксистско-ленинские, но уже понимали, что если ученые нашей страны желают занимать достойное место в мировой гу-

манитарной науке, то необходимо и в этих областях знания, подобно тому как принято в естественных, математических, технических науках, творчески осваивать новейшие достижения мыслительной культуры стран капитализма. С созданием сектора методологии истории в Институте истории Академии наук попытались включить такое ознакомление с новейшей исторической мыслью (с историологией) зарубежья в программу работы возглавляемой мною группы теоретического источниковедения. Источниковедение признавалось предметом вузовского преподавания; академик М. Н. Тихомиров организовал в МГУ кафедру такого наименования. Утверждая наличие в нем разных уровней и сфер знания – конкретного источниковедения и теоретического источниковедения, можно было, казалось бы, заняться и более широкой, но явно смежной с теоретическим источниковедением проблематикой теории исторического познания. На заседаниях, организуемых группой, обсуждались подобные доклады, а в изданном в 1969 г. сборнике «Источниковедение. Теоретические и методические проблемы», где была статья Медушевой «Теоретические проблемы источниковедения в советской историографии 20-х – начала 30-х годов», помещены статьи В. С. Библера и А. Я. Гуревича об историческом факте, историковедческом аспекте социальной психологии. Однако после положительных рецензий в советской и зарубежной прессе в 1969–1971 гг. книга, по наущению Отдела науки ЦК КПСС, получила в 1972 г. рецензию в журнале «Вопросы истории» (в № 1), где негативно оценивались статьи авторов с нерусскими фамилиями за некритическое отношение к научному наследию и современным трудам ученых, не придерживавшихся навязываемым партийным руководством догматических взглядов; и подготовленный к печати второй выпуск издания (тоже с участием Ольги Михайловны) не допустили к сдаче в производство; таким образом, задумка иметь продолжающееся издание сборников статей по теоретическим и методическим проблемам источниковедения не могла быть тогда реализована.

Несмотря на сложившуюся ситуацию, Ольга Михайловна продолжала выявлять относящиеся к теории исторического познания и методологии истории в трудах, которые принято было

рассматривать лишь в аспекте развития методики источниковедческой практики, и подходить к сочинениям российских авторов в контексте развития мировой исторической и философской мысли. Мало кто из преподавателей МГИАИ так расширял из года в год проблематику личных научных исследований и с подобной полнотой знакомился с современной мировой литературой, отражавшей новейшие тенденции развития научного знания.

Медушевская стремилась многое почерпнуть из смежных отраслей знания, с интересом посещала научные заседания и в учреждениях Академии наук (именно она и А. Д. Степанский из преподавателей МГИАИ были постоянными посетителями заседаний Археографической комиссии), и в учреждениях архивного ведомства, и других. И именно Ольгу Михайловну старались «заполучить» докладчиком на организуемых этими учреждениями научных конференциях и заседаниях; так, в книгах «Археографического ежегодника» (где, как правило, публикуются доклады, сделанные на заседаниях Археографической комиссии) напечатаны ее статьи «Методология истории А. С. Лаппо-Данилевского и современное гуманитарное сознание» (доклад на конференции 1994 г. памяти А. С. Лаппо-Данилевского) и «Источниковедческая проблематика “Русской историографии” Н. Л. Рубинштейна» (доклад на конференции к 100-летию со дня рождения ученого).

Труды Медушевской обогащали и наши знания о научном наследии, об особенно актуальном в нем в наши дни, и представления о современных возможностях творчества источниковедов, о предназначении источниковедения. Ольга Михайловна стремилась к тому, чтобы эти новаторские подходы стали доступны и учащимся, приобщающимся к работе историка, и уже работающим историкам-архивистам – недаром она охотно выступала на конференциях, организуемых ВНИИДАД.

При обсуждении диссертаций на кафедре ВИД Медушевская всегда обращала внимание на методику работы, степень ее новизны в историографическом и архивоведческом планах и, конечно же, проникновения в текст ее теоретической пробле-

матики. Ей хотелось, чтобы теоретические рассуждения были бы не обязательным привеском к тексту исследования, а определяли ход и стилистику изложения и при этом соответствовали бы индивидуальным особенностям мышления диссертанта. Ольга Михайловна не жалела сил, знакомя его со своими сообщениями и подсказками.

Важно отметить как пример самоотверженности педагога по призванию собеседования Медушевой с аспирантами накануне сдачи ими кандидатского минимума. Она старалась довести до их сознания новое в источниковедении как теории познания истории, исходя прежде всего из типологии и особенностей изучаемых именно ими источников. И не жалела времени на разъяснения, учитывая и индивидуальные черты аспиранта, степень его одаренности, уровень эрудиции. Для аспирантов (во всяком случае, для тех, кто был причастен к деятельности кружка источниковедения) это было уроком воспитанности и уважительного отношения маститого ученого к молодежи. Ольга Михайловна и сама не раз посещала заседания кружка (а они проходили только в вечерние часы), рекомендовала посещать их своим дипломникам и аспирантам и непременно присутствовала, когда они выступали там докладчиками. Ее подчас удивляло и огорчало то, что представлявшееся ей само собой разумеющимся с трудом усваивалось, но она была терпелива, осознавая, что усвоенное знание – это не запоминание, а понимание. И, как человек душевный, не забывала о том, что оценки на экзаменах отражаются на решении о стипендии и старательных студентов должно поддерживать, имея в виду и различие природных данных.

У Медушевой, профессора с многолетним стажем и автора стольких трудов методической направленности, конечно, образовалась научная школа; ее аспиранты гордятся тем, что прошли школу обучения-воспитания у такого внимательного к молодежи и щедрого на помощь педагога. Но показательно, что «школа» эта в большей мере не в сфере теоретического источниковедения. Ольга Михайловна понимала, что призвание к самостоятельной работе именно в такой области научного знания – удел немногих, и даже самые выдающиеся исследователи

и знатоки источников могли оставаться чуждыми специальному интересу к подобной проблематике (если ограничиться именами профессоров МГИАИ, то это М. Н. Тихомиров и П. П. Смирнов, Н. В. Устюгов и И. А. Маяковский, А. В. Чернов и Н. П. Ерощкин и другие). И самые глубокие творцы нового в исторической науке, как опытные педагоги, учитывали разницу в возможностях восприятия нового знания, новых методических рекомендаций людьми разной подготовки, разной направленности интересов. Показателен в этом отношении подход академика А. С. Лапшо-Данилевского, для возвращения имени которого как классика исторической мысли в нашу современную науку так много сделала Ольга Михайловна: как разнится стиль изложения и словарь в рассчитанном на практиков архивной работы и ищущих фактологический материал в исторических источниках лекционном курсе по дипломатике частных актов и в предназначенной для склонных к теоретизированию «Методологии истории».

Правда, с недавнего времени и сама Ольга Михайловна, увлеченная перспективами научного видения «многообразия и широты междисциплинарных контактов источниковедения», иногда отступала от выработанных правил ориентации на привычные для студенческой аудитории знания и возможности. (Мне приходилось уже говорить и писать о методических перекосах в подготовленном кафедрой учебном пособии 1998 г. «Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории», новаторском по замыслу и существенно обогащающим теоретический кругозор не только учащихся, но и учащихся.) Быть может, это происходило не без воздействия кафедральной молодежи с ее – если пользоваться выражением Пушкина – «слепым пристрастием к новизне» и невнятицей принципов отбора цитат из новой переводной литературы?

Медушевская была, по существу, уникальна, а потому и недосягаема. В какой-то мере к ее уровню мыслителя и человека из преподавателей кафедры, основной работой которых является служба в РГУ, приближался лишь профессор В. А. Муравьев – и талантом, и широтой образованности, и доброжелательным отношением к студентам, заинтересованностью в судьбе не

только приближенных учеников. Но он был занят по преимуществу разработкой проблем историографии и исторической географии.

Ольга Михайловна искренне радовалась достижениям других, особенно молодежи, помогала советом, если была в том необходимость, письменным отзывом-рекомендацией. Ее натуре естественно присуще было совмещение ума и сердечной доброты, и уж безусловно – толерантность в подходе и к жизненным явлениям, и к научным суждениям. Именно она, более других углубившаяся в изучение современных проблем науки, сохраняла привлекательные черты несколько уже старомодной интеллигентности.

Знаменитый историк академик С. Ф. Платонов в воспоминаниях и автобиографии 1920-х годов не раз обращался к характеристике своих профессоров по Петербургскому университету рубежа 1870 – начала 1880-х годов. Главным для него в оценке, исходя уже из многодесятилетнего опыта и своего творчества ученого и педагога и наблюдений над коллегами и их учениками, оставалось совмещение ценностей нравственного порядка и воспитывающих элементов в сфере научно-культурологической, к которой относятся научная новизна лекций, методика передачи знаний и возможности восприятия их учащимися, представления о взаимоотношениях и уровне взаимопонимания учащего и учащихся. Показателен заключительный абзац его статьи памяти филолога и историка академика А. А. Шахматова, отличавшегося, по словам Платонова, «в жизни моральной строгостью»: «Он с теми же высокими нравственными свойствами трудился и на ученом поприще – и здесь не только уча, но и воспитывая». Позднее с такими высокими критериями редко уже подходили к оценке профессоров. Но, напоминая о деятельности Ольги Михайловны, допустимо и в наше время воспользоваться такими образцами определений: профессор Ольга Михайловна Медушевская была из тех немногих преподавателей высшей школы, к которым испытывали и глубокое уважение за ученость, и глубокую душевную признательность за доброжелательно заинтересованное отношение к учащейся молодежи.

О. М. МЕДУШЕВСКАЯ И ГУМАНИТАРНОЕ АРХИВОВЕДЕНИЕ⁵⁰⁰

Каждое выступление Ольги Михайловны Медушевой на научных форумах различного уровня, каждая ее публикация неизменно встречали огромный интерес у специалистов в самых разных сферах гуманитарного знания. И дело было даже не только в том, что ее работы представляли собой образец системного мышления, глубокой эрудиции, новизны в постановке проблем и безукоризненных по своей логической обоснованности предложений по их решению.

Мне бы хотелось отметить уникальную способность Ольги Михайловны создавать атмосферу сплоченности в любой аудитории, побуждать коллег к коллективному творчеству. В этом проявлялось присущее ей интеллектуальное благородство, умение доброжелательно слушать и слышать чужое мнение, отсутствие заранее предопределенной установки на фракционный или личностный антагонизм. Профессиональное стремление к компаративизму при работе на междисциплинарном стыке многих наук определяло объективную необходимость учитывать все многообразие подходов, чтобы проверить полученные результаты перекрестными сравнениями. Дело было в убеждении, что построение прочного здания строгой науки – это коллективное предприятие и более чем в одном измерении. Естественно, что в интеллектуальной сфере, как и в любом другом виде человеческой деятельности, не могут быть обеспечены динамика и творческий характер мысли без внутреннего конфликта, но здесь, как нигде, важны нравственные нюансы. Именно в процессе достижения нового научного знания истинный ученый должен уметь сосредоточиться на согласовании теоретиче-

⁵⁰⁰ Публикуется по изданию: *Хорхордина Т. И.* О. М. Медушевская и гуманитарное архивоведение // Когнитивная история: концепция – методы – исследовательские практики: Чтения памяти профессора Ольги Михайловны Медушевой: (ст. и материалы). – М.: РГГУ, 2011. С. 47–53.

ских концепций поверх границ разных исследований. В понятийном аппарате О. М. Медушевской есть трудноопределимый концепт «метаподход». Мне кажется, что в данном случае речь идет именно об этическом аспекте методологии совместной работы, о великодушии и доброжелательности, об умении радоваться достижениям друг друга, в каком бы пространственном или временном поясе мы бы ни находились, поскольку из шагов каждого из нас и складывается мерная поступь человечества. Как говорил Конфуций, путь в тысячу миль начинается с первого шажка в верном направлении. Иного способа продвигаться вперед не дано по определению.

Это качество проявилось и в работах Ольги Михайловны в области теоретического архивоведения, за которыми внимательно следило наше сообщество исследователей и специалистов. Уже в 1992 г. она высказала и обосновала тезис, который развивала до последнего дня своей жизни: «Источниковедение и вспомогательные науки истории изначально едины тем, что предмет их изучения – исторические источники – суть произведения культуры, общечеловеческой во всем многообразии ее проявлений. То есть они гуманитарны в буквальном своем содержании...»⁵⁰¹. И далее: «Возникнув на определенном этапе становления исторической науки, отечественное источниковедение сложилось затем в целостную систему методов исследования произведений культуры – продуктов целенаправленной человеческой деятельности – как источников многоплановой информации о человеке. Этому способствовала опора на архивистику, привлечение к научной, педагогической и практической работе крупнейших историков, филологов, правоведов, искусствоведов... Накопленный научный, педагогический и нравственный опыт должен быть разумно использован в новых условиях, когда обращение к ценностям гуманитарной культуры стало осознанной тенденцией общественного сознания»⁵⁰².

⁵⁰¹ Медушевская О. М. Источниковедение и гуманитарная культура // Отечественные архивы. 1992. № 4. С. 12.

⁵⁰² Там же. С. 19.

Идея об общей гуманитарной основе источниковедения и архивоведения определила суть доклада О. М. Медушевской «Архивный документ, исторический источник – в реальности настоящего», с которым она выступила в декабре 1994 г. на Всероссийской конференции «Архивоведение и источниковедение отечественной истории. Проблемы взаимодействия на современном этапе»⁵⁰³. Отметим, что это была первая из серии последующих конференций с аналогичной повесткой дня, и практически всегда выступления Ольги Михайловны на них были ключевыми. Без излишней патетики и внешнего пафоса она констатировала необходимость по-новому рассмотреть понятия «архивный документ» и «исторический источник», которые, по ее словам, «оказались отодвинутыми на отдаленную периферию внимания общества и государства...». Этот печальный феномен она объяснила тем, что проблемы методологии исследований были сведены к «вспомогательным историческим дисциплинам» и к «прикладной архивистике», которые «разделили общий удел гуманитаристики, культуры», когда в век технологических приоритетов за ними закрепилось представление об их «остаточном, как бы необязательном для серьезного рассмотрения поле деятельности». Далее О. М. Медушевская анализировала два традиционных подхода к оценке архивного документа – «сугубо академический» и «функционально-управленческий» – и делала важное умозаключение: оба эти подходы «не открывают нам тайны документа, источника. А между тем они имеют особую природу, свою самодостаточность... Документы, исторические источники – не только средство познания и инструмент управления. Они – реальность настоящего. Именно в настоящем, здесь и теперь, возникают совершенно неожиданные их взаимодействия с личностью, обществом...»

В итоге скрупулезного анализа состояния архивного дела и академической науки в России с начала XX в. О. М. Медушевская подтверждала свой вывод о том, что «любой фрагмент

⁵⁰³ Медушевская О. М. Архивный документ, исторический источник в реальности настоящего // Архивоведение и источниковедение отечественной истории. Проблемы взаимодействия на современном этапе. М., 1995. С. 27–36.

прошлого, существуя в материальной форме, составляет самодостаточный компонент новой, современной реальности»⁵⁰⁴.

Более того, она опиралась в этом утверждении на главную идею классика отечественной гуманитаристики А. С. Лаппо-Данилевского, научное наследие которого послужило объектом ее многолетних изысканий, и ученых его школы, формулируя ее следующим образом: «Необходимо изучать и понимать архивные документы как самодостаточную, бесценную часть мировой культуры...». Тут же Ольга Михайловна анализирует воплощение этого научного манифеста в реальной практике деятелей начала прошлого века, прямо цитируя академика С. Ф. Платонова, который в 1918 г. при открытии Архивных курсов в Петрограде сказал: «Стоящая перед нами задача – не только ведомственная или научная, но и крупная национальная задача».

Эта же проблема была еще раз подвергнута специальному рассмотрению в памятной многим теоретикам и практикам архивного дела статье Медушевской «Между наукой и администрацией: противоречие и цельность профессиональной деятельности архивиста»⁵⁰⁵.

Констатируя, что стремление к единству, взаимодействию различных областей гуманитарного знания является ведущей и наиболее перспективной тенденцией в настоящее время, Ольга Михайловна в предельно заостренной форме ставила вопрос о том, в чем состоит «неполнота совпадения» понятий «архивный документ» и «исторический источник»: «...противоречие состоит в том, что один и тот же документ (он же источник) функционирует в различных системах, ориентированных, соответственно, на собственные иерархии ценностей, на свои правовые критерии, стереотипы поведения и мотивации для принятия решений... Наличие не одной, а нескольких систем, в которых один и тот же материальный объект функционирует, приобретая

⁵⁰⁴ Там же. С. 28, 29, 35 и др.

⁵⁰⁵ Медушевская О. М. Между наукой и администрацией: противоречие и цельность профессиональной деятельности архивиста // Вестник архивиста. 1996. № 5(35). С. 58–63.

различные системные качества, весьма характерно для современной науки и социальной практики... Аналогичные противоречия возникают и в более близкой нам области соотношения документа и исторического источника и, соответственно, администратора и ученого. Эта дупольность составляет одну из главных трудностей соответствующих сфер деятельности архивиста... Проблема состоит, однако, в том, что эти два образа, имеющие в принципе разные типы поведения, не всегда мирно уживаются в одной личности, становясь поводом для внутренних (с самим собой) или внешних противоречий).

С точки зрения О. М. Медушевской, деятельность архивиста в дупольном пространстве с начала XX в. казалась непреодолимой в силу самой специфики его профессии. Она указывала, что на протяжении десятилетий преодоление двойственности – либо научного, либо административного подхода – достигалось, так сказать, хирургическим, скорее даже «топорным» методом – отбрасыванием всего «второстепенного» и сохранением «главного», «решающего». В условиях технократических приоритетов, господствовавших в массовом сознании, интересы науки и культуры оказывались второстепенными. Упрощенная, приземленная интерпретация профессии архивиста сформировалась именно под воздействием взглядов, в которых «не прослеживаются в качестве системообразующих гуманитарные подходы и, напротив, доминируют технократические, сугубо прагматические, утилитарно понятые интересы практики».

По мнению О. М. Медушевской, настало время сформировать и закрепить принципиально новое отношение к архивисту со стороны общества и государства, используя все возрастающую тенденцию к гуманитаризации научного знания и системы образования.

Вывод из блестяще проведенного в статье историко-сравнительного анализа динамики отношений в системе «архивист-общество-государство» носит поистине фундаментальный характер: «Многополюсное пространство, в котором между наукой и администрацией, по определению, трудится архивист, представляет в настоящее время поле особого напряжения. Си-

туация междисциплинарных взаимодействий, нетрадиционных подходов, правовых, психологических, культурологических противоречий составляет не исключение, а повседневную реальность. Возрастает сознание необходимости внутренней цельности личности архивиста как деятеля высокой культуры»⁵⁰⁶.

Последнее десятилетие жизни О. М. Медушевой было ознаменовано, в том числе, ее докладом «Историк и архивист: сферы познания ими прошлого» на Международной научной конференции «Историки и архивисты: сотрудничество в сохранении и познании прошлого в интересах настоящего и будущего»⁵⁰⁷. Как видно, даже название форума напрямую, почти буквально отражает проблематику многолетних изысканий Ольги Михайловны.

Мировая наука по достоинству оценила глубину ее анализа центробежных и центростремительных тенденций в гуманитарном познании. Для историков-архивистов особую важность представили взгляды О. М. Медушевой на документальное наследие как феномен культуры, а также на сопоставление динамик профессий историка и архивиста в исторической ретроспективе и прогноз на будущее.

Невозможно выбрать какой-то фрагмент из внутренне целостного, неразрывного единства ее доклада, который носил во многом итоговый характер. Отмечу только ключевую мысль о том, что «архивисты должны способствовать обеспечению сохранности и использованию мирового документального наследия в сотрудничестве друг с другом и с представителями других профессий... Понятие данной взаимосвязанной совокупности равновелико для нас представлению о самоидентификации человечества...»⁵⁰⁸

⁵⁰⁶ Там же. С. 61–62.

⁵⁰⁷ *Медушевская О. М.* Историк и архивист: сферы познания ими прошлого // Историки и архивисты: сотрудничество в сохранении и познании прошлого в интересах настоящего и будущего: доклады междунар. конференции 27–28 нояб. 1997 г. – М.: Федеральная архивная служба России, РОИА, 1998. С. 29–48.

⁵⁰⁸ Там же. С. 29–30.

Особенность научного стиля О. М. Медушевой состоит в том, что в ее работах нет ничего лишнего, второстепенного. Никаких элементов «украшательства». Только по существу и строго научно. Поэтому ее работы представляют собой сконцентрированные, внутренне цельные сгустки мысли.

Не могу не процитировать в заключение прогноз динамики развития профессий историка и архивиста, который О. М. Медушевская представила на суд мирового профессионального сообщества:

«Растущий прагматизм стал одной из главных тенденций эволюции информационного общества, побуждая к сворачиванию общекультурных историко-архивоведческих исследовательских программ. Но все же только одной из тенденций, а в длительной перспективе – не главной... Архивисты в господствующих влияниях технотронной цивилизационной модели эволюционировали к управленческо-менеджерским интерпретациям профессиональной ориентации. Историки – под влиянием постмодернистского умонастроения – к самопознанию и самосозерцанию в зеркале познающего субъекта. Продвижение на этих путях не снискало тем и другим ни общественного признания, ни соответствующего статуса... Ситуация определяет необходимость выхода за пределы узкопрофессиональной изоляции и обсуждения общегуманитарных проблем на эпистемологическом уровне. Этот встречный процесс центростремительных тенденций развития явственно обозначился в настоящее время... Для русских историков и архивистов это понимание приходит через философски ориентированную источникововедческую парадигму гуманитарного знания и образования. Не случайно архивист в России – прежде всего философ, а уже потом историк или менеджер. Человека от других живых существ отличает способность творить, создавать изделия, произведения, которые, будучи воплощены в материальной форме, не исчезают, объединяя человечество в единое целое... В масштабной иерархии гуманитарного познания историк и архивист осознают общность своих фундаментальных

принципов и целей и совершенствуют специфические методы их реализации»⁵⁰⁹.

Итак, анализ публикаций О. М. Медушевской по вопросам архивоведения позволяет сделать вывод, что все они в совокупности составляют программную установку на необходимость понимания гуманитарно-этического измерения Памяти. Именно этических абсолютов, моральных инвариантов нам всем – и историкам, и архивистам – не хватает сегодня.

О. М. Медушевская делала все, чтобы изменить мир, в котором центробежные силы доминируют над центростремительными, в котором временное, утилитарное, *«вещное»* зачастую одерживает верх над *вечным*, непреходящим. Она внесла свой уникальный вклад в становление и укрепление гуманитарной целостности науки как основы самопознания человечества. Теперь дело за теми, кто по достоинству оценит благородство и безупречную стройность системы ее ценностных ориентиров.

⁵⁰⁹ Там же. С. 48.

**О. М. МЕДУШЕВСКАЯ: ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ
И НОВАТОРСТВО РОССИЙСКОЙ
ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ
XX – НАЧАЛА XXI ВЕКА⁵¹⁰**

В период радикальных социальных изменений в России начала XX в. и рубежа XX–XXI вв. остро встала проблема сохранения научной преемственности школ и направлений в историографии. Как в начале века, так и в его конце нередко звучал тезис о кризисе исторической науки и необходимости начинать ее развитие с нулевой отметки. Обращает на себя внимание, что при внешнем различии аргументов критиков традиционных подходов с позиций «единственно верного» марксистского или «классового» понимания истории в одном случае, или пересмотра этого подхода с позиций универсальных ценностей в другом, – речь шла о радикальном (революционном) отказе от предшествующей историографической традиции. Однако современное науковедение убедительно показывает, что преемственность есть основа развития науки. Даже в условиях радикальной смены научных парадигм, новая парадигма в снятом виде содержит вывод предшествующей, рассматривая его как частный случай, но не отменяя в принципе. Мой опыт изучения российской дореволюционной, советской и постсоветской историографии и ее виднейших представителей⁵¹¹, убеждает в том, что этот вывод вполне применим к исторической науке.

⁵¹⁰ Публикуется по изданию: *Чернобаев А. А.* Преемственность и новаторство российской историографической традиции XX – начала XXI в. (Размышления о книге: *Медушевская О. М.* Пространство и время в науках о человеке: Избранные труды. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2013 (Серия – «Humanitas»). 463 с.) // Клио. Журнал для ученых. 2014. № 5(89). С. 145–147.

⁵¹¹ Историки России. Биографии / Сост. и отв. ред. А. А. Чернобаев. М., 2001; История и философия отечественной исторической науки / Науч. ред. Р. Г. Пихоя, А. А. Чернобаев. М., 2006; Историография истории России. / Под ред. А. А. Чернобаева. М., 2010 (2-е изд. М., 2014).

С этих позиций представляется актуальным обсуждение вклада переломных периодов развития историографии, связанных с поиском идентичности научного сообщества: в какой мере попытка слома традиционной классической исторической науки, предпринятая после Октябрьской революции, оборвала преемственность в ее развитии; можно ли говорить о преемственности научных направлений и школ или следует согласиться с выводом, что на новом этапе историческая наука вообще не развивалась; в чем состояло новаторство, каков вклад в науку постсоветской историографии и можно ли рассматривать его вне предшествующего этапа исторической мысли? Думаю, что ответы на эти вопросы в определенной мере дает новая книга избранных трудов выдающегося российского ученого – Ольги Михайловны Медушевской (1922–2007)⁵¹², материал которой позволяет осуществить реконструкцию преемственности научной мысли в длительной исторической ретроспективе XX – начала XXI вв. Эта книга продолжает ряд предшествующих публикаций ее трудов, в частности, последней прижизненной монографии – «Теория и методологии когнитивной истории» (2008) и «Теория исторического познания: избранные произведения» (2010)⁵¹³. Работа по переизданию трудов ученой сопровождается активным освоением ее идей научным сообществом. В частности об этом свидетельствуют опубликованные в журнале «Клио» материалы состоявшейся в Санкт-Петербурге 4–5 октября 2013 г. Всероссийской научной конференции «Академик А. С. Лаппо-Данилевский в истории науки и культуры (к 150-летию со дня рождения)»⁵¹⁴.

В длительной историографической перспективе очевидна преемственность идей О. М. Медушевской по отношению к дореволюционной историографии. Действительно, вышедшая из среды потомственной русской интеллигенции, Ольга Михайловна была воспитана в ценностях и традициях дореволюционной

⁵¹² Медушевская О. М. Пространство и время в науках о человеке: Избранные труды. М.–СПб., 2013.

⁵¹³ Медушевская О. М. Теория и методология когнитивной истории. М., 2008; *Ее же*. Теория исторического познания: Избранные произведения. СПб., 2010.

⁵¹⁴ Клио. 2013. № 12.

эпохи, в ее семье революция и утверждение советской власти получали однозначную негативную оценку. С этим был связан круг чтения и выбор темы научной специализации – предельно отстраненной от политизированных дискуссий сталинского периода – изучение истории географических открытий под руководством А. И. Андреева, ученика А. С. Лаппо-Данилевского. В избранных трудах впервые публикуется кандидатская диссертация О. М. Медушевской – «Русские географические открытия на Тихом океане и в Северной Америке (50-начало 80-х годов XVIII в.)»⁵¹⁵, защищенная в 1952 г. Диссертация отражает глубину источниковедческой и историко-географической школы данного периода, который известен гонениями политической власти на научную мысль. В книге опубликовано также первое научное произведение О. М. Медушевской – аспирантский доклад «Карта Московского государства и Сибири А. А. Виниуса» (1949)⁵¹⁶, показывающий высокий уровень работы с источниками учителей старой школы. Именно в этот период в ходе развернутой идеологической кампании по борьбе с «низкопоклонцами перед Западом» от преподавания были отстранены сначала профессор А. И. Андреев, а затем и сменивший его В. К. Ялунский. Усиление идеологического контроля над исторической наукой затронуло, таким образом, и сферу историко-географических исследований, помешав О. М. Медушевской не только опубликовать диссертацию, но и вообще заниматься картографией Сибири XVIII–XIX вв.⁵¹⁷ Вместе с тем отметим, что в ходе этих исследований у молодого ученого возник интерес к источниковедению как особой области знания, а также – к «Методологии истории» А. С. Лаппо-Данилевского, на что ее внимание обратил Андреев⁵¹⁸. Таким образом, прослеживается связь между идеями Лаппо-Данилевского и его школы (включая таких ярких

⁵¹⁵ *Медушевская О. М.* Пространство и время в науках о человеке... С. 87–278.

⁵¹⁶ Там же. С. 279–306.

⁵¹⁷ *Медушевский А. Н.* Ольга Михайловна Медушевская: интеллектуальный портрет // Там же. С. 31–32.

⁵¹⁸ Впервые в целостном виде данный труд был издан только столетие спустя его написания: Лаппо-Данилевский А. С. *Методология истории.* М., 2010. Т. 1–2 / Подг. текста: О. М. Медушевская, Р. Б. Казаков, М. Ф. Румянцева; авторы вступ. статей: О. М. Медушевская, М. Ф. Румянцева.

ее представителей как Н. Д. Кондратьев, П. А. Сорокин, С. Н. Валк, А. И. Андреев и др.) и формированием научных идей О. М. Медушевской. Если для большинства советских историков того времени эти идеи и имена ничего не говорили, то для Ольги Михайловны они стали отправной точкой движения вперед, знаменуя линию преемственности дореволюционной и советской историографии.

Новый этап творчества О. М. Медушевской приходится на время «Оттепели» и последовавших за ней 60–70-х гг. XX века. В это время она обратилась к систематическому изучению теоретических проблем источниковедения. Общий замысел ее исследований, как мы можем реконструировать его сегодня, состоял в построении единой теории источниковедения. Для этого предполагалось обобщить достижения русской классической науки (вклад В. И. Вернадского, А. С. Лаппо-Данилевского, А. А. Шахматова); рассмотреть достижения мировой науки (философии истории, структурализма, антропологии, лингвистики и проч.), а главное – решить проблему классификации источников русской истории и предложить ее доказательное обоснование.

Эти задачи в то время удалось решить лишь частично, в силу жесткого идеологического контроля всего, что связано с философией и методологией гуманитарного познания. Но и то, что было сделано, вело к содержательной трансформации изучения и преподавания истории. Так, во-первых, была выявлена особая проблемная область – «теоретических проблем источниковедения» и начал последовательно обсуждаться вопрос о развитии теоретического источниковедения. Во-вторых, была поставлена проблема универсальности применения методов и инструментария источниковедческой критики в отношении источников различных периодов и происхождения, в том числе допустимости научного изучения «классиков марксизма-ленинизма», решений партийных съездов и конференций, что ранее было абсолютно табуизировано. В-третьих, удалось отстоять видовой принцип классификации источников (а не проблемный), что позволяло поставить вопрос о структуре и функциях соответствующих видов источников, переходить к практике их специальных источниковедческих исследований.

Последовательное решение этих вопросов, предпринятое в докторской диссертации О. М. Медушевской – «Теоретические проблемы источниковедения» и в выпущенной на ее основе книге⁵¹⁹, подверглось существенной идеологической цензуре со стороны руководства МГИАИ того времени, текст переделывался минимум три раза. Тем не менее сама постановка этих идей, их, так сказать, «вербализация» в тех условиях были направлены на радикальные изменения в сознании научного и экспертного сообщества.

Вот как комментировала этот процесс сама Ольга Михайловна: «История источниковедения и его современное состояние свидетельствуют, что из безвременья 20-начала 50-х гг. оно вышло способным к возрождению и динамичному развитию. При первой возможности, уже в 50-х и особенно 60-х гг. источниковедение – его теория, преподавание, методы исследования становится одним из наиболее заметных направлений развития отечественного гуманитарного знания. Именно в это время все чаще его начинают называть наукой об источниках»⁵²⁰. Сам факт формирования источниковедения как особой области знаний и предмета исследования и преподавания вступал в противоречие с господствовавшей идеологией. Действительно, если идеология постулирует себя как «научная», то должна принять универсальные и поддающиеся эмпирической верификации категории, если она не делает этого, то каков тогда смысл советской историографии, исповедующей принцип «партийности»? Эти вопросы задавал себе каждый, кто прослушал курсы теоретического и конкретного источниковедения О. М. Медушевской (кстати говоря, по понятным причинам получивших в печатных программах очень фрагментарное выражение), однако не каждый был готов четко формулировать их с кафедры или в научных трудах.

В конце XX в. ясно проявился конфликт между идеологией и наукой, как знанием доказательным и проверяемым. Следствием крушения идеологизированной и догматизированной совет-

⁵¹⁹ Медушевская О. М. Теоретические проблемы источниковедения. М., 1977.

⁵²⁰ Медушевская О. М. Источниковедение в России XX в.: Научная мысль и социальная реальность // Медушевская О. М. Пространство и время в науках о человеке... С. 330.

ской версии марксизма стал тезис о кризисе советской историографии. Но если для одних подобное определение выглядело как приговор, то для других как возможность динамического развития исторической науки. Именно так понимала ситуацию О. М. Медушевская, для которой переломная ситуация в сознании научного сообщества означала ожидание новой теории: «Причину смены парадигм, – писала она, – теоретики видят в неспособности старой теории ответить на вызов логики эксперимента или наблюдения. Соотнеся это положение с ситуацией в гуманитарном знании XX в., можно видеть причину смены парадигм в исторической науке в неспособности нарративистской истории ответить на вызовы глобального миропорядка, нарративы противостоят друг другу, но ничего не объясняют. Неэффективен нарратив и в объяснении феномена информационного пространства технологий: слова и вещи утрачивают привычную связь, возникает новый информационный универсум, а глубинный порядок вещей, связь слов и вещей на фундаментальном общечеловеческом уровне не поддается традиционным объясняющим схемам»⁵²¹.

Ответом на этот глобальный вызов стала разработанная О. М. Медушевской теория и методология когнитивной истории – по существу новая парадигма в гуманитарном (историческом) познании⁵²², которая дает, по мнению ее создателя, объяснение исторического опыта и раскрывает причины провала традиционной нарративистской историографии в его изучении. Суть когнитивной теории, отмечалось на «круглом столе» по книге О. М. Медушевской «Теория и методология когнитивной истории», состоит в понимании психологической мотивации и установок поведения людей в истории на основе реконструкции информации источников – интеллектуальных продуктов целенаправленной человеческой деятельности. Новизна концепции обеспечивается глубоким синтезом достижений классической философии истории, когнитивных

⁵²¹ Медушевская О. М. История науки как динамический процесс. К 120-летию со дня рождения А. И. Андреева // Медушевская О. М. Теория исторического познания: Избранные произведения. СПб., 2010. С. 333.

⁵²² Медушевская О. М. Теория и методология когнитивной истории. М., 2008.

наук и информатики, в том числе всего, что связано с теорией искусственного интеллекта, представлениями структурной лингвистики и т. д.⁵²³ Для исторической науки концепция чрезвычайно важна обоснованием доказательного характера исторического познания⁵²⁴, открытием новых методологических подходов к исследованию прошлого и, одновременно, предложенными методиками их анализа⁵²⁵. Моей задачей здесь не является рассмотрение самой когнитивной теории истории – ей посвящена уже значительная самостоятельная литература, а участниками дебатов выступают не только историки или источниковеды, но философы, логики, социологи, антропологи и лингвисты⁵²⁶. Остановлюсь на другом принципиальном вопросе: является ли появление этой парадигмы отрицанием преемственности с предшествующими периодами историографии и в том числе с предшествующими этапами деятельности самой О. М. Медушевской?

Для ответа на него укажем на выявленные нами элементы историографической преемственности. Во-первых, к ним относится положение О. М. Медушевской о единстве принципов научного познания в естественных и гуманитарных науках. Развивая критику классических неокантианских представлений (Г. Риккерта) о противопоставлении номотетических и историографических наук, она подчеркивала необходимость вернуть истории звание «нормальной» науки, оперирующей доказательными выводами. Этот подход демонстрирует преемственность в отношении идей А. С. Лаппо-Данилевского, историков государственной школы и одновременно отсылает нас к советским историко-теоретическим дискуссиям середины XX в., где

⁵²³ «Круглый стол» по книге О. М. Медушевской «Теория и методология когнитивной истории» // Российская история, 2010, № 1.

⁵²⁴ *Мионов Б. Н.* Новая апология истории (размышления над книгой О. М. Медушевской) // Общественные науки и современность, 2011, №1. С. 139–148.

⁵²⁵ См. *Шелохаев В. В.* Рец. на книги О. М. Медушевской // Вопросы истории, 2010, № 12. С. 163–164.

⁵²⁶ Когнитивная история: концепция, методы, исследовательские практики: Чтения памяти профессора О. М. Медушевской. М., 2011.

такое единство подходов было представлено на практике⁵²⁷. Во-вторых, сформулировав принципы научной логики в области когнитивной истории, О. М. Медушевская видела ее ядро в теоретических принципах источниковедения, получивших новую интерпретацию. Источниковедение определяется ею как «гуманитарная наука, объектом которой являются интеллектуальные продукты, созданные в ходе целенаправленной человеческой деятельности, а предметом – конкретная содержательная значимость их информационного ресурса, как источников для изучения человека, общества и мира в целом»⁵²⁸. Этот подход может быть интерпретирован как результат синтеза выводов достаточно бурных дискуссий по теоретическим проблемам источниковедения и классификации источников 60-х гг. XX в. Поэтому правы авторы, указывающие на связь когнитивной теории с предшествующими работами О. М. Медушевской в области теоретических проблем источниковедения⁵²⁹. На основе этих представлений сформировалась исследовательская школа О. М. Медушевской, обеспечивающая преемственность научных поколений⁵³⁰.

Наконец, тезис об истории как строгой и точной науке понятен только в контексте интереса русской и мировой науки XX в. к антропологии и компаративистике – выявлению сопоставимых индикаторов структурных и функциональных изменений в истории. Обсуждение этих вопросов в марксистской, структуралистской и бихевиористской историографии привело

⁵²⁷ Медушевская О. М. Исторический источник: человек и пространство // Медушевская О. М. Пространство и время в науках о человеке... С. 51–86.

⁵²⁸ Медушевская О. М. Теория и методология когнитивной истории. С. 352.

⁵²⁹ Алеврас Н. Н. Теория источника и образ источниковедения в концепции когнитивной истории О. М. Медушевской // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 44. М., ИВИ РАН, 2013. С. 79–88.

⁵³⁰ Казаков Р. Б., Румянцева М. Ф. О. М. Медушевская и формирование российской школы теоретического источниковедения // Российская история, 2009, №1. С. 141–150; Шустова Ю. Э. Учитель-ученик: преемственность научных школ и педагогических традиций: Круглый стол в Историко-архивном институте РГГУ, посвященный 90-летию со дня рождения проф. О. М. Медушевской // Отечественные архивы, 2012, № 6. С. 121–123.

к постановке проблемы взаимосвязи информационных процессов, конструирования реальности, формирования социальных установок в прошлом и настоящем. На этой основе стала возможной полноценная реконструкция феномена человека в истории⁵³¹ и новое понимание задач исторического познания как постижения механизмов функционирования той человеческой (исторической) реальности, которая формируется путем осознанной целенаправленной человеческой деятельности и которая существует в совокупности и взаимозависимости от фундаментальной физической реальности и биологической реальности живой биосферы.

Размышления об избранных трудах О. М. Медушевской в контексте развития российской историографии XX – начала XXI вв. позволяют сделать ряд важных выводов. При всей радикальности изменения основополагающих парадигм исторической науки в этот период – государственной школы, классовой теории, когнитивно-информационной теории, – это развитие не исключает преемственности некоторых базовых ценностей и установок, позволяющих говорить о единстве историографического процесса и вместе с тем о его последовательном развитии. Разработанная Ольгой Михайловной теория и методология когнитивной истории является одной из таких поворотных точек в развитии современной российской историографии, вбирает в себя достижения предшествующих этапов.

Это особенно важно подчеркнуть сегодня в отношении советского периода развития историографии, позитивное значение которого иногда полностью игнорируется. Советская наука не являлась монолитом: под толстым слоем догматизированного марксизма билась живая критическая мысль, продолжали действовать научные школы, удавалось сохранить преемственность ряда академических традиций. Парадоксальным образом идеологический прессинг, сковывавший возможности самореа-

⁵³¹ Медушевская О. М. Феномен человека // Медушевская О. М. Пространство и время в науках о человеке. С. 404–447.

лизации ученых, вел к развитию профессионализма – глубокой разработке проблем источниковедения, конкретно-исторических исследований, прежде всего на материале древней и средневековой истории. Именно это позволило в новых условиях развития России в начале XXI в. представить обществу глубокие труды О. М. Медушевской по методологии истории, расчищающие дорогу поступательного развития науки, а сама она предстает как символическая фигура, объединяющая три ключевых периода российской историографии XX в.

И. В. Сабенникова

**ТЕОРИЯ КОГНИТИВНОЙ ИСТОРИИ
О. М. МЕДУШЕВСКОЙ: ТОЧНОЕ
ГУМАНИТАРНОЕ ЗНАНИЕ
И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ВЫБОР
НАУЧНОГО СООБЩЕСТВА⁵³²**

Познание человека в истории как «тотальной целостности» предполагает преодоление существующих методологических диспропорций. Ключевой проблемой, требовавшей своего решения на рубеже XX–XXI вв., стал вопрос о единстве научного знания, общих эпистемологических принципах междисциплинарности, выстраиваемых с позиций представителей как гуманитарных, так и естественнонаучных областей современной науки. Эта проблема, как неоднократно отмечалось в литературе, получила решение в рамках когнитивно-информационной теории и созданной на ее основе теории когнитивной истории О. М. Медушевской⁵³³. Данная теория выдвигает концепцию истории как строгой и точной науки, опирающейся исключительно на критический анализ информации источников, настаивает на очищении научной терминологии и формировании понятий, поддающихся доказательной (логической и эмпирической) проверке и видит цель исследовательской работы в создании непротиворечивой концепции исторического знания и исторической информации. Основы теории полно и последовательно представлены в трех трудах ученого: «Теория и мето-

⁵³² Публикуется по изданиям: 1) *Сабенникова И. В.* Теория когнитивной истории О. М. Медушевской: точное гуманитарное знание и профессиональный выбор научного сообщества // Вестник РУДН. Серия История России. 2015. № 2. С. 17–27; 2) *Сабенникова И. В.* Теория когнитивной истории О. М. Медушевской и антропологический метод в современном гуманитарном познании // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 44. – М.: ИВИ РАН, 2013. С. 44–52.

⁵³³ Когнитивная история. Концепция, методы, исследовательские практики. Чтения памяти профессора Ольги Михайловны Медушевской. М., 2011.

дология когнитивной истории» (М., 2008)⁵³⁴; «Теория исторического познания» (СПб., 2010)⁵³⁵; «Пространство и время в науках о человеке» (М., 2013)⁵³⁶.

Вклад теории когнитивной истории О. М. Медушевской в методологию современного гуманитарного познания и состояние научного сообщества обсуждался в литературе по следующим направлениям: целесообразность пересмотра ряда устоявшихся теоретических положений современной науки; возможность решения с этих позиций классической проблемы исторического познания; познаваемости исторического процесса и выстраивания методов и критериев доказательности и проверки знания; вывод о смене парадигм и необходимости выбора научным сообществом новой стратегии развития; подход с этих позиций к решению проблем высшего образования⁵³⁷. Проведена реконструкция основных понятий когнитивно-информационной теории в их формировании, логической взаимосвязи и влиянии на становление аналитической истории⁵³⁸.

В конечном счете О. М. Медушевской сформирован вывод о смене парадигм в современной исторической науке – переходе от нарративистских (и наивно-герменевтических) подходов к теории когнитивной истории⁵³⁹. Концепция когнитивной истории, ставшая ответом на эти вызовы современной эпохи, – видит решение проблемы в изучении целенаправленного человеческого

⁵³⁴ Медушевская О. М. Теория и методология когнитивной истории. М., РГГУ, 2008.

⁵³⁵ Медушевская О. М. Теория исторического познания: избранные произведения. СПб., Университетская книга, 2010 (Серия – «Российские пропилеи»).

⁵³⁶ Медушевская О. М. Пространство и время в науках о человеке: Избранные труды. М.–СПб., Центр гуманитарных инициатив, 2013 (Серия – Humanitas).

⁵³⁷ См.: Круглый стол по книге О. М. Медушевской «Теория и методология когнитивной истории» // Российская история, 2010. № 1. С. 131–166.

⁵³⁸ Медушевский А. Н. Когнитивно-информационная теория в современном гуманитарном познании // Российская история, 2009, № 4. С. 3–22; *Он же*: Когнитивно-информационная теория как новая философская парадигма гуманитарного познания // Вопросы философии, 2009, № 10. С. 70–92; *Он же*: Ольга Михайловна Медушевская: интеллектуальный портрет // Медушевская О. М. Пространство и время в науках о человеке. М., 2013. С. 7–48.

⁵³⁹ Медушевская О. М. История в общей системе познания: смена парадигм // Единство гуманитарного знания: новый синтез. М., РГГУ, 2007. С. 12–19.

поведения, которое, развиваясь в эмпирической реальности, неизбежно сопровождается фиксацией результатов исследования, созданием интеллектуальных продуктов, которые в свою очередь выступают отправной точкой доказательного исторического познания, возможного на основе методов классического источниковедения. Таким образом, когнитивная история – «наука о человеческом мышлении, которое проявляет себя созданием интеллектуального продукта вовне, созданием информационно-го продукта своей целенаправленной деятельности»⁵⁴⁰.

В рамках этой теории удастся решить проблемы, перед которыми отступила наука предшествующего времени (опиравшаяся на позитивизм, неокантианство или марксизм): достижение единства методов научного познания; доказательности такого познания в истории и выявления единицы познания – реализованного продукта целенаправленной человеческой деятельности (исторического источника); реконструкция структуры информационного ресурса (структурно-функциональный подход и видовой принцип классификации в источниковедении и архивоведении); наконец, превращение истории в строгую и точную науку⁵⁴¹. Ключевое значение имеет введение понятия макрообъекта исторической науки как всей совокупности интеллектуальных продуктов – целенаправленно создаваемых продуктов человеческой деятельности, всегда структурированных под цель их создания. Данный подход представлен в ряде важных работ исследователя – «История в общей системе познания: смена парадигм»; «Методология истории как строгой науки»; «История как наука: когнитивный аспект и профессиональное сообщество». Подчеркнем, что все полученные выводы справедливы как для традиционных видов источников, так и для новых, возникших в эпоху электронных коммуникаций⁵⁴².

⁵⁴⁰ Медушевская О. М. Теория и методология когнитивной истории. М., 2008. С. 353.

⁵⁴¹ Сабенникова И. В. Презентация в ИНИОН РАН книги О. М. Медушевской «Теория исторического познания: избранные произведения» // Вестник архивиста, 2010, № 4.

⁵⁴² Сабенникова И. В. Публикация исторических документов в электронном виде: проблемы и решения // Когнитивная история. Концепция-методы-исследовательские практики. М., 2011. С. 68–82.

В центре обсуждения оказалась выдвинутая О. М. Медушевской новая парадигма гуманитарного познания, суть которой состоит в доказательной реконструкции психологических основ мотивации поведения индивида в прошлом на основе раскрытия информации исторических источников – всей совокупности интеллектуальных продуктов целенаправленной человеческой деятельности. Используя эту концепцию, ученые получают возможность создать новую методологию доказательных исторических исследований; найти фундаментальный критерий для отделения точных намеренных и ненамеренных свидетельств исторических источников по отношению к широкой области искусственно сконструированных вторичных нарративов различного рода; обрести новую основу междисциплинарных коммуникаций с другими науками (такими как когнитивная психология, информатика, антропология, структурная лингвистика, вся совокупность архивных и вспомогательных дисциплин) и создать общую модель объяснения социальной и когнитивной адаптации – поведения человека в прошлом и настоящем⁵⁴³.

С этих позиций предметом обсуждения стали вопросы философских и теоретических предпосылок формирования когнитивной парадигмы (феноменологическое направление в философии, марксизм и структурализм); этапы развития концепции О. М. Медушевской (работы по исторической географии и картографии, теоретическим проблемам источниковедения, вопросам исторической реконструкции пространственных и временных представлений предшествующих эпох); возможности развития в различных междисциплинарных и сравнительных исследованиях (философии и социологии истории, психологии, компьютерных науках, исторической географии, антропологии, структурной лингвистике); направления ее практического применения (в историко-антропологических и источниковедческих исследованиях, педагогике, архивном и музейном деле). Книги О. М. Медушевской, изданные в таких сериях как «Humanitas» и

⁵⁴³ Медушевская О. М. Точное гуманитарное знание // Интеллектуальная культура современной историографии. М., 2006. С. 85–97.

«Российские прошлеи», заняли прочное место в библиотеке мировой и российской классики философии истории⁵⁴⁴. Была подчеркнута исключительная роль научной школы теоретического источниковедения О. М. Медушевской, достижения которой признаны во всем мире⁵⁴⁵.

Источниковедческая парадигма в системе современного гуманитарного знания представлена трудами О. М. Медушевской, заложившими основы этой дисциплины: «Источниковедение: теория, история и метод»; «Источники в науках о человеке»; «Источниковедение и историография: индикатор системных изменений», а также работах по истории становления и развития источниковедческой школы в России⁵⁴⁶. Новое определение источниковедения опирается на историко-антропологический подход: «Источниковедение, – подчеркивает О. М. Медушевская, – изучает не просто исторический источник. Оно изучает систему отношений: человек – произведение – человек. Эта триада выражает общечеловеческий феномен: один человек общается с другим не непосредственно, с помощью личного контакта, но опосредованно, с помощью произведения, созданного другим человеком и отражающего его личность»⁵⁴⁷.

Проведенный в настоящее время А. А. Чернобаевым анализ идей О. М. Медушевской в контексте развития российской историографии XX – начала XXI вв. позволил сделать ряд важных выводов: при всей радикальности изменения основополагающих парадигм исторической науки – государственной школы, классовой теории, когнитивно-информационной теории, – это развитие не исключает преемственности некоторых базовых ценностей и установок, позволяющих говорить о единстве историографического процесса. Разработанная О. М. Медушевской

⁵⁴⁴ Выставка «Культурология и философия: Двадцать лет сериальных изданий ИНИОН РАН. Отв.ред и сост. Левит С. Я. М., ИНИОН РАН, 2013.

⁵⁴⁵ Казаков Р. Б., Румянцева М. Ф. О. М. Медушевская и формирование российской школы теоретического источниковедения // Российская история, 2009, № 1. С. 141–150.

⁵⁴⁶ Медушевская О. М. Источниковедение. Теория, история и метод. М., 1996.

⁵⁴⁷ Медушевская О. М. Теория исторического познания: избранные произведения. М., 2010. С. 73.

теория и методология когнитивной истории составляет одну из таких научных революций – поворотных точек в развитии историографии конца XX века, но вместе с тем, как было показано, вбирает в себя в снятом виде достижения предшествующих этапов. Даже советская наука, при всей ее идеологической неподвижности, как было показано, не являлась монолитом: под толстым слоем догматизированного марксизма билась живая критическая мысль – продолжали действовать научные школы, удавалось сохранить преемственность ряда (хоть и не всех) академических традиций. «Парадоксальным образом идеологический прессинг, сковывающий возможности самореализации ученых, – считает исследователь, – вел к развитию профессионализма – глубокой разработке проблем источниковедения, конкретно-исторических исследований, прежде всего на материале древней и средневековой истории. Именно это позволило в новых условиях развития России XXI в. представить обществу глубокие труды О. М. Медушевской по методологии истории, расчищающие дорогу поступательного развития науки, а сама она предстает как символическая фигура, объединяющая три ключевых периода российской историографии XX века»⁵⁴⁸.

Трудности эпохи, с которыми сталкивалась Ольга Михайловна на большей части жизни, – подчеркивает другой новейший рецензент ее трудов (Н.Плискевич) – не сломили ее воли к истине (как это произошло с очень многими интеллектуалами), но стали вызовами, требующими объяснения. Внутренний конфликт мыслящих людей в советском обществе заключался, как известно, в необходимости принять тотально деформированную информационную картину мира при четком осознании ее несоответствия действительности. Требовалось понять, как соотносятся в этой информационной системе – мифы и наука, догма и исследование, свобода интеллектуальной деятельности

⁵⁴⁸ Чернобаев А. А. Преемственность и новаторство российской историографической традиции XX – начала XXI в. Размышления о книге: Медушевская О. М. – Пространство и время в науках о человеке: Избранные труды (М.–СПб., 2013) // Клио. Журнал для ученых. 2014. № 5 (89). С. 147.

и цензура, опыт и знание, понимание и объяснение. Новизна подхода О. М. Медушевской заключалась в постановке вопроса о том, как проверить состоятельность тех или иных утверждений на уровне понимания смысла, определить влияние этого понимания на когнитивную и социальную адаптацию индивида в обществе, выявить связь когнитивных установок, языка и деятельности индивида, сделать гуманитарное познание доказательным и верифицируемым. В условиях революционного разрушения культуры и науки, жесткого идеологического прессинга и сознательной отгороженности от Запада это была именно та когнитивная установка, которая способствовала выживанию «элитного человеческого капитала»⁵⁴⁹, способного сохранить и создать уникальные направления в различных областях гуманитарного и естественно-научного знания. «Приверженность строгим эпистемологическим регулятивам», заложенным в методологии когнитивной истории, – по мнению новейшего рецензента (М. А. Мануильский), – делает возможной доказательный подход в истории человека: «пристальное внимание к источнику как интеллектуальному продукту, безусловно находится в тренде растущего интереса к нашему советскому прошлому, в том числе к нашей интеллектуальной истории»⁵⁵⁰.

С позиций теории когнитивной истории, ядро которой составляет методология теоретического источниковедения, оказывается возможным обращение к антропологической проблематике: определение общности культурной и познавательной ситуации; реконструкция представлений о пространстве и времени в их взаимосвязи; осуществление междисциплинарного синтеза истории с другими гуманитарными и естественными науками (географией, психологией, лингвистикой, компьютерными науками и др.); постановка на твердую эмпирическую ос-

⁵⁴⁹ Глискевич Н. «В историческом процессе всего интереснее человек...». О. М. Медушевская. Пространство и время в науках о человеке // «Знамя», 2014, № 9.

⁵⁵⁰ Мануильский М. А. Рец. на книгу: Медушевская О. М. Пространство и время в науках о человеке // Человек, 2014, № 5. С. 176.

нову сравнительных исследований человеческого общества с позиций информационного обмена. Информационный обмен может иметь как непосредственный, так и опосредованный характер – передачу продуктов целенаправленной человеческой деятельности (фиксированной информации) во времени и пространстве, что открывает пути кодирования и раскодирования информации, отделения подлинной от мнимой информации, наконец, ее накопления в историческом процессе. Специальное значение для формирования историко-антропологического подхода имеют работы О. М. Медушевской – «Феноменология культуры»; «Проблема структуры в науках о человеке», «Когнитивно-информационная модель в науках о человеке»; «Историческая антропология как феномен гуманитарного знания»; и, наконец, труды, раскрывающие с этих позиций проблемы исторического образования и педагогического процесса – «История науки как динамический процесс», «Идея РГГУ» и др., где четко сформулированы концептуальные основы этого университета, отражены основные направления формирования международной школы теоретического источниковедения и ее принципиальные междисциплинарные ориентиры⁵⁵¹.

Новая образовательная модель, ориентированная на формирование творческой личности, предполагает интеграцию исследовательской и педагогической деятельности в рамках единого антропологического подхода. Этот вывод определяет позицию О. М. Медушевской в ходе дискуссии относительно реформы гуманитарного образования, тем более важную, что в ее лице мы имеем дело с одним из общепризнанных мастеров и лидеров российской исторической науки и педагогики⁵⁵². Для понимания концепции гуманитарного познания и научной школы О. М. Медушевской важны такие работы завершающего

⁵⁵¹ Подробнее см.: *Сабенникова И. В.* Теория когнитивной истории О. М. Медушевской и антропологический метод в современном гуманитарном познании // *Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории.* М., ИВИ РАН, 2013. Вып. 44. С. 44–52.

⁵⁵² Мастера русской историографии: Ольга Михайловна Медушевская // *Исторический архив*, 2010, № 3. С. 112–127.

периода ее творчества как «Исторический источник: человек и пространство»; «Источник и сравнительный метод в гуманитарном знании»; «Точное знание в истории: структуралистский аспект»; «Эмпирическая реальность исторического мира» и др. Прослеживается последовательное стремление добиться синтеза исторической антропологии и источниковедения⁵⁵³. Был отмечен фундаментальный характер научных трудов О. М. Медушевской, общее значение теории и методологии когнитивной истории для решения актуальных проблем гуманитарного познания и самоорганизации научной интеллигенции. Констатировалась необходимость разъяснения основных положений теории когнитивной истории в методологических и историографических трудах, программах лекционных курсов по источниковедению, а также в педагогическом процессе⁵⁵⁴. Эти направления деятельности традиционно представлены в практике Историко-Архивного института⁵⁵⁵. Принципиален вклад О. М. Медушевской в разработку проблем исторической географии и формирование ее российской школы⁵⁵⁶, хронологии, картографии и других дисциплин, требующих высокого уровня профессиональной подготовки и знания архивных документов⁵⁵⁷.

Важный общий вывод О. М. Медушевской о перспективах методологии истории состоял в необходимости в науке и образовании добиться «синтеза трех направлений» – «антропологии

⁵⁵³ Медушевская О. М. Когнитивно-информационная теория в социологии истории и антропологии // Социологические исследования, 2010, № 11.

⁵⁵⁴ Шмидт С. О. Ольга Михайловна Медушевская как профессор Историко-архивного института // Когнитивная история: Концепция, методы, исследовательские практики. М., 2011.

⁵⁵⁵ Медушевская О. М. Основные положения // Концепция развития Историко-архивного института РГГУ. М., 2002. С. 3–7; Научно-педагогическая школа источниковедения Историко-архивного института. М.: РГГУ, 2001.

⁵⁵⁶ Подробнее: Проблемы исторической географии и демографии России. М., ИРИ РАН, 2013. Вып. 2.

⁵⁵⁷ Вспомогательные исторические дисциплины – источниковедение – методология истории в системе гуманитарного знания. Сборник памяти О. М. Медушевской. М., 2008.

с ее главной идеей глобального (коэксистенциального) единства человечества; исторической науки с ее главной идеей эволюционного единства человечества; источниковедческой науки с ее главной идеей единства источниковой основы целенаправленной человеческой деятельности. Взаимодействие данных исследовательских направлений создает единое пространство теоретико-познавательных и образовательных социальных практик, подчиненных общей цели – достижению достоверного (и даже точного) гуманитарного знания»⁵⁵⁸. Этот вывод получил практическую реализацию в читавшихся Ольгой Михайловной курсах по методологии истории⁵⁵⁹, источниковедению⁵⁶⁰ и исторической антропологии⁵⁶¹. В современной литературе раскрыт вклад О. М. Медушевской в разработку теоретических проблем источниковедения⁵⁶², создание новых подходов в историографии и исторической географии⁵⁶³. Не случайно, поэтому, ряд современных исследователей специально обратился к формированию взглядов О. М. Медушевской в этой области⁵⁶⁴, истории ее работы в

⁵⁵⁸ Медушевская О. М. Теория исторического познания: избранные произведения. М., 2010. С. 371.

⁵⁵⁹ Медушевская О. М. Методология истории: программа курса // Я иду на занятия. Учебно-методический модуль по методологии и теории истории. М.: РГГУ, 2002. С. 15–28.

⁵⁶⁰ Медушевская О. М. Источниковедческое научно-педагогическое направление: гуманитарное знание как строго научное // Научно-педагогическая школа источниковедения Историко-архивного института. М.: РГГУ, 2001. С. 8–32.

⁵⁶¹ Медушевская О. М. Историческая антропология и антропологически ориентированная концепция: интеграция исследовательской и образовательной программ // Российско-французский центр исторической антропологии им. Марка Блока. Программы курсов. М., 2002. С. 15–20.

⁵⁶² Алеврас Н. Н. Теория источника и образ источниковедения в концепции когнитивной истории О. М. Медушевской // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 44. М., ИВИ РАН, 2013. С. 79–88.

⁵⁶³ Мининков Н. А. «История историка» в концепции когнитивной истории О. М. Медушевской // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 44. М., ИВИ РАН, 2013. С. 104–111.

⁵⁶⁴ Апаньев В. Г. О письмах О. М. Медушевской А. И. Андрееву (по материалам ПФА РАН) // Историография источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин: материалы XVII международной конференции. М., 28–30 января 2010. М., РГГУ, 2010. С. 90–101.

архивах⁵⁶⁵, специальному выявлению ее вклада в историческую географию и картографию⁵⁶⁶.

В контексте современных дискуссий чрезвычайно актуален намеченный когнитивной теорией подход к решению проблем высшего образования, указывающий на принципиальное различие фундаментального образования (основанного на обучению методу) от транслирующего и вторичного (основанного на механическом воспроизводстве чужих мыслей без установки на их критический анализ). Данная постановка задач исторического познания и образования, несомненно, делает работу ученого и преподавателя более трудной и ответственной, но и результат такого исследования оказывается вознагражден приобретением нового знания о человеке⁵⁶⁷. Антропоцентрическая ориентация гуманитарного познания, таким образом, выражает и объясняет новую ситуацию в гуманитарном образовании.

Принятие методологических установок парадигмы когнитивной истории позволяет найти убедительные ответы на сложные вопросы текущей общественно-политической повестки дня, в частности – раскрыть причины растущего когнитивного диссонанса в обществе в отношении ключевых событий российской (советской) истории XX в. Данный феномен связан, с одной стороны, с неготовностью массового сознания признать историю полноценной наукой, а ее выводов как доказательной версии исторического прошлого, с другой – с

⁵⁶⁵ Давыдов Б. Б. О работе О. М. Медушевской в читальном зале ЦГВИА СССР // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании. Материалы XXV Международной научной конференции. М., 31 января– 2 февраля 2013 г. М., РГГУ, 2013. Ч. II. С. 286–288.

⁵⁶⁶ Булатов А. Странная история старинных карт России в советские годы // Антиквариат, предметы искусства и коллекционирования. 2012. № 6 (97) июнь С. 42.

⁵⁶⁷ Знание о прошлом в современной культуре: Круглый стол // Вопросы философии. – М., 2011. – № 8. – С. 3–45. См. также рецензии на книги О. М. Медушевской: Шелохаев В. В. // Вопросы истории, 2010, № 12. С. 163–164; Сабенникова И. В. // Российская история, 2009, № 2 и 2011, № 1. С. 205–207; Миронов Б. Н. Новая апология истории (размышления над книгой О. М. Медушевской) // Общественные науки и современность. 2011, № 1. С. 139–148.

дезориентацией постсоветского экспертного сообщества, часть которого отвергает научный характер исторического познания, фактически отождествляя его с субъективным видением прошлого, стремится использовать неопределенность терминологии для внедрения суррогатных трактовок исторического процесса. Наконец, с третьей стороны – присутствует тенденция власти опереться на те идеологические стереотипы прошлого, которые, устойчиво закрепившись в массовом сознании, способствуют ее легитимации, хотя, как правило, не соответствуют действительности или существенно искажают ее⁵⁶⁸. В современном научном сообществе, поэтому, остро стоит проблема обретения собственной профессиональной идентичности на основе признания истории точной и доказательной наукой⁵⁶⁹.

Объективное различие социальных функций исторического знания – эвристически-познавательной, педагогически-воспитательной, политически-легитимирующей, юридически-доказательной и др. – открывает различные направления его использования в современном обществе. В России традиционно сформировался конфликт в понимании исторического прошлого между научной интеллигенцией (отстаивающей преимущественно познавательную функцию истории) и политической властью, рассматривающей историческую информацию прежде всего как ресурс социальной консолидации и собственной легитимации. Если в идеале различные социальные функции исторического знания не должны противоречить друг другу, то в реальности между ними существует конфликт, который нарастает по мере отчуждения общества от власти и стремления последней навязать обществу собственную версию исторического процесса⁵⁷⁰.

⁵⁶⁸ Историк и мир – мир историка в России и Центрально-восточной Европе. Материалы международной научной конференции будапештского Центра Русистики от 21–22 мая 2012 г. Budapest, Russica Pannonica, 2012.

⁵⁶⁹ Заключение по вопросу о состоянии российской исторической науки в рамках экспертного опроса – «Формула истории: Историки о профессии» // Труды по русистике, М., 2012. Вып. 4. С. 369–374.

⁵⁷⁰ Медушевский А. Н. Мои бои за историю. Как я был главным редактором журнала «Российская история» // Вестник Европы, 2012, Т. 33. С. 147–159. Также: <http://magazines.russ.ru/vestnik/2012/33/m28.html>

Распространение суррогатных схем исторического прошлого с целью воспитания официального патриотизма не служит полноценной гражданской консолидации, поскольку опирается на квазинаучную интерпретацию событий прошлого. Реставрационные тенденции наиболее четко отражены в доминирующей официальной трактовке ключевых исторических событий XX века – революции, сталинизма, причин крушения СССР, преобразований эпохи Перестройки и реформ 90-х гг. XX в., оценке с этих позиций текущих политических и конституционных процессов. В общественное сознание внедряется мысль об «особом пути» российского общества, отторгающего будто бы западные представления о частной собственности, политической демократии и правах человека, вывод об исторической предопределенности и неизбежности авторитарной модели власти, необходимости клерикализации общества и пересмотре с этих позиций конституционных принципов 1993 года⁵⁷¹.

Все попытки подменить научную версию истории ее искаженной, популистской версией – есть движение в неверном направлении. Направленный характер этих тенденций в историографии вызывает тем большую озабоченность, что получает воплощение в педагогической практике – историко-культурных стандартах и системе учебников для всех ступеней образования – для начальной, средней и высшей школы. Результатом может стать полное переформатирование исторического самосознания населения, основанного на неадекватной картине исторического процесса, а следовательно, исключающей способность к адекватной мотивации поведения в условиях современного глобализирующегося мира⁵⁷².

С позиций когнитивной теории истории гуманитарное (историческое) образование целесообразно строить как фундамен-

⁵⁷¹ Историческое знание как фактор развития. М., РОДП «Яблоко», 2014; См.: Круглый стол: «Историческое знание как фактор развития»: http://www.yabloko.ru/2013/12/18_0

⁵⁷² Эта точка зрения была представлена в материалах расширенного заседания Бюро Отделения историко-филологических наук РАН 25 сентября 2013, посвященного обсуждению концепции нового учебно-методического комплекса по отечественной истории: polit.ru/article/2013/10/25/review

тальное, а не прикладное – учить методам самостоятельного выявления, критического анализа информации и доказательной проверки данных, а не просто транслирующим процессам – передаче информационных блоков в готовом виде. Потребление информации вне самостоятельной научной критической проверки ее достоверности индивидом открывает простор для идеологического манипулирования и информационной сегрегации. В основе соответствующих образовательных стандартов должна лежать непротиворечивая концепция исторического процесса – такая его версия, которая выработана путем диалога внутри научного сообщества, а не механически насаждаемая помимо него⁵⁷³. Эта концепция предполагает обоснование критериев селекции основных фактов, доказательную реконструкцию мотивов исторического выбора каждой эпохи, его вариативности, цены и последствий в сравнительной перспективе.

Роль и ответственность гуманитарной интеллигенции в переосмыслении истории XX в. оказывается чрезвычайно велика. В условиях смены научных парадигм – перехода от нарративистской (описательной) методологии истории к когнитивно-информационной (аналитической) – возрастает значение этического выбора научной интеллигенции – сознательного отрицания релятивистских представлений об историческом прошлом в целях манипулирования и, напротив, уверенного отстаивания научного профессионализма, открывающего путь полноценной и доказательной реконструкции исторического прошлого страны. Подлинный профессионализм, следовательно, есть лучшая прививка как от субъективизма, так и от «официального патриотизма»⁵⁷⁴.

⁵⁷³ Подробнее: Диалог культур: Пространство, время и смысл существования в науках о человеке (Презентация книг О. М. Медушевской) // Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты. Ежегодник. М., ИНИОН РАН, 2014. С. 204–213.

⁵⁷⁴ Интеллигенция и власть в России XX – начала XXI века: возможно ли преодоление конфликта в понимании исторического прошлого? Пресс-релиз дебатов 30 января 2013 г. в Английском клубе – Дискуссионной площадке Государственного Музея Современной Истории России (по книге О. М. Медушевской – «Пространство и время в науках о человеке»). <http://www.sovr.ru/press/2014/01/26/medushevskaya/>

Таким образом, констатируем фундаментальное значение концепции когнитивной истории как новой парадигмы методологии истории, ее поворотную роль в решении актуальных проблем, стоящих перед современным российским научным сообществом гуманитариев.

1. Теория когнитивной истории О. М. Медушевской и антропологический метод в современном гуманитарном познании

Концепция когнитивной истории О. М. Медушевской обладает всеми признаками новой научной парадигмы: позволяет ответить на вопросы, не разрешенные предшествующей философией истории, но одновременно формулирует новые направления научных исследований, определяя приоритеты современной теории и методологии истории. Их суть – в продвижении к исторической аналитике доказательного и точного знания. Труды О. М. Медушевской – классика современной исторической науки⁵⁷⁵, ни одна последующая дискуссия в области теории исторического познания не сможет игнорировать выводов данных исследований⁵⁷⁶. Это определило вклад теории когнитивной истории О. М. Медушевской в методологию современного гуманитарного познания и идентичность научного сообщества и решение проблем высшего образования⁵⁷⁷. Проведена реконструкция основных понятий когнитивно-информационной теории в их формировании, логической взаимосвязи и влиянии на становление аналитической истории⁵⁷⁸.

⁵⁷⁵ Медушевская О. М. Теория и методология когнитивной истории. М., 2008; Медушевская О. М. Теория исторического познания: избранные произведения. М., 2010.

⁵⁷⁶ Когнитивная история. Концепция-методы-исследовательские практики. Чтения памяти профессора Ольги Михайловны Медушевской. М., 2011.

⁵⁷⁷ См.: Круглый стол по книге О. М. Медушевской «Теория и методология когнитивной истории» // Российская история, 2010. № 1. С. 131–166.

⁵⁷⁸ Медушевский А. Н. Когнитивно-информационная теория в современном гуманитарном познании // Российская история, 2009, № 4. С. 3–22; *Он же*: Когнитивно-информационная теория как новая философская парадигма гуманитарного познания // Вопросы философии, 2009, № 10. С. 70–92.

В то же время меньшее внимание в дискуссии до последнего времени уделялось вкладу когнитивной теории в формирование такого направления современной научной мысли, каким по праву становится историческая антропология. Между тем, обоснованный О. М. Медушевской когнитивный подход в истории генетически и логически связан с антропологическим подходом в историографии и источниковедении, а его важность определяется тем, что «феномен антропологии позволяет уловить ведущие тенденции науки, ее связи с обществом и массовым сознанием»⁵⁷⁹. Именно этот феномен и составляет предмет данного исследования.

2. Вклад теории когнитивной истории в методологию антропологически ориентированного гуманитарного познания

Основная проблема исторического познания связана с объектом исследования: внутренний мир человека ненаблюдаем и подвижен; внешнее поведение индивида и групп не охватывает сущностных свойств человека; эксперимент и непосредственное наблюдение возможны лишь в ограниченной степени. Подход О. М. Медушевской предлагает принципиально иное решение этой проблемы в рамках новой философской концепции когнитивной истории. В нем определяется не только теория и методология данной области знаний и научной дисциплины, но раскрывается логика научного познания, своего рода путь, по которому научная мысль должна следовать, если она действительно стремится к достижению доказательных и эмпирически верифицируемых результатов. В трудах О. М. Медушевской дается определение научного знания и тем самым сразу очерчиваются рамки изучаемого явления, за пределами которого оказываются различные метафизические, релятивистские или субъективные построения, не имеющие отношения к науке. История, — подчеркивает она, — «может быть наукой» в том случае,

⁵⁷⁹ Медушевская О. М. Историческая антропология как феномен гуманитарного познания: перспективы развития // Медушевская О. М. Теория исторического познания: избранные произведения. М., 2010. С. 359.

если имеет реальный, доступный для повторных интерпретаций и, следовательно, стабильно существующий объект; опирается на данные такого объекта, который охватывал бы человечество в целом (исторический процесс); этот объект должен отвечать главному условию, выражать системообразующее свойство феномена человека⁵⁸⁰.

Но что такое «феномен человека»? Сама постановка этого вопроса имеет антропологическую направленность и глубокие корни в истории этой дисциплины, которая прошла ряд этапов в определении своего предмета⁵⁸¹. От науки о происхождении и развитии человека, она эволюционировала к антропологии социальной (культурной) с установлением различных взаимосвязей с этнологией, социологией, психологией, археологией. Однако, -подчеркивала О. М. Медушевская, – «наиболее существенным является то направление междисциплинарных взаимодействий, которое развивается в настоящее время как *историческая антропология*»⁵⁸².

Разумеется, в завершенном виде данная историко-антропологическая концепция феномена человека и точные определения ключевых понятий – представлены в последних статьях и книгах О. М. Медушевской, прежде всего – в первой главе («Феномен человека») обобщающей итоговой книги – «Теория и методология когнитивной истории» (М., 2008). Однако ее содержательный анализ целесообразно вести с учетом логики формирования концепции на всех этапах творчества ученого. Уже в первых трудах исследователя по истории географических открытий, исторической географии, картографии XVII–XIX вв. (написанных в 50-х-нач.60-х гг. XX в.) обращает на себя внимание выход за рамки традиционной концепции этих дисциплин – внимание к таким чисто антропологическим

⁵⁸⁰ Медушевская О. М. Теория и методология когнитивной истории. М., 2008. С. 11–12.

⁵⁸¹ Историческая антропология: место в системе социальных наук, источники и методы интерпретации. М., 1998.

⁵⁸² Медушевская О. М. Теория исторического познания: избранные произведения. М., 2010. С. 363.

проблемам как осмысление людьми прошлого «пространства», «времени», восприятие «другого» (напр., взаимоотношения культурных стереотипов русских землепроходцев и аборигенов, сравнение представлений о них в русских и иностранных источниках, оценка явлений русской действительности в записках иностранцев и проч.).

Не менее важно присутствие элементов антропологической теории в работах О. М. Медушевской 60–70-х гг. XX в., в которых в отечественную науку вводилось понятие теоретического источниковедения, разрабатывались его методологические основы и предлагались ответы на сложные вопросы исторического познания, поставленные в дискуссиях того времени. Это относится в первую очередь к введению О. М. Медушевской в науку того времени понятия «цивилизации» и началу разработки цивилизационного подхода в отечественной историографии⁵⁸³. Отметим, что одним из важнейших направлений этих дискуссий стало обращение к структурализму – возможностям использования его метода для обоснования видовой классификации исторических источников.

Структурализм, однако, в лице его ведущих представителей, был связан в первую очередь с феноменом антропологии как новой науки, претендовавшей на выявление структур общества и сознания не только в истории, но и в современности (в рамках эмпирических исследований сознания аборигенов разных континентов). Это заставляло исследователей задуматься о соотношении информации, полученной из различных видов источников – устных бесед и этнографических наблюдений, письменных исторических источников, археологических памятников, поставить вопрос о том, что объединяет эти данные для понимания феномена человека⁵⁸⁴. Работы данного времени,

⁵⁸³ О понятии «цивилизация» в зарубежной историографии О. М. Медушевская писала в конце 60-х гг. XX в., когда этот термин еще практически не использовался в российской историографии // См.: Вопросы истории, 1966, № 8. С. 195–196.

⁵⁸⁴ Медушевская О. М. Проблема структуры в науках о человеке // Медушевская О. М. Теория исторического познания: избранные произведения. М., 2010. С. 394–410.

в частности, по вопросам классификации исторических источников, истории источниковедения и его развития в России и мире в целом, не только энциклопедически охватывают предмет, но и раскрывают исследовательскую «волю к знанию», способную преодолеть трудности сохранения методов подлинного научного анализа в условиях предельно идеологизированного общества – «искусственной изоляции от мировой культуры прошлого и современности»⁵⁸⁵.

Наконец, наиболее существенное внимание проблемам исторической антропологии уделено в работах О. М. Медушевской последнего периода творчества ученого (с конца 1990-х гг. до 2007 г.)⁵⁸⁶. Работы этого времени – статьи и доклады – отражают постановку вопросов философии истории, сравнительного подхода, поиска нового междисциплинарного синтеза. В них представлен глубокий анализ мировой философии исторического познания, когда Ольга Михайловна получила возможность говорить без цензурных ограничений предшествующего времени, и они выражают синтез предшествующих направлений исследовательской работы – истории, антропологии и источниковедения. В этих трудах с позиций когнитивно-информационной теории дается критика релятивистских учений об истории, показан выход из тупика постмодернистских концепций, возникших в качестве реакции на утерю привычных структуралистских ориентиров предшествующего периода. В конечном счете О. М. Медушевской сформирован вывод о смене парадигм в современной исторической науке – переходе от нарративистских (и наивно-герменевтических) подходов к теории когнитивной истории.

Концепция когнитивной истории, ставшая ответом на эти вызовы современной эпохи, – видит решение проблемы в изучении целенаправленного человеческого поведения, которое,

⁵⁸⁵ Медушевская О. М. Теория исторического познания: избранные произведения. М., 2010. С. 135.

⁵⁸⁶ Биографическая канва этих этапов отражена в публикации: Мастера современной исторической науки: О. М. Медушевская // Исторический архив. 2010, № 4.

развиваясь в эмпирической реальности, неизбежно сопровождается фиксацией результатов исследования, созданием интеллектуальных продуктов, которые в свою очередь выступают отправной точкой доказательного исторического познания, возможного на основе методов классического источниковедения. Таким образом, когнитивная история – «наука о человеческом мышлении, которое проявляет себя созданием интеллектуального продукта вовне, созданием информационного продукта своей целенаправленной деятельностью»⁵⁸⁷. Антропологическая устремленность этого подхода достигает наивысшего выражения: «Целью, – подчеркивает ученый, – является познание людей во времени, человека как тотальной целостности его социальных, психологических, биологических и других свойств, и прежде всего познание человеческой мысли»⁵⁸⁸.

3. Смена парадигм в исторической науке и выбор научным сообществом стратегии развития.

Принципиален вклад теории в социологию гуманитарного познания – вывод О. М. Медушевской о смене парадигм и необходимости выбора научным сообществом стратегии развития: будет ли оно и далее находиться в плену релятивистских постмодернистских теорий и сочувственного отношения к «танцующим» понятиям и определениям или воспримет историю как строгую и точную науку. Современная ситуация в науке, как отмечалось, представляет собой смену парадигм – переход от одной парадигмы (нарративизма) к другой (когнитивной истории). Главным недостатком нарративистского подхода в историко-антропологических исследованиях признается его неспособность раскрыть когнитивную мотивацию человека другой культуры. Ведь содержательный диалог в науках о человеке возможен только при существовании категорий, понятных его участникам. Отсутствие такого диалога, когда воссоздание

⁵⁸⁷ Медушевская О. М. Теория и методология когнитивной истории. М., 2008. С. 353.

⁵⁸⁸ Медушевская О. М. Теория исторического познания: избранные произведения. М., 2010. С. 201.

логики автора произведения ведется по аналогии с собственной логикой интерпретатора, ведет к появлению ситуации когнитивного тупика – «герменевтического круга», а следовательно, исключает для исследователя возможность найти адекватные пути и инструменты к расшифровыванию информации, заложенной в языке или материальных памятниках («вещах») данной культуры.

Современным релятивистским доктринам философии исторического познания, восходящим к известным нарративистским представлениям, основатель теории когнитивной истории противопоставляет четкий и жесткий тезис: история есть «нормальная», т. е. строгая и точная наука, ее смысл – в установлении исторических явлений, а метод – в изучении человеческого творчества, «человеческой одушевленности» на основе критического анализа эмпирической реальности – продуктов человеческой деятельности (в обыденной жизни именуемых «вещами»), причем такое изучение, которое раскрывает как явную, так и скрытую информацию, ненамеренно заложенную автором, но часто более ценную для историка и антрополога.

С позиций теории когнитивной истории, ядро которой составляет методология теоретического источниковедения, оказывается возможным обращение к антропологической проблематике: определение общности культурной и познавательной ситуации; реконструкция представлений о пространстве и времени в их взаимосвязи; осуществление междисциплинарного синтеза истории с другими гуманитарными и естественными науками (географией, психологией, лингвистикой, компьютерными науками и др.); постановка на твердую эмпирическую основу сравнительных исследований человеческого общества с позиций информационного обмена. Информационный обмен может иметь как непосредственный, так и опосредованный характер – передачу продуктов целенаправленной человеческой деятельности (фиксированной информации) во времени и пространстве, что открывает пути кодирования и декодирования информации, ее накопления, отделения подлинной от мнимой информации, наконец, ее накопления в историческом процес-

се. Данный подход представлен в ряде важных работ исследователя – «История в общей системе познания: смена парадигм»; «Методология истории как строгой науки»; «История как наука: когнитивный аспект и профессиональное сообщество». Подчеркнем, что все полученные выводы справедливы как для традиционных видов источников, так и для новых, возникших в эпоху электронных коммуникаций⁵⁸⁹.

Таким образом, через посредство созданного произведения человек «дает знать о себе другим людям», способным воспринять эту информацию независимо от разделяющей их временной дистанции. Источниковедческая парадигма в системе современного гуманитарного знания представлена трудами О. М. Медушевской, заложившими основы этой дисциплины: «Источниковедение: теория, история и метод»; «Источники в науках о человеке»; «Источниковедение и историография: индикатор системных изменений», а также работах по истории становления и развития источниковедческой школы в России. Новое определение источниковедения опирается на историко-антропологический подход, рассмотренный нами выше: «Источниковедение, – подчеркивает О. М. Медушевская, – изучает не просто исторический источник. Оно изучает систему отношений: человек – произведение – человек. Эта триада выражает общечеловеческий феномен: один человек общается с другим не непосредственно, с помощью личного контакта, но опосредованно, с помощью произведения, созданного другим человеком и отражающего его личность»⁵⁹⁰.

Интеллектуальный продукт – неделимый «атом» – «главный материальный объект, посредством которого возникает в автономной человеческой информационной среде феномен опосредованного информационного обмена»⁵⁹¹. Вещь становится

⁵⁸⁹ *Сабенникова И. В.* Публикация исторических документов в электронном виде: проблемы и решения // Когнитивная история. Концепция-методы-исследовательские практики. М., 2011. С. 68–82.

⁵⁹⁰ *Медушевская О. М.* Теория исторического познания: избранные произведения. М., 2010. С. 73.

⁵⁹¹ *Медушевская О. М.* Теория исторического познания: избранные произведения. М., 2010. С. 419.

интегральным объектом историко-антропологического исследования⁵⁹².

4. Актуальность антропологической составляющей гуманитарного познания и образования

Наиболее убедительные ответы на ряд вызовов гуманитарного познания новейшего времени не случайно предложила именно антропология. «Антропология, – подчеркивает О. М. Медушевская, – формировалась как принципиально новый подход к решению актуальных задач гуманитарного познания. Общим было стремление перейти от европоцентристской модели мировой истории к глобальной ее модели, универсальной всеобщей истории; от линейно-хронологической описательности «историзирующей» истории – к изучению структур повседневности, человеческого опыта во всем его объеме; от систематизации разрозненных фрагментов с помощью абстрактных конструкторов, возникающих в сознании историка, – к анализу механизмов функционирования целого – будь то самоидентификация индивида в его группе, функционирование общества как системного, иерархизированного целого или соотношение человеческих представлений и их поведенческих проявлений»⁵⁹³.

Новая образовательная модель, ориентированная на формирование творческой личности, предполагает интеграцию исследовательской и педагогической деятельности в рамках единого антропологического подхода. Этот вывод определяет позицию О. М. Медушевской в ходе дискуссии относительно реформы гуманитарного образования, тем более важную, что в ее лице мы имеем дело с одним из общепризнанных мастеров и лидеров российской исторической науки и педагогики. Для понимания концепции гуманитарного познания и научной школы

⁵⁹² Медушевская О. М. Вещь в культуре: источниковедческий метод историко-антропологического исследования. Программа курса // Источниковедение. Учебно-методический модуль. М., 2004. С. 202–227.

⁵⁹³ Медушевская О. М. Теория исторического познания: избранные произведения. М., 2010. С. 361.

О. М. Медушевской важны такие работы завершающего периода ее творчества как «Исторический источник: человек и пространство»; «Источник и сравнительный метод в гуманитарном знании»; «Точное знание в истории: структуралистский аспект»; «Эмпирическая реальность исторического мира» и др. Прослеживается последовательное стремление добиться синтеза исторической антропологии и источниковедения⁵⁹⁴.

Специальное значение для формирования историко-антропологического подхода имеют работы О. М. Медушевской – «Феноменология культуры»; «Проблема структуры в науках о человеке», «Когнитивно-информационная модель в науках о человеке»; «Историческая антропология как феномен гуманитарного знания»; и, наконец, труды, раскрывающие с этих позиций проблемы исторического образования и педагогического процесса – «История науки как динамический процесс», «Идея РГГУ» и др., где четко сформулированы концептуальные основы этого университета, отражены основные направления формирования международной школы теоретического источниковедения и ее принципиальные междисциплинарные ориентиры.

Важный общий вывод О. М. Медушевской о перспективах методологии истории состоял в необходимости в науке и образовании добиться «синтеза трех направлений» – антропологии с ее главной идеей глобального (коэксистенциального) единства человечества; исторической науки с ее главной идеей эволюционного единства человечества; источниковедческой науки с ее главной идеей единства источниковой основы целенаправленной человеческой деятельности. Взаимодействие данных исследовательских направлений создает единое пространство теоретико-познавательных и образовательных социальных практик, подчиненных общей цели – достижению достоверного (и даже точного) гуманитарного знания»⁵⁹⁵. Этот вывод получил

⁵⁹⁴ Медушевская О. М. Когнитивно-информационная теория в социологии истории и антропологии // Социологические исследования, 2010, № 11.

⁵⁹⁵ Медушевская О. М. Теория исторического познания: избранные произведения. М., 2010. С. 371.

практическую реализацию в читавшихся Ольгой Михайловной курсах⁵⁹⁶.

Важен намеченный когнитивной теорией подход к решению проблем высшего образования, указывающий на принципиальное различие фундаментального образования (основанного на обучении методу) от транслирующего и вторичного (основанного на механическом воспроизводстве чужих мыслей без установки на их критический анализ). Данная постановка задач исторического познания и образования, несомненно, делает работу ученого и преподавателя более трудной и ответственной, но и результат такого исследования оказывается вознагражден приобретением нового знания о человеке. Антропоцентрическая ориентация гуманитарного познания, таким образом, выражает и объясняет новую ситуацию в гуманитарном образовании.

Теория когнитивной истории сыграла ключевую роль не только в теории и методологии исторического познания и теоретического источниковедения, но определила новые направления развития исторической социологии и антропологии. В настоящее время историческая наука только начинает осмысление возможностей когнитивной теории в этой области⁵⁹⁷. Распространение новых идей затрагивает не только узкий круг сообщества историков, но и философов, социологов, антропологов, лингвистов, специалистов по информатике, педагогов, библиографов, архивистов, документоведов и проч., т. е. всех тех, кому важно решение проблем подлинности познания: единства гуманитарного познания и его реализации на доказательном уровне⁵⁹⁸.

⁵⁹⁶ Медушевская О. М. Историческая антропология и антропологически ориентированная концепция: интеграция исследовательской и образовательной программ // Российско-французский центр исторической антропологии им. Марка Блока. Программы курсов. М., 2002. С. 15–20.

⁵⁹⁷ Подробнее см.: *Сабенникова И. В.* [Рецензия] // Российская история. 2009. № 2. С. 177–179. Медушевская О. М. Теория и методология когнитивной истории. М.: РГГУ. 2008.

⁵⁹⁸ Презентация в ИНИОН РАН книги О. М. Медушевской «Теория исторического познания: избранные произведения» // Вестник архивиста, 2010, №4.

Представителей различных гуманитарных дисциплин объединяет прежде всего историко-антропологический метод научного познания, обоснованный и реализованный в трудах О. М. Медушевской. «В античной легенде, – писала она, – Диоген, взяв в руку светильник, отправляется в путь, чтобы найти человека. Источниковедческая парадигма дает свой ориентир для достижения общей цели гуманитарного знания: человек – это создатель и творец, а следовательно, это тот, кто сделал для Другого светильник»⁵⁹⁹.

⁵⁹⁹ Медушевская О. М. Теория исторического познания: избранные произведения. М., 2010. С. 372.

«КРУГЛЫЙ СТОЛ» ПО КНИГЕ О. М. МЕДУШЕВСКОЙ «ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ КОГНИТИВНОЙ ИСТОРИИ»⁶⁰⁰

13 декабря 2008 г. в Историко-архивном институте РГГУ состоялись Чтения, посвященные памяти д-ра ист. наук, профессора Ольги Михайловны Медушевской (1922–2007), проведенные кафедрой источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин. В рамках Чтений прошел «круглый стол» – обсуждение вышедшей в сентябре 2008 г. последней монографии О. М. Медушевской «Теория и методология когнитивной истории» (М.: РГГУ, 2008. 361 с.). С докладами выступили Заслуженный деятель науки, академик РАО С. О. Шмидт (Зав. Кафедрой москвоведения ИАИ РГГУ), профессора В. А. Муравьев (ИАИ РГГУ), М. Ф. Румянцева (Зав. Кафедрой источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин ИАИ РГГУ), Б. С. Илизаров (ИРИ РАН), А. Н. Медушевский (ИРИ РАН), С. И. Маловичко (Зав. кафедрой истории России Российского государственного аграрного университета – МСХА им. К. А. Тимирязева), доценты и преподаватели Кафедры источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин ИАИ РГГУ – Д. А. Добровольский, Р. Б. Казаков, Е. В. Пчелов. Были поставлены проблемы истории как строгой науки, эмпирического объекта исторического знания, феноменологической парадигмы источниковедения в системе гуманитарного знания, интеллектуальных источников концепции О. М. Медушевской, ее места в системе эпистемологии XX – начала XXI века, значение для современной науки, гуманитарного образования и социальной практики в широком понимании.

С. О. Шмидт подчеркнул, что О. М. Медушевская не только внесла выдающийся вклад в развитие теории и методологии истории, но создала фундаментальную научно-педагогическую

⁶⁰⁰ В основу публикации положено издание: «Круглый стол» по книге О. М. Медушевской «Теория и методология когнитивной истории» // Российская история. 2010. № 1. С. 131–165.

школу в российском источниковедении XX в. Для нее были характерны научная беспристрастность в поиске истины, кристальность мысли и отказ от интерпретационных схем, настойчиво навязываемых идеологизированным государством. Научная школа О. М. Медушевской опирается на лучшие достижения русской дореволюционной исторической мысли, вбирает в себя богатство идей об историческом прошлом в европейской и мировой философии истории истекшего столетия, опыт изучения самых различных видов исторических источников России. В последней книге ученого предложена цельная и оригинальная теория когнитивной истории, подводящая итог ее научного творчества и представляющая собой новую теоретическую концепцию в гуманитарном знании. Изучение этого труда, как и всей эволюции научных и общественно-политических взглядов О. М. Медушевской, представляет важную историографическую задачу будущего. Она может быть решена путем обращения к научному наследию ученого, в частности, при написании диссертационных и монографических исследований о ее творчестве.

«Теория и методология когнитивной истории», – отметил Б. С. Илизаров, – это труд, который поднимает самые глубокие вопросы исторического познания: что такое история – наука или искусство; каким образом возможно достоверное познание прошлого; наконец, каков должен быть путь человеческого сознания к выяснению смысла мирового Универсума. В книге О. М. Медушевской представлены ответы на эти вопросы. Универсум – нерасчлененный поток; ему противостоит человеческое сознание, которое дробит его на части и делает понятным. Ключевую роль в этом процессе играет язык, поскольку дает обозначение фиксированной дискретности и, тем самым, формирует воспринимаемую нами реальность. Очень убедительно введено в концепцию понятие вещи – исторического источника как продукта целенаправленной человеческой деятельности, изучая который, безусловно, можно выйти к подлинным универсалиям представлений о человеке. Наша историческая картина мира может меняться и в этом смысле быть доступной

различным интерпретациям, однако источниковедение – это строгая наука, поскольку критерии доказательного и точного знания – неизменны. Именно эти критерии отстаивает концепция, представленная в книге. С этих позиций целесообразно обращение не только к вопросам собственно гносеологического характера, но также проблемам этики – добра и зла, ценностного выбора каждой эпохи.

Концепция О. М. Медушевой (как это всегда бывает в случаях появления научных мегапарадигм), – констатировал В. А. Муравьев, – не только теория, но и прекрасный практический ориентир. Она была сформирована в ходе многолетней преподавательской деятельности и имеет, поэтому, не только эвристический, но и педагогический потенциал. Когнитивно-информационная концепция может быть положена в основу осмысления реформы высшего образования, поскольку позволяет очень точно провести различие между двумя стратегиями – фундаментальной информационной (основанной на применении критических методов анализа информации и обучении им) и прагматически-транслирующей (основанной на простой передаче сведений, информационной новизна и содержательность которых не ставится под вопрос). Эта концепция не только дает мощные аргументы в поддержку фундаментального университетского образования, но и показывает, как достичь этого практически, т. е. предлагает систему определений, курсов, учебных планов и т. д.

В дискуссии приняли участие: доктора исторических наук – Б. С. Илизаров, Е. Н. Швейковская (Институт славяноведения РАН), И. В. Сабенникова (ВНИИДАД); кандидаты исторических наук – В. Д. Банасюкевич (ВНИИДАД), Ю. Э. Шустова (ИАИ РГГУ), Л. Б. Сукина (Зав. Кафедрой гуманитарных наук и иностранных языков НОУ – Институт программных систем – «Университет города Переславля»); преподаватели, музейные и архивные работники – Г. Н. Савельева (РГГУ), А. М. Булатов (РГГУ), Н. В. Нор (ГИМ), Г. Р. Саатчян (Ген. директор ООО «Развивающие и формативные технологии»). Перед исследователями-историографами и источниковедами, – отмеча-

ли выступавшие, – встает ряд проблем: как интерпретировать те или иные положения концепции О. М. Медушевой (признано целесообразным издание собрания ее сочинений, библиографии всех трудов, их комментирование и исследование); как развивать эти положения в научной литературе и учебном процессе (максимально интегрировать эти идеи в гуманитарное образование, возможно, в виде особого курса или раздела курса методологии истории, посвященного специально ее взглядам, ввести в список экзаменационных вопросов для студентов и аспирантов изучение данной теории); как добиться того, чтобы эти идеи практически влияли на сознание общества (предложено сделать Чтения памяти О. М. Медушевой – регулярными и ориентированными специально на методологию истории и теоретическое источниковедение, а также связанные с ними сравнительные исследования).

Затем обсуждение было продолжено в Internet-формате. Его участниками стали: доктора исторических наук, профессора: Матидов В. М. (Зав. Кафедрой аудиовизуальных документов и архивов ИАИ РГГУ), Мининков Н. А. (Зав. Кафедрой специальных исторических дисциплин и документоведения Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону), С. С. Минц (Кафедра дореволюционной отечественной истории Кубанского государственного университета, г. Краснодар); доктор философских наук А. В. Лубский (Кафедра социологии, политологии и права ИППК Южного федерального округа, г. Ростов-на-Дону); кандидаты исторических наук, доценты – В. В. Высокова (Кафедра новой и новейшей истории Уральского государственного университета, г. Екатеринбург), И. М. Гарскова (Кафедра исторической информатики исторического факультета МГУ им. Ломоносова), Г. Н. Ланской (Кафедра аудиовизуальных документов и архивов ИАИ РГГУ), А. А. Лукашевич (Кафедра экономической теории и права Кировоградского национального технического университета, Украина); доктор Тереса Мареш (адъюнкт кафедры преподавания истории и образовательной интеграции с Европейским Союзом Института истории и международных отношений Университета им. Казимира Великого, г. Быдгощ, Польша).

Итоги первого этапа освоения фундаментального труда О. М. Медушевской, выводящего российскую гуманитаристику на новый парадигмальный уровень, предлагаются вниманию заинтересованного читателя.

М. Ф. Румянцева

Когнитивная история – новая парадигма в науках о человеке

Книга О. М. Медушевской «Теория и методология когнитивной истории» – результат более чем полувекового напряженного интеллектуального труда. Эта книга не просто подытоживает многолетнюю интенсивную рефлексивную деятельность Ольги Михайловны в сфере исторического и – шире – гуманитарного познания, но и, несомненно, выводит на принципиально новый концептуальный уровень Научно-педагогическую школу источниковедения Историко-архивного института РГГУ и, смею думать, всю российскую гуманитаристику. Эта книга должна стать отправной точкой в становлении современной синтетической науки о человеке, которая в книге О. М. Медушевской конституируется как «когнитивная история».

Научное сообщество только начинает воспринимать это новое знание, полноценное осмысление которого требует высокого уровня профессионализма и значительных интеллектуальных усилий. Не претендуя на полноценный и всесторонний анализ труда О. М. Медушевской, акцентирую внимание лишь на двух вопросах: об этапном значении монографии О. М. Медушевской для методологии гуманитарного знания и о том, почему этой книге не просто будет найти путь к своему читателю за пределами «невидимого колледжа», объединенного вокруг Научно-педагогической школы источниковедения, концептуальное оформление которой на протяжении последних десятилетий было неразрывно связано с именем О. М. Медушевской.

Ответ на второй вопрос четко сформулирован самой Ольгой Михайловной: «Профессиональное сообщество историков

находится в ситуации смены парадигм <...> По отношению к философии исторического познания следует говорить не столько о смене, сколько о сосуществовании и противоборстве двух взаимоисключающих парадигм. Одна из них, неотделимая от массового повседневного исторического сознания, опирается на многовековую традицию и в новейшее время идентифицирует себя с философией уникальности и идиографичности исторического знания, исключая перспективу поиска закономерности и видящего организующий момент такого знания лишь в ценностном выборе историка <...> Другая парадигма истории как строгой науки, стремящаяся выработать совместно с науками о природе и науками о жизни общие критерии системности, точности и доказательности нового знания, не общепризнанна и представлена исключениями» (С. 15–16)⁶⁰¹. Мне кажется чрезвычайно важной и актуальной мысль о близости построений профессиональных историков в рамках традиционных/привычных парадигм или привычной нарративной логики массовому сознанию. Именно в этом видит автор причину устойчивости традиционных подходов: «В силу своей адекватности повседневному историзму массового сознания парадигма нарративной логики преобладает в мире. Достаточно вспомнить о том, как представляет свою науку сообщество в преподавании в общеобразовательной школе. История преподается не как наука или научный метод, но как набор достигнутых знанием утверждений, сопровождаемых оценочными суждениями, ориентированными не на обсуждение, но на усвоение» (С. 16). Эта мысль имеет принципиальный характер для становления образовательной модели высшего гуманитарного образования, которую О. М. Медушевская последовательно разрабатывала в последние годы и обоснованию которой посвящена пятая, заключительная, глава монографии.

В чем же этапное значение этой книги? Принципиально важно последовательно проводимое О. М. Медушевской противопоставление нарративной логики и феноменологической

⁶⁰¹ Здесь и далее в скобках указываются страницы издания: Медушевская О. М. Теория и методология когнитивной истории. М.: РГГУ, 2008.

логики. Синтезируя в результате источниковедческий подход и новое понимание истории в системе наук о человеке, автор приходит к выводу: «Смена парадигм в сообществе происходит не путем модернизации нарратива, но путем формирования другой, *феноменологической*, логики исторического исследования. Прежде всего, она утверждает информационную самоценность интеллектуального продукта как реализованного (эмпирическая данность) феномена со своей дискретностью и структурированностью» (С. 341). Именно обоснование феноменологической парадигмы составляет основное содержание книги.

О. М. Медушевская продвигается от сформулированной источниковедческой концепции к новому пониманию истории, выводящему историческое знание на новый уровень в системе когнитивных наук. «Каждая из наук, – пишет автор, – <...> берет в качестве объекта одну из сторон человеческого мышления и поведения и потому не может настаивать на его абсолютной репрезентативности. Есть лишь одна наука, объектом рассмотрения которой в принципе является весь человеческий род, от его начала до современности, в его эволюционном и глобальном единстве. Эта наука – история, ее объект мыслится как адекватный человечеству. Исторический процесс – и есть время и место реализации человеческого мышления и поведения как универсального явления. Следовательно, лишь при условии привлечения исторической науки когнитивистика может получить адекватный своим целям объект» (С. 8–9).

Высочайший уровень концептуализации облечен в книге О. М. Медушевской в строгую логическую форму. В монографии, посвященной теоретическому обоснованию возможности универсальной эмпирической науки о человеке и исследованию ее методологии, последовательно анализируется феномен человека как существа, реализующего себя через создание «вещи» (1 глава), затем рассматривается проблематика информационного обмена, в первую очередь, через посредство «вещи», то есть реализации / объективации творческой активности человека (2 глава). Центральное место в исследовании занимает третья глава, посвященная феномену «исторического источника» и

становлению науки о нем. В следующей (четвертой) главе О. М. Медушевская рассматривает структуру объекта когнитивной истории как эмпирической науки. И наконец, автор выходит на проблему образовательных стратегий в условиях смены / параллельного существования нарративной и феноменологической парадигм гуманитарного познания (5 глава).

В работе О. М. Медушевской фактически аккумулирован огромный опыт гуманитарного знания. Следуя логике своей мысли, Ольга Михайловна волей-неволей вступает в диалог, а иногда и в резкую полемику, со всей – именно со всей в ее совокупности – философско-гуманитарной мыслью конца XIX – начала XXI в.: от Ш.-В. Ланглау и Ш. Сеньобоса, неокантианцев и Э. Гуссерля до Поля Рикера, Хейдена Уайта и Жака Деррида. Но этот диалог не эксплицируется и, соответственно, требует двумчивой деконструкции / реконструкции со стороны не просто заинтересованного, но и профессионально грамотного, философски образованного читателя.

В основе ясности текста – предельная проясненность всех используемых понятий: от таких универсалий как человек до специальных терминов исторической науки, базовым из которых является понятие «исторического источника». Подчеркнем особо – практически все определения авторские. Они не взяты из философских словарей или энциклопедий, они «добыты» (здесь уместно использовать одно из любимых выражений А. С. Лаппо-Данилевского) в ходе последовательного решения поставленных в монографии проблем; они не «встроены» в концепцию, они имманентны ей. Возьмем для примера два ключевых понятия концепции О. М. Медушевской – «человек» и «наука». Для построений О. М. Медушевской это действительно понятия базовые, поскольку автор выстраивает теоретико-методологические основания синтетической, точной «науки о человеке». В самом начале исследования автор фиксирует свое понимание науки, выделяет ее деятельностный аспект: «Под наукой мы будем понимать научную деятельность, в которой достижение цели значит достижение нового, точного (градуированного по степени точности) и системного (т. е. соотношенного с существующей

научной картиной мира) познания» (С. 9). Затем О. М. Медушевская формулирует основные критерии научности: «Под научным знанием будем понимать знание новое, т. е. такое, которое является продуктом творчества <...> Качество творческой новизны обязательно входит в понятие научности, но его недостаточно для полного определения научности. Научное знание далее есть знание доказанное, логически-выводное, т. е. оно открыто для представления обществу не только своим результатом, но предполагает открытость и логическую непротиворечивость по всему пространству исследовательского пути от замысла к результату» (С. 14–15). Столь же существенное значение для структуры концепции О. М. Медушевской имеет понятие «человек», поскольку, как утверждает автор: «Основной постулат когнитивной истории составляет, естественно, определение феномена человека». (С. 331). Специально феномену человека и обоснованию возможности эмпирической науки о человеке посвящена первая глава монографии, но уточнение /прояснение этого понятия происходит на протяжении всего исследования. В заключении О. М. Медушевская дает предельно четкое и одновременно емкое оригинальное определение, аккумулирующее понимание человека как существа творческого, социального и исторического: «Человек – живое существо, завершающее познавательное действие созданием продукта. Опосредованный информационный обмен через посредство этого продукта делает человека существом социальным, формируя действующую *информационную систему* сообщества и потенциальную *информационную сферу* человеческого рода, поскольку информационный ресурс является общим и доступен каждому» (Там же).

Таким образом, уровень концептуализации, предложенный в монографии «Теория и методология когнитивной истории», уровень гуманитарного синтеза, степень отрефлексированности метода наук о человеке и их системных связей с науками о природе и науками о жизни позволяют утверждать, что мы имеем дело фактически с принципиально новой парадигмальностью гуманитарного знания.

Историописание как формирование культуры

Историческую науку XX столетия, особенно его второй половины, часто и не без весомых оснований определяют как антропологически-ориентированную. При этом такая «новая» история в человеческом изменении противопоставляется «изжившим себя» позитивизму и марксизму, в рамках которых изучение прошлого воспринималось как одна из наук об обществе и имело весьма ограниченное значение – обеспечивать необходимую временную перспективу базовым социологическим конструктам, а те представляли собой, в свою очередь, лишь несколько замаскированную под рассказ о прошлом саморефлексию западноевропейской культуры XIX в. И действительно, идея относительности европоцентристской модели истории и выведенных на европейском же материале законов развития общества была сформулирована не в XIX, а именно в XX в. Думается, однако, что переориентация с изучения общества (а точнее говоря – с формулирования законов общественного развития) на постановку вопроса о том, как действующие на уровне социума тенденции воспринимаются каждым отдельным человеком, – это лишь одна из черт, отличающих современное знание о человеке от «классической» гуманитаристики XIX в. Второй такой же важной чертой является осознание того, сколь мала реальная роль человека в истории, и сколь мало значит отдельный индивид в противостоянии с социальными структурами, причем далеко не только с такими принципиально бесчеловечными, как тоталитарные государства.

Процесс своеобразной «дегуманизации» знания о человеке (а в сущности, конечно же, переоценки роли личности в истории) начался вне рамок собственно исторической науки. Сначала это произошло в искусствоведении, где был выдвинут лозунг «истории искусства без имен» (Г. Вельфлин), а от искусствоведов эстафету приняли литературоведы-формалисты – Б. В. Томашевский, Ю. Н. Тынянов, В. Б. Шкловский, Б. М. Эйхенбаум, Р. О. Якобсон и др. Противопоставляя свои исследования

традиционной истории литературы, и возвращаясь – одновременно – к вопросам, поставленным еще А. Н. Веселовским, русские формалисты стремились написать историю словесного творчества как абсолютно самодостаточного явления, не зависящего ни от кого и ни от чего, кроме собственных законов развития. С точки зрения этой новой филологии личность писателя была лишь одним из привходящих начал, далеко не центральных по роли в литературном процессе (См. подробнее: *Эйхенбаум Б. М. Теория «формального метода» // Эйхенбаум Б. М. О литературе: Работы разных лет. М., 1987. С. 375–408*). Таким образом, формальная школа в литературоведении положила начало выработке новых объяснительных моделей, уделявших автору произведения существенно меньше внимания, чем реализуемому в этом произведении приему.

Постепенно сопоставимые модели утверждаются и в исторической науке, в том числе – в историческом источниковедении. Так, если по мнению А. А. Шахматова и М. Д. Приселкова основной задачей исследования русских летописей было установить то лицо, в чьих интересах могло быть написано изучаемое известие, то теперь центральным вопросом оказывается вопрос о том, какой из общественно одобренных образцов был использован при создании интересующего исследователя фрагмента, и какова была роль летописания как социальной практики. Сами исследователи объясняют смену интереса в терминах «антропологического поворота», говоря о стремлении приблизиться к внутреннему миру книжников, их логике и их интересам. Однако этот «внутренний мир», может быть, неожиданным, а скорее – напротив – совершенно естественным образом оставляет очень мало места для индивидуальности, а существенно больше – для описания социальных механизмов.

Ясно, что новое понимание действующих начал истории требует новых приемов изучения источникового материала. Именно такие приемы формулируются в работах Ольги Михайловны, в частности – в ее обсуждаемой книге. Обосновывая свой оригинальный подход к интерпретации исторических источников, О. М. Медушевская отмечает, что «интерпретационная гипотеза требует выяснения» пяти основных «проблем». Это

«пространственно-временные координаты (время и место) создания исследуемого произведения», «базовые параметры информационной системы, в рамках которой действовал создатель произведения», «социально-психологические условия формирования его индивидуальной картины мира», «иерархия функционирующих систем, по нормам и правилам которых он существовал в своем сообществе», и, наконец, «видовая структура созданного им произведения». Каждый из вопросов этой своеобразной анкеты подчинен одному центральному, который и формулируется буквально на следующей странице: «Тем самым понимание чужого сознания выстраивается не через традиционное (для герменевтики) субъективно проведенное сравнение со своим сознанием (вернее со своим представлением о собственном сознании), но через научное сравнение с общей моделью творческого процесса». В итоге, «произведение предстает таким, каким было задумано и сформировано <...> – как явление своего времени, как выражение мышления, общих правил и индивидуальных способов и приемов его преобразования в реализованный продукт» (С. 282–283). Центральной проблемой в представленной интерпретационной модели являются отношения индивида и среды.

Важно подчеркнуть и еще одну очень существенную особенность историко-теоретических построений О. М. Медушевской. Это, если так можно выразиться, принципиальная деромантизация и демистификация всех обсуждаемых познавательных процессов. Одним из важнейших для отечественной гуманитарной мысли является понятие «ноосфера», ассоциирующееся обыкновенно с трудами В. И. Вернадского, а у самого В. И. Вернадского вводимое со ссылками на французских мыслителей Э. Леруа и П. Тейяра-де-Шардена (Ср.: *Вернадский В. И.* Научная мысль как планетарное явление. М., 1991. С. 124, 241). Обращение О. М. Медушевской к этой интеллектуальной традиции выразилось в использовании понятия «информационная сфера», являющегося без преувеличения ключевым для всей обсуждаемой книги, и выступающего в качестве обозначения «материально-вещественного результата (следа) совокупного когнитивного феномена человеческого мышления» (С. 350). Возникновение такого «следа» связано со «способностью» человека «фиксировать

результат мышления в материально структурированном интеллектуальном продукте», в результате чего не мысль, конечно, но хотя бы ее продукт «становится общим достоянием», которое «в принципе открыто для любого – если не пользователя, то наблюдателя» (С. 68). Эти рассуждения не только простым и одновременно всеобъемлющим образом раскрывают механизм формирования культуры, но и столь же прозрачно отвечают на самый главный и трудный вопрос, постоянно задаваемый профессиональным историкам сегодня, – откуда мы знаем то, что мы знаем о прошлом.

Книга О. М. Медушевой не просто вновь обращает нас к важнейшим достижениям отечественной и мировой гуманитарной мысли XX в. Мы видим образец классического гуманитарного мышления в принципиально новой, невиданной – и, повторяюсь еще раз, – во всех смыслах «бесчеловечной» ситуации (причем слово «бесчеловечный» следует скорее употребить без кавычек). Культурообразующее значение такого интеллектуального опыта невозможно переоценить.

А. Б. Сукина

История «как строгая наука» в современной гуманитаристике

Полидисциплинарный характер нашей кафедры, кафедры гуманитарных наук и иностранных языков, всегда вынуждал меня интересоваться состоянием гуманитаристики в целом. И надо отметить, что методологический кризис – это состояние целого ряда гуманитарных дисциплин. В то же время, для них, особенно с 1990-х гг., после публикации в русском переводе «Когнитивной психологии» Роберта А. Солсо, характерен и интерес к когнитивистике. Когнитивные подходы в последние годы получили распространение в философии, психологии, лингвистике, информатике, они тесно связаны с проблемой исследования и моделирования искусственного интеллекта. Поэтому появление масштабного труда, посвященного когнитивной концепции гуманитарного знания – давно назревшая необходимость. Примечательно, что такой труд написан про-

фессиональным историком. Историческая наука, как одна из ведущих наук о человеке, человеческом сознании, в настоящее время нередко выполняет методологическую функцию, именно в ее рамках чаще всего удастся соединить философский и дисциплинарный подходы.

Замечательно, что в российской гуманитаристике началось движение в сторону методологии. После всеобщего увлечения гуманитариев в 1990-е гг. идеями, приходившими в наше научное сообщество через переведившиеся тогда работы западных философов, социологов, культурологов, политологов, историков, лингвистов (что было вполне естественным процессом), наступило время собственного поиска путей развития научного знания, обращения к отечественному методологическому наследию. О. М. Медушевская принадлежит к тем, пока еще, к сожалению, немногим исследователям, убедительно доказавшим, что отечественные научные школы, в данном случае школа источниковедения Историко-архивного института РГГУ, обладают собственным мощным потенциалом, позволяющим предлагать новые парадигмальные модели развития науки. «Теория и методология когнитивной истории» – естественный и закономерный этап научной деятельности Ольги Михайловны. Эта монография стала результатом ее многолетних поисков в сфере методологии исторического знания, в ней соединились скрупулезное следование принципу научной точности, широта взглядов, глубокая эрудиция в области целого ряда гуманитарных наук. Но этот труд вряд ли можно назвать итоговым, многое осталось в нем только намеченным, многие проблемы ярко и выпукло обозначены, но требуют дальнейшей детальной разработки. Книга О. М. Медушевской провоцирует мысль ее читателя к действию. Чтение этого текста – и большое интеллектуальное удовольствие, и трудная работа, работа которую гуманитариям, склонным к поискам и размышлениям в методологической сфере, теперь надо обязательно выполнить, чтобы двигаться дальше.

В своей книге О. М. Медушевская последовательно проводит идею возможности истории как строгой науки, отвечающей требованиям точности и верифицируемости научного знания.

Ее работа – достойный ответ на претензии представителей точных и естественных наук, предъявляемые ими к истории, которая, с их точки зрения, представляет собой некий специфический жанр литературы или публицистики (надо отметить, что при этом те же компьютерные науки, в «точности» которых никто не сомневается, позиционируют себя как научное знание, искусство и род интеллектуального ремесла). Ольга Михайловна показала, как историческая наука может добыть точное знание, какими методами она может его верифицировать. По мысли, О. М. Медушевской, исторический нарратив, к которому, собственно говоря, и обращены все претензии научного сообщества в «приблизительности» знания и «предварительной заданности» результата исследования – прошлое исторической науки, ее настоящее и будущее – источниковедение, исследовательские стратегии которого позволяют реализовать принципы точности и верифицируемости.

Для меня, как исследователя русской культуры Средневековья и раннего Нового времени, большое значение имеет идея «информационной сферы», в которую О. М. Медушевская включает всю динамическую систему информации, накопленной человечеством. В рамках этой идеи к историческим источникам, каковыми в традиционном источниковедении считаются, в основном, письменные памятники, в первую очередь, документы, могут быть отнесены любые «вещи», созданные человеком в процессе его интеллектуальной деятельности. Отечественная наука и ранее пыталась расширить круг источников, содержащих в себе информацию о прошлом. Здесь особого внимания достойны опыты источниковедческих подходов к древнерусской миниатюре А. В. Арциховского (Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944) и к художественной литературе С. О. Шмидта (Памятники художественной литературы как источник исторических знаний // Отечественная история. 2002. № 1. С. 40–49). Книга О. М. Медушевской впервые подводит под эти инициативные поиски прочное философско-методологическое основание.

Объектом исследования для ученого-историка должна быть «информационная картина» прошлого. Именно она, согласно

О. М. Медушевой, доступна для научного исследования. Для меня особенно важна мысль, что «конфигурация фиксированной информационной картины запечатлена вещественно и в принципе может быть воссоздана в более полном виде» (С. 73). Известно, что наибольшей «неполнотой» страдают информационные картины тех исторических эпох, система документации которых дошла до нас во фрагментированном состоянии. Информация, которую не дают нам письменные источники, например русского Средневековья, и которую историки традиционно восполняют «силой своего воображения», может быть добыта из других «вещей», в которых оказалась зафиксированной «одушевленность» людей того времени: памятников архитектуры, произведений искусства, изделий ремесла, предметов быта и т. п. Тогда историку не придется конкурировать в буйстве фантазии с писателями жанра *fantasy* и создавать никогда не существовавшие миры, а можно и нужно будет оставаться в рамках научного знания с его требованиями достоверности полученных результатов исследования.

Особое значение концепция источника – «вещи», как я полагаю, имеет для специалистов-музейщиков. Реконструкция исторического процесса в музейной экспозиции – задача очень непростая. Экспозиционерам давно уже стало очевидно, что посредством только документа, фиксированного слова прошлого невозможно это прошлое полноценно представить посетителю исторического музея. Некоторые процессы и явления культуры вообще с трудом поддаются интерпретации средствами музейной экспозиции. Особые проблемы возникают при необходимости как-то отразить в ней массовое сознание людей, мысли и чувства того пресловутого «молчаливого (а, по-сути, не молчаливого, а бесписьменного) большинства», которое, собственно говоря, и составляло население страны. Современный посетитель музея, пресыщенный вольно интерпретируемой вербальной «исторической» информацией сомнительного качества и сомнительной достоверности, которую он потребляет постоянно через посредство многочисленных и разнообразных

СМИ, жаждет непосредственного контакта с подлинными вещами, предметами старины. Человек, приходящий в музей с познавательными целями, больше не желает вчитываться в длинные аннотации, вглядываться в таблицы и схемы, наполненные сведениями, «выжатыми» из учебников истории и научных монографий. Он хочет, чтобы музей предоставил ему возможность черпать аутентичную историческую информацию, преимущественно визуальную, и, в то же время, обеспечил ему условия для такого «прямого диалога» с сознанием людей, живших задолго до него. Об этом много говорилось на научно-практических семинарах, которые в течение ряда лет организовывал научно-методический отдел ГИМ, и в которых мне неоднократно посчастливилось участвовать. Людям нужна как раз та самая структурированная и развернутая «информационная картина» прошлого, о которой пишет О. М. Медушевская. Задача музейщиков – воссоздавать временно утраченные структуры, реконструировать структурные компоненты с помощью подлинных вещей, выступающих в качестве исторических источников. И значительная часть музейного сообщества готова к такой работе. Неслучайно, многие музейщики с энтузиазмом встречали звучавшие на семинарах доклады, в которых вскрывалась источниковая ценность произведений искусства, памятников художественного ремесла, предметов из этнографических и археологических коллекций. Теперь, благодаря работе О. М. Медушевской, весь этот материал может быть осмыслен на новом методологическом уровне.

Думается, что предлагаемая О. М. Медушевской методология исторического знания будет востребована и другими гуманитарными науками. К ней уже проявляют определенный интерес часть сообщества исследователей истории и философии религии, специалисты, занимающиеся проблемами философской и культурной антропологии. Теория когнитивной истории открывает новые пути осмысления целей и задач гуманитарного знания, поиска путей новых стратегий исследований и подходов к их реализации.

**Взгляд на историю как точную науку:
О. М. Медушевская о связи современного
источниковедения с философским осмыслением
роли истории в изучении человеческого сознания**

Наука Нового и Новейшего времени сформулировала социальный заказ на историософское осмысление истории и разработку особой области знания – науки о методах. На рубеже XX–XXI вв., как и в начале XX в., когда перед исследователями появились проблемы изучения культуры, процессов глобализации и соотношения массового и индивидуального сознания, этот цивилизационный вызов осмысливается как потребность ученых, научных сообществ и социумов в самосознании [Подробнее см.: Минц С. С. Культура и самосознание: лекции по культурологии. Краснодар, 2008.]. В русле такой проблематики вполне закономерно обращение одного из ведущих методологов второй половины XX – начала XXI вв. О. М. Медушевской к теории и методологии когнитивной истории.

Книга О. М. Медушевской «Теория и методология когнитивной истории» предлагает рассматривать феноменологию как философскую основу современной исторической науки. После крушения марксистской парадигмы это первый опыт отечественных историков по созданию целостного наукоучения, которое стало бы единой методологической основой для их эмпирических исследований.

«Теория и методология когнитивной истории» уникальна во многих отношениях. И не только потому, что она появилась на фоне того методологического коллапса, который царит в отечественной исторической науке с 1990-х гг. Книга О. М. Медушевской – труд мировоззренческого характера. Он продолжает традицию отечественной социогуманитаристики, начатую еще историками 1860–1890-х гг., по созданию принципиально новой картины мира и изменению типа гуманитарного мышления. В своем труде О. М. Медушевская создает целостную картину познаваемого мира, в которой истории отведена важная роль эмпирической науки, способной давать

точное верифицируемое знание о культуре и самосознании индивидуумов, социумов и человечества в целом. Вместе с тем эта книга – свидетельство настоящего подвига ученого. В своей творческой повседневности О. М. Медушевская взяла на себя и успешно выполнила труднейшую каждодневную работу – изучая, постигая и формируя сознание других, она изменяла собственный стиль мышления, свое сознание. Со временем историческое сообщество оценит те героические усилия, которые прилагали наиболее талантливые российские ученые для того, чтобы сохранить собственную творческую индивидуальность в атмосфере обезличивающего коллективизма советского времени. Пока об этом пишут в основном в мемуарах (См., напр.: Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах. СПб., 1999; Кон И. 80 лет одиночества. М., 2008). Ольга Михайловна ввела этот сюжет в учебный курс (Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории. М., 2000. С. 93.) и в свои теоретико-методологические сочинения. Метанаучный язык теоретико-методологических работ О. М. Медушевской, включая последнюю, – наследие тех лет, но не только. Язык, которым написана монография, воплотил в себе как минимум две черты. Первую – противостояние автора как историка-профессионала господствовавшему псевдонаучному языку тех историков, которые не разграничивали методологическую и идеологическую функции марксистской теории. Вторую – стремление методолога-сциентиста, ищущего пути получения достоверного знания через общенаучный системно-структурный метод, выйти на метанаучный уровень осмысления методологии исторических интерпретаций. Именно во всеобщности метода виделась Ольге Михайловне способность исторической науки находить точное верифицируемое знание, ее связь с междисциплинарностью (С. 212–213, 317–330).

О. М. Медушевская настойчиво подчеркивает системообразующую (она пишет «главную») роль философии науки в понимании профессионалом предмета исследования (С. 206). В «Теории и методологии когнитивной истории» прописывается связь философии истории и науки о методах с развитием ин-

дивидуального и массового сознания, со становлением российской идентичности. Последняя рассматривается как социокультурный феномен, базирующийся на самодостаточности русской культуры. Вместе с тем автор показывает единство общечеловеческой цивилизации и подчеркивает необходимость единства интернационального научного сообщества (С. 197–294).

О. М. Медушевская рассматривает историю как науку о человеке. Для нее такой взгляд далек от декларативности. Определяя феномен человека через его способность объективировать свою творческую деятельность в интеллектуальных продуктах и создавать систему опосредованного информационного обмена, автор использует компаративистский потенциал системно-структурного метода для выявления точек соприкосновения естественнонаучного и социогуманитарного знания. Отечественная историософия и конкретно-историческая практика настойчиво искали точки такого соприкосновения еще со второй трети XIX в., осваивая органический подход (С. М. Соловьев), историческую социологию (В. О. Ключевский), феноменологию культуры (А. С. Лаппо-Данилевский) или создавая понятие религиозности (А. П. Карсавин). О. М. Медушевская объединяет такие поиски введением обобщающего методологического понятия «феноменологическая парадигма».

Для О. М. Медушевской неоспоримым достоинством феноменологической парадигмы является ее всеобщность, точность и проверяемость полученных с ее помощью результатов научного поиска. Она отмечает, что потребность в достоверном верифицируемом знании не всегда осознается историками в полной мере, и аргументирует необходимость создания точной научной парадигмы неочевидностью стремления к точному знанию, но имплицитной потребностью самопознания, т. е. поиска смысла собственного существования (человека и человечества).

В «Теории и методологии когнитивной истории» содержится достаточно полная картина истории источниковедения. В ней подчеркивается роль европейского опыта (немецкого,

французского, английского и итальянского) в становлении науки о методе истории. Для современного российского научного сообщества особенно важно осознать общность российской и европейской историсофской мысли, связь российского источниковедения с немецкой школой наукоучения, которая стала восстанавливаться во всей своей полноте лишь с конца 1990-х гг. Книга О. М. Медушевской позволяет по-новому взглянуть на место отечественной исторической науки в развитии европейской исторической мысли.

Большое место в книге уделяется формированию науки о доказательном выводном историческом знании в рамках нарративистской, а затем и феноменологической парадигм. О. М. Медушевская выстраивает историю отечественной источниковедческой мысли, сравнивая источниковедение в его вспомогательной и специальной функциях. Она подчеркивает связь науки о методах с самопознанием, а самопознания – с историей всемирной и российской культуры, с феноменологией культуры А. С. Лаппо-Данилевского.

О. М. Медушевская дает направление будущим историкам российской школы методологии исторического исследования, складывавшейся в рамках феноменологической парадигмы (от потребности изучения истории культуры и механизмов формирования ее конкретных форм; от поисков новой психологической науки, способной описать и понять формы мышления, до системно-структурного метода постижения культуры разных социумов).

Наиболее перспективными в научно-исследовательском и образовательном аспектах можно считать подчеркнутые О. М. Медушевской системную природу феноменологии и когнитивистики, эмпиричность повидовой классификации, ее историко-культурную природу и описанные автором особенности московской школы источниковедения. Для высшей школы принципиальное значение имеют убийственная критика транслирующей модели, господствующей в современной высшей школе, и подробная характеристика той развивающей образовательной модели, которую О. М. Медушевская противопоставляет ей (С. 306–330).

Показательно, что в «Теории и методологии когнитивной истории» дана более подробная характеристика нарративистской парадигмы: к моменту создания книги она более знакома, более понятна и более изучена. О новой парадигме говорится более декларативно, поскольку одно из реальных достижений когнитивистики – описание нарративистского стиля научного мышления как системного целого. Но описание устоявшегося феномена – лишь один из шагов в сторону методологических перемен. Для современных исследователей самое сложное – не столько найти системы, которые можно изучать с помощью системно-структурного метода, сколько отработать общепризнанную систему верификации полученных знаний. Идея значения внеисточникового знания как системы проверки достоверности полученных данных, выдвинутая О. М. Медушевской, нова и не всегда понятна массовому историческому сознанию.

Выбор феноменологии в качестве основы историософии когнитивной истории не случаен, как и обращение О. М. Медушевской к образу феноменологии начала XX в. Они позволяют автору опустить массу моментов, на которые современная наука еще не может ответить вообще или отвечает пока не слишком внятно. Объявленные феноменологией конца XIX – начала XX в. врожденными способность к исследованию, тяга к творчеству, самосознанию со временем наверняка получают (уже получают!) более развернутое научное объяснение в рамках развивающейся психологической науки и такой ее части как когнитивистика. Более осторожно относится современная наука и к абсолютности границы между миром природы с господствующей в нем непрерывностью и миром сознания с его дискретностью. Тем не менее, выделение сознания как объекта когнитивной истории, осознание мощи когнитивной энергии познавательного процесса, содержащиеся в книге, принципиально меняют само восприятие истории и дают новый импульс ее целенаправленному изучению.

Книга О. М. Медушевской связывает воедино науку XX и XXI в., доказывая связь нарративистской парадигмы с мифотворчеством и противопоставляя ей феноменологический

подход с его мощным потенциалом получения достоверного проверяемого и сопоставляемого эмпирического знания. Историкам предстоит приложить немало усилий, чтобы научиться понимать и получать историческое знание в контексте феноменологической парадигмы. Это совсем нетрудно, если усвоить генеральную установку, органичную для Ольги Михайловны. Все ее творчество в целом наглядно демонстрирует, что «различия между творчеством и работой, вообще говоря, не существуют» (С. 65).

И.М Гарскова

**Точное знание, междисциплинарность
и информационный подход в концепции
когнитивной истории О. М. Медушевской**

Монография О. М. Медушевской, посвященная фундаментальным проблемам философии истории (и шире – гуманитарного познания) является ответом на вызовы современного информационного общества, реалий нового информационного пространства. Быстрый прогресс информационных технологий, их проникновение во все сферы общественной жизни требуют разработки комплекса теоретико-методологических вопросов, связанных с этими процессами и их мощным влиянием на гуманитарные науки и образование.

К базовым тезисам концепции О. М. Медушевской относятся роль информационного феномена в методологии познания и междисциплинарных (и над- или метадисциплинарных) принципов и подходов. Поэтому многие проблемы когнитивистики (куда наряду с другими дисциплинами, изучающими человеческое мышление, входят информационные и компьютерные науки), поставленные в последних работах О. М. Медушевской и обобщенные в монографии, чрезвычайно актуальны для такой междисциплинарной области как историческая информатика (и – шире – гуманитарная информатика). Историческая информатика, возникшая в 80-е годы XX века «на стыке» исторической и информационной наук, с самого начала испытывает интерес к

этой проблематике. Например, одним из центральных событий на XI Международной конференции «History and Computing», состоявшейся в 1996 г. в Москве, было пленарное заседание и последовавший за ним «виртуальный круглый стол», посвященные методологическим проблемам (материалы опубликованы – НИИ, 1997; №4). В дискуссии был затронут широкий круг проблем: начиная с соотношения между историей и социальными и естественными науками (и отрицания их противопоставления по критерию идиографичности – номотетичности), возможностей и границ применения точных методов в исторических исследованиях и заканчивая более специальными вопросами, связанными с существованием двух основных подходов в развитии исторической информатики – проблемно-ориентированного и источник-ориентированного.

Теоретико-методологические вопросы, особенно связанные с информационной революцией, продолжают активно обсуждаться международным сообществом, о чем свидетельствуют многочисленные статьи в академических журналах и такие, например, обобщающие работы как *History under debate: international reflection on the discipline* (NY, 2004) или *McCrank. Historical Information Science: An Emerging Unidiscipline* (Medford, NJ., 2002).

О. М. Медушевская справедливо отмечает: «К теоретическому осмыслению новой информационной ситуации оказались не готовы не только представители массового сознания, но и некоторые профессиональные сообщества, и прежде всего историки» (С. 329). Однако к самой О. М. Медушевской эти слова никак не относятся. Классические философские понятия в монографии совершенно свободно связываются с терминологией информационных технологий и информационной науки: множества и подмножества, информационный обмен, информационная сеть, информационный ресурс, данные и информация, знания и информация, кодирование и декодирование информации, дискретность и непрерывность, логика предикатов и логика высказываний и т. д.

В монографии последовательно излагаются принципы когнитивной истории как гуманитарного структурного подхода к

научному познанию. Принципиально важным является обозначение той огромной роли, которую в эпоху глобализации и информационной революции играет меж- и междисциплинарный диалог, взаимодействие естественных и гуманитарных наук, системно-структурный подход (который, по мнению О. М. Медушевской, сформировал структурную лингвистику как первую точную науку среди гуманитарных дисциплин).

О. М. Медушевская подчеркивает, что на смену представлению о принципиальном различии эпистемологических подходов (номотетика – идиографика) в науках о природе и о человеке пришло стремление к познанию общих закономерностей и междисциплинарному диалогу. Конечно, существуют разные «точки соприкосновения» в этих междисциплинарных контактах, но наиболее актуальным представляется акцент на информационной составляющей.

В частности, совершенно по-новому, через понятия информационного ресурса и интеллектуального продукта определяется исторический источник. О. М. Медушевская пишет, что информационный объем интеллектуального продукта всегда значительно шире, чем намеренно транслируемый запас информации, но он требует извлечения (раскодирования). Понятия «актуальная», зафиксированная в вещественной форме, и «отложенная», требующая «актуализации» информация (С. 131–132), продолжают идеи, заложенные в понятиях «явная» (выраженная) и «скрытая» (структурная) информация, введенных И. Д. Ковальченко в связи с изучением проблемы информационного потенциала исторического источника (Ковальченко И. Д. Исторический источник в свете учения об информации: (К постановке вопроса) // Актуальные проблемы источниковедения истории СССР, специальных исторических дисциплин и их преподавание в вузах. Тезисы докладов III Всесоюзной конференции. М., 1979). Теоретические подходы в этой проблематике развивал в конце 1970-х гг. В. И. Бовыкин, который писал о том, что задачи изучения информации исторических источников выходят за рамки классического источниковедения и предлагал термин «информационное ис-

точниковедение» для подхода к историческим источникам как к остаткам некогда существовавших информационных систем (Бовыкин В. И. Проблемы изучения исторической информации. (К вопросу об информационном источниковедении) // Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер». №23. 1998.), выделения в них различных информационных слоев, оценки достоверности выраженной и отраженной информации, зафиксированной в источнике синхронно, либо ретроспективно (Бовыкин В. И. К вопросу о закономерностях фиксирования исторической информации в письменных источниках // Круг идей: историческая информатика на пороге XXI века. Москва; Чебоксары, 1999).

Понятие информационного ресурса в исторической информатике XXI в. становится базовым, а системный подход, который так высоко оценивает О. М. Медушевская, является наиболее адекватным в такой деятельности, которая связана с созданием общеисторических (тематических, национальных, в перспективе – глобальных) информационных ресурсов. Эта деятельность на практике реализует тот теоретический прогноз развития общества, о котором упоминает О. М. Медушевская: «Исследуя технологические перспективы информационного общества, аналитики прогнозируют дальнейшее увеличение объемов передачи данных, ориентированных на целевую, профессиональную аудиторию» (С. 330).

Актуальна для исторической информатики оценка роли метода в историческом исследовании, данная О. М. Медушевской и ее критика нарративизма как ненаучного подхода (в частности, исключающего альтернативность в историческом развитии). Выдвигая на первый план критерии научности, О. М. Медушевская жанру нарратива противопоставляет жанр источниковедческих исследований крупных видовых комплексов источников. Именно структурный источниковедческий метод, по ее мнению, «выводит историческую науку на уровень, сопоставимый с исследовательскими критериями верификации знания других наук» (С. 228), дает возможность точного знания,

перспективу логического анализа, верифицируемости результатов исследования. Этот метод ориентирован на логически непротиворечивый, доказательный путь установления параметров информационного ресурса источника, получение выводного знания, что отвечает критериям общегуманитарного структурного подхода. По мнению О. М. Медушевской, наличие такой исторической специальности, как источниковедение, историография и методы исследования, является показателем теоретической зрелости исторической науки.

Думается, развитие идей, заложенных в работе О. М. Медушевской, может пойти и в русле подробного анализа сюжетов, посвященных операциональным, методическим и технологическим моментам, добавляющим необходимую алгоритмичность теоретическим и логическим построениям. Так, рассмотрение соотношения между констатирующим, процедурным и теоретическим (теоретико-методологическим) знанием оставляет некоторые вопросы лишь намеченными, например, ограниченность процедурного знания, которая связывается с появлением новых эмпирических данных или новых исследовательских вопросов, не является существенным препятствием применения междисциплинарных по своей природе методов исследования, о чем свидетельствуют успехи квантитативной истории в 1960-х – 1980-х гг.

В заключение хочется привести еще одну цитату, которая демонстрирует представление О. М. Медушевской о перспективе развития теоретического гуманитарного знания, представление, с которым трудно не согласиться: «Конструктивный наддисциплинарный диалог представителей научных сообществ возможен при условии общих философских позиций феноменологии, методологии структуралистской компаративистики, источниковедческой компетентности в распознавании качества информационного ресурса, развития интерпретационных методов, анализа содержания интеллектуального продукта человеческой целенаправленной деятельности» (С. 330).

**Историописание – нарративное & научное:
О последней книге Ольги Михайловны**

Давно известно: за решением проблемы рождается не менее двух новых, более глубоких и трудных проблем. Если этого не происходит, значит, проблемы и не было.

Книга О. М. Медушевой «Теория и методология когнитивной истории» заведомо вне упреков. Высказанное в последние два десятилетия ею по частям приобрело в книге целостность и почти полную завершенность. От ее названной автором проблемы – «проблемы когнитивной истории» (С. 7, 331) – идут несчитанные даже автором связи в мир исторических наук и гуманитарных наук в целом, от того реально проблема книги становится значительно объемнее обозначенной в названии и в тексте. Размышления над вопросом о том, возможна ли эмпирическая наука истории, достижимо ли и какими путями достижимо строгое историческое знание привели автора к мобилизации перспективных идей науки конца XIX – начала XX в. (В. И. Вернадского, Э. Гуссерля, В. Дильтея, А. С. Лаппо-Данилевского), современных «прорывных» идей гуманитаристики и информационных наук, опыта источниковедческих исследований той школы, в которой прошла вся ее научно-педагогическая деятельность и одним из лидеров которой она являлась. Система понятий, введенных или адаптированных и интерпретированных О. М. Медушевой (одна из наиболее «рабочих» частей книги – ее «Указатель понятий», С. 345–358), принципиально новые подходы к определениям макрообъекта исторической науки, интеллектуального продукта и его информационного ресурса, выход за привычные зашоренные рамки профессионального понятийного аппарата историка (историческая наука, историческое познание, источник, источниковедение и др.), разработанный О. М. Медушевой метод-путь от феномена человека к феномену научного познания его истории, наконец, почти невероятная при модном в последние десятилетия «полиметодологизме» концептуальная

цельность этого труда – вот, вероятно, то, что в наибольшей степени формально выражает новизну этой книги. Существенно и то, что за последние 9 десятилетий в нашей стране столь цельный фундаментальный труд по теории и методологии истории едва ли не впервые написан не философом, а профессиональным историком, обладающим большим исследовательским и педагогическим опытом.

Хотя многие идеи и доказательства, вошедшие в книгу, прозвучали ранее в выступлениях О. М. Медушевской и были известны по ее статьям, потребуется еще определенное время даже для того, чтобы отметить ее рецензиями, достойными ее концептуальной целостности – главного в этой книге. Новому теоретическому обоснованию возможности достижения достоверного знания о человеке и его истории еще предстоит быть принятым научным сообществом; особенно интересными могли бы представляться мнения философов, антропологов, психологов, психоаналитиков, специалистов в области информации, встречающихся с поворотом своих комплексов идей в специфическую и менее знакомую им область источниковедения. Мы имеем дело с прогнозируемым, ожидаемым, но еще новым и редким явлением – перерастанием междисциплинарного исследования в метагуманитарное. И если историк понимает пути смены традиционного определения источниковедения на данное О. М. Медушевской («эмпирическая гуманитарная наука, объектом которой являются *интеллектуальные продукты*, созданные в ходе целенаправленной *человеческой* деятельности, а предметом – конкретная содержательная значимость их информационного ресурса как источников для изучения человека, общества и мира в целом», С. 352), естественно представлять возможность обратного воздействия этой глубоко специализированной исторической науки на те области, из которых в источниковедение пришли и были трансформированы им идеи, концепции, методы, понятийный аппарат.

О. М. Медушевская не успела сама издать книгу, поставить последние точки. Но все же нельзя не подумать, что есть области и проблемы, в ней лишь намеченные или получившие бег-

лые попутные примечания автора. Вернее, это и есть проблемы, возбуждаемые книгой. Одной наиболее важной из таких проблем представляется проблема «встроенности» познающего субъекта (историка) в информационную среду и в информационную систему общества: в книге эта проблема фигурирует, в основном, в облике современного «обобщенного» ученого, экзистенциального элемента системы познающего общества. Еще одна – соотношение когнитивистики с иными (но также выявленными именно в процессах познания) типами и видами причинно-следственных связей. Еще одна – смысл той цепи размышлений, которая привела от человека, растворенного в Боге (через великую идею Мирового Абсолюта, познающего самого себя посредством человека) к современному антропологизму и когнитивной истории.

О. М. Медушевской всегда было присуще умение тонко отличать науку от не-науки. С позиций, обоснованных в книге, она иначе, чем это принято большинством научного сообщества, позиционирует исторический нарратив. Последний испытывает – что многократно обосновано в трудах историков и давно гнездится латентно в сознании повседневного читателя – глубокий кризис, начало которого в XX веке датируют по-разному, но неизменно связывают с быстрой эволюцией теории и методологии познания, с одной стороны, и консерватизмом идеологических и политических процессов, с другой. О. М. Медушевская отделила «историческое повествование» от исторической науки: «Нарратив не есть научный метод исследования, ибо результат уже задан, и «ответ» задачи уже известен и не предполагает новизны или доказательности» (С. 354, 341). Это вовсе не предопределяет обреченность нарративной историографии – собственно, так вопрос ею и не ставится; стоит вопрос о месте нарратива в культуре отношения к прошлому. Нарративное историописание (хоть и испытывающее в настоящее время кризис) явление столь же вечное, как и человеческое общество – как в силу традиции, так и в силу отмеченных О. М. Медушевской его адекватности историзму массового сознания и соответствия стремлению отнести явления прошлого

к «ценностям», без чего немислима никакая национальная, а уж тем более государственная историография (С. 16, 122), наконец, без нарративного историописания невозможна постановка исторического и вообще гуманитарного образования на его начальном и среднем уровне. Иное дело – высшее образование и подготовка к профессии: на этой стадии исторический нарратив становится анахронизмом и транслируемое образование так или иначе уступает или должно уступить место образованию развивающему, ориентированному даже не столько на процедурное, сколько на теоретико-методологическое знание. Естественно полагать, что нарративное историописание смещается в иные области – в области идеологии и художественной культуры, к которым, впрочем, оно заметно тяготело и в прошлом. Но состоявшееся признание этой ситуации влечет за собой и существенное изменение угла зрения на историю исторического знания, на место, сущность и взаимодействия историческое, эрудиционное и художественное течений в историческом знании позднего средневековья, нового и новейшего времени.

Н. А. Мининков

Когнитивная история в контексте современной культуры

Труд Ольги Михайловны «Теория и методология когнитивной истории» охватывает целый ряд актуальных в современном научном историческом познании проблем. Среди них такие, как место истории и исторического знания в современной культуре и научные основы историографии наших дней, как осознание профессиональным сообществом историков кризиса традиционного метанарратива и поиск новых форм репрезентации исторического знания, как методологические вопросы исторического исследования и особенности исторического образования в новой культурно-исторической ситуации. Но вместе с тем этот труд выходит по своему значению за рамки профессиональной проблематики. В нем затронуты вопросы, относящиеся к состоянию общественной мысли новейшего

времени, к кризису европейской культуры, ярко проявившемуся в минувшем столетии. Связано это с отношением к тенденциям в сторону дегуманизации и иррационализма в культуре, к стремлению к разрыву с традициями старой культуры. Концентрированным выражением этих тенденций стало распространение в отдельных сегментах общества такого отношения к истории, которое шло вразрез с традициями европейской культуры. Носило оно ярко выраженный негативный характер. Проявлением его явились идеи крайнего скепсиса и даже агностицизма по отношению к проблеме возможности познания прошлого, задачу исследования которого история всегда ставила перед собой.

В качестве альтернативы по отношению к указанным тенденциям стали иные направления европейской культуры, в которых утверждались идеи гуманизма, рационализма и сциентизма. На этих идеях основывалась европейская культура нового и новейшего времени. Но европейская культура имела и более глубокую основу, которая восходила к христианским началам и с которой было связано присущее ей сильнейшее чувство истории. В связи с этим защита рационализма и интеллектуализма, а также истории как одной из форм существования европейской духовной культуры шла в значительной мере со стороны исторической науки. Это проявилось, прежде всего, в появлении таких крупнейших направлений западной историографии, как школа «Анналов» во Франции и интеллектуальная история в США. Как основу европейской культуры историю удалось отстоять. Однако в условиях вызова последней четверти XX в., связанного с культурой постмодернизма, идея развенчания истории как формы духовной культуры и как науки получила новый мощный импульс. Поэтому задачи «Апологии истории» и «Боев за историю», поставленные основоположниками школы «Анналов», вновь приобрели значимость. В современной российской историографии защита интеллектуальных и научных основ истории нашла выражение в идее смены моделей научного исторического исследования, выдвинутой А. В. Лубским, который указывал на возрождение за последнее

время некоторых рациональных сторон научной классической историографии. Другим крупным исследованием современного состояния исторической науки, в которой решается эта задача, является монография О. М. Медушевской. Она представляет собой явление не только научной, но и культурно-исторической значимости, поскольку в ней отстаиваются основы европейской историографии и культуры с ее рационализмом, интеллектуализмом, сциентизмом и историзмом.

Выражается это, прежде всего, в том, что в центре внимания историка оказалась когнитивная история как одно из новых направлений исторической науки. Возникновение его явилось результатом формирования антропологически ориентированного исторического знания, которое невозможно без учета особенностей исторического развития мышления. К проблематике мышления постоянно обращаются историки и представители других социально-гуманитарных дисциплин. Оно шло в одном ряду с возникновением интеллектуальной истории, в рамках которой при изучении феноменов интеллектуальной жизни и влияния их на общество предполагается постоянное обращение к проблемам мышления и его особенностям в каждую историческую эпоху. В этой связи постановка О. М. Медушевской проблемы когнитивной истории имеет значение не только для современной социокультурной ситуации, но и для нынешнего уровня развития социально-гуманитарного знания, в первую очередь для самой исторической науки. Постановка этой проблемы не менее важна для изучения самого исследовательского процесса в историческом познании, для уяснения положения И. Г. Дройзена о наукоучении в исторической науке, о котором упоминала О. М. Медушевская, и, в частности, для методологии истории. Это не случайно, поскольку историческое исследование является сложным интеллектуальным процессом, в котором выразилась история мышления, рассматривающаяся в рамках когнитивной истории.

Завершенное представление о научной дисциплине дает понимание ее объекта и предмета. Объект когнитивной истории, на взгляд О. М. Медушевской, «репрезентативен самому

историческому процессу, поскольку создается всегда и везде как неотъемлемая часть человеческого существования, как сама возможность выживания человечества как вида». Ее предмет составляет «само человеческое мышление как особый феномен», или «процесс, в ходе которого человеческий интеллект, функционируя, создает адекватный своему уровню продукт» (С. 128, 129). Такое понимание объекта и предмета соответствует представлению М.Блока, согласно которому предметом истории является человек. Скажем точнее – люди». В самом деле, процесс мышления, который находится в центре внимания когнитивной истории, является определяющим качественным признаком человека и общества, переживал процесс исторического развития и оказывал на ход исторических событий и явлений определяющее влияние. В условиях современной историографической ситуации, когда определенные положения исторической науки XVIII–XIX вв. вызывают повышенный интерес, когда отдельные ее концепты находят применение в исторических исследованиях нашего времени, когнитивная история способствует этому. Вместе с тем предмет когнитивной истории, связанный с исследованием процесса мышления, способствует утверждению в сознании современного историка одной из основополагающих идей эпохи Просвещения и классической исторической науки – идеи исторического прогресса. Это обстоятельство позволяет когнитивной истории играть интегрирующую роль в развитии исторической науки, соединяя в себе познавательные идеалы и достижения исторической мысли прошлого и настоящего.

Вместе с тем, как представляется, значение последнего труда Ольги Михайловны еще и в том, что он дает основание для решения проблемы места историка в культуре человечества, которая еще ждет своего внимательного исследователя. Идея когнитивной истории позволяет видеть в историке не только профессионала в позитивистском смысле, владеющего основами методологии научного исследования. Совместно с интеллектуальной историей она позволяют видеть в историке генератора общественно значимых идей, осознающего не только их место

в культурно-историческом контексте развития человечества, но и понимающего особенности развития мышления, на основании которого они были выстроены и стали достоянием культуры своего времени. Когнитивная история, как и интеллектуальная история, позволяет видеть в историке не просто ученого, но и личность, профессиональная деятельность которой позволяет ей возвыситься до уровня интеллектуала своей эпохи.

А. В. Лубский

Когнитивная история как наука о деятельности человека в истории

Историческая наука в России, обретя свободу от «директивных указаний» и столкнувшись с проблемой методологической самоидентификации, оказалась на распутье: одни соблазняют ее прелестями постмодернистской вседозволенности, другие зовут «вернуться к Геродоту», третьи требуют достоверности и точности, четвертые предлагают выработать новые стандарты научной деятельности. В результате историческая наука превратилась в «мультипарадигмальную» дисциплину, в своеобразную «ярмарку» идей, где методологический сепаратизм размывает стандарты научной профессиональной деятельности. Специфика когнитивной ситуации, сложившейся в исторической науке на рубеже XX–XXI вв., заключается в том, что в историческом познании, с одной стороны, наблюдается мобилизация всего предшествующего научно-исследовательского опыта и его переосмысление, а с другой – апробируются новые методологические подходы.

Работа О. М. Медушевой, посвященная теории и методологии когнитивной истории, носит новаторский характер, ее значение для развития методологии истории состоит не только в переосмыслении таких «вечных» для исторической науки вопросов, как предмет, когнитивная стратегия и критерии научности исторического познания, но и в побуждении методологического сознания научного сообщества к постановке новых проблем и поиску нетрадиционных способов их решения.

Поднимаемые в работе О. М. Медушевой вопросы рассматриваются в русле антропоцентристского понимания исторической реальности и деятельностного подхода к ее научному изучению. В русле такого подхода «история, – как полагает автор, – есть знание о человеке, его деяниях и событиях, с которыми эта деятельность каким-либо образом связана» (С. 14). При этом О. М. Медушевская опирается на деятельностный подход в его феноменологической интерпретации, поскольку человеческая деятельность трактуется ею как проявление способностей человеческого мышления. Понимаемая таким образом человеческая деятельность и должна быть, по мнению автора, в центре внимания современной исторической науки (С. 12). Переосмысливая в связи с этим предмет исторической науки, О. М. Медушевская пишет, что в ее книге «история рассматривается как наука, чей предмет – феномен человеческого мышления, человеческого познания, реализовавшего себя в ходе целостного и единого исторического процесса» (С. 17).

Такой подход к пониманию предмета исторической науки, с одной стороны, вписывается в пространство быстро развивающихся в последнее время когнитивных наук, изучающих человеческое мышление, с другой стороны, собственно для исторической науки такой подход является инновационным, поскольку «история, – как подчеркивает О. М. Медушевская, – до сих пор не раскрыла своих возможностей деятельного участия в междисциплинарных исследовательских проектах в пространстве когнитивистики» (С. 13).

В работе О. М. Медушевой раскрываются феноменологические перспективы научного изучения человека в истории, центральным моментом которого могут стать различные модели человеческой деятельности, обусловленные разными способами человеческого мышления. Надо отметить, что в социальной философии уже предпринимались попытки разработки концепции исторического процесса на основе выделения различных способов мышления человека в истории. (См.: *Оруджев З. М. Способ мышления эпохи. Философия прошлого*. М., 2004). Однако эти концепции носят трансдисциплинарный характер, а историков,

как известно, в отличие от философов, интересуют конкретные исторические явления, в данном случае не столько способы человеческого мышления, характерные для той или иной исторической эпохи, сколько стили повседневного человеческого мышления в прошлом. Проблема стилей повседневного человеческого мышления открывает новые перспективы в компаративном изучении нормативных типов личности в истории. В частности, сравнивая нормативные типы в России и на Западе, нам удалось установить, что образный и синкретический стиль мышления нормативной личности в России базируется на ценностно-рациональной парадигме, а основой логического и аналитического стиля мышления нормативной личности на Западе является целерациональная парадигма. (См.: *Лубский А. В. Нормативные типы личности в России и на Западе: метафоры неоклассического стиля научного мышления // Гуманитарный ежегодник. 5. Ростов н/Д, 2006*).

Предложенный в работе О. М. Медушевой деятельностно-феноменологический подход позволяет по-новому интерпретировать познавательный процесс в самой исторической науке, исходя из специфики стилей научного исторического мышления. Поскольку основой научного исторического мышления выступает рациональность, то различия в его стилях обусловлены в первую очередь особенностями того или иного типа научной рациональности (классической, неклассической и постнеклассической).

Каждая историческая эпоха рождает свои доминирующие способы когнитивной деятельности. Основным ее содержанием сегодня выступает научное познание, проблематика которого признается центральной для понимания человека и общества. На протяжении XIX–XX вв. ведущие позиции в социально-гуманитарном познании занимала история, важнейшей функцией которой было производство достоверных знаний о прошлом как историческом опыте и формирование на этой основе исторического сознания как способа приобщения к традиции. Историческое познание всегда было обеспокоено поиском истины, однако в последней трети XX в. его методологические

основы были потрясены «постмодернистским вызовом», обьившим стремление к истине атрибутом мифологического сознания. В связи с этим актуальным является стремление О. М. Медушевой обосновать статус когнитивной истории как строгой науки, стремящейся к достоверности и системности научного знания. При этом в научном историческом знании она выделяет три составляющие: творческую новизну, логическую доказательность и логически представленную системность его включения в информационную картину мира (С. 15).

Надо отметить, что проблема научности исторического знания и шире – исторического исследования – является одной из наиболее трудных для разрешения в современной эпистемологии. В рамках классического подхода признается возможность выработки общезначимых критериев его научности. Критики классического идеала научности исходят из того, что невозможно установить ее универсальные критерии и допускают множественность эталонов научности, в том числе и в рамках одной науки. В условиях методологического плюрализма, на наш взгляд, можно говорить лишь об атрибутивных признаках научности исторического исследования, таких как: проблемность, контекстуальность, рациональность, стремление к истине, рефлексивность, целеполагание, предметность, эмпиризм, методологизм, новизна.

В работе О. М. Медушевой в контексте когнитивной истории поднимается важный вопрос, связанный с подготовкой профессиональных историков. Она отмечает, что в современном историческом образовании доминирует нарративная логика передачи готового исторического знания, сопровождаемого оценочными суждениями, ориентированными не на обсуждение, а усвоение. Сложившаяся модель исторического образования, как отмечает автор, не формирует «гуманитария, способного предложить новое понимание смысла проблемной ситуации» (С. 16). Действительно, господствующая в высшей школе традиционная парадигма обучения, основанная на трансляции готового исторического знания и усвоении его студентами на уровне памяти,

формирует у них репродуктивно-потребительский тип мышления. В связи с этим необходим переход от традиционной парадигмы обучения к познавательной-развивающей парадигме образования, направленной на активизацию когнитивной самостоятельности студентов, развитие у них логического, критического и рефлексивного мышления, а также творческих способностей.

Ю. Э. Шустова

Когнитивная история в системе научного знания

Ольга Михайловна Медушевская в своих теоретических трудах по источниковедению в качестве центральной проблемы ставит вопрос понимания природы исторического источника как источника информации и способов его познания. Возможность познавательных механизмов, применяемых к историческому источнику, позволяет не только говорить об истории как о точной науке, опирающейся в своих познавательных инструментариях на объективные свойства исторического источника как продукта целенаправленной деятельности человека, но и о точности гуманитарного знания, основу познавательной парадигмы которого составляет работа с источниками информации. В книге «Теория и методология когнитивной истории» О. М. Медушевская показывает возможность применения источниковедческого метода в познавательной и исследовательской практике не только исторической науки, всего гуманитарного знания, но и познавательной модели современной науки как таковой, которая в современных условиях не может развиваться без осознания возможностей познавательного процесса, роли в нем субъекта познания и возможностей изучения объекта исследования через понимание природы механизма познавательных возможностей человека. Современное научное знание (науки о природе, о жизни, о человеке) не может развиваться без осознания природы познавательного процесса, в основе которого лежит гуманистическая составляющая, а значит, современное научное сообщество должно вырабаты-

вать «общие критерии системности, точности и доказательности нового знания» (С. 16). О. М. Медушевская отмечает, что в такой познавательной парадигме историческая наука, равно как и другие науки, стремится к достижению точного знания: «История рассматривается как наука, чей предмет – феномен человеческого мышления, человеческого познания, реализовавшего себя в ходе целостного и единого исторического процесса» (С. 17).

Универсальность источниковедческого метода познания О. М. Медушевская объясняла прежде всего сквозь призму природы источника информации как объективированного продукта целенаправленной человеческой деятельности, т. е. материализованного интеллектуального продукта, обладающего константной природой и воплощающего в себе категории культуры, в рамках которой он был создан. Достижение нового и точного, доказанного и логически осмысленного научного знания возможно человеком – субъектом познания – путем создания и осознания информационного пространства, а именно овеществленного воплощения результатов научной деятельности. «Информационный ресурс, возникший в ходе исторического процесса, взаимосвязанных человеческих деятельностей, – отмечала О. М. Медушевская, – целостный взаимосвязанный информационный корпус, в котором прослеживаются коммуникации, взаимосвязи, структуры» (С. 65–66). В конструкте «объект познания – субъект познания» центральным связующим звеном является реализованный (овеществленный) продукт интеллектуальной деятельности. Именно такое понимание природы информационного пространства, доступного для осознания и познания, позволяет говорить о единой природе метода гуманитарных наук и их генетической связи в познавательной парадигме с науками о природе и науками о жизни.

Историческая наука занимает особое место в научно-познавательной среде. Когнитивная история решает прежде всего проблему возможности познания человеком другого человека, общества. Такой подход реализуется не только в хронотопе исторической науки – «настоящее–прошлое» но и в

хронотопе других наук о человеке и обществе – «настоящее–настоящее», а также в рамках временно-пространственной категории, позволяющей изучать и сравнивать разные пространственно-временные категории культуры.

Понимание особой роли исторического источника (источника информации) невозможно без осознания в новой познавательной парадигме вопросов, которые традиционно в рамках исторического знания решались вспомогательными / специальными историческими дисциплинами. Ольга Михайловна Медушевская в своих работах подчеркивала именно универсальность методов вспомогательных исторических дисциплин, позволяющих глубже понять природу исторических источников посредством осознания их универсальной роли в познавательном процессе. Вспомогательные исторические дисциплины обращаются к разработке (каждая отдельно взятых и специально изучаемых) универсальных категорий, которые находят воплощение в овеществленном интеллектуальном продукте человеческой деятельности.

Так, метод палеографии позволяет понять природу одного из самых востребованных в познавательной практике способа познания и фиксации знания – письменного текста. Письмо – как реализованный в знаковой системе способ передачи речевой и мыслительной деятельности является одним из центральных феноменов сознания взаимосвязи речевой деятельности человека, языка как реализованного отдельной культурой способа коммуникации, творчества реализующегося в том числе посредством письма и культуры в целом. Феномен письма как универсальной знаковой системы и феномен писания как творческого акта в рамках каждой культуры являются, подчеркивала О. М. Медушевская, универсалиями, глубоко и фундаментально связанными с природой человеческой деятельности, которые вряд ли исчезнут даже с исчезновением письменных рукописных текстов в их традиционном виде, с изменением фиксированных палеографией «внешних особенностей» овеществленных письменных информационных ресурсов. Палеография позволяет понимать универсалии отношений между словом устной речи и ее записи, ее остановленной, фиксированной формой, соот-

ношение вербальной информации с невербальным языковым кодом письменного текста в его целом, со всеми знаковыми, технологическими, визуально воспринимаемыми особенностями его фактуры.

Палеография, изучающая феномен письма и писания, в своей основе разрабатывает метод изучения знаковых систем письма. Методы изучения разных знаковых систем разрабатывают другие вспомогательные исторические дисциплины. Каждая из них обращена к фиксированным формам одной или нескольких знаково-символических систем (геральдика, эмблематика, сфрагистика, нумизматика, бонистика, фалеристика, вексиллология, униформология и др.). Все эти дисциплины разрабатывают методы изучения разных видов исторических источников, которые в той или иной степени отражают знаково-семиотические универсалии культуры. В основе изучения этих дисциплин – общечеловеческие универсалии, воплощенные визуальными и/или вещественными знаковыми системами, характеризующие человеческую деятельность.

В пространстве наук о человеке метод исторической хронологии выступает в качестве одного из возможных интеграционных подходов постижения общечеловеческих универсалий, с одной стороны, и методов познания природы, с другой. Время, как общекультурная универсалия, и время, как объект и субъект познания, в науках о природе в историческом контексте постигается как хронотоп, мыслимый по-разному в рамках каждой культуры, но в то же время опирающийся на объективные природные временные конструкты, которые позволяют считать и моделировать картину мира во времени. Способы счета и восприятия времени, методы структурирования времени, модели времени относятся к универсалиям, постижение которых возможно только в рамках компаративного подхода, в основе которого должно лежать понимание природы источников, сохраняющих и делающих доступными для изучения темпоральные универсалии культуры.

Также и историческая метрология, изучающая системы мер в культуре, позволяет говорить об универсальной природе мер в общецивилизационном процессе. Универсалии системы мер и

метрологических практик являются одними из фундаментальных категорий культуры и занимают особое место в познании мира человеческим сообществом, начиная от антропоморфных метрических систем и до поиска универсальных общечеловеческих систем измерений. Все это приводит к актуализации исторической метрологии как одной из наук о человеке в условиях диалога культур и глобализации.

Таким образом, вспомогательные исторические дисциплины занимают особое место в источниковедческой научной практике, так как прежде всего обращаются к постижению общечеловеческих универсалий, реализованных в той или иной форме и имеющих системный характер. Именно такая универсальность этих систем позволяет говорить о возможности компаративных исследований, о возможности полидисциплинарных подходов, так как именно осознание общности природы результатов человеческой деятельности, воплощенных в источниках разных видов, позволяет проводить научные сравнения разных и несопоставимых на первый взгляд сообществ, культур, ценностных систем.

Понимание природы источника как реализованного продукта человеческой деятельности, как интеллектуализированной вещи, в которой человек, «с одной стороны, фиксирует и выражает (в образе или знаке) свои идеи, и через который, с другой стороны, извлекает информацию о других людях» (С. 45) позволяет ставить и решать принципиально новые задачи в познавательном процессе в рамках таких областей знаний, которые неизбежно требуют полидисциплинарных подходов. Постигание природы источника как универсального в системе человеческого общества интеллектуального продукта, познаваемого человеческим интеллектом, дает возможность постижения ключевых универсалий человеческого интеллекта, однородных (общих) для всего человеческого рода ввиду общности его типа разумности (С. 225).

В качестве подтверждения идеи о необходимости понимания «вещественной» природы исторического источника и – шире – о материализованной природе всей информационной

среды, требующих комплексных подходов в изучении предмета исследования, является стремительное развитие наук о книге. Книга – это не просто «источник знаний», но и результат целенаправленной деятельности человека, которая способна не только выступать в роли транслятора суммы определенных информационных ресурсов, но и сама выступает в роли универсальной знаковой системы в общекультурном пространстве. Не случайно такое широкое развитие во второй половине XX в. получила кодикология – методы которой позволили совершенно по-новому понять роль рукописной книги в истории культуры. Это стало возможным благодаря, прежде всего, компаративным подходам изучения технологии писания, создания и функционирования манускриптов. В последнее время новый импульс развития получают науки, изучающие печатную книгу (от инкунабул, палеотипов, старопечатных изданий до новейших форм электронных книг).

Если в кодикологии уникальность рукописи является аксиоматическим понятием, то при изучении печатной книги такой подход до недавнего времени был не характерен. Уникальным рассматривалось отдельное издание книги и только в последнее время ценность объекта изучения приобрел отдельный экземпляр книги. Это стало возможно во многом благодаря источниковедческому подходу к механизмам изучения каждого отдельного экземпляра книги, его функционирования в культуре. Именно благодаря такому подходу активно изучаются записи и пометы в книге, особенности переплета и сохранности, принадлежность к книжным собраниям. Изучение печатных изданий также невозможно без понимания технологии печатного процесса, инженерии типографского оборудования, технологии производства шрифтов, красок, способов декорирования и т. п., традиций оформления печатной полосы и механизмов создания переплета книги. Функционирование печатной книги в культуре в последнее время получило развитие в изучении не только механизмов текстологической подготовки книги к печати, редактирования и корректирования, перевода, но и в изучении читательской аудитории, читательской практики, механизмов

цензурирования печатной продукции и т. д. Принципиально важным в изучении книги является понимание ее природы как «вещи»/источника, во-первых, созданного с одной стороны автором/авторами текстов разных типологий, которые она может содержать (письменный текст, визуальный текст, текст знаково-символический, цветовой и т. п.), во-вторых, изготовленного путем различных технологий, (рукописных, печатных, электронных) в рамках определенных эстетических традиций, нормативно-правовых и этических правил и, в-третьих, функционирующего в читательской среде (покупка–продажа, читательская востребованность, отношение сообщества к книге и ее хранение. Такое понимание книги позволяет в том числе по-новому ее оценивать в современных архивных, музейных и библиотечных практиках с одной стороны, и по-другому оценивать роль самой книги и книжной культуры в условиях функционирования каждого сообщества с учетом пространственно-временного и культурологического дискурса.

Когнитивная история, ставящая во главу угла самую возможность понимания одного человека другим посредством объективированных интеллектуальных продуктов деятельности человека в современном научном знании, в современной информационной среде, позволяет в современном научном знании находить единые точки соприкосновения, и на основании понимания природы источников информации и четких аналитических процедур работы с ними получать новое точное научное знание. Книга Ольги Михайловны Медушевской, несомненно, поможет современному научному сообществу в этом.

В. В. Высокова

Методология истории: когнитивные основания (к вопросу о теории научного познания)

В отечественной историографии в последнее двадцатилетие очевиден небывалый интерес к вопросам теории истории. И это неудивительно – исторические исследования больше не

должны соответствовать «единственно верному марксистскому учению». В отечественной историографии сложилась ситуация, которая часто характеризуется как плюрализм мнений или, точнее говоря, множественности методологических подходов. Логика этой ситуации заставляет профессиональных историков провести «учет и контроль» арсенала накопленного исторического знания, определиться с надежными методами добывания знаний о прошлом. И достаточно часто встречающееся суждение, что данная ситуация характерна только для отечественных историков, иллюзорно. Это качество – эпистемологического поворота – характерно для европейской историографии в целом. Монография О. М. Медушевской «Теория и методология когнитивной истории» является ответом на этот вызов современности и имеет общецеховую актуальность по ряду принципиальных вопросов методологии современного гуманитарного знания.

В последнее десятилетие активно начал развиваться такой отдел исторической науки как ее собственная история, что определяется, не в последнюю очередь, обязательностью данного курса в университетском образовательном стандарте исторических факультетов. Отнюдь нельзя этого же сказать о другом отделе исторической науки – методология истории, что объясняется аналитической сложностью этого «этажа» исторической науки. К сожалению, отечественные опыты новейшего времени, как правило, не вносят методологической ясности в этот вопрос. Можно даже сказать, что модной стала точка зрения, что «историческое знание не располагает универсальным набором методов и инструментов познания... результаты труда историка в большей степени зависят от научных, этических и моральных предпочтений». Отсюда вытекает прямой вывод: сколько историков – столько историй, «прошлое – это мир, который мы потеряли навсегда». Попросту говоря, история – это «высокое» искусство саморефлексии историка-профессионала посредством интерпретации исторических источников. Позиция О. М. Медушевской прямо противоположна такому взгляду на историческое познание и четко определена: историческая

наука – это наука, добывающая «истинно строгое знание» о прошлом.

Методологическая неопределенность в отечественной историографии в значительной степени объясняется влиянием различных постмодернистских концепций западной историографии. Воистину – нет пророков в своем отечестве. В то время как опыт последних двух десятилетий делает очевидным вывод в том, что подобно тому, как великие русские писатели Толстой и Достоевский определяли лицо западной литературы рубежа XIX–XX вв., русские музыка, балет, театр задавали тон развитию европейской культуры, так и русская историческая школа являлась одной из самых развитых и передовой для своего времени. И это касается в первую очередь вопросов методологии истории и конкретно работы А. С. Лаппо-Данилевского «Методология истории». Надо заметить, что это его сочинение в силу разных обстоятельств находилось в забвении в течении многих десятилетий. И проблема здесь не столько в смене идейно-политических режимов, сколько (и сегодня это осознается остро как никогда) в кажущейся сложности методологии Лаппо-Данилевского. Монография О. М. Медушевой, ученицы А. И. Андреева – сподвижника и ученика Лаппо-Данилевского, является, собственно, развитием концепции русского методолога и ее адаптацией к понятийному аппарату исторической науки начала XXI в.

Ключевым понятием методологии истории, как показывает О. М. Медушевская, является понятие «информация». Исторический источник понимается как источник информации о прошлом. Вводится понятие информационного обмена, который имманентно был присущ человеку с момента превращения его в человека разумного. Информационный обмен интеллектуальными продуктами человеческого сознания (чаще всего получающих вещественную форму) постоянно происходит как на синхронном, так и диахронном уровнях. И наше представление об этом процессе не должно затемняться новыми компьютерными технологиями – информационный обмен получил лишь небывалую скорость и новые возможности. И как сегодня ми-

ру – природа, жизнь и человек – присуще некое универсальное единство и упорядоченность, так это было имманентно присуще миру человека разумного всегда. И в этом смысле, прошлое и настоящее представляют единую информационную сферу. Отсюда и вытекает принципиальный вывод о возможности объективного знания о прошлом. Этот тезис является золотым сечением методологии истории, если только она позиционируется как научное знание. Разъяснению этой простой и очевидной мысли посвящена первая и вторая главы монографии О. М. Медушевской.

Другим важным тезисом, который четко проводится в обсуждаемой монографии – тезис об универсальности научного знания. Критерием универсальности научного знания является верификация добытой информации. Общей предметной областью всех наук, как убедительно показано в монографии, выступает феномен человека, реализующего себя в универсальной стратегии творчества. Четко проведена мысль, что исторический процесс является базовым параметром для осмысления феномена человека, а история как наука – обязательным отделом всего научного «здания». Показано, что эпистемологический поворот новейшего времени позволяет преодолеть господствующее в XX в. представление о различии методологии наук о духе и наук о природе. О. М. Медушевская констатирует, что впервые данная идея была сформулирована А. С. Лаппо-Данилевским и стала базовой в его концепции. Известность сегодня получил его академический проект 1916 г. по изучению истории русской науки, в определенной степени реализованный в рамках Комиссии по изучению истории знаний (КИЗ) под руководством В. И. Вернадского в 1921 г. Самостоятельная область наукознания обрела реальные очертания сегодня. Значимость истории в поле наукознания резко возрастает, она больше не может находиться в состоянии методологической неопределенности. Современная историческая наука переходит в новое качество и становится «зрелой наукой» (Э. Гуссерль) с развитым понятийным аппаратом, а самое главное – с инструментарием добывания надежной информации о прошлом.

Следующий аспект методологии истории, который автор монографии терпеливо и настойчиво стремится прояснить читателю – субъектно-объектные отношения процесса познания. О. М. Медушевская в разных ракурсах показывает и доказывает, что четкий и высокий профессионализм историка практически не оставляет места для субъективизма и каких-либо предпочтений. Четко поставленная исследовательская задача объективно дает историку в ходе исследования четкий и определенный ответ. Автор монографии показывает механизмы добывания точности информации о прошлом. Сложившаяся в отечественной историографии концепция методологии истории определяется источниковедческой парадигмой или соответствием видовой упорядоченности исторических источников – изучаемой эпохе. Т. е. источниковедение здесь выступает как синоним понятия методология истории. И здесь мы вступаем в область застарелого спора по вопросу: что такое источниковедение. Это комплекс вспомогательных исторических дисциплин, имеющих ярко выраженный прикладной характер – скажут многие. Источниковедение – это теория и методология истории, показывает нам О. М. Медушевская, и посвящает этому разделу исторической науки целое монографическое исследование. Большим его достоинством является привлечение внимания к становлению этой источниковедческой парадигмы методологии истории в последней трети XIX – начале XX в. в творческом наследии И.-Г. Дройзена, К. Н. Бестужева-Рюмина, В. О. Ключевского и А. С. Лаппо-Данилевского. Обоснованию источниковедческих оснований методологии истории посвящены третья и четвертая главы сочинения «Теория и методология когнитивной истории».

Но может быть самым глубоко идущим выводом работы О. М. Медушевской является вывод, который буквально ею не прописан в тексте монографии, но логически вытекает из самой идеи источниковедческой парадигмы методологии истории. Понятая таким образом историческая наука обретает «власть знания». Точная и достоверная информация (о прошлом, в частности) сразу обретает свою цену на информационном

рынке, так как естественным образом включается в эмпирическую реальность и дает действенные ответы на запросы человека. В ситуации глобализации информационной сферы история объективно не сможет больше находиться в ситуации методологической неопределенности. Прошлое – это наше настоящее, оно будет иметь актуальность всегда. Смысл и назначение истории как научной дисциплины резко актуализируются в ситуации начала XXI в. Эпистемологическая революция является оборотной стороной этого процесса и ясно на это указывает. И в этом контексте О. М. Медушевская затрагивает один из самых насущных вопросов последнего времени – образовательная модель истории как университетской дисциплины. В пятой и последней главе монографии автор убедительно показывает, что нарративистский подход больше не работает и не приемлем в ситуации информационного взрыва в глобализующемся мире. В основу образовательной модели должно быть положено научение методу добывания верифицированного точного знания о прошлом, а не само прошлое – время ставит перед историком новые исследовательские проблемы, он должен знать как («know how») подступаться к их решению. Метод этот базируется в свою очередь на фундаментальной теории основанной на критериях истинности и доказательности.

И последнее, на чем следует остановиться в предварительном обсуждении монографии О. М. Медушевской – это определение истории как когнитивной, что вынесено в заглавие всей работы «Теория и методология когнитивной истории». Это наиболее сложный и одновременно новационный аспект монографического исследования Медушевской. Автор обращается к когнитивной лингвистике в качестве успешного примера добывания точного знания о человеке среди прочих направлений гуманитарного знания. Полагаю, что вектор дальнейших теоретических исследований, намеченный О. М. Медушевской в данном монографическом сочинении, является центральным в современном развитии методологии истории. Здесь надо отметить, что в западной историографии нет столь ясно и изящно выстроенной концепции методологии истории. Работы английского историка Дж. Тоша и его французского коллеги

А. Про только подступают к этой проблематике. И в завершении, следует повторить основные положения концепции методологии истории, рассмотренные О. М. Медушевой в работе «Теория и методология когнитивной истории»: методология истории едина и универсальна; объективное знание о прошлом на ее основе возможно; источниковедческие основания методологии истории определяются видовой упорядоченностью исторических источников; цеховое воспроизводство профессиональных историков базируется на консенсусной модели истории как науки и универсальной методологии истории.

В. М. Магидов

Когнитивная история как важнейшее теоретико-методологическое направление

Важнейшим достижением современной отечественной историографии является то, что историческое прошлое не рассматривается только в социально-политическом ракурсе; оно предстает в новой парадигме с позиций участия человека, отдельной личности в познавательной, мыслительной деятельности как в официальной, так и в повседневной жизни общества. В этом русле выполнена и книга О. М. Медушевой.

Её выход в свет знаменует новый этап становления когнитивной истории как важнейшего теоретико-методологического направления, способного расширить наши знания о мире, а также о том, как они структурированы в процессе коммуникации. Именно этим кругом проблем, как сообщает нам автор, занимается когнитивная история, история будущего. Она базируется на междисциплинарном подходе к изучению исторических событий и фактов. О. М. Медушевская считала этот подход незаменимым и наиболее эффективным средством всестороннего познания реальной действительности.

Как отмечено в книге, человеческим интеллектом, закономерностями мышления издавна занимались логика, философия, физиология, психология и языкознание. Поэтому можно утверждать, что у когнитивистики огромная традиция, корни

которой уходят в античность. Но в когнитивном ключе старые вопросы в обсуждаемой книге зазвучали по-новому. Оказалось, например, что разная природа реалий (вещей, явлений, событий) обуславливает их различное отображение в сознании: одни представлены в виде наглядных образов, другие – в виде символов.

Сейчас говорят о когнитивной революции. О. М. Медушевская внесла существенный вклад в ее развитие, став в ряде случаев первооткрывателем применения когнитивных знаний в изучении человеческого мышления как феномена. Используя более широкое пространство когнитивистики, автор призывает к взаимодействию наук о природе, наук о жизни и наук о человеке (среди них когнитивная психология, когнитивная лингвистика, компьютерные науки, теория информации, информационные науки, область исследования искусственного интеллекта и др).

Ни в коей мере не претендуя на широкий охват проблематики, затронутый в книге, останавлиюсь лишь на вопросах, которые имеют особое, в ряде случаев принципиальное значение для дальнейшего развития мировой исторической науки. Первое, на что хотелось бы обратить внимание, это то, что в книге четко и определенно сформулировано место когнитивной истории в современной научной парадигме. Автор свидетельствует, что когнитивная история возникла на базе когнитивистики в рамках современной антропоцентрической парадигмы, существенно расширяющей горизонты исторических исследований (этот тезис, что очень важно, подкреплен большим массивом историографических рассуждений). Во второй половине XX в. обозначилась необходимость посмотреть на историю с точки зрения ее участия в познавательной деятельности человека. Полученная в ходе предметно-познавательной деятельности информация поступает к человеку через разные каналы, но предметом рассмотрения в когнитивной истории является лишь та ее часть, которая обретает отражение и фиксацию в различных независимо от видовой принадлежности исторических источниках. Опираясь этим подходом, автор убедительно показывает, как когнитивная история выходит за рамки

собственно истории, соприкасаясь с логикой, психологией, социологией, философией, исторической, визуальной антропологией, что делает чрезвычайно привлекательной работу в этой области. Более того, когнитивная история и традиционная историческая наука являются не альтернативными течениями научной мысли, а разными сторонами познания исторической реальности.

Поражает своим разнообразием представленная в книге терминологическая база когнитивной истории. Речь, прежде всего, идет о формировании ее категориально-понятийного аппарата, потому что выработка метаязыка описания является первоочередной задачей науки. При этом нужно отметить, что терминологическая система когнитивной истории характеризуется не столько новыми терминами, сколько уточненными и унифицированными терминами, уже имеющимися в других науках. Однако, встречаются и новые термины, ранее не использованные в научных исследованиях, например, «информационный магнетизм» для обозначения несомненно существующей, но недоступной эмпирической проверке реальности информационной связи социума.

В этой связи представляется необходимым обратить особое внимание на указатель понятий (в нем насчитывается 71 понятие). Здесь мы встречаемся с авторским прочтением большей частью в оригинальных формулировках таких базовых понятий как «вещь» (С. 29), «вид», «эмпирическая проверка реальности информационной связи социума», «видовая компаративистика», «интерпретация», «информационная картина мира», «информационная сфера», «историческая критика», «источник», «источниковедение», «когнитивная история», «нарратив», «структурный источниковедческий метод» и др.

В результате взаимодействия человека с миром складываются его представления о нем, формируется некоторая модель, которая в философско-лингвистической литературе именуется картиной мира. Это одно из фундаментальных понятий нашло отражение в книге применительно к теории и практике источниковедческого знания. О. М. Медушевская основательно рас-

сма­три­ва­ет ста­но­в­ле­ние на­уч­ных по­ня­тий в этой об­ла­сти (не об­хо­дя вни­ма­ни­ем пер­вые по­пыт­ки дать аб­стра­ги­ро­ван­ные эта­ло­ны кри­ти­че­ско­го су­ж­де­ния ис­то­ри­ка в тру­дах Ш.-В. Лан­г­лау и Ш. Сень­обоса, Э. Фри­мена и др.). В ре­зуль­та­те про­ве­ден­но­го все­сто­рон­не­го ана­ли­за, ав­тор при­хо­дит к важ­но­му вы­во­ду, что ста­но­в­ле­ние ис­то­рии как на­у­ки опи­ра­лось на раз­ви­тие двух на­прав­ле­ний гу­ман­и­тар­но­го зна­ния. С од­ной сто­ро­ны, это бы­ло рас­ши­ре­ние зна­ний о мор­фо­ло­гии ис­то­ри­че­ских ис­точ­ни­ков и, с дру­гой – это бы­ло фор­ми­ро­ва­ние фи­ло­соф­ских пред­став­ле­ний о при­ро­де че­ло­ве­ка, об­щес­тва и воз­мож­но­стях по­ни­ма­ния мес­та че­ло­ве­ка в си­сте­ме ми­ра в це­лом (С. 178). О. М. Ме­ду­шев­ская убе­ди­тель­но де­мон­стри­ру­ет свою при­вер­жен­ность к фе­но­ме­но­ло­гичес­ко­му под­хо­ду, ко­то­рый по­зво­ля­ет, по ее м­не­нию, со­вер­шен­но по-но­во­му под­ой­ти к ос­мыс­ле­нию то­го ог­ром­но­го эм­пи­ри­че­ско­го ма­те­ри­ала, ко­то­рый уже на­коп­лен в об­ла­сти ис­то­ри­че­ской мор­фо­ло­гии и ис­точ­ни­ков­е­де­ния. При этом, как за­ме­ча­ет ав­тор, сход­ство и раз­ли­чие ви­дов ис­то­ри­че­ских до­ку­мен­тов, про­дук­тов ис­то­ри­че­ской де­я­тель­но­сти мо­гут изу­чать­ся как про­яв­ле­ние их еди­нства и раз­но­об­ра­зия (С. 185).

Особую цен­ность в кни­ге О. М. Ме­ду­шев­ской име­ют раз­де­лы, по­свя­щен­ные клю­че­вым си­сте­мо­об­ра­зу­ю­щим по­ло­же­ни­ям те­о­ре­ти­че­ской кон­цеп­ции ав­то­ра, по­зво­ля­ю­щим ис­то­ри­че­ско­му зна­нию раз­ви­вать­ся как зна­нию на­уч­но­му. В рам­ках фе­но­ме­но­ло­гичес­кой фи­ло­со­фии эти уни­вер­са­лии рас­сма­три­ва­ют­ся на ос­но­ве ги­по­те­зы че­ло­ве­че­ско­го ин­тел­лек­та как еди­но­го фе­но­ме­на (С. 225). Ав­тор за­да­ет, пре­жде все­го, се­бе и сво­им оп­по­нентам во­прос – воз­мож­но ли раз­ли­чать эм­пи­ри­че­скую дан­ность при­род­ных об­ъ­ек­тов, жи­вых си­сте­м и ин­тел­лек­ту­аль­ных про­дук­тов че­ло­ве­че­ской де­я­тель­но­сти? И впол­не обос­но­ван­но от­ве­ча­ет, что в ка­че­стве ос­нов­но­го кри­те­рия здесь сле­ду­ет вы­де­лять ин­фор­ма­ци­он­ный ас­пект. С ин­фор­ма­ци­он­ной то­чки зре­ния, фе­но­мен че­ло­ве­ка – еще бо­лее вы­со­кая, уни­каль­ная си­сте­ма усо­вер­шен­ст­во­ван­но­го ин­фор­ма­ци­он­но­го ме­ха­низ­ма. Де­ло в том, что всю ин­фор­ма­цию, ко­то­рая дан­ная жи­вая си­сте­ма пре­об­ра­зов­ыва­ет в идеи и пред­став­ле­ния, она

способна сохранить (С. 259). Это наблюдение ученого чрезвычайно важно как в теоретическом, так и в практическом отношениях.

Самостоятельное значение и перспективную направленность имеет глава, посвященная историческому образованию в условиях смены парадигм, где автор показывает свое видение образа науки в образовании с позиций междисциплинарного диалога.

Теоретико-методологические ментальные парадигмы, выявляемые когнитивной историей, сформулированные в книге О. М. Медушевской, оказали существенное влияние на развитие различных научных дисциплин и направлений. Так, например, строятся современные визуально-антропологические исследования, поставившие своей целью выявление реальных структурно-функциональных, системных связей, в рамках которых возникают продукты целенаправленной человеческой деятельности. Особенностью понятия «визуальная антропология» является тесное переплетение в нем гносеологической и аксиологической познавательных сторон. В исторической, этнографической и культурологической литературе до сих пор не существует единого мнения относительно времени появления этого научного направления. Большая часть исследователей связывает его возникновение с распространением процессов фотофонокинодокументирования (вторая половина XIX в.) как способа фиксации самобытной культуры народов, их быта и нравов, ритуалов и обычаев.

Отдавая должное роли и месту «визуальной антропологии» в формировании и развитии современного исторического знания, отметим, что складывание представлений о развитии цивилизации не может и не должно базироваться на одном, даже очень крупном, массиве исторических источников – тем более одной видовой и предметной принадлежности. Здесь без поливидового, когнитивного и феноменологического подходов не обойтись. В научном обороте должны быть задействованы все возможные источники познания, независимо от типологической принадлежности, носителя информации и времени созда-

ния. И в этом случае визуальная антропология, основанная преимущественно на документах аудиовизуального происхождения, тесно соприкасается с другими научными дисциплинами и направлениями исторического, культурологического, философского, социологического и искусствоведческого профиля, что придает ей ярко выраженную междисциплинарную направленность.

Сегодня можно говорить о том, что визуальная антропология является одной из фундаментальных научных отраслей, которая в значительной мере обуславливает структурированность социумов и ведет к формированию в обществе более четких и аргументированных представлений прежде всего о жизни и бытовании коренных народов нашей планеты, различных поколений людей независимо от конфессиональных различий, а также различий в языке и культуре.

При рассмотрении этих вопросов важно исходить из понимания того, что в каждом обществе, подвергающемся изучению, существует своя культура, своя система ценностей и понятий, которая отражается в быту, обычаях, ритуалах и, наконец, в языке каждого народа или каждой группы людей. Именно культурные традиции каждой группы людей в совокупности выражают концептуальную систему, существующую в данном обществе, поскольку они являются частью духовной, творческой и мыслительной деятельности человека.

Другими словами, визуальная антропология вмещает в себя практически всю технологическую цепочку от замысла аудиовизуального документа до создания конечного продукта, осмысления границ его интерпретации в гуманитарном и естественно-научном знании, а также определение его места в системе методологических парадигм XX в. Она выступает преимущественно в качестве прикладной дисциплины. Вместе с тем процесс создания продуктов визуальной антропологии, т. е. процесс документирования событий, фактов и явлений реальной действительности профиля указанной дисциплины носит ярко выраженный научно-творческий характер и сопровождается широким применением технических средств и оборудования

и современной электронной техники. Нельзя не учитывать также и то, что этот процесс немалозначим без использования достижений науки и техники, а также когнитивной истории.

С. И. Маловичко

Компаративизм и контекстуализм в современном историческом знании

Мне представляется важным обратить внимание участников Круглого стола на важную черту, присущую научному историческому сознанию О. М. Медушевой, нашедшую свое отражение как в обсуждаемой монографии, так и в других ее работах. Я имею в виду практику компаративизма и контекстуализма. О компаративном источниковедении уже много писалось присутствующими здесь учеными кафедры источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин Историко-архивного института, однако значимым является не только это.

О. М. Медушевая призвала историков обращаться к изучению «синхронно действующих механизмов реальности глобального мира», пристальнее исследовать его системные связи, «способы взаимосвязи и функционирования (См.: Медушевая О. М. Эмпирическая реальность исторического мира // Вспомогательные исторические дисциплины – источниковедение – методология истории в системе гуманитарного знания: Материалы XX междунар. науч. конф. М.: РГГУ, 2008. Ч. 1. С. 32), смещать акценты исследований с традиционного диахронического подхода, рассматривавшего явления во времени, на синхроническое исследование системных связей исторического настоящего» (С. 25).

Слова О. М. Медушевой напоминают нам, что ранее историков интересовала «объективная», событийная история. Она представляла линейное историописание и была связана с национально-государственной историей, которая не могла способствовать изучению коэксистенциального пространства культуры, или, как писала Ольга Михайловна, «синхронно действующих механизмов реальности глобального мира». Однако

сегодня возникла необходимость изучать не историю государственного строительства, а историю человека. Историки, откликаясь на вызовы времени, приступили к поиску актуального коэксистенциального целого человечества, пытаются изучать исторические связи между изменяющимися пространствами, сообществами и локусами. Социокультурная ситуация заставляет осмысливать мир в единстве его многообразия на основе компаративных подходов и делает необходимым поиск локального и глобального субъектов исторического действия.

О. М. Медушевская обращает наше внимание и на то, что традиционная история – конфликтна, и в первую очередь, не могут быть не конфликтными национально-государственными нарративы, они лишь обостряют противоречия разных нарративов, «не открывая простора для выявления общечеловеческих параметров исторического процесса» (С. 16–17). С этим утверждением историка надо согласиться, ведь предлагавшаяся европейской классической историографией модель государственно-национальной истории позволяла немецким, британским, французским, русским и др. авторам использовать историографическую практику тотального присвоения истории одному народу или имперскому духу. К сожалению, в российской историографии в последние годы конфликтный потенциал не только не ослабевает, но еще более усиливается. Заметно желание господствующих властных структур заново сформировать набор исторических отношений между национальными, государственными и глобальными пространствами старыми приемами, использовавшимися еще в XIX в. Особенно это заметно в современной практике контроля власти над созданием новых учебников по истории России. Читателю государственной истории (а им чаще всего является школьник и студент) предлагается лишь пассивная работа – потребление готовой информации об исключительности их народов-государств и враждебности, якобы присущей странам-соседям, а также стратегическим соперникам.

Ширящееся число исторических исследований превратило прошлое во множество миров. Лишь влияние массового исторического сознания позволяет нам говорить о некоем общем прошлом. Прошлое, в действительности, стало путаницей,

мульти-прошлым, зависимым от разных идеологических перспектив, интерпретируемым разным инструментарием, подгоняемым под разные шаблоны, выработанные несколькими десятками историографических школ.

Следует присоединиться к тем, кто справедливо признает, что само государство как субъект истории совсем отрицаться не может, но его изучение должно проводиться в широком контексте (которого не знала национально-государственная история) – это культурный контекст и историческая компаративистика. О. М. Медушевская также считала, что «парадигма истории как строгого знания открывает путь для новых интерпретаций, для исторической компаративистики, для исследования общих механизмов, порядка вещей реального мира и познавательных инициатив человеческого разума» (С. 16–17). Остается добавить, что только в рамках «экстравертной», открытой модели исторического знания возможно представление о коллективной истории; только в рамках такой модели возможно формирование исторической памяти, в которой базовые конструкты национальной идентичности покоятся не на конфликтах, а на диалоге.

Практика широкого контекстуализма должна учитывать взаимосвязь окружающей культуры и текстов, «внешнего» и «внутреннего». Подобный опыт уже накапливается. В качестве ответа этноцентризму оформилась мировая (компаративная) история, в конце XX – начале XXI в. в историографии все чаще стали говорить о глобальной и транснациональной, а также о новой локальной историях. Несмотря на разницу в рамках и объектах исследования, эти направления имеют важный объединяющий принцип – субъект исторического действия, не тождественный государству.

Уже становится определённым жанром компаративная историография. Она обращает внимание на историографическую типологию; помогает изучать теоретические вопросы историографии в пределах от общего и философского до частного и эмпирического. Возможности компаративной историографии используются как в изучении дискурсивных приемов, как в рамках европейской историографической традиции, так и отдельных уровней исторического знания, а также типов исторического письма в национальной историографии.

Разговор об исторической компаративистике и контекстуализме должен учитывать еще одну важную проблему актуальной социокультурной ситуации – это кризис классической европейской модели образования. Зародившаяся в эпоху Просвещения с ее культом разума и знаний, сначала национальная, а затем и государственная история были встроены в эту модель образования и они не могли обойтись друг без друга. Сегодня европейские, в том числе российские, и американские образовательные структуры все больше манифестируют задачи построения постклассической образовательной модели. О. М. Медушевская, поднимая вопрос об историческом образовании в условиях смены парадигм, замечает, что «при подготовке современного историка-специалиста первостепенное значение приобретает его способность «к практическому применению методов исторической (в своей основе источниковедческой) компаративистики, что необходимо в условиях противоречивого становления глобального мира. Данный подход опирается на понимание общих универсалий, историко-антропологических основ человеческой деятельности» (С. 196).

Слова Ольги Михайловны вполне солидарны с выводами специалистов в области философии образования, которые замечают, что новая парадигма образования должна производить специалистов, чувствительных к культурному и социальному разнообразию. Большая роль в этом процессе отводится гуманитарной составляющей современного образования, которая обязана помогать идентифицировать «свое» вместе с «другими», прививать ценности, помогающие видеть в других культурах не «случайные недоразумения» и потенциальных врагов, а подтверждение многоликости человечества.

А. А. Лукашевич

**Маргиналии: некоторые наблюдения
над эпистемологическим контекстом
феноменологической концепции О. М. Медушевской**

Монография О. М. Медушевской «Теория и методология когнитивной истории», содержательная и новаторская, требует

от читателя определенной теоретико-методологической подготовки. Учитывая то, как построено историческое образование, не трудно представить, с какими сложностями сталкивается при ее чтении студент или выпускник исторического факультета, особенно воспитанный в духе марксистской методологии. Очевидно, ему придется не раз перечитать книгу и как при строительстве дома прежде возводят вспомогательные конструкции – леса, делать на полях заметки, например, такие...

На мой взгляд, содержание исследования изложено феноменологически, то есть читателю дана возможность наблюдать развертывание концепции в логической последовательности, очищенной от разнообразных наслоений проблем, понятий конкурирующих идей. Этому служит и указатель авторских формулировок понятий в конце текста. Представлена концепция как таковая, непосредственно и без предпосылок. Однако стремление освободиться от стереотипов, предвзятости воспринимается как антиисторизм. Для историка – это непривычное чтение. Для него история вопроса – не просто генеалогия, а одна из форм доказательства. Популяризатор постмодернизма К. Харт советовал, если при чтении работы возникает чувство потерянности от сложности предмета или изложения, то нет лучшего способа вновь ощутить почву под ногами, чем задаться вопросом: кто или что выступает в данном случае в роли врага? Отечественный читатель, особенно старшего поколения, готов последовать этому предложению, поскольку марксистская историография полемична. Автор не называет тех, с кем дискутирует, потому возьмусь провести некоторые сопоставления проблем.

Характеризуя смену парадигм в историческом профессиональном сообществе XX–XXI вв., автор отмечает общий вектор движения – от традиционалистской нарративистской парадигмы, к новой, феноменологической, источниковедческой по ключевой позиции. Причем последняя направлена на обоснование истории как истинной науки. Ее важнейшим методом познания является феноменологический системный подход.

Возникает вопрос, а марксистская историография не преследовала цель сделать историю наукой? Труды ее творческих

представителей, таких как И. Д. Ковальченко, Л. В. Милов, не являются вкладом в развитие социально-экономической тематики истории феодальной России? Сегодня ощущается дефицит таких работ, на что обратил внимание А. Б. Каменский. А их вклад в развитие источниковедения? В монографии И. Д. Ковальченко «Методы исторического исследования» довольно подробно рассмотрены системный подход и системный анализ, историко-системный метод. Результатом его применения является структурная модель аграрного рынка России. Однако в марксистской методологии структурно-функциональный подход не является краеугольным в изучении объекта исторической науки, поскольку сам по себе он не обеспечивает научной обоснованности выводов. Все зависит от исходных методологических установок, от того, что выдвигается в качестве системы, какие компоненты выделяются в ней. Наконец, признается единство структурности и развития социальных систем, наличие двух планов общественной жизни-структурного и генетического. Системный подход находится в подчиненном к диалектическому методу положении. В чем же различие феноменологического системного подхода, от марксистского, не выплеснули ли вместе с водой ребенка?

Рассуждая о философских основаниях исторической науки, Ольга Михайловна сосредоточила свое внимание на неокантианстве и феноменологии, а вот возможности герменевтики использованы меньше. Она считает, что герменевтика не располагает возможностью нового подхода к проблеме истолкования иной культуры, поскольку остается в рамках традиционного соизмерения чужого сознания, чужой системы: понимания с помощью его сравнения с собственным сознанием. В результате невозможно отграничить сознание чужое от сознания интерпретатора. Путь к чужому сознанию оказывается неочевидным.

Другого мнения придерживается Х.-Г. Гадамер. Он признает непреодолимость историчности позиции исследователя научной методикой. Как, впрочем, В. И. Ленин, К. Поппер. Десубъективизация исторического познания невозможна. Интерпретатор изначально укоренен в традиции, тем самым свобода познания

не только ограничивается, но одновременно становится возможной. Понимание рассматривается им не как конгенитальность, а как причастность интерпретатора и автора текста к общему для них смыслу, общему историческому способу бытия. Потому постигая, сознание должно требовать пред-понимания, всегда присутствующего в исследовании, когда мыслится серьезная «научность». Оно организует исследование, определяет состав «вопросника», с которым историк обращается к источнику. Игнорирование данного обстоятельства может привести к тому, что в нем будет прочитано то, что вложил в него сам исследователь. Принципиально важно оставаться открытым к другим интерпретациям, что позволит обнаружить свои предрассудки, а также инаковость смысла текста. Осмысление источника опосредуется современностью, поэтому является одновременно и репродуктивным и продуктивным.

Гадамер ставит вопрос о границах научного метода в понимании и истолковании истории. Он неизбежен, если размышлять о становлении истории как науки. Кроме того, использование только научных методов, полагает философ, еще недостаточно для гуманитарного познания. Следует выяснить соотношение научных методов с возможностями искусства, религии, этики.

Философская герменевтика стремится преодолеть дихотомию субъекта и объекта. Тем самым, она становится источником неклассической эпистемологии, ставит под вопрос возможность трансцендентальной редукции – одного из важнейших положений феноменологии.

Таковы мои первые впечатления о прочитанной книге, к которой, безусловно, еще вернусь.

Г. Н. Ланской

Методология будущего исторического знания

Развитие гуманитарных наук является одним из наиболее консервативных направлений в рамках организации исследовательской деятельности. Данная черта выглядит, на первый взгляд, весьма парадоксальной, потому что в центре внимания

данной группы наук должна оказываться многообразная по своим проявлениям личность человека. Однако в течение длительного времени в рамках отечественной историографической традиции внутреннее богатство человеческого поведения, его культурная насыщенность практически не учитывались, что было специфической чертой советской исследовательской практики и обозначало ее кардинальное расхождение с той парадигмой научного творчества, которая была характерна для лучших произведений российской исторической науки XIX – начала XX в.

Фундаментальное методологическое значение книги О. М. Медушевской заключается в том, что она провела непосредственную и прерванную событиями октябрьской революции 1917 года связь между сложившимся в России дореволюционного периода опытом историко-гуманитарных исследований и той моделью исторического познания, которая должна сформироваться в целях получения точного гуманитарного знания. Успешному решению данной исследовательской задачи способствовало создание и последовательное обоснованное раскрытие образа когнитивной истории.

Залогом продуктивности проведенной работы стало происходившее на протяжении последних десятилетий систематическое обращение О. М. Медушевской к содержанию тех историко-методологических концепций и подходов, которые отличились большим творческим потенциалом по сравнению с замкнутой в ленинско-коммунистическую оболочку марксистской концепцией. Речь в данном случае идет о научном наследии школы «Анналов» и о фундаментальных исследованиях российских ученых рубежа XIX–XX веков, среди которых выделялись теоретические и конкретно-исторические труды А. С. Лаппо-Данилевского, характеристике и популяризации содержания которых О. М. Медушевская посвятила свои многие, последние по времени издания работы.

Думается, что значение этих творческих усилий, практически единодушно признаваемое сегодня, будет все более ощущаться в будущем, поскольку приоритетное внимание к

глобальным социальным процессам, к закономерностям группового поведения людей в своем сложившемся виде неизбежно исчерпает себя. Очевидно, что на макроуровне взаимодействия общества и социальных институтов, в сфере образования договорных связей и масштабных конфликтных ситуаций между общественными группами в изучении истории различных стран и народов (например, истории России) произойдет сужение непознанного пространства. Следовательно, после изучения на первичном (массовом) уровне основных тенденций исторического процесса специалисты перейдут на так называемый «микроуровень» своей познавательной деятельности, где от них потребуется углубленное изучение многочисленных фактов прошлого. Каждый из этих фактов – результат целенаправленной осознанной человеческой деятельности, проявление культурно-феноменологической индивидуальности сформировавшейся и ищущей для себя сферу самореализации личности.

Поэтому в условиях обозначенной и вполне закономерной тенденции развития научного творчества любое социальное знание неизбежно преобразуется в гуманитарное знание. В противном случае возникает ситуация познавательного застоя, при которой в течение длительного времени могут вестись схоластические и творчески бесплодные дискуссии о давно введенных в научный оборот понятиях.

Возможные пути выхода из подобной кризисной ситуации отчетливо очерчены и продемонстрированы в монографии О. М. Медушевой. В ней убедительно показано, что при отсутствии смены парадигмы историко-методологического мышления (результатом которой, согласно представляемой концепции является внедрение когнитивно-исторического подхода) развитие представлений о различных конкретных явлениях прошлого может обеспечиваться только экстенсивным путем расширения объема изучаемых источников по определенной тематике. Именно по такому пути развивалась советская историография в период, последовавший за разоблачением последствий и, в частности, теоретического наследия эпохи «культ личности» И. В. Сталина. В это время наиболее профессио-

нально ориентированные специалисты придавали основное значение архивной эвристике – поиску и исследовательскому освоению ранее неизвестных документальных фондов.

Между тем, концентрация исследовательской практики либо на описании частных по своей значимости явлений и фактов, либо на осмыслении исключительно глобальных по своему масштабу социальных (производственных, политических) процессов неизбежно приводит к сужению достигаемых исследовательских результатов. Речь в данном случае идет, прежде всего, об объяснении причин происхождения и специфики исторических событий. Обращение к личностным качествам людей, как к источнику каждодневно совершающихся событий в жизни различных народов, стало той методологической задачей, которая была принципиально обозначена О. М. Медушевской как в монографии «Теория и методология когнитивной истории», так и в ее предшествующих исследованиях. Следует отметить, что определенный пересмотр эмпиризма и одновременно социологизма советской историографической традиции не имел в данном случае маргинального, поверхностного с научной точки зрения характера, которым грешили, на наш взгляд, многие историко-философские работы второй половины 1980-х – 1990-х годов. Подобная публицистичность, характерная для данного периода научной жизни в СССР и затем в России, приводила к тому, что многие (в том числе, издававшиеся в РГГУ) исследования оригинального и изначально ценного по замыслу содержания отличались внутренней качественной неоднородностью содержания (например, книга «Советская историография»). О. М. Медушевская, являвшаяся соавтором многих из этих исследований, всегда повышала их исследовательский уровень именно благодаря отсутствию обозначенной маргинальности и поверхностности.

В ее исследованиях, как и в рассматриваемой монографии, сочетается склонность к глубокому теоретико-методологическому новаторству и в то же время пристальное внимание к источнику как к продукту целенаправленной человеческой деятельности. Такое сочетание было и оставалось даже в самые

сложные в идеологическом отношении времена характерной чертой научно-педагогической школы кафедры источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин. Традиции ее развития в советский период, предполагавшие гармоничное сочетание теоретических и эмпирических методов анализа исторических источников, сохранялись во многом благодаря усилиям О. М. Медушевой, которые не прекращались в условиях господства марксистско-ленинской теории и еще более активизировались в также непростой для профессионального научного творчества постсоветский период.

Переходя от оценки теоретических достоинств когнитивно-исторического подхода к характеристике значения размышлений О. М. Медушевой об особенностях и, более конкретно, о культурно-феноменологических свойствах исторических источников, нам представляется полезным сосредоточить внимание на возможностях эффективного применения черт данного подхода к изучению источников по истории исторической науки. В данной предметной области особенно остро ощущалась ущербность социально-классового подхода. По нашему мнению, оценка этого комплекса источников, включающего в себя научные и научно-публицистические труды, была одним из наиболее слабых мест в творческом наследии М. Н. Покровского и ряда других авторов, обеднявшим и снижавшим ценность их зачастую незаурядных работ.

Когнитивная история, как предметная область интеллектуального и эмпирического творчества, дает возможность иначе взглянуть на специфику происхождения источников по истории исторической науки и на возможности объективной интерпретации их информационной значимости. Изучение книги О. М. Медушевой «Теория и методология когнитивной истории» с точки зрения конкретно-источниковедческих аспектов ее содержания позволяет сделать вывод о том, что одним из ее принципиальных положений является моделирование ситуации адекватного информационного обмена между создателем и читателем источника. Между ними должно сложиться хотя бы на временном уровне единство сознания, зародиться возможность

герменевтического диалога. Только в этом случае окажется реальной перспектива получения точного гуманитарного знания, во-первых, об интеллектуальном своеобразии автора источника и, во-вторых, о степени адекватности интерпретации этим автором объектов и свойств исторической действительности.

Надо подчеркнуть, что сама методика исследования научных и литературно-публицистических произведений исторического содержания формировалась в отечественной и зарубежной традиции интеллектуального творчества в течение весьма длительного периода. В дореволюционной и в советской России процесс становления этой методики находился под сильным, устойчивым и далеко не всегда плодотворным влиянием либо официально принятой, либо оппозиционной идеологии. Такое влияние создавало предпосылки для формирования у многих историографических очерков критического и далеко не всегда конструктивного содержательного настроя.

Ситуация информационного обмена и тем более единства сознания, которую моделировала и к возникновению которой призывала О. М. Медушевская, не возникала. Интерпретатор ранее написанных исторических сочинений выбирал для себя в ситуации идеологического антагонизма позицию не собеседника, а судьи. Подобная ситуация была в равной мере характерна и для трактовки многих произведений русской дореволюционной историографии, и для выработки в 1990-е годы нового восприятия наследия советской историографии.

В связи с утвердившимся на протяжении многих десятилетий идеологическим детерминизмом в восприятии источников по истории исторической науки тезисы и наблюдения, высказанные в монографии О. М. Медушевской по проблематике теории источниковедения, могут с полным основанием рассматриваться как не преходящие по своему значению. Конечно, социальные факторы, к числу которых относятся специфика общественного запроса на исследования определенной тематики и потенциальный уровень востребованности тех или иных трудов и концепций, играют свою роль в организации мышления и творчества различных авторов.

Однако при этом совершенно очевидно, что создание исторических сочинений, фиксация на их страницах определенных интерпретаций прошлого – это в высшей степени индивидуализированный процесс. Он обусловлен тем, как конкретный автор сформировал свой гражданский, творческий и моральный выбор. Задача профессионально состоятельного источниковедческого исследования заключается в том, чтобы понять, опираясь на широкий комплекс эмпирических сведений, сущность и мотивацию происхождения этого выбора. В данном случае, также как, например, по отношению историческим кино- и фотодокументам, когнитивный подход может оказаться едва ли не единственно возможным средством объективного анализа и интерпретации источников.

Большое внимание в книге О. М. Медушевой уделено проблеме сочетания профессиональной научной деятельности и практики профессионального образования в сфере теории и методологии истории и источниковедения. Авторские наблюдения в этой предметной области сконцентрированы, на наш взгляд, вокруг двух основополагающих и взаимосвязанных тезисов. Первый из них определяет необходимость формирования четких методологических ориентиров у начинающего исследователя. Второй устанавливает абсолютно необходимый приоритет гуманитарного образования над социально-практической подготовкой в рамках классического университетского образования.

Именно сочетание этих тезисов указывает на их новаторские черты по отношению к утвердившимся, зачастую стереотипным дидактическим подходам, поскольку методологической формализацией отличалось и советское историческое образование, а гуманитарная отвлеченность была представлена в виде схоластических методик в период средневековья. В концептуальных размышлениях О. М. Медушевой речь идет, как представляется, о формировании специалистов с широким творческим кругозором и в то же время с готовностью правильно подобрать ключи к пониманию содержательной глубины источника и личностных качеств автора, обеспечивших тот или

иной уровень данной глубины. На наш взгляд, отечественной исторической науке еще предстоит пройти определенный путь к постижению и, главное, к реализации представленных в книге О. М. Медушевской методологических, теоретических и практических рекомендаций. На нем будет важно преодолеть известные накопившиеся трудности в виде стереотипности, телеологичности и нередко встречающейся антагонистичности профессионального мышления. Однако уже сейчас во многом новаторский подход, сформулированный О. М. Медушевской, может быть успешно синтезирован с доказавшими свою продуктивность теоретическими и методологическими достижениями мировой исторической науки.

Тереса Мареш

Исторические источники в формировании исторического мышления

(Перевод с польского – Д. А. Добровольский)

Я очень признательна организаторам круглого стола за то, что они пригласили меня принять участие в этом мероприятии. Мне посчастливилось познакомиться с О. М. Медушевской во время моих поездок в Москву на конференции, которые проводились кафедрой источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин Историко-архивного института РГГУ, а книга О. М. Медушевской «Теория и методология когнитивной истории» интересует меня потому, что я сама на протяжении многих лет занималась вопросом о роли исторических источников в исторических исследованиях. Хотелось бы поделиться некоторыми соображениями, возникшими у меня по прочтении обсуждаемой книги, а также привести ряд суждений польских теоретиков исторической науки по затронутой Ольгой Михайловой теме.

Сегодня общепринято отождествление истории и исторического знания, или, говоря словами О. М. Медушевской, «история рассматривается как наука, чей предмет – феномен человеческого мышления, человеческого познания, реализовавшего себя в ходе

целостного и единого исторического процесса» (С. 17). Целью ученых, работающих в исследовательском поле исторической науки, является историческое познание, включающее в себя познание не только исторических фактов, но и (прежде всего) процессов и явлений, имевших место в прошлом. Именно на такой основе у человека формируется мышление, в нашем конкретном случае – мышление историческое. О. М. Медушевская указала на это, отметив, что «историческая наука по характеру своего объекта может и должна быть наукой об историческом мышлении» (С. 24). И далее: «Цель мышления – познание смысла, соединение представлений о законах окружающего мира с представлениями о собственных возможностях существования в нем» (С. 139). Основной реализацией исторического мышления является получение знания о прошлом и оперирование наличными сведениями. Такое мышление предполагает не просто интеллектуальную активность, не просто упорядочение фактов и составление из них целостного образа прошлого, но и наблюдение за изменениями в структуре исторического процесса. Основными операциями исторического мышления являются анализ и синтез. Оно охватывает, среди прочего, сравнение, выявление различий, осознание специфики, обобщение, обнаружение системных закономерностей и построение заключений, так что все эти фундаментальные навыки могут формироваться на основании исторического материала. Необходимо, однако, помнить, что наилучшие результаты при формировании исторического мышления дает не простое освоение фактографии в готовом виде, а активная, творческая позиция по отношению к изучаемой действительности. Историческое мышление – это мышление динамичное, его носитель должен осознанно относиться к происходящим изменениям, а в собственной деятельности – принимать во внимание сложившуюся историческую ситуацию. Мышление и деятельность такого человека охватывает все стороны жизни, в том числе политику, экономику и культуру. Создавая тот или иной целостный образ мира, носитель исторического мышления обращается к своему сознанию, то есть к знанию об окружающем мире, а также к

системе ценностей, существующей у него лично (или в социальной группе, к которой он принадлежит), и к вытекающим из этой системы нормам поведения. При этом понимание предстории сложившихся отношений позволяет человеку смотреть на прошлое с перспективы сегодняшнего дня, и, одновременно, воспринимать современность исторически, а универсальное видение мира обеспечивает восприятие исторического процесса с общечеловеческих, а не узкогрупповых позиций. Отсутствие перспективы, поверхностное восприятие происходящего сплошь и рядом приводят к формированию ложных суждений и оценок.

Из вышесказанного следует, что для формирования исторического мышления равно значимы как степень развития специальных знаний и умений, необходимых исследователю прошлого, так и человеческая позиция ученого или простого читателя (потребителя готовой / систематизированной исторической информации). О. М. Медушевская совершенно справедливо отметила, что говорить об историческом мышлении можно только тогда, когда мыслящий субъект самостоятельно осуществляет историческое познание через «интеллектуальный продукт» (С. 19) и знает на собственном опыте, что «любой продукт человеческого творчества открывает перед другим человеком свой информационный ресурс» (С. 53). Историческое познание может быть непосредственным, основанным на наших собственных памяти и наблюдениях (например, осмотре орудий труда или захоронений), либо опосредованным, опирающимся на память других лиц (в частности – очевидцев) или же на свидетельства источников, письменных и неписьменных. Именно на основании источникового материала устанавливаются факты. По мнению польского теоретика исторической науки Е. Топольского, историческим познанием может считаться всякое познание прошлого, осуществляемое на основании установленных фактов и сконструированного историком нарратива (Topolski J. *Metodologia historii*. Warszawa, 1973. S. 292).

Оставим в стороне вопрос об определении исторического источника и проблему их классификации (эта проблематика

подробнейшим образом рассматривается в главе 3 обсуждаемой книги, названной «Источниковедческие стратегии»). Обратимся непосредственно к работе с историческими источниками, именуемой также их «критикой». На этапе внешней (эрудиционной) критики мы исследуем обстоятельства создания источника, оцениваем его аутентичность и подлинность, а также определяем время и место возникновения источника и личность автора. После ознакомления с содержанием источника мы переходим к внутренней критике (герменевтике), или интерпретации. Желая установить степень достоверности изучаемого текста, мы должны, среди прочего, определить, были ли искажения истины допущены сознательно, а также определить собственное отношение пишущего к излагаемым событиям (если таковое имелося). Последнее становится особенно важным тогда, когда автор источника прибегает к оценочным категориям. Здесь нам приходят на помощь наблюдения Я. Пузыниной, которая предлагает определить, что значит давать явлению определенную оценку, кто дает такие оценки, что является объектом оценки, для кого данный объект является ценностью, является ли встреченное выражение чисто оценочным (а точнее говоря – прежде всего оценочным), или описательно-оценочным, так что функция оценки является для него вторичной, к каким сторонам принятой аксиологической системы обращается обсуждаемое слово, является ли оно эмоционально нагруженным, какова интенсивность выраженной в нем эмоциональной оценки, а если речь идет об описательно-оценочном выражении, то чем задается оценочная составляющая – словарным значением или коннотациями (Puzynina J. *Język wartości*. Warszawa, 1992. S. 9).

Исторические источники не «отражают» ушедшей действительности, и не являются ее «следами». Их необходимо исследовать, добывая информацию о прошлом, и только на основании так полученной информации, с привлечением внеисточникового знания и при постоянных отсылках к принципам научного профессионализма, может быть сконструирован исторический нарратив. Историк сознает, что доступные ему источники субъективны. О. М. Медушевская задается вопросом,

«в какой мере создание интеллектуального продукта можно считать адекватно представляющим человеческое мышление, внутренний мир человека, который в принципе остается ненаблюдаемым» (С. 65). Здесь следует воспользоваться советами Е. Топольского, по мнению которого при интерпретации текста необходимо принимать во внимание три тесно переплетающихся уровня – логико-грамматический (или информационный), уровень воздействия (или риторический) и теоретико-идеологический (или направляющий) (Topolski J. Problemy transmisji wiedzy historycznej w edukacji szkolnej // Wiadomości historyczne. 1996. № 3. S. 152–155). Историк необходимо учитывать не только то, о чем в источнике говорится, но и то, о чем автор умалчивает, недоговаривает, а далее задуматься о причинах такой позиции. Историк обязан быть подозрительным и недоверчивым к декларациям. Кроме того, следует оценить отношение пишущего к излагаемым событиям. Ключевая роль в восприятии знания о прошлом, исходящего от источника, принадлежит самому адресату-читателю. Е. Топольский противопоставляет два типа читателей – семантических (т. е. наивных) и семиотических (т. е. подходящих к тексту критически). Наивный читатель ограничивается так называемой семантической интерпретацией, иначе говоря – воспринимает текст в его буквальном значении, тогда как читатель вдумчивый сопровождает семантическую интерпретацию анализом содержания текста. При интерпретации текста (в т.ч. исторического нарратива) следует принимать во внимание, с одной стороны, интенцию произведения и автора, а с другой – интенцию читателя. Только рассмотрение читательской интенции, т. е. того, что читатель готов увидеть в тексте и чего от него ожидает, наравне с интенцией произведения и автора, создает определенное интерпретационное целое, и именно это имела в виду О. М. Медушевская, когда написала, что «необходимо подробнее остановиться на фундаментальных проблемах формирования интеллектуального продукта, с одной стороны, и интерпретации информации, которая в нем сохранена, – с другой» (С. 50).

И. Курч обратила внимание на то, какое значение для интерпретации текста имеет проблема воплощенных в нем стереотипов, которые позволяют редуцировать лишнюю для читателя информацию, а с другой стороны – восполнять возникающие пробелы (Kurcz I. *Procesy pamięci* // *Psychologia* / red. T. Tomaszewski. Warszawa, 1975. S. 28–29). Стереотип может сформировать своеобразные «этикетки» и «ярлыки», что, в частности, становится почвой для развития негативных ассоциаций и предубеждений, которые подчинят себе интерпретацию текста. В такой ситуации необходимо сопоставлять данные источников с внеисточниковыми фактами, а также выявлять скрытые смыслы изучаемого текста. Полезно также знать стереотипы изучаемого периода, региона или социальной группы, поскольку это помогает восприятию источника и прочтению авторских аллюзий. Ознакомление со стереотипами прошлого необходимо потому, что, как написала О. М. Медушевская, «каждый интеллектуальный продукт несет в себе, с одной стороны, отражение целеполагания создавшего его автора, и с другой – отражает ту общую картину мира, то информационное пространство, в которое данный продукт органично вошел после его создания» (С. 55).

Историк не изучает прошлое как нечто, существующее вне его в готовом виде. Напротив, исследователь с самого начала создает нарративный образ своего объекта. По мнению Е. Топольского, прошлое не поддается ни «отражению», ни «реконструкции», а «если невозможно ни “отразить”, ни “реконструировать” прошлое, то не остается ничего, кроме как конструировать это прошлое в рамках нарратива» (Topolski J. *Wprowadzenie do historii. Poznań*, 1998. S. 12). В своем конструировании прошлого историк зависит от источников, внеисточникового знания, а также от требований метода. И именно на эти аспекты обращает внимание О. М. Медушевская, когда отмечает, что «при работе с текстом читатель руководствуется своей картиной мира, он ищет и находит известное и ожидаемое, он распознает привычные образы, конструирует “повторяемости” и сходства» (С. 234).

Содержательному обсуждению вопросов исторического образования и методики работы с источником посвящена глава 5 обсуждаемой работы, названная «Историческое образование в условиях смены парадигм». Автор указывает на необходимость переоценки и видоизменения принятой в сегодняшней высшей школе образовательной модели, и с этим я полностью согласна. В то же время, на первых страницах своего труда О. М. Медушевская утверждает, что в современной школе «история преподается не как наука или научный метод, но как набор достигнутых знанием утверждений, сопровождаемых оценочными суждениями, ориентированными не на обсуждение, но на усвоение» (С. 16). С этим я, к сожалению, не могу согласиться. Так, как пишет О. М. Медушевская, было «раньше», во времена Советского Союза и «народной демократии» в Польше, т. е. в тот период, когда историческое образование, основанное на обучении самостоятельному мышлению и критическому отношению к источникам информации, рассматривалось, как минимум, не всегда позитивно. Сегодня основной акцент делается на современный подход к историческому образованию, целью которого (как и исторической науки в целом) является ознакомление школьников и студентов с сущностью прошлого, то есть с историческими фактами. В Польше, особенно начиная с 1999 г., когда началась реформа образования, огромное внимание уделяется тому, чтобы в процессе обучения формировались не только «знания», но и «умения». Одним из способов обучения является самостоятельное получение знания путем совершения собственных «открытий». Немалую роль в реализации поставленных образовательных задач играют исторические источники. Непосредственная работа с историческим текстом формирует у обучающихся навык самостоятельного извлечения новых сведений, не представленных напрямую в школьном или университетском учебнике; основой при этом служит именно источник. Работа с источником позволяет развивать навыки критики источников, а также верификации полученных знаний.

В 90-е гг. я специально исследовала воздействие исторических текстов на развитие исторического мышления (Maresz T. *Wpływ tekstów źródłowych na rozwój myślenia historycznego uczniów: teoria a praktyka*. Bydgoszcz, 2004). Из моих исследований видно, что при подготовке к уроку школьники прежде всего обращаются к учебнику и разного рода обобщающей литературе (70%). Показателен, однако, тот факт, что все чаще и чаще они обращаются непосредственно к источниковому материалу (26%). При написании письменных работ и подготовке к устным ответам учащиеся самостоятельно обращались к фрагментам хроник, дневников и воспоминаний, чтобы привести описания свидетелей событий. Фрагменты источников (например, высказывания того или иного исторического лица) чаще всего выступали в качестве иллюстрации, но в старших классах встречались и попытки самостоятельной оценки содержания документа или сопоставления нескольких суждений современников об одном и том же событии. Школьники не просто «обращались» к источникам, но и пытались их анализировать, на основе чего возникали их собственные объяснения исторических явлений и процессов. Необходимые тексты заимствовались из учебников, хрестоматий и научно-популярной литературы. Мои исследования позволяют утверждать, что школьники, во-первых, интересуются анализом источников и предпочитают читать их самостоятельно (а не слушать учителя, использующего источники как иллюстрацию), а во-вторых – все чаще обращаются к информации, заимствованной непосредственно из источника, хотя и не всегда еще, к сожалению, могут ее оценить. Самостоятельно прочитанный исторический текст оказывает воздействие на знания школьников по истории и расширяет их кругозор. Устойчивость полученных знаний становится выше в том случае, если учащиеся могут проверить знание, извлеченное из учебника, сопоставлением с источниковым материалом.

Обучение должно быть уподоблено процессу научного исследования, так как информация вполне может осваиваться в

результате самостоятельной познавательной деятельности учащихся, которые попутно овладеют определенными исследовательскими навыками. Для реализации этой модели необходимо обеспечить активность школьников на уроках. Необходимость самостоятельно добывать те или иные знания вынуждает учеников ставить проблемы, формулировать и проверять гипотезы, а в конце концов, как следствие процесса мышления, – вырабатывать собственное мировоззрение. В высшей школе эти навыки развиваются еще больше, так как в программах польских университетов предусмотрено параллельное чтение нескольких курсов соответствующего характера, таких как «Методология исследований», «Инструментарий историка» или «Вспомогательные исторические дисциплины».

По моим наблюдениям, такой же подход к выработке у подрастающего поколения навыков работы с источниками проводится и в современном российском образовании, причем как в средней, так и в высшей школе.

Думаю, поэтому, что замечание О. М. Медушевской относится к предыдущему историческому этапу. Сейчас не менее важно не потерять обретенного пути и, выбирая между «знанием» и «умениями», основной акцент делать именно на эти последние. Овладев «умениями», каждый может прийти к «знанию», ибо познание прошлого осуществляется путем эмпирических наблюдений над материалом источников.

Р. Б. Казаков

Источниковедение как область наукоучения в структуре исторической науки у О. М. Медушевской

В трудах Ольги Михайловны, ее выступлениях на конференциях, заседаниях Ученых советов и заседаниях кафедры да и просто в разговорах с коллегами всегда можно обнаружить ее императив – наука только тогда становится подлинной наукой, когда умеет осмысливать себя и преподавать накопленное научное знание научному сообществу. Иногда это

убеждение формулируется явно, иногда оно прослеживается в логике обоснований собственных высказываний, но не случайно при этом ориентация на проблемы и стратегии преподавания источниковедения в вузе. Этот вектор рассуждений задан и в книге, посвященной проблемам теории и методологии когнитивной истории. От формулирования наиболее общих понятий когнитивной истории (гл. 1 и 2) – через выстраивание ее исследовательских стратегий и способов структурирования полученного нового научного знания (гл. 3 и 4) – к образовательным стратегиям и формированию «новой образовательной модели истории как университетской дисциплины» (С. 293) (гл. 5).

Научное сообщество за века своего существования выработало разные способы презентации добытого нового научного знания. Современное состояние научного сообщества, основы которого были заложены еще в начале Нового времени с формированием науки в понимании этого феномена как европейского, таково, что освоение основных способов презентации научного знания происходит в практике вузовского преподавания. Здесь осваиваются приемы написания основных видов квалификационных работ с их способами верификации полученного знания: письменных докладов, курсовых работ и – наконец – выпускной дипломной работы. Ольга Михайловна обращается при этом «к прямому смыслу сочетания двух латинских слов»: верификация «есть проверка истинности научного утверждения, которая устанавливается в результате сопоставления с эмпирикой объекта» и настаивает на юридически обязательном обосновании новизны исследования, значимости его результатов и установлении истинности каждого из утверждений автора квалификационной работы (С. 253–254).

Так теоретически обосновывается и постулируется важнейшее положение в практике преподавания наук о человеке и обществе: верификация полученного нового знания происходит через соотнесение научного утверждения (сформулированной автором квалификационной работы исследовательской гипотезы) с эмпирическим материалом, собранным и изученным автором в своем исследовании. Верификация состоит при

строгом соблюдении процедур установления истинности и обязательной экспликации этих процедур в самой работе. Отсюда становится понятным то принципиальное значение, которое придается тем частям квалификационных работ, где задаются и обосновываются набор и последовательность верификационных процедур, методы их применения, ожидаемый результат и результат, полученный в ходе исследования. Как известно, это Введение и Заключение – неперенные атрибуты квалификационных письменных работ в науках о человеке и обществе.

Ольга Михайловна обратила внимание и на сложности, которые встречаются на пути подобной исследовательской стратегии: разные, исторически сформировавшиеся практики верификации полученного научного знания, сложившиеся еще в рамках позитивистской парадигмы и обозначенные знаковыми трудами И.-Г. Дройзена, Э. Фримена, Ш.-В. Ланглау и Ш. Сеньобоса, Э. Бернгейма и других. Эти подходы существуют и сейчас, но в российской практике «марксистско-ленински» вульгаризированные, а в ситуации постновейшего времени еще и дополнительно и весьма специфически ангажированные они приводят к утрате профессиональных навыков исследования и исчезновению способности внятно, четко и логично изложить результаты проведенного исследования. Особенно удручают так хорошо знакомые с советских времен попытки немедленно процитировать в квалификационных работах нововышедшие документы органов власти.

Но кроме задач, поставленных О. М. Медушевской перед когнитивной историей в условиях формирования новой университетской образовательной модели, я бы хотел обратить внимание на те трудности, с которыми университетское гуманитарное образование, на мой взгляд, еще не умеет справляться.

Дело в том, что существующие образовательные стратегии, применяемые повседневные практики преподавания рассчитаны на человека письменной культуры – человека, наследующего весь культурный запас, накопленный обществом в рамках

большого цивилизационного проекта «Просвещение». Этот человек был обращен в своих культурных и образовательных запросах прежде всего к письменному слову, книге, информации, зафиксированной в письменных произведениях. Письменные способы представления научного знания – основные для науки и до сегодняшнего дня. Этому наблюдению не противоречат и современные электронные способы передачи информации: одна и та же статья публикуется в бумажной и сетевой версии научного журнала, автореферат диссертации печатается небольшим тиражом и публикуется на сайте соответствующего учреждения. Все равно в основе лежит письменное произведение. Письменный научный трактат, диссертация – основной научный «продукт» с момента становления науки. Опубликованными трудами будут обмениваться ученые разных стран XVII–XVIII вв., поддерживая тем коммуникацию в рамках научного сообщества, диссертации Лейденского университета будут публиковать в XVII в. Эльзевиры, составив себе славу и состояние, письменных трактатов будет требовать императорская Петербургская академия от своих членов, живущих не в Петербурге и участвующих в научной работе академии по переписке – членов-корреспондентов.

Способы обучения научному знанию через обращение в первую очередь к письменному произведению (в особой письменной форме зафиксированным результатам опытов и экспериментов – в точных и естественных науках) продолжают оставаться основными в современной образовательной практике и фиксируются на законодательном и нормативном уровне. Это означает, что к дипломной работе как к выпускной квалификационной работе должна привести сама логика построения высшего образования с навыками написания первоначально письменных докладов и курсовых работ как самостоятельных и целостных исследований.

Однако необходимо понимать, что современный студент все в меньшей степени является человеком только письменной культуры, все в меньшей степени способен воспринимать и

осмысливать протяженные линейно выстроенные письменные тексты (например, объемом с блистательный курс «Русской историографии» Н. А. Рубинштейна или классический учебник «Русская палеография» Л. В. Черепнина). Происходящая на наших глазах новая визуализация восприятия мира приходит в противоречие с действующими практиками преподавания. На мой взгляд, тестовая система оценки знаний (в качестве основной ли, в качестве одной из возможных), обращаясь в конечном итоге к накопленным традиционным способом (через систему учебников, учебных пособий, пособий для учителя, методических материалов, решебников и пр. – письменных произведений) в школе знаниям, предельно примитивизирует мотивацию и практики осмысления знаний и их конечной фиксации. Единый государственный экзамен исключил сочинение по литературе в качестве одного из вступительных экзаменов в вуз, упразднив важный критерий отбора абитуриентов по принципу их умения логично, связно, аргументированно и грамотно излагать свои мысли. Но ведь в гуманитарном вузе от студента по-прежнему требуют в качестве выпускной работы протяженного письменного текста, выстроенного по определенным правилам. Эти требования предъявляются студентам, которых уже не учат писать сочинения в школе, которых все меньше и меньше учат писать самостоятельные и законченные исследовательские работы в вузе, все более заменяя их теми же тестами, рефератами, почерпнутыми в глубинах интернета. Так идеи высшего образования, сложившиеся столетия назад и закрепленные в действующем сегодня законодательстве, приходят в противоречие с социальной реальностью постновейшего времени.

Я не знаю ответов на поставленные вопросы и даже не уверен, что смог правильно обозначить свои беспокойства. Но мы часто и подолгу говорили об этом с Ольгой Михайловной. Несомненно то, что монография «Теория и методология когнитивной истории» задает направления поисков ответов на эти вопросы. Не лежат ли эти поиски, в частности, в плоскости осмысления «вещных», предметных и наглядных материальных

свойств информационного ресурса человечества – исторического источника?

Е. В. Пчелов

Вспомогательные исторические дисциплины и когнитивная историческая наука

В своей книге «Теория и методология когнитивной истории» Ольга Михайловна Медушевская теоретически обосновала существование нового направления гуманитарной мысли – когнитивной исторической науки. Её задача – понимание чужого сознания, мышления человека других эпох и культур, возможное путём анализа информационного ресурса реализованных продуктов целенаправленной человеческой деятельности – того, что мы называем историческими источниками. Эта, источниковедческая по сути, парадигма исторического знания актуализирует понятие «вещи», через которую человек и осуществляет информационный обмен. Ольга Михайловна подразумевает под «вещью» интеллектуальный продукт, в котором человек, «с одной стороны, фиксирует и выражает (в образе или знаке) свои идеи, и через который, с другой стороны, извлекает информацию о других людях» (С. 45). Этот обмен носит опосредованный характер, но он имманентно присущ любому человеческому сообществу: «Сущностная составляющая сообществ – это мир вещей, который изначально формирует когнитивные способности в любом обществе. Неслучайно сама атмосфера взаимного узнавания людей разных культур через вещественный мир исполнена информационного магнетизма и эмоционального подъёма, если, конечно, это атмосфера деятельности, а не потребительски пассивного, не связанного с деятельностью наблюдения» (С. 44). Информационный же ресурс вещи может быть «закодирован в виде изображающих знаков или обозначающих символов или их сочетаний». В то же время Ольга Михайловна предостерегает от «абсолютизации семиотической, знаковой составляющей сообществ для их интерпретации». «Разумеется, – продолжает она, – для функцио-

нирования сообществ знаковая система необходима, и умение её распознавать (чтение-письмо как распознавание текста и его создание) составляет необходимое условие социализации. Но сам знак изначально отсылает к реальному миру и познавательной деятельности в нём (изображающий идею знак или обозначающий её символ): сам знак уже материален как продукт (здесь автор ссылается на Ч. Пирса – *Е. П.*). Вне связи с деятельностью знак не интерпретируется однозначно (как, например, понятие «дар»). Важно поэтому выявить изначальную реальную связь с миром вещей, его имплицитной достоверностью» (Гам же). Таким образом, при анализе источника и закодированной в нём с помощью знаков и символов информации исследователь получает возможность познания мышления другого человека: «Константность, устойчивость бытования эмпирической вещи изначально создаёт условия для опосредованного информационного обмена, что делает возможным живое функционирование человеческого сообщества. Следовательно, человек имеет условия для познания другого, себе подобного, как на повседневном, бытовом уровне, так и на уровне научного познания» (С. 19). Это познание позволяет выявить как общечеловеческие параметры исторического процесса, так и особенности сознания и мышления «другого» – человека иных эпох и культур. Понятие «культура», как мне кажется, является для когнитивной истории одним из центральных, поскольку представляет собой то пространство, где существуют, функционируют и накапливаются «вещи».

Такой подход обнаруживает свою чрезвычайную продуктивность в контексте того условного комплекса наук, который традиционно, хотя и не вполне верно именуется «вспомогательными историческими дисциплинами». Когнитивная история подчёркивает их неразрывную, *сущностную* связь с источниковедением. Понимание источниковедческого метода как основополагающего для когнитивной исторической науки усиливает значение вещественных и изобразительных источников и придаёт особую актуальность знаковой и символической природе источника. «Вспомогательные исторические дисциплины» как

раз и обращены к этой семиотической составляющей интеллектуальной деятельности человека – они исследуют знаково-символические аспекты культуры – как на уровне отдельных видов исторических источников, семиотический характер которых является для них особенно важным или даже основным (гербы, эмблемы, знамёна, ордена и медали, печати, монеты и др.), так и на уровне знаковой составляющей источников других видов (знаки письма и счёта – палеография, грамматология, историческая метрология и т. д.). Совершенствование и актуализация методов источниковедческого анализа применительно к источникам *не*-письменным в рамках парадигмы когнитивной истории является давно назревшей задачей. Из узких рамок своей «вспомогательности» и «историчности» дисциплины вышеозначенного круга перерастают в *фундаментальные гуманитарные науки*, в рамках которых реально осуществляется полидисциплинарный синтез и формируется точное научное знание, делающее историю строгой наукой.

Для когнитивной истории значим и другой аспект «вспомогательных исторических дисциплин». Именно их «материал» позволяет выявить те фундаментальные категории культуры, которые представляют собой результат сознания *другого* и сами оказывают на это сознание существенное влияние. Мышление человека иных времён и культур формирует такие особенности его картины мира, которые делают невозможным его понимание с позиций мышления современного исследователя. На эту *инаковость* уже давно обращали внимание, но теория когнитивной истории открывает реальные возможности для именно научно обоснованного, надёжно верифицируемого понимания этого мышления через анализ его овеществлённых результатов. Такие «вспомогательные исторические дисциплины» как палеография, хронология, метрология, генеалогия, историческая география и многие другие могут служить и служат основой для реконструкции таких категорий как письмо, время, пространство, социальные структуры и т. д. применительно к сообществам всех времён и культур, а значит, раскрывают и общие, и особенные черты исторического мышления. Когнитивная исто-

рия, осуществляющая синтез источниковедения и «вспомогательных исторических дисциплин», выводит их на новый уровень фундаментального гуманитарного метода.

Н. В. Нор

Понятие «исторический источник» в исследовательских практиках

Я хотела бы продолжить мысль М. Ф. Румянцевой о том, что трудами О. М. Медушевской источниковедение выведено на уровень, когда оно способно стать основой гуманитарного знания в целом, в новом качественном формате суммировать знания, полученные в разных отраслях гуманитарной науки. И хотела бы проиллюстрировать эту мысль конкретным примером. Разработанное О. М. Медушевской определение исторического источника как продукта целенаправленной деятельности человека обращает мысль исследователя к проблемам человеческого мышления (как основе всякой целенаправленной деятельности). Некорректно утверждать, что от определения не зависят конкретные методы исследования, определение – основа метода. В отличие от предыдущих, определение О. М. Медушевской предполагает особую систему вопросов (к сожалению, зачастую даже не воспринимаемую в других областях гуманитарного знания). Сфера моих интересов – изобразительные источники, а именно лубочные картинки. Изобразительные источники как особый тип источников давно известны в источниковедении. Однако, сравнивая исторический (разработанный в источниковедении) и искусствоведческий подходы к анализу изображений, можно сказать, что историки и искусствоведы, задавая свои вопросы источникам, намеренно стремились не слышать друг друга. Можно сказать, что источниковедческий анализ изображений строился «от противного». Искусствоведческий анализ изображений состоит в сопоставлении художественных (придуманных) деталей, классификации художественных приемов и построении на этой основе таких обобщающих понятий как стиль, художественная манера и пр. Напротив, взгляд историка

был призван отсекал все «художественное» (придуманное) в изображении для того, чтобы выявить (скрытые за фантазией автора) особенности реального исторического быта. Этот метод остается актуальным и по сию пору. Однако новое определение предполагает и новую систему вопросов к историческому источнику. Базовый интерес к человеческому мышлению вовлекает в область исторического изучения художественное «я» (мышление) и художественные средства выражения (язык) автора, изучение которых доселе было прерогативой искусствоведения. В материалах Забелинских чтений ГИМ за 2008 год должна быть опубликована моя статья, в которой сделана попытка опробовать на конкретном примере сочетание классических методов искусствоведения и литературоведения с историческим анализом происхождения и бытования круга источников, связанных общим сюжетом (История Иосифа Прекрасного). И уже проведя анализ и сделав выводы для этой статьи, я заново понимаю, насколько мощные перспективы могут стоять за подобным сочетанием методов, каждый из которых в отдельности приводит лишь к ограниченным результатам. А возможным такое сочетание стало только в рамках источниковедения благодаря теоретическим трудам О. М. Медушевской и ее школы.

А. М. Булатов

Историческая картография в творчестве О. М. Медушевской: штрихи к портрету

Слова Сигурда Отговича Шмидта напомнили мне рассказ Ольги Михайловны о её занятиях историей географических открытий и картографией. Этот рассказ был совсем не о благополучном процессе изучения широкого спектра исторических источников и публикации старинных карт. В 1964 году О. М. Медушевская отказалась от занятий историей картографии и интереснейшим видом документов – старинными географическими чертежами и картами России. Произошло это в связи с подготовкой и после издания «Атласа географических открытий в Сибири XVII–XVIII вв.». Ольга Михайловна гово-

рила, что это её сознательный выбор и причиной его были возникшие в процессе подготовки Атласа цензурные вмешательства и ограничения. Тогда об этом было сказано мимоходом и без подробностей.

Недавно мне пришлось столкнуться со следами и последствиями деятельности того неведомого цензора-историка. Наводя справки о редкой итальянской карте 1566 года, на которой показан и впервые именован Анианский пролив между Азией и Америкой, я обнаружил, что в Атласе 1964 года эта карта (№ 14) воспроизведена с частично вымаранным текстом в титульном картуше. Поскольку эта карта воспроизводилась в разных изданиях и до и после 1964 года, восстановить изъятый текст было легко. Оказалось, что цензором были изъяты слова, обозначающие место и год издания, имя составителя или гравёра этой карты:

Venetijs aeneis formis Bolognini Zalterij Anno. M.D.LXVI.

Через несколько лет А. В. Ефимов, редактор того Атласа 1964 года, в очередном издании своей истории русских географических открытий, вышедшем в 1971 году, снова воспроизвёл сфабрикованное изображение упомянутой карты. А Ольга Михайловна выбрала отказ от участия в дальнейшем распространении подделок исторических документов. Кажется, что случай мелкий, но достоинство его заслуживает памяти.

СПИСОК ТРУДОВ О. М. МЕДУШЕВСКОЙ И ТРУДОВ О ЕЕ НАУЧНОЙ И ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

1. Список трудов О. М. Медушевской

1952

Русские географические открытия на Тихом океане и в Северной Америке (50-е – начало 80-х годов XVIII в.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. (науч. рук. В. К. Яцунский); Мин-во высш. образ. СССР, Моск. гос. ист.-арх. ин-т. – М.: МГИАИ, 1952. 16 с.

1954

Картографические источники по истории русских географических открытий на Тихом океане во 2-й половине XVIII века // Труды МГИАИ. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1954. Т. 7. С. 95–127.

1955

Картографические источники XVII в. – М.: МГИАИ, 1955. 16 с.

Перфильев, Илья // Большая советская энциклопедия. 2-е изд. – М.: Большая советская энциклопедия, 1955. Т. 32. С. 547.

Попов Ф. А. // Большая советская энциклопедия. 2-е изд. – М.: Большая советская энциклопедия, 1955. Т. 34. С. 163.

1956

Программа курса «Историческая география» (для МГИАИ). Отв. ред. В. К. Яцунский. – М.: МГИАИ, 1956. 24 с. (в соавторстве).

1957

Программа курса «Источниковедение истории СССР» для МГИАИ; отв. ред. А. Т. Николаева. – М.: МГИАИ, 1957. 48 с. (в соавторстве).

Картографические источники XVII–XVIII вв.: учеб. пособие по источниковедению истории СССР. Отв. ред. В. К. Яцунский. – М.: МГИАИ, 1957. 28 с.

Стадухин М. В. // Большая советская энциклопедия. 2-е изд. – М.: Большая советская энциклопедия, 1957. Т. 40. С. 417.

1959

Воспоминания как источник по истории первой русской революции 1905–1907 гг.: пособие по источниковедению истории СССР. Отв. ред. М. Н. Черноморский. – М.: МГИАИ, 1959.

Историческая география как вспомогательная историческая дисциплина. – М.: МГИАИ, 1959. 21 с.

Картографические источники первой половины XIX века: учеб. пособие по источниковедению истории СССР. Отв. ред. В. К. Яцунский. – М.: МГИАИ, 1959. 48 с.

1960

Некоторые вопросы исторической географии в трудах по истории народов СССР // История СССР. 1960. № 1. С. 163–167.

1961

О методике издания картографических источников // Исторический архив. – М.: Изд-во АН СССР, 1961. № 4. С. 193–203 (в соавторстве).

О новой книге по русскому источниковедению (В. И. Стрельского): итоги обсуждения на кафедре вспомогательных исторических дисциплин МГИАИ // Исторический архив. – М.: Изд-во АН СССР, 1961. № 1. С. 158–161 (в соавторстве).

Документы ЦК профессионального союза металлистов как исторический источник // Труды МГИАИ. – М.: МГИАИ, 1961. Т. 17. С. 185–221.

1962

Документы профессиональных союзов как источники по истории советского общества: пособие по источниковедению истории СССР советского периода. Ч. 1. 1917–1920 гг. Отв. ред. М. Н. Черноморский. – М.: МГИАИ, 1962.

Программа курса «Историческая география СССР». Сост. О. М. Медушевская; ред. Е. А. Луцкий. – М.: МГИАИ, 1962. 12 с.

1963

Вопросы источниковедения в издании «L'Histoire et ses methodes» (Рец. на изд.: L'Histoire et ses methodes / Vol. pub. sous la dir. de Ch. Samaran, de l'Institut. – Paris, 1961) // Вопросы архивоведения. – 1963. № 2. С. 109–115..

Вопросы теории и истории источниковедения // Программа курса «Источниковедение истории СССР» для МГИАИ. Отв. ред. Е. А. Луцкий. – М.: МГИАИ, 1963. Ч. 1. С. 3–4.

Документы Всероссийского профессионального союза рабочих-металлистов как исторический источник (1918–1919 гг.) // Труды МГИАИ. – М.: МГИАИ, 1963. Т. 17. С. 185–221.

1964

Атлас географических открытий в Сибири и в Северо-Западной Америке XVII–XVIII вв. Сост. О. М. Медушевская и др. Под ред. и с введ. А. В. Ефимова. – М.: Наука, 1964. XVI, 136 с. (в соавторстве).

Вопросы теории источниковедения в современной французской историографии // Вопросы истории. 1964. № 8. С. 77–88.

Буржуазный ученый о методологических задачах исторической науки: «La table ronde» (Paris, 1964. juin. pp. 50–70) // Вопросы истории. 1965. № 1. С. 189–190.

1965

Вспомогательные исторические дисциплины и изучение новой и новейшей истории Польши: «Acta Poloniae Historica». (Warszawa, 1964. № 10. pp. 65–80) // Вопросы истории. 1965. № 5. С. 192–193.

Историография и методология: «Revue historique» (Paris, 1965. Janvier – Mars. pp. 139–170) // Вопросы истории. 1965. № 11. С. 197–198.

Словарь архивных терминов. Материалы к составлению. – М.: ГАУ при СМ СССР, 1965. Вып. 2. С. 1–23.

Методика работы с историческим источником и современная французская историография // Труды научной конференции по вопросам архивного дела в СССР. – М., 1965. Т. 2. С. 137–147.

Некоторые проблемы методологии истории в современной французской историографии // Вопросы философии. 1965. № 1. С. 107–115.

Обсуждение теоретико-методологических проблем истории // Вопросы истории. 1965. № 2.

Обзор журнала: Raisonement et demarches de l'historien – «Revue de l'Institut de Sociologie» (Bruxelles, 1963. N. 4) // Вопросы истории. 1965. № 3. С. 182–186.

Социальная история и философия истории. «Pensée». (Paris, 1964. décembre. № 118. pp. 64–77) // Вопросы истории. 1965. № 8. С. 193–194.

Историография и методология // Вопросы истории, 1965, № 8.

Рецензия на кн.: Буганов В. И., Фарсобин В. В. Сборник статей по источниковедению // История СССР. 1965. № 1. С. 157–161.

1966

Понятия «цивилизация» и современная буржуазная историография. «La Pensée». (Paris, 1966. № 125. pp. 21–46) // Вопросы истории. 1966. № 8. С. 195–196.

Развитие теории советского источниковедения в 20–60-е гг. // Труды МГИАИ. – М.: МГИАИ, 1966. Т. 24. Вып. 2. С. 3–16.

Словарь архивных терминов. – М.: Главархив, 1966 (в соавторстве).

Теоретическое источниковедение и буржуазная историография // Труды конференции архивных работников. – М.: Главархив, 1966. Т. 3.

1967

Источниковедческие проблемы новой отрасли исторической науки. «Annales». (Paris, 1966. mars-avril. pp. 324–345) // Вопросы истории. 1967. № 5. С. 193–194.

Предисловие: вопросы методологии исторической науки // Труды МГИАИ. – М.: МГИАИ, 1967. Т. 25. С. 3 (в соавторстве).

Теоретико-методологические проблемы источниковедения и современная буржуазная историография // Труды МГИАИ. – М.: МГИАИ, 1967. Т. 25. С. 99–117.

1968

Краткий словарь архивной терминологии. – М.-Л.: ГАУ при Совете Министров СССР, 1968. 58 с. (в соавторстве).

Программа по вспомогательным историческим дисциплинам. (Для исторических факультетов государственных Университетов). Отв. ред. Е. И. Каменцева, сост. О. М. Медушевская и др. – М.: МГИАИ, 1968. 68 с. (в соавторстве).

Рецензия на кн.: «Введение в изучение истории (под ред. В. Эккермана, Г. Мора, – Берлин, 1966) // Советские архивы. 1968. № 4. С. 116–121.

Новый труд историков ГДР «Введение в изучение истории» и вопросы источниковедения // Советские архивы. 1968. № 1.

1969

Теоретические проблемы источниковедения в советской историографии 20-х – начала 30-х годов // Источниковедение: теоретические и методические проблемы. – М.: Наука, 1969. С. 171–194.

1970

А. И. Андреев как ученый // Материалы Всесоюзного географического общества. История географических знаний и историческая география. – М., 1970. Вып. 4.

Историческая наука и генеалогия // Вопросы истории. 1970. № 2. С. 187–188.

Источниковедение истории СССР: программа курса. – М.: МГИАИ, 1970 (в соавторстве).

Методика проведения семинарских занятий по источниковедению истории советского общества // Материалы научно-методической конференции МГИАИ (30 марта – 1 апр. 1970 г.). – М.: МГИАИ, 1970. С. 28–30.

1971

А. И. Андреев как ученый // Материалы Моск. фил. Всесоюз. геогр. о-ва. М., 1971. Вып. 5: История географических знаний и историческая этнография, этнография.

1972

Историк и источники. «Kwartalnik Historyczny» (Warszawa, 1970. № 2) // Вопросы истории. 1972. № 4. С. 194–195.

Польские ученые обсуждают методологические вопросы исторической науки. «Kwartalnik Historyczny» (Warszawa, 1970. № 4) // Вопросы истории. 1972. № 2. С. 197–199 (под псевд. О. М. Михайлова).

Польский источниковедческий ежегодник «Studia źródłoznawcze Commentationes» (1957–1971 гг.) // Вопросы истории. 1972. № 2. С. 185–191.

Методологические вопросы исторической науки // Вопросы истории. 1972. № 3.

Cartographic Sources of the Russian Geographic Discoveries in the Pacific Ocean in the Second Half of the 18th Century // The Canadian Cartographer. 1972. Vol. 9.

1973

Источниковедение новейшей истории. «Studia źródłoznawcze» (Warszawa, 1972. № XVII) // Вопросы истории. 1973. № 11. С. 188–189.

Методологические проблемы источниковедения в советской историографии // Советские архивы. 1973. № 3. С. 17–25.

Новая советская литература по источниковедению // Вопросы истории. 1973. № 9. С. 146–154.

1974

Вспомогательные исторические дисциплины в польской историографии. «Kwartalnik Historyczny» (Warszawa, 1973. № 2) // Вопросы истории. 1974. № 11. С. 201–202.

К изучению ленинских методов работы с историческими источниками // Труды МГИАИ. – М.: МГИАИ, 1974. Т. 30. Вып. 1: Историография и источниковедение истории СССР. С. 104–119.

О понятиях источниковедения и источниковедческой критики. «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft» (Berlin, 1973. № 6) // Вопросы истории. 1974. № 4. С. 189.

Монография о современных документных классификациях (Рец. на кн.: Рудельсон К. И. Современные документные классификации. – М.: Наука, 1973) // Советские архивы. 1974. № 1. С. 105–106.

1975

Словник архивоведческих терминов. – М.: Главархив, 1975 (в соавторстве).

Теоретические проблемы источниковедения: автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.09 / Мин-во высш. и сред. спец. образ. РСФСР, Моск. гос. ист.-арх. ин-т. – М.: МГИАИ, 1975. 28 с.

Теория и методика источниковедения. Программа курса «Источниковедение истории СССР». Отв. ред. Е. А. Луцкий. – М.: МГИАИ, 1975. Ч. 1. С. 3–5.

В. К. Яцунский и преподавание исторической географии // История географии и историческая география. – М.: Наука, 1975. С. 10–11.

1976

Историческая география в преподавании В. К. Яцунского // Материалы Всесоюзного географического общества. – М.: Географгиз, 1975–1976.

Источниковедение // XXV съезд КПСС и задачи исторической науки. – Калинин: Гос. ун-т, 1976. Вып. 1. Словарь архивоведческих терминов. – М.: Главархив, 1976 (в соавторстве).

1977

Генеалогические исследования польских историков // История и генеалогия: С. Б. Веселовский и проблемы историко-генеалогических исследований. – М.: Наука, 1977. С. 266–273.

О классификации исторических источников // Проблемы научного управления социалистическим обществом. – Рига: Латвийский государственный университет, 1977. Вып. 4. С. 76.

О некоторых теоретических проблемах источниковедения // Археография и источниковедение. – Сыктывкар: АН СССР, 1977. Вып. 4. С. 45–52.

Теоретические проблемы источниковедения: учеб. пособие. Отв. ред. А. Т. Николаева. – М.: МГИАИ, 1977. 86 с.

1978

Историографический подход к преподаванию исторических дисциплин // XXV съезд КПСС и задачи изучения истории исторической науки. – Калинин: КГУ, 1978. Ч. 1. С. 87–88.

О проблемах классификации исторических источников (Рец. на кн.: Пушкарёв Л. Н. Классификация русских письменных источников по отечественной истории. – М.: Наука, 1975) // Советские архивы. 1978. № 5. С. 108–110.

1979

Археографический ежегодник – итоги и проблемы // Вопросы истории. 1979. № 2. С. 42–52 (в соавторстве).

Источниковедение на современном этапе // Советские архивы. 1979. № 2. С. 3–10.

Методические указания студентам III курса заочного факультета по подготовке контрольных работ по источниковедению истории СССР советского периода // Методические указания по курсу источниковедения истории СССР эпохи социализма и по подготовке контрольных работ по курсу (для студентов III курса заочного факультета). – М.: МГИАИ, 1979. С. 30–40 (в соавторстве).

Современная буржуазная историография и вопросы источниковедения: учеб. пособие. Отв. ред. А. Т. Николаева. – М.: МГИАИ, 1979. 72 с.

1980

О структуре курса источниковедения истории СССР в МГИАИ // Советские архивы. 1980. № 6. С. 36–38 (в соавторстве).

1982

Словарь современной архивной терминологии социалистических стран. Отв. сост. К. И. Рудельсон. – М.: ВНИИДАД, 1982. Вып. 1. 445 с. (составитель, в соавторстве).

Рецензия на кн.: Иванов Г. М., Коршунов А. М., Петров Ю. В. Методологические проблемы исторического познания (М.: Высш. шк., 1981) // Вопросы истории. 1982. № 12. С. 132–133.

1983

Современное зарубежное источниковедение: учеб. пособие. – М.: Высш. шк., 1983. 143 с.

Теоретико-методологические проблемы источниковедения в современной зарубежной историографии // Актуальные проблемы источниковедения и специальных исторических дисциплин: тез. докл. IV Всесоюз. конф. Днепропетровск, 31 окт. – 2 нояб. 1983 г. – М.: Ин-т истории СССР АН СССР, 1983. С. 49–59.

Теория и методика источниковедения // Источниковедение истории СССР: программа курса. – М.: МГИАИ, 1983. Ч. 1. С. 3–5.

Рецензия на кн.: Источниковедение истории СССР: учебник под ред. И. Д. Ковальченко. – Изд. 2-е, перераб. и доп. (М.: Высш. шк., 1981) // История СССР. 1983. № 1. С. 173–177.

1984

Общие проблемы источниковедения и его преподавания: Доклад на Всесоюзной конференции по источниковедению и выступления в дискуссии // Проблемы источниковедения истории СССР и специальных исторических дисциплин: ст. и материалы – М.: Наука, 1984. С. 204–205.

Проблемы источниковедения. Тезисы выступления на Всесоюзной конференции по источниковедению // Проблемы

источниковедения и специальных исторических дисциплин. – М.: Наука, 1984. С. 227–228.

Источниковедение и специальные исторические дисциплины в подготовке историков: выступление в дискуссии // Проблемы источниковедения истории СССР и специальных исторических дисциплин: ст. и материалы. – М.: Наука, 1984. С. 227–228.

Рецензия на кн.: Источниковедение отечественной истории, 1981: сб. ст. (М.: Наука, 1982) // История СССР. 1984. № 6. С. 188–190.

1985

Источниковедение социалистических стран: учеб. пособие. Отв. ред. А. Т. Николаева. – М.: МГИАИ, 1985. 103 с.

Теоретические проблемы в современном источниковедении // Теория и методы источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин: межвуз. сб. Отв. ред. Е. И. Каменцева. – М.: МГИАИ, 1985. С. 5–26.

Теоретические проблемы в структуре источниковедения // Актуальные проблемы изучения и издания письменных исторических источников: Всесоюз. науч. сессия, 17–19 окт. 1985 г., г. Батуми: тез. докл. – Тбилиси: Мецниереба, 1985. С. 73–74.

1986

Источниковедение истории СССР: программа курса для средних учебных заведений (техникумов). – М.: МГИАИ, 1986 (в соавторстве).

Теоретични въпроси на историческото изворознание // Помощни исторически дисциплини. – София, 1986. Т. 4. С. 11–22 (На болг. яз.).

Рецензия на кн.: Воронкова С. В. Проблемы источниковедения истории России периода капитализма: итоги и задачи изучения (М.: Изд-во МГУ, 1985) // История СССР. 1986. № 2. С. 170–172.

Теория и методика источниковедения. Программа курса для факультета научно-технической информации. Отв. ред. и составитель О. М. Медушевская. – М., 1986. 20 С. (в соавторстве).

1987

К читателю. Введение к кн.: Мандральская Н. В. Запечатленные образы войны: фото- и фоноисточники об Узбекистане в годы Великой Отечественной войны. – Ташкент: Узбекистан, 1987. С. 5–6.

Выступление за «круглым столом»: Проблемы преподавания источниковедения новой и новейшей истории в ред. журн. «Новая и новейшая история» // Новая и новейшая история. 1987. № 2. С. 167–174, 179.

Методические указания по источниковедению истории СССР: для студентов II курса по специальности 2009 – историко-архивоведение. Сост. О. М. Медушевская. – М.: МГИАИ, 1987. 38 с.

А. В. Черепнин и становление науки об источниках // Феодализм в России: сб. ст. и воспоминаний, посвященный памяти акад. А. В. Черепнина. – М.: Наука, 1987. С. 53–58.

1988

История источниковедения в XIX–XX вв.: учеб. пособие. Отв. ред. Б. С. Илизаров. – М.: МГИАИ, 1988. 71 с.

Теоретические проблемы в структуре современного источниковедения // Источниковедческие разыскания, 1985. – Тбилиси: Мецниереба, 1988. С. 14–21.

1989

Археографический ежегодник: итоги, проблемы и перспективы (1977–1986 гг.) // История СССР. 1989. № 5. С. 120–130 (в соавторстве).

Выступление за «круглым столом»: Актуальные проблемы советского источниковедения: беседа за «круглым столом» 25 апр. 1989 г. в редакции журн. «История СССР» // История СССР. 1989. № 6. С. 66–68.

Источниковедение и общественное сознание XX в. Доклад на Международном коллоквиуме «Школа Анналов вчера и сегодня» // Новая и новейшая история. 1990. № 6.

Источниковедение истории СССР: Методические указания для студентов. 2-е изд. – М., МГИАИ, 1989.

Кафедра вспомогательных исторических дисциплин: 1939–1989. – М.: МГИАИ, 1989. 43 с. (в соавторстве).

О проблемах генеалогии // Советские архивы. 1989. № 6. С. 25–34.

1990

Изучение вспомогательных исторических дисциплин и источниковедения (по материалам научных студенческих конференций кафедры вспомогательных исторических дисциплин МГИАИ 1986–1989 гг.) // Источниковедение и вспомогательные исторические дисциплины: теория и методика: межвуз. сб. науч. тр. – М.: МГИАИ, 1990. С. 152–157.

Источниковедение в общественном сознании XX века // Перестройка в исторической науке и проблемы источниковедения и специальных исторических дисциплин: тез. докл. и сообщений V Всесоюз. конф. Киев, 30 мая – 1 июня 1990 г. – Киев: КГУ, 1990. С. 26–28.

Источниковедение в системе исторического образования // Программа и тезисы Всесоюз. науч.-метод. конф. «Перестройка исторического образования в вузах страны: опыт, проблемы, поиск» (23–26 окт. 1990 г.). – Днепропетровск: Изд-во ДГУ, 1990. С. 16–19 (152–157).

Источниковедение в современной социальной практике // Источниковедение и вспомогательные исторические дисциплины

плины: теория и методика: межвуз. сб. науч. тр. – М.: МГИАИ, 1990. С. 3–14.

Источниковедение и вспомогательные исторические дисциплины в зарубежной архивистике: анализ. обзор. – М.: Главархив СССР, 1990. 40 с.

Правила издания исторических документов в СССР. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ГАУ при СМ СССР, 1990. 187 с. (в соавторстве).

Социальный состав мореходов XVIII в. // Спорные вопросы отечественной истории XI–XVIII веков. – М.: РГГУ, 1990.

Источниковедение в современной социальной практике // Источниковедение и вспомогательные исторические дисциплины: теория и методика: межвуз. сб. науч. тр. – М.: МГИАИ, 1990. С. 3–14.

1991

Источники о плаваниях русских мореходов на Алеутские острова во второй половине XVIII в. // Реализм исторического мышления: проблемы отечественной истории периода феодализма: чтения памяти А. Л. Станиславского: тез. докл. и сообщений. Москва, 27 янв. – 1 февр. 1991 г. – М.: МГИАИ, 1991. С. 164–165.

Источниковедение истории СССР: метод. указания для студ. II курса ФАД по специальности 2009 – Историко-архивоведение. Сост. О. М. Медушевская. – М.: РГГУ, 1991. 9 с.

От редактора // История кафедры вспомогательных исторических дисциплин: материалы и док. Отв. ред. О. М. Медушевская. – М.: МГИАИ, 1991. С. 25–27.

1992

Два подхода к проблеме методов исторического исследования // Чтения памяти В. Б. Кобрин «Проблемы отечественной истории и культуры периода феодализма»: тез. докл. и сообщений. Москва, 26–29 янв. 1992 г. – М.: РГГУ, 1992. С. 118–120.

Источниковедение и современная гуманитарная культура // Отечественные архивы. 1992. № 4. С. 11–19.

Рецензия на кн.: Василий Никитич Татищев. Письма. 1717–1750 гг. (М.: Наука, 1990) // Вопросы истории. 1992. № 1. С. 176–178.

1993

Генеалогия в зарубежных исследованиях // Генеалогические исследования: сб. науч. тр. – М.: РГГУ, 1993. С. 50–58.

Генеалогия в системе современного знания // Вестник архивиста. – М.: Рос. о-во историков-архивистов, 1993. № 4(16)–5(17). С. 29–34.

К проблеме интеграции гуманитарного и естественно-научного знания: научное наследие В. К. Яцунского // Источниковедение XX столетия: тез. докл. и сообщений науч. конф. Москва, 28–30 янв. 1993 г. – М.: РГГУ, 1993. С. 93–94.

Е. А. Луцкий: 1907–1991. Страницы биографии // Источниковедение XX столетия: тез. докл. и сообщений науч. конф. Москва, 28–30 янв. 1993 г. – М.: РГГУ, 1993. С. 196–203 (в соавторстве).

Источниковедение и вспомогательные исторические дисциплины в современном гуманитарном образовании // Историческая наука и архивы: тез. докл. науч.-практ. конф., 19–20 окт. 1993 г. – Н. Новгород: Изд-во Волго-Вят. кадрового центра, 1993. С. 41–44 (в соавторстве).

Правовое сознание как предмет исторического исследования: источники и методы изучения российского менталитета // Российское государство XVII – начала XX вв.: экономика, политика, культура: тез. докл. конф., посвящ. 380-летию восставления рос. государственности (1613–1993). Екатеринбург, 25–28 марта 1993 г. – Екатеринбург: Волот, 1993. С. 92–94.

Проблема авторства в источниковедении // «Scribantur haec...»: проблема автора и авторства в истории культуры: науч. конф. Москва, 12–15 мая 1993 г. – М.: РГГУ, 1993. С. 25–27.

Выступление по докладу Ю. Н. Афанасьева «Основные принципы гуманитарного образования в РГГУ» на общ. собр. профессорско-преподавательского состава РГГУ и расширенном заседании Ученого совета РГГУ 6–7 февр. 1992 г. // Ученый совет РГГУ в 1992 году: сб. док. – М.: РГГУ, 1993. С. 41.

О работе Ученого совета РГГУ (1987–1992 гг.): тез. к докл. на засед. Ученого совета РГГУ 30 июня 1992 г. // Ученый совет РГГУ в 1992 году: сб. док. – М.: РГГУ, 1993. С. 193–195.

Доклад о работе Ученого совета РГГУ // Ученый совет РГГУ в 1992 году: сб. док. – М.: РГГУ, 1993. С. 195–202.

От составителей // Ученый совет РГГУ (январь – июнь 1993 г.): сб. док. Сост. О. М. Медушевская и др. Под ред. Ю. Н. Афанасьева и др. – М.: РГГУ, 1993. Вып. 2. С. 3–4.

Выступление в дискуссии о деятельности Международного научно-исследовательского центра при Историко-филологическом факультете на заседании Ученого совета РГГУ 16 марта 1993 г. // Ученый совет РГГУ (январь – июнь 1993 г.): сб. док. Сост. О. М. Медушевская и др. Под ред. Ю. Н. Афанасьева и др. – М.: РГГУ, 1993. Вып. 2. С. 53.

Выступление по вопросу развития факультета музеологии // Ученый совет РГГУ, январь-июнь 1993. – М.: РГГУ, 1993.

Выступление на заседании Ученого совета РГГУ 29 июня 1993 г. при обсуждении концепции Высшей школы реставрации // Ученый совет РГГУ (январь – июнь 1993 г.): сб. док. Сост. О. М. Медушевская и др. Под ред. Ю. Н. Афанасьева и др. – М.: РГГУ, 1993. Вып. 2. С. 250.

1994

Академическая наука и архивы: А. С. Лаппо-Данилевский и Архивные курсы 1918 года // Вестник архивиста. 1994. № 4. С. 61–67.

Вопросы теории в курсе источниковедения // Высшее образование в России: история, проблемы, перспективы: междунар. науч. конф.: тез. докл. – Ярославль, 1994. Вып. 2. С. 86–89 (в соавторстве).

Вспомогательные исторические дисциплины: особая система методов гуманитарного познания // Вспомогательные исторические дисциплины: высшая школа, исследовательская деятельность, общественные организации: тез. докл. и сообщ. науч. конф. Москва, 27–29 янв. 1994 г. – М.: РГГУ, 1994. С. 101–102.

Генеалогия в зарубежных исследованиях // Генеалогические исследования: сб. науч. тр. – М.: РГГУ, 1994. С. 50–58.

Евгений Алексеевич Луцкий: некролог // Археографический ежегодник за 1991 год. – М.: Наука, 1994. С. 341–342 (в соавторстве).

Источниковедение в системе гуманитарного образования // Актуальные проблемы управления архивным делом и экономической деятельности архивных учреждений России. Материалы научно-практич. конф. (М., 5–6 окт. 1993). М., 1994. С. 32–36 (в соавторстве).

Источниковедение в системе гуманитарного образования // Новые технологии гуманитарного образования: материалы все-рос. конф. молодых ученых и преподавателей гуманитарных наук. – М., 1994. С. 32–35 (в соавторстве).

Источниковедение и исторические источники в деятельности политолога // История России XIX–XX вв.: Историография. Новые источники: тез. докл. конф. – Н. Новгород, 1994. С. 41–44.

Источниковедческий профессионализм в гуманитарном образовании // Управление высшим образованием: рос.-фр. конф.: тез. докл. – М.: РГГУ, 1994.

Русская дипломатика частных актов: концепция А. С. Лапшова-Данилевского в общественном сознании XX в. // Россия в X–XVIII вв. Проблемы истории и источниковедения. – М.: РГГУ, 1994.

Личные фонды и проблема правового сознания // Личные фонды и коллекции – источник сохранения национальной памяти России: тез. докл. и сообщений науч.-практ. конф. – М.: РОИА, ВНИИДАД, 1994. С. 61.

От составителей // Ученый совет РГГУ (авг. 1993 г. – янв. 1994 г.): сб. док. Сост. О. М. Медушевская и др. Под ред. Ю. Н. Афанасьева и др. – М.: РГГУ, 1994. Вып. 3. С. 3–7.

От составителей // Ученый совет РГГУ, февр. – июнь 1994 г.: сб. док. Сост. О. М. Медушевская и др. Под ред. Ю. Н. Афанасьева и др. – М.: РГГУ, 1994. Вып. 4. С. 3–5.

1995

Архивный документ, исторический источник в реальности настоящего // Отечественные архивы. 1995. № 2. С. 9–13.

История изучения и преподавания источниковедения в Историко-архивном институте // Актуальные проблемы археологии, источниковедения и историографии: материалы к Всерос. науч. конф., посвященной 50-летию Победы в Великой Отечественной войне. – Вологда: Русь, 1995. С. 385–387 (в соавторстве).

Источники в науках о человеке // История России XIX–XX веков: историография, источниковедение: тез. докл. Всерос. науч.-практ. конф. 21–22 нояб. 1955 г. – Н. Новгород, 1995. С. 93–96.

Источниковедение: история, теория и метод: программа курса для специальностей 520800 – История, 520900 – Политология, 520100 – Культурология, 520300 – Филология, 520400 – Философия, 020800 – Историко-архивоведение, 071900 – Информационные системы, 021000 – Музеология. Сост. О. М. Медушевская и др. Отв. ред. В. А. Муравьев. – М.: РГГУ-ИАИ, 1995. 22 с. (в соавторстве).

Лапшо-Данилевский Александр Сергеевич // Русская филология: мал. энцикл. словарь. – М.: Наука, 1995. С. 298–299.

Русская дипломатика частных актов: концепция А. С. Лаппо-Данилевского в отечественном сознании XX в. // Россия в X–XVIII вв.: проблемы истории и источниковедения: тез. докл. и сообщений Вторых чтений, посвящ. памяти А. А. Зимина. Москва, 26–28 янв. 1995 г. Отв. ред. Ю. Н. Афанасьев. – М.: РГГУ, 1995. С. 340–342.

От составителей // Ученый совет РГГУ, сент. – дек. 1994 г.: сб. док. Сост. О. М. Медушевская и др. Под ред. Ю. Н. Афанасьева и др. – М.: РГГУ, 1995. Вып. 5. С. 3–8.

Выступление ученого секретаря Ученого совета РГГУ д-ра ист. наук, проф. О. М. Медушевской на заседании Ученого совета РГГУ 4 окт. 1994 г. о плане работы Ученого совета на 1994/95 уч. г. // Ученый совет РГГУ, сент. – дек. 1994 г.: сб. док. Сост. О. М. Медушевская и др. Под ред. Ю. Н. Афанасьева и др. – М.: РГГУ, 1995. Вып. 5. С. 31–33.

О развитии кафедры вспомогательных исторических дисциплин Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета: тез. к засед. Ученого совета РГГУ 24 нояб. 1994 г. // Ученый совет РГГУ, сент. – дек. 1994 г.: сб. док. Сост. О. М. Медушевская и др. Под ред. Ю. Н. Афанасьева и др. – М.: РГГУ, 1995. Вып. 5. С. 74–78 (в соавторстве).

Источниковедение: современная парадигма, междисциплинарные и компаративные аспекты: пояснит. записка к засед. Ученого совета РГГУ 24 нояб. 1994 г. // Ученый совет РГГУ, сент. – дек. 1994 г.: сб. док. Сост. О. М. Медушевская и др. Под ред. Ю. Н. Афанасьева и др. – М.: РГГУ, 1995. Вып. 5. С. 78–80 (в соавторстве).

Концепция развития кафедры вспомогательных исторических дисциплин Историко-архивного института РГГУ // Ученый совет РГГУ, сент. – дек. 1994 г.: сб. док. Сост. О. М. Медушевская и др. Под ред. Ю. Н. Афанасьева и др. – М.: РГГУ, 1995. Вып. 5. С. 80–93 (в соавторстве).

Пояснительная записка о переименовании кафедры вспомогательных исторических дисциплин Историко-архивного ин-

ститута в кафедре источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин // Ученый совет РГГУ, сент. – дек. 1994 г.: сб. док. Сост. О. М. Медушевская и др. Под ред. Ю. Н. Афанасьева и др. – М.: РГГУ, 1995. Вып. 5. С. 93–94 (в соавторстве).

Источниковедение и вспомогательные исторические дисциплины в системе гуманитарного образования // Ученый совет РГГУ, сент.- дек. 1994 г.: сб. док. Сост. О. М. Медушевская и др. Под ред. Ю. Н. Афанасьева и др. – М.: РГГУ, 1995.

Источниковедение в системе гуманитарного образования: концепция и программа курса: приложение к вопросу (рассмотрен на заседании Ученого совета РГГУ 24 нояб. 1994 г.) // Ученый совет РГГУ, сент. – дек. 1994 г.: сб. док. Сост. О. М. Медушевская и др. Под ред. Ю. Н. Афанасьева и др. – М.: РГГУ, 1995. Вып. 5. С. 95–113 (в соавторстве).

Выступление на заседании Ученого совета РГГУ 24 нояб. 1994 г. // Ученый совет РГГУ, сент. – дек. 1994 г.: сб. док. Сост. О. М. Медушевская и др. Под ред. Ю. Н. Афанасьева и др. – М.: РГГУ, 1995. Вып. 5. С. 119–123.

1996

Гуманитарий в поле современного знания // Вестник архивиста. 1996. № 4(34). С. 31–35.

Источниковедение в России XX в.: научная мысль и социальная реальность // Советская историография. Под общ. ред. Ю. Н. Афанасьева. – М.: РГГУ, 1996. С. 42–77.

Источниковедение в системе гуманитарного образования: концепция и программа курса // Труды Историко-архивного института – М.: РГГУ, 1996. Т. 33. С. 114–131 (в соавторстве).

Источниковедение: вещественные источники: программа курса для специальностей № 021000 – Музеология, № 020700 – История и направлений № 520800 – История, № 520100 – Культурология. Сост. О. М. Медушевская. Отв. ред. В. А. Муравьев. – М.: РГГУ, 1996. 25 с.

Источниковедение: современная парадигма, междисциплинарные и компаративные аспекты // Источниковедение и компаративный метод в гуманитарном знании: тез. докл. и сообщений науч. конф. Москва, 29–31 янв. 1996 г. Отв. ред. В. А. Муравьев. – М.: РГГУ, 1996. С. 3–5 (в соавторстве).

Источниковедение и сравнительный метод в гуманитарном знании: проблемы методологии // Источниковедение и компаративный метод в гуманитарном знании: тез. докл. и сообщений науч. конф. Москва, 29–31 янв. 1996 г. Отв. ред. В. А. Муравьев. – М.: РГГУ, 1996. С. 6–27.

Источниковедение и сравнительный метод в гуманитарном знании. Проблемы методологии: доклад на конференции в РГГУ «Источниковедение и компаративный метод в гуманитарном знании» (янв. 1996 г.) // Вестник гуманитарной науки. 1996. № 1(27). С. 31–38.

Источниковедение: источники российской истории: программа курса для специальностей № 020700 – История, № 020200 – Политология, № 021700 – Филология, № 020100 – Философия, № 020800 – Историко-архивоведение, № 071900 – Информационные системы, № 021000 – Музеология и направления № 520100 – Культурология. Сост. О. М. Медушевская и др. Отв. ред. В. А. Муравьев. – М.: РГГУ, 1996. 72 с. (в соавторстве).

Источниковедение: теория, история и метод. – М.: РГГУ, 1996. 79 с.

А. С. Лаппо-Данилевский и современное гуманитарное познание // Археографический ежегодник за 1994 год. – М.: Наука, 1996. С. 238–255.

Между наукой и администрацией: противоречие и цельность профессиональной деятельности архивиста // Вестник архивиста. 1996. № 5(35). С. 58–63.

Комментарии и примечания к кн.: Миллер Г. Ф. Сочинения по истории России: избранное (М.: Наука, 1996). С. 417–435 (в соавторстве).

Россия начала XX в.: методология гуманитарного знания и проблемы самоидентификации // Россия в новое время: историческая традиция и проблема самоидентификации: материалы межвуз. науч. конф., 25–27 апр. 1996 г. Отв. ред. А. П. Логунов. – М.: РГГУ, 1996. С. 19–22.

Количественные методы в источниковедческом исследовании: программа специального курса для специальностей № 020700 – История, № 020800 – Историко-архивоведение и направления № 520800 – История. Сост. М. Ф. Румянцева. Отв. ред. О. М. Медушевская. – М.: РГГУ, 1996. 24 с.

1997

Историк и архивист: сферы познания ими прошлого // Историки и архивисты: сотрудничество в сохранении и познании прошлого в интересах настоящего и будущего: докл. и тез. науч. сообщений. 27–28 нояб. 1997 г. – М.: Федеральная архивная служба России, РОИА, 1997. С. 20–39.

Архивоведение и источниковедение: единство и различие как проблема междисциплинарного взаимодействия // Архивоведение и источниковедение отечественной истории: проблемы взаимодействия на современном этапе: докл. и тез. выступл. на второй Всерос. конф., 12–13 марта 1996 г. – М.: ВНИИДАД, 1997. С. 11–15.

Проблема «человек и пространство» в современной системе знания // Исторический источник: человек и пространство: тез. докл. и сообщений науч. конф. Москва, 3–5 февр. 1997 г. Конференция памяти А. И. Андреева и В. К. Яцунского. Отв. ред. О. М. Медушевская. – М.: РГГУ, 1997. С. 18–23 (в соавторстве).

Исторический источник: человек и пространство // Исторический источник: человек и пространство: тез. докл. и сообщений науч. конф. Москва, 3–5 февр. 1997 г. Конференция памяти А. И. Андреева и В. К. Яцунского. Отв. ред. О. М. Медушевская. – М.: РГГУ, 1997. С. 35–61.

Личность в историческом пространстве: проблема эпистемологии // Россия в новое время: личность и мир в историческом пространстве: материалы межвуз. науч. конф. Москва, 14–16 апр. 1997 г. Отв. ред. А. П. Логунов. – М.: РГГУ, 1997. С. 11–14.

Методология истории. Учебное пособие. – М.: РГГУ, 1997 (в соавторстве).

Современные проблемы методологии гуманитарного познания // Методология истории: учеб. пособие для студ. специальностей и направлений № 020700 и 520800 – История, № 020800 – Историко-архивоведение, № 071900 – Информационные системы, № 021000 – Музеология, № 020200 и 520900 – Политология, № 021700 и 520300 – Филология, № 021100 и 520400 – Философия, № 520100 – Культурология. – М.: РГГУ, 1997. С. 22–44. (в соавторстве).

Текст в гуманитарном знании // Текст в гуманитарном знании: материалы межвуз. науч. конф. Москва, 22–24 апр. 1997 г. Отв. ред. О. М. Медушевская. – М., 1997. С. 3–6.

Историческая география России: программа курса для специальностей 020700 – История, 020200 – Политология, 020800 – Историко-архивоведение, 021000 – Музеология. Сост. В. А. Муравьев. Отв. ред. О. М. Медушевская. – М.: РГГУ, 1997. 17 с.

1998

Единство человека в свете источниковедческой парадигмы методологии гуманитарного знания // *The Sociobiology of Ritual, and Group Identity: a Homology of Animal and Human Behaviour: Concept of Human and Behaviour Patterns in the Cultures of the East and West: Interdisciplinary Approach: Abstract of Papers Presented at the Annual Meeting of European Sociobiological Society and the Sattelite Meeting. Moscow, 31 May – 4 June 1998.* Ed. by M. Butovskaya, A. Korotaev, O. Khristoforova. Moscow: RSUH, 1998. P. 43–44.

Источниковедение: теория, история, метод, источники российской истории: учеб. пособие для гуманитар. специальностей. – М.: РГГУ, 1998 (Переизд. 2000, 2004) (в соавторстве).

Предисловие // Историческая антропология: место в системе социальных наук, источники и методы интерпретации: тез. докл. и сообщений науч. конф. Москва, 4–6 февр. 1998 г. Отв. ред. О. М. Медушевская. – М.: РГГУ, 1998. С. 14–16.

Историческая антропология как феномен гуманитарного знания: перспективы развития // Историческая антропология: место в системе социальных наук, источники и методы интерпретации: тез. докл. и сообщений науч. конф. Москва, 4–6 февр. 1998 г. Отв. ред. О. М. Медушевская. – М.: РГГУ, 1998. С. 17–26.

Познавательные возможности источниковедческой парадигмы гуманитарного знания // Гістарычныя крыніцы: праблемы класіфікацыі, вивучэння і выкладання: матэрыялы да Міжнар. навук.-практ. канф., прысвечанай 120-годдзю з дня нараджэння У.І. Пічэты. Мінск, 23–24 красавіка 1998 г. – Мінск: БДУ, 1998. С. 31–33.

Современная компаративистика: проблемы методологии // Российская американистика в поисках новых подходов: материалы V науч. конф. ассоциации изучения США. Ист. фак. МГУ им. М. В. Ломоносова. Москва, 17–18 июня 1997 г. – М.: Изд-во МГУ, 1998. С. 266–276.

Ученый совет РГГУ, 1995–1996: сб. док. Сост. О. М. Медушевская и др. Под ред. Ю. Н. Афанасьева и др. – М.: РГГУ, 1998. Вып. 6. 382 с.

О перспективах развития российско-французского центра исторической антропологии им. Марка Блока: выступление на заседании Ученого совета РГГУ 3 дек. 1996 г. // Ученый совет РГГУ, 1995–1996: сб. док. Сост. О. М. Медушевская и др. Под ред. Ю. Н. Афанасьева и др. – М.: РГГУ, 1998. Вып. 6. С. 118–120.

Историческая антропология: место в системе социальных наук, источники и методы интерпретации: тез. докл. и сообщений науч. конф. Москва, 4–6 февр. 1998 г. Отв. ред. О. М. Медушевская. – М.: РГГУ, 1998. 251 с.

Историк и архивист: сферы познания ими прошлого // Историки и архивисты: сотрудничество в сохранении и познании прошлого в интересах настоящего и будущего: доклады междунар. конференции 27–28 нояб. 1997 г. – М.: Федеральная архивная служба России, РОИА, 1998. С. 29–48.

1999

История изучения и преподавания источниковедения в Историко-архивном институте // Проблемы археографии и источниковедения отечественной истории: межвуз. сб. науч. тр. – Вологда: Русь, 1999. С. 133–141 (в соавторстве).

История как строгая наука // Вестник архивиста. 1999. № 2–3(50–51). С. 160–168.

Источниковедение и архивоведение в современной гуманитарной ситуации // Архивоведение и источниковедение отечественной истории. Проблемы взаимодействия на современном этапе: докл. и тез. выступл. на третьей Всерос. конф., 25–26 февр. 1999 г. – М.: Федеральная архивная служба, ВНИИДАД, 1999. С. 20–25.

Источниковедческая проблематика «Русской историографии» Н. А. Рубинштейна // Археографический ежегодник за 1998 год. – М.: Наука, 1999. С. 233–235.

Методология истории как строгой науки // Точное гуманитарное знание: традиции, проблемы, методы, результаты: тез. докл. и сообщений науч. конф. Москва, 4–6 февр. 1999 г. Отв. ред. В. А. Муравьев. – М.: РГГУ, 1999. С. 15–23.

Предисловие // Точное гуманитарное знание: традиции, проблемы, методы, результаты: тез. докл. и сообщений науч. конф. Москва, 4–6 февр. 1999 г. Отв. ред. В. А. Муравьев. – М.: РГГУ, 1999. С. 9–10 (Без подп.).

Проблемы точного гуманитарного знания: конф. каф. источниковедения и вспомогат. ист. дисциплин ИАИ РГГУ –

«Точное гуманитарное знание: традиции, проблемы, методы, результаты» 4–6 февр. 1999 г. (обзор) // Вестник архивиста. 1999. № 2–3(50–51). С. 155–159 (в соавторстве).

Русская дипломатика частных актов: концепция А. С. Лапшова-Данилевского в общественном сознании XX в. // Россия в IX–XX веках: проблемы истории, историографии и источниковедения Сб. ст. и тез. докл. Вторых чтений, посвященных памяти А. А. Зимина. Москва, 26–28 янв. 1995 г. – М.: Русский мир, 1999. С. 267–269.

Феноменология культуры: концепция А. С. Лапшова-Данилевского в гуманитарном познании новейшего времени // Исторические записки. – М.: РАН, 1999. № 2(120). С. 100–136.

Методология истории // Curriculum: аннот. каталог курсов учеб. дисциплин, читаемых в РГГУ. – М.: РГГУ, 1999. С. 68 (в соавторстве).

Теория и методология истории // Curriculum: аннот. каталог курсов учеб. дисциплин, читаемых в РГГУ. – М.: РГГУ, 1999. С. 68–69 (в соавторстве).

Источниковедение // Curriculum: аннот. каталог курсов учеб. дисциплин, читаемых в РГГУ. – М.: РГГУ, 1999. С. 72 (в соавторстве).

Вещественное источниковедение // Curriculum: аннот. каталог курсов учеб. дисциплин, читаемых в РГГУ. – М.: РГГУ, 1999. С. 73 (в соавторстве).

Текстология и источниковедение // Curriculum: аннот. каталог курсов учеб. дисциплин, читаемых в РГГУ. – М.: РГГУ, 1999. С. 74 (в соавторстве).

Источниковедение и методы исторического исследования: лекционный курс для кандидатского минимума // Curriculum: аннот. каталог курсов учеб. дисциплин, читаемых в РГГУ. – М.: РГГУ, 1999. С. 523–524 (в соавторстве).

2000

Вещь в культуре: Источниковедческий метод историко-антропологического исследования: Программа курса // Сб. учебно-методических материалов. М.: ЭКОН, 2000. Вып. 1. С. 35–61.

Идея РГГУ // Афанасьев Ю. Н. Universitas humana: Гуманитарный университет третьего тысячелетия. – М.: РГГУ, 2000. С. 386–388.

Историк в динамике XX века // Историк во времени: Третьи Зиминские чтения: докл. и сообщения науч. конф. – М.: РГГУ, 2000. С. 3–22.

Исторический источник – основа гуманитарного познания // Документ. Архив. История. Современность: сб. ст. – Екатеринбург, Урал. гос. ун-т, 2000. Ч. 1. С. 7–15 (в соавторстве).

Источниковедение: теория, история, метод, источники российской истории: учеб. пособие для гуманитар. специальностей. – М.: РГГУ, 2000 (в соавторстве).

Источниковедческий метод историко-антропологического исследования. Программа общего курса // Сб. учебно-методических материалов РУДН (Межвуз. центр сопоставит. ист.-антропол. исслед.). – М.: ЭКОН, 2000. Вып. 1. С. 35–62.

Научное общество и личность ученого // Источниковедение и краеведение в культуре России: сб. к 50-летию служения С. О. Шмидта Историко-архивному институту. – М.: РГГУ, 2000. С. 465–469.

Профессионализм гуманитарного образования в условиях междисциплинарности // Проблемы источниковедения и историографии: материалы II Науч. чтений памяти акад. И. Д. Ковальченко. Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова, 30 нояб. – 1 дек. 1998 г. – М.: РОССПЭН, 2000. С. 350–356.

Компаративный метод в гуманитарном знании: проблемы эпистемологии: доклад на заседании Ученого совета РГГУ

25 марта 1997 г. по вопросу повестки дня – «Компаративистика в РГГУ: Методология исследования и преподавания» // Ученый совет РГГУ, 1997–1998: сб. док. Сост. О. М. Медушевская и др. – М.: РГГУ, 2000. Вып. 7. С. 69–82.

Историческая антропология и антропологически ориентированная источниковедческая концепция: интеграция исследовательской и образовательной программы: доклад на заседании Ученого совета РГГУ 13 янв. 1998 г. по вопросу повестки дня – «Историческая и культурная антропология: проблемы преподавания в РГГУ» // Ученый совет РГГУ, 1997–1998: сб. док. Сост. О. М. Медушевская и др. – М.: РГГУ, 2000. Вып. 7. С. 98–103.

Эпистемология гуманитарного знания и профессионализм историка: идеи и перспективы (Научно-педагогическая школа кафедры источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин). Тезисы доклада на заседании Ученого совета РГГУ 24 ноября 1998 г. по вопросу повестки дня // Ученый совет РГГУ, 1997–1998: сб. док. Сост. О. М. Медушевская и др. – М.: РГГУ, 2000. Вып. 7. С. 166–173 (в соавторстве).

2001

Вещь в культуре // Историческая антропология: Концепция преподавания в РГГУ. – М.: РГГУ, 2001. С. 24–72.

Историческая антропология и антропологически ориентированная источниковедческая концепция: интеграция исследовательской и образовательной программы (из материалов Ученого совета РГГУ 13.01.98 г.) // Историческая антропология: концепция преподавания в РГГУ: учеб.-метод. пособие. – М.: РГГУ, 2001. С. 15–23.

Вещь в культуре: источниковедческий метод историко-антропологического исследования // Историческая антропология: концепция преподавания в РГГУ: учеб.-метод. пособие. – М.: РГГУ, 2001. С. 35–71.

Методология и теория истории: учеб.-метод. пособие: для специальностей № 020700 – История, № 020200 – Политология, № 020600 – Культурология, № 021700 – Филология,

№ 020100 – Философия, № 020800 – Историко-архивоведение, № 351400 – Прикладная информатика, № 021000 – Музеология. Сост. О. М. Медушевская и др. – М.: РГГУ, 2001 (в соавторстве).

От авторов // Методология и теория истории: учеб.-метод. пособие: для специальностей № 020700 – История, № 020200 – Политология, № 020600 – Культурология, № 021700 – Филология, № 020100 – Философия, № 020800 – Историко-архивоведение, № 351400 – Прикладная информатика, № 021000 – Музеология. Сост. О. М. Медушевская и др. – М.: РГГУ, 2001. С. 4–5 (в соавторстве).

Методология истории: Программа курса // Методология и теория истории: учеб.-метод. пособие: для специальностей № 020700 – История, № 020200 – Политология, № 020600 – Культурология, № 021700 – Филология, № 020100 – Философия, № 020800 – Историко-архивоведение, № 351400 – Прикладная информатика, № 021000 – Музеология. Сост. О. М. Медушевская и др. – М.: РГГУ, 2001. С. 6–19.

Методические указания по написанию рефератов по курсу «Методология истории» // Методология и теория истории: учеб.-метод. пособие: для специальностей № 020700 – История, № 020200 – Политология, № 020600 – Культурология, № 021700 – Филология, № 020100 – Философия, № 020800 – Историко-архивоведение, № 351400 – Прикладная информатика, № 021000 – Музеология. Сост. О. М. Медушевская и др. – М.: РГГУ, 2001. С. 37–40.

Авторские курсы, разработанные с учетом междисциплинарных специальностей РГГУ, объединяемых общей идеей методов гуманитарного знания в науках о человеке ; Методология истории: программа курса // Методология и теория истории: учеб.-метод. пособие: для специальностей № 020700 – История, № 020200 – Политология, № 020600 – Культурология, № 021700 – Филология, № 020100 – Философия, № 020800 – Историко-архивоведение, № 351400 – Прикладная информати-

ка, № 021000 – Музеология. Сост. О. М. Медушевская и др. – М.: РГГУ, 2001. С. 6–19.

Источниковедческое научно-педагогическое направление: гуманитарное знание как строго научное // Научно-педагогическая школа источниковедения Историко-архивного института: сб. – М.: РГГУ, 2001. С. 8–32.

Источниковедение в системе гуманитарного образования // Научно-педагогическая школа источниковедения Историко-архивного института: сб. – М.: РГГУ, 2001. С. 33–54 (в соавторстве).

Эпистемология гуманитарного знания и профессионализм историка. Идеи и перспективы (из доклада Совету Российского государственного гуманитарного университета 22.11.1998 г.) // Научно-педагогическая школа источниковедения Историко-архивного института: сб. – М.: РГГУ, 2001. С. 124–133 (в соавторстве).

Кафедра источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин. 1939–1999 // Научно-педагогическая школа источниковедения Историко-архивного института: сб. – М.: РГГУ, 2001. С. 134–142 (в соавторстве).

Феномен письма и палеографический метод в науках о человеке // Вспомогательные исторические дисциплины: специальные функции и гуманитарные перспективы: тез. докл. и сообщений XIII науч. конф. в честь Е. И. Каменцевой. Москва, 1–2 февр. 2001 г. – М.: РГГУ, 2001. С. 44–46.

Источниковедческая основа исторической антропологии как науки и университетской дисциплины // История в XXI веке. Историко-антропологический подход в преподавании и изучении истории человечества (материалы междунар. интернет-конф.) под общ. ред. В. В. Керова. – М.: МОНФ, 2001. С. 22–24.

Источниковедческий метод историко-антропологического исследования // Межвузовский центр историко-антропологических исследований. Сб. учебно-методических материалов. – М.: ЭКОН, 2001. Выпуск II. С. 35–61.

Архивное право и новая образовательная модель гуманитарного знания // Архивы и право: история, современность, перспективы. – М.: РГГУ, 2001. С. 10–17.

2002

Архивное право и новая образовательная модель гуманитарного знания // Архивное право: история, современность, перспективы. – М.: РГГУ, 2002. С. 10–17.

Архивное право и новая образовательная модель гуманитарного знания: выступл. за Круглым столом «Архивное право: история, современность, перспективы» (дек. 2001 г.) // Вестник архивиста. 2002. № 3(69). С. 80–87.

Источниковедение и историография в пространстве гуманитарного знания: индикатор системных изменений // Источниковедение и историография в мире гуманитарного знания: докл. и тез. XIV науч. конф., Москва, 18–19 апр. 2002 г. – М.: РГГУ, 2002. С. 20–36.

Образовательные программы в аспирантуре Российского государственного гуманитарного университета // Подготовка научных кадров в Российской Федерации. Состояние, перспективы развития: материалы II Всерос. конф. Н. Новгород, 19–20 июня 2002 г. – Н. Новгород: НГУ, 2002. С. 139–149 (в соавторстве).

Основные положения // Концепция развития Историко-архивного института РГГУ. – М.: РГГУ, 2002. С. 3–7 (Без подп., в соавторстве).

Историческая антропология и антропологически ориентированная источниковедческая концепция: интеграция исследовательской и образовательной программы // Программы

курсов Российско-французского центра исторической антропологии им. Марка Блока. – М.: РГГУ, 2002. С. 15–20.

Вещь в культуре: источниковедческий метод историко-антропологического исследования // Программы курсов Российско-французского центра исторической антропологии им. Марка Блока. – М.: РГГУ, 2002. С. 25–49.

Методология истории: программа курса // Я иду на занятия...: лекции по методологии и теории истории: учеб-метод. модуль. Отв. ред. О. М. Медушевская. – М.: РГГУ, Изд-во Ипполитова, 2002. С. 15–28.

Методические указания по подготовке письменных работ // Я иду на занятия...: лекции по методологии и теории истории: учеб-метод. модуль. Отв. ред. О. М. Медушевская. – М.: РГГУ, Изд-во Ипполитова, 2002. С. 47–51.

Методология истории как строгой науки // Я иду на занятия...: лекции по методологии и теории истории: учеб-метод. модуль. Отв. ред. О. М. Медушевская. – М.: РГГУ, Изд-во Ипполитова, 2002. С. 52–70.

Историческая антропология как феномен гуманитарного знания: перспективы развития // Я иду на занятия...: лекции по методологии и теории истории: учеб-метод. модуль. Отв. ред. О. М. Медушевская. – М.: РГГУ, Изд-во Ипполитова, 2002. С. 91–98.

Феноменология культуры: концепция А. С. Лаппо-Данилевского в гуманитарном познании новейшего времени // Я иду на занятия...: лекции по методологии и теории истории: учеб-метод. модуль. Отв. ред. О. М. Медушевская. – М.: РГГУ, Изд-во Ипполитова, 2002. С. 106–133.

Послевузовское образование в РГГУ: концептуальные основания // Образовательная программа в аспирантуре РГГУ. Материалы к заседанию Ученого совета РГГУ 25 июня 2002 г. – М.: РГГУ, 2002. С. 3–12 (в соавторстве).

Рец. на кн.: Пчелов Е. В. Генеалогия древнерусских князей IX – начала XI в. (М.: РГГУ, 2001) // Гербоведъ. 2002. № 1. С. 141–142.

2003

Концептуальное единство философии и эмпирической науки // Историческая наука и методология истории в России XX века: к 140-летию со дня рождения академика А. С. Лаппо-Данилевского: сб. ст. – СПб.: Северная Звезда, 2003. С. 236–246.

Новое знание о человеке // Источниковедческая компаративистика и историческое построение: тез. докл. и сообщений XV науч. конф. Москва, 30 янв. – 1 февр. 2003 г. – М.: РГГУ, 2003. С. 2–13.

Проблема структуры в науках о человеке // Homo historicus: К 80-летию со дня рождения Ю. А. Бессмертного. – М.: Наука, 2003. Кн. 1. С. 255–270.

Примерная программа дисциплины «Источниковедение» // Историко-архивоведение. Государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования и примерные программы дисциплин федерального компонента. – М.: РГГУ, 2003 (в соавторстве).

Примерная программа дисциплины «Вспомогательные исторические дисциплины» // Историко-архивоведение. Государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования и примерные программы дисциплин федерального компонента. – М.: РГГУ, 2003 (в соавторстве).

2004

Источниковедение: теория, история, метод, источники российской истории: учеб. пособие для гуманитар. специальностей. – М.: РГГУ, 2004 (в соавторстве).

Источниковедческая компаративистика и образовательная модель гуманитарного знания // Новый исторический вестник. 2004. № 1(10). С. 5–18.

Источниковедение: История. Теория. Метод. Программа курса для специальностей № 020100 – Философия; № 020200 – Политология; № 020600 – Культурология; № 020700 – История; № 020800 – Историко-архивоведение; № 021000 – Музеология; № 021700 – Филология; № 022200 – Религиоведение; № 061300 – Документоведение и ДОУ; № 071900 – Информационные системы // Источниковедение. Учебно-методический модуль. Программы курсов и планы семинарских занятий. Под ред. О. М. Медушевской – М.: РГГУ, Изд. Исполитова, 2004. С. 13–31 (в соавторстве).

Зарубежное источниковедение: программа курса для специальностей № 020700 – История; № 020800 – Историко-архивоведение // Источниковедение. Учебно-методический модуль. Программы курсов и планы семинарских занятий. Под ред. О. М. Медушевской. – М.: РГГУ, Изд. Исполитова, 2004. С. 134–150 (в соавторстве)

Источниковедение: Источники российской истории. Программа курса для специальностей № 020100 – Философия; № 020200 – Политология; № 020600 – Культурология; № 020700 – История; № 020800 – Историко-архивоведение; № 021000 – Музеология; № 021700 – Филология; № 022200 – Религиоведение; № 061300 – Документоведение и ДОУ; № 071900 – Информационные системы // Источниковедение. Учебно-методический модуль. Программы курсов и планы семинарских занятий. Под ред. О. М. Медушевской. – М.: РГГУ, Изд. Исполитова, 2004. С. 32–133 (в соавторстве).

Вещь в культуре: источниковедческий метод историко-антропологического исследования. Программа курса для студентов, обучающихся по специальности № 020700 – История // Источниковедение. Учебно-методический модуль. Программы курсов и планы семинарских занятий. Под ред. О. М. Медушевской. – М.: РГГУ, Изд. Исполитова, 2004. С. 202–227.

Вспомогательные исторические дисциплины: палеография (программа курса) // Вспомогательные исторические дисциплины: учеб.-метод. модуль. Под ред. В. А. Муравьева. – М.: РГГУ, Изд-во Исполитова, 2004. С. 32–63 (в соавторстве).

Вспомогательные исторические дисциплины: историческая метрология (программа курса) // Вспомогательные исторические дисциплины: учеб.-метод. модуль. Под ред. В. А. Муравьева. – М.: РГГУ, Изд-во Исполитова, 2004. С. 85–95 (в соавторстве).

Феномен письма и палеографический метод в науках о человеке // Вспомогательные исторические дисциплины: учеб.-метод. модуль. Под ред. В. А. Муравьева. – М.: РГГУ, Изд-во Исполитова, 2004. С. 188–190.

Теория и методология истории как университетская дисциплина // Народ и власть: исторические источники и методы исследования: материалы XVI науч. конф. Москва, 30–31 янв. 2004 г. Памяти В. В. Кабанова. – М.: РГГУ, 2004. С. 393–396.

Источниковедческая компаративистика и образовательная модель гуманитарного знания // Новый исторический вестник. 2004. № 1 (10). С. 5–18.

2005

Единство человека в свете источниковедческой парадигмы гуманитарного знания: проблемные лекции // Я иду на занятия. Источниковедение. Проблемные лекции. Учебно-методический модуль. Отв. ред. О. М. Медушевская. – М.: РГГУ, 2005. С. 12–46.

Источниковедение в динамике XX–XXI вв.: проблемные лекции // Я иду на занятия. Источниковедение. Проблемные лекции. Учебно-методический модуль. Отв. ред. О. М. Медушевская. – М.: РГГУ, 2005. С. 47–99.

Источниковедение в системе гуманитарного образования: проблемные лекции // Я иду на занятия. Источниковедение. Проблемные лекции. Учебно-методический модуль. Отв. ред. О. М. Медушевская. – М.: РГГУ, 2005. С. 155–219.

Практики современного источниковедения: проблемные лекции // Я иду на занятия. Источниковедение. Проблемные

лекции. Учебно-методический модуль. Отв. ред. О. М. Медупшевская. – М.: РГГУ, 2005. С. 220–242.

Когнитивно-информационная модель образования в науках о человеке // Образ науки в университетском образовании: материалы XVII науч. конф. Москва, 27–29 янв. 2005 г. – М.: РГГУ, 2005. С. 8–19.

От локального источниковедения к инвариантам источниковедческой компаративистики // Восточная Европа в древности и средневековье. Проблемы источниковедения. – М.: Институт всеобщей истории РАН, 2005. Ч. II. С. 223–227.

Фундаментальная наука и университетское образование: опыт и проблемы // Архивы Москвы и архивоведение XXI века. Материалы конференции 25 ноября 2004 года. – М., 2005. С. 42–50.

Рец. на кн.: Аудиовизуальные архивы на рубеже XX–XXI веков (отечественный и зарубежный опыт) (сборник под ред. В. А. Магидова. – М.: Изд-во Ипполитова, 2003) // Отечественные архивы. 2005. № 1. С. 113–116.

2006

Точное знание в истории: структуралистский аспект // Вспомогательные исторические дисциплины: классическое наследие и новые направления: материалы XVIII науч. конф. Москва, 26–28 янв. 2006 г. Памяти Е. И. Каменцевой. Отв. ред. В. А. Муравьев. – М.: РГГУ, 2006. С. 54–62.

Точное гуманитарное знание // Интеллектуальная культура современной историографии. – М.: РГГУ, 2006. С. 85–97.

2007

Историческая география: наука и университетская дисциплина // Теория, методы и инновации в исторической географии: материалы III междунар. конф. С.-Петербург, 23–25 апр. 2007 г. – СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2007. С. 34–38.

Точное знание в истории: структуралистский аспект // Труды Историко-архивного института. Ред. О. М. Медушевская и др. – М.: РГГУ, 2007. Т. 37. С. 15–23.

История в общей системе познания: смена парадигм // Единство гуманитарного знания: Новый синтез: материалы XIX междунар. науч. конф. Москва, 25–27 янв. 2007 г. Отв. ред. М. Ф. Румянцева. – М.: РГГУ, 2007. С. 12–19.

Эмпирическая реальность исторического мира // Вестник гуманитарной науки. 2007. № 5(95).

Интервью газете РГГУ – «Аудитория». 2007. № 35–36.

2008

Эмпирическая реальность исторического мира // Вспомогательные исторические дисциплины – источниковедение – методология истории в системе гуманитарного знания: материалы XX науч. конф. Москва, 31 янв. – 2 февр. 2008 г.: в 2 ч. – М.: РГГУ, 2008. Ч. 1. С. 24–34.

Лаппо-Данилевский А. С. // Общественная мысль России XVIII – начала XX века. Энциклопедия. – М.: РОССПЭН, 2008. С. 249–250.

История как наука: Когнитивный аспект и профессиональное сообщество // Вестник РГГУ. 2008. № 4. С. 17–30.

История науки как динамический процесс. К 120-летию со дня рождения А. И. Андреева // Вестник РГГУ. 2008. № 4. С. 312–328.

Система «Вспомогательные исторические дисциплины – источниковедение – методология истории» – основа профессионального образования гуманитария (Концепция развития кафедры источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин Историко-архивного института РГГУ) // Вспомогательные исторические дисциплины – источниковедение – методология истории в системе гуманитарного знания. – М.: РГГУ, 2008. С. 704–739 (в соавторстве).

Теория и методология когнитивной истории. – М.: РГГУ, 2008. 358 с.

2010–2013

Методология истории как строгой науки // Лаппо-Данилевский А. С. Методология истории. – М.: РОССПЭН, 2010. Т. 1. С. 23–84.

Когнитивно-информационная теория в социологии истории и антропологии // Социологические исследования. 2010. № 11. С. 63–73.

Теория исторического познания: Избранные произведения. – СПб.: Университетская книга, 2010 (Серия «Российские прошлые»). 572 с.

Пространство и время в науках о человеке: Избранные труды. – М.-СПб., Центр гуманитарных инициатив, 2013 (Серия «Humanitas»). 463 с.

2. Труды, в которых О. М. Медушевская выступала научным руководителем, редактором и (или) составителем *(список изданий составлен в соответствии с хронологией выхода в свет):*

Программа курса «Историческая география» (для МГИАИ). – М.: МГИАИ, 1956.

Программа курса «Источниковедение истории СССР» (для Московского государственного историко-архивного института). – М.: МГИАИ, 1957.

Программа курса «Историческая география СССР». – М.: МГИАИ, 1962. 12 с.

Программа курса «Источниковедение истории СССР» (для МГИАИ). – М.: МГИАИ, 1963. 48 с.

Атлас географических открытий в Сибири и в Северо-Западной Америке XVII–XVIII вв. Под ред. А. В. Ефимова. Сост. О. М. Медушевская и др. – М.: Наука, 1964. 136 с.

Материалы для архивного словаря. – М.: ГАУ при Совете Министров СССР, 1965. Вып. 2. 26 с.

Словарь архивных терминов. – М.: Главархив, 1966 (в соавторстве).

Материалы для словаря видов и разновидностей документов. – М.: ГАУ при Совете Министров СССР, 1967. Вып. 1. 29 с. (Авторство не обозначено).

Труды Московского государственного историко-архивного института. – М.: МГИАИ, 1967. Т. 25 (Вопросы методологии исторической науки). 199 с.

Краткий словарь архивной терминологии. – М.–Л.: ГАУ при Совете Министров СССР, 1968. 58 с.

Программа по вспомогательным историческим дисциплинам (для ист. фак. гос. ун-тов). – М.: МГИАИ, 1968. 68 с.

Источниковедение истории СССР: программа курса. – М.: МГИАИ, 1970.

Словник архивоведческих терминов. – М.: ГАУ при Совете Министров СССР, 1975.

Теория и методика источниковедения. Программа курса «Источниковедение истории СССР». – М.: МГИАИ, 1975.

Николаева А. Т. Основные этапы развития отечественного источниковедения XVIII–XX веков: учеб. пособие. Отв. ред. О. М. Медушевская. – М.: МГИАИ, 1975. 67 с.

Николаева А. Т. Теория и методика советского источниковедения: учеб. пособие для студ. заоч. фак. Отв. ред. О. М. Медушевская. – М.: МГИАИ, 1975. 144 с.

Словарь архивоведческих терминов. – М.: Главархив, 1976.

Ходаковский Н. И. Организация поиска источников и литературы в источниковедческом исследовании: учеб. пособие. Под ред. О. М. Медушевской. – М.: МГИАИ, 1976. 103 с.

Методические указания по курсу источниковедения истории СССР эпохи социализма и по подготовке контрольных работ по курсу (для студентов III курса заочного факультета). – М.: МГИАИ, 1979.

Синцов Ю. Я. Источники по истории колхозного крестьянства периода развитого социализма: учеб. пособие по спецкурсу. Науч. ред. О. М. Медушевская. – М.: МГИАИ, 1979. 51 с.

Илизаров Б. С. Источникометрические проблемы архивоведения (методы измерения объемов письменной информации): учеб. пособие. Под ред. О. М. Медушевской. – М.: МГИАИ, 1981. 120 с.

Рецензент кн.: Лисовина А. П. Категория «исторический факт» в марксистской и буржуазной методологии истории: сов. ист.-филол. исслед. 60–70-х гг. – Кишинев: Штиница, 1981. 70 с.

Словарь современной архивной терминологии социалистических стран. – М.: ВНИИДАД, 1982. Вып. 1. 445 с.

Источниковедение истории СССР: программа курса. – М.: МГИАИ, 1983.

Лисовина А. П. Теория и методика исследования годовых отчетов социалистических промышленных предприятий как исторического источника. Под ред. М. Н. Черноморского, О. М. Медушевской. – Кишинев: Штиница, 1983. 175 с.

Дурновцев В. И. Проблемы истории России и стран Запада в освещении государственной школы: учеб. пособие по спецкурсу. Отв. ред. О. М. Медушевская. – М.: МГИАИ, 1984. 108 с.

Теория и методы источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин: межвуз. сб. – М.: МГИАИ, 1985.

Дурновцев В. И. Россия и Европа: обзор материалов по ист. рус. ист. мысли конца XVII – начала XIX вв.: учеб. пособие по спецкурсу. Отв. ред. О. М. Медушевская. – М.: МГИАИ, 1985.

Дурновцев В. И. Россия и Запад в освещении государственной школы. Ред. О. М. Медушевская. – М.: МГИАИ, 1986.

Комиссаренко А. И. Хозяйство монастырских вотчин и секуляризационная реформа в России. 20–60-е гг. XVIII в. (историографический и источниковедческий анализ): учеб. пособие по спецкурсу. Отв. ред. О. М. Медушевская. – М.: МГИАИ, 1985. 96 с.

Источниковедение истории СССР: программа курса для средних учебных заведений (техникумов). – М.: МГИАИ, 1986.

Издание документов по истории советской радиожурналистики: метод. рекомендации. Сост. Т. М. Горяевой. Под ред. О. М. Медушевской. – М.: ВНИИДАД, 1986. 56 с.

Теория и методика источниковедения: программа курса для фак. Науч.-тех. инф. по специальности № 2039 – Научно-техническая информация. Сост. А. Е. Чекунова. Отв. ред. О. М. Медушевская. – М.: МГИАИ, 1986. 20 с.

Мандральская Н. В. Запечатленные образы войны: фото- и фоноисточники об Узбекистане в годы Великой Отечественной войны. Рецензент и автор введения – О. М. Медушевская. – Ташкент: Узбекистан, 1987.

Методические указания по источниковедению истории СССР: для студентов II курса по специальности 2009 – историко-архивоведение. Сост. О. М. Медушевская. – М.: МГИАИ, 1987. 38 с.

Миронова И. А. Методика изучения мемуаров XIX века (записок И. Д. Якушкина, 1854–1857 гг.): учеб. пособие. Отв. ред. О. М. Медушевская. – М.: МГИАИ, 1988. 50 с.

Николаева А. Т. Теория и методика источниковедения истории СССР: учеб. пособие. Отв. ред. О. М. Медушевская. – М.: МГИАИ, 1988. 87 с.

Источниковедение истории СССР: методологические указания для студентов. – М.: МГИАИ, 1989.

Кафедра вспомогательных исторических дисциплин. 1939–1989. – М.: МГИАИ, 1989. 43 с.

Картографические документы государственных архивов: науч.-справ. пособие. Сост. С. И. Сотникова. Под ред. О. М. Медушевской. – М.: ГАУ при Совете Министров СССР, ВНИИДАД, 1989. 86 с.

Источниковедение и вспомогательные исторические дисциплины: теория и методика: межвуз. сб. науч. тр. – М.: МГИАИ, 1990. 164 с.

Правила издания исторических документов в СССР. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ГАУ при Совете Министров СССР, 1990.

Простоволосова Л. Н., Станиславский А. Л. История кафедры вспомогательных исторических дисциплин: учеб. пособие. Отв. ред. О. М. Медушевская. – М.: МГИАИ, 1990. 71 с.

Источниковедение истории СССР: метод. указания для студ. II курса ФАД по специальности 2009 – Историко-архивоведение. Сост. О. М. Медушевская. – М.: РГГУ, 1991. 9 с.

Источниковедение истории СССР дооктябрьского периода: метод. пособие для студ. заочного отделения. Сост. М. Ф. Румянцева. Отв. ред. О. М. Медушевская. – М.: РГГУ, 1991. 16 с.

История кафедры вспомогательных исторических дисциплин: материалы и док. Сост. Л. Н. Простоволосова, М. Ф. Румянцева. Отв. ред. О. М. Медушевская. – М.: МГИАИ, 1991.

Источниковедение XX столетия: тез. докл. и сообщений науч. конф. Москва, 28–30 янв. 1993 г. – М.: РГГУ, 1993. 215 с.

Ученый совет РГГУ в 1992 году: сб. док. Сост. О. М. Медушевская и др. Под ред. Ю. Н. Афанасьева и др. – М.: РГГУ, 1993. 300 с.

Ученый совет РГГУ (январь – июнь 1993 г.): сб. док. Сост. О. М. Медушевская и др. Под ред. Ю. Н. Афанасьева и др. – М.: РГГУ, 1993. Вып. 2.

Ученый совет РГГУ (авг. 1993 г. – янв. 1994 г.): сб. док. Сост. О. М. Медушевская и др. Под ред. Ю. Н. Афанасьева и др. – М.: РГГУ, 1994. Вып. 3. 140 с.

Ученый совет РГГУ, февр. – июнь 1994 г.: сб. док. Сост. О. М. Медушевская и др. Под ред. Ю. Н. Афанасьева и др. – М.: РГГУ, 1994. – Вып. 4. 144 с.

Ученый совет РГГУ, сент. – дек. 1994 г.: сб. док. Сост. О. М. Медушевская и др. Под ред. Ю. Н. Афанасьева и др. – М.: РГГУ, 1995. Вып. 5. 189 с.

Источниковедение: история, теория и метод: программа курса для специальностей 520800 – История, 520900 – Политология, 520100 – Культурология, 520300 – Филология, 520400 – Философия, 020800 – Историко-архивоведение, 071900 – Информационные системы, 021000 – Музеология. Сост. О. М. Медушевская и др. Отв. ред. В. А. Муравьев – М.: РГГУ, 1995. 22 с.

Источниковедение: вещественные источники: программа курса для специальностей № 021000 – Музеология, № 020700 – История и направлений № 520800 – История, № 520100 – Культурология. Сост. О. М. Медушевская. Отв. ред. В. А. Муравьев. – М.: РГГУ, 1996. 25 с.

Источниковедение и компаративный метод в гуманитарном знании: тез. докл. и сообщений науч. конф. Москва, 29–31 янв. 1996 г. – М.: РГГУ, 1996. 448 с.

Источниковедение: источники российской истории: программа курса для специальностей № 020700 – История, № 020200 – Политология, № 021700 – Филология, № 020100 – Философия, № 020800 – Историко-архивоведение, № 071900 – Информационные системы, № 021000 – Музеология и направления № 520100 – Культурология. Сост. О. М. Медушевская и др. Отв. ред. В. А. Муравьев. – М.: РГГУ, 1996. 72 с.

Количественные методы в источниковедческом исследовании: программа специального курса для специальностей № 020700 – История, № 020800 – Историко-архивоведение и направления № 520800 – История. Сост. М. Ф. Румянцева. Отв. ред. О. М. Медушевская. – М.: РГГУ, 1996. 24 с.

Исторический источник: человек и пространство: тез. докл. и сообщений науч. конф. Москва, 3–5 февр. 1997 г. Конференция памяти А. И. Андреева и В. К. Яцунского. Отв. ред. О. М. Медушевская. – М.: РГГУ, 1997. 335 с.

Методология истории: учеб. пособие для студ. специальностей и направлений № 020700 и 520800 – История, № 020800 – Историко-архивоведение, № 071900 – Информационные системы, № 021000 – Музеология, № 020200 и 520900 – Политология, № 021700 и 520300 – Филология, № 021100 и 520400 – Философия, № 520100 – Культурология. – М.: РГГУ, 1997.

Текст в гуманитарном знании: материалы межвуз. науч. конф. Москва, 22–24 апр. 1997 г. Отв. ред. О. М. Медушевская. – М., 1997. 353 с.

Историческая география России: программа курса для специальностей 020700 – История, 020200 – Политология, 020800 – Историко-архивоведение, 021000 – Музеология. Сост. В. А. Муравьев. Отв. ред. О. М. Медушевская.. – М.: РГГУ, 1997. 17 с.

Источниковедение: теория, история, метод, источники российской истории: учеб. пособие для гуманитар. специальностей. – М.: РГГУ, 1998. 701 с.

Историческая антропология: место в системе социальных наук, источники и методы интерпретации: тез. докл. и сообщений науч. конф. Москва, 4–6 февр. 1998 г. Отв. ред. О. М. Медушевская. – М.: РГГУ, 1998. 251 с.

Ученый совет РГГУ, 1995–1996: сб. док. Сост. О. М. Медушевская и др. Под ред. Ю. Н. Афанасьева и др. – М.: РГГУ, 1998. Вып. 6. 382 с.

Точное гуманитарное знание: традиции, проблемы, методы, результаты: тез. докл. и сообщений науч. конф. Москва, 4–6 февр. 1999 г. – М.: РГГУ, 1999. 163 с.

Генеалогия: программа курса для специальностей № 020700 – История, № 020800 – Историко-архивоведение.

Сост. Е. В. Пчелов. Под ред. О. М. Медушевой. – М.: РГГУ, 1999. 16 с.

Источниковедение: теория, история, метод, источники российской истории: учеб. пособие для гуманитар. специальностей. – М.: РГГУ, 2000. 701 с.

Ученый совет РГГУ, 1997–1998: сб. док. Сост. О. М. Медушевская и др. – М.: РГГУ, 2000. Вып. 7. 537 с.

Методология и теория истории: учеб.-метод. пособие: для специальностей № 020700 – История, № 020200 – Политология, № 020600 – Культурология, № 021700 – Филология, № 020100 – Философия, № 020800 – Историко-архивоведение, № 351400 – Прикладная информатика, № 021000 – Музеология. Сост. О. М. Медушевская и др. – М.: РГГУ, 2001. 40 с.

Историческая антропология: концепция преподавания в РГГУ: учебно-методическое пособие. – М.: РГГУ, 2001.

Научно-педагогическая школа источниковедения Историко-архивного института: сб. – М.: РГГУ, 2001.

Вспомогательные исторические дисциплины: специальные функции и гуманитарные перспективы: тез. докл. и сообщений XIII науч. конф. в честь Е. И. Каменцевой. Москва, 1–2 февр. 2001 г. Под ред. В. А. Муравьева, О. М. Медушевой. – М.: РГГУ, 2001. 212 с.

Пчелов Е. В. Генеалогия древнерусских князей IX – начала XI в. Отв. ред. О. М. Медушевская. – М.: РГГУ, 2001. 262 с.

Я иду на занятия...: лекции по методологии и теории истории: учеб.-метод. модуль. – М.: РГГУ, 2002. 198 с.

Источниковедение: теория, история, метод, источники российской истории: учеб. пособие для гуманитар. специальностей. – М.: РГГУ, 2004. 701 с.

Вспомогательные исторические дисциплины: учеб.-метод. модуль. – М.: РГГУ, Изд-во Исполитова, 2004. 416 с.

Я иду на занятия. Источниковедение. Проблемные лекции. Учебно-методический модуль. Отв. ред. О. М. Медушевская. – М.: РГГУ, 2005. 526 с.

3. Диссертации, защищенные под научным руководством О. М. Медушевской

Истомина Э. Г. Новгородская губерния во второй половине XVIII века: опыт историко-географического исследования: автореф. дисс. ... канд. ист. наук: 579; науч. рук. О. М. Медушевская. – М.: МГИАИ, 1969. 22 с.

Ходаковский Н. И. Источниковедческая эвристика (Проблемы поиска письменных исторических источников): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09; науч. рук. О. М. Медушевская. – М.: МГИАИ, 1977. 25 с.

Даскалова А. К. Классификация и методика изучения источников в СССР и ее практическое значение для источниковедения НРБ (1965–1980 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09; науч. рук. О. М. Медушевская. – М.: МГИАИ, 1980. 24 с.

Авраменко Т. Ф. Комплектование государственных архивов документами по истории общеобразовательной школы (на примере учреждений народного образования г. Москвы и Московской области 1966–1978 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 05.25.02; науч. рук. О. М. Медушевская. – М.: МГИАИ, 1981. 21 с.

Лагутина Е. И. Журнал «Морской сборник» как источник по истории русского военно-морского флота (1848–1905 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09; науч. рук. О. М. Медушевская. – М.: МГИАИ, 1982. 26 с.

Рыбков М. А. Источники для историко-краеведческого изучения (на материалах анализа источников по истории Киева). М., 1982.

Тархова Н. С. Отчетно-информационные документы Политического управления РККА как исторический источник (1921–1929 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09; науч. рук. О. М. Медушевская. – М.: МГИАИ, 1984.

Решетников Н. И. Письменные источники по истории советского общества в общественных музеях Вологодской области. Принципы источниковедческого изучения и проблемы использования (1960–1980-е гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09; науч. рук. О. М. Медушевская. – М.: МГИАИ, 1986. 24 с.

Фам Суан Ханг. Теоретические проблемы анализа письменных источников в современной советской историографии источниковедения (1960–1980-х гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09; науч. рук. О. М. Медушевская. – М.: МГИАИ, 1988.

Быкова Л. А. Родословные книги Тверской губернии 1785–1917 гг. как источник по истории русского провинциального дворянства: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09; науч. рук. А. Л. Станиславский, О. М. Медушевская. – М.: РГГУ, 1993. 32 с.

Воскобойникова Н. В. Источники о революционных событиях в Нижегородской губернии: типология, структура, источниковедческий анализ: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09; науч. рук. О. М. Медушевская. – М.: РГГУ, 1993. 24 с.

Ходаковский Н. И. Моделирование информационных процессов социальной памяти Отечества (архивоведческие аспекты): автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 05. 25. 02; Научный консультант О. М. Медушевская. – М.: РГГУ, 1993. 44 с.

Зайцева Л. П. Знаменная коллекция Центрального музея Вооруженных сил как исторический источник по истории Советской армии (1918–1945 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09; науч. рук. О. М. Медушевская. – М.: РГГУ, 1994.

Лохина Т. В. Рукописная культура русского общества первой трети XIX в.: Источники, проблемы, исследования: авто-

реф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09; науч. рук. О. М. Медушевская. – М.: РГГУ, 1997. 28 с.

Пчелов Е. В. Генеалогия древнерусских князей IX – начала XI в. Источники, проблемы, интерпретации: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09; науч. рук. О. М. Медушевская. – М.: РГГУ, 1997.

Высокова В. В. Законодательные акты конституционного характера стран Запада XVII–XVIII вв. Сравнительно-источниковедческое исследование: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09; науч. рук. О. М. Медушевская. – Екатеринбург, 1997.

Шустова Ю. Э. Документы Львовского Успенского Ставропигийского братаства как исторический источник (1586–1788): Автореф. дис. ... канд. ист. наук; науч. рук. Ю. Н. Афанасьев; науч. консульт. О. М. Медушевская. – М.: РГГУ, 1998. 28 с.

Доманова С. А. Переписка А. Ф. Кони как исторический источник: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09; науч. рук. О. М. Медушевская. – М.: РГГУ, 1999. 30 с.

Чувилова И. В. Формирование художественных коллекций в провинции в первой половине XIX века. Центральный и Поволжский районы. Автореф. Дис. ... канд. ист. наук: 24.00.03. Музееведение, консервация и реставрация историко-культурных объектов; науч. рук. О. М. Медушевская. – М., Рос. ин-т культурологии, 1999.

Горяева Т. М. История советской политической цензуры. автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02; научный консультант. О. М. Медушевская. – М.: РГГУ, 2000. 40 с.

Доан Тхи Хоа. Женщина Вьетнама и России в XV – начале XVII вв.: источниковедческие основы гендерного исследования: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09; науч. рук. О. М. Медушевская. – М.: РГГУ, 2003. 25 с.

4. Труды об О. М. Медушевской и ее идеях

Алеврас Н. Н. Теория источника и образ источниковедения в концепции когнитивной истории О. М. Медушевской // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. – М.: ИВИ РАН, 2013. Вып. 44. С. 79–88.

Ананьев В. Г. О письмах О. М. Медушевской А. И. Андрееву (по материалам ПФА РАН) // Историография источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин: материалы XVII международной конференции. – М., 28–30 января 2010. – М.: РГГУ, 2010. С. 90–101.

Безбордов А. Б. Книга о методе познания реального мира // Вестник архивиста. 1999. № 1(49). С. 151–153.

Беленький И. Л. Путь научного поиска (К юбилею О. М. Медушевской) // Археографический ежегодник за 1992 год. – М.: Наука, 1994. С. 212–220.

Белогуров М. Г. Рецензия на кн.: Медушевская О. М. Современное зарубежное источниковедение: учеб. пособие. (М.: Высш. шк., 1983) // Советские архивы. 1985. № 2. С. 83–85.

Белогуров М. Г. Рецензия на книгу: Медушевская О. М. Современная зарубежная историография и вопросы источниковедения (М.: МГИАИ, 1979) // Советские архивы. 1981. № 1. С. 84–85.

Библиогр. указ. тр. препода. и сотрудников РГГУ за 1992 год. Сост. С. Н. Акимова, А. А. Платонов, А. С. Сенин. Отв. ред. Е. И. Пивовар. – М.: РГГУ, 1993. С. 31.

Библиогр. указ. тр. препода. и сотрудников РГГУ за 1993 год. Сост. Л. Н. Простоволосова, А. С. Сенин. – М.: РГГУ, 1994. С. 69–70.

Булатов А. Странная история старинных карт России в советские годы // Антиквариат, предметы искусства и коллекционирования. 2012. № 6 (97) июнь. С. 42.

Временич Я. В. Локальность в системе понятий исторической науки // Российская история. 2011. № 6. С. 166–172.

Высокова В. В. Отечественное источниковедение: О. М. Медушевская // Россия и мир: панорама исторического развития. – Екатеринбург, 2008. С. 410–420.

Высокова В. В. Рец. на кн.: Медушевская О. М. Теория и методология когнитивной истории // Imagines Mundi: альманах исследований всеобщей истории XVI–XX вв. № 7. Сер. Интеллектуальная история. Вып. 4. – Екатеринбург, 2010. С. 399–404.

Высокова В. В. «Чтобы свеча не угасла»: о преемственности в исторической науке // Когнитивная история. Концепция – методы – исследовательские практики. – М.: РГГУ, 2011. С. 128–151.

Высокова В. В. История когнитивная/ История интеллектуальная: различия и точки соприкосновения // Историческое познание и историографическая ситуация на рубеже XX–XXI вв. – М., 2012. С. 167–177.

Вспомогательные исторические дисциплины – источниковедение – методология истории в системе гуманитарного знания. Сборник памяти Ольги Михайловны Медушевской. – М.: РГГУ, 2008.

Гольденберг Л. А. Рец на кн: Атлас географических открытий в Сибири и в Северо-Западной Америке XVII–XVIII вв. (М., Наука, 1964) // Вопросы истории. 1965. № 2. С. 151–154.

Давыдов Б. Б. О работе О. М. Медушевской в читальном зале ЦГВИА СССР // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании. Материалы XXV Международной научной конференции. Москва 31 января – 2 февраля 2013 г. – М.: РГГУ, 2013. Ч. II. С. 286–288.

Елпатьевский А. В. Комментарий архивиста // Отечественные архивы. 1995. № 2. С. 13–14.

Илизаров Б. С. Рец. на кн.: Медушевская О. М. Теоретические проблемы источниковедения (М.: МГИАИ, 1977) // История СССР. 1979. № 3. С. 194–195.

Илизаров Б. С. Рец. на кн.: Современное зарубежная историография и вопросы источниковедения (М.: МГИАИ, 1979) // История СССР. 1979. № 3.

Илизаров С. С. Рец. на кн.: Медушевская О. М. Источниковедение социалистических стран (М.: МГИАИ, 1985) // Советские архивы. 1987. № 6. С. 88–90.

Информация об обсуждении пособия О. М. Медушевской на кружке источниковедения истории СССР в МГИАИ // Советские архивы. 1978. № 4. С. 124.

Ионов И. Н. Проект «когнитивной истории»: археология и экология идей (Размышления над очередной публикацией работ О. Медушевской) // Общественные науки и современность. 2015. № 2. С. 84–95.

Историки России. Кто есть кто в изучении отечественной истории. Биобиблиографический словарь. Науч. ред. В. А. Динес. Автор-составитель А. А. Чернобаев. – Саратов: Летопись, 1998.

Историки России. Кто есть Кто в изучении российской истории. Биобиблиографический словарь. Автор-составитель А. А. Чернобаев. – Саратов: Летопись, 2008.

Историография истории России: учеб. пособие для бакалавров. Под ред. А. А. Чернобаева. – М.: Юрайт, 2010 (2-е изд. М., 2014).

История и историки в пространстве национальной и мировой культуры XVIII–XXI веков. Сб. ст. – Челябинск, 2011.

История и философия отечественной исторической науки. Науч. ред. Р. Г. Пихоя, А. А. Чернобаев. – М., 2006.

Казаков Р. Б. Источниковедение и компаративный метод в гуманитарном знании: обзор докл. науч. конф. в РГГУ 29–31 янв. 1996 г. // Отечественные архивы. 1996. № 3. С. 113–116.

Казаков Р. Б. Учебник по источниковедению: о презентации в РГГУ учеб. пособия «Источниковедение: теория, история, метод, источники российской истории» // Отечественные архивы. 1999. № 2. С. 108.

Казаков Р. Б., Румянцева М. Ф. Конференция памяти О. М. Медушевской в Историко-архивном институте // Отечественная история. 2008. № 4. С. 205–207.

Казаков Р. Б., Румянцева М. Ф. О. М. Медушевская и формирование российской школы теоретического источниковедения // Российская история. 2009. №1. С. 141–150.

Казаков Р. Б., Румянцева М. Ф. Научное наследие Ольги Михайловны Медушевской // Медушевская О. М. Теория исторического познания. Избранные произведения. – СПб.: Университетская книга, 2010. С. 534–564.

Казаков Р. Б., Румянцева М. Ф. Научное наследие Ольги Михайловны Медушевской // Когнитивная история: концепция – методы – исследовательские практики: Чтения памяти профессора Ольги Михайловны Медушевской: (ст. и материалы). – М.: РГГУ, 2011.

Когнитивная история: концепция – методы – исследовательские практики: Чтения памяти профессора Ольги Михайловны Медушевской: (ст. и материалы). – М.: РГГУ, 2011. 506 с.

Концепция когнитивной истории: интеллектуальные источники, место в структуре современного гуманитарного знания, перспективы развития. «Круглый стол» в РГГУ 13 окт. 2012 г., посвященный 90-летию со дня рождения О. М. Медушевской // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. – М.: ИВИ РАН, 2013. Вып. 44.

Круглый стол по книге О. М. Медушевской «Теория и методология когнитивной истории» // Российская история. 2010. № 1. С. 131–166.

Круглый стол: «Знание о прошлом в современной культуре» // Вопросы философии. 2011. № 8. С. 3–45.

Кто есть кто в РГГУ: крат. биограф. справ. Отв. сост. А. С. Сенин. – М.: РГГУ, 1997. С. 129.

Кто есть кто в РГГУ: крат. биограф. справ. Сост. С. И. Голотик, С. М. Пчеляная, А. С. Сенин. – М.: РГГУ, 1993. С. 161.

Лапшов Б. Рец. на кн.: Медушевская О. М. Современное зарубежное источниковедение: учеб. пособие (М.: Высш. шк., 1983) // Общественные науки в СССР. РЖ. История. – М.: ИНИОН, 1984. № 5. С. 31–33.

Лаптева М. П. Интеллектуальный контекст методологических «поворотов» гуманитарного знания рубежа XX–XXI веков // История и историки в пространстве национальной и мировой культуры XVIII–XXI веков. Сб. ст. – Челябинск, 2011. С. 12–20.

Логунов А. П. Научная программа «Исторические науки». Председатель координационного совета Ю. Н. Афанасьев // Гуманитарные науки. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1995. С. 11–25. (Программа «Университеты России»; напр. II: Университеты как центры фундамент. исслед.).

Лукьянов Д. В. Когнитивизм и историческое познание // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. – М.: ИВИ РАН, 2013. Вып. 44. С. 34–43.

Лукьянов Д. В. «Когнитивная революция» в современном историческом познании // Будущее нашего прошлого: мат. науч. конф. Москва, 15–16 июня 2011 г. Отв. ред. А. П. Логунов. – М.: РГГУ, 2011. С. 179–193.

Лукьянов Д. В. Рец. на кн.: Медушевская О. М. Теория и методология когнитивной истории (М.: РГГУ, 2008) // Новая и новейшая история. 2011, № 3. С. 240–243.

Маловичко С. И. Феноменологическая концепция источниковедения как теоретическая основа источниковедения историографии // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. – М.: ИВИ РАН, 2013. Вып. 44.

Маловичко С. И., Орлов И. Б. XI Астаховские чтения // Российская история. 2011. № 3. С. 202–203.

Мануильский М. А. Рец. на кн.: Медушевская О. М. Пространство и время в науках о человеке. Избранные труды (М.: Центр гуманитарных инициатив, 2012) // Человек. 2014. № 5. С. 175–178.

Мануильский М. А. Рец. на кн.: Медушевская О. М. Пространство и время в науках о человеке. Избранные труды (М.: Центр гуманитарных инициатив, 2012) // Вестник Российской Академии Наук. 2014. Т. 84. № 12. С. 1140–1141.

Медведев А. П. О новой книге О. М. Медушевой «Теория и методология когнитивной истории» (М., РГГУ, 2008) // Вестник ВГУ Серия История, Политология, Социология. 2012. № 12. С. 168–172.

Медушевская О. М. // Историки России. Кто есть кто в изучении отечественной истории. Биобиблиографический словарь. Сост. А. А. Чернобаев. – Саратов: Летопись, 1998. С. 226.

Медушевская О. М. // Историки России. Кто есть кто в изучении отечественной истории. Биобиблиографический словарь. Сост. А. А. Чернобаев. – Саратов: Летопись, 2008. С. 226.

Медушевская О. М. // Историки России. Биографии. Сост. и отв. ред. А. А. Чернобаев. М., 2001.

Медушевская О. М. // Россия-2000. Современная политическая история, 1985–1999. Т. 2. Лица России. Справочно-энциклопедическое издание. – М., 2000. С. 594.

Медушевская О. М. // Биографическая статья в Википедии – электронной энциклопедии.

Медушевская О. М. // Кто есть кто в РГГУ. – М.: РГГУ, 2000.

Медушевская О. М. // Лица России. Энциклопедический словарь. Под ред. А. И. Подберезкина. – М.: РОССПЭН, 2000.

Медушевская Ольга Михайловна // Историки России. Иконография. Отв. ред. А. А. Чернобаев. – М.: Собрание, 2015. Кн. 3. С. 264–279.

Медушевская Ольга Михайловна: фотолетопись // Исторический архив. 2010. № 3. С. 112–127.

Медушевская Ольга Михайловна // Энциклопедия. Всемирная история: w. histrf. ru/ about

Медушевский А. Н. Когнитивно-информационная история как новая философская парадигма гуманитарного познания // Вопросы философии. 2009. № 10. С. 70–92.

Медушевский А. Н. Выступление за круглым столом: «Знание о прошлом в современной культуре»: «Круглый стол» // Вопросы философии. 2011. № 8. С. 3–45.

Медушевский А. Н. Диалог культур: когнитивная теория и аналитическая история // XI Международные Лихачевские научные чтения 12–13 мая 2011 г. – СПб., 2011. Т. 1. С. 362–365.

Медушевский А. Н. Диалог культур: когнитивная теория и аналитическая история // Диалог культур в условиях глобализации. XI Международные Лихачевские чтения 12–13 мая 2011 года. – СПб., 2011. Т. 2 (Материалы). С. 87–88.

Медушевский А. Н. Диалог культур: Пространство, время и смысл существования в науках о человеке (Презентация книг О. М. Медушевской) // Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты. Ежегодник ИНИОН РАН (Центр гуманитарных научно-информационных исследований). Ред.-сост. С. Я. Левит. – М.: ИНИОН РАН, 2014. С. 204–213.

Медушевский А. Н. Диалог культур: пространство, время и смысл существования в науках о человеке (Презентация книг О. М. Медушевской) // Гуманитарное знание и вызовы времени. – СПб.: Центр гуманитарных инициатив – Университетская книга, 2014. С. 273–281.

Медушевский А. Н. Когнитивная теория права и юридическое конструирование реальности // Сравнительное конституционное обозрение. 2011. № 5 (84). С. 30–42.

Медушевский А. Н. Когнитивно-информационная парадигма гуманитарного познания как основа аналитической истории // Запад-Россия-Восток в исторической науке XXI века. – Саратов: ИЦ «Наука», 2010. Ч. 1. С. 20–31.

Медушевский А. Н. Когнитивно-информационная теория в современном гуманитарном познании // Российская история. 2009. №4. С. 3–22.

Медушевский А. Н. Когнитивно-информационная теория в современном гуманитарном познании // Медушевская О. М. Теория исторического познания. Избранные произведения. – СПб.: Университетская книга, 2010. С. 503–533.

Медушевский А. Н. Когнитивно-информационная теория в социологии, истории и антропологии // Человек. Образ и сущность. Когнитология и гуманитарное знание. М.: ИНИОН, 2010. С. 226–250.

Медушевский А. Н. Ольга Михайловна Медушевская: вехи научной биографии // Отечественные архивы. 2013. № 1. С. 11–20.

Медушевский А. Н. Ольга Михайловна Медушевская: интеллектуальный портрет // Археографический ежегодник за 2007–2008 годы. – М.: Наука, 2012. С. 198–222.

Медушевский А. Н. Ольга Михайловна Медушевская: интеллектуальный портрет // Медушевская О. М. Пространство и время в науках о человеке. – М.-СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2013. С. 7–48.

Медушевский А. Н. Проблемы исторической географии в научном творчестве О. М. Медушевской // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании. Материалы XXVIII Международной научной конференции. Москва, 14–16 апреля 2016 г. – М.: Аквилон, 2016. С. 40–45.

Медушевский А. Н. Строгая и точная наука. Беседа с Главным редактором журнала «Российская история» // История. Научно-методический журнал для учителей истории и обществоведения. 2011. № 16 (Ноябрь). С. 32–35.

Медушевский А. Н. Теория когнитивной истории и формирование научной картины мира // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. – М., ИВИ РАН, 2013. Вып. 44. С. 16–25.

Медушевский А. Н. Теория О. М. Медушевской и смена парадигм в современном гуманитарном познании // Вспомогательные исторические дисциплины и источниковедение: современные исследования и перспективы развития: Материалы XXVII Международной научной конференции. Москва 9–11 апреля 2015. – М.: РГГУ, 2015. С. 64–69.

Медушевский А. Н., Сабенникова И. В. Мастера русской историографии: Ольга Михайловна Медушевская: фотолетопись // Исторический архив. 2010. № 3. С. 112–127.

Мининков Н. А. «История историка» в концепции когнитивной истории О. М. Медушевской // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. – М.: ИВИ РАН, 2013. Вып. 44. С. 104–111.

Мининков Н. А. Рец. на книгу О. М. Медушевской – «Теория и методология когнитивной истории» (М.: РГГУ, 2008) // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. – М.: ИВИ РАН, 2009. Вып. 28. С. 358–366.

Миц С. С. Источниковедение эпохи Постмодерна. Приметы новой парадигмы // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. – М.: ИВИ РАН, 2013. Вып. 44. С. 69–78.

Миронов Б. Н. Новая апология истории (Размышления над книгой О. М. Медушевской) // Общественные науки и современность. 2011. № 1. С. 139–148.

Московский ордена «Знак Почета» государственный историко-архивный институт, 1930–1980: сб. док. и материалов. Сост.

Д. М. Эпштейн и др. Отв. ред. Н. П. Красавченко. – Пермь: Кн. изд-во, 1984. С. 24, 35, 175, 186, 283, 290.

Наука в РГГУ (1991–1995 гг.): ежегод. спр.-инф. изд. Сост. Л. Н. Простоволосова и др. Отв. ред. Ю. Н. Афанасьев. – М.: РГГУ, 1995. С. 21, 25, 82, 103, 105, 106, 110, 129, 132, 201, 202.

Новое учебное пособие по источниковедению: взгляд специалистов // Отечественные архивы. 1999. № 5. С. 91–109.

О торжественном заседании Совета Историко-архивного института в честь Ольги Михайловны Медушевой // Вестник архивиста. 2002. № 6(72). С. 339–341.

Памяти О. М. Медушевой: некролог // Отечественные архивы. 2008. № 1. С. 139–140 (Без подп.).

Памяти О. М. Медушевой // Отечественная история. 2008. № 3. С. 214–216.

Плавская Е. В. Чтения памяти профессора кафедры источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин Ольги Михайловны Медушевой в Историко-Архивном институте // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2009, № 4. С. 311–314.

Плавская Е. В., Румянцева М. Ф. Международная научная конференция «Чтения памяти профессора О. М. Медушевой» // Российская история. 2009. № 6. С. 199–202.

Плискевич Н. «В историческом процессе всего интереснее человек...». О. М. Медушевская. Пространство и время в науках о человеке (М.–СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2013) // «Знамя». 2014. № 9.

Подготовка историков-архивистов (К выходу в свет сборника нормативно-методических документов по специальности «Историко-архивоведение») // Отечественные архивы. – 2004. – № 5. – С. 55–72.

Поршнева О. С. Междисциплинарные методы в историко-антропологических исследованиях: Учеб. пособие. – Екатеринбург: Изд-во Урал. Ун-та, 2005.

Пчелов Е. В. Ольга Михайловна Медушевская: некролог // Генеалогический вестник: журн. творческого объединения Рус. генеалог. о-ва. 2007. Вып. 31. С. 98–100.

Пчелов Е. В. Ольга Михайловна Медушевская: некролог // Семинар по геральдике и вспомогательным историческим дисциплинам: науч.-инф. изд. Семинара по геральдике и вспомогат. ист. дисциплинам в Ист.-арх. ин-те РГГУ: бюллетень. 2007. № 40. С. 4–5.

Румянцева М. Ф. История как строгая наука в интерпретации О. М. Медушевской // Развитие методологических исследований и подготовка кадров историков в Республике Беларусь, Российской Федерации и Республике Польша. Сб. науч. ст. М., 2012. С. 17–20.

Румянцева М. Ф. К юбилею Ольги Михайловны Медушевской // Отечественные архивы. 1997. № 5. С. 38–42.

Румянцева М. Ф. Концепция когнитивной истории Ольги Михайловны Медушевской: приглашение к дискуссии // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. М.: ИВИ РАН, 2013. Вып. 44. С. 6–15.

Румянцева М. Ф. Рец. на кн.: Медушевская О. М. Теория и методология когнитивной истории (М., РГГУ, 2008) // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2009, № 4. С. 294–299.

Румянцева М. Ф. Феноменологическая концепция источниковедения в интерпретации Ольги Михайловны Медушевской // Вестник РГГУ, 2009, № 4 (Ч. 1); 2010, № 7 (Ч. 2).

Русина Ю. А. Методология источниковедения. Учеб. пособие. – Екатеринбург: Изд. Уральск. ун-та, 2015.

Сабенникова И. В. Презентации книги О. М. Медушевской – Теория исторического познания (СПб: Университетская

книга, 2010) в ИНИОН РАН // Вестник архивиста. 2010. № 3. С. 303–311.

Сабенникова И. В. Рец. на кн.: Медушевская О. М. Теория и методология когнитивной истории (М.: РГГУ, 2008) // Российская история. 2009. № 2. С. 177–179.

Сабенникова И. В. Рец. на кн.: Медушевская О. М. Теория исторического познания. Избранные произведения (СПб.: Университетская книга, 2010) // Российская история. 2011. № 1. С. 205–207.

Сабенникова И. В. Теория когнитивной истории О. М. Медушевской и антропологический метод в современном гуманитарном познании // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. – М.: ИВИ РАН, 2013. Вып. 44. С. 44–52.

Сабенникова И. В. Теория когнитивной истории О. М. Медушевской: точное гуманитарное знание и профессиональный выбор научного сообщества // Вестник РУДН. Серия История России. 2015. № 2. С. 17–27.

Степанский А. Д. «Источниковедческая компаративистика и историческое построение». Научная конференция в честь профессора О. М. Медушевской в ИАИ РГГУ // Вестник архивиста. 2003. № 2(74). С. 289.

Стоянов Ж. [Желязко Стоянов] Рецензия на кн.: Медушевская О. М. Современное зарубежное источниковедение: учеб. пособие. (М.: Высш. шк., 1983) // Исторический преглед. 1985. № 2. С. 88–92.

Строгая и точная наука. Беседа с главным редактором журнала «Российская история» // История. 2011. № 16 (ноябрь). С. 32–35.

Точное гуманитарное знание: традиции, проблемы, методы, результаты // Отечественные архивы. 1999. № 2. С. 111–113.

Хорхордина Т. И. О. М. Медушевская и гуманитарное архивоведение // Когнитивная история: концепция – методы – исследовательские практики: Чтения памяти профессора Ольги Михайловны Медушевской: (ст. и материалы). – М.: РГГУ, 2011. С. 47–53.

Чернобаев А. А. Преемственность и новаторство русской историографической традиции XX-начала XXI в. (Размышления о книге: Медушевская О. М. Пространство и время в науках о человеке: Избранные труды. – М.–СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2013 (Серия – «Humanitas»). 463 С.) // Клио. Журнал для ученых. 2014. № 5(89). С. 145–147.

Шелохаев В. В. Рецензия на книги: О. М. Медушевская. Теория и методология когнитивной истории (М.: РГГУ, 2008); О. М. Медушевская. Теория исторического познания. Избр. произведения (СПб.: Университетская книга. 2010) // Вопросы истории. 2010. № 12. С. 163–164.

Шмидт С. О. Ольга Михайловна Медушевская как профессор Историко-Архивного Института // Когнитивная история: концепция – методы – исследовательские практики: Чтения памяти профессора Ольги Михайловны Медушевской: (ст. и материалы). – М.: РГГУ, 2011. С. 37–46.

Шустова Ю. Э. «Учитель-ученик: преемственность научных школ и педагогических традиций»: Круглый стол в Историко-архивном институте РГГУ, посвященный 90-летию со дня рождения проф. О. М. Медушевской // Отечественные архивы. 2012. № 6. С. 121–123.

Юбилей О. М. Медушевской // Аудитория: ежемес. газ. Рос. гос. гуманитар. ун-та. 2002. Ноябрь. Numero zero. С. 3.

Юрьев Е. [Наумов Е. Ю.] Заседание кружка источниковедения МГИАИ: обсуждение книги: Медушевская О. М. Теоретические проблемы источниковедения (М.: МГИАИ, 1977) // Советские архивы. 1978. № 4. С. 124.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>А. Н. Медушевский. ТЕОРИЯ О. М. МЕДУШЕВСКОЙ И СМЕНА ПАРАДИГМ В СОВРЕМЕННОМ ГУМАНИТАРНОМ ПОЗНАНИИ, ОБРАЗОВАНИИ И ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ</i>	5
1. Когнитивная теория истории и формирование научной картины мира.....	6
2. Теория когнитивной истории как новая парадигма современной российской историографии	7
3. Этапы развития научных взглядов О. М. Медушевской: от теории источниковедения к когнитивной истории.....	18
4. Понимание и объяснение: переход к новой познавательной деятельности	22
5. Качество информации как категория когнитивной теории.....	24
6. Методология истории как теоретическое источниковедение	28
7. Наука и гуманитарное образование.....	30
8. Научно-образовательные программы нового поколения: методология истории, источниковедение, вспомогательные исторические дисциплины.....	32
КОГНИТИВНО-ИНФОРМАЦИОННАЯ МОДЕЛЬ ОБРАЗОВАНИЯ В НАУКАХ О ЧЕЛОВЕКЕ.....	38
ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК – ОСНОВА ГУМАНИТАРНОГО ПОЗНАНИЯ.....	50
ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКОЕ НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ: ГУМАНИТАРНОЕ ЗНАНИЕ КАК СТРОГО НАУЧНОЕ.....	62
ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ В СИСТЕМЕ ГУМАНИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ. Концепция и программа курса	94

ИСТОРИК И АРХИВИСТ: СФЕРЫ ПОЗНАНИЯ ИМИ ПРОШЛОГО	120
1. Введение, постановка вопроса.....	120
1.1. Познание прошлого как эпистемологическая проблема	120
1.2. Наблюдать или изучать: прошлое как фиксированная реальность	121
2. Центробежные тенденции в гуманитарном познании XX века	122
2.1. Динамика профессии архивиста.....	122
2.2. Хранитель национальной исторической памяти ..	123
2.3. Приоритеты научно-технического века	123
2.4. Смысл профессии	124
2.5. Динамика профессии историка	125
2.6. Вызов глобальной истории	127
2.7. Типологический подход к документу-источнику ..	128
2.8. Альтернативный путь: история создается историком?	130
2.9. Воспроизведение прошлого в сознании историка?	132
3. Центростремительные тенденции гуманитарного познания	136
3.1. «Признание чужой одушевленности».....	136
3.2. Интертекстуальность и постмодернизм.....	137
3.3. Деконструктивизм и исторический нарратив.....	138
3.4. Документальное наследие как культурный феномен	139
4. Заключение	140
АРХИВОВЕДЕНИЕ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ: ЕДИНСТВО И РАЗЛИЧИЕ КАК ПРОБЛЕМА МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ	143
1. Междисциплинарное взаимодействие как актуальная научоведческая проблема	143

2. Источниковедческая парадигма методологии гуманитарного познания	144
3. Архивный документ и исторический источник.....	145
4. Между наукой и администрацией: проблема в динамике социального развития	146
5. Выводы.....	147
АРХИВНЫЙ ДОКУМЕНТ, ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК В РЕАЛЬНОСТИ НАСТОЯЩЕГО.....	149
АРХИВНОЕ ПРАВО И НОВАЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ МОДЕЛЬ ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ.....	157
ИСТОРИЧЕСКИЙ МЕТОД И СОВРЕМЕННОЕ ГУМАНИТАРНОЕ ПОЗНАНИЕ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ, ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ, ПРЕПОДАВАНИЕ. Научный доклад	165
ИДЕЯ РГГУ.....	172
ИНТЕРВЬЮ ОЛЬГИ МИХАЙЛОВНЫ МЕДУШЕВСКОЙ ГАЗЕТЕ «АУДИТОРИЯ».....	175
ФЕНОМЕНОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ: КОНЦЕПЦИЯ А. С. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКОГО В ГУМАНИТАРНОМ ПОЗНАНИИ НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ.....	180
1. Теоретико-познавательная ситуация в гуманитаристике новейшего времени: альтернативные пути ее осмысления.....	182
2. От профессиональной самоизоляции к единству наук о человеке.....	207
3. Методология антропологически ориентированных гуманитарных наук	215
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ 20-Х – НАЧАЛА 30-Х ГОДОВ.....	231

ИСТОРИЯ НАУКИ КАК ДИНАМИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС. К 120-летию со дня рождения А. И. Андреева	263
А. В. ЧЕРЕПНИН И СТАНОВЛЕНИЕ НАУКИ ОБ ИСТОЧНИКАХ.....	282
О ПРОГРАММЕ КУРСА «ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ ИСТОРИИ СССР» И ВИДОВОМ ПРИНЦИПЕ КЛАССИФИКАЦИИ ИСТОЧНИКОВ	290
О СТРУКТУРЕ КУРСА ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ ИСТОРИИ СССР В МГИАИ	296
ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ: ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, МЕТОД: Программа курса.....	303
1. Введение.....	305
2. История источниковедения	306
3. Теория и метод источниковедения	314
Литература	317
Тематический план курса.....	322
Контрольные вопросы по курсу.....	323
ЗАРУБЕЖНОЕ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ:	
Программа курса.....	324
Введение. Основные понятия и категории зарубежного источниковедения	325
Раздел I. Источниковедческие проблемы в науке и образовании в новое время.....	326
Раздел II. Источниковедческие проблемы в науке и образования новейшего времени	327
Раздел III. Наука о человеке и ее источниковедческая составляющая. Современные проблемы и перспективы	328
Раздел IV. Источники по истории Европы и Америки с древнейших времен до XX в.....	329
Источники и литература	331
Контрольные вопросы по курсу.....	340
Тематический план.....	341

ПРАВОВОЕ СОЗНАНИЕ КАК ПРЕДМЕТ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ: ИСТОЧНИКИ И МЕТОДЫ ИЗУЧЕНИЯ РОССИЙСКОГО МЕНТАЛИТЕТА.....	342
МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОРИИ: программа курса.....	345
Введение	347
Тема 1. Онтологические и гносеологические проблемы методологии истории в научной мысли нового и новейшего времени	348
Тема 2. Историк в науке и обществе: выбор проблемы	351
Тема 3. От проблемы к произведению. Источник, историк и исторический факт. Методология источниковедения	352
Тема 4. Методология исторического синтеза	353
Литература.....	354
Контрольные вопросы по курсу	359
Темы рефератов по курсу «Методология истории»	361
ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОРИИ КАК УНИВЕРСИТЕТСКАЯ ДИСЦИПЛИНА	363
ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ДИСЦИПЛИНЫ: ОСОБАЯ СИСТЕМА МЕТОДОВ ГУМАНИТАРНОГО ПОЗНАНИЯ.....	368
ГЕНЕАЛОГИЯ В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОГО ЗНАНИЯ.....	371
ГЕНЕАЛОГИЯ В ЗАРУБЕЖНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ....	377
ФЕНОМЕН ПИСЬМА И ПАЛЕОГРАФИЧЕСКИЙ МЕТОД В НАУКАХ О ЧЕЛОВЕКЕ	389
ПРОБЛЕМА АВТОРСТВА В ИСТОЧНИКОВЕДЕНИИ	392
МОНОГРАФИЯ О СОВРЕМЕННЫХ ДОКУМЕНТНЫХ КЛАССИФИКАЦИЯХ.....	394

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ ИСТОРИИ СССР: Учебник для высшей школы	400
АУДИОВИЗУАЛЬНЫЕ АРХИВЫ НА РУБЕЖЕ XX–XXI ВЕКОВ (отечественный и зарубежный опыт)	408
ИСТОРИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ И АНТРОПОЛОГИЧЕСКИ ОРИЕНТИРОВАННАЯ ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ: ИНТЕГРАЦИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПРОГРАММЫ	414
1. Постановка проблемы	414
2. Синтез трех направлений	415
3. Источниковедческая проблематика в гуманитарном знании	416
4. Источниковедческая теоретическая концепция	416
5. Антропология как «антидисциплина»	417
6. Антропология и историческая наука: от очевидности различия к сознанию общности	418
7. Историческая антропология	418
8. Проблемы метода историко-антропологических исследований	419
ВЕЩЬ В КУЛЬТУРЕ: ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЙ МЕТОД ИСТОРИКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ: ПРОГРАММА КУРСА	421
Пояснительная записка	421
Введение	423
1. Теоретические основы источниковедения вещественных источников	423
2. Предмет, задачи и структура курса	426
3. Методы изучения источников по истории менталитета эпохи	428
4. Источники российской истории и методы их анализа	431

4.1. Законодательные источники	431
4.2. Летописи.....	434
4.3. Произведения поучительной литературы и публицистики	435
4.4. Таможенные книги	437
4.5. Акты	438
4.6. Записки иностранцев XVI–XVIII вв.	440
4.7. Публицистика XVIII в.....	442
4.8. Мемуары.....	442
4.9. Картографические документы	445
5. Перспективы системного подхода к изучению вещевых реалий	445
Список источников и литературы	446
Тематический план курса	449
Контрольные вопросы по курсу	450
ЕДИНСТВО ЧЕЛОВЕКА В СВЕТЕ ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ МЕТОДОЛОГИИ ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ.....	
<i>С. О. Шмидт . ОЛЬГА МИХАЙЛОВНА МЕДУШЕВСКАЯ КАК ПРОФЕССОР ИСТОРИКО-АРХИВНОГО ИНСТИТУТА.....</i>	454
<i>Т. И. Хорхордина. О. М. МЕДУШЕВСКАЯ И ГУМАНИТАРНОЕ АРХИВОВЕДЕНИЕ.....</i>	464
<i>А. А. Чернобаев. О. М. МЕДУШЕВСКАЯ: ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ И НОВАТОРСТВО РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ XX – НАЧАЛА XXI ВЕКА</i>	472
<i>И. В. Сабенникова. ТЕОРИЯ КОГНИТИВНОЙ ИСТОРИИ О. М. МЕДУШЕВСКОЙ: ТОЧНОЕ ГУМАНИТАРНОЕ ЗНАНИЕ И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ВЫБОР НАУЧНОГО СООБЩЕСТВА.....</i>	482
1. Теория когнитивной истории О. М. Медушевской и антропологический метод в современном гуманитарном познании	496

2. Вклад теории когнитивной истории в методологию антропологически ориентированного гуманитарного познания.....	497
3. Смена парадигм в исторической науке и выбор научным сообществом стратегии развития.....	501
4. Актуальность антропологической составляющей гуманитарного познания и образования.....	504
«КРУГЛЫЙ СТОЛ» ПО КНИГЕ О. М. МЕДУШЕВСКОЙ «ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ КОГНИТИВНОЙ ИСТОРИИ»	508
СПИСОК ТРУДОВ О. М. МЕДУШЕВСКОЙ И ТРУДОВ О ЕЕ НАУЧНОЙ И ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	596
1. Список трудов О. М. Медушевой	596
2. Труды, в которых О. М. Медушевская выступала научным руководителем, редактором и (или) составителем	633
3. Диссертации, защищенные под научным руководством О. М. Медушевой	641
4. Труды об О. М. Медушевской и ее идеях.....	644

Ольга Михайловна Медушевская

Собрание сочинений в 4 томах

Том 4

Научно-педагогическая школа

Ответственный редактор *А. Иванова*
Верстальщик *Е. Семенова*

Издательство «Директ-Медиа»
117342, Москва, ул. Обручева, 34/63, стр. 1
Тел./факс + 7 (495) 334-72-11
E-mail: manager@directmedia.ru
www.biblioclub.ru

Отпечатано в ООО «МЭЙЛ ТЕКНОЛОДЖИ»
142172, г. Москва, г. Щербинка,
ул. Космонавтов, д.16